

Кельтские мифы

bibliotheca mythologica



Екатеринбург
У-Фактория
2006

Серия «Bibliotheca mythologica»

Составитель *В. Харитонов*

Перевод с английского

Л. И. Володарской

К 34 Кельтские мифы: Валлийские сказания; Ирландские сказания / Пер. с англ. Л. И. Володарской. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 496 с. (Серия «Bibliotheca mythologica»).

ISBN 5-9709-0219-5

ББК 82.3(0)

Переложения древних кельтских сказаний, выполненные леди Шарлоттой Гест (1812—1895) («Мабиногион») и леди Изабеллой Августой Грегори (1852—1932) («Ирландские сказания»). Обе части книги снабжены послесловиями переводчика.

© У-Фактория, 2006

© Володарская Л. И.,
перев. на рус. яз., 2004

© Прокофьев К., Касьяненко А.,
обложка, макет, 2006

ISBN 5-9709-0219-5

Валлийские сказания



Часть I

Пуихл, король Даведа

Короля Даведа звали Пуихлом, и он был господином над семью округами Даведа. Как-то раз, отдыхая в своем главном дворце в Нарберте, он задумал поохотиться и избрал для этого Глин Ких. Не медля нимало, он в тот же вечер выехал из Нарберта и на ночь остановился в Хлуин Диарвиде. Поутру он уже был в Глин Кихе, на опушке леса спустил собак, затрубил в рог — и пошло веселие. Псы мчались что было мочи, Пуихл за ними, и вскоре свита потеряла его из виду. Когда он остановился и прислушался, то лай был впереди и сбоку, только сбоку собаки лаяли совсем не так, как те, что бежали впереди.

Наконец между деревьями показался просвет, и Пуихл нашел свою свору, которая ждала его на краю большого поля. Тотчас справа появились олень и другая свора. Половину пути не добежал олень до леса, когда его догнали и повалили наземь сверкавшие белой шерстью и красными ушами псы, подобных которым король не видел во всю свою жизнь.

Пуихл подъехал поближе и, отгоняя чужих собак, стал натравливать на оленя своих.

Тем временем прискакал на светло-сером жеребце-великане всадник в охотничьем платье из серой шерсти и с охотничьим рогом на шее.

Он сказал:

— Вождь, я знаю, кто ты, но не хочу тебя приветствовать.

— Наверно, — ответил Пуихл, — твое звание не позволяет тебе первым приветствовать меня.

— Нет, дело не в звании.

— В чем же я виноват?

— Клянусь небом, тебе неведомы законы приличия.

— В чем я виноват, вождь?

— Нет ничего хуже, чем отгонять от добычи чужих псов и натравливать на нее своих. В этом ты виноват, и хотя я мог бы тебя отпустить, клянусь небом, даже сто оленей не стоят того позора, которым я тебя заклеймлю!

— Ты прав, вождь, но позволь мне искупить зло и стать твоим другом.

— Чем же ты искупишь зло?

— Чем положено по твоему званию, но мне неведомо, кто ты.

— В своей стране я — коронованный король.

— Пусть удача сопутствует тебе, господин. Но откуда ты и как тебя зовут?

— Я — король Аннувина¹, и зовут меня Араун.

— Господин, — спросил Пуихл, — чем мне заслужить твою дружбу?

— Ты заслужишь мою дружбу, — сказал король, — если победишь Хавгана. Его владения рядом с моими, и он все время нападает на меня. Избавь меня от него. Тебе это не составит труда. И я буду тебе другом.

— Я с радостью. Скажи только, как это сделать.

— Скажу. Но знай, я не прошу о невозможном. И, клянусь, я буду тебе преданным другом. Ты поедешь в Аннувин вместо меня, и самая прекрасная дама в Аннувине станет твоей. Я сделаю так, чтобы все принимали тебя за меня и чтобы ни один паж и ни один воин не усомнился в том, что ты — это я. Так, начиная с завтрашнего дня, пройдет год, а через год мы встретимся здесь.

— Будь по-твоему, — согласился Пуихл, — но как мне узнать врага?

— Ровно через год мы поклялись сойтись у реки, и ты явишься в моем обличье и покончишь с ним одним ударом. Однако берегись. Если он попросит тебя ударить его еще раз, не делай этого, как бы он не просил. Я вот не утерпел, и он взял надо мной верх.

— Но скажи, как мне оставить на год мое королевство? — спросил Пуихл.

¹ Аннувином кельты называли подземный мир, преисподнюю.

— Ни один твой подданный, ни один мужчина и ни одна женщина, не узнают, что я — не ты, пока я буду править в твоём королевстве.

— Тогда у меня нет причин отказывать тебе, и я отправляюсь в путь.

— Желаю тебе удачи, — сказал Араун. — Пусть будет прямой твоя дорога. И позволь мне проводить тебя до границы моего королевства.

Араун скакал рядом с Пуихлом, пока не показался дворец.

— Отныне мой двор и все мое королевство в твоей власти. Иди смело во дворец. Никто не узнает в тебе чужака. Только советую тебе сначала приглядеться к нашим обычаям, а уж потом поступай как знаешь.

Распрошавшись с Арауном, Пуихл отправился во дворец, оглядел там все спальни и залы и решил, что красивее дворца не может быть на земле. В одном из залов он задержался, чтобы снять с себя охотничье платье, и тотчас к нему вышли пажи, которые приветствовали его и помогли ему раздеться, а потом явились два рыцаря и унесли его платье, но сначала накинули Пуихлу на плечи синий с золотом плащ. Через несколько минут зал наполнился челядью. Пришли воины, достойнее и наряднее которых Пуихл еще не видел в своей жизни. Следом за ними в платье из желтого блестящего шелка явилась королева, и Пуихл подивился ее необычайной красоте. Она пригласила его омыть руки, а потом они уселись за стол, королева по одну сторону от Пуихла, а тот, кого он принял по меньшей мере за графа, — по другую.

Пуихл заговорил с королевой и вскоре был очарован ее умом и веселостью, которыми она превосходила всех благородных дам. Они ели мясо, пили вино, пели песни и произносили здравицы, и ни в одном дворце на земле не было столько мяса, и столько вина, и столько посуды, украшенной драгоценными камнями.

Целый год Пуихл охотился и пировал, слушал песни менестрелей и беседовал с придворными, пока не приблизился день, назначенный для сражения. Об этом дне помнил не только он, но и все жители королевства, даже с самых дальних окраин, и, когда Пуихл поскакал на коне к знакомому месту, с ним вместе поскакали все его приближенные. Наконец путь им преградила река, и Пуихл, приподнявшись на стременах, сказал:

— Мои верные рыцари, слушайте меня и запоминайте. Я привел вас сюда, но это моя битва. Я сам сражусь с моим врагом, ибо в этом деле замешаны только мы двое: он претендует на мои земли, я — на его. Вы не должны мне помогать. Стойте в стороне и смотрите, кто из нас одержит победу.

Соперники поскакали навстречу друг другу, и тот, кто был в обличье Арауна, ударил копьем прямо в центр Хавганова щита, расколол его надвое и пробил доспехи Хавгана, который упал, смертельно раненный, на землю, не в силах нанести ответный удар.

— О вождь, — вскричал Хавган, — по какому праву ты убил меня? Я не причинил тебе зла и даже в мыслях не держал, что могу пасть от твоей руки. Но коли так суждено и ты меня ранил, заверши начатое — добей меня.

— О нет, я не сделаю этого, чтобы не раскаяться потом.

— Мои верные рыцари, — воззвал Хавган, — унесите меня домой, ибо настал мой смертный час. Никогда больше не пировать мне с вами.

— Рыцари, — сказал тот, кто был в обличье Арауна, — держите совет, кому быть моими подданными, а кому это не по душе.

— Господин, — ответили рыцари, — мы все будем твоими подданными, потому что никто другой не вправе быть королем Аннувина.

— Ваша правда, — отвечал им Пуихл в обличье Арауна, — кто с миром ко мне идет, того я принимаю с миром, а кто не хочет мира, тому придется узнать крепость моего меча.

Рыцари принесли Пуихлу присягу на верность, и к полудню следующего дня оба королевства были под властью Пуихла. Потом он, дабы не нарушить своего обещания, поскакал в Глин Ких.

Король Аннувина ждал его, и они оба несказанно обрадовались друг другу.

— Господь воздаст тебе за твою дружбу, — сказал Араун. — Мне все известно. Когда же ты приедешь домой, то своими глазами увидишь, что я сделал для тебя.

— Пусть Господь воздаст за твои дела.

Араун вернул Пуихлу, королю Даведа, его истинное обличье, а себе — свое и отправился в Аннувин. Он был счастлив увидеть вновь своих воинов и свою челядь. Они же, не ведая о его перевоплощении, приняли его с обычной учтивостью. В этот день Араун устроил пир и никак не мог наговориться со своей королевой и своими воинами. Когда же настала ночь, все отправились спать.

Пуихл тоже вернулся в свой дворец и стал у всех допытываться, заметили ли они разницу между его правлением в последний год и во все прошедшие годы.

— Господин, никогда еще ты не был столь добр и столь щедр. Никогда еще твоя справедливость не сияла так над всеми твоими подданными, и никогда еще они не ценили ее так высоко.

— Клянусь небом, не меня вам надо благодарить за это.

И Пуихл обо всем поведал своим подданным.

— Воистину, господин, мы благодарим небо за то, что оно послало тебе такого друга, а тебя просим: не отнимай у нас то, к чему мы привыкли за последний год.

— Клянусь небом, я ничем вас не обижу, — пообещал Пуихл.

С того времени Пуихл, король Даведа, и Араун, король Аннувина, крепко подружились и еще долго обменивались подарками — конями и псами, соколами и драгоценностями, — какие только могут доставлять удовольствие королям.

Оттого что Пуихл год прожил в Аннувине и разумно управлял королевством, да к тому же благодаря своему мужеству и силе в один день объединил два королевства, его стали называть не Пуихл, король Даведа, а Пуихл, вождь Аннувина.

Однажды Пуихл затеял в Нарберте пир, и с ним были многие его воины. Когда они утолили свой первый голод, Пуихл встал и отправился на вершину горы, что находилась возле его дворца и называлась Горсет Нарберт.

— Господин, — спросил один из воинов, — знаешь ли ты, что тот, кто посидит здесь, не может уйти, не получив ран или не узнав чуда?

— Мне ли бояться ран с такими воинами? Что же до чуда, то не возражаю. Посижу-ка я и посмотрю, что будет.

Пуихл поднялся на вершину и стал ждать. Рано ли, поздно ли, ему явилась в золотом сиянии дама на огромной белой кобыле, которая несла ее на гору.

— Воины, — спросил Пуихл, — кто знает эту даму?

— Никто, господин, — ответили ему воины.

— Тогда пусть один из вас подойдет к ней и спросит, как ее зовут и откуда она пожаловала к нам.

Один из воинов встал и пошел навстречу даме, но она как будто не заметила его и проехала мимо. Он было побежал следом за ней, но и она пришпорила кобылу, и он понял, что ему не догнать ее.

Тогда он сказал Пуихлу:

— Господин, никому на всей земле не догнать ее без доброго коня.

— Твоя правда, — согласился Пуихл. — Иди во дворец и возьми самого быстрого коня, какого только найдешь.

Воин выбрал себе лучшего коня, выехал на нем на равнину и вонзил ему в бока шпоры. Но чем быстрее летел его конь, тем дальше была дама. В конце концов она придержала кобылу, но конь уже едва не падал от усталости. Пришлось воину повернуть обратно — туда, где сидел Пуихл.

— Господин, — сказал воин, — никому не под силу догнать эту даму. В наших краях нет ни одного коня и ни одной кобылы резвее, чем у нее. Я не смог исполнить твой приказ.

— Наверное, это и есть чудо, — заметил Пуихл.

Он предложил вернуться во дворец, и тем закончился день. Утром все занимались своими обычными делами, пока не наступил час обеда, и опять, едва утолив первый голод, Пуихл сказал:

— Сегодня мы вновь поднимемся на вершину горы. А ты, — обратился он к самому юному воину, — позаботься привести туда самого быстрого коня, какого только сыщешь в округе.

Юноша сделал, как ему было приказано.

Пуихл и воины поднялись на вершину, и едва они расселись там, как вновь показалась та же дама — в том же одеянии и на той же кобыле.

— Смотрите! — крикнул Пуихл. — Вчерашняя дама. Скорее, юноша, узнай, кто она и откуда.

— С радостью, — ответил юноша.

Дама была в эту минуту в точности напротив них, но, когда юноша вскочил на коня и вонзил шпоры ему в бока, она отъехала уже довольно далеко. Кобыла шла шагом, и юноше показалось, что он легко догонит ее, но не тут-то было. Чем сильнее он пришпоривал своего коня, тем больше он отставал, хотя кобыла совсем не прибавляла шагу. Наконец юноша понял, что дело нечисто, и повернул назад.

— Господин, — сказал он Пуихлу, — мой конь не может бежать быстрее.

— Верно, никому не под силу догнать даму, — успокоил его Пуихл, — хотя, мне кажется, она явилась сюда с поручением к кому-то из нас. Но ей мешает ее торопливость. Давайте лучше возвратимся во дворец.

Они возвратились во дворец и провели ночь за пиршественным столом да с веселыми песнями.

На другой день они занимались каждый чем хотел, пока не наступил час обеда. Когда же с едой было покончено, Пуихл спросил:

— Где воины, которые вместе со мной поднимались вчера и позавчера на вершину горы?

— Мы здесь.

— Сейчас мы опять взойдем на вершину, — сказал он. — А ты, — обратился он к пажу, который ходил за конем, — оседлай моего коня и, не теряя времени, приведи его мне. Не забудь про шпоры.

Юноша отправился исполнять приказание, а король и его воины взошли на гору и уселись на вершине. Недолго им пришлось ждать. Все было как прежде, но только на сей раз сам Пуихл решил отправиться в погоню за дамой.

Не успел он вскочить в седло, как дама проскакала мимо, и он поспешил за ней вдогонку.

Сначала ему показалось, что он легко одолеет разделявшее их расстояние, но, как он ни пришпоривал жеребца, у него ничего не получалось. В конце концов он понял, что, даже если загонит коня, ему все равно не настичь даму, и он взмолился:

— О госпожа, во имя того, кого ты любишь сильнее всех, прошу тебя, остановись!

— С радостью, — отвечала она, — и твой жеребец устал бы гораздо меньше, попроси ты меня об этом раньше.

Она попридержала кобылу и, откинув с лица покрывало, устремила на Пуихла пыгливый взор.

— Госпожа, — спросил Пуихл, — откуда ты и кто приказал тебе совершить это путешествие?

— Я путешествую по собственному почину и рада, что встретила тебя.

Пуихл был приятно поражен ее словами, потому что красотой она превосходила всех девиц и всех дам, которых ему когда-либо приходилось видеть.

— Госпожа, — спросил он, — что привело тебя в наши края?

— Я же говорю, — отвечала дама, — что непременно желала встретиться с тобой.

— Для меня ничего не может быть приятнее! — воскликнул Пуихл. — Но кто ты и как тебя зовут?

— И это я скажу тебе, господин. Меня зовут Хрианон, и я — дочь Хевейта Хена. Он пожелал отдать меня замуж против моей воли, а мне

не нужен никакой другой муж, кроме тебя, если ты меня не отвергнешь. Поэтому я приехала к тебе узнать твой ответ.

— Клянусь небом, у меня только один ответ. Выбирай я даже между всеми дамами и девицами на земле, я бы выбрал тебя.

— Тогда, если ты не кривишь душой, то приедешь за мной. Или меня отдадут другому.

— Чем скорее наступит день встречи, тем лучше, — сказал Пуихл. — Скажи, куда мне ехать, и не будет счастливее человека на земле, когда я сяду на коня и отправлюсь в путь.

— Ровно через год, день в день, ты должен приехать во дворец Хевейта, а я прикажу накрыть богатый стол.

— С радостью исполню твое желание.

— Господин, — сказала она на прощание, — желаю тебе быть в здравии, чтобы ничто не помешало тебе исполнить обещание. А теперь мне пора в обратный путь.

На этом они расстались, и Пуихл возвратился к своим воинам, однако, сколько они ни пытали его, он не отвечал на их расспросы, переводя разговор на другие темы.

Миновал год, и Пуихл, призвав к себе сто рыцарей, приказал им облачиться в доспехи и сопровождать его во дворец Хевейта Хена.

Там Пуихла с превеликой радостью встретило множество людей. Они не пожалели сил и приготовились, как могли, к его приезду. Весь дворец был отдан в его распряжение.

В празднично убранной пиршественной зале уже накрыли столы, и все поспешили рассестся по своим местам: Хевейт Хен по правую руку от Пуихла, Хрианон — по левую, а остальные согласно своему званию. Все ели, пили и веселились, когда в шелковых королевских одеждах в зал вошел юноша и обратился с приветствием к Пуихлу и его воинам.

— Да будет небо благосклонно к тебе, — ответил ему Пуихл. — Найди себе место и садись с нами.

— Нет, — отказался юноша. — Я пришел сюда просителем, и потому не откажи выслушать меня.

— Говори.

— Господин, у меня к тебе просьба.

— Проси чего хочешь. Я ни в чем не откажу тебе.

— Ах! — воскликнула Хрианон. — Зачем ты так ответил?

— Он уже ответил, и все его слышали, — возразил ей юноша.

— Чего же ты хочешь? — спросил Пуихл.

— Дама, которую я люблю всем сердцем, собирается стать твоей женой, но я прошу тебя, отдай мне ее вместе с праздничным пиром, который будет сегодня во дворце.

Пуихл долго молчал.

— Молчи не молчи, ничего не поделаешь, — заявила Хрианон. — Ни один муж на земле еще не поступал глупее тебя.

— Госпожа, — отвечал ей Пуихл, — я же не знал, кто он такой.

— Так знай, что это ему — Гваулу, сыну Клида, — хотят меня отдать против моей воли. У него много земель и много воинов, и тебе придется подчиниться, иначе ты покроешь себя позором.

— Госпожа, мне непонятны твои речи. Никогда я не сделаю так, как ты говоришь.

— Отдай меня ему, а я обещаю, что никогда не буду ему принадлежать.

— Как ты это устроишь?

— Я дам тебе небольшой мешок, но смотри не потеряй его. Когда же Гваул попросит у тебя еды, и вина, и всего, что будет на пиру, скажи, что не ты владелец этого, потому что я устроила пир для воинов и придворных. Таким должен быть твой ответ. Что же до меня, то мне придется обручиться с ним и я буду его невестой ровно год, а через год, день в день, ты явись сюда с мешком. Возьми с собой сто воинов и спрячь их в саду. Когда веселье будет в самом разгаре, войди в залу — но не забудь надеть нищенские лохмотья и захватить мешок — и попроси у Гваула еды. Только еды, и больше ничего, а я уж позабочусь, чтобы вся еда и все вино из семи округов перешли в твой мешок, но чтобы с виду он казался пустым. Когда столы опустеют, Гваул спросит тебя, полон ли твой мешок, а ты ему отвечай, что мешок не будет полон, пока какой-нибудь знатный и богатый господин не поднимется из-за стола и ногами не утрамбует его со словами: «Довольно уж тут всего». Не беспокойся, я заставлю Гваула подойти к тебе, а ты не зевай, поскорее запихни его в мешок с головой и покрепче завяжи. Потом хватай свой охотничий рог и труби что есть мочи. Пусть твои воины немедля бегут во дворец.

— Господин, — не утерпел Гваул, — отвечай же мне.

— Как я сказал, так и сделаю.

— Господин, — сказала тогда Хрианон, — пир я приготовила не для тебя, а для воинов Даведа и наших воинов. Его нельзя подарить. Через год, возможно, я приготовлю пир для тебя и тогда по-настоящему стану твоей женой.

Гваул завладел своей добычей, а Пуихл ни с чем возвратился в Давед. Прошел год. Наступил назначенный день. Гваул, сын Клида, явился к Хевейту Хену на свой пир и был принят с почетом. И Пуихл, вождь Аннувина, тоже прискакал к Хевейту Хену и спрятал сто воинов, как веле-ла ему Хрианон. Не забыл он и о мешке, и о ветхих лохмотьях, и о дыря-вых сапогах.

Дождавшись, когда веселье войдет в полную силу, он переступил порог пиршественной залы и поклонился Гваулу, сыну Клида, и всем дамам и мужам, что сидели за столами.

— Господь с тобой, — сказал Гваул.

— Господин, небеса не оставят тебя своими заботами, если ты исполнишь мою просьбу.

Гваул согласился его выслушать, но сказал:

— Я с радостью исполню твою просьбу, если она будет разумной.

— Мне не много нужно, лишь наполни мясом этот небольшой мешок.

— Твоя просьба разумна, и я с радостью исполню ее. Принесите ему мяса.

Многие гости повскакали со своих мест и принялись наполнять мешок. Но не тут-то было. Они и дна не прикрыли своими приношениями.

— Скажи, а твой мешок не бездонный? — спросил Гваул.

— Нет, клянусь небом. В него не так много и помещается, если только богатый и знатный господин не побрезгует влезть в него и утоптать его со словами: «Довольно уж тут всего».

Хрианон не стерпела:

— Поднимайся, Гваул, сын Клида, и побыстрее.

Гваул не стал ей противоречить и забрался в мешок с ногами. Пуихл быстро затянул мешок, покрепче завязал веревки и затрубил в рог. Его воины тоже не заставили себя ждать, и скоро весь дворец был в их руках. Воинов Гваула они бросили в темницу, а Пуихл тем временем снял с себя лохмотья и драные сапоги. Когда он со своими воинами возвращался в пиршественную залу, каждый из них, заходя, ударял по мешку и спрашивал:

— Кто там?

А потом сам себе отвечал:

— Барсука поймали.

Так они забавлялись, и ни один не упустил случая стукнуть по мешку ногой или палкой. Если кто входил в залу, то непременно спрашивал:

— Что за игру вы затеяли?

И они отвечали:

— Мы играем в «барсука в мешке».

Вот так и появилась эта игра, о которой прежде не знали.

— Господин, — сказал тот, кто сидел в мешке, — послушай меня, ибо я большего стою, чем быть забитым тут до смерти.

— Он правду говорит, господин, — подтвердил Хевейт Хен. — Послушай его, хуже не будет.

Пуихл согласился.

— Послушай и моего совета, — сказала Хрианон. — Тебе сейчас надо заплатить много денег и просителям, и менестрелям, так пусть он заплатит им вместо тебя. И еще возьми с него клятву, что он никогда не будет мстить тебе за сегодняшнее. Этого довольно.

— Я все сделаю, — с радостью крикнул из мешка Гваул.

— Что ж, тогда и я с радостью заключу с тобой мир, как советуют мне Хевейт и Хрианон.

— Да, так мы тебе советуем, — подтвердили они.

— Принимаю, — сказал Пуихл. — Ищи себе поручителей.

— Мы будем его поручителями, — сказал Хевейт, — пока его люди не выйдут на свободу.

После этого выпустили из мешка Гваула, сына Клида, и его воинов — из темницы.

— Теперь потребуй, чтобы он назвал заложников, — сказал Хевейт, — которые останутся вместо него.

Хевейт сам подсказал Пуихлу, кого лучше взять, чтобы Гваул не обманул его.

— Давай заключим договор, — предложил Гваул.

— Мне довольно того, о чем говорила Хрианон, — ответил ему Пуихл.

Но они заключили договор и вписали в него пункт о заложниках.

— Поверь, господин, я так сильно избит, что мне требуется лекарь, столько ссадин и синяков у меня на теле. Позволь мне покинуть дворец, ведь я оставляю вместо себя рыцарей, которые все сделают, что ты им прикажешь.

— Я не против, — сказал Пуихл. — Иди.

И Гваул отправился восвояси.

И пиршественная зала, и дворец уже были убраны и готовы принять Пуихла с его воинами. Они немедленно уселись за столы, как сидели ровно год назад, и стали есть-пить и веселиться, а когда наступило время идти спать, Пуихл и Хрианон вместе удалились в свои покои.

Наступило утро.

— Мой господин, — сказала Хрианон, — поднимись и одари мене-стрелей. Сегодня никому не отказывай.

— С превеликим удовольствием, — ответил ей Пуихл, — и сегодня, и завтра, и во все дни, что мы будем пировать.

Пуихл приказал всем замолчать, а просителям, менестрелям подходить по одному и называть, какие подарки им хотелось бы получить. Потом все опять уселись за столы, и веселье продолжалось своим чередом. Пока не кончился пир, Пуихл не отверг ни одну, даже самую малую просьбу.

Потом он сказал Хевейту:

— Мой господин, с твоего разрешения завтра я отправляюсь домой в Давед.

— Отправляйся, и пусть с тобой будет удача. Только назначь день, когда Хрианон должна последовать за тобой.

— Мы едем вместе.

— Таково твое желание, господин? — спросил Хевейт.

— Да, клянусь небом, — ответил Пуихл.

На другой день Пуихл и Хрианон выехали в Давед и нигде не останавливались, пока не показался дворец в Нарберте, а там уж их ждали по-праздничному накрытые столы. Множество знатных мужей и жен приехали их поздравить, и всем Хрианон припасла богатый подарок: браслет, кольцо или драгоценный камень.

Два года правили Пуихл и Хрианон своим королевством, богатея день ото дня и ни о чем не тревожась.

На третий год призадумались воины Пуихла, отчего это у их любимого вождя и названного брата до сих пор нет наследника, и порешили они поговорить с ним, а для этого выбрали город Преселай, что тоже в Даведе.

— Господин, — сказали они, — увы, ты уже не так молод, как некоторые из нас, и мы боимся, что с этой женой у тебя не будет наследника. Возьми себе другую жену, и пусть она родит тебе сыновей. Не вечно ты будешь с нами, и, хоть ты любишь свою жену, придется тебе подчиниться.

— Не так уж долго она моя жена, — возразил им Пуихл. — Все еще может быть. Дайте мне год, а потом я сделаю, как вы пожелаете.

Рыцари согласились.

Год был на исходе, когда Хрианон родила мальчика, который появился на свет в Нарберте. В ту ночь, когда Хрианон рожала, много женщин собралось во дворце, чтобы ухаживать за матерью и младенцем, и все они спали, и Хрианон вместе с ними. Шесть женщин, что были в покое Хрианон, изо всех сил боролись со сном, но к полуночи все-таки заснули и пробудились только на рассвете. Пробудились — и не нашли младенца.

— Ой! — вскрикнула одна из женщин. — Мальчика нет!

— Нет! — испугалась другая. — Даже если нас убьют, нам и этого мало за наше ротозейство!

— Неужели ничего нельзя сделать? — заплакала третья.

— Можно, — заявила четвертая.

— Что же? Что? Что? — загалдели все разом.

— Недавно оценилась борзая. Надо взять у нее пару щенков, убить их, вымазать лицо и руки Хрианон кровью, а вокруг разбросать собачьи кости. Скажем, она сама убила своего сына, и ей ни за что не поверят, потому что она одна, а нас шестеро.

Так они и сделали.

Хрианон проснулась и спросила:

— Где мой сыночек?

А ей ответили:

— Госпожа, не спрашивай нас о своем сыне. Бог знает сколько синяков и ссадин заработали мы, сражаясь с тобой, потому что никогда еще не видели женщину сильнее тебя. Разве не ты убила и съела своего сына? И не вздумай обвинять нас в его смерти!

— Стыда у вас нет, но Бог все видит, — ответила им Хрианон. — Ваши обвинения лживы. Наверное, вы все напридумывали из страха, но клянусь Божьим именем, что не оставлю вас в беде.

— Не будем мы брать на себя чужую вину.

— Не надо брать на себя ничью вину, просто скажите правду.

Как ни умоляла Хрианон своих прислужниц, как и грозила им Божьей карой, они упорно стояли на своем.

Наконец проснулся Пуихл и следом за ним все его воины и вся прислуга во дворце. От него ничего нельзя было скрыть, потому что злая весть уже распространилась по стране и о ней узнали все, кому надо и не надо было знать. Рыцари явились к Пуихлу и потребовали, чтобы он прогнал от себя жену, так как она совершила великое преступление.

Пуихл же им ответил, что они имеют право требовать этого, только если его жена бесплодна.

— Она родила мне сына, поэтому я не прогоню ее, а если она совершила преступление, то пусть понесет за него наказание.

Хрианон послала во все стороны гонцов, чтобы они привели к ней учителей и мудрецов, но так как она решила не вступать в спор со своими прислужницами, то ей пришлось подвергнуться наказанию. Семь лет она должна была оставаться в Нарберте и семь лет изо дня в день сидеть у коновязи рядом с воротами и всем, кто проходил мимо, рассказывать о своем преступлении, а если кто из стражников или гостей желал, то на своей спине нести их во дворец. Правда, таких почти не находилось.

Прошло несколько месяцев.

В то время в Гвент Ис Койде правил Тайрнион Турив Влиант, и разумнее его не было рыцаря на всем свете. На конюшне у него жила самая красивая на земле кобыла. В первую ночь мая она всегда жеребилась, но никто ни разу в глаза не видел ни одного из ее жеребят.

И вот Тайрнион сказал жене:

— Жена, не кажется тебе странным, что наша кобыла каждый год жеребится, а мы еще ни разу не видели ни одного жеребенка?

— Что же поделаешь!

— Наступает ее время, — продолжал Тайрнион, — и пусть проклянут меня небеса, если я все не разузнаю.

Он приказал привести кобылу во дворец, а сам вооружился и стал ждать ночи. Не долго ему пришлось ждать, потому что вскоре на свет появился большой и красивый жеребенок. Он стоял на длинных ножках, и Тайрнион, не в силах превозмочь любопытство, подошел к нему, но не успел даже подивиться тому, какой он большой, как поднялся шум, а потом в окно просунулась лапа с когтями и схватила жеребенка за гриву. Тайрнион немедля вытащил меч и отрубил лапу, так что и жеребенок, и лапа остались при нем.

В тот же миг послышался шум и кто-то завыл. Тайрнион выскочил из дома, но никого не смог разглядеть в ночной тьме. Неожиданно он вспомнил, что оставил дверь открытой, и решил вернуться, боясь, как бы чего не случилось. У порога лежал младенец в свивальнике, и Тайрниону показалось, что он больше и сильнее, чем другие младенцы в его возрасте.

Тайрнион закрыл дверь и отправился наверх к жене.

— Госпожа, — окликнул он ее, — ты спишь?

— Нет, мой господин. Я спала, но когда ты пришел, я проснулась.

— Смотри, я принес тебе мальчика, если, конечно, ты оставишь его при себе, ведь у тебя нет детей.

— Что случилось, мой господин?

— Случилось вот что, — сказал Тайрнион и поведал ей все, как было.

— Господин, была одежда на ребенке?

— Была шелковая пеленка.

— Значит, он родился у знатных людей. С твоего позволения пусть он останется во дворце мне на радость. Сейчас я позову служанок и скажу им, что родила мальчика.

— Я согласен, — ответил Тайрнион.

Они сделали, как договорились, и без промедления окрестили мальчика, нарекли его именем Гури Вахл Айрин, потому что волосы у него были как чистое золото.

Прошел год. Малыш крепко стоял на ножках и больше походил на трехлетнего, чем на годовалого ребенка. Прошел еще год, и ему уже можно было дать лет шесть, не меньше. А к концу четвертого года он вовсю одаривал конюхов, чтобы они позволяли ему купать лошадей.

— Мой господин, — спросила как-то жена Тайрниона, — а где жеребенок, которого ты спас в ту ночь, когда нашел нашего мальчика?

— Я приказал конюхам позаботиться о нем.

— Прикажи привести его и подари малышу, ведь жеребенок родился в ту же ночь.

— Что ж, я не против, — сказал Тайрнион. — Пусть его приведут.

— Да благословит тебя Бог, господин.

Так у Гури Вахла Айрина появился свой конь. Жена Тайрниона сходила к конюхам и приказала им особенно заботиться о жеребенке, чтобы он не подвел, когда мальчику придет время сесть в седло.

Шли годы, и до дворца Тайрниона дошла весть о проступке и наказании Хрианон. Тайрнион пожалел бедную женщину и стал с тех пор всех, кто приходил к нему, расспрашивать о ней. А потом он загрустил и задумался. Все чаще и внимательнее он смотрел на своего приемного сына и находил в нем сходство с Пуихлом, вождем Аннувина, которого не раз сопровождал в походах.

Больше всего Тайрнион грустил оттого, что поступает неправильно, задерживая у себя сына Пуихла, ведь теперь он знал, кто отец Гури Вахлта Айрина. В первый же раз, когда Тайрнион остался наедине с женой, он сказал ей, что нечестно скрывать у себя чужого ребенка, когда несчастная госпожа Хрианон подвергается тяжкому наказанию, ведь им точно известно, что у них живет сын Пуихла, вождя Аннувина. Жена сразу с ним согласилась, и они порешили отослать мальчика к Пуихлу.

— Трижды мы будем в выигрыше, — сказала она Тайрниону. — Разве не отблагодарит нас Хрианон за спасение от тяжкого наказания? Разве не отблагодарит нас Пуихл за то, что мы вырастили его сына и вернули его в добром здравии? И разве мальчик, ведь он доброго нрава, сможет отказаться от своих названных родителей и не сделать для нас все, что только в его силах?

На том и порешили.

На другой день Тайрнион облачился в лучшие одежды, взял с собой двух рыцарей и мальчика, который мигом вскочил на жеребца, подаренного ему Тайрнионом, и вчетвером они тронулись в путь. Довольно быстро они добрались до Нарберта и возле дворца увидели Хрианон, покорно сидевшую у коновязи. Они приблизились к ней, и Хрианон сказала:

— О воины, остановитесь, и я всех по очереди донесу до дворца в наказание за то, что я убила своего сына.

— Прекрасная госпожа, — отвечал ей Тайрнион, — как ты могла подумать, что я позволю тебе тащить меня на себе?

— И меня не надо, — заявил мальчик.

— Правильно, мы можем сами дойти, — поддержал его приемный отец.

Путники вошли во дворец, где их приняли благосклонно, тем более что на этот день был назначен пир в честь возвращения Пуихла от границ Даведа. Они умылись с дороги, и Пуихл, не скрывая радости при виде Тайрниона, пригласил его за стол. Тайрнион сел между Пуихлом и Хрианон, рыцари Тайрниона — по другую сторону от Пуихла, и между ними — сын Пуихла.

Когда они утолили голод, то принялись петь и рассказывать всякие были и небылицы. Тут как раз Тайрнион и поведал о том, как приютил мальчика и как они с женой вырастили его, словно он был их собственным сыном.

— Госпожа, — сказал Тайрнион, обратившись к Хрианон, — вот твой сын. Тот, кто оболгал тебя, совершил злое дело. Когда весть о твоей беде дошла до нас, горько стало у меня на душе, но я подумал — любой воин сразу скажет: это сын Пуихла.

— Да, — подтвердили воины.

— Боже мой! — воскликнула Хрианон. — Если это правда, пришел конец моим мучениям!

— Госпожа, — сказал Пендаран Давед, — ты назвала своего сына Прадери, и пусть его зовут Прадери, сын Пуихла, вождя Аннувина.

— А может быть, его другое имя больше ему подходит? — возразила Хрианон.

— Как ты его назвал? — спросил Пуихл у Тайрниона.

— Гури Вахл Айрин.

— Нет, нет, — не согласился Пендаран. — Пусть его зовут Прадери.

— Это правильно, подтвердил Пуихл. — У мальчика должно быть имя, которое ему дала мать, когда, счастливая, в первый раз прижала его к груди.

На том и порешили.

— Тайрнион, — сказал Пуихл. — Господь воздаст тебе за все, но и наш мальчик никогда не забудет, что ты для него сделал.

— Мой господин, — отозвался Тайрнион, — моя жена выходила его и от всей души горевала, когда ей пришлось с ним расстаться. Нам хватило бы и того, чтобы он всегда нас помнил.

— Господь свидетель, — сказал Пуихл, — пока я жив, ты ни в чем не узнаешь нужды. Когда же в силу войдет мой сын, он станет заботиться о тебе. Если все согласны с моим решением, то пусть так и будет. До сих пор ты растил и учил мальчика, а теперь черед Пендарана Даведа. Придется вам подружиться, потому что отныне вы оба приемные отцы моего сына.

Никто не возразил против решения Пуихла. Мальчик отправился в замок Пендарана Даведа, и с ним вместе рыцари его отца. А Тайрнион Турив Влиант со своими рыцарями поехал домой, в свои владения, заручившись дружбой и любовью Пуихла, вождя Аннувина, и его жены Хрианон, которые хотели подарить ему множество драгоценных камней, великолепных лошадей и отборных псов, но он от всего отказался.

С тех пор все жили счастливо в своих владениях. Прадери, сына Пуихла, вождя Аннувина, растили и воспитывали с превеликим тщанием,

поэтому он стал прекраснейшим юношей и самым искусным воином в королевстве.

Шли годы. Пуихл, вождь Аннувина, состарился и умер.

Прадери разумно правил семью округами Даведа, и его любили не только его подданные, но и все, кто его знал. К своим владениям он присоединил три округа Астрада Тави и четыре округа Кардигана, и они стали называться семью округами Сайссихлуха. Когда он — Прадери, сын Пуихла, вождя Аннувина, — присоединил эти земли к своим, то пожелал взять себе жену. Больше других ему понравилась Киква, дочь Гвина Глойва, сына Глойда Вахлта Лидана, сына короля Каснара, одного из самых знатных людей на всем острове.

На этом кончается первое сказание.

Бранвен, дочь Хлира

Бендигайд Вран, сын Хлира, стал коронованным королем острова, а прежде был лондонским королем.

Как-то после полудня он был в Харлехе, что в Ардидуи, при своем дворе, и сидел на утесе, глядя в открытое море, вместе со своим братом Манавитаном, сыном Хлира, и братьями по матери Ниссиеном и Эвниссиеном, а также многими другими знатными рыцарями. Его братья по матери приходились сыновьями Айроссвиту, а мать звали Пенардин, дочь Бели, сына Маногана. Один из братьев был добрым юношей и обыкновенно старался всех помирить в своей семье, даже когда страсти накалялись и начинали сверкать мечи. Этого юношу звали Ниссиеном. Зато другой брат в любую минуту мог столкнуть лбами своих сородичей, хотя бы в это время между ними царили мир и покой.

Как бы то ни было, сидели они на утесе, когда тринадцать кораблей показались возле южного берега Ирландии и взяли курс прямо на них. Ветер был попутный, и корабли шли скоро.

— Я вижу вдали корабли, — сказал король. — Они быстро приближаются. Пусть все воины наденут доспехи и возьмут оружие в руки. Выясните, что им тут надо.

Рыцари облачились в доспехи и сошли на берег. Поглядев на корабли вблизи, они подумали, что не бывает ничего прекраснее на свете. В вышине развевались блестящие на солнце шелковые флаги. Помедлив, один корабль выдвинулся вперед, и на нем узким концом был поднят

в небо щит — знак мира. Потом корабли подошли поближе, чтобы удобнее было спустить лодки, которые доставили на берег рыцарей, со всей почтительностью приветствовавших короля. Не сходя с утеса, король выслушал все, что они пожелали ему сказать.

— Господь с вами, — молвил он в ответ, — и добро пожаловать к нам. Кому принадлежат корабли и кто из вас старший?

— Господин, с нами прибыл Матолух, король Ирландии. Ему принадлежат все корабли.

— Зачем он прибыл к нам? — спросил король. — И собирается ли он сходить на берег?

— Господин, он прибыл к тебе с просьбой и не сойдет на берег, пока ты не исполнишь его просьбу.

— О чем это вы?

— Господин, он хочет заключить с тобой дружеский союз и просит в жены Бранвен, дочь Хлира. Если ты ему не откажешь, Могучий Остров¹ и Ирландия станут еще сильнее.

— Что ж, — сказал король, — пусть сходит на берег, и мы обсудим с ним все, что полагается.

Его слова передали Матолуху.

— Я с радостью сойду на берег, — сказал он.

На берегу его встретили с превеликим почетом и препроводили за накрытые столы. За полночь пировали вместе воины Матолуха и воины Бендигайда, а на другой день держали совет и постановили отдать Бранвен в жены Матолуху. А Бранвен была одной из трех самых знатных девиц острова и самой прекрасной из всех дам и девиц на земле.

Свадьбу решили играть в Аберфрау, и все отправились туда — Матолух со своими воинами по морю на кораблях, а Бендигайд со своими воинами по земле. В Аберфрау все сразу же уселись за праздничные столы. По одну сторону король Могучего Острова и Манавитан, сын Хлира, а по другую сторону — Матолух и рядом с ним Бранвен, дочь Хлира. Столы были накрыты под деревьями, над ними натянули шатры, потому что ни в одном доме не смогли бы с удобствами разместиться воины и гости Бендигайда Врана. Много ли, мало ли времени прошло — все ели, пили, веселились, а когда веселье стало стихать, отправились на покой, и в эту ночь Бранвен стала женой Матолуха.

¹ Т. е. Британия.

На другое утро, когда все проснулись, воины Бендигайна и воины Матолуха поставили своих коней рядом, заняв весь берег от дворца до самого моря.

Случилось так, что Эвнисиен, любитель строить козни, о чем мы уже говорили, случайно забрел на то место, где стояли кони Матолуха, и спросил, кому принадлежат кони.

— Это кони Матолуха, короля Ирландии, — ответили ему, — который взял в жены твою сестру Бранвен. Это его кони.

— Неужели отдали в жены мою сестру и даже не спросили у меня совета? За что мне такое оскорбление?

С этими словами Эвнисиен скользнул между конями и кому губы порезал до зубов, кому уши чуть не до черепа, кому хвосты до самых спин, а если он мог дотянуться до лошадиных глаз, то и их как не бывало. Словом, он оставил воинов Матолуха без коней.

Воины пожаловались Матолуху, что у них нет ни одного здорового коня.

— Господин, верь нам, — сказал один из них, — тебе нанесли тяжкое оскорбление, и это сделано не случайно.

Матолух очень удивился.

— Если меня хотели оскорбить, то зачем отдали мне в жены высокородную девицу, да еще любимицу всей родни?

— Господин, ты видишь, как все обернулось. Для тебя нет другого пути, как вернуться на корабль.

Матолух, нимало не медля, поспешил на берег.

Когда до Бендигайда дошла весть, что Матолух без высочайшего позволения покинул двор, он послал к нему гонцов. Гонцами были Итик, сын Анараука, и Хевейт Хир, которые догнали Матолуха и спросили, почему он в спешке покинул короля и королевский двор.

— Сказать по правде, — ответил им Матолух, — знай я раньше, ни за что бы не приехал. Никогда еще мне не приходилось терпеть такие оскорбления. Одного только я не могу понять.

— Чего же? — спросили гонцы.

— Сначала Бранвен, дочь Хлира, одна из трех знатных дам Могучего Острова и дочь короля, стала моей женой, а потом мне нанесли оскорбление. Вот я и не понимаю, почему оскорбление было нанесено после того, как она стала моей женой.

— Господин, поверь нам, ни король, ни королевский совет не собирались тебя оскорблять, ведь оттого, что случилось с тобой, больше бесчестья Бендигайду Врану, чем тебе.

— И я так думаю, — согласился с ними Матолух. — Но теперь уже ничего не поправишь.

Гонцы возвратились к Бендигайду Врану и передали ему слова Матолуха.

— Его уже ничем не остановить, — сказал Бендигайд. — Но он сбежал как враг, и нам нельзя с этим примириться.

— Надо еще раз послать к нему гонцов.

— Правда ваша. Поднимайтесь, Манавитан, сын Хлира, и Хевейт Хир, и Иник Глев Асгвид. Скажите к Матолуху и скажите ему, что мы дадим по одному здоровому коню взамен каждого покалеченного. А кроме коней, чтобы он не держал на нас зла, мы дадим ему столько серебра, сколько он сам весит, и еще золотую тарелку с его лицо. Убедите его: то, что сделано, сделано не по моей воле, но виновник — мой брат по матери, и мне нелегко в наказание лишать его жизни. Уговорите Матолуха возвратиться, и мы заключим с ним мир на любых условиях.

Гонцы отправились вслед за Матолухом и постарались держаться с ним как можно приветливее, пока передавали ему послание короля.

— Я созову совет, — ответил им Матолух.

Он ушел держать совет со своими приближенными, и они решили, что если он откажет королю Бендигайду, то позор падет на него самого, поэтому лучше ему возвратиться с миром.

Все вновь сели за пиршественные столы, как будто ничего не случилось. Бендигайд Вран и Матолух беседовали между собой, но Бендигайду показалось, что Матолух совсем не так весел, как прежде, и он подумал, что, верно, плата за оскорбление показалась Матолуху не слишком высокой.

— Послушай, — сказал Бендигайд, — что-то ты сегодня не веселишься. Если ты недоволен, то не хмурься, завтра я дам тебе все, что ты пожелаешь, не говоря уж о конях.

— Да будет с тобой милость Господня, — отозвался Матолух.

— Я дам тебе котел, но это не обычный котел. Если в него поместить мертвого, то на другой день он встанет здоровехонек, разве что никогда больше не заговорит.

Матолух обрадовался подарку и развеселился.

Наутро ирландскому королю вручили всех коней, какие были в конюшне, а потом его повезли в другое место, где ему дали столько жеребят, сколько не хватило коней, и с тех пор это место называют Талеболион.

На другой вечер они опять сидели рядом за пиршественным столом.

— Господин, — спросил Матолух у Бендигайда, — кто дал тебе котел, который ты подарил мне?

— Его дал мне чужеземец, который побывал в наших краях, с условием, что я смогу его подарить, если захочу, но тоже чужеземцу.

— Как звали того чужеземца?

— Хлайсар Хлайсгивневид из Ирландии. Он был со своей женой Камедай Камайнвохл, которая убежала из Железного дома в Ирландии, отчего под ногами у них горела земля, и им пришлось искать у нас защиты. Странно, что ты не слышал об этом.

— Нет, кое-что я слышал и могу рассказать тебе. Как-то раз я охотился в Ирландии и оказался возле озера, которое называется Котелозеро. В это время из него выходил великан с рыжими волосами, тащивший на спине котел. Он был широк в плечах и страшен на вид, и следом за ним шла женщина. Но если мужчина мне показался великаном, то женщина была раза в два выше его и шире. Они подошли ко мне и поздоровались.

«Куда вы держите путь?» — спросил я.

«Через один месяц и две недели, — ответил мужчина, — у этой женщины родится сын. И этот сын, который родится через один месяц и две недели, будет вооруженным на битву воином».

Я пригласил их к себе во дворец. Прошел год. Все было хорошо. А потом среди моих подданных поднялся ропот. Люди не хотели, чтобы великаны жили под моей опекой, потому что не прошло и трех месяцев, как они своими бесчинствами вызвали к себе всеобщую ненависть. Мой народ не стерпел и потребовал, чтобы я расстался с ними, чтобы выбрал между ними и своими владениями. Я созвал совет, потому что не знал, как избавиться от великанов, ведь по своей воле они ни за что не покинули бы мой дом, а выгонять их против их воли означало ввязываться в драку. Словом, мои советники придумали соорудить комнату из железа. Когда же комната была готова, то собрались все кузнецы и вообще все мужчины, способные держать в руках молоток и пилу, и натаскали такую кучу угля, что она была выше потолка. Мужчина-великан, женщина, их дети вошли в комнату, и им принесли много всякой еды и много вина. Они сели есть и пить, а когда они напились допьяна и уснули, мои люди разожгли уголь и поддерживали огонь, пока железо не покраснело. Мы слышали, как они держали совет. Мужчина не желал сдаваться, но, когда железо побелело, он рванулся и выбил стену плечом. Жена

тоже выскочила следом за ним, и больше мы их не видели. Вот он-то, наверно, — сказал Матолух, — и явился к тебе.

— Наверно, — подтвердил Бендигайд Вран. — И он подарил мне котел.

— Как ты их встретил?

— Я расселил их по разным местам, и они быстро расплодились. Сейчас живут себе припеваючи, охраняют мое королевство и служат мне верой и правдой.

В тот вечер Матолух и Бендигайд много говорили друг с другом, не забывая время от времени слушать менестрелей, да и о других развлечениях тоже, а когда спать им захотелось больше, чем веселиться, они отправились по своим покоям. Пир продолжался и на другой день, и на третий, а потом Матолух взошел на свой корабль и отплыл вместе с Бранвен в Ирландию. Тринадцать кораблей вышли в море в Абер Менае.

В Ирландии обрадовались возвращению короля. Всем хотелось взглянуть на королеву Бранвен, и она никого не отпустила без подарка: колечка, или браслета, или драгоценного камня, который не стыдно показать, выходя от королевы. Так прошел год. Бранвен была счастлива в Ирландии, где все ее почитали и любили. Тем временем она забеременела и в положенное время родила сына, которого назвали Гверн, сын Матолуха, и отдали на воспитание таким приемным родителям, о которых можно только мечтать.

А на другой год в Ирландии вдруг поднялся шум из-за обиды, нанесенной Матолуху в Камбрии¹. Его названные братья, по крайней мере те, что были к нему ближе других, открыто бранили его, и у него не было другого способа добиться мира в собственном доме, как только разрешить им отомстить за себя. А они придумали изгнать Бранвен из королевских покоев и заставить ее стряпать на весь двор, да еще приказали мяснику каждый день после того, как он покончит с рубкой мяса, подходить к ней и бить ее в ухо. Такое они придумали ей наказание.

— Господин, — говорили Матолуху его советники, — запрети своим кораблям и лодкам заходить в Камбрию, а если к нам придет корабль из Камбрии, брось всех, кто на нем будет, в темницу, чтобы в Камбрии ничего не узнали о наших делах.

¹ Камбрия — одно из названий Уэльса.

Матолух послушался своих советников и поступил, как они сказали. Так прошло три года.

Бранвен же поселила в крышке, которой накрывали квашню, скворца, научила его говорить и рассказала ему о своем добром брате. А потом она написала письмо и не стала скрывать, какие горести и унижения ей приходится терпеть в доме мужа. Привязав письмо к крылу скворца, она велела ему лететь в Британию, и скворец, благополучно одолев все препятствия, отыскал Бендигайда Врана в Арвоне, где тот держал совет, сел ему на плечо и расставил крылья, чтобы Бендигайд обратил внимание на письмо. Все поняли, что это не простой скворец.

Бендигайд Вран взял письмо, и, когда прочитал его, великая печаль охватила камбрийца из-за мучений Бранвен. Нимало не медля, он разослал гонцов в разные стороны, чтобы поскорее собрать большой совет. На совете Бендигайд поведал о страданиях дочери Хлира, и решено было плыть в Ирландию, а в Британии оставить семь королей и над ними Карадаука, сына Брана, и чтобы жили они в Эдейрнионе. Бендигайд Вран со своими рыцарями взошел на корабль и отправился в путь. Тех же, кто остался вместо него, звали Карадаук, сын Брана, и Хевейт Хир, и Иник Глев Асгвид, и Итик, сын Анараука Гвахлтгруна, и Фодор, сын Эрвихла, и Гулх Минаскурн, и Хлассар, сын Хлайсара Хлайгивневида. С ними был еще юный паж Пендаран Давед. Они все вместе правили островом, а главным над ними был Карадаук, сын Брана.

Бендигайд Вран с воинами отплыл в Ирландию и быстро добрался до мелкой воды при слиянии двух рек, Хли и Архана, как их тогда называли. Там королю пришлось оставить корабль и на себе перетащить поклажу на берег Ирландии.

На берегу их увидели свинопасы Матолуха, которые тотчас отправились к своему королю.

— Привет тебе, господин, — сказали они.

— Господь с вами, — отозвался Матолух. — Какие несете новости?

— Господин, у нас для тебя необычная новость. На море, на том месте, где раньше не было ни травинки, теперь вырос целый лес.

— Это и вправду чудо. Видели вы еще что-нибудь?

— Видели, господин, высокую гору возле леса, которая не стояла на месте, а на вершине горы гребень и по обе стороны от него по озеру. И лес, и гора, и все там все время движется.

— Воистину, — изумился Матолух, — из нас никто об этом не знает, разве что Бранвен.

И он послал гонцов за Бранвен.

— Госпожа, — спросили они, — знаешь ли, о чем говорят эти люди?

— Муж с Могучего Острова приплыли сюда, ибо они прослышали о моих бедах.

— О каком это лесе говорят свинопасы?

— О корабельных мачтах, — ответила она.

— А что за гора рядом с кораблями?

— Это Бендигайд Вран, мой брат, который добрался до малой воды.

Ни одному кораблю не под силу перевезти его по ней, слишком он тяжел.

— О каком гребне они говорят и о каких озерах?

— В Ирландию он прибыл в гневе. Гребень — это нос, а глаза — озера.

Воины Ирландии в спешке собрались на совет и стали думать, как им быть с Бранвен и Бендигайдом.

— Господин, — сказали они Матолуху, — нам ничего не остается, как перейти реку Линон и обрушить мост, чтобы брат твоей жены не мог пересечь ее. Ибо на дне этой реки лежит огромный валун, который притягивает корабли, и ее не одолеет даже маленькая лодка.

Ирландцы ушли за реку и обрушили мост.

Бендигайд Вран со своими кораблями и рыцарями явился следом за ними на то место, где раньше был мост.

— Господин, — сказали его вожди, — нам известна эта река, и через нее без моста нельзя перейти. Говори, что нам делать.

— Нечего мне сказать вам. Но кто хочет быть вождем, будет и мостом. Так что мостом буду я.

В первый раз такое было сказано в Британии, а потом уж многие повторяли.

Бендигайд в самом деле лег поперек реки, и на него положили доски, по которым все его воинство перешло на другой берег.

Когда же он вновь поднялся на ноги, его уже поджидали гонцы от Матолуха. Они с почтением приветствовали Бендигайда и сказали, что их повелитель не держал в голове дурных мыслей.

— Матолух отказался от своего королевства в пользу Гверна, сына Матолуха, твоего племянника и сына твоей сестры, и тем он заплатил за зло, причиненное Бранвен. И еще Матолух согласен поселиться, где ты ему скажешь, будь то в Ирландии или на Могучем Острове.

— Я могу отобрать у него королевство и без его согласия, — заявил Бендигайд Вран. — А если нет, вот тогда будем держать совет. Таково мое слово, и другого не ждите.

— Если у нас будет приятная весть для тебя, мы немедленно сообщим, — заверили его гонцы. — А ты подожди нашего ответа.

— Идите, — приказал им король, — да возвращайтесь побыстрее. Гонцы в мгновение ока были у Матолуха.

— Господин, приготовь что-нибудь получше для Бендигайда Врана, а то он и слушать нас не хочет.

— Друзья мои, что вы мне посоветуете?

— Господин, только одно. До сих пор никто не слышал, чтобы у него был настоящий дом. Так почему бы тебе не построить дом? И пусть на одной половине поселится он со своими воинами, а на другой — ты со своими воинами. Да еще откажись от своего королевства и воздай ему положенные почести. Тогда, может быть, он заключит с тобой мир.

Гонцы отправились обратно к Бендигайду Врану.

Он держал совет, и на совете было решено, что он согласен на предложение Матолуха. Бранвен сама уговаривала его, потому что ей не хотелось, чтобы воины Бендигайда разрушили ее королевство.

Мир был заключен. Дом построен. Он получился большой и крепкий.

Однако ирландцы задумали недоброе. Они решили якобы украсить дом, прикрепив к каждой из ста колонн по два резных крюка, а на каждом крюке висело по кожаному мешку, а в каждом мешке сидел вооруженный воин. Но первым во главе войска Могучего Острова явился Эвнисиен и, обшарив острым взглядом все углы, заметил мешки на колоннах.

— Что в этом мешке? — спросил он у ирландцев.

— Мясо, господин, — ответили они.

Эвнисиен долго щупал мешок, пока не нащупал человеческую голову, и так сжал ее, что треснул череп. Тогда он оставил этот мешок и перешел к следующему.

— Что тут? — спросил он у ирландцев.

— Мясо, — ответили они.

С воином в этом мешке Эвнисиен поступил точно так же, как с воином в первом мешке, и так же он поступил с остальными воинами — всего двумястами, кроме одного.

Подойдя к последнему мешку, опять спросил, что в нем.

— Мясо, — ответили ирландцы.

Эвнисиен вновь принялся ощупывать воина, пока не добрался до его головы, и, хотя на голове у него оказался шлем, Эвнисиен все равно его убил. Потом он запел:

Другое мясо в этом мешке,
Не такое, как в остальных,
Его можно брать в битву.

Воины вошли в дом: ирландцы — с одной стороны, а воины с Могучего Острова — с другой. Они расселись и приступили к переговорам. В конце концов королем провозгласили сына Матолуха и Бранвен. Едва заключили мир, Бендигайд Вран подозвал мальчика к себе. Потом мальчик подошел к Манавитану. Всем воинам он понравился. А когда после Манавитана он, радостный, подошел к Ниссиену, сыну Айрос-свита, обидевшись, спросил Эвнисиен:

— Почему мой племянник и сын моей сестры не подходит ко мне? Король он Ирландии или нет, я все равно люблю его.

— С удовольствием посылаю его к тебе, — молвил Бендигайд Вран, и мальчик весело подошел к Эвнисиену.

«Клянусь небом, — сказал про себя Эвнисиен, — я сейчас совершу убийство».

Не успели мужи опомниться, как он схватил мальчика за ноги и сунул головой в самый огонь. Бранвен, сидевшая между братьями, увидела, что ее сын горит, и тоже бросилась в огонь, но Бендигайд Вран успел одной рукой схватить ее, пока другой рукой нащупывал свой щит. Все, кто был в доме, забежали и закричали, и воины стали торопливо надевать на себя доспехи.

Пока воины занимались доспехами, Бендигайд Вран прикрывал Бранвен щитом, прижав ее к груди.

Ирландцы разожгли костер под котлом и стали складывать в него убитых, пока котел не наполнился доверху, и на другой день все их воины были в строю, разве что говорить они уже не могли. Когда Эвнисиен увидел, сколько полегло воинов Могучего Острова, которых никто не думал оживлять, он воскликнул в сердцах:

— Горе мне! Великую беду я навлек на Могучий Остров! Пусть небо покарает меня, если я не найду достойный выход!

Он лег среди мертвых ирландцев, и два необутых ирландских воина положили его в котел, приняв за своего, а он вытянувшись, поднатужился, сколько хватило сил, и котел распался на четыре части; правда, сердце Эвнисиена тоже не выдержало и разорвалось.

Благодаря ему воины Могучего Острова не были побеждены, но и победителями они не стали, ибо лишь семеро из них избежали смерти, и даже Бендигайд Вран был ранен отравленной стрелой в ногу. Спаслись же Прадери, Манавитан, Глинай Айл Таран, Талиесин, Анаук, Гридиен, сын Мириела, и Хайлин, сын Гвинна Хена.

Бендигайд Вран приказал, чтобы ему отрубили голову.

— Возьмите мою голову, — сказал он, — отнесите ее на Белую гору в Лондоне и похороните ее там лицом к Франции. Долгий путь ждет вас впереди. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и вам будут петь птицы Хрианон. Моя голова не станет вам в тягость, как не была никогда. В Гвалесе, что в Пенвро, вы проживете без забот сорок лет и еще сорок лет, и голова будет целой и невредимой, но когда вы откроете дверь в сторону Абер Хенвелена и Корвахла, тогда не медлите и собирайтесь в путь, чтобы похоронить мою голову в Лондоне.

Воины отрубили голову Бендигайду Врану, и все семеро отправились в обратный путь. Бранвен была восьмой. Они добрались до Абер Алау в Талеболионе и присели отдохнуть, когда Бранвен отыскала глазами Ирландию, потом Могучий Остров и заплакала.

— Горе мне! Зачем я, несчастная, родилась на свет, если из-за меня погибли два острова!

Она громко застонала, и горе разбило ей сердце. Воины вырыли могилу, насыпали над ней четырехгранный холм и оставили Бранвен лежать на берегу Алау.

Потом все семеро пошли дальше в Харлех и не забыли взять с собою голову своего короля. По дороге они встретили множество мужчин и женщин.

— Кто теперь над вами король? — спросил их Манавитан.

— Касвахлаун, сын Бели, захватил Могучий Остров и сел королем в Лондоне.

— А что случилось с Карадауком, сыном Брана, и семью рыцарями, оставленными править островом?

— Касвахлаун напал на них и убил шестерых. У Карадаука же сердце разорвалось от горя. Он видел меч, убивавший его сотоварищей, но не видел, кто держит меч, потому что Касвахлаун надел на себя чудесное

покрывало, чтобы никто не видел, как он убивает законных правителей, но меч-то был виден всем. Да и Касвахлаун был рад, что ему не пришлось убивать Карадаука, потому что он — сын его двоюродного брата и его племянник.

Карадаук был уже третьим, чье сердце, не выдержав горя, разорвалось в одночасье.

— Пендаран Давед, — рассказывали люди, — юный паж, оставленный со взрослыми мужами, убежал в лес и тем спасся.

Воины пошли дальше в Харлех и там остановились на отдых, достали мясо, вино и едва сели на землю, как к ним прилетели три птички и запели песню, с которой ни одна не сравнится в сладкозвучии. Хотя на самом деле птицы были далеко от берега, воинам казалось, что они совсем рядом, и они заслушались их. Так прошло семь лет.

Через семь лет воины направились в Гвалес, что в Пенвро. Там они нашли красивое место прямо над морем, а внизу большую пещеру и в ней три двери, из которых две были открыты, а третья закрыта, потому что из нее открывался вид на Корнвахл.

— Смотрите, — сказал Манавитан, — эту дверь не трогайте.

Всю ночь они пировали и веселились, но что ели и что пили — не запомнили. Не запомнили они и песни, которые слышали в эту ночь, зато забыли о своих печалях. Восемьдесят лет, пируя и веселясь, они прожили в Гвалесе, ни разу не наскучив этой жизнью. Никто из них не считал пройденных лет и не задумывался, почему с ними голова Бендигайда Врана, а не он сам.

Однажды Хайлин, сын Гвинна Хена, не выдержал и сказал:

— Я не я буду, если не открою дверь и не посмотрю, что там за нею.

Он открыл дверь и увидел Корнвахл и Абер Хенвелен. Сразу же рыцари вспомнили обо всех своих бедах и обо всех друзьях и товарищах, погибших в Ирландии. Вспомнили они и о злой участи своего короля. Больше они не могли медлить и тотчас отправились в Лондон. Они похоронили голову Бендигайда Врана на Белой горе, и это была уже третья могила на их пути, и самая несчастливая из всех, потому что ее потом разрыли, а пока ее не разрыли, ни один чужеземец не ступил ногой на эту землю, не захватил ее и не подчинил своей воле.

Такова история рыцарей Могучего Острова, отправившихся в Ирландию.

В Ирландии же никого не осталось в живых, кроме пяти женщин на сносях, успевших спрятаться в пещере в Ирландской пустоши. В одну

и ту же ночь все они разродились здоровыми сыновьями, которых бережно растили, пока они не превратились во взрослых мужей и не задумались о том, что пора им обзаводиться женами. Каждый из пяти юношей взял в жены мать своего друга, и они стали править страной и населять ее.

Пятеро юношей поделили между собой Ирландию, и как они поделили ее, так она поделена и до наших дней. Осмотрев земли, где раньше шли сражения, юноши отыскиали там много золота и серебра.

Так заканчивается второе сказание, в котором рассказывается о несчастье Бранвен, ставшем третьим несчастьем для острова, а также о великом веселье Брана, когда воины ста сорока стран и еще десяти отправились в Ирландию отомстить за обиду Бранвен, а также о семилетнем пире в Харлехе о птицах Хрианон, и о голове короля, похороненной спустя восемьдесят лет после его смерти.

Манавитан, сын Хлира

Когда семеро мужей, о которых мы говорили, похоронили голову Бендигайда Врана на Белой горе в Лондоне, положив ее лицом к Франции, Манавитан посмотрел на Лондон и на своих товарищей и тяжело вздохнул, так у него было безрадостно на сердце.

— Горе мне, Господь Всемогущий! — вскричал он. — Один я на всей земле сегодня без крова!

— Господин, — сказал Прадери, — не печалься. Король Могучего Острова — твой двоюродный брат, и хотя он несправедливо поступил с тобой, ты ведь никогда не претендовал на его земли и владения. Не первого тебя он лишил наследства, а третьего.

— Ты прав, хоть и горько мне видеть его на месте Бендигайда Врана. Никогда я не смогу жить с ним в одной стране.

— Послушай моего совета, — попросил Прадери.

— Слушаю, если тебе есть что сказать.

— В моем владении семь округов, — продолжал Прадери, — и там живет моя мать Хрианон. Я дам ее тебе в жены и дам семь округов в придачу, и хоть сейчас у тебя ничего нет, прекраснее этих семи округов все равно ничего не будет. Моя жена — Киква, дочь Гвинна Глойва. Но эти семь округов я получил в наследство и могу отдать их тебе и Хрианон, если тебя мучает то, что у тебя ничего нет.

— Спасибо, вождь. Господь вознаградит тебя за твою дружбу, но я отказываюсь от твоих владений.

— Я покажу тебе, что такое дружба, если ты мне позволишь.

— Позволю, друг, и Господь вознаградит тебя. Я пойду с тобой, чтобы повидаться с Хрианон и взглянуть на твои земли.

— И хорошо сделаешь, — обрадовался Прадери. — Поверь мне, ты никогда не встречал более сладкоречивой дамы, и красавицей она была на диво в свои лучшие годы. Она и теперь прекрасна.

Они отправились в путь, и, как ни длинна была дорога, в конце концов они добрались до Даведа, а в Нарберте счастливые Хрианон и Киква сразу же приказали готовить пир. Манавитан заговорил с Хрианон, и чем дольше он говорил с ней, тем больше она ему нравилась, и он думал, что никогда еще не случалось видеть даму красивее, чем Хрианон.

— Прадери, — заявил он, поразмыслив. — Я сделаю, как ты сказал.

— А что он сказал? — спросила Хрианон.

— Госпожа, — ответил Прадери, — я предложил тебя в жены Манавитану, сыну Хлира.

— Мне радостно слышать твои слова, — не стала возражать Хрианон.

— И я тоже рад, — сказал Манавитан. — Пусть Господь вознаградит того, кто умеет быть настоящим другом.

Еще не кончился пир, как Хрианон стала его женой.

— Празднуйте и пируйте, — сказал Прадери, — а я отправляюсь в Хлойгир засвидетельствовать мое почтение Касвахлауну, сыну Бели.

— Господин, — возразила Хрианон, — Касвахлаун сейчас в Кенте, и ты можешь еще попить с нами, пока он не вернется оттуда.

— Я подожду, — согласился Прадери.

Кончился пир, они объехали весь Давед, много охотились и развлекались, как могли. Обозревая свои владения, они с каждым днем убеждались, что нигде нет земли красивее, охоты лучше, меда и рыбы больше, и так подружились все четверо, что им и в голову не приходило расстаться хотя бы ненадолго.

Тем не менее Прадери съездил-таки в Оксфорд к Касвахлауну и был у него дорогим гостем, и все славили Прадери за то, что он приехал засвидетельствовать королю свое почтение.

После возвращения Прадери и Манавитан вновь принялись за пиры и веселье. Главный пир был устроен в Нарберте, ибо там находился

главный дворец короля и там его короновали на правление. Едва они утолили первый голод, как встали из-за стола, оставив слуг накрывать вторую перемену, и все четверо в сопровождении свиты отправились на Горсет Нарберт. Они отдыхали там, как вдруг раздался гром, словно начиналась гроза, и на землю опустился такой плотный туман, что в двух шагах ничего не было видно. Потом туман рассеялся и вновь стало светло, как прежде. Друзья посмотрели туда, где раньше паслись стада и стояли жилища, но не увидели ни дыма, ни огня, ни единого следа человеческого обитания. Дворец, правда, стоял на месте, но совершенно пустой, словно в нем никогда не жили ни люди, ни собаки. Да и на горе сидели лишь Прадери с женой и Манавитан с женой, а их свиты и след простыл.

— Господь Всемогущий, куда же все подевались? — вскричал Манавитан. — Где моя челядь и где мои воины? Надо пойти посмотреть.

Они возвратились в пиршественную залу, но там тоже никого не было. Тогда они поднялись на крепостную стену и обошли все спальни — нигде никого. Даже в кухне никого не осталось.

Четверо друзей не стали долго грустить. Они пировали, и веселились, и охотились, и исполняли все свои желания. Они обошли всю страну, заглянули в каждый дом, и везде их встречали лишь дикие звери. Рано ли, поздно ли, у них кончились запасы мяса и вина, и Манавитан с Прадери принялись охотиться и искать мед не для забавы, а ради пропитания. Так прошел один год, потом другой, и в конце концов им стало совсем нечего есть.

— Нельзя больше ждать, — сказал Манавитан. — Надо ехать в Хлойгир.

Они отправились в Хлойгир и поселились в Херефорде. Там Прадери взялся делать седла, а Манавитан золотил луки и покрывал их синей глазурью, как, он видел, делал Хлайсар Хлайсгивневид. И глазурь у него была точно такая же. Ее до сих пор называют Кахл Ласар — синяя глазурь, потому что придумал и сотворил ее Хлайсар Хлайсгивневид.

Пока Манавитан и Прадери занимались этим ремеслом, ни одно седло местных мастеров не нашло себе покупателя во всем Херефорде, и сельщики сильно приуныли из-за этого. Шутка сказать, никто не хотел у них ничего покупать, всем подавай седла чужеземцев. Тогда они собрались на совет и постановили убить Манавитана и Прадери.

Манавитан и Прадери не знали об этом, но, когда их предупредили добрые люди, они решили бежать.

— Клянусь небом, — говорил Прадери, — мы должны не бежать, а убить здешних невежд.

— Ну нет, — возразил Манавитан. — Если мы сцепимся с ними, о нас пойдет худая слава и, не дай бог, нас еще бросят в темницу. Лучше нам переселиться в другой город.

Так они и сделали.

— Что будем делать теперь? — спросил Прадери.

— Будем делать щиты, — ответил Манавитан.

— А ты знаешь, как они делаются?

— Попробуем, авось получится.

И они принялись делать щиты, вспоминая самые красивые, какие только видели раньше, и еще они покрывали их глазурью, как прежде покрывали седла. Припеваючи жили Манавитан и Прадери, зато из местных мастеров ни один не мог продать ни одного щита. К тому же Манавитан и Прадери работали быстро и за короткое время могли снабдить щитами целое войско, так что в конце концов городские мастера сошлись на совет и постановили их убить. Однако и на сей раз Манавитан и Прадери заранее об этом узнали, даже сами слышали, что говорили о них горожане.

— Прадери, — сказал Манавитан, — нас хотят убить.

— Зачем нам бежать? Давай сами нападём на них.

— Нет. Касвахлаун со своими людьми прослышит об этом и убьет нас. Придется нам перебираться в другой город.

Так они и сделали.

— Чем займемся теперь? — спросил Манавитан.

— Чем тебе больше нравится, — ответил Прадери. — Мы много что умеем.

— Будем шить башмаки. Вряд ли среди башмачников найдутся храбрецы, которые захотят с нами подраться и тем более нас убить.

— Это еще как сказать, — усомнился Прадери.

— Так и скажем, — заявил Манавитан. — Я научу тебя шить башмаки. Выделывать кожу мы не станем, купим ее у торговцев, а сами будем только шить.

Они начали с того, что накупили лучшей кожи, какую только смогли найти в городе, а потом заключили договор с золотых дел мастером и заказали ему застежки для своих башмаков, и не простые застежки, а золоченые, причем Манавитан сам научил мастера золотить их особым способом. Так Манавитан стал мастером золотых башмачков, и с тех

пор другим башмачникам не удалось сбыть ни одной пары. Башмачники скоро поняли, что им грозит разорение (потому что Манавитан кроил башмаки, а Прадери их шил, и дело у них спорилось), и тогда они, собравшись все вместе, постановили убить чужаков.

— Прадери, — сказал Манавитан, — башмачники хотят нас убить.

— Долго мы еще будем терпеть? — возмутился Прадери. — Давай первыми нападём на них.

— Нет, мы не станем их убивать, но и в Хлойгире больше не останемся. Поедем-ка мы в Давед. Пора нам посмотреть, что там делается.

Они возвратились в Давед и сразу направились в Нарберт. Там они разожгли очаг и стали охотой добывать себе мясо. Прошел месяц. Манавитан и Прадери собрали псов со всей страны и целый год прожили в Даведе, пробавляясь охотой.

Как-то утром Манавитан и Прадери проснулись, кликнули собак и отправились в лес. Собаки бежали впереди, но едва первые из них приблизились к небольшому кусту, с виду похожему на все остальные, как поджали хвосты и опрометью бросились обратно.

— Надо посмотреть, что там, — сказал Прадери.

Когда они подошли поближе, из куста поднялся дикий кабан с белой как снег шерстью. Подбадриваемые людьми, псы бросились на него, а он, чуть подавшись назад, и не думал от них бежать, пока Манавитан и Прадери не подошли еще ближе. Тогда он еще немного подался назад, а потом уж пустился наутек. Они бросились за ним и бежали без передышки, пока не увидели впереди большой красивый замок, построенный на том самом месте, где, как они знали, раньше не водилось не то что людского жилья, а и порядочного камня. Вепрь вбежал в замок, собаки — за ним. Вепрь и собаки уже скрылись в замке, а Манавитан и Прадери еще не пришли в себя от изумления. С вершины горы Горсет они высматривали своих собак, но те как сквозь землю провалились.

— Господин, — вызвался Прадери, — я пойду в замок и поищу там наших собак.

— Ну нет, — возразил ему Манавитан, — глупо так запросто идти в замок, который мы в первый раз видим. Послушай моего совета, не ходи туда. Этот замок построил тот, кто сотворил колдовство на нашей земле.

— Не могу же я бросить своих собак на произвол судьбы.

Как ни уговаривал его Манавитан, Прадери твердо стоял на своем.

Когда он приблизился к стенам замка, то не увидел ни мужчины, ни женщины, ни собаки, ни вепря. Он вошел в ворота, но внутри тоже никого не было. Зато посреди залы из мраморного пола бил фонтан, а рядом с фонтаном на мраморной подставке стояла золотая чаша, и везде висели золотые цепи, конца которым не было видно.

Прадери восхитился искусной работой мастера, сотворившего чашу. Он подошел ближе и хотел было взять ее в руки, но стоило ему руками коснуться чаши и ногами — мраморной подставки, как радость покинула его, и он застыл на месте, не в силах выговорить ни слова или хотя бы пошевелить пальцем.

Манавитан ждал Прадери до самого вечера, а вечером, поняв, что не видать ему больше ни друга, ни собаки, вернулся во дворец. Едва он вошел, как Хрианон спросила его:

— Где Прадери? И где собаки?

— Послушай, — ответил он, — что случилось.

И обо всем рассказал Хрианон.

— Что ты за воин, — упрекнула его Хрианон, — если бросил в беде лучшего друга.

С этими словами она покинула дворец и направилась к замку по дороге, о которой ей рассказал Манавитан. Ворота замка оказались открытыми, и Хрианон, войдя, почти сразу увидела Прадери, который держал в руке чашу. Она подошла к нему.

— Господин мой, что ты тут делаешь?

Она хотела взять у него чашу, но только коснулась ее, как приросла к мрамору и больше не произнесла ни слова. Тем временем наступила ночь, прогремел гром, на землю спустился туман, замок исчез, и они вместе с ним.

Когда Кяква, дочь Гвинна Глойва, поняла, что Прадери и Хрианон не вернутся во дворец и они остались вдвоем с Манавитаном, она сильно опечалилась. Ей даже расхотелось есть и стало безразлично, жива она еще или уже умерла.

Манавитан все видел.

— Ты ошибаешься, если ведешь себя так из страха передо мной. Клянись небом, сколько я проживу на земле, столько буду тебе верным другом. Знаешь, давным-давно я поверил Прадери, и как я дружил с ним, так буду дружить с тобой. Не бойся меня. Я призываю небеса, что сделаю для тебя все, что в моих силах, пока Господу угодно ниспосылать на нас несчастья.

— Господь вознаградит тебя, — отозвалась Киква. — Ты правильно меня понял.

Киква вновь обрела твердость и была этому рада.

— Воистину, госпожа, не след нам оставаться тут, когда мы потеряли наших собак и не можем добыть себе еды, — сказал Манавитан. — Пойдем в Хлойгир. Там легче прокормиться.

— Так и сделаем, — согласилась Киква.

И они отправились в Хлойгир.

— Господин, — спросила Киква, — чем мы будем жить? Какое ты выберешь ремесло?

— Нечего мне больше выбирать. Буду шить башмаки, как прежде.

— Господин, — сказала тогда Киква, — это ремесло не годится для высокородного вождя.

— Ничего. Им я, по крайней мере, прокормлюсь, — ответил ей Манавитан.

Едва придя в город, он сразу же взялся за дело — стал шить башмаки и золотить застежки к ним. Сколько он ни шил башмаков, все с легкостью продавал, а остальные башмачники никак не могли сбыть свой товар с рук. Никто им ничего не заказывал, и никто у них ничего не покупал. Так прошел год. Башмачники очень завидовали Манавитану и, не выдержав, сошлись на совет, но один добрый человек предупредил вождя о том, что башмачники хотят его убить.

— Господин, — спросила Киква, — что нам делать?

— Возвратимся в Давед, — сказал ей Манавитан.

Они опять возвратились в Давед, правда, теперь Манавитан захватил с собой мешок с зерном. Они пришли в Нарберт, и Манавитан, как никогда, обрадовался, что вновь видит землю, на которой он охотился вместе с Прадери и Хрианон. Он стал ловить рыбу и загонять оленей в лесу, а потом потихоньку принялся готовить землю и засеял одно поле, другое и третье. Никогда еще на земле не было пшеницы лучше, и таких тучных колосьев еще ни один человек в глаза не видывал.

Подошло время уборки урожая. Манавитан осмотрел свои поля.

— Завтра я буду жать, — сказал он Кикве.

Он провел ночь в Нарберте, а когда рано утром вернулся на поле, то не нашел на нем ничего, кроме ободранных стеблей. Ни один колос не осыпался на землю, все они были аккуратно срезаны и унесены неведомо куда. Манавитан очень удивился.

Он пошел на другое поле — посмотреть, как там дела.

— Я буду жать завтра, — сказал он.

Наутро он вернулся на поле, и опять оно было голым-голо.

— Господь Всемогуший! — воскликнул он. — Кто бы ни начал войну против меня, он собирается довести ее до конца и погубить вместе со мной мою страну.

Он пошел взглянуть на третье поле и увидел, что там выросла пшеница, краше которой не найти на всей земле.

Тогда Манавитан сказал:

— Если я не буду беречь урожай этой ночью, опять случится беда. Тот, кто опередил меня сегодня и вчера, наверняка намерен поступить так и завтра. По крайней мере, надо узнать, кто это.

Он взял меч и пошел сторожить свое поле, но прежде все рассказал Кикве.

— Что ты будешь делать? — спросила она.

— Буду сторожить.

Так Манавитан оказался вечером в поле, а в полночь зашумело кругом, загудело, и он увидал полчище мышей, которых невозможно было пересчитать. Сначала он ничего не понял, но, когда мыши направились на поле и каждая залезла повыше на стебель, а потом, нагнув его своей тяжестью, принялась перегрызать его, так что не осталось ни одного незанятого колоса, Манавитан пришел в ярость.

Однако ему было не легче сладить с мышами, чем с птицами в небе. Но за одной мышью, самой неловкой, он все-таки погнался, с трудом поймал ее, сунул в рукавицу и принес во дворец, а там сразу направился в залу, где Киква разожгла огонь, и повесил рукавицу на крючок.

— Господин, что в этой рукавице? — спросила Киква.

— Воришка, который грабит меня.

— Что же это за воришка, если помещается в рукавице?

— Я тебе скажу.

И Манавитан рассказал Кикве, как мыши пришли на его поле и унесли всю пшеницу.

— Одна из этих мышей сейчас у меня в рукавице, — закончил свой рассказ Манавитан, — и завтра утром я ее повешу, а если мне удастся переловить их всех, то я их всех перевешаю.

— Господин, — молвила Киква, — никогда я не слышала ничего чудеснее, только мне кажется, что для такого высокородного вождя унижительно возиться с мышами. Не трогай ты их и эту отпусти домой по добру-поздорову.

— Горе мне, если я не перевешаю всех, которых мне удастся поймать. А ту, что я уже поймал, я точно повешу.

— Воистину, господин, незачем мне защищать этих зверюшек, — уговаривала его Киква. — Я лишь хочу уберечь тебя от беды. А ты делай, как пожелаешь.

— Если бы ты назвала мне хоть одну причину, почему я должен отпустить мышь, я бы это сделал, — сказал Манавитан, — но ты, госпожа, пока не назвала ни одной.

— Делай как хочешь.

Манавитан отправился на Горсет Нарберт, не забыв прихватить с собой мышь. На вершине он воткнул в землю две раздвоенные на концах палки, но едва он это сделал, как увидел приближающегося к нему школяра в лохмотьях. Семь лет не появлялись на этом месте ни звери, ни люди, кроме четверых, из которых двое тоже пропали.

— Господин, — сказал школяр, — пусть будет добрым твой день.

— Тебе тоже всех благ, — ответил Манавитан. — Откуда путь держишь?

— Из Хлойгира, господин, а почему ты спрашиваешь?

— Потому что вот уже семь лет я не видел здесь ни одного человека, кроме четырех, да вот теперь вижу тебя.

— Я иду домой. А ты чем занят, господин?

— Вешаю вора, который меня ограбил.

— Вора? — переспросил школяр. — Я вижу мышонка у тебя в руках, а ведь человеку твоего звания не пристало касаться такого низкого существа. Отпусти его.

— Клянусь небом, не отпущу. Этот мышонок грабил меня на моих глазах, а я поймал его и повешу.

— Господин, я не хочу, чтобы человек твоего звания так унижал себя, потому возьми у меня фунт, который мне дали из милости, и отпусти мышонка.

— Не отпущу, — стоял на своем Манавитан, — и не продам его.

— Как пожелаешь, господин, — сказал школяр. — Просто я еще не видел, чтобы человек твоего звания касался руками мыши.

И пошел своей дорогой.

Когда Манавитан положил поперечину на две раздвоенные палки, он увидел священника в богатых одеждах и на коне.

— Господин, пусть будет добрым твой день.

— Тебе тоже всех благ, — сказал Манавитан. — Благослови меня.

— Пусть будет с тобой благословение Господне. А что, господин, ты делаешь?

— Вешаю вора, которого поймал на месте преступления.

— Кто же этот вор?

— А вот, видишь, мышонок. Он грабил меня, а я его поймал.

— Господин, не касайся руками этого недостойного существа, лучше отпусти его.

— Ни за что, клянусь небесами, не отпущу мышонка и не продам его.

— Ты прав, господин, покупать тут нечего, но я не хочу смотреть, как ты унижаешь себя, поэтому лучше я дам тебе три фунта, и ты отпустишь его.

— Ни за какие деньги, — стоял на своем Манавитан. — Он провинился и должен быть повешен.

— Что ж, делай как знаешь.

И священник поехал дальше.

Когда Манавитан накинул петлю на шею мышонка, откуда ни возьмись явился епископ со свитой. Манавитан застыл на месте, когда епископ подошел к нему.

— Благослови меня, епископ, — попросил он.

— Пусть будет с тобой благословение Господне. А что ты делаешь?

— Вешаю вора, которого поймал на месте преступления.

— Не мышонка ли, которого я вижу в твоих руках?

— Да. Он воровал у меня зерно.

— А... Уж коли я оказался тут, то, пожалуй, дам тебе семь фунтов, чтобы человек твоего звания не марался о столь недостойное существо. Отпусти его, и я дам тебе деньги.

— Я поклялся небесами, что не отпущу его.

— А если я дам тебе двадцать четыре фунта, отпустишь?

— Не отпущу.

— Если ты не хочешь отпустить его за двадцать четыре фунта, я отдам тебе всех коней, которых ты тут видишь, и все мешки с добром, и семь лошадей, которые их везут.

— Нет, клянусь небесами.

— Тогда назови свою цену, — предложил епископ.

— Назову, — согласился Манавитан. — Пусть Прадери и Хрианон вновь станут свободными.

— Будь по-твоему.

— Все равно я не отпущу мышь.

— Чего же ты хочешь?

— Расколдуй семь округов Даведа.

— Будь по-твоему. Отпусти мышь.

— Не отпущу, клянусь небом. Я хочу знать, кто эта мышь.

— Она — моя жена.

— Все равно я не отпущу ее. Зачем она пришла ко мне?

— Чтобы погубить тебя, — ответил епископ, — потому что я — Хлуид, сын Килкойда. Я заколдовал семь округов Даведа, чтобы отомстить за Гваула, сына Клида, у которого научился колдовству. За Гваула, сына Клида, я отомстил Прадери. За игру в «барсука в мешке», в которую с Гваулом сыграл Пуихл Пен Аннувин при дворе Хевейта Хена. Когда ты поселился здесь, все мои родичи пришли ко мне и попросили превратить их в мышей, чтобы они могли погубить твой урожай. Это мои родичи растащили зерно с твоего первого поля и со второго тоже. А на третью ночь ко мне явилась моя жена со своими дамами, и я превратил их в мышей. Моя жена носит моего ребенка. Не будь она в тягости, ни за что бы тебе не поймать ее. Но что было, то было. Я освобожу Прадери и Хрианон и расколдую Давед. Теперь ты знаешь, кто эта мышь. Освободи ее.

— Не освобожу, клянусь небесами.

— Чего же ты хочешь?

— Чтобы ты никогда больше не колдовал в Даведе и никто другой не колдовал.

— Сделаю. А теперь отпусти ее.

— Нет, ни за что.

— Чего же тебе надо?

— А вот чего. Чтобы никто никогда больше не мстил ни Хрианон, ни Прадери, ни мне.

— И это я тебе обещаю. Мудро ты сделал, что попросил об этом, а то не сносить бы тебе головы.

— Ага, этого я и боялся.

— Ну а теперь ты отпустишь мою жену?

— Нет, клянусь небесами, пока не увижу живыми и здоровыми Прадери и Хрианон.

— Вот они.

Тотчас появились Прадери и Хрианон. Манавитан подошел и, поздоровавшись, сел рядом с ними.

— Эй, вождь, отпусти мою жену. Разве ты не получил все, что хотел?

— С радостью отпущу ее.

Манавитан разжал кулак.

Хлуид прикоснулся к мыши волшебной палочкой, и она превратилась в прекрасную молодую женщину.

— Манавитан, оглянись кругом, — сказал Хлуид. — Ты увидишь свои земли ухоженными и людей здоровыми.

Манавитан встал и огляделся и, куда бы он ни посмотрел, везде видел либо людское жилье, либо пасущееся стадо.

— Какие же знаки неволи носили на себе Прадери и Хрианон?

— Прадери носил на шее дверной молоток от моего дворца, а Хрианон — ослиные хомуты, которые снимали с ослов после того, как они привозили во дворец сено.

Вот что они носили. Поэтому третье сказание называли сказанием о Меннвайр и Менорд.

На этом заканчивается третье сказание.

Мат, сын Матонви

Мат, сын Матонви, был господином над Гвинетом, а Прадери, сын Пуихла, был господином над двадцатью одним округом на юге, в которые входили семь округов Даведа, и семь округов Морганука, и четыре округа Кередициауна, и три — Астрэд Тави.

Надо сказать, что Мат, сын Матонви, жить не мог, если рядом с ним не было какой-нибудь девицы, и изменить это могла лишь война. В то время с ним жила Гойвин, дочь Пебина из Дол Пебина, что в Авроне, и она была самой прекрасной из девиц, которые когда-либо жили на земле.

Мат все время проводил в Кайр Датиле, что в Авроне, и потому не мог следить за порядком в своих владениях, но у него были два племянника, Гилвайтви, сын Дона, и Гвидион, сын Дона, сыновья его сестры, и они занимались его хозяйством.

Девица была при Мате неотлучно, когда ее полюбил Гилвайтви, сын Дона, и полюбил так сильно, что захотел умереть и стал из-за своей любви таять на глазах. Он очень изменился и телом и душой, и вскоре даже близкие с трудом узнавали в нем прежнего Гилвайтви.

Как-то раз его брат Гвидион внимательно посмотрел на него.

— Юноша, ты, часом, не заболел? — спросил Гвидион.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что вижу, как ты переменялся.

— Мой брат и господин, меня губит не болезнь.

— А что же?

— Ты знаешь, — сказал Гилвайтви, — все здесь принадлежит Мату, сыну Матонви, и мы даже шепотом ничего не можем сказать, чтобы ветер не отнес ему наши слова.

— Да, это мне известно, — кивнул головой Гвидион. — Но будь спокоен, я знаю твою тайну: ты любишь Гойвин.

Гилвайтви, поняв, что брату все известно, тяжело вздохнул.

— Молчи и не вздыхай. Если ты сам не можешь ее получить, я сделаю так, что и Гвинет, и Повис, и Дехай-барт будут сражаться за нее. Поэтому развеселись и положишь на меня.

И они отправились к Мату, сыну Матонви.

— Господин, — сказал Гвидион, — до меня дошли слухи, что в округе появились невиданные прежде звери.

— Как их называют? — спросил Мат.

— Свины, господин.

— На кого они похожи?

— Они небольшие, но кожа у них мягче кожи теленка.

— Небольшие?

— Они меняют свои имена. Теперь их зовут хрюшками.

— Кто же ими владеет?

— Прадери, сын Пуихла. Их прислал ему Араун, король Аннувина.

— Как их у него забрать?

— Я оденусь бардом и отправлюсь к нему, прихватив с собой еще одиннадцать бардов.

— Он тебе откажет.

— Мое путешествие не будет напрасным, господин, я вернусь со свиньями.

— Что ж, тогда собирайся в путь.

Гвидион и Гилвайтви, взяв с собой еще десять мужей, явились в Кередигнаун, который теперь известен как Хритлан Тайви, где был дворец Прадери. Так как они изображали бардов, то их радостно встретили, и Прадери усадил Гвидиона рядом с собой за стол.

— Сказать по правде, — не выдержал Прадери, — я бы с удовольствием послушал кого-нибудь из твоих товарищей.

— Господин, — ответил ему Гвидион, — у нас есть обычай. В первый вечер, когда нас принимают во дворце, поет старший из нас. Позволь, и я с радостью спою для тебя.

Надо сказать, что Гвидион был самым искусным сказителем из всех, кто жил тогда на земле, а на сей раз он особенно постарался, да и сам Прадери слушал его как зачарованный.

Потом Гвидион спросил Прадери:

— Господин, угодно ли тебе, чтобы кто-нибудь другой высказал тебе нашу просьбу или позволишь сказать мне?

— Говори, — сказал Прадери.

— Тогда слушай, господин, мою просьбу. Дай мне тех животных, что были привезены тебе из Аннувина.

— Ничего не было бы проще, — воскликнул Прадери, — если б я с моими подданными не заключил соглашение! Свиной нельзя увезти отсюда, пока их не станет в три раза больше, чем было сначала.

— Господин, я могу освободить тебя от твоего обещания. Вот как я это сделаю. Сегодня ты не дашь мне ни одной свиньи, но и не откажешь в моей просьбе, а завтра мы устроим обмен.

Вечером Гвидион со своими людьми удалился в отведенные им покои, и они стали держать совет.

— Увы нам, друзья мои, Прадери не отдаст свиней.

— Что ж, надо иначе завладеть ими.

— Я все устрою, — сказал Гвидион.

И он стал творить колдовство. Вскоре, откуда ни возьмись, появились двенадцать боевых коней и двенадцать черных борзых. Все борзые с белой грудью, и каждая в ошейнике и на поводке на вид из чистого золота. На конях тоже были двенадцать седел из железа и золота и точно такие же уздечки. С конями и псами Гвидион пришел к Прадери.

— Здравствуй, господин.

— Господь с тобой.

— Господин, я пришел освободить тебя от твоего слова. Не дари и не продавай свиней. Обменяй их с прибылью для себя. Двенадцать коней с упряжью и под седлами и еще двенадцать псов с ошейниками и поводками, да еще двенадцать позолоченных щитов я дам тебе за них.

Двенадцать грибов он превратил в двенадцать щитов.

— Что ж, — сказал Прадери, — будем держать совет.

И они порешили отдать Гвидиону свиней, а за то взять у него лошадей, и собак, и щиты.

Гвидион и товарищи покинули дворец, не забыв забрать свиней, и отправились в обратный путь.

— Ах, друзья мои, нам следует торопиться, — сказал Гвидион. — Чары имеют силу ровно сутки.

Всю ночь они мчались, не останавливаясь, через Кередириаун по направлению к тому месту, которое до сих пор называется Мохдрев. На другой день они так же в спешке пересекли Менелит, лишь на ночь задержавшись в городе Мохдрев, что между Кери и Арвистли. Наутро они покинули его и ехали до самого Коммота, что в Повисе, который по той же причине стали называть Мохнант, и там они переночевали, а потом добрались до округа Хрос, и то место, в котором они заночевали, тоже стало называться Мохдрев.

— Храбрые мужи, — сказал Гвидион, — мы должны как можно быстрее добраться до Гвинета, потому что за нами вдогонку уже собирают войско.

Они явились в самый большой город в Архлехвете и там построили свинарник, отчего городу навеки дано имя Крайвирион, а после того как они построили свинарник, они отправились к Мату, сыну Матонви, в Кайр Датил. Там все были в доспехах.

— Что случилось? — спросил Гвидион.

— Прадери призвал двадцать один округ, чтобы снарядить за вами погоню, — отвечали им люди. — Удивительно, что вы так долго добрались и все-таки ускользнули от него.

— Где же свиньи? — спросил Мат.

— В свинарнике, который мы построили в соседнем округе, — ответил Гвидион.

Тут они услышали, что трубят в рог, и увидели войско, которое в боевом порядке направлялось в Пенард, что в Арвоне.

В ту ночь Гвидион, сын Дона, и его брат Гилвайтви возвратились в Кайр Датил, и Гилвайтви силой взял ложе Мата, сына Матонви. Он выгнал из покоев всех дам, а Гойвин заставил остаться.

Когда рассвело, братья возвратились к Мату, сыну Матонви, и стали держать совет, в каком округе им лучше дожидаться Прадери с его войском. Долго они совещались и в конце концов решили стоять в Гвинете, что в Арвоне. Между двумя Майнорами — Майнор Пенатом и Майнор Койд Алином — они расположились в ожидании, и там Прадери напал на них. В жестокой битве погибло много воинов с обеих сторон, но воины с юга были обращены в бегство. Не останавливаясь,

они бежали до Нанткохла, где их догнали воины Мата, вновь устроившие резню, и бежали дальше — до места под названием Дол Пен Майн, где они почувствовали себя в безопасности и стали искать мира.

Прадери был вынужден оставить заложников, которыми стали Гурги Гвастра и еще двадцать три знатных мужа, и после этого, не вступая в битву, добрался до Трайт Маура, но, когда он с остатками войска бежал в Меленрид, никто не мог помешать простолюдинам стрелять в него. Прадери послал к Мату послов, которые умоляли его простить подданных Прадери, оставив Прадери и Гвидиону, сыну Дона, который сотворил зло в доме Прадери, разбираться в своих обидах.

— Клянусь небесами, — сказал Мат послам, — если Гвидион, сын Дона, согласен, то и я тоже. Я никого не неволю сражаться на поле боя без крайней нужды.

— Твоя правда, — отвечали послы. — И Прадери то же говорит: пусть Гвидион станет с ним лицом к лицу, а воины тут ни при чем.

— Клянусь Богом, я не буду просить народ Гвинета сражаться из-за меня. И если Прадери готов биться со мной один на один, я с радостью принимаю его вызов, — заявил Гвидион.

Послы все от слова до слова передали Прадери, и он сказал:

— Воистину никто не скажет, что я кого-то просил сражаться вместо себя.

Прадери и Гвидион вооружились и вышли друг против друга. Силой, напором и колдовством Гвидион одолел и убил Прадери, который был похоронен на Майн Тириауке, что возвышается над Меленридом. Там могила Прадери.

В печали воины с юга отправились домой, и ничего в этом не было удивительного, потому что в походе они потеряли своего господина и многих самых лучших воинов, не говоря уж о конях и оружии.

Зато воины Гвинета вернулись домой радостными.

— Господин, — сказал Гвидион Мату, — разве не правильно мы поступим, если освободим заложников, которых нам оставил Прадери? Не пристало нам держать их в узилище.

— Освободи их, — приказал Мат.

Так юноши из страны Прадери получили свободу и возвратились домой живыми и невредимыми.

Мат поскакал в Кайр Датил, а Гилвайтви с другими родичами Мата отправился объезжать его владения.

Едва Мат вошел в свои покои, он приказал готовить ложе, желая отдохнуть, положив ноги на колени Гойвин.

— Господин, — сказала ему Гойвин, — придется тебе поискать другую девицу и класть ноги ей на колени, потому что я нечиста перед тобой.

— Как это?

— Меня взяли силой, господин, и я кричала, поэтому все во дворце знают, как было дело. И надругались надо мной твои племянники, господин, сыновья твоей сестры, Гвидион, сын Дона, и Гилвайтви, сын Дона. Злое дело сотворили они со мной, а тебя обесчестили.

— Ты права! — вскричал Мат. — И я не пощажу их. Но сначала позволь мне вознаградить тебя. Потом я займусь ими. Будь моей женой и прими в свои руки владение моими землями.

Гвидион и Гилвайтви долго боялись появляться при дворе, но не покидали владений Мата, пока он не запретил своим подданным кормить их. Не сразу они пересилили страх, но не стерпели голода.

— Господин, — сказали они, — здравствуй.

— Уж не за вознаграждением ли вы пожаловали ко мне?

— Господин, мы вверяем себя твоей воле.

— По вашей вине я потерял много могучих воинов и много оружия. А чем вы искупите другую вину передо мной, ведь вы обесчестили меня? Я уж не говорю о Прадери. Но все-таки вы пришли ко мне и готовы подчиниться моей воле, поэтому я назначаю вам наказание.

Он взял волшебную палочку и, коснувшись ею Гилвайтви, превратил его в оленя. Гвидион бросился было бежать, но не тут-то было. Мат и его коснулся волшебной палочкой, и он тоже стал оленем.

— Я назначил вам одинаковое наказание, поэтому будьте вместе и будьте друзьями, и пусть душа и природа у вас станут оленьими. А через год приходите вновь.

Прошел год. Кто-то зашумел возле дворца, потом залаяли собаки.

— Посмотрите, — приказал Мат, — что там такое.

— Господин, там два оленя и олененок с ними.

Мат встал и вышел из дворца. Он увидел трех оленей и поднял волшебную палочку.

— Год вы были оленьями, а теперь год побудьте дикими вепрями.

Он коснулся племянников волшебной палочкой.

— Олененка я возьму к себе и окрещу его.

Мат нарек его Хадун.

— Вы же идите и будьте душой и природой тем, чем вы стали с виду. Через год, день в день, приходите вновь.

Прошел год, и опять громко залаяли дворцовые собаки. Все домо-чадцы Мата сбежались посмотреть, что происходит во дворе, а потом вышел сам Мат, и ему явились три зверя, два взрослых и один молодой, правда очень большой для своего возраста.

— Я его возьму, — сказал Мат, — и окрещу его.

Он коснулся его волшебной палочкой, и тотчас вепренок превратился в красивого юношу с рыжими волосами, которого Мат нарек Хадун.

— Что же до вас, то вы были вепрями, а теперь побудьте волками. — Он коснулся их волшебной палочкой. — Душой и природой станьте такими, какие вы с виду, а через год приходите.

Прошел год, и вновь поднялся шум, залаяли собаки, и Мат вышел во двор. Он увидел двух взрослых волков и одного крепкого волчонка с ними.

— Я его возьму, — сказал Мат, — и окрещу его. У меня и имя ему припасено — Блайтун. Теперь их трое у меня.

И он запел:

Три сына лживого Гилвайтви,
Три верных воина,
Блайтун, Хадун и Хадун Длинный.

Он коснулся палочкой взрослых волков, и они превратились в людей.

— За зло, которое вы мне причинили, вы сполна ответили позором и бесчестьем. А теперь, — крикнул он слугам, — готовьте для них драгоценные умащения, мойте их и одевайте в лучшие одежды.

Как он сказал, так и было сделано.

Умытые и разодетые пришли юноши к Мату, сыну Матонви.

— Ну что ж, мои родичи, вы отбыли наказание, а теперь я предлагаю вам дружбу. Дайте мне совет: не знаете ли вы девицу, которая пошла бы мне в жены?

— Господин, — отвечал Гвидион, сын Дона, — нет ничего легче. Тебе нужна Арианрод, дочь Дона и твоя племянница, дочь твоей сестры.

Они привезли ее к нему, и она предстала перед ним.

— Девица, — спросил Мат, — ты и в самом деле девица?

— Не знаю, господин, я такая, какая есть.

Тогда он взял волшебную палочку и низко опустил ее.

— Перешагни через нее, и я сам скажу тебе, кто ты.

Она перешагнула через палочку, и тотчас появился светловолосый юноша. Он окликнул ее, и Арианрод бросилась к дверям. А еще появился младенец, которого никто не успел разглядеть, потому что Гвидион, быстро завернув его в бархатное покрывало, спрятал в сундуке в изножии кровати.

— Пусть будет так, — сказал Мат, сын Матонви. — Окрестите этого юношу и нарежьте Диланом.

Юношу повели крестить, а потом он взял и уплыл в море, в котором обрел свою природу и мог жить лучше всякой рыбы. Поэтому-то его и называли Дилан, сын Волны. Волна всегда поддерживала его, а смертельный удар ему нанес его дядя Гованнон. Это был третий и роковой удар.

Гвидион спал на своей кровати, как вдруг услышал тихий плач, который доносился до него из сундука. Плач был не такой громкий, чтобы все его слышали, но Гвидион проснулся, торопливо открыл сундук и увидел малыша, который изо всех сил разворачивал бархатное покрывало. Гвидион взял его на руки и отнес женщине, чтобы она его выкормила.

Прошел год.

К концу первого года малыш уже был ростом с двухлетнего ребенка, а к концу второго года сам отправился во дворец. Гвидион увидел его, и мальчик узнал его и полюбил больше кого бы то ни было. Так мальчик жил при королевском дворе, пока ему не исполнилось четыре года, а ростом и умом он был с восьмилетнего.

В один прекрасный день Гвидион отправился в путь и взял с собой мальчика. Они подъехали к замку Арианрод, и Арианрод вышла поздороваться с Гвидионом, и Гвидион тоже поздоровался с ней.

— Что за мальчик с тобой? — спросила она.

— Мой сын, — ответил он.

— Горе мне! — воскликнула она. — Зачем ты меня позоришь? Зачем ты ищешь моего бесчестья и никак не успокоишься?

— Если ты мучилась от стыда так же, как я, воспитывая мальчика, то невелик был твой стыд.

— Как его зовут?

— У него нет имени.

— Пусть так и будет. Никто его не наречет, пока я сама не нареку его, когда захочу.

— Клянусь небом, ты злая женщина. Но что бы ты ни говорила, мальчик получит имя. Тебя мучает одно — никто больше не называет тебя девицей.

В ярости Гвидион покинул Арианрод и возвратился в Кайр Датил.

На другое утро он взял мальчика и отправился с ним по берегу моря до самого Абер Меная. Там Гвидион из осоки и морских водорослей сделал лодку, а из сухих веток и сухой осоки у него при помощи колдовства получилась хорошая кожа. Когда же он покрасил ее, то и вовсе никому еще не доводилось видеть ничего красивее. Он поставил в лодке парус и поплыл с мальчиком по морю к замку Арианрод.

Он стал шить башмаки и занимался этим до тех пор, пока его не заметили из замка, и тогда он поменял обличье свое и мальчика, чтобы их никто не узнал.

— Что за люди там в лодке? — спросила Арианрод.

— Кожевники, — ответили ей.

— Посмотрите, что у них за кожа и какую работу они делают?

Когда слуги Арианрод подошли к лодке, Гвидион как раз золотил и красил кожу, о чем они и доложили своей госпоже.

— Что ж, — сказала Арианрод, — снимите мерку с моей ноги, пусть они сошьют для меня башмаки.

Гвидион сшил для нее башмаки, но не по мерке, и когда она их надела, то они оказались ей велики.

— Слишком велики, — сказала Арианрод, — но все равно заплатите им. И пусть они сошьют другие, поменьше.

Гвидион сшил другие, но и они оказались ей малы.

— Скажите им, что эти не налезают мне на ноги.

Слуги передали Гвидиону слова Арианрод.

— Клянусь, я больше не буду шить ей башмаки, пока своими глазами не увижу ее ноги.

С тем слуги вернулись к Арианрод.

— Ладно, — молвила она, — так и быть, спустись к ним.

Она вышла из дворца, и, когда приблизилась к лодке, Гвидион был занят тем, что кроил башмаки, а мальчик сшивал их.

— Здравствуй, госпожа, — приветствовал ее Гвидион.

— Господь с тобой. Никак не пойму, почему ты не можешь по мерке сшить мне башмаки.

— Раньше не мог, а теперь у меня получится как надо.

Тут невесть откуда прилетел крапивник. Мальчик выстрелил и попал ему в лапу прямо между мышцей и костью.

— Твердая у тебя рука, с такой и на льва можно идти.

— Небо не будет к тебе благосклонно, но мальчик все-таки получил имя, и хорошим именем ты его нарекла. Хлев Хлав Гифес будет он зваться отныне. Лев с твердой рукой.

Кожа исчезла, словно ее никогда не было. Вновь появились водоросли и осока, и Гвидион больше не шил башмаки.

— Ты прав. Лучше ты ничего не мог придумать, чтобы мне насолить.

— Пока еще я не насолил тебе, — ответил Гвидион, возвращая мальчику его облик.

— Что ж, — не сдалась Арианрод. — Пусть будет так. Но мальчику никогда не взять в руки оружия, пока я сама не одарю его им.

— Клянусь небом, — вскричал Гвидион. — Злись не злись, а у мальчика будет оружие.

Они отправились в Динас Динхлев и там жили, пока Хлев Хлав Гифес не научился легко управляться с конем. Он вырос в прекрасного лицом и телом юношу, но Гвидион знал, что ему свет не мил без коня и меча, и призвал его к себе.

— Завтра мы уезжаем, — сказал он, — так что гляди веселей.

— Хорошо.

На другой день, едва занялась заря, Гвидион и Хлев Хлав Гифес отправились к берегу моря, а потом в сторону Брин Ариена. На вершине Кевн Клидно они нашли для себя коней и поехали в замок Арианрод. Приблизившись к воротам, они приняли обличье двух юных друзей, разве лишь Гвидион был с виду посильней своего товарища.

Слугу, который стоял у ворот, он послал к хозяйке:

— Иди и скажи в замке, что мы барды из Гламоргана.

Слуга отправился исполнять приказание.

— Впусти их, — приказала Арианрод, — на них благословение Господне.

Встретили бардов в замке с превеликой радостью, и богатые столы накрыли в пиршественной зале. Когда съели все мясо, Арианрод завела с Гвидионом разговор о сказках и сказаниях, ведь Гвидион был отменным сказителем, а когда пришло время покинуть пиршественную залу, Гвидион и юноша отправились в приготовленные для них покои.

Еще было темно, когда Гвидион встал с ложа и призвал к себе все силы своего колдовства и своего могущества. Вскоре поднялся несусветный

шум, словно много людей одновременно взялись трубить в роги и кричать что было мочи. В дверь постучали, и Арианрод попросила Гвидиона и юношу впустить ее. Юноша открыл дверь, и в покои в сопровождении девицы вошла Арианрод, запричитав с порога:

— Ах, добрые юноши, беда у нас.

— Мы слышим, там трубят и кричат, — подтвердил Гвидион. — Может быть, ты знаешь, что это значит?

— Поверишь ли, моря не видно, столько там кораблей спешит к берегу. Что нам делать?

— Госпожа, — ответил Гвидион, — я дам тебе совет. Прикажи закрыть ворота и защищай свой замок, а мы тебе поможем.

— Господь воздаст вам за вашу доброту, если вы поможете нам, а оружия у нас много.

Она отправилась за оружием и доспехами и вернулась с двумя девицами, которые несли все, что нужно.

— Госпожа, — сказал Гвидион, — ты помоги моему товарищу, а мне помогут твои девицы. О, я слышу, войны уже близко.

— Так я и сделаю.

И Арианрод, не мешкая, помогла своему сыну облачиться в доспехи.

— Ты закончила? — спросил Гвидион.

— Закончила, — ответила она.

— Я тоже, — сказал Гвидион. — А теперь позволь нам снять доспехи, потому что они нам не нужны.

— Как же так? — вскричала Арианрод. — Ведь замок окружен!

— Нет, госпожа, никто его не окружал.

— Кто же тогда шумел?

— Это я шумел, чтобы ты нарушила клятву, ведь ты по доброй воле и собственными руками снарядила своего сына на битву, и теперь уже ничего не изменишь.

— Господи! — вздохнула Арианрод. — Не ждала я от тебя такого коварства. Много юношей могло погибнуть сегодня из-за поднятой тобой суматохи. Пусть будет так. Но ему не взять в жены девицу из тех, что живут теперь на земле.

— Ты злобная тварь, и никто не должен тебе помогать. А жена у него будет.

Гвидион и Хлев Хлав Гифес пошли к Мату, сыну Матонви, и пожаловались ему на жестокую Арианрод. Заодно Гвидион рассказал, как заставил ее дать юноше оружие.

— Ладно, — проговорил Мат, — давай попробуем сотворить для него жену из цветка. Он уже взрослый, и нет на земле юноши краше него.

Из цветка дуба, цветка ракиты и цветка таволги они сотворили девицу, какой еще не видывали глаза человека, а потом окрестили ее и нарекли Блодайвет.

За свадебным пиром Гвидион сказал:

— Нелегко человеку жить, не имея своей земли.

— Ты прав, — согласился с ним Мат. — Отдам-ка я молодым свой лучший округ.

— Какой округ, господин?

— Округ Динодиг.

В наши дни это Айвионит и Ардидуи.

В округе Динодиг, в том месте, которое называлось Мир И Кастехл, во дворце поселились Хлев Хлав Гифес и Блодайвет. Хлев Хлав Гифес был храбр и справедлив, и его подданные любили его и его жену.

Как-то раз, когда он гостил в Кайр Датиле у Мата, сына Матонви, Блодайвет шла по двору и, услышав, что трубят в рог, увидела оленя, бежавшего из последних сил. Следом за ним появились собаки и охотники, а за собаками и охотниками — множество пеших людей.

— Пусть кто-нибудь помоложе сбегает и узнает, чье это воинство.

Юный гонец во всю прыть помчался исполнять ее приказание.

— Здесь Гронв Пебир, король Пенхлина, — сказали ему.

И гонец вернулся к своей госпоже.

Гронв Пебир загнал оленя и убил его на берегу реки Кинвайл, где он пробыл до темноты, отгоняя от оленя собак, а потом подошел к воротам замка, где жила Блодайвет.

— Наверно, вождь плохо о нас подумает и всем расскажет, если мы не пустим его на ночь.

— Ты права, госпожа.

Ворота отворили, гостя провели во дворец, и сама Блодайвет вышла поздороваться с ним.

— Госпожа, пусть Господь благословит тебя.

Они сели ужинать. Когда Блодайвет смотрела на Гронва Пебира, ее сердце переполнялось любовью. И его сердце, когда он смотрел на нее, тоже переполнялось любовью. Гронв Пебир не стал скрывать от Блодайвет своих чувств и прямо сказал ей, что любит ее. Блодайвет обрадовалась, и до утра они проговорили о своей любви, которая расцвела всего за одну ночь.

На другое утро им предстояло разлучиться, но Блодайвет попросила Гронва Пебира:

— Молю тебя, останься еще на один день.

День и ночь они провели в разговорах о том, как им поступить, чтобы больше не разлучаться.

— Есть только один способ, — сказал Гронв Пебир. — Ты должна выспросить у Хлева Хлава Гифеса, какой смертью ему предсказано умереть. Сделай это под видом заботы о нем.

На другой день Гронв собрался в путь.

— Молю, не покидай меня, — попросила его Блодайвет.

— Если ты не хочешь, я не поеду, но ты сама знаешь, король может сегодня возвратиться.

— Завтра я обещаю отпустить тебя.

И опять он собрался в дорогу, и опять Блодайвет не пожелала расстаться с ним.

— Ты помнишь, что я тебе сказал? — спросил ее Гронв. — Разумнай, какая смерть ему предсказана, только постарайся быть с ним понежнее.

Наконец возвратился домой Хлев Хлав Гифес. Весь день он и его жена провели за пиршественным столом в беседах и песнях, а ночью, ложась спать, он о чем-то спросил Блодайвет, но она ему не ответила. Он просил еще раз, но снова не получил ответа. Ни одного слова он, как ни старался, не смог из нее вытянуть.

— Ты заболела? Что с тобой?

— Я думаю о том, о чем мы никогда не говорим, потому что боюсь, как бы ты не умер и не оставил меня одну.

— Господь благословит тебя за твою заботу обо мне, но пока Он Сам меня не заберет, убить меня не так-то легко.

— Ради Бога и моего спокойствия, скажи мне, какой смертью ты умрешь. Я ничего не забуду и поберегу тебя.

— Пожалуйста, если хочешь. Мне суждено умереть от раны, нанесенной копьем, которое должны закалывать целый год и к которому нельзя прикасаться, разве что во время воскресного жертвоприношения.

— Это все?

— Нет, не все. Меня убьют не в доме, не вне дома, не на коне, не без коня.

— А как же?

— Я тебе скажу. Возле реки надо поставить чан для купания, над чаном возвести крышу и хорошенько укрепить ее, потом притащить убитого козла и положить его рядом с чаном. Когда я поставлю одну ногу ему на спину, а другую — на край чана, тот, кто ударит меня копьем, нанесет мне смертельную рану.

— Что ж, — сказала Блодайвет, — будем надеяться, небо нам поможет.

Едва она все разузнала, как послала к Гронву Пебиру гонца, и Гронв взялся калить копье. Ровно через год оно было готово, и в тот же день он сообщил об этом Блодайвет.

— Господин, — сказала Блодайвет мужу, — я все думаю и никак не могу представить то, о чем ты рассказал мне. Покажи, как ты должен встать на козла, а я приготовлю чан.

— Что ж, я покажу тебе.

Блодайвет немедленно послала известить Гронва, и он тотчас примчался. Она спрятала его в кустах на горе, которую теперь называют Брин Кивергир, что на берегу реки Кинвайл. Еще она приказала собрать на другом берегу, прямо против Бриана Кивергира, всех коз и козлов, каких только можно было отыскать в округе.

На другой день она сказала мужу:

— Господин, я приказала поставить чан и возвести над ним крышу. Все готово!

— Хорошо. Пойдем поглядим.

И они вместе отправились поглядеть на чан.

— Ты войдешь? — спросила она.

— Войду, — ответил он.

— Господин, — не унималась его жена, — ты говорил о каких-то зверях. О козлах, кажется?

— Правильно. Одного козла надо убить и принести сюда.

Принесли козла. Хлев поднялся в чане на ноги, оделся и одной ногой стал на козла, а другой на край чана.

Тут выскочил из своего укрытия Гронв и отравленным копьем ударил Хлев Хлав Гифеса в бок. Обыкновенно такое копье легко вытаскивается, но на этот раз наконечник намертво застрял в теле несчастного, который с громким криком обернулся орлом и взлетел в небо. Больше его не видели.

Едва он скрылся из глаз, как Гронв и Блодайвет вместе отправились во дворец и всю ночь не разлучались. На другой день Гронв вступил

во владение Ардидуи и стал править там, захватив в свои руки и Ардидуи и Пенхлин.

Тем временем слухи о том, что произошло, достигли ушей Мата, сына Матонви. Но как ни велико было его горе, еще сильнее горевал Гвидион.

— Господин, — сказал Гвидион, — не знать мне покоя, пока я не доищуся правды.

— Господь тебе в помощь, — напутствовал его Мат.

Гвидион покинул дворец и отправился в путь. Он миновал Гвинет и Повис, а когда добрался до Арвана, то пошел в Майнор Пенат к вассалу своего воспитанника. Тот с радостью принял его в своем доме и пригласил переночевать.

Хозяин и вся его челядь спали в том же доме, и последним пришел свинопас.

— Эй, парень, твоя свинья вернулась сегодня домой? — спросил хозяин дома.

— Вернулась. Она сейчас вместе с остальными.

— А куда она уходит? — спросил Гвидион.

— Каждый день, когда открывают свинарник, она словно проваливается сквозь землю.

— Сделай одолжение, подожди меня, прежде чем открывать свинарник.

— С радостью, — ответил свинопас.

Ночью все разошлись по своим местам, а утром, едва рассвело, свинопас разбудил Гвидиона. Он встал, вышел во двор и замер возле свинарника. Едва свинопас открыл дверь, как свинья скользнула наружу и бросилась что было мочи прочь. Гвидион побежал за ней, а она — к реке и потом к ручейку, который теперь называется Нант И Хлев. На берегу ручья она остановилась и принялась за еду. Гвидион спрятался за деревом и увидел, что свинья ест сгнившее мясо и блевотину. Он посмотрел вверх. На вершине дерева то сидел тихо, то встряхивался всем телом орел, и тогда на землю падало гнилое мясо. Гвидион не усомнился, что орел этот и есть Хлев. Он запел:

Дуб растет между двумя берегами,
Темно стало на небе и на земле,
Неужели по ранам не узнать мне,
Что ты Хлев?

Орел немного спустился и вновь уселся на ветку. Тогда Гвидион опять запел:

Дуб растет на холме,
Разве не мочит его дождь? Не ломают его
Девятью двадцать бурь?
На ветке сидит Хлев Хлав Гифес!

Орел слетел на самую нижнюю ветку, и тогда Гвидион запел в третий раз:

Дуб растет у подножия холма!
Великий могучий дуб!
Боюсь я просить,
Сядь, Хлев, мне на колени.

Орел слетел с дерева и уселся ему на колени, а Гвидион, коснувшись его своей волшебной палочкой, вернул ему человеческий облик. Но как же он был жалок на вид! От него только и осталось, что кости и кожа!

Гвидион увез Хлева с собой в Кайр Датил и приставил к нему лучших лекарей Гвинета. Года не прошло, как Хлев Хлав Гифес оправился.

— Господин, — сказал он Мату, сыну Матонви, — настало время взыскать с того, кто причинил мне столько бед.

— Правильно, — ответил Мат. — Не должен он владеть тем, что ему не принадлежит по праву.

— Чем быстрее я восстановлю справедливость, тем лучше.

Мат, сын Матонви, и Хлев Хлав Гифес призвали к себе мужей со всего Гвинета и отправились в Ардидуи.

Первым в Мир И Кастехл прискакал Гвидион. Когда Блодайвет услышала о нем, она призвала к себе своих девиц и убежала с ними за реку Кинвайл, а потом стала карабкаться на гору, чтобы спрятаться в замке, стоявшем там, но девицы были так напуганы, что все время оглядывались, и вскоре одна за другой попадали в озеро. Они все утонули, кроме Блодайвет, которую Гвидион вытащил на берег.

Он сказал ей:

— Я не убью тебя, но, видит Бог, ты пожалеешь об этом. Отныне быть тебе птицей, но не такой птицей, как другие, из-за позора, который ты навлекла на себя, убив Хлева Хлава Гифеса. Днем тебе придется

прятаться, потому что другие птицы, едва заведя, будут гнать тебя отовсюду. Имя же ты сохранишь прежнее, и звать тебя будут Блодайвет, как теперь зовут.

И Блодайвет стала совой по-теперешнему, и ее ненавидят все птицы. До сих пор в Уэльсе сову иногда называют Блодайвет.

Гронв Пебир убежал в Пенхлин и сразу же послал гонцов к Хлеву Хлаву Гифесу спросить, заберет он обратно только свои земли, или прибавит к ним владения Гронва, или, может быть, удовольствуется золотом и серебром за то зло, которое Гронв ему причинил.

— Нет, клянусь небом, не это мне нужно, — ответил Хлев Хлав Гифес. — Пусть он явится на то место, где я стоял, когда он поразил меня копьем, а я буду стоять на его месте и метну в него копье — этого я хочу и на меньшее не согласен.

Гонцы все слово в слово пересказали Гронву Пебиру.

— Неужели мне придется согласиться? Мои верные воины, мои родичи и названные братья, неужели нет среди вас ни одного, кто пошел бы вместо меня?

— Нет, — ответили они.

До сих пор их называют третьим племенем предателей, потому что они отказались принять на себя удар, предназначенный их господину.

— Что ж, — вздохнул Гронв Пебир, — ничего не поделаешь.

Два врага встретились на берегу реки Кинвайл, и Гронв встал на то место, где прежде стоял Хлев Хлав Гифес, когда Гронв метнул в него копье, а Хлев — на место Гронва.

Гронв Пебир попросил Хлева:

— В нашей вражде виновата женщина с ее хитростями, поэтому позволь мне защититься плитой, что лежит на берегу.

— Пожалуйста, я не возражаю, — ответил Хлев Хлав Гифес.

— Господь вознаградит тебя.

Гронв притащил плиту и укрылся за ней, но это его не спасло.

Хлев Хлав Гифес метнул копье, и оно пробило и плиту, и грудь Гронва. Так умер Гронв Пебир. До сих пор на реке Кинвайл в Арди-дуи лежит на берегу плита с дыркой. Ее и теперь называют Хлев Гронв.

Во второй раз Хлев Хлав Гифес отвоевал свои владения и стал жить, не зная горя, во дворце. Говорят, потом он стал господином над Гвинетом.

На этом заканчивается еще одно сказание.

Часть II

Сон Максена Вледига

Максен Вледиг, император Рима, был красивее, добрее и мудрее всех императоров, которые правили до него. Как-то раз он собрал на совет королей и сказал им:

— Завтра я собираюсь на охоту.

На другой день рано утром он вместе со своей свитой поехал в долину реки, что текла по направлению к Риму. До полудня охотился Максен и с ним тридцать два коронованных короля, которые были его вассалами. Но не ради удовольствия отправился император на охоту, а чтобы побыть на равных с королями.

Солнце стояло высоко в небе, и от жары императора разморило. Он заснул, а его подданные окружили его и подняли на копьях щиты, чтобы защитить от солнца. Один щит, покрытый золотом, положили ему под голову.

Максен спал и видел сон. Вот этот сон.

Он будто идет вдоль реки к ее истоку и поднимается на высокую гору. Он думает, что эта гора упирается в небо, а когда переваливает через нее, ему кажется, что перед ним лежит земля, красивее которой он никогда не видел. В море с вершины горы бегут широкие и могучие потоки. Он идет вниз, и в устье самой большой реки стоит огромный город, окруженный крепостными стенами с высокими башнями самых разных цветов. Еще он видит флот, равного которому ни у кого нет. Один корабль выделяется среди других размерами и красотой. Над водой обшивка у него с одной стороны золотая, с другой — серебряная. С корабля на берег перекинут мост из рога нарвала, и императору кажется, что он поднимается по нему. Ветер надувает паруса, и корабль плывет по морю-океану и приплывает к прекраснейшему на свете острову. Максен пересекает его из конца в конец и добирается до самых дальних уголков. Он видит долины и ущелья, скалы немислимой высоты и крутые откосы. Потом он видит другой остров, а между ним и островом лежит земля, равнины на ней раздольны, как море, а горы бескрайни, как леса. С горы он видит реку, которая впадает в море, а в устье реки — замок, прекраснее которого еще не зрели глаза человека, и он входит в замок, потому что ворота открыты. Потолок в просторной зале золотой, стены сплошь украшены драгоценными

каменьями, и двери тоже золотые. В зале серебряные столы и золотые скамьи. Прямо перед императором играют в шахматы два светловолосых юноши, одетые в платье из дорогого черного шелка. На головах у них золотые венцы со сверкающими бесценными бриллиантами, рубинами и другими драгоценными камнями. На ногах — котурны из великолепной кожи с застежками из красного золота.

Возле колонны император замечает седого старца в кресле из слоновой кости с двумя орлами красного золота. Все пальцы у старца в кольцах, запястья в золотых браслетах, на шее — золотое крученое ожерелье, и волосы прихвачены золотой диадемой. Осанка у него королевская. Перед ним на столе — золотая шахматная доска, рядом с ним — золотой жезл, а в руке он держит нож, которым вырезает шахматные фигурки.

Неподалеку в золотом кресле сидит девица, но из-за ее красоты смотреть на нее так же невыносимо, как на полуденное солнце. Белое шелковое одеяние украшено на груди красным золотом, красная накидка покрывает ей плечи, золотая повязка с рубинами и другими драгоценными камнями — лоб. Еще на ней золотой пояс. И она краше всех девиц на земле.

Девица встает со своего кресла, подходит к императору, и он обнимает ее за шею, а потом они вместе садятся в золотое кресло, которое оказывается вовсе не тесно для двоих. Он обнимает девицу за шею и прижимается щекой к ее щеке, но тут лай собак, и клацанье щитов, и удары копий, и ржание коней разбудили императора.

Он проснулся, но сердцем остался с девицей, потому что его переполняла любовь к ней.

— Господин, — услышал он, — не пора ли тебе обедать?

Император вскочил на коня, и несчастнее его не было человека на земле, когда он ехал в Рим.

Прошла неделя. Все во дворце веселились, услаждая себя вином и медом из золотых кубков, а император тосковал в одиночестве. Все внимали песням и сказаниям, а император тосковал в одиночестве. Он старался заснуть. Когда ему это удавалось, он видел во сне возлюбленную девицу, а когда просыпался, то опять тосковал, потому что не знал, где ее искать.

Однажды его постельничий, который хотя и был постельничим, но был еще королем римлян, заговорил с ним.

— Господин, — сказал он, — народ Рима ругает тебя.

— За что же ему меня ругать? — спросил император.

— За то, что ты совсем забыл о нем. Даже не обращаешься к нему с речами, как должно господину. Вот они и заговорили о тебе плохо.

— Юноша, приведи ко мне мудрецов Рима, и я скажу им, отчего я тоскую.

Мудрецы Рима пришли к императору, и он сказал им:

— Я видел сон, мудрецы Рима, и во сне мне явилась девица, из-за которой я потерял покой.

— Господин, — ответили ему мудрецы, — если ты считаешь, что мы достойны советовать тебе, то слушай. Ты должен послать трех гонцов в три разные стороны, и пусть каждый из них ровно год ищет для тебя красавицу из твоего сна. Ты не будешь знать, в какой день и час тебе привезут добрые вести, и надежда поддержит тебя.

Ровно год гонцы путешествовали по свету, но, возвратившись, смогли сказать не больше, чем когда покидали Рим. Император опечалился еще больше, решив, что не видать ему девицы.

— Господин, — посоветовал ему король римлян, — поезжай на охоту той же дорогой, которой ты ехал во сне.

Император так и сделал. Вскоре он выехал на берег реки.

— Смотрите, здесь я был, а потом повернул на запад.

Тринадцать гонцов императора помчались в ту сторону и увидели высокую гору, подпиравшую небо. Не останавливаясь, они поскакали дальше, привязав к шлемам знаки гонцов, иначе враги могли бы их убить. Перевалив через хребет, они увидели прямо перед собой широкую равнину и стекающие с гор реки.

— Смотрите, эту землю видел наш император.

В устье могучей реки, вливавшейся в море, они увидели порт, и многочисленный флот, и один корабль, который был больше других.

На корабле они одолели море, высадились на острове Британия, пересекли его и оказались в Сноудоне.

— Смотрите, это видел наш император.

Они продолжали путь, пока не оказались в Англеси, а там и в Арвоне.

— Смотрите, это тоже видел наш император.

На пути у них был замок Абер Сайн, и ворота замка оказались открытыми, и зала была в точности такой, как рассказывал император.

— Смотрите, это он тоже видел во сне.

Они вошли в залу, и там, сидя за золотой скамье, двое юношей играли в золотые шахматы, седой старец в кресле из слоновой кости вырезал шахматные фигурки, и девица тоже была рядом в золотом кресле.

Гонцы упали на колени.

— Долгих лет жизни императрице Рима!

— Добрые люди, вы вроде бы с виду достойные мужи, и незачем вам так глупо шутить!

— Госпожа, мы не шутим. Император Рима увидел тебя во сне, и с тех пор жизнь ему стала не в жизнь. Придется тебе, госпожа, решать: или ты едешь с нами по доброй воле и становишься императрицей Рима, или император сам придет сюда и возьмет тебя в жены.

— Ну нет, добрые люди, как бы я ни хотела, не могу вам поверить. Если император меня любит, пусть приезжает.

День и ночь гонцы гнали коней. Когда одни кони падали от усталости, они покупали других, и наконец достигли Рима, предстали перед императором и попросили дозволения говорить.

— Мы проводим тебя, господин, — сказали они, — через море и через равнину к тому месту, где живет твоя девица, потому что теперь мы знаем, кто она и откуда и как ее зовут.

Император немедленно дал армии приказ выступить, и гонцы стали впереди воинов. По суше и по морю добирались они до острова Британия. Император завоевал остров, отобрал его у Бели, сына Маногана, и его сыновей и направился прямо в Арвон. Он узнал места, по которым проезжал, и когда увидал замок Абер Сайн, сказал:

— Смотрите, в этом замке я видел возлюбленную девицу.

Он въехал во двор замка и вошел в залу, а там Кanan, сын Айдава, и Адеон, сын Айдава, играют в шахматы, и Айдав, сын Карадаука, восседает в кресле из слоновой кости и вырезает шахматные фигурки, а возле него девица в золотом кресле, которую император полюбил во сне.

— Долгих лет жизни императрице Рима!

Император обнял ее, и в ту же ночь она стала его женой.

На другой день утром девица попросила у императора свою девичью часть, и он сказал ей, чтобы она сама назвала, что хочет получить. Она попросила для своего отца Британию от Ла-Манша до Ирландского моря вместе с тремя близлежащими островами, с тем чтобы они подчинялись императрице Рима, а еще попросила возвести три замка в Британии в трех местах, на которые она сама укажет. Самый большой замок она приказала возвести в Арвоне, и римляне привезли туда много римской земли, благодатной для императора. Еще два замка — Кайрхлеон и Кайрмартен — построил для нее император.

Как-то раз Максен отправился поохотиться в Кайрмартен и оказался на вершине Брев Ваура, где приказал развернуть шатер. С тех пор это место называют Кадайр Максен. Императору потребовалось видимо-невидимо людей, чтобы возвести там замок, и он назвал его Кайрвиртин. Еще Елена надумала провести дороги от одного замка к другому через всю Британию, и их стали называть дорогами Елены Лиатаук. Она была британкой, и ни для кого, кроме нее, мужчины британии не стали бы строить эти дороги.

Семь лет император жил на острове, а надо сказать, что в те времена у римлян был закон: если император семь лет живет на чужбине, он перестает быть императором Рима и ему даже запрещается въезд в Рим.

Народ избрал другого императора, и тот написал угрожающее письмо Максену, в котором была всего лишь одна фраза: «Приезжай, если собираешься приехать». Максен получил это письмо в Кайрхлеоне и написал ответ человеку, который мнил себя императором Рима: «Если приеду в Рим, то приеду».

Максен с армией все же отправился в Рим, покорив по дороге Францию, и Бургундию, и все прочие земли, и стал лагерем возле Рима.

Ровно год простоял он там и ни на шаг не продвинулся по сравнению с первым днем. Тогда к нему явились братья Елены Лиатаук с небольшим воинством, в котором могучих воинов было в два раза больше, чем во всей армии римлян. Императору сообщили о прибытии британского войска, ставшего лагерем рядом с его армией. Еще ему сообщили, что Рим не видел прежде столь красивого и обученного воинства, в котором все воины были под стать друг другу.

Елена захотела взглянуть на войско, хотя она не удивилась, услышав о красоте британцев. Канан, сын Айдава, и Адеон, сын Айдава, вышли вперед и приветствовали императора, а он, обрадовавшись им, обнял их обоих.

Британцы поглядели, как воюют римляне, и Канан сказал Адеону: — Если мы не возьмем город, они этого и подавно не сделают.

Ночью братья измерили высоту стен, послали своих людей в лес рубить деревья и сколотили по лестнице для каждого четырех воинов.

Надо сказать, что в полдень оба императора садились обедать и сражение затихало до конца трапезы. Британцы же плотно поели утром, выпили столько вина, сколько было нужно, чтобы укрепить свои силы, и, пока императоры обедали, они приставили лестницы к стенам и вошли в город.

У нового императора не было времени даже взять в руки меч, когда они навалились на него и убили его и с ним многих других воинов. Три дня и три ночи британцы сражались за город, не пуская в него воинов Максена, пока не покорили его.

Тогда Максен сказал Елене Лиатаук:

— Госпожа, меня удивляет, что твои братья сражаются не за меня.

— Господин, — ответила ему Елена, — мои братья — самые мудрые мужи на земле. Иди в Рим и попроси у них город, и, если он в их власти, они с радостью отдадут его тебе.

Император вместе с Еленой отправился в Рим, и там он потребовал, чтобы ему отдали власть в городе, а ему ответили, что никто ее не брал и никто не может отдать ее, кроме воинов с острова Британия. Ворота Рима отворились, император взошел на свой трон, и народ Рима покорился ему.

— Теперь, когда вся империя в моей власти, — сказал Максен, обращаясь к Канану и Адеону, — я даю вам войско, чтобы вы могли завладеть любыми землями, какими пожелаете.

Братья покинули Рим и завоевали много земель, замков и городов. Они убивали всех мужчин и щадили всех женщин. Так продолжалось, пока самые юные воины не стали седыми старцами.

— Скажи, ты остаешься тут или возвращаешься в страну, откуда пришел? — спросил в конце концов Канан своего брата Адеона.

Адеон решил идти домой, и с ним ушли многие воины, а Канан с остальными воинами поселился на завоеванных землях.

Он держал совет с теми, кто остался, и они отрезали языки всем женщинам до единой, чтобы они не испортили их британскую речь. За это мужчин из страны Арморики прозвали бриттами, и посейчас у них в ходу язык с острова Британия.

Этот сон называют сном императора Максена Вледига, императора Рима. Конец.

Сказание о Хлите и Хлевелисе

Бели Великий, сын Маногана, имел трех сыновей: Хлита, Касвахлауна и Наниава, и, говорят, еще четвертого — Хлевелиса. После смерти Бели королевство Британия перешло в руки старшего сына Хлита, и он благополучно правил в нем, перестраивая стены Лондона и укрепляя их

бесчисленными башнями. А потом он приказал своим подданным строить дома, с которыми никакие другие дома в других королевствах не могли бы сравниться. Он был воином и к тому же щедро раздавал мясо и вино тем, кто нуждался. А еще у него было много городов и замков, но один замок он любил больше остальных и жил в нем большую часть года, поэтому его называли Кайр Хлит, а потом Кайр Лондон.

Хлит любил Хлевелиса больше остальных братьев за мудрость и неболтливость. Прознав, что король Франции умер, не оставив наследника, и все свои земли и владения передал в руки единственной дочери, Хлевелис пришел к Хлиту, чтобы подать ему совет и предложить помощь. Вовсе не из собственной выгоды, а ради богатства и процветания всей семьи он решил ехать во Францию и просить девицу выйти за него замуж. Королю Британии пригласил по душе расторопность брата.

Когда корабли были готовы к отплытию, на них взойшли многие вооруженные рыцари, и они, снявшись с якорей, поплыли во Францию. Сойдя на берег, Хлевелис тотчас послал гонцов известить знать Франции о своих планах.

Рыцари и принцы Франции собрались на совет и порешили отдать девицу в жены Хлевелису и с нею отдать ему королевскую корону, чтобы он мудро и счастливо правил Францией до конца своих дней.

Прошло время, и три бедствия поразили Британию, каких не знали в других землях. Первое бедствие — неведомое племя кораниан, захватившее остров. Кораниане владели таким знанием, что стоило кому-то поговорить даже шепотом, как ветер относил к ним произнесенные не для чужих ушей слова. Поэтому они были непобедимы.

Вторым бедствием был страшный крик, проносившийся над всей Британией в канун Майского дня. Он проникал в сердца людей и так всех пугал, что мужчины бледнели и теряли свою силу, женщины рожали недоношенных детей, юноши и девицы забывали о своей любви, и все животные и растения на земле и в воде становились бесплодными.

Третье бедствие заключалось в том, что, сколько бы еды ни заготовили жители на год, все пропадало, кроме того, что съедалось в первый день.

От второго и третьего бедствия никто не знал избавления, потому что никто не знал их причин, зато от первого британцы все же надеялись избавиться.

Короля Хлита одолевали тоска и печаль, потому что он тоже не знал, как спасти свой народ от страшных бедствий, и, созывая на совет всех

знатных мужей страны, он спрашивал у них, что же делать. В конце концов Хлит, сын Бели, отправился к Хлевелису, своему брату и королю Франции, просить совета.

Корабли готовили к отплытию тайно, чтобы чужое племя не проведало о том, что задумали король и его советники. Наконец они отплыли во Францию.

Когда до Хлевелиса дошла весть о приближении британского флота, он сначала не понял, зачем явился его брат, и, снарядив вдвое больше кораблей, встретил его в море. Увидев это, Хлит приказал всем сопровождающим его кораблям стать на якорь, а сам поплыл навстречу брату, который тоже приказал своим кораблям остановиться. Они встретились и обнялись с братской любовью.

Хлит поведал брату о своих бедах, Хлевелис сказал, что ему все известно, а потом они заговорили о другом, боясь, как бы ветер не подхватил их слова и не отнес к коранианам. Хлевелис велел отлить большой медный рог, чтобы с его помощью вести беседы о бедствиях, постигших Хлита. Однако сначала, какие бы слова они ни произносили в рог, до них доносились только грубые и враждебные речи, и Хлевелис догадался, что им мешает демон, поэтому он приказал промыть рог вином. Когда благодаря вину они избавились от демона, Хлевелис сказал брату, что у него есть насекомые, часть которых он сохранит для себя на всякий случай, а часть отдаст ему, чтобы он, как придет нужда, бросил их в воду. Хлевелис уверил Хлита, что насекомые в силах истребить племя кораниан, и посоветовал ему, когда он возвратится домой, собрать британцев и небританцев будто бы для заключения мира, а когда они придут, обрызгать всех водой с насекомыми. Хлевелис обещал Хлиту, что не пострадает ни один британец.

— Что же до второго бедствия, — сказал Хлевелис, — то в твоей стране живет дракон, а другой дракон из другой страны все время сражается с ним и хочет его одолеть. Поэтому твой дракон так страшно кричит.

Слушай же. Когда ты возвратишься домой, прикажи измерить остров в длину и в ширину и в самом центре его вырой яму. Помни, она должна быть точно посреди острова. Поставь в яму чан и налей в него самого лучшего меда, а сверху покрой чан куском шелка. Сам останься неподалеку и следи.

Ты увидишь, как дерутся страшные чудовища. Потом они поднимутся в небо и превратятся в драконов. Но и это еще не все.

Замучив друг друга до полусмерти, они в обличье свиней упадут на покрывало и провалятся в чан. Когда же они вылакают весь мед до самого доньшка и заснут, ты не медли, заворачивай их в покрывало и закапывай в землю в таком месте, где они не смогут вылезти наружу. И радуйся, потому что, пока они под землей, Британия не будет знать беды.

— Причина третьего бедствия, — продолжал Хлевелис, — могущественный колдун. Это он, погружая всех в сон, отбирает у британцев мясо и вино. Поэтому тебе надо самому посторожить своих запасы. А чтобы он не усыпил тебя, поставь рядом чан с ледяной водой и, только почувствуешь, что засыпаешь, лезь в него.

Хлит возвратился в Британию и немедленно созвал на совет британцев и кораниан, а потом сделал так, как его научил Хлевелис. Бросил насекомых в воду и обрызгал этой водой британцев и кораниан, после чего кораниане погибли, а британцы даже ничего не почувствовали.

Потом Хлит измерил остров в длину и в ширину и в Оксфорде, как раз посередине, приказал вырыть яму и поставить в нее чан с отборным медом. Сверху он покрыл чан куском шелка. Ночью Хлит не пошел спать и через некоторое время увидел бьющихся насмерть драконов. Когда, полуживые от усталости, они упали в прикрытый шелком чан и, вылакав весь мед, заснули, Хлит связал их и зарыл в укромнейшем месте в Сноудоне, которое прозвали Динас Эмрайс, а до того звали Динас Фараон. С тех пор во владениях Хлита перестали слышать страшные крики.

Когда с драконами было покончено, король Хлит приказал накрыть столы к пиру, но сел за них один, а подле себя поставил чан с ледяной водой, в который то и дело нырял, чтобы не уснуть. Долго он ждал, но только после третьей стражи до его ушей донеслись радостные возгласы и песни. Наконец он увидел великана с мечом и корзиной, в которую тот побросал все, что было на столе, и собрался уходить. Король Хлит даже удивился, как много всего поместилось в корзину.

Король закричал:

— Подожди! Подожди! Много ты натворил бед, но больше этому не бывать! Выходи на поединок.

Великан поставил корзину на пол, и между ним и королем началась битва не на жизнь, а на смерть. В конце концов Хлит одолел великана: верно, судьба была к нему благосклонна, и великан запросил у него пощады, но король сказал ему:

— Ты принес столько бед, а я должен тебя пожалеть?

— За все зло, которое я причинил, я отплачу сторицей, — сказал великан. — И больше никогда не буду обижать людей. Отныне вернее меня ты не сыщешь вассала.

И король простил его.

Вот так король Хлит, сын Бели, избавил остров Британию от трех бедствий и до конца своих дней мирно правил в своем королевстве. Это и есть сказание о Хлите и Хлевелисе. Конец.

Килхух и Олвен, или Турх Труит

Килит, сын короля Келатона, пожелал взять в жены такую девицу, которая была бы ему помощницей в делах, и он выбрал Голайтит, дочь короля Анлаута. Сыграв свадьбу, молодые и их подданные стали молить Бога благословить их наследником, и Бог послал им сына. Едва Голайтит понесла, она словно лишилась разума и бродила где ни попадя, однако, когда пришел ей срок разрешиться от бремени, разум вернулся к ней. Как-то раз она отправилась гулять на гору, где был свинарник, и, испугавшись свиней, родила там мальчика, которого свинопас принес во дворец.

Мальчика окрестили и нарекли Килхухом, потому что его нашли возле норы, вырытой свиньями. Тем не менее он был славного рода и даже приходился двоюродным братом Артуру. Поначалу его отдали няньке.

Королева же Голайтит тяжело заболела и призвала к себе своего мужа:

— Скоро я умру, и ты возьмешь себе другую жену, которую даст тебе Господь, но не обижай ради нее нашего сына. Заклинаю тебя, не женись, до того как на моей могиле не зацветет двумя цветками шиповник.

Килит обещал.

Еще она просила его каждый год приходить на ее могилу, чтобы она не заросла травой.

Королева умерла, и король стал каждое утро посылать на могилу слугу посмотреть, не растет ли на ней что-нибудь. В конце седьмого года королю надоело исполнять обещание, данное им королеве.

Как-то раз он отправился на охоту и, подъехав к могиле, чтобы проверить, не пора ли ему подумать о новой жене, увидел там цветущий шиповник. Тогда король призвал на совет своих рыцарей, чтобы они сказали, где ему искать жену.

Поднялся один из рыцарей.

— Я знаю жену, которая тебе подходит, — сказал он, — но она жена короля Догедда.

Рыцари подумали-подумали и решили, что придется увезти ее силой. Они отправились к королю Догеду, убили его и привезли королеву к Килиту вместе с одной из ее дочерей. Заодно они завоевали владения короля Догедда и присоединили их к владениям Килита.

Как-то королева отправилась на прогулку, и по дороге ей попала на глаза хижина, в которой жила древняя-предвечная беззубая старуха.

Королева спросила:

— Скажи, бабушка, нет ли детей у мужа, который увез меня силой?

И та ответила:

— Детей у него нет.

— Горе мне, — вскричала королева, — я отдана мужу, у которого нет детей!

— Не печалься, — успокоила ее старуха. — Твой сын станет его наследником. Но уж коли ты все равно печалишься, у него есть один сын.

Радостная вернулась королева во дворец и спросила мужа:

— Зачем ты прячешь от меня своих детей?

— Что ж, не буду прятать, — сказал король и послал гонцов за сыном.

Едва Килхух приехал, как мачеха завела с ним такой разговор:

— Хорошо бы тебе занять жену, а у меня есть дочь, достойная любого короля.

— Рано еще мне жениться, — ответил ей сын Килита.

Тогда мачеха сказала:

— Клянусь, не будет у тебя жены, пока ты не признаешь женой Олвен, дочь Аспатадена Пенкаура.

Заалелся юноша, потому что все его существо пронзила любовь к девушке, которую он никогда не видел.

— Сын мой, что с тобой? Какая тоска тебя гложет? — спросил юношу отец.

— Мачеха сказала, что не будет у меня жены, пока я не признаю женой Олвен, дочь Аспатадена Пенкаура.

— Нет ничего проще, — сказал отец. — Артур — твой двоюродный брат. Поезжай к нему, пусть он режет тебе волосы¹, а ты проси его о помощи.

Килхух выбрал коня-четырёхлетку, накинул на него золотую уздечку и надел на него золотое седло. Для себя он взял два острых серебряных копья с железными наконечниками, которыми можно было бы до крови ранить ветер и которые были быстрее падающей июньским утром росинки, повесил на пояс меч с рукоятью из чистого золота и не забыл о роге из слоновой кости.

Впереди бежали две борзые с белой грудью и в ошейниках с рубинами до самых ушей. Та, что бежала слева, перебежала на правую сторону, а та, что справа, — на левую, и они метались вокруг Килхуха словно чайки. Боевой конь мчался вперед, и только комья земли летели у него из-под копыт, а копыта мелькали как ласточки — два вверху и два внизу и опять два вверху и два внизу.

На Килхухе был пурпурный плащ с четырьмя золотыми яблоками в четырех углах, и каждое яблоко стоило столько же, сколько сто коров. И его золоченые сверху донизу сапоги стояли не меньше, чем триста коров.

Не приминая траву, его конь быстро бежал к воротам Артурова дворца.

Подъехав, Килхух крикнул:

— Эй, привратник!

— Вот он я. Если ты явился не с добром, я тебя не пушу. Я здесь привратником каждый первый день января, а все остальное время ворота стерегут Хиандау, Гогигук, Хлайскеним и Пеннпингион, который ходит на голове, потому что бережет ноги. Он не задирает их к небу и не опускает на землю, а перекачивается по полу, как круглый камень.

— Открывай ворота.

— Не открою.

— Это почему же?

— Нож воткнут в мясо, и вино налито в рога. Веселье у короля Артура, и вход заказан всем, кроме сына короля из дружественной страны или ремесленника с поделками. Однако твоим псам требуется отдых и отдых требуется твоему коню. Да и для тебя пожарят и наперчат мясо,

¹ По обычаю, человек, первым отрезавший у юноши его детские волосы, становится для него своего рода крестным отцом. Как правило, о такой чести просили человека достойного и всеми уважаемого.

подадут вино и споют песни. Еды, которую принесут в гостевой покой, хватит на пятьдесят мужей. Тебе там будет не хуже, чем в Артуровой зале, к тому же много там перебивало чужеземцев, которым не положено переступить порог дворца. Красавица взобьет для тебя подушки и убаюкает тебя колыбельной, а завтра, когда ворота откроются для всех, для тебя они откроются в первую очередь. Ты войдешь в Артурову залу и себе по вкусу выберешь место за его столом.

— Ну уж нет, — ответил юноша. — Или ты открываешь ворота, и тогда мы поладим, или не открываешь, и тогда я обещаю твоего господина и накличу на тебя беду. Трижды крикну я, и все умрут от Пенгвайда в Корнвахле до Динсола на севере и до Эсгайра Ойрвела в Ирландии. Все беременные женщины во дворце разродятся до срока. В сердце у них поселится болезнь, и они никогда больше не понесут.

— Все равно, — сказал ему Глевлвид Гавайлаур, — ты не нарушишь законов Артура до того, как я поговорю с ним.

Глевлвид отправился во дворец.

Артур спросил его:

— О чем ты хочешь мне сообщить?

— Половина моей жизни осталась позади и твоей — тоже. Я был в Кайр Се и Ассе, в Сахе и Салахе, в Лоторе и Воторе, побывал я в Индии Великой и Индии Малой, бился в сражении при Дай Анире, когда двенадцать заложников привезли из Хлахлина. Еще я был в Европе, и в Африке, и на островах Корсики, и в Кайр Братухе, Братахе, Вертахе, и это я был с тобой, когда ты убил всех из семьи Клиса, сына Мерлина, и когда ты убил Мила Ди, сына Дикима, и когда ты завоевал Грецию на востоке. И я был в Кайр Ойте, и в Аннойте, и в Кайр Невенхире. Девять высших властителей, прекрасных собой, я видел там, но ни один из них не сравнится красотой и гордыней с тем, кто стоит теперь у твоих ворот.

— Если ты шел сюда шагом, то обратно беги бегом, — приказал ему Артур. — Подними всех, кто может держать факел, кто еще может открыть глаза, и пусть они все приветствуют его и служат ему, пусть подадут вино в золоченых рогах и жареное и перченое мясо на блюде, пока не нажарят нового мяса и не принесут нового вина. Неприлично нам не принять такого мужа, когда на улице дождь и ветер.

Сказал Кай:

— Клянусь рукой моего друга, если ты слушаешь моего совета и вступишь мужа во дворец, ты не нарушишь законов нашего двора.

— Ты прав, благословенный Кай. Честь для нас, что он посетил нас, и чем любезнее мы будем с ним, тем больше мы послужим нашей славе.

Глевavid возвратился к воротам, отпер их, и, хотя еще не было мужа, который не сходил бы у ворот с коня, сын Килита не сошел с коня.

— Приветствую тебя, правитель острова, — сказал Килхух, — и пусть мое приветствие даже нижайшее к нижайшим будет выше любого другого и равным ко всем твоим гостям, твоим воинам и твоим вождам. Всех я приветствую и тебя вместе со всеми. Будь славен ты во веки веков на своем острове.

— И я приветствую тебя, — сказал Артур. — Садись между воинами и послушай наших менестрелей. Веселись, как король, пока ты среди нас. А когда я стану вручать подарки моим иноземным гостям, твои руки тоже не останутся пустыми.

— Я приехал к тебе не за мясом и не за вином. Есть у меня к тебе просьба, которую ты должен исполнить, иначе я опорочу тебя во всех четырех концах земли, где теперь восхваляют тебя.

— Коли не хочешь остаться с нами, — сказал Артур, — говори свою просьбу, и ты все получишь, что потребуешь. Это так же точно, как то, что ветер сушит, солнце ходит вокруг земли, море окружает сушу, а суша лежит внутри моря. Только не проси у меня мой корабль, мою мантию, мой меч Каледвулх, и мое копьё Хронгомиант, и мой щит Ванебгуртихир, и мой кинжал Карнвеннан, и мою жену Гвенхвивар. Клянись небом, все остальное я тебе дам.

— Тогда благослови мои волосы.

— С радостью.

Артур отрезал серебряными ножницами золотую прядь и спросил, кто отец юноши.

— На сердце у меня теплеет, когда я смотрю на тебя, поэтому и знаю: в жилах у нас течет одна кровь. Скажи мне, кто ты.

— Скажу. Я — Килхух, сын Килита, сына короля Келатона, и Голлайтит, дочери короля Анлаута.

— Правильно. Ты мой двоюродный брат. Все я тебе дам, что ни попросишь, только скажи, что тебе надо.

— Поклянись мне чистотой неба и верностью твоих подданных.

— С радостью клянусь.

— Тогда помоги мне найти Олвен, дочь Аспатадена Пенкаура. И твоих воинов я прошу о том же. И Кая, и Бедвира, и Грайдаула Гахлдонида, и Гвитира, сына Грайдаула, и Грайда, сына Эри, и Кантелига

Каварвита, и Татала Твихла Голая, и Майлвиса, сына Байтана, и Крахура, сына Неса, и Киберта, сына Дайре, и Перкоса, сына Поха, и Хлибера Байтаха, и Корвила Берваха, и Гвинна, сына Нита, и Эдайрна, сына Нита, и Гадви, сына Герайнта, и короля Флевтира Флама, и Риауна Пебира, сына Дората, и Бравдена, сына Морина Манаука, и самого Морина Манаука, и Дахлдава, сына Кимина Кова, и сына Алина Даведа, и сына Сайди, и сына Гуриона, и Ихтрида Ардавада Када, и Канваса Кирвагила, и Гухрира Гвартегвраса, Исперира Эвингата, и Гахлкойта Говананата, и Диаха, и Гратаха, и Нертаха, сыновей Гвауртира Карваха (сии мужи явились из пределов Ада), и Килита Канхастира, и Канастира Канхлау, и Корса Кант-Эвина, и Эсгайра Гилхуха Гованкауна, и Дристуна Хайарна, и Глеввида Гавайлваура, и Хлоха Хлаувинниаука, и Айнваса Адаиниаука, и Синноха, сына Сайтведа, и Гвенвинвина, сына Нава, и Бевида, сына Сайтведа, и Гобрви, сына Эхела Вортвитухла, и самого Эхела Вортвитухла, и Майла, сына Ройкола, и Дадвайра Дахлпенна, и Гарвили, сына Гвитаука Гвира, и самого Гвитаука Гвира, и Горманта, сына Рикка, и Мену, сына Тайргвайта, и Дигона, сына Алара, и Селива, сына Смойла, и Гисга, сына Атая, и Нерта, сына Кедарна, и Дридваса, сына Трафина, и Турха, сына Перива, и Турха, сына Аннваса, и Иону, короля Франции, и Села, сына Селги, и Терегуда, сына Иайна, и Силиена, сына Иайна, и Бравдена, сына Иайна, и Морена, сына Иайна, и Сиауна, сына Иайна, и Крадаука, сына Иайна (они были вассалами Кайрдатала, родичи Артура с отцовской стороны).

Еще Дирмига, сына Кау, и Джистика, сына Кау, и Этмика, сына Кау, и Ангхаута, сына Кау, и Ована, сына Кау, и Келина, сына Кау, и Коннина, сына Кау, и Мабсанта, сына Кау, и Гвингада, сына Кау, и Хлуибера, сына Кау, и Кота, сына Кау, и Майлика, сына Кау, и Канваса, сына Кау, и Ардвиада, сына Кау, и Эргариада, сына Кау, и Неба, сына Кау, и Гилду, сына Кау, и Калкаса, сына Кау, и Хиайла, сына Кау (его помощи еще никто никогда не просил).

Еще Самсона Винсиха, и Талиесина, лучшего из бардов, и Манавитана, сына Хлира, и Хлари, сына короля Каснара, и Асперни, сына Флерганта, короля Арморики, и Саранхона, сына Глатвира, и Хлаура Айлерва, и Аннианниаука, сына Мену, сына Тайгвайта, и Гвинна, сына Нуивре, и Флама, сына Нуивре, и Герайнта, сына Эрбина, и Эрмида, сына Эрбина, и Давела, сына Эрбина, и Гвинна, сына Эрмина, и Кандрвина, сына Эрмина, и Хавайта Инхленна, и Айтона Ваура Врадика, и Райдуна Арви, и Горманта, сына Рикка (брата Артура по матери,

а отцом его был Пенханев из Корнвахла), и Хлаунротеда Варваука, и Нодаула Варива Турха, и Берта, сына Кадо, и Храйдуна, сына Бели, и Искована Хайла, и Искавина, сына Панона, и Морврانا, сына Тегиды (никто не посмел его ударить в битве при Камлане¹ из-за его уродства, все думали, будто он помощник дьявола; волосы у него были как шерсть у оленя).

Еще Санта Брида Ангела (никто не коснулся его копья в битве при Камлане из-за его красоты, все думали, будто он ангел-посланец Бога).

Еще Канвила Санта (третий воин он был, который спасся в битве при Камлане и ускакал от Артура на своем коне Хенгроине).

Еще Ихтрида, сына Эрима, и Айса, сына Эрима, и Хенваса Адайнауга, сына Эрима, и Хенбедестира, сына Эрима, и Сгилти Аскаундройда, сына Эрима (эти три мужа были славны такими тремя достоинствами: за Хенбедестиром никто не мог угнаться ни бегом, ни на коне, а от Хенваса Адайнауга не убежал ни один четвероногий зверь дальше чем на акр², прежде чем Хенвас убивал его, а Сгилти Аскаундرويد, если господин приказывал ему быть гонцом, никогда не искал дорогу полегче, а бежал напрямую, и если лес вставал перед ним, то он бежал по верхушкам деревьев; за всю свою жизнь он не смял ни одной травинки и не погубил ни одной из них, так легко был его шаг).

И Тайти Хена, сына Гвинхана (когда его владения погибли, поглощенные морем, и сам он едва спасся, то явился он к Артуру, а его нож был знаменит тем, что к нему не подходила ни одна рукоять, и из-за этого заболел Тайти Хен и зачах до смерти).

Еще Карнетира, сына Гованиона Хена, и Гвенвинвина, сына Нава Гассевина, Артурова защитника, и Хласгадрита Эмиса, и Гурботи Хена (дядями они приходились Артуру, будучи братьями по матери).

И Килванавида, сына Горiona, и Хленхлауга Витела с окраины Ганиона, и Даванвала Мойла, и Динарда, короля Северных земель, и Тайрнона Турива Бlianга, и Тегвана Глофа, и Тегира Талгехлауга, и Гурдинала, сына Эбрая, и Морганта Хайла, и Гвистила, сына Хрина, сына Нвитона, и Хлуитая, сына Нвитона, и Гвидре, сына Хлуитая (чьей матерью была Гвенабви, дочь Кау; его ранил родной дядя Хиайл, из-за чего началась вражда между Хиайлом и Артуром).

¹ Битва при Камлане — последняя битва Артура, в которой пали он сам и большинство его воинов

² Акр (как мера длины) — около 200 метров

Еще Дрема, сына Дремидида (который из Гехли Вика в Корнвахле мог разглядеть поутру комара в Пен Блатаоне, что в Северной Британии).

Еще Айдиола, сына Нера, и Глуитина Сайра (который построил Эхангвен, залу Артура).

И Канира Кайнварваука (когда ему сообщили, что у него родился сын, он так сказал своей супруге: «Госпожа, если это мой сын, его сердце всегда будет холодным и в руках у него не будет тепла; если он мой сын, то он будет донельзя упрямым; и еще одно свойство будет у него: что бы ни было у него в руках или на спине, большая ноша или маленькая, никто не увидит ее; и еще одно свойство будет у него: в огне он не сгорит, в воде не утонет; и еще одно свойство будет у него: не найдется на земле никого, кто бы лучше него служил своему господину»).

И Хенваса, и Хенвинеба (старых товарищей Артура).

И Гвахлгойка (еще одного; стоило ему прийти в город, будь там хоть триста домов, но, если ему хотелось, он никому уснуть не давал, пока не отправлялся дальше).

И Бервина, сына Геренхира, и Париса, короля Франции, и Ослу Гахлахлаура (который всегда носил при себе нож с широким лезвием; когда Артур со своими гостями приблизились к стремительному потоку и стали искать место поуже, чтобы перейти через него, Осла Гахлахлаур положил поперек него свой нож, и тотчас вырос на том месте мост для войск трех островов Британии и соседних трех островов со всем их добром).

И Гвитауга, сына Менестира (который убил Кая и которого убил Артур вместе с его братьями, чтобы отомстить за Кая).

И Гаранвина, сына Кая, и Амрена, сына Бедвира, и Эли Амира, и Хряя Хруида Дариса, и Хрина Хридверна, и Эли и Трахмира (славных охотников Артура).

Еще Хлуитая, сына Келкойда, и Хинабви, сына Гуриона, и Гвинна Годиврона, и Гвайра Датарвенитауга, и Гвайра, сына Кадехла, сына Таларианта, и Гвайра Гухлида Эннвира, и Гвайра Паладира Хира (дядей Артура со стороны матери).

И сыновей Хлуха Хлаувинниауга (из-за бурливого моря).

И Хленхлауга Витела, и Артерхауга Прадайна.

И Каса, сына Сайди, и Гурвана Гвахлта Авуина, и Гвихленнхина, короля Франции, и Гвиттарта, сына Ойта, короля Ирландии, и Гарселита

Витела, и Панаура Пена Багада, и Флайдора, сына Нава, и Гвиннхивара, правителя Корнвахла и Девона (девятый муж, до конца стоявший в битве при Камлане).

И Кели, и Киели, и Гихла Койса Хита (который одним прыжком умел покрыть триста акров, и никто в Ирландии не мог превзойти его).

И Сола, и Гвадина Оссола, и Гвадина Одиайта (Сол мог целый день простоять на одной ноге, под ногами же Гвадина Оссола даже самая крутая гора превращалась в плоскую равнину, а из-под ног Гвадина Одиайта, если он шел по камням, летели искры — это он расчищал дорогу для Артура, если ему мешала какая-нибудь преграда).

И Хирерума, и Хиратрума (когда они отправлялись в гости, три округа варили, жарили и парили, и они ели до полудня и пили до ночи, пока не наставала пора идти спать. И тут они с жадностью набрасывались на вшей и клопов, словно век не ели; после них не оставалось в закромах ни жирного, ни постного, ни свежего, ни соленого, ни вареного, ни сырого).

И Хиарвара, сына Афлауна (он просил у Артура столько еды, сколько вместит его живот, и из-за этого начался в Корнвахле третий по счету голод; никогда он не улыбался, разве только если набивал брюхо).

И Гваре Гвахата Айрина.

И обоих отпрысков Гасты Храми — Гвитрида и Гвитная Астриса.

И Сирина, сына Сигнедита (у него была такая широкая грудь, что он мог выпить до последней капли все море, на котором стояли на якоре три сотни кораблей).

И Хракамури из свиты Артура (какой бы ни показали ему амбар, пусть даже для зерна с тридцати полей, от одного его удара цепом и стропила, и балки, и все доски превращались в овес, аккуратно ссыпанный на пол).

И Дагавлунга, и Анойта Вайдауга.

И Хира Айтила, и Хира Амрая (тоже из свиты Артура).

И Гевила, сына Гвестада (у которого, если он грустил, нижняя губа свисала до пояса, а верхняя прикрывала голову вместо колпака).

И Ихтрида Варива Драуса (который мог покрыть своей рыжей бородой сорок восемь стропил Артурова дворца).

И Элидира Гаварвита.

И Аскардава, и Аскидита (тоже из свиты Артура, его гонцы, у которых ноги были быстрее мысли).

И Браса, сына Брассетаха (с горы Черных Папоротников, что в Северной Британии).

И Гудолвина Горра.

И Булха, и Кавулха, и Севулха, сыновей Клетива Кавулха и внуков Клетива Дивулха. (Три их щита — три огненных солнца. Три их копья — три безудержные молнии. Три их меча — трое безжалостных убийц: Глас, Глессик и Глайсад. Три их пса — Кахл, Киахл и Кавахл. Три их коня — Хуирдатуд, Другдатуд и Хлуирдатуд. Три их жены — Ох, Гарим и Диаспад. Три их внука — Хлихед, Невед и Айссивед. Три их дочери — Друг, Гвайт и Гвайтав Охл. Три их служанки — Эхайбрид, дочь Кавулха, Гораскурн, дочь Нерта, Эвайдан, дочь Канвелина Кайдауда Пуихла, получеловека.)

И Дунна Диессика Инбенна, и Айладира, сына Пена Хларкая, и Каледира Вихлта, сына Нвитона, и Савила Бена Ихела, и Гвалхмая, сына Гвиара, и Гвалхаведа, сына Гвиара, и Гухрира Гвалстауда Иайтойта (который знал все языки земли), и священника Кеткрума.

И Клиста, сына Клиствайнада (который, будь он даже на семь локтей под землей, все равно услышал бы, как на расстоянии пятидесяти миль просыпается утром муравей).

И Медира, сына Метредита (который из Гехли Вика мог попасть в крапивника на Эсгайр Ойрвеле, что в Ирландии).

И Гвиауна Хлагада Ката (который мог срезать перепонку с глаза комара, не потревожив его).

И Ола, сына Олвита (за семь лет до его рождения у его отца украли свинью, и когда он подрос, то выследил вора и привел домой семь стад свиной).

И епископа Бедвини (который благословлял еду и питье Артура).

Во славу златоволосых дочерей нашего острова. Во славу королевы Гвенхвивар, и ее сестры Гвенхввах, и Раттиай, единственной дочери Клеменхихла, и Хрелемон, дочери Кая, и Таннвен, дочери Гвайра Дартарвенитауга.

И Гвен Аларх, дочери Канвила Канбуха.

И Айрнайд, дочери Клидно Айтина.

И Энрадрег, дочери Тидватара.

И Гвеннуледир, дочери Гваледира Карваха.

И Эртиднид, дочери Трафина.

И Айролвен, дочери Гудолвина Горра.

И Телери, дочери Пайла.

И Индег, дочери Гарви Хира.

И Морвит, дочери Ирлена Хрегеда.

И Гвенлиан Дег — волшебницы.

И Крайталад, дочери Хлита Хлау Эрайнта (она была самой красивой из всех девиц на Могучем Острове и на трех островах по соседству, и из-за нее Гвитир, сын Грайдаула, и Гвинн, сын Нита, бились каждый первый день мая).

И Эхлаиа, дочери Неола Кинн-Крога (она прожила три жизни).

И Эссихлт Винвен, и Эссихлт Вингил.

Так говорил Килхух, сын Килита, чтобы добиться своего.

И сказал ему Артур:

— Вождь, я никогда не слышал ни об этой девице, ни об ее родичах, но я с радостью пошлю гонцов, чтобы они отыскивали ее. Дай мне время.

— Я готов ждать ровно год.

Артур разослал гонцов во все свои земли, чтобы они нашли девицу. Ровно через год его гонцы возвратились, зная об Олвен не больше того, что им было известно за год до этого.

Килхух сказал:

— Все совершили свои подвиги, а я уеду ни с чем, но увезу с собой твою честь.

Тогда выступил вперед Кай:

— Ты слишком торопишься, вождь. За что ты поносишь Артура? Поедем с нами, или мы отыщем девицу, или ты признаешь, что нет такой девицы на свете.

Кай мог вдохнуть воздух и не дышать под водой девять дней. И еще девять дней и девять ночей он мог не спать. Рану, которую наносил Кай, не брался лечить ни один лекарь. Чего только не умел Кай! Если ему хотелось, он мог стать выше самого высокого дерева. Внутри у него горел жаркий огонь, и, когда шел дождь, все мгновенно высыхало под его рукой, а когда его спутники замерзли, он был для них вместо печки.

Еще Артур позвал Бедвира, который всегда был там, где был Кай, и с которым никто не мог сравниться в быстроте, кроме Артура и Дриха Айла Кибтара. И пусть у него была одна рука, три не могли бы быстрее убить врага на поле брани, чем его одна. И еще у него было копье, которое поражало с такой же силой, как девять обыкновенных копий.

Позвал Артур и Кантелига Разведчика.

— Иди и ты с вождем.

Никто лучше него не мог разведать все в чужой стране, а он это делал как в своей собственной.

Позвал и Гухрира Гвалстаута Иайтойта, потому что он знал все языки на земле.

Позвал и Гвалхмая, сына Гвиара, потому что он никогда не возвращался домой, не исполнив задуманного. Он был лучшим ходоком и лучшим рыцарем, и он был племянником Артура, сыном его сестры и его двоюродного брата.

Еще Артур позвал Мену, сына Тайгвайта, чтобы в чужой стране он заколдовал рыцарей и они стали невидимыми для других, зато сами могли бы все и всех видеть.

Воины отправились в путь и не останавливались до тех пор, пока им не открылась широкая равнина, а на ней стоял большой замок, прекраснее которого не видели на земле. Но как они ни торопились, они ни на фут не приблизились к замку ни в первый день, ни во второй. Лишь на третий день замок оказался почти рядом, но путь к нему преградила отара овец, конца и края которой не было видно. На вершине холма стоял пастух в кожаной одежде, а возле него косматый мастиф размером с девятилетнего жеребца: пес этот не потерял еще ни одного ягненка, не говоря уж о взрослой овце. Все на своем пути он сметал и уничтожал, и не осталось на равнине ни дерева, ни кустика, которых он не сжег бы до корней своим дыханием.

Тогда сказал Кай:

— Иди, Гухрир Гвалстаут Иайтойт, и поздоровайся с этим человеком.

— Кай, — ответил тот, — не должен я выходить вперед тебя.

— Тогда пойдем вместе.

Тут вышел Мену, сын Тайгвайта.

— Не бойтесь, — сказал он, — я наложу заклятие на пса, и он никого не тронет.

Они поднялись на холм, на котором стоял пастух.

— Как живется-можется, пастух?

— И вам пусть можется не хуже, чем мне.

— Да ты не вождь ли?

— Никто меня не обидит, если я сам себя не обижу.

— Чьи это овцы и кому принадлежит замок?

— Глупые люди! Всем на земле известно, что здесь живет Аспатаден Пенкауур.

— А ты кто?

— Я — Кистеннин, сын Давнедига, и мой брат Аспатаден Пенкауэр не любит меня из-за моего богатства. А вы кто такие?

— Нас послал Артур на поиски Олвен, дочери Аспатадена Пенкауэра.

— Ох, не в добрый час пришли вы сюда, ведь никто еще не возвращался живым от Аспатадена Пенкауэра.

Пастух встал. Килхух вручил ему золотое кольцо, но не нашел оно ему на палец, и он положил его в перчатку. Потом он пошел домой и отдал кольцо на хранение жене. Она же вытаснула кольцо из перчатки и спросила:

— Где ты взял это кольцо, если тебе нельзя владеть никаким добром?

— Пошел я к морю наловить рыбы, — сказал Кистеннин. — Вдруг вижу выброшенный на берег труп. Прекраснее его мне еще не случилось видеть. Ну, я снял кольцо у него с пальца.

— Нет, муж, море не разрешает своим мертвым носить украшения.

— Ох, жена, того, кому принадлежало это кольцо, ты увидишь сегодня вечером.

— Да кто он такой? — спросила женщина.

— Килхух, сын Килита, сына короля Келатона, от жены его Голайтит, дочери короля Анлаута, и он пришел сюда за Олвен.

Женщина услышала это и обрадовалась случаю повидать племянника, сына своей сестры, но и опечалилась, потому что знала, что никто еще не уходил живым из замка, если приходил просить в жены Олвен.

Тем временем посланцы Артура подошли к воротам, и она, услышав их шаги, радостная побежала им навстречу. Кай незаметно вытаскивал полено из поленницы, и, когда она захотела обнять гостей, он подставил ей полено, и оно стало мягче веревки.

— Эй, женщина, — воскликнул Кай, — будь то моя шея, никто бы больше не смог выразить мне свою любовь. Недобрая твоя радость.

Гости вошли в дом и были приняты с почетом. Вскоре все развеселились. Тогда хозяйка открыла каменный сундук, который стоял возле очага, и оттуда появился юноша с белокурыми вьющимися волосами.

Сказал тогда Гухрир:

— Жалко такого красавца, хоть и знаю я, что это не его вина.

— Последний он у нас, — сказала женщина. — Двадцать три сына убил у меня Аспатаден Пенкауэр, и нет у меня надежды спасти последнего.

— Отпусти его с нами, — предложил Кай. — И он не будет убит, разве что вместе со мною.

Когда все насытились, женщина спросила:

— Зачем вы пришли сюда?

— Мы пришли просить Олвен в жены этому юноше.

— Ради бога, пока никто в замке вас не видел, возвращайтесь туда, откуда пришли.

— Господь свидетель, мы не уйдем отсюда, не повидав девицу.

— Она когда-нибудь приходит к вам? — спросил Кай.

— Каждую субботу она приходит мыть голову и снимает все свои кольца, но никогда не забирает их сама и не присылает слуг забрать их.

— А она придет, если кого-нибудь за ней послать?

— Клянусь Богом, я не возьму грех на душу и не предам ту, что доверяет мне, разве вы поклянетесь, что не причините ей вреда.

— Клянемся, — сказали гонцы Артура.

Тогда женщина послала за Олвен, и Олвен пришла.

На ней было платье из огненного шелка, а на шее — золотой воротник, украшенный изумрудами и рубинами. Волосы у нее были желтее цветка раkitника, кожа блее морской пены, а руки и пальцы прекраснее лесных анемонов среди лугового многоцвeтья. Глаза прирученного сокола или трижды линявшего ястреба не так сверкают, как сверкали ее глаза. Грудь у нее была блее лебединой, а щеки краснее, чем самая красная роза. И не было воина, который, взглянув на нее, не отдал бы ей свое сердце. И где она ступала, тотчас вырастали четыре цветка белого клевера. Поэтому звали ее Олвен.

Она вошла в дом и села рядом с Килхухом на ближайшую скамью, а он, едва ее увидел, тотчас узнал.

Сказал ей Килхух:

— Ах, я узнал тебя, девица. Пойдем со мной, чтобы никто не говорил плохого ни о тебе, ни обо мне. Давно я тебя люблю.

— Не могу, — отвечала Олвен. — Я обещала отцу, что не стану ничьей женой, не спросив у него совета, потому что его жизнь закончится с моей свадьбой. Но чему быть, того не миновать. Если ты выслушаешь меня, я дам тебе совет. Иди к отцу и проси, чтобы он отдал меня тебе, но, чего бы он ни потребовал от тебя, ни в чем ему не отказывай и тогда получишь меня, а если откажешь хоть в чем-нибудь, не только меня не получишь, но и жизни своей лишишься.

— Как ты сказала, так я и сделаю, — обещал ей Килхух.

Олвен возвратилась во дворец, и воины Артура пошли следом за ней. Не поднимая шума, они убили девять привратников, охранявших девять ворот замка, и девять псов, не успевших подать голос, и вошли в главную залу.

— Будь благословен Богом и людьми, Аспатаден Пенкауэр.

— И вам того же, зачем бы вы ни пришли ко мне.

— Мы пришли просить, чтобы ты отдал свою дочь Олвен в жены Килхуху, сыну Килита, сына короля Келатона.

— Куда подевались мои слуги и мои пажы? Поднимите мне веки, чтобы я мог получше разглядеть моего будущего зятя!

Слуги тотчас вставили в его глаза распорки.

— Приходите завтра, — сказал Аспатаден Пенкауэр. — Завтра я дам ответ.

Воины поднялись и пошли к двери, а Аспатаден Пенкауэр схватил одну из отравленных стрел, что лежали рядом с ним, и метнул ее в Бедвира. Однако Бедвир перехватил стрелу и проткнул ею колено Аспатадена Пенкауэра так, что тот взвыл от боли.

— Будь ты проклят, зять! Теперь я навечно запомню тебя, потому что никто не вылечит мое колено. Хуже овода ужалило меня отравленное железо. Будь проклят кузнец, который выковал стрелу, и будь проклята наковальня, на которой он ее выковал! Зачем он сделал ее такой острой?!

Воины Артура провели ночь в доме пастуха Кистеннина, а на другое утро, едва рассвело, они поспешили в замок и сказали, войдя в залу:

— Аспатаден Пенкауэр, отдай нам свою дочь, и мы дадим ей приданое и заплатим ее девичью часть тебе и двум женщинам из ее рода. А коли ты откажешь нам, не быть тебе живым.

Он ответил:

— Еще живы ее четыре прабабки и четыре прадеда, и мне нельзя не спросить у них совета.

— Будь по-твоему.

Воины встали, а Аспатаден Пенкауэр схватил вторую стрелу и метнул ее им вслед, однако Мену, сын Тайгвайта, перехватил ее и метнул в Аспатадена Пенкауэра, попав ему прямо в грудь, так что острие вышло у него из спины.

— Проклятый зять! — вскричал Аспатаден Пенкауэр. — Железо впилося в меня, как конская пиявка! Проклят будь горн, в котором ее калили, проклят будь кузнец, который ее ковал! Зачем он сделал ее

такой острой?! Теперь не смогу я всходить на гору, чтобы не перехватывало у меня дыхание и не болела грудь! Как же мне есть мясо?!

Воины Артура вернулись к пастуху и сели за стол.

В третий раз они пришли во дворец, и Аспатаден Пенкауэр сказал им:

— Не берите в руки стрел, если хотите уйти отсюда живыми! Где мои слуги? Пусть поднимут мне веки, чтобы я мог еще раз взглянуть на своего зятя.

Воины встали, и Аспатаден Пенкауэр схватился за последнюю ядовитую стрелу, но Килхух поймал ее и, метнув обратно, попал прямо в глаз Аспатадену Пенкауэру. Острие стрелы вышло у него из затылка.

— Проклятый зять! — вскричал Аспатаден Пенкауэр. — Никогда больше не смотреть мне, как всем людям! Если я пойду против ветра, то глаза у меня будут слезиться и пылать огнем и каждый раз, когда поднимется в небе молодая луна, голова у меня будет кружиться. Будь проклято пламя, в котором ковали стрелу! Ядовитая стрела кусает больнее бешеной собаки.

Воины покинули его.

А на другой день они пришли во дворец и сказали:

— Не кидай больше нам вслед стрелы, если не хочешь, чтобы они тебя жалили, чтобы они в тебя впились, чтобы они тебя кусали, да больнее прежнего.

— Отдай мне свою дочь, а если не отдашь, то заплатишься жизнью, — потребовал Килхух.

— Кто пришел за моей дочерью? Пусть подойдет поближе, чтобы я мог его разглядеть.

Слуги поставили кресло для Килхуха, чтобы он сел лицом к лицу с Аспатаденом Пенкауэром.

Спросил Аспатаден Пенкауэр:

— Ты пришел за моей дочерью?

— Я, — ответил Килхух.

— Поклянись, что будешь вести себя честно. И когда я получу то, что потребую от тебя, моя дочь станет твоей.

— С радостью клянусь, — сказал Килхух. — Говори, чего ты хочешь.

— Не торопись. Видишь вон ту гору?

— Вижу.

— Так выруби все деревья, выжги все корни, и вспаши землю, и засе́й ее в один день, и в тот же день пусть вырастет на ней пшеница. Из той пшеницы я прикажу наделать пирогов и наварить вина к твоей свадьбе с моей дочерью. Ты должен управиться в один день.

— Это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Никому не вспахать эту землю, кроме Амайтона, сына Дона, а он не придет тебе на помощь ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Гованнон, сын Дона, должен прийти и наладить плуг, а он работает только на своего законного короля, и силой его не заставишь работать.

— И это нетрудно исполнить.

— Не торопись. Еще тебе понадобятся два запряженных вместе серо-коричневых быка Гвулуида, чтобы вспахать эту землю, а он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это нетрудно исполнить.

— Не торопись. Еще ты должен дать мне желтого и пятнистого быков, запряженных вместе.

— И это нетрудно исполнить.

— Не торопись. Ты дашь мне двух рогатых быков, которые стоят по разные стороны горы, но запряжены в одно ярмо. А на самом деле они — Нинниау и Пайбау, которых Бог наказал за их грехи.

— И это нетрудно исполнить.

— Не торопись. Видишь вон ту красную вспаханную землю?

— Вижу.

— Когда я в первый раз встретил мать этой девицы, девять бушелей льняного семени были посажены там, и ни одно семя не взошло. Ни белое, ни черное. Но я не теряю надежды. Ты тоже посади лен, а когда он вырастет, пусть из него соткут ко дню свадьбы белый плат для твоей невесты.

— И это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Мед в девять раз слаще, чем пчелиный, ты должен приготовить без помощи пчел, чтобы сварить из него брагу к свадебному пиру.

— И это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Нет нигде и ни у кого красивее бутылки, чем у Хлуира, сына Хлуириона. Ни в какую другую не поместится столько браги, но ни по доброй воле, ни по принуждению он не даст ее тебе.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Есть у Гвитная Гаранхира корзина. Даже если сойдутся вместе трижды девять человек, всем хватит в ней мяса. В день, когда моя дочь станет твоей женой, я хочу есть из этой корзины, но не дает он ее никому ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. У Гулгауда Гододина есть рог, который ты должен принести на свадебный пир. Но он никому не дает его ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Вспомнил я еще об арфе Тайрту, которая сама играет, пока ты хочешь ее слушать. Но он не дает ее никому ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Нам понадобится еще котел Диурнаха Витела, сешала Одгара, сына Айта и короля Ирландии, чтобы сварить в нем мясо для свадебного пира.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Еще надо мне вымыть голову и сбрить бороду, и ты должен принести мне клык Аскитарвина Пенбайта, но не мертвого, а живого.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Никому на всей земле не под силу это, кроме Одгара, сына Айта и короля Ирландии.

— И это легко исполнить.

— Не торопись. Никому не доверю я хранить этот клык, кроме Кау из Северной Британии. Он правит трижды двадцатью округами в Северной Британии и ни по доброй воле, ни по принуждению не покинет свои владения.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Мне надо намочить и выпрямить волосы, чтобы постричь их, а намочить их я могу только в крови черной колдуньи, дочери белой колдуньи из Пен Нант Говида, что находится в Аду.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Кровь нужна мне теплой, и для этого не годятся никакие бутылки, кроме бутылей Гудолвида Горра, который может наполнить их горячим питьем на востоке и привезти его горячим на запад. Но он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Наверно, многие захотят попить свежего молока, а его у нас не хватит на всех, если не будет у нас бутылей Хриннона Хрина Барнаула, в которых молоко никогда не прокисает. Но он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это легко исполнить.

— Не торопись. На всей земле не найти гребня, бритвы и ножниц, которыми можно привести в порядок мои волосы, такие они густые, кроме гребня, бритвы и ножниц, что находятся за ушами Турха Труита, сына короля Тарета. Но он не отдаст их ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Никому не под силу завладеть Турхом Труитом без помощи Дридвина, отродья Грайда, сына Эри.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. На всей земле нет поводка, который мог бы удерживать его, кроме поводка Гурса Канта Эвина.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. На всей земле нет ошейника, который удержал бы его, кроме ошейника Канхастира Канхлау.

— И это легко исполнить.

— Не торопись. Тебе понадобится цепь Килита Канхастира, чтобы прикрепить ошейник к поводку.

— И это легко исполнить.

— Не торопись. На всей земле нет охотника, который мог бы управиться с этим псом, кроме Мабона, сына Модрона. Его увезли от матери, когда ему было три дня от роду, и никто не знает, где он теперь, живой он или мертвый.

— И это легко исполнить.

— Не торопись. Только Гвинн Магдун, конь Гвету, быстрый, как волна, подходит Мабону, сыну Модрона, для охоты на вепря Труита, но он не даст его тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Ты не найдешь Мабона, потому что никто не знает, где он, кроме Айдойла, его родича и сына Айра. А его искать без пользы, потому что он приходится Мабону двоюродным братом.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Гарселит Гвителиан — лучший охотник во всей Ирландии, и никто не справится с Турхом Труитом без него.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Поводок надо сплести из волос, взятых из бороды Дихлиса Варваука, но не мертвого, а живого, и не срезанных, а вырванных деревянными щипцами. А он, пока жив, не позволит этого сделать ни по доброй воле, ни по принуждению. Если же он умрет, то и борода его не нужна, потому что волосы в ней станут ломкими.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Нет на земле охотника, который управился бы с двумя такими отродьями, кроме Каледира Вихлта, сына Нвитона, который в девять раз злее любого зверя в горах. Он-то уж не пойдет за тобой ни по доброй воле, ни по принуждению, и ты не получишь мою дочь.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Не дастся никому вепрь Труит, кроме Гвинна, сына Нита, которого Господь поставил над дьяволами в Аннувине, чтобы они не погубили всех людей. Без него никак нельзя обойтись.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Нет такого коня на земле, который выдержал бы Гвинна на охоте за Турхом Труитом, кроме Ди, коня Мора из Ойрвтауга.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Пока не будет тут Гуихленнхина, короля Франции, без пользы охотиться на Турха Труита. А зачем ему ради тебя покидать Францию?

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Нельзя идти на охоту на Турха Труита без сына Алина Даведа. Он лучше всех умеет управляться с собаками.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Нельзя отправляться на охоту на Турха Труита без Анеда и Айтлема. Они бегают быстрее ветра, и, когда бы ни спускали их на зверя, без добычи они не возвращались.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Артур и его рыцари тоже должны принять участие в охоте на Турха Труита, а он муж могучий и не подчинится тебе, сколько бы ты его не уговаривал.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Ты не можешь отправиться на охоту без Булха, и Кавулха, и Севулха, внуков Клетива Дивулха. Три их щита — три

огненных солнца. Три их копья — три безудержные молнии. Три их меча — трое безжалостных убийц: Глас, Глессик и Глайсад. Три их пса — Кахл, Киахл и Кавахл. Три их коня — Хуирдатуд, Другдатуд и Хлуирдатуд. Три их жены — Ох, Гарим и Диаспад. Три их внука — Хлихед, Невед и Айссивед. Три их дочери — Друг, Гвайд и Гвайтав Охл. Три их служанки — Эхайбрид, дочь Кивулаха, Гораскурн, дочь Нерта, и Эвайдан, дочь Канвелина. Когда они трубят в рог, а остальные кричат, то все думают, будто небо падает на землю.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Еще тебе нужен меч Гурнаха Великана, потому что только этим мечом можно убить Турха Труита. А он никогда не даст его тебе ни по доброй воле, ни в подарок, ни за плату, ни по принуждению.

— И это легко исполнить, хотя ты думаешь иначе.

— Не торопись. Одолей хоть какие опасности, не спи хоть все ночи напролет, а не принесешь требуемого — не видать тебе моей дочери.

— И кони у меня есть, и рыцари есть в подмогу. Господин мой и родич Артур все исполнит для меня. Я возьму твою дочь в жены, а ты умрешь.

— Иди и не забудь, ты кормишь и одеваешь мою дочь, пока исполняешь мои поручения. А исполнишь все, бери ее в жены.

За весь день не встретили воины никого на своем пути, а к вечеру увидели неподалеку замок, наверно самый громадный на земле. Из него — глядите-ка! — вышел человек в три раза больше любого смертного.

Рыцари заговорили с ним:

— Откуда ты идешь, о великий муж?

— Из замка.

— А чей это замок?

— Откуда вы, если не знаете, кому принадлежит замок? Хозяин его — Гурнах Великан. Это всем на земле известно.

— А как встречают гостей в его замке?

— Ох, спаси и сохрани вас Господь. Никто еще не выходил из него живым, а чтобы войти в него, нужно уметь или знать что-то особенное.

Воины подошли к воротам.

— Эй, привратник! — позвал Гухрив Гвалстаут Иайтойт.

— Здесь я, — откликнулся привратник. — Чего ты кричишь?

— Открывай ворота.

— Не открою.

— Почему же не откроешь?

— Уже нож в мясе и вино в роге — веселится Гурнах Великан в пирашественной зале, и не велено никого пускать, кроме особых умельцев.

— Вот и хорошо, привратник, — сказал Кай. — Ведь я как раз умелец.

— А что ты умеешь?

— Я лучше всех чищу мечи.

— Пойду скажу Гурнаху Великану. На все его воля.

Привратник вошел в залу, где веселился Гурнах, и Гурнах спросил его:

— С чем пришел, привратник?

— У ворот ждут мужи. Они хотят видеть тебя.

— Ты узнал у них, что они умеют делать?

— Узнал, — ответил привратник. — Один сказал, что он мастер чистить мечи.

— Он мне нужен. Уже давно я ищу кого-нибудь начистить до блеска мой меч и никого не могу найти. Впусти его, если он и вправду такой умелец.

Привратник вернулся к воротам, открыл их и впустил одного Кая, а потом Кай, как полагается, приветствовал Гурнаха Великана, и для него принесли кресло, которое поставили напротив трона Гурнаха. Гурнах спросил его:

— Правду сказали мне, что ты мастер чистить мечи?

— Нет такой тайны в этом деле, которую бы я не знал.

Принесли меч Гурнаха, и Кай, взяв в руки синий точильный камень, спросил, до синего или до белого блеска чистить меч.

— Делай так, как если бы это был твой меч.

Кай до блеска начистил одну сторону лезвия и показал свою работу Гурнаху.

— Оцени, — сказал он.

— Я бы ничего не пожалел в моих владениях за то, чтобы весь меч стал таким. Однако мне удивительно, что такой муж, как ты, странствует один.

— Ты прав, благородный господин, не один я пришел к тебе, только муж, который странствует со мной, не владеет моим искусством.

— Кто же он тогда?

— Позови привратника, и я скажу ему, как его узнать. Наконечник на его копье сам слетает с древка, и не успеешь моргнуть, как он уже, окровавленный, вновь на древке.

Привратник открыл ворота, и в залу вошел Бедвир.

— Хотя и не знает Бедвир моего искусства, зато своим владеет в совершенстве.

Среди тех, кто остался за воротами, разгорелся спор, что им делать дальше, после того как Каю и Бедвиру удалось-таки проникнуть во дворец, и тогда сказал свое слово юноша, который пришел с ними, единственный сын Кистеннина-пастуха, велевший остальным стать как можно ближе к нему, когда он будет проходить мимо стражи. Беспрепятственно все они миновали три стражи и, оказавшись во дворе замка, вскричали:

— Великое дело сделал ты! Нет тебе равных на земле!

С тех пор сына Кистеннина стали звать Горай, сын Кистеннина.

Нимало не медля, воины разошлись по разным покоям, чтобы незаметно для Великана перебить его слуг и вассалов.

До блеска начистив меч, Кай отдал его Гурнаху Великану и спросил:

— Доволен ли ты?

— Доволен, — ответил Великан, — ты поработал на славу.

И сказал Кай:

— В том, что твой меч ржавеет, виноваты ножны. Дай их мне, и я заменю в них деревянные части.

В одну руку он взял ножны, в другую меч, подошел к Великану и стал рядом с ним, а потом, сделав вид, словно хочет вложить меч в ножны, взмахнул им и одним ударом отсек Великану голову. Потом Кай и его спутники обошли весь замок и взяли столько добра и драгоценностей, сколько смогли унести.

Миновал ровно год, прежде чем рыцари пришли к Артуру с мечом Гурнаха Великана.

Когда они рассказали Артуру, как провели год, он спросил:

— За что мы теперь возьмемся в первую очередь?

— В первую очередь нам надо отыскать Мабона, сына Модрона, а это никак невозможно сделать прежде, чем мы не отыщем его родича Айдойла, сына Айра.

Тогда Артур и все воины с Британских островов отправились на поиски Айдойла и, рано ли, поздно ли, добрались до замка Гливи, где жил в заточении Айдойл. Взошел Гливи на башню и крикнул сверху:

— Артур, что тебе надобно от меня? Знай, что нет у меня ни зерна, ни овса и живу я в своем замке без радости и утешения. Зачем тебе причинять мне зло?

— Не со злом я пришел к тебе, — ответил Артур. — Ищу я твоего узника.

— Отдам я тебе своего узника, хотя и не собирался никому его отдавать, а ты сочти это за помощь тебе.

Тогда воины Артура сказали ему:

— Господин, поезжай домой. Не след тебе исполнять то, с чем мы сами справимся.

Артур ответил им:

— Поезжай ты, Гухрир Гвалстаут Иайтойт, ибо тебе известны все языки, что есть на земле, — и птичьи и звериные тоже. И ты, Айдойл, поезжай на поиски своего двоюродного брата. Ну а вы, Кай и Бедвир, за что ни беретесь, все у вас получается. Постарайтесь же и теперь для меня.

Артуровы воины отправились дальше и ехали до тех пор, пока не повстречался им Дрозд из Килгури. И Христом Богом взмолился Гухрир:

— Скажи нам, если знаешь, где теперь Мабон, сын Модрона, которого похитили, когда ему было всего три дня от роду и он лежал на ложе рядом со своей матерью?

Ответил Дрозд:

— Когда я впервые раз прилетел сюда совсем молодым, здесь стояла кузня. С тех пор ее забросили, и только я каждый вечер точу тут свой клюв, а он у меня теперь совсем маленький, с орешек. Верно, небеса прогневались на меня, если за всю жизнь я ни разу не слушал о муже, о котором ты спрашиваешь. Но я знаю, чем пособить гонцам Артура. Неподалеку живут звери, явившиеся на землю еще до меня. Я покажу дорогу к ним.

Он привел Артуровых мужей к Оленю из Реданвре.

— Послушай, Олень из Реданвре, мы пришли к тебе, посланцы Артуровы, потому что ты дольше всех живешь на земле. Скажи, не слышал ли ты о Мабоне, сыне Модрона, которого похитили от его матери, когда ему было всего три дня от роду?

— Когда я поселился тут, вокруг была голая равнина, на которой рос один молоденький дубок. Он стал могучим дубом с сотней веток, а потом состарился и погиб, и на его месте лишь сухой пенек торчит из земли. Все время я живу на этом месте и ни разу не слышал о муже Мабоне. Но я знаю, чем пособить гонцам Артура.

И Олень проводил их к Сове из Кум Каулвида.

— Сова из Кум Каулвида, я привел к тебе гонцов Артура. Не слышала ли ты о Мабоне, сыне Модрона, которого похитили от матери, когда ему было три дня от роду?

— Не слышала. Когда я поселилась здесь, на месте широкой низины была узкая горная долина, заросшая лесом. Потом пришли люди. Они выкорчевали лес, потом здесь вырос новый, а этот лес — уже третий по счету. Вот и мои крылья стали похожи на сухие обрубки, но ни разу я не слыхала о муже, которого вы разыскиваете. Однако я знаю, чем пособить гонцам Артура. Провожу-ка я вас к самому старому жителю земли, который во многих местах побывал и многое повидал — к Орлу из Гверн Абви.

Сказал Орлу Гухрир:

— Орел из Гверн Абви, мы, гонцы Артура, пришли к тебе спросить, не слышал ли ты о Мабоне, сыне Модрона, которого похитили от матери, когда ему было три дня от роду?

Ответил Орел:

— Давно я живу на свете, и, когда я поселился здесь, тут не было ничего, кроме высокой скалы, с вершины которой я каждую ночь любовался на звезды, а теперь она не выше пяди, но ни разу я не слышал о муже, которого вы разыскиваете. Правда, давно это было, искал я, чем бы утолить голод, и долетел до Хлин Хлива. Там я увидел Лосося и вонзил в него когти, обрадовавшись, что надолго мне хватит еды. Не тут-то было. Уволок он меня чуть не на самое дно, и я тогда еле спасся. Собрал я родичей, и все вместе мы полетели объявить ему войну, а он послал к нам своих гонцов, и мы заключили с ним мир. Потом он явился сам и умолил меня вытащить из его спины пятьдесят гарпунов. Если он ничего не слышал, так и не знаю, кто еще слышал о муже Мабоне. Скачите вперед, я покажу вам дорогу к дому Лосося.

— Лосось из Хлин Хлива! — крикнул Орел, когда они добрались до места. — Я привел к тебе Артуровых гонцов. Они хотят знать, не слышал ли ты, где живет Мабон, сын Модрона, которого похитили от матери, когда ему было три дня от роду?

— Я скажу вам, что знаю. Когда наступает прилив, я поднимаюсь вверх по реке до самых стен Глостера и каждый раз слышу там горький плач. А чтобы вы поверили, пусть два мужа сядут мне на спину и сами убедятся в правоте моих слов.

Кай и Гухрир Гвалстаут Иайтойт добрались на спине Лосося к стенам крепости, и тяжкие стоны и скорбный плач донеслись до них из подземелья.

Спросил Гухрир:

— Кто плачет в каменном замке?

— Здесь любому есть что оплакать, потому и я плачу, Мабон, сын Модрона, ибо не было еще на земле несчастнее узника, даже Хлиду Хлау Эрайнту и Грайду, сыну Эри, не сравниться со мной в бедах.

— Как нам тебя выволить? Отдадут ли тебя за золото-серебро или драгоценные камни, или придется нам обнажить мечи и сразиться за твою свободу?

— Ни золото, ни серебро, ни драгоценные камни не вызволят меня из темницы.

Гухрир и Кай помчались к Артуру и рассказали ему о том, что Мабон, сын Модрона, томится в неволе. Тогда Артур созвал всех воинов, что жили на острове, и они отправились в Глостер. Воины Артура атаковали крепость с суши, а тем временем Кай, пробившись сквозь стену, вынес на своей спине Мабона.

Потом Артур возвратился домой, и свободный Мабон решил присоединиться к нему.

Спросил Артур:

— Что нам теперь делать?

— Надо отыскать волчат Гасты Храмхи.

— А где их искать?

— В Абер Дай Клетиве.

Поскакал Артур в Абер Клетив к Трингаду, чтобы спросить, не знает ли он, где Гаста Храмхи.

— Какое у нее обличье? — спросил Трингад.

— Обличье волчицы. И при ней два волчонка.

— Она режет мои стада. И живет она в Абер Клетиве в пещере у подножия горы.

Артур взошел на корабль «Прадвен», а его воины отправились по берегу искать логовище Гасты Храмхи. Они окружили волчицу с двумя волчатами, и Господь по просьбе Артура вернул ей прежний облик.

А воины Артура по одному, по двое направились кто куда.

Как-то раз Гвитир, сын Грайдаула, бродя по горам, услышал стон и жалостный плач. Он не стал медлить и помчался что было мочи на голос. Мечом он сбросил муравьиную кучу на землю и спас ее от пожара.

В благодарность за это муравьи отдали ему девять бушелей льняного семени, которые Аспатаден Пенкауp требовал от Килхуха.

— Прими от нас Божий дар. Этого тебе не даст ни один человек.

Все девять бушелей льняного семени они собрали и потеряли только одно семечко, которое, еще не успело стемнеть, отыскал и принес Гвитуру хромой муравей.

Как-то раз сидели Кай и Бедвир на сигнальной башне, что на вершине Плинлиммона, где гуляет самый сильный ветер, и, оглядываясь кругом, заметили на юге столб дыма, который прямо поднимался в небо, не клонясь ни в какую сторону.

И Кай сказал:

— Клянусь рукой моего друга, это костер разбойника!

Они бросились в сторону костра, и когда приблизились к нему, то увидели Дихлиса Варваука, который опалил шкуру вепря.

— Послушай, — крикнул Бедвир Каю, — там разбойник, самый худший из всех, которые когда-либо убегали от Артура. Ты его знаешь?

— Знаю, — ответил ему Кай. — Это Дихлис Варваук. Ни один поводок на земле не удержит Дридвина, отроде Грайда, сына Эри, кроме поводка, сплетенного из его бороды, но и тот порвется, если волосы не будут вырваны у него живого деревянными щипцами. Мертвый Дихлис Варваук нам без пользы.

— Что нам делать? — спросил Бедвир.

— Пусть он съест столько мяса, сколько в него влезет, и заснет крепким сном.

Тем временем они приготовили деревянные щипцы. Убедившись, что Дихлис Варваук заснул, Кай вырыл у него под ногами яму, глубже которой никто не видывал на земле, и сильным ударом сбросил в нее Дихлиса Варваука. Деревянными щипцами Бедвир и Кай выщипали у него волосок за волоском всю бороду, а потом убили его.

После этого они отправились в Гехли Вик, что в Корнвахле, не забыв прихватить с собой поводок, сплетенный из волос Дихлиса Варваука, и отдали его Артуру из рук в руки.

Тогда Артур сочинил:

Поводок сплел Кай
Из бороды Дихлиса, сына Айрая,
Не убей ты его, он бы тебя убил.

Кай разгневался на него, и воинам с Острова едва удалось вновь примирить Кая и Артура. Но с тех пор, какие бы ни обрушивались на Артура и его воинов беды, Кай ни разу не пришел ему на помощь.

Спросил Артур:

— Что нам теперь делать?

— Надо отыскать Дридвина, отроде Грайда, сына Эри.

Незадолго до этого Крайталад, дочь Хлита Хлау Эрайнта, обручилась с Гвитиrom, сыном Грайдаула, но не успела она стать его женой, потому что явился Гвинн, сын Нита, и силой увез ее.

Гвтир, сын Грайдаула, немедля собрал войско и пошел войной на Гвина, сына Нита, но Гвинн победил его и взял в плен Грайда, сына Эри, и Глинная, сына Тарана, и Гургуста Ледлума, и Данварта, его сына. Еще он взял в плен Пенна, сына Нетауга, и Нвитона, и Каледира Вихлта, его сына.

Воины Гвинна, сына Нита, убили Нвитона, вынули у него из груди сердце и заставили Каледира съесть сердце его отца, отчего Каледир тронулся умом.

Прослышав об этом, Артур отправился на север, призвал к себе Гвина, сына Нита, освободил всех своих воинов, которых Гвинн бросил в темницу, и повелел Гвинну, сыну Нита, и Гвитиру, сыну Грайдаула, заключить между собой мир на таких условиях: девица должна остаться в доме своего отца и никому не отдавать предпочтения, а Гвинн, сын Нита, и Гвтир, сын Грайдаула, будут сражаться за нее каждое первое число мая, покуда один из них не найдет свою смерть, и тогда победитель станет девице мужем.

Вот так Артур примирил двух воинов и завладел Магдуном, конем Гвету, и поводком Гурса Канта Эвина.

Потом Артур вместе с Мабонем, сыном Модрона, и Гваре Гвахлом Айрином отправился в Арморику за двумя псами Глатмира Ледевика. Завладев ими, он отправился в Западную Ирландию на поиски Гурги Севери, и с ним поехал Одгар, сын Айта и король Ирландии. Потом на севере он взял в плен Каледира Вихлта, после чего поехал на поиски Аскитарвина Пенбайта. Мабон же, сын Модрона, явился, ведя на поводке двух псов Глатмира Ледевика в одной руке и еще Дридвина, отроде Грайда, сына Эри.

Артур принял участие в охоте со своим псом Кавахлом, а Кау из Северной Британии на Артуровой кобыле Хламрай первым же помчался

в погоню. Он взял в руку острый топор и, встретившись лицом к лицу с вепрем, разнес ему топором голову, после чего выгасил у него из пасти клык. Вепря убили не те псы, о которых говорил Аспатаден, а Кавахл, пес Артура.

Разделавшись с Аскитарвином Пенбайтом, Артур и его гость возвратились в Гехли Вик, что в Корнвахле, и оттуда Артур послал Мену, сына Тайгвайта, разузнать насчет гребня, бритвы и ножниц, спрятанных за ушами Турха Труита: ведь если их уже нет, то незачем и тревожить его. Найти вепря было легче легкого, ибо он опустошил уже третью часть Ирландии. Мену отправился в путь и отыскал Турха Труита и Эсгайр Ойрвеле. Там, приняв обличье птицы, Мену уселся над его логовом и хотел выгасить из-за ушей вепря гребень, бритву и ножницы, да не тут-то было. Он лишь дернул его за щетину, отчего разъяренный вепрь встал во весь рост и так встряхнулся, что одна капля его яда упала на Мену. *До конца своих дней Мену не оправился от болезней.*

Тем временем Артур послал гонцов к Одгару, сыну Айта и королю Ирландии, спросить, не даст ли он ему котел своего сенешаля Диурнаха Витела. Одгар приказал Диурнаху Вителу отдать котел, но Диурнах ответил ему так:

— Господь свидетель, даже если бы Артуру выпал случай лишь взглянуть на котел, то и им он не должен был бы воспользоваться.

Гонцы Артура возвратились из Ирландии ни с чем.

Тогда Артур, взяв небольшую свиту, сел на корабль «Прадвен» и поплыл на нем в Ирландию. Там он направился в дом к Диурнаху Вителу, и воины Одгара поняли, что если не договориться с Артуром миром, то у них не хватит сил выиграть битву. Съев и выпив, сколько душе было угодно, Артур попросил отдать ему котел, но Диурнах Вител ответил так:

— Я бы отдал его кому угодно, будь на то слово Одгара, короля Ирландии.

Не успел он договорить, как вскочил Бедвир и водрузил котел на спину Хагвида, слуги Артура, который с материнской стороны был родичем Какмури, слуги Артура, в обязанности которого входило повсюду носить Артуров котел и разводиться под ним огонь. Тогда Хленхлаеут Вител схватил Каледвулх и стал размахивать им, но воины Артура убили Диурнаха Витела и всех, кто был с ним. Потом явились другие ирландские воины, и вновь пошла битва, но Артур всех обратил в бегство, а сам со своими рыцарями отправился на корабль, унося с собой котел,

доверху наполненный ирландскими деньгами. На берег он сошел в том месте, что зовется Порт Кертин, что в Даведе, где жил Хлуитен, сын Келкойда. Такова была цена за котел.

Артур кликнул всех воинов с трех островов Британии и с трех близлежащих островов и всех, кто был во Франции, и в Арморике, и в Нормандии, и в Южной стране, ибо все они были его верными и храбрыми бойцами.

Собрав войско, Артур пошел войной на Ирландию, и там началась паника. Когда корабль бросил якорь, к Артуру пришли ирландские святые и попросили у него защиты. Он даровал им защиту, а они в ответ благословили его. Потом пришли другие ирландцы и принесли ему мяса и вина вдоволь. Мирным был путь Артура до Эстайр Ойрвела в Ирландии, где обитал вепрь Труит со своими семью поросятами. Со всех сторон спустились на вепря псов, но целый день до вечера не могли ирландцы одолеть Труита, который к тому времени опустошил пятую часть Ирландии. На другой день вновь началась битва, и рядом с ирландцами встали воины Артура, и, хотя многих из них недосчитался Артур, не одолели они Труита. На третий день Артур сам вышел сразиться с вепрем, и девять дней и девять ночей продолжалась битва, но даже ни один поросенок не попал под горячую руку. Тогда воины спросили Артура, кто этот вепрь, и Артур рассказал им, что Труит был когда-то королем, но Господь за грехи обратил его в вепря.

Артур послал Гухрира Гвалстаута Иайтойта поговорить с вепрем, и Гухрир Гвалстаут Иайтойт, приняв обличье птицы, уселся над логовищем Труита, где тот прятался со своими семью поросятами. Попросил Гухрир Гвалстаут Иайтойт:

— Именем Того, Кто обратил тебя в вепря, молю тебя, сам ответь Артуру, а не хочешь, пошли навстречу ему кого-нибудь из своих сыновей.

Не смолчал Григин Гурих Эрайнт (на серебряную проволоку была похожа его щетина, и, шел ли он по лесу, шел ли по полю, нигде он не мог укрыться от чужих глаз из-за серебряного сверкания).

Ответил он так:

— Именем Того, Кто обратил нас в вепрей, я отказываю тебе, ибо не желаю говорить с Артуром. Неужели мало выпало нам страданий, чтобы и он тоже пошел на нас войной?

— Я так тебе скажу: Артуру нужны гребень, бритва и ножницы, которые прячет за ушами Турх Труит.

Сказал Григин:

— Хоть умри Артур, не получит он ничего. Завтра же, едва наступит утро, мы пойдем в земли Артуровы, и Артур еще пожалеет об этом.

Наутро Турх Труит со своими сыновьями отправился по морю в Валес, а Артур со своими воинами, лошадьми и собаками взошел на борт «Прадвена», чтобы без промедления плыть домой. Турх Труит явился в порт Клайс, что в Даведе, а корабль Артура стал на якорь в Маниве. На другой день Артуру стало известно, что Турх Труит идет по его земле и уничтожает все живое на своем пути, и Артур бросился за ним в погоню и настиг его, когда он резал стадо Каннваса Курра И Вагила, успев до прихода Артура перебить всех животных и всех людей в Абер Глетиве.

Завидев Артура, Турх Труит поспешил в Преселай, и Артуру с его воинами вновь пришлось догонять его. Артур послал за ним Эли и Трахмира с псом Дридвином, отродьем Грайда, сына Эри, и еще Гвартегида, сына Кау, с двумя псами Глатмира Ледевика, и еще Бедвира с собственным псом Артура — Кавахлом. Все воины Артура сошлись на берегу Навера, и к ним присоединились три внука Клетива Дивулха, славные своей победой над Аскитарвином Пенбайтом. И от берега Навера они направились в лощину Сум Кервин.

Здесь Турх Труит встретился с ними лицом к лицу и лишил жизни четверых из воинов Артура — Гвартегида, сына Кау, и Тараука из Ахлт Клуида, и Храйдуна, сына Эли Атвера, и Искована Хайла.

Расправившись с ними, Турх Труит не остановился и там же, в Кум Кервине, лишил жизни Гвидре, сына Артура, и Гарселита Витела, и Глева, сына Асгауда, и Искавина, сына Панона, но и сам тоже был ранен.

На другой день, едва взошло солнце, воины Артура вновь вступили в схватку, и он лишил жизни Хуандау, Гогигука и Пеннпинггиона, трех воинов из окружения Глевлвида Гавайлваура, так что, Господь свидетель, не осталось у него больше никого, кроме Хлайскенима, который никому никогда добра не делал. А кроме них Турх Труит убил еще многих жителей тех мест, не пожалев и Глуидина Сайра, главного зодчего Артура.

Во второй раз Артур догнал его в Пелимиауке, и там он лишил жизни Мадаука, сына Тайтиона, и Гвинна, сына Трингада, сына Неведа, и Айриауна Панхлорая. Потом вепрь отправился в Абертайви. Там он вновь сразился с воинами Артура и лишил жизни Калваса, сына Кана, и Гуихленнхина, короля Франции.

Оттуда Турх Труит бежал в Глин Асти, где собаки потеряли его след.

Артур призвал к себе Гвинна, сына Нита, и спросил, не слышал ли он о Турхе Труите, но Гвинн, сын Нита, ничего ему не сказал, потому что ничего не знал о вепре.

Тогда все охотники отправились в Дафрин Хлахур. Там их встретили Григин Гурих Эрайнт и Хлуидауг Гованниад, сыновья Турха, и всех перебили, лишь один из воинов спасся. Немедленно помчался в Дафрин Хлахур со своими воинами Артур и спустил на молодых вепрей собак, и они подняли такой шум, что Турх Труит, услышав его, пришел на помощь Григину Гуриху Эрайнту и Хлуидаугу Гованниаду.

С тех пор как Турх пересек Ирландское море, Артур в первый раз сошелся с ним лицом к лицу. Он направил на вепря своих собак и послал навстречу ему своих воинов, так что ничего не оставалось Турху Труиту, как бежать в Манит Аману, и там был убит один из его сыновей по имени Гвис.

Тогда он бежал в Дафрин Аману, и там были убиты его сыновья Бану и Бенвиг, так что из всех его сыновей в живых остались только Григин Гурих Эрайнт и Хлуидауг Гованниад.

В следующий раз Артур догнал вепря в Хлух Эвине, и Турх Труит, выйдя на бой, лишил жизни Эхела Вортвитухла и Гарвили, сына Гви-тауга Гвира, и многих других воинов и собак без счета.

Из Хлух Эвина путь Турха Труита лежал в Хлух Тави, а оттуда в Кередигаун, и за ним неотступно следовали Эли с Трахмиром и многие воины.

В Гарт Грегине рядом с Турхом бился Хлуидауг Гованниад, и он лишил жизни Хридвива Хриса, не считая прочих.

В Астрада Аве сына Турха поджидали мужи Арморики, и он лишил жизни Хирпайссауга, короля Арморики, и Хласадрита Эмиса, и Гурботи Хена, Артуровых дядей, братьев его матери, но и сам был убит.

Турх Труит скрылся где-то между Тави и Айиасом, и Артур призвал к себе в устье реки Северн всех воинов Корнвахла и Девона и так сказал им:

— Турх Труит лишил жизни многих моих воинов, но, пока я жив, доблестные мужи, он не должен войти в Корнвахл. Больше я не буду гоняться за ним, я сойду с ним в смертельной схватке. Вы же поступайте как знаете.

Артур решил отправить воинов с собаками в Айиас, чтобы они, возвращаясь обратно к Северну, погнали Турха Труита туда, где его ждал

Артур. С Артуром же были Мабон, сын Модрона, на коне Гвету и Горай, сын Кистеннина, и Мену, сын Тайгвайта, и они стояли лагерем между Хлин Хливаном и Абер Гви.

Артур напал на Турха Труита вместе с самыми храбрыми и самыми сильными воинами Британии. Среди них были и Осла Гахлехваур, и Манавитан, сын Хлира, и Какмури, слуга Артура, и Гвингехли.

Они схватили Турха Труита за ноги и бросили его в Северн. С одной стороны подскакал к нему Мабон, сын Модрона, и, остановив коня, выхватил у Турха из-за уха бритву, а с другой стороны подскакал Каледир Вихлт и, не убоившись намочить ноги в Северне, выхватил у него из-за уха ножницы. Только гребень они не успели взять, потому что, нащупав копытами дно, вебрь выскочил на берег, а тут уж ни пес, ни человек, ни конь не смогли его догнать до самого Корнвахла.

Трудно достались воинам бесценные вещицы, но еще труднее оказалось спасти из реки Какмури, которого тяжелые камни утащили было на самое дно, и Ослу Гахлехваура, который, бросившись за вепрем, уронил в воду нож, тотчас скрывшийся в пучине, отчего ножны заполнились водой и потащили его на дно.

Артур со своим воинством вновь поскакал следом за вепрем в Корнвахл, и все, что было до этого, казалось ему потом детскими играми в сравнении с тем, что ему еще пришлось испытать, пока он не заполучил драгоценный гребень. А заполучив гребень, Артур погнал дикого вепря к морю, и никто не знает, куда он потом делся и вместе с ним Анад и Айтлем.

Победив Турха Труита, Артур возвратился в Гехли Вик, что в Корнвахле, чтобы совершить омовение и отдохнуть от трудов.

Спросил Артур:

— Все ли мы сделали?

И его воины ответили ему:

— Не все. Нам нужно заполучить кровь колдуньи Орти, дочери колдуньи Орвен, из Пен Нант Говида, что в Аду.

Артур отправился на север, где была пещера, в которой жила колдунья.

Гвинн, сын Нита, и Гвитир, сын Грайдаула, посоветовали Артуру послать вперед Какмури и Хагвида, его родича. Едва они вошли в пещеру, как колдунья бросилась на них и схватила Хагвида за волосы,

а потом швырнула его на пол у своих ног. Правда, Какмури не растерялся и сам, схватив ее за волосы, потащил вон из пещеры подальше от Хагвида, но колдунья вывернулась и, колотя воинов руками и ногами, выгнала обоих.

Опечалился Артур, увидав своих рыцарей, избитых до полусмерти, и сам хотел пойти в пещеру, но Гвитир и Гвинн сказали ему:

— Негоже тебе сражаться со старой каргой. Пусть пойдут теперь Хирамрай и Хирайдил.

Они пошли, но если участь Хагвида и Какмури была незавидной, то им и вовсе худо пришлось. Господь свидетель, все четверо даже не пошевелились, когда их укладывали на Хламрай, кобылу Артура.

Тут Артур не выдержал и мигом очутился возле входа в пещеру с кинжалом Карнвеннаном в руке. Никто и не заметил, как он поднял руку и разрезал колдунью пополам, а ее кровь Кау собрал в бутылку и унес из Северной Британии.

Потом наступил черед Килхуха, который вместе с Гораем, сыном Кистеннина, и многими другими воинами, мечтавшими отомстить Аспатадену Пенкауру за причиненное им зло, отправился к его двору, не забыв взять с собой драгоценные и волшебные вещи.

Явился к Аспатадену Пенкауру и Кау из Северной Британии, который сначала сбрил ему бороду со щек, потом со щек кожу, а потом и все мясо до самых костей.

— Хорошо ли я побрил тебя? — спросил Килхух.

— Хорошо, — ответил Аспатаден Пенкаур. — Только благодари за это не меня, а Артура, без которого ты не получил бы ее. По своей воле я бы ни за что ее не отдал, потому что, потеряв ее, потеряю вместе с ней свою жизнь.

Горай, сын Кистеннина, схватил его за волосы, вытащил на главную башню и там отрубил ему голову, после чего водрузил ее на кол.

Так Килхух и Горай, сын Кистеннина, завладели замком и всеми богатствами Аспатадена Пенкаура.

В ту же ночь Олвен стала женой Килхуха и была его женой до самой своей смерти.

Воины Артура разбрелись кто куда, но все они рано или поздно возвратились домой.

На этом кончается история о том, как Килхух взял в жены Олвен, дочь Аспатадена Пенкаура.

Сон Хронабви

Мадауку, сыну Маредита, принадлежали все земли Повиса в горах Арвистли — от Порвойда до Гвайна. Но у него был брат Иорверт, сын Маредита, который ни в чем не мог с ним сравниться. Видя, сколь могуществен и почитаем его брат, Иорверт места себе не находил от горя и зависти, поэтому в конце концов он созвал всех своих приближенных и всех названных братьев и стал держать совет, как ему изменить свое положение. Решено было послать несколько человек заручиться поддержкой могучих и искусных воинов.

Тем временем Мадаук предложил Иорверту стать его управителем и иметь коней, оружия и почестей не меньше, чем у него, но Иорверт отказался.

Он отправился в Лойгрию и стал убивать людей, жечь дома и уводить пленных. Тогда Мадаук призвал к себе мужей Повиса, и они решили отправить по сто воинов в каждую из трех частей Повиса, чтобы те помешали Иорверту творить беззакония. Воины разместились в Ахликтуне, в Хрид Вилуре и на равнине, что тянется от Абер Кайраука, издавна считавшихся лучшими землями в Повисе. Опасность везде поджидала Иорверта и его родичей, и даже в Нихластун Треване он не мог укрыться от воинов своего брата.

Одного из тех, кто отправился в погоню за Иорвертом, звали Хронабви. Хронабви, Канврик Врахгох из воинов Маутун и Кадуган Врас из воинов Мойлвре из Канхлайта подошли к дому Хайлина Гоха, сына Кадугана, сына Итона, и увидели закопченные стены и высокий столб дыма над крышей, а внутри повсюду были кучи отбросов и лужи. На скользком полу нелегко было устоять, тем более что в некоторых местах ноги тонули в грязи по колено. Ветки падуба, объединенные коровами, кое-как прикрывали пол. А еще в этом мрачном доме было много пыли и ни одного человека, кроме старой карги, которая возилась с огнем. Едва огонь гас, ей, верно, становилось холодно, и тогда она подбрасывала в него горсть сечки¹, отчего все вокруг сразу заволакивало едким дымом, от которого свербило в носу и было трудно дышать. По другую сторону очага на полу лежала рыжая шкура теленка, предназначенная для гостей.

Воины уселись на ней и спросили у карги, где ее домочадцы, но старуха лишь буркнула в ответ что-то непонятное и опять замолчала. Тем

¹ Сечка — мелко нарубленная солома с отрубями, идущая на корм скоту.

временем в дом вошли краснощекий неотесанный мужлан с кудрявыми волосами и вязанкой хвороста за спиной и бледная худая женщина с сухими ветками в руках. Они кивнули гостям и развели жаркий огонь. Женщина сварила похлебку и подала ее гостям, прибавив к ней ячменный хлеб, сыр, молоко и воду.

Пока все ели, поднялся ветер, полил дождь и началась настоящая буря, поэтому воинам ничего не оставалось, как заночевать под ветхой, но все-таки крышей, тем более что они устали с дороги. Правда, ложе, предназначенное для них, было из пыльной соломы и кишело насекомыми, к тому же из него торчало много острых палок, так как коровы съели всю солому, подложенную в головах и в ногах. Протертый до основы ковер покрывал это убожество, а поверх него женщина постелила дырявую простыню и положила тощие подушки и такое же одеяло.

Спутников Хронабви и на таком неприглядном ложе сморил глубокий сон, а Хронабви, помучившись немного, решил перелечь на рыжую шкуру и вскоре заснул.

Едва сон смежил веки Хронабви, как ему показалось, будто он со своими спутниками пересекает равнину Аргингрогг в сторону брода Хрид Гройс через реку Северн. Неожиданно он услышал странный шум, какого ему еще не приходилось слышать, и, оглянувшись, увидел юношу на гнедом коне, а ноги коня были серой масти. На всаднике было платье из желтого атласа, затканное зеленым шелком. На боку у него, на поясе из оленьей кожи с золотой пряжкой, висел меч с золотой рукоятью в ножнах из дубленой кожи, привезенной из Кордовы. Поверх он повязал шарф из желтого атласа, затканного зеленым шелком, с зеленой бахромой. Зеленой была попона на коне, и плащ на всаднике был зеленым, как иголка на ели, а желтый цвет напоминал цветы ракитника. И такой зловещий вид был у всадника, что страх обуял воинов, и они поскакали прочь от него, а всадник помчался за ними. Когда его конь выдыхал воздух, Хронабви и его спутников словно ветер уносил вперед, а когда конь вдыхал воздух, они оказывались совсем близко к коню, чуть ли не у самых его ноздрей. Тогда они взмолились о пощаде.

— Не бойтесь, — сказал всадник, — я не причиню вам зла.

— Вождь, если ты так добр, то скажи, кто ты и откуда, — попросил Хронабви.

— Зачем мне скрывать? Я Итаук, сын Манио. Но меня знают не по имени, а по прозвищу.

— Как же тебя зовут?

— Я скажу тебе. Итаук Корт Придайн.

— Почему тебя так зовут, вождь? — спросил Хронабви.

— Я скажу тебе. Во время сражения при Камлане я был одним из гонцов Артура, которых он посылал к своему племяннику Медрауду. Безрассудство и страсть к сражениям одолевали меня, и это я разжег пожар ненависти между Артуром и Медраудом, когда император Артур послал меня к Медрауду, чтобы я урезонил его и убедил не идти войной на названного отца и родного дядю, дабы не погибли зазря сыны королей и других почтенных мужей острова Британия. Артур наставлял меня светлыми речами, а я потчевал Медрауда самыми черными, какие только приходили мне в голову. За это меня прозвали Итаук Корт Придайн. Из-за меня бились воины при Камлане. За три ночи до конца сражения я бежал в Хлех Лас, что в Северной Британии, и там принял наказание. Только через семь лет мне было даровано прощение.

Тут раздался шум хуже прежнего, и когда воины огляделись, то увидели краснощекого безбородого юношу, благородного с виду, который скакал на могучем жеребце, гнедом спереди. На всаднике было платье из красного атласа, затканного желтым шелком, и желтой была бахрома у него на шарфе. И попона на коне была желтой, как цветы раkitника, а все красное было таким красным, как самая красная кровь.

Всадник остановился и попросил Итаука взять под свою защиту маленьких человечков, которые были с ним.

— Если я чем-нибудь могу одарить, я одариваю, а теперь ты будешь им товарищем, как я был до сих пор.

С этими словами всадник поскакал дальше.

— Итаук, — спросил Хронабви, — кто этот всадник?

— Хриваун Пебир, сын короля Деортаха.

Воины отправились дальше и за милю от брода увидели по обеим сторонам дороги первые шатры и палатки, а потом услышали шум, какой бывает только от большого войска.

Когда они приблизились к реке, то увидели на островке Артура, по одну сторону которого сидел епископ Бедвини, а по другую — Гвартегид, сын Кау. Перед Артуром стоял высокий рыжий юноша в платье из черного, как гагат, атласа и сжимал в руках меч в ножнах. Лицо у него было белое, как слононая кость, без бороды и усов, а брови черные, как гагат. Рука же, что виднелась между перчаткой и рукавом, показалась им белее лилии и толще лодыжки воина.

Итаук и все, кто был с ним, подошли к Артуру и почтительно приветствовали его.

— Господь с вами, — сказал Артур. — А где, Итаук, ты нашел этих маленьких человечков?

— Я нашел их на дороге, мой господин.

Император улыбнулся.

— Господин, — спросил Итаук, — почему ты смеешься?

— Итаук, — ответил ему Артур, — я не смеюсь. Просто мне обидно, что такие люди населят остров после смерти тех, кто издавна живет здесь.

Тогда Итаук обратился к Хронабви:

— Видишь перстень с камнем на руке императора?

— Вижу, — ответила Хронабви.

— Благодаря этому камню ты ничего не забудешь из того, что увидишь сегодня, а не будь его, ты бы все позабыл.

К броду подошло войско.

— Итаук, — спросил Хронабви, — чье это войско?

— Хривауна Пебира, сына короля Деортаха. Его воинам почтительные слуги подносят мед, а дочерям британских королей не запрещено любить их. А заслужили они это тем, что во всех схватках всегда идут впереди.

Хронабви обратил внимание, что одежды на воинах и попоны на конях одного цвета — цвета красной крови, поэтому, когда один из рыцарей отделился от остальных, он напомнил ему огненный столб, устремленный в небо. Войско стало лагерем выше брода.

Вскоре к броду прискакало еще одно войско — сверху их одежды были белее лилии, а снизу — чернее гагата. Один из рыцарей выехал вперед и резко натянул поводья, отчего конь, встав на дыбы, облил водой с головы до ног и Артура, и епископа, и всех остальных, кто был поблизости, так что на них сухой нитки не осталось. Зато когда рыцарь развернулся, юноша, стоявший впереди Артура ударил его коня промеж ноздрей мечом в ножнах, но с такой силой, что, будь меч обнажен, он непременно рассек бы ему голову до шеи.

Рыцарь наполовину вытащил меч из ножен и спросил юношу:

— За что ты ударил моего коня? Хотел ли ты нанести мне обиду или дать добрый совет?

— Дать совет, которого тебе не хватало. Уж не помутнение ли нашло на тебя, когда ты с ходу остановил коня и облил водой Артура, епископа и всех остальных, так что на них сухой нитки не осталось?

— Я принимаю твой совет.

И всадник возвратился к остальному войску.

— Итаук, — спросил Хронабви, — кто этот рыцарь?

— Нет красивее и мудрее его на всем острове. А зовут его Адаон, сын Талиесина.

— А кто ударил его коня?

— Нет никого на острове упрямее его, и зовут его Элпхин, сын Гвитно.

Тут заговорил высокий и статный муж, и в своей благородной и звучной речи он подивился тому, что видит здесь тех, кто в полдень должен сражаться у горы Бадон против Ослы Гахлехваура.

— Вы можете выбирать, идти вам туда или нет, я же пойду и один! — воскликнул он.

— Хорошо сказано, — похвалил его Артур. — Мы все пойдем с тобой.

— Итаук, — спросил Хронабви, — кто так смело говорит с Артуром?

— Муж, который смело говорит с Артуром и к которому Артур прислушивается, — Карадаук Врайхврас, сын Хлира Марини и двоюродный брат Артура, его главный советник.

Итаук посадил Хронабви позади себя на коня, и, сохраняя порядок, большое войско двинулось в сторону Кевндитохла. На середине реки Итаук повернул коня, и Хронабви взглянул на долину, по которой шли к реке два новых войска.

Одно войско все было в белом, только на поясах из белого атласа чернела бахрома. Кони у них тоже были белые с гагатово-черными пятнами на коленях и шеях. И флаги у них были белые с черными точками.

— Итаук, — спросил Хронабви, — откуда это белое войско?

— Из Норвегии. Его привел король Марх, сын Майрхиона и двоюродный брат Артура.

И тотчас Хронабви увидел черное войско, разве только пояса у всех воинов были с белой бахромой и на шеях и коленях коней белели пятна. Флаги у них были черные с белыми точками.

— Итаук, — спросил Хронабви, — откуда это черное войско?

— Из Дании. Его привел король Эдайрн, сын Нита.

Когда Итаук и Хронабви нагнали войско, Артур и все его воины спешились у Кайр Баду, и Хронабви понял, что они с Итауком ехали той же дорогой, что и Артур.

Едва воины спешили, как в их рядах случилось великое брожение, и те, что стояли на флангах, повернулись к центру, а те, что стояли в центре, двинулись к флангам. Немного погодя Хронабви увидел рыцаря в кольчуге, и такая же кольчуга была на его коне, и все звенья на этих кольчугах были белее лилии, а заклепки краснее красной крови. Он ехал между воинами, и из-за него смешались их ряды.

— Итаук, — спросил Хронабви, — неужели войско бежит?

— Король Артур никогда не бежит, и, если бы он услышал сейчас твои слова, не жить бы тебе на свете. Рыцарь этот — Кай. Нет никого прекраснее Кая при дворе Артура, поэтому воины, стоящие с краю, потянулись взглянуть на него, а воины, которые были поблизости, бросились прочь от его коня.

Тут они услышали голос, звавший Кадура, графа Корнвахлского, и Кагур вышел вперед, держа в руках меч Артура, на котором были два золотых змея, и, когда он вытащил меч из ножен, из ртов у змей словно вырвались два столба пламени, и воины отвели глаза, чтобы не ослепнуть. Постепенно шум стих, и граф возвратился в свой шатер.

— Итаук, — спросил Хронабви, — кто этот человек с мечом Артура?

— Этот человек — Кагур, граф Корнвахлский, он вооружает короля в дни сражений.

И тотчас они услышали голос, звавший Айринуиха Амхайбина, слугу Артура. Рыжий верзила с красным неприятным лицом, рыжими усами и колючей щетиной выехал вперед на рослом коне, и воины расступились перед ним. Слуга спешился и снял с коня поклажу. Он вытащил золотое кресло и ковер из узорчатого атласа, потом расстелил ковер перед Артуром, и во всех четырех углах на ковре было вышито золотыми нитками по яблоку, а посреди ковра он поставил кресло, в котором легко уместились бы три воина в доспехах. Тот ковер звался Гвенном, и у него было чудесное свойство: стоило ступить на него, и человек сразу становился невидимым, зато сам видел всех и всякого. И еще было у ковра чудесное свойство: какого цвета он был с самого начала, таким оставался всегда, что бы с ним ни делали.

Артур сел в кресло, и Овайн, сын Ириена, стал напротив него.

— Овайн, — сказал Артур, — сыграй со мной в шахматы.

— Слушаю, господин, — сказал ему Овайн.

Рыжий слуга принес доску из серебра и фигурки из золота, и они принялись играть.

Пока Артур с Овайном играли и наслаждались игрой, неподалеку появился белый шатер с красным балдахином, над которым взвился гагатово-черный змей с красными сверкающими глазами и огненно-красным языком, а рядом с шатром вытянулся в струнку юный паж с рыжими вьющимися волосами, голубыми глазами и рыжим пушком на подбородке, в платье из желтого атласа, в зеленых чулках и пестрых кожаных башмаках, застегнутых на золотые пряжки. На боку у него висел тяжелый меч с золотой рукоятью в ножнах из черной кожи, украшенных золотом.

Паж подошел к тому месту где император играл с Овайном в шахматы, и почтительно приветствовал Овайна, который немало удивился тому, что паж приветствует его, а не императора Артура. Артур понял, о чем думает Овайн, и сказал ему:

— Не удивляйся тому, что паж приветствует тебя, ибо я его уже видел. К тому же он пришел к тебе.

— Господин, — спросил паж Овайна, — с твоего позволения юные пажи и слуги императора мучают твоих воронов и не дают им житья? Если не с твоего, то пусть император запретит им.

— Господин, — сказал Овайн, — ты слышишь, что говорит юноша, так будь добр, запрети трогать моих воронов.

— Играй, — приказал Артур.

Паж вернулся к шатру.

Одну партию они закончили и начали другую, когда краснощекий юный великан с вьющимися рыжими волосами, большими глазами и аккуратно подстриженной бородкой вышел из желтого шатра, увенчанного красным львом. На нем был плащ из желтого атласа, ниспадавший до земли и расшитый красным шелком, а на ногах — белые чулки и башмаки из черной кожи с золотыми застежками. В руках он держал тяжелый меч в ножнах из красной оленьей кожи, украшенных золотом.

Он подошел к тому месту, где Артур и Овайн играли в шахматы, и почтительно приветствовал Овайна.

Овайн смешался, но Артур был невозмутим.

Юноша спросил Овайна:

— По твоей воле слуги императора мучают твоих воронов до смерти? Если нет, то проси императора, пусть он им запретит.

— Господин, — взмолился Овайн, — будь добр, останови своих слуг.

— Играй, — приказал император.

И юноша вернулся в шатер.

Закончилась эта партия и началась следующая, но едва они успели сделать по одному ходу, как совсем близко раскинулся огромный шатер, какого еще никто не видывал. Наверху над ним парил золотой орел, и драгоценный камень сверкал у него на голове. Из шатра вышел красивый, благородного вида юноша с густой гривой рыжих волос, с красными щеками и большими ястребиными глазами. Он был в плаще из синего атласа, и на правом плече у него красовалась золотая пряжка размером со средний палец воина. В руке он держал тяжелое, сверкающее золотом копье с наточенным острием, к которому был прикреплен флаг.

Едва сдерживая ярость, юноша быстрым шагом подошел к тому месту, где Артур играл в шахматы с Овайном, и они сразу поняли, что он пришел не с добром. Юноша почтительно приветствовал Овайна и сообщил ему, что его вороны убиты, а те, что еще живы, так изранены, что не поднимутся больше в небо.

— Господин, — попросил Овайн, — уйми своих людей.

— Играй, — сказал Артур, — если ты не против.

Тогда Овайн обратился к юноше:

— Возвращайся. Если увидишь где схватку, поднимай копье с флагом, и пусть будет, как угодно Господу.

Юноша бросился туда, где кипел бой, и поднял вверх копье, и, когда он поднял его, вороны стряхнули с себя немочь, взмахнули крыльями и, сильные духом, поднялись в небо. Вернув себе мужество, они опустились на головы обидчикам и, когтями разрывая им лица, плечи, руки, взмыли с ними под облака, победно хлопая крыльями и каркая во все горло. По всему небу поднялся великий стон раненых и умирающих людей.

Оторвавшись от шахмат, подивились Артур и Овайн на необычный шум и увидели приближающегося к ним рыцаря на коне странной масти с ярко-красным правым плечом и ярко-желтыми ногами до копыт. И рыцарь, и конь были облачены в тяжелые чужеземные доспехи. На боку у юноши на темно-зеленом кожаном поясе с украшениями из золота и слоновой кости и с гагатово-черной пряжкой висел в голубых ножнах меч с золотой рукоятью. Золотой шлем украшали бесценные камни, а над ними сверкала золотом фигурка леопарда с глазами-рубинами. Как бы ни были храбры воины, как бы не были закалены их сердца, но страшно им было взглянуть на леопарда и еще страшнее на рыцаря. В руке он держал копье, горевшее синим огнем и алевшее кровью убитых воронов.

Рыцарь приблизился к тому месту, где Артур и Овайн сидели за шахматами, и они увидели, что он растерян и обессилен. Юноша почтительно приветствовал Артура и сообщил ему, что вороны Овайна убивают его воинов.

Артур поглядел на Овайна и сказал:

— Запрети им.

— Господин, — ответил Овайн, — играй дальше.

Они вновь стали играть, а рыцарь вернулся туда, где шла битва.

Они играли, слыша страшный шум, стоны и крики людей и карканье воронов, поднимавших людей в небо и разрывавших их на части. Неожиданно к ним приблизился рыцарь на коне светло-серой масти, только левая нога у коня до копыта была гагатово-черной. Плащ на рыцаре был из узорчатого атласа с синей бахромой, а на боку у него, на поясе из красной оленьей кожи с золотыми блестками и с пряжкой из рога нарвала с черным язычком, висел тяжелый меч. На голове у него был золотой шлем, украшенный рубинами и увенчанный фигуркой огненного рыжего льва с красным языком, высунутым чуть не на фут, и с красными глазами. В руке рыцарь держал тяжелое железное копье с серебряным наконечником, покрытым кровью.

Юноша почтительно приветствовал императора.

— Господин, — спросил он, — неужели тебе безразлична смерть пажей и воинов, сыновей знатных семейств с острова Британия? Без них как ты защитишься от врагов?

— Овайн, — сказал Артур, — запрети воронам убивать.

— Играй, господин, — ответил Овайн.

Они закончили партию и начали следующую, а когда заканчивали и ее, то рядом с ними поднялся великий шум. Кричали воины, которых вороны с карканьем разрывали в клочья и бросали на землю.

Тут появился рыцарь на пегом коне с горделиво посаженной головой, и левое плечо у его коня было красным, а правая нога снежно-белой, и доспехи на рыцаре и на коне сверкали золотым огнем. Плащ на рыцаре и попона на коне были бело-черные с золотой бахромой. Меч с золотой рукоятью висел на золотом поясе с застежкой из рога нарвала и с золотым язычком. На голове у рыцаря был шлем из желтой латуни, украшенный драгоценным хрусталем, а на шлеме восседал грифон с головой из драгоценного камня. В руке рыцарь держал железное копье с круглым лазурно-голубым древком. Серебряный наконечник был весь в крови.

В ярости рыцарь приблизился к тому месту, где Артур играл в шахматы, и, сказав ему, что вороны перебили всех его родичей и всех знатных юношей, потребовал, чтобы он приказал Овайну остановить воронов. Артур сделал, как он желал, а потом схватил золотые шахматные фигурки и стал их ломать и топтать, так что от них ничего не осталось.

Тотчас Овайн приказал Гуресу, сыну Хрегеда, опустить копьё с флагом, и наступил мир.

Хронабви спросил у Итаука, кто были те трое юношей, которые сообщили Овайну о потерях среди его воронов.

Итаук ответил:

— Мужички, которые печалились о потерях Овайна, — его друзья и вожди Селив, сын Канана Гарвина из Повиса, Гугаун Глетаврит и Гурес, сын Хрегеда, который всегда поднимает флаг в день сражений.

— А кто были три мужа, которые сообщали Артуру о потерях среди его воинов?

— Самые храбрые и самые преданные из его мужей — Блатаон, сын Маухрета, Хриваун Пебир, сын короля Деортаха, и Хавайт Инхленн.

Тут явились от Ослы Гахлехлаура двадцать четыре рыцаря, желавшие заключить с Артуром перемирие на полтора месяца. Артур встал с кресла и, подойдя к высокому рыжему воину, приказал позвать на совет епископа Бедвини и Гвартегида, сына Кау, и Марха, сына Майрхиона, и Карадаука Врайхвраса, и Гвалхмая, сына Гвиара, и Эдайрна, сына Нита, и Хривауна Пебира, сына короля Деортаха, и Хриогана, сына короля Ирландии, и Гвенвинвина, сына Нава, и Хоуела, сына Эмира Хладау, и Гвилима, сына Хруива Врайнса, и Данеда, сына Ата, и Горая, сына Кистеннина, и Мабона, сына Модрона, и Передира Паладира Хира, и Хавайта Инхленна, и Турха, сына Перива, и Нерта, сына Кадарна, и Гобрви, сына Эхела Ворвитухла, и Гвайра, сына Гвестила, и Гадви, сына Герайнта, и Тристана, сына Тахлуха, и Мориена Манаука, и Гранвена, сына Хлира, и Хлахая, сына Артура, и Хлаувродета Варваука, и Кадуря, графа Корнвахлского, и Морврана, сына Тегира, и Хриауда, сына Морганта, и Давира, сына Алина Даведа, и Гухрира Гвалстаута Иайтойта, и Адаона, сына Талиесина, и Хлари, сына Каснара Вледига, и Флевтира Флама, и Грайдаула Гахлдовита, и Гилберта, сына Кадгивро, и Мену, сына Тайгвайта, и Гуртмула Вледига, и Каурдава, сына Карадаука Врайхвраса, и Гилдаса, сына Кау, и Кадариаита, сына Сайди, и многих мужей из Норвегии и Дании, и многих мужей из Греции, так что целое войско собралось к нему на совет.

— Итаук, — спросил Хронабви, — кто этот рыжий муж, вокруг которого собрались войны?

— Его зовут Хрин, сын Майлгуна Гвинета. За ним в совете решающее слово.

— Итаук, — продолжал расспрашивать Хронабви, — почему рядом с почтенными мужами я вижу юнца Кадарияйта, сына Сайди?

— Потому что его советы всегда самые лучшие.

Пришли барды и стали петь во славу Артура, но никто не понял их песен, кроме Кадарияйта.

Уставшие с дороги посланцы с греческих островов привели двадцать четыре осла с грузом серебра и золота.

Тем временем Кадарияйт, сын Сайди, предложил заключить полуторамесячное перемирие с Ослой Гахлехлауром, а золото и серебро вместе с ослами отдать бардам в награду за их песни в былом и в будущем. Так и было решено.

— Хронабви, — спросил Итаук, — разве справедливо запрещать такому юноше участвовать в совете, созываемом его господином?

В это время встал со своего места Кай и сказал:

— Пусть тот, кто за Артура, будет с ним сегодня в Корнвахле, а кого не будет с ним — тот враг ему даже во время перемирия.

Все зашумели, и Хронабви проснулся.

Оказалось, что он три ночи и три дня проспал без просыпу на шкуре рыжего тельца.

Это и есть сон Хронабви. Но без книжки ни один бард и ни один сказитель не поведаст его вам, потому что в нем слишком много разноцветной одежды и разномастных коней.

Часть III

Хозяйка источника

Король Артур в своем замке в Кайрхлеоне, что стоит на берегу реки Иск, мирно проводил время с Овайном, сыном Ириена, и Каноном, сыном Клюдно, и Каем, сыном Канера, не говоря уж о Гвенхвивар, которая вместе со своими дамами обыкновенно вышивала возле окошка. Если вы спросите, был ли привратник у ворот Артурова дворца, то я

скажу вам, что его не было. Вместо привратника гостей и случайных путников встречал Глеввид Гавайлаур. Он почтительно приветствовал их, рассказывал об обычаях двора и препровождал кого в пиршественную залу, кого в приемный покой, кого в спальняй.

Король Артур сидел посреди своего покоя в кресле из зеленого тростника, покрытого огненно-алым атласом. И такого же цвета подушка лежала у него под рукой.

— Если бы я не думал, что вы будете надо мной смеяться, — сказал Артур, — я бы поспал до обеда, а вы бы развлекались, рассказывая друг другу занятные истории. И пусть Кай принесет вам меда и мяса.

Король лег спать, а Канон, сын Клидно, попросил Кая принести обещанное Артуром.

— Я тоже хочу послушать, — возразил ему Кай.

— Ну нет, сначала исполни повеление Артура, а потом мы расскажем тебе самую лучшую из наших историй.

Кай отправился в кухню и вскоре вернулся с бутылью, и золотыми кубками, и еще несколькими вертелами, на которых было много жареного мяса. Все принялись за еду.

Подождав немного, Кай сказал:

— Теперь вы должны мне что-нибудь рассказать.

— Канон, — обратился к рыцарю Овайн, — твоя очередь рассказывать.

— Почему моя? — возразил Канон. — Ты старше и искуснее меня и больше видел необыкновенного в своей жизни. Ты и рассказывай.

— Нет, ты — первый, — настаивал Овайн. — Вспомни самое интересное.

Канон наконец согласился.

— Я был единственным сыном у матери и отца, но мне не сиделось на месте. Казалось, нет такого подвига, которого я не мог бы совершить. В конце концов, наскучив приключениями, доступными мне в наших владениях, я надел доспехи, взял в руки оружие и отправился в дальние страны. Рано ли, поздно ли, но я добрался до прекраснейшей на земле долины, где росли высокие деревья и текла река, а вдоль берега бежала тропинка, по которой я ехал до полудня, а потом до вечера, и когда долина осталась позади, то я увидел большой и богатый замок на берегу бурного потока.

Я подъехал поближе, а там стояли двое юношей в платье из золотого атласа, с золотыми обручами на золотых кудрях и с золотыми пряжками

на башмаках. У обоих в руках было по луку из слоновой кости с тетивой из жил оленя и украшенные перьями стрелы из рога нарвала с золотыми наконечниками. Еще у них были ножи с золотыми лезвиями и рукоятками из рога нарвала, и они метали их в цель.

Неподалеку расположился еще не старый муж с аккуратно подстриженной бородой, в платье и плаще из золотистого атласа. Плащ у него был завязан на шее золотой лентой, и на ноги надеты башмаки из разноцветной кожи с золотыми пряжками.

Я тотчас подошел к нему с почтительным приветствием, и он ответил мне тем же, после чего повел меня в замок. Все, кто жил в замке, собрались в зале, и я увидел двадцать и четырех девиц, которые вышивали на атласе возле окна. Знаешь, Кай, самая дурнушка из них была прекраснее самой прекрасной девицы, которая когда-либо жила на острове Британия, и даже прекраснее самой Гвенхивар, жены Артура, когда она, разодетая, появляется в церкви в день Рождества Христова или на Пасху.

Они встали при моем появлении. Шесть из них взяли под уздцы моего коня и сняли с меня доспехи. Еще шесть приняли от меня оружие и мыли и терли его, пока оно не заблестело. Еще шесть накрыли стол скатертью и принялись жарить мясо. Еще шесть сняли с меня пропитанные потом одежды и надели на меня другие — и рубаху, и дублет из доброго полотна, и плащ из желтого атласа с широкой золотой лентой поверху. Потом они положили на пол подушки, накрыли их красным полотном, и я сел.

Шесть девиц, что занимались моим конем, обиходили его лучше любого конюха в Британии. Потом они принесли серебряные чаши с водой и зеленые с белым полотняные полотенца, и я умылся с дороги.

Немного погодя тот муж, который привел меня в залу, сел за стол, я сел рядом с ним, а рядом со мной девицы, кроме тех, что стали нам прислуживать.

Стол был серебряный, скатерть из полотна, а вся посуда из золота, или из серебра, или из рога буйвола. Когда же нам принесли еду, клянись тебе, Кай, много я ел разного мяса и много пил разных вин, но такого мяса и такого вина ни раньше, ни позже мне не доводилось пробовать.

Пока мы утоляли голод, никто не помешал мне ни единым словом, но, когда я насытился и они поняли, что мне больше хочется беседовать, чем есть, хозяин замка спросил, как меня зовут и откуда я приехал.

Я сказал, что с радостью отвечу на его вопросы, особенно если разговоры при его дворе не считаются нарушением закона.

«Вождь, — возразил мне хозяин замка, — мы бы раньше заговорили с тобой, но хотели дать тебе время утолить голод».

Я сказал, кто я, откуда и зачем отправился в чужие края. И еще сказал, что ищу воина сильнее меня, потому что если не найду такого, то стану господином над всеми.

Хозяин замка улыбнулся мне:

«Если бы я не боялся тебя огорчить, то показал бы тебе того, кого ты ищешь».

Конечно, он меня огорчил, и я не смог это скрыть.

«Если хочешь, — предложил он, — изведать свою слабость, а не свою силу, я помогу тебе. Спи сегодня в замке, а завтра поднимайся пораньше и поезжай по долине, пока не увидишь лес, в котором ты уже был. Дорога повернет направо, и ты поворачивай. В конце концов ты выедешь на прогалину, посреди которой увидишь холм. На самом вершине холма сидит черный великан ростом с двух обыкновенных людей. У него всего одна нога и один глаз во лбу, зато в руках у него железная дубинка, и на земле не найдется двух людей, которым даже вместе под силу ее поднять. Не скажу, что этот муж отличается красотой, наоборот, он очень уродлив, но он страж леса. Вокруг него бродит тысяча диких зверей. Спроси у него, как тебе выйти с прогалины, и он, буркнув что-нибудь, покажет тебе дорогу. Если ты поедешь по ней, то найдешь, что ищешь».

Ночью я никак не мог заснуть и, когда наконец наступило утро, быстро встал, вскочил на коня и поскакал по долине к лесу, повернул направо и опять скакал до тех пор, пока не выехал на прогалину. Скопище диких зверей поразило меня в три раза сильнее, чем говорил хозяин замка. А черный человек и вправду сидел на вершине холма. Он был в точности такой, как мне сказали, только его уродство не поддается никакому описанию да его железную дубинку не подняли бы и четверо человек, не то что двое, а он, клянусь тебе, Кай, небрежно поигрывал ею одной рукой. По своей воле он ничего мне не сказал, но на мои вопросы ответил без проволочки. Я спросил у него, какую власть он имеет над дикими зверями.

«Смотри, человек!»

Он замахнулся дубинкой и так ударил ею оленя, что тот заорал не своим голосом, и на его крик вышло из леса столько зверей, сколько

звезд на небе, и они заняли всю прогалину, так что мне и места не осталось. Там были змеи, драконы и много других, неведомых мне тварей. Черный человек, оглядев их, махнул рукой, отпуская их гулять и кормиться, и они поклонились ему, как вассалы своему господину.

«Видел, человек, какая у меня власть?» — сказал черный человек.

Тогда я спросил у него дорогу, но он сразу помрачнел и сделал вид, что не понял, куда мне надо. Я повторил свой вопрос, и он махнул рукой.

«Поезжай этой дорогой. Она приведет тебя к заросшему лесом склону. Поднимайся по нему, пока не увидишь открытое место, похожее на большую долину. Посреди растет высокое дерево, ветки на нем зеленее веток ели. Под этим деревом источник. Рядом лежит мраморная плита, а на плите стоит серебряная чаша с серебряной цепью, чтобы ее никто не унес. Возьми в руки чашу и плесни водой на мраморную плиту. Ты услышишь такой раскат грома, что подумаешь, будто в ярости сошлись небо с землей. А потом на тебя обрушится злой ливень, от которого ты нигде не спрячешься. Только это будет не дождь, а град, и, когда он закончится, вновь прояснятся небеса, но на дереве не останется ни одного листочка.

Прилетят птицы, сядут на ветки и запоют так сладко, как тебе еще не приходилось слышать. Когда же ты обо всем забудешь, кроме их пения, ты вдруг услышишь стоны и плач и увидишь на черном как уголь коне одетого в черный бархат рыцаря с копьем, увенчанным черным полотняным флажком. Он будет мчаться прямо на тебя. Если ты победишь от него, он тебя догонит. Если же ты его одолеешь, тогда оставь свои поиски — ты самый сильный рыцарь на земле».

Я поскакал на гору, и все было, как мне сказали. Я подошел к дереву. Под ним был источник. Рядом лежала мраморная плита. На ней стояла чаша из серебра с серебряной цепью. Я набрал в чашу воды и вылил ее на плиту. Тотчас прогрехотал гром, и он был еще оглушительнее, чем сказал черный человек. Потом пошел град. Клянусь тебе, Кай, ни один человек не в силах пережить такой град. Он пробивал мне кожу и мясо и бил прямо по костям. Я развернул коня, закрыл ему голову и шею щитом, а сам спрятался под ним. Только так мне удалось спастись. Когда град закончился, я посмотрел на дерево, а на нем — ни одного листочка. Но небо было ясное, и вскоре прилетели птицы, расселись на ветках и запели. Клянусь тебе, Кай, никогда, ни раньше, ни позже, я не слышал такого пения. Когда же, очарованный, я забыл обо всем на свете, то услышал голос из долины:

«О рыцарь, зачем ты здесь? За какое зло ты отплатил мне злом? Да будет тебе известно, что после сегодняшнего града ни человека, ни зверя не осталось на моей земле».

Появился рыцарь на черном коне и с черным флажком на копье. Мы сошлись с ним лицом к лицу, и вскоре он, не очень утруждаясь, одолел меня.

Тогда он подцепил на древко уздечку и увел с собой моего коня, не обращая на меня внимания и даже не пытаясь меня пленить или отнять у меня оружие и доспехи.

Возвращался я той же дорогой. Клянусь тебе, Кай, я сам не понимаю, как при виде черного человека не упал от стыда в первую же лужу. Ночь я провел в том же замке, в котором побывал накануне. Встретили меня еще лучше, кормили еще вкуснее, развлекали еще усерднее, и никто не спросил о том, что случилось возле источника, поэтому и я никому ничего не сказал.

Наутро, одевшись, я увидел оседланного темно-гнедого коня с алыми, как кровь, ноздрями, взял оружие и, благословив хозяев замка, вернулся домой. Конь все еще стоит у меня в конюшне, и я клянусь, что не расстанусь с ним, даже если мне предложат вместо него лучшего боевого коня на всем острове.

— Сказать по правде, Кай, — закончил свою историю Канон, — не слышал я еще, чтобы кто-нибудь признавался в столь нелестном для себя приключении, и воистину удивляет меня, что во владениях короля Артура ни один человек ни разу не обмолвился об источнике и рыцаре на черном коне.

— Что ж, — молвил Овайн, — почему бы нам не отправиться в путь и не отыскать этого рыцаря?

— Клянусь рукой моего друга, — возразил ему Кай, — твой язык часто болтает лишнее.

— Воистину, — вмешалась Гвенхивар, — тебя бы надо повесить за непочтительные речи! Как ты смеешь дерзить столь достойному рыцарю, как Овайн?

— Клянусь рукой моего друга, всемилостивейшая госпожа, — ответил ей Кай, — не меньше твоего я восхищаюсь подвигами Овайна.

Тут проснулся Артур и спросил, долго ли он спал.

— Нет, мой господин, — ответил ему Овайн, — ты не долго спал.

— Не пора ли нам обедать?

— Пора, господин, — ответил Овайн.

Рог протрубил обед, и король, омыв руки, вместе с остальными сел за стол, а потом Овайн отправился в свои покои и осмотрел свое оружие и своего коня.

Утром, едва показалось солнце, он облачился в доспехи, сел на коня и отправился в путь по долам и горам. Рано ли, поздно ли, он оказался в долине, о которой говорил Канон, и сразу понял, что это именно она. Тогда Овайн поскакал вдоль реки и концу дня увидал вдали замок. Те же золотоволосые юноши метали там ножи, и тот же рыжеволосый хозяин замка стоял неподалеку. Овайн почтительно приветствовал его, и хозяин приветствовал Овайна в свой черед.

Когда Овайн вошел в замок, то сразу оказался в покоях, где девицы, сидя в золотых креслах, вышивали по атласу, и они показались ему еще красивее и приветливее, чем со слов Канона. Они сразу же встали и начали угощать Овайна, и еда понравилась ему даже больше, чем Канону.

Когда он утолил первый голод, хозяин замка спросил его, куда он держит путь.

— Я иду рыцаря, который стережет источник, — ответил Овайн.

Рыжеволосый хозяин улыбнулся и сказал, что не хочет отговаривать Овайна, как прежде не отговаривал Канона. Он объяснил Овайну, куда ему ехать, и потом все отошли ко сну.

На другое утро девицы оседлали для гостя коня, и он отправился искать прогалину с холмом и черным человеком на нем. Увидав черного человека, Овайн изумился больше, чем прежде изумился Канон, но все-таки спросил дорогу, а потом поскакал, куда ему было сказано, нашел зеленое дерево, источник, мраморную плиту возле него и серебряную чашу.

Он взял чашу в руки, наполнил ее водой и вылил воду на плиту. Тотчас прогремел гром и пошел град, еще сильнее, чем тот, о котором рассказывал Канон. Потом небо прояснилось и на дерево, на котором не осталось ни одного листочка, прилетели птицы. Они запели, и Овайну показалось, что он никогда не слышал ничего прекраснее. Он едва не забыл обо всем на свете, но услышал топот копыт и увидел скачущего к нему рыцаря. Овайн приготовился к битве. Когда они сошлись в первый раз, то сломали копья и им пришлось вытащить из ножен мечи. Овайн размахнулся и ударил изо всей мочи, да так, что разрубил рыцарю шлем, а потом и голову до самого мозга. Черный рыцарь понял, что смертельно ранен, развернул коня и поскакал прочь. Овайн

погнался за ним, но никак не мог подъехать к нему поближе, чтобы нанести хотя бы еще один удар. Тем временем впереди показался замок. Черный рыцарь направился к воротам. Овайн за ним. Черный рыцарь въехал во двор. Овайн следом. Но входная решетка опустилась прямо позади седла и разрубила коня Овайна пополам. Овайн с передней частью коня оказался между двумя закрытыми воротами, и ему не было пути ни вперед, ни назад. В щель он разглядел улицу и ряды домов по обеим ее сторонам. А еще он увидел девицу с золотым обручем на вьющихся золотых волосах, в платье из желтого атласа и в башмаках из цветной кожи. Девушка подошла к воротам и посоветовала, что не может открыть их.

— Господь свидетель, госпожа, — сказал Овайн, — не легче мне выпустить тебя оттуда, чем тебе — меня отсюда.

— Воистину, — ответила девушка, — печально, что я не могу тебя выпустить, ведь любая девушка или жена на моем месте пожелала бы помочь тебе, ибо никогда я не встречала более верного рыцаря. Нет искреннее тебя друга и нет преданнее тебя возлюбленного, поэтому я сделаю все, что смогу. Возьми мое кольцо, — продолжала она, — и надень его камнем вниз, а пальцы сожми в кулак. Пока ты его прячешь, оно тоже будет тебя прятать. Когда рыцари, посоветовавшись, придут, чтобы тебя убить, они очень огорчатся, не найдя тебя. Я же буду ждать у коновязи. Ты увидишь меня, хотя я тебя не увижу, поэтому, когда подойдешь, положи руку мне на плечо, чтобы я знала — ты рядом. А потом следуй за мной.

Девушка ушла, и Овайн сделал все, как она сказала. Когда за ним пришли, чтобы предать его смерти, то его не оказалось рядом с разрубленным пополам конем.

Овайн прошел между рыцарями, приблизился к девушке и положил ей на плечо руку, после чего она привела его в просторные и красиво убранные покои и заперла дверь. Когда Овайн огляделся, то не увидел ни кусочка дерева, который не был бы расписан яркими красками, ни единой деревянной панели, не украшенной золотыми картинками.

Девушка разожгла огонь, налила воды в серебряную чашу, повесила себе на плечо полотняное полотенце и предложила Овайну умыться с дороги. Потом она поставила перед рыцарем серебряный стол с золотым узором, застелила его скатертью из желтого полотна и поставила разными блюдами. Все, что Овайн когда-либо ел в своих

путешествиях, стояло теперь на столе, только было несравненно лучше приготовлено. Да и никогда ему не приходилось видеть сразу такого разнообразия блюд и вин и такого множества золотой и серебряной посуды.

Овайн ел и пил до позднего вечера, пока не услышал шум в замке. Он спросил девицу, отчего такой переполох.

И она ответила:

— Причащают хозяина замка.

Овайн лег спать.

Ложем, которое приготовила девица, не побрезговал бы и сам Артур, и Овайну сладко спалось на полотняной простыне под меховым одеялом на атласной подкладке.

Однако посреди ночи его разбудил горестный вопль.

— Что это? — спросил Овайн.

— Умер хозяин замка, — ответила девица.

Едва рассвело, они услышали громкий плач.

— Кто это плачет? — спросил Овайн.

— Хозяина замка несут в церковь, — ответила девица.

Овайн встал, оделся, открыл окно и увидел на улицах великое множество воинов в доспехах. С ними были женщины, которые на лошадях, которые пешком, и священники, все до единого распевавшие молитвы. Овайну показалось, что и плач, и молитвы, и звуки труб поднимались до самого неба и эхом возвращались обратно на улицы. Посреди толпы он разглядел покрытый белым полотном гроб с горящими свечами, который несли могущественные бароны.

Никогда еще не доводилось Овайну видеть более внушительного зрелища.

За гробом шла дама в золотом разорванном платье, с рассыпавшимися по плечам и покрытыми кровью золотыми волосами. На ногах у нее были башмачки из цветной кожи. Она так сильно сжимала руки, что удивительно, как не царапала ладони ногтями. Воистину прекраснее этой дамы Овайн еще никого не встречал, хотя скорбь ее была так велика, что она причитала громче, чем кричали мужи и трубили трубы. Едва Овайн увидел ее, как его опалила любовь.

Он спросил девицу, кто эта дама.

— Господь свидетель, нет на земле никого прекраснее, целомудреннее, великодушнее, мудрее и благороднее ее. Она — моя госпожа, хозяйка источника и жена рыцаря, которого ты убил вчера.

— Я ее люблю, — сказал Овайн.

— Она тоже полюбит тебя, — сказала она.

С этими словами она разожгла огонь и поставила на него горшок с водой, потом повесила на шею Овайну белое полотняное полотенце, вылила воду в серебряную чашу, взяла кубок из слоновой кости и стала мыть Овайну голову. Открыв деревянный ларец, она достала из него бритву с ручкой из слоновой кости с заклепками из золота, сбрила рыцарю бороду, высушила полотенцем волосы и принесла ему поесть. Никогда еще так искусно не угощали Овайна, и никогда еще ему так славно не прислуживали.

Когда он насытился, девица перестелила для него ложе.

— Поспи пока, а я пойду тебя сватать.

Овайн заснул, а девица заперла дверь и отправилась в замок, где все печалились и плакали, а поглощенная своим горем госпожа и вовсе не желала никого видеть.

Линед вошла к ней и почтительно приветствовала ее, но та ей не ответила. Тогда девица наклонилась к ней и спросила:

— Что с тобой? Отчего ты ничего не говоришь?

— Линед, — сказала тогда ее госпожа, — а с тобой что? Почему ты не пришла утешить меня в моем горе? Я возвысила тебя, а ты отплатила мне неблагодарностью. Ты неблагодарная, потому что не захотела разделить со мной мою печаль. Ты неблагодарная.

— Я-то думала, что у тебя больше здравого смысла. Разве так уж необходимо горевать о добром рыцаре, если тебе не суждено более им владеть?

— Господь свидетель, ни один рыцарь на земле не сравнится с ним.

— Ошибаешься, — возразила Линед. — Любой уродина не хуже его, а может, даже и лучше.

— Клянусь небесами, — вскричала госпожа, — не по душе мне предавать тебя смерти, ведь я тебя вырастила, но из-за твоих злых слов мне придется это сделать! Уходи! Я прогоняю тебя!

— С радостью уйду, если единственная причина изгнания — то, что я служила твоему счастью, правда без твоего ведома. Отныне пусть беда постигнет ту, что сделает первый шаг к примирению. Я не буду искать встречи с тобой, и ты не зови меня к себе.

С этими словами Линед направилась к двери. Госпожа тоже встала и, громко кашляя, пошла за ней следом. Линед оглянулась. Госпожа ей кивнула, и она решила не уходить.

— Ты очень злая, — укорила ее госпожа. — Но если уж ты заговорила о моем счастье, то договаривай до конца.

— Слушаю, госпожа, — повиновалась Линед. — Ты сама знаешь, что землю защищают только с оружием в руках. Поэтому нельзя медлить. Ты должна найти рыцаря, который поможет тебе.

— Где же его найти?

— Я тебе скажу. Если источник будет надежно защищен, то и мы заживем припеваючи, а защитить его может только рыцарь из дома Артура. Я пойду к Артуру, и пусть покарает меня Господь, если вернусь без воина, который будет не хуже прежнего охранять источник.

— Это трудно исполнить, — сказала госпожа. — Но все-таки пойд и сделай, что обещаешь.

Линед ушла под предлогом, что ей надо спешить ко двору Артура, а сама вернулась в покои, где заперла Овайна, и пробыла с ним там ровно столько, сколько ей понадобилось бы, чтобы доскакать до двора Артура, договориться с рыцарем и вернуться обратно.

Когда она решила, что времени прошло довольно, то приделась и отправилась к госпоже, которая ей очень обрадовалась и тотчас потребовала рассказать, с чем она явилась.

— У меня хорошие вести, — сказала Линед. — Я добилась своего и исполнила обещание. Когда представить тебе вождя, который приехал со мной?

— Приводи его завтра в полдень, а я прикажу прийти всем рыцарям и советникам.

Линед вернулась в свои покои.

На другой день Овайн в желтом атласном платье, в желтом атласном плаще с широкой золотой лентой и в сапогах из цветной кожи с золотыми пряжками в виде львов явился в покои хозяйки источника.

Она обрадовалась, но, пристально взглядевшись в него, спросила Линед:

— Рыцарь будто не устал с дороги?

— Ты права, госпожа. Но что в этом плохого?

— Клянусь, он убил моего господина.

— Тем лучше для тебя, госпожа, — сказала Линед. — Не будь он сильнее твоего господина, он не смог бы его победить. Что толку оплакивать прошлое?

— Возвращайся в свои покои, — приказала госпожа, — я буду держать совет.

На другой день хозяйка источника призвала к себе своих подданных и сообщила им, что ее владения остались без защиты, ибо защитить их можно только с помощью коня, оружия и военного искусства.

— Потому я вот что вам скажу, — заявила она. — Или один из вас берет меня в жены, или я посылаю гонцов в другие земли искать мне мужа и защитника.

Было решено искать мужа среди чужеземцев, и тогда хозяйка источника призвала епископов и архиепископов, чтобы они обвенчали ее с Овайном, которому ее подданные обещали служить верой и правдой.

С тех пор Овайн копьем и мечом защищал источник. Он делал так. Какой бы рыцарь ни явился биться с ним, он побеждал его, брал в плен и продавал задорого, а все деньги делил между подданными и другими рыцарями, за что был любим своими подданными. И так продолжалось три года.

В один прекрасный день Гвалхмай встретился с королем Артуром, который был чернее тучи. Гвалхмай тоже потемнел лицом и спросил Артура, какая беда с ним приключилась.

— Успокойся, Гвалхмай, — отозвался Артур. — Меня печалит, что уже три года нет с нами Овайна, и четвертый год мне не пережить. А все из-за Канона, сына Клюдно. Не расскажи он о своем приключении, не потерял бы я Овайна.

— Для этого не надо собирать войско. Почему бы тебе не взять своих приближенных и родичей и самому не отправиться на поиски? Если его убили, мы отомстим за него. Если он в плену — освободим. А если жив и свободен — привезем обратно.

И они сделали, как сказал Гвалхмай.

Артур и его рыцари отправились на поиски Овайна, и было их три тысячи числом, не считая слуг. Канон, сын Клюдно, показывал им дорогу. Артур приблизился к замку, в котором прежде побывал Канон и возле которого юноши все так же метали ножи, а за ними издали наблюдал рыжеволосый муж. Едва он заметил Артура, как почтительно приветствовал его и пригласил войти. Артур принял его приглашение. Как ни много народу приехало с Артуром, они не стеснили обитателей просторного замка. Девушки прислуживали мужам Артура, и даже пажи, приставленные к коням, чувствовали себя в замке не хуже, чем Артур в собственном дворце.

Наутро Артур поехал дальше, ведомый Каноном, и наконец увидел черного человека, который изумил его больше, чем когда он судил о нем по чужим рассказам. Тот показал Артуру дорогу, и, рано ли, поздно ли, Артур прискакал к зеленому дереву, под которым был источник, а рядом лежала мраморная плита, и на ней серебряная чаша, прикованная серебряной цепью.

Кай подошел к Артуру и сказал ему:

— Мой господин, мне известно предназначение всего этого, так что позволь мне вылить воду на плиту и принять первый бой.

Артур не стал спорить.

Кай набрал в чашу воды и вылил ее на мраморную плиту, после чего прогремел гром и пошел град. Такого грома рыцари никогда прежде не слышали, и многие спутники Артура пали замертво под градом, но потом небо посветлело и, рассеившись на голых ветках, сладко запели птицы. Появился на черном как уголь коне рыцарь в черном атласном плаще, и Кай сошелся с ним в бою, но вскоре он был выбит из седла и признал себя побежденным.

Рыцарь ускакал, и Артур со своим воинством расположился на ночлег.

На другое утро они вновь увидели знак на копье рыцаря, вызывающий их на бой. Кай подошел к Артуру и сказал ему:

— Мой господин, я был побежден вчера, поэтому позволь мне сразиться сегодня.

Артур разрешил. Кай помчался навстречу рыцарю, но тот одним ударом сбросил его с коня и, копьем пробив ему шлем, нанес тяжелую рану. Пришлось Каю ни с чем вернуться к Артуру.

После Кая многие воины Артура выходили на поединок с рыцарем, но он всех победил. Не вступали с ним в бой только Артур и Гвалхмай. Наконец Артур не выдержал и взял в руки копье, но Гвалхмай взмолился:

— Мой господин, позволь мне сразиться с ним.

Артур позволил, и Гвалхмай поскакал навстречу рыцарю. Атласный плащ и атласную попону для коня Гвалхмай недавно получил в подарок от дочери графа Хрангива, поэтому его никто не узнал. Весь день до вечера сходились рыцари, не в силах одолеть друг друга и хотя бы свалить с коня.

На другой день они бились на копьях, крепче которых трудно было бы найти на земле, и опять ни тот ни другой не назвал себя победителем.

На третий день соперники взяли копья еще крепче прежних. Оба были в ярости и, не зная отдыха, сражались до полудня, а в полдень нанесли друг другу такие удары, что лопнули подпруги и они оба упали на землю. Однако они не стали разлеживаться, тотчас вскочили на ноги и вытащили мечи. Все, кто видел этот бой, говорили потом, что им никогда не доводилось встречать более смелых и мужественных воинов. В полночь они все еще бились на мечах, и искры летели во все стороны.

В конце концов рыцарю удалось сбросить шлем с головы Гвалхмая, и он узнал его.

Овайн сказал:

— Не узнал я тебя, Гвалхмай, в твоём славном плаще. Возьми, брат, мой меч.

— Нет, Овайн, это ты победил меня, и ты возьми мой меч.

Артур, завидев, что они разговаривают, подошел к ним поближе.

— Мой господин Артур, — сказал Гвалхмай. — Овайн победил и не хочет брать мой меч.

— Милорд, — возразил Овайн, — это он победил и не хочет брать мой меч.

— Дайте мне ваши мечи, ибо нет между вами ни победителя, ни побежденного.

Овайн обнял Артура за шею, и Артур обнял его. Тут прибежали остальные воины, и всем захотелось обнять Овайна. И от таких объятий немудрено было бы лишиться жизни.

Отдохнув ночь, на другое утро Артур стал собираться в путь.

— Милорд, — обратился к нему Овайн, — рано ты хочешь ехать, ведь мы не виделись с тобой три года, и все три года я готовил для тебя пир, потому что знал, что ты будешь меня искать. Поживи в моем замке и дай отдых своим воинам. Пусть затянутся их раны.

И Овайн, и Артур, и Гвалхмай, и все остальные пришли в пиршественную залу хозяйки источника, и пир, который готовили три года, продолжался три месяца. Никогда они еще так славно не пировали.

Потом Артур стал готовиться к отъезду. Он послал гонцов к хозяйке источника с просьбой отпустить с ним Овайна на три месяца, чтобы тот смог побывать в Британии и повидаться с кавалерами и дамами Артурова двора. Как ни опечалилась хозяйка источника, она позволила Овайну уехать с Артуром, а Овайн, оказавшись в Британии, забыл обо всем на свете и пробыл там три года вместо трех месяцев.

В один прекрасный день Овайн сидел за столом в замке в Кайрхлеоне, что стоит на берегу реки Иск, и увидел во дворе девицу на взмыленной гнедой кобыле под золотым седлом. Девица выпустила из рук золотую уздечку, подошла к Овайну и сорвала у него с руки кольцо.

— С предателем и обманщиком, у которого нет ни сердца, ни совести, только так и должно поступать! — крикнула она и ускакала прочь.

Овайн сразу же все вспомнил и очень опечалился. Покончив с трапезой, он ушел в свои покои и стал готовиться к отъезду. На другой день он проснулся, но не пошел ко двору, а отправился куда глаза глядят, в бескрайние пустыни и голые горы, и оставался там, пока не истощил свое тело и не отрастил волосы. Он привечал диких зверей, кормил и поил их, пока они не привыкли к нему, но вскоре очень ослаб и не мог больше оставаться в горах. Тогда он спустился в долину и оказался в принадлежавшем вдовой графине саду, прекраснее которого не было на земле.

День стоял теплый, и графиня со своими девушками отправилась погулять возле озера, которое находилось как раз посреди сада. Нежданно-негаданно они набрали на незнакомого мужчину и очень испугались, но все же подошли поближе и даже потрогали его, желая удостовериться, что он не умер, а всего лишь лишился чувств из-за жары. Графиня вернулась в замок и дала одной из своих девушек флакон с драгоценным притиранием.

— Пойди в сад, — сказала она ей, — только возьми коня и одежду. Бальзамом тому человеку натри грудь там, где сердце, и, если в нем еще теплится жизнь, он непременно очнется. Оставь коня и одежду поблизости, а сама посмотри, что он будет делать.

Девушка вылила весь бальзам Овайну на грудь и спряталась неподалеку. Вскоре она увидела, что он пошевелил рукой, потом встал на ноги, оглядел себя и устыдился своего вида. Заметив поблизости коня и одежду, он с трудом доплелся до них, облачился во все новое и из последних сил взгромоздился в седло. Тут девушка вышла из своего укрытия и почтительно приветствовала незнакомца. Он ответил ей тем же и спросил, где он и кому принадлежит сад.

— Все здесь, и замок тоже, принадлежит вдовой графине, — сказала девушка. — Ее муж умер и оставил ей два графства; правда, одно у нее отобрал сосед, молодой граф, потому что она не захотела стать его женой.

— Как жаль, — вздохнул Овайн.

Девушка повела его в замок. Овайн спешил к дверям, и девушка показала ему его покои, разожгла огонь в очаге и ушла.

Она вернулась к графине и отдала ей пустой флакон.

— Куда же девался бальзам? — вскричала графиня.

— Разве я не весь должна была вылить на грудь чужеземцу?

— Ах, девушка, как мне простить тебя? Ты даже не представляешь, как мне жалко, что ты вылила бальзама на сто сорок фунтов, да еще на человека, которого я в первый раз в глаза вижу! Ну да ладно, пригляди за ним, пока он не оправится.

Девушка принесла Овайну мясо и вино. Она поила его и кормила, лечила его и стелила ему постель, пока он не окреп. Три месяца потребовалось рыцарю, чтобы вернуть себе прежний вид, и он стал даже прекраснее, чем прежде.

Как-то раз Овайн услышал страшный шум и бряцание оружия и спросил у девушки, что бы это могло быть.

— Граф, — ответила она, — о котором я тебе говорила, стоит перед замком с бесчисленным войском.

Тогда Овайн спросил, нет ли у графини коня и оружия.

— Есть, — отвечала девушка. — Да такое оружие, что лучше не бывает.

— Тогда пойдй к ней и скажи, чтобы она дала его мне, — сказал Овайн, — а то мне не с чем выйти к воинам.

— Слушаю.

Девушка побежала к графине и все ей рассказала, но графиня только посмеялась в ответ.

— Ну конечно, — сказала она, — я дам ему коня, оружие и доспехи, каких он сроду не видывал, и даже буду рада, что он возьмет их сегодня, а то завтра у меня все равно ничего не останется. Хотя, право, не знаю, что он будет с ними делать.

Графиня приказала привести великолепного черного коня под седлом и принести доспехи для Овайна и для коня. Овайн облачился в доспехи, взял в руки меч и, вскочив на коня, с двумя вооруженными пажам отправился на поле битвы. Подъехав поближе, он увидел, что войску графа нет ни конца, ни края. Овайн спросил у пажей, где сам граф.

— Вон там, — ответили они, — где четыре желтых шатра. Два впереди и два позади.

— А теперь, — приказал пажам Овайн, — возвращайтесь к воротам замка и ждите меня.

Они ускакали, а Овайн направился к тому месту, где стоял граф. Он выбил графа из седла, развернул его коня к замку и, хотя это было не легко, притащил графа к воротам, где ожидали пажы. Они вошли в замок, и Овайн подарил графа приютившей его графине.

Он сказал ей:

— Вот я и отплатил тебе за твой благословенный бальзам.

Войска еще стояли лагерем вокруг замка, а граф уже вернул графине, как выкуп за свою жизнь, земли, которые он отнял у нее, и еще отдал ей половину своих владений, все свое золото, все серебро, все драгоценные камни, и это не считая заложников.

С тем Овайн и уехал. Графиня и ее подданные умоляли его остаться, однако Овайн предпочел новые странствия.

Как-то раз рыцарь ехал по лесу и услышал громкий вопль. Он прислушался и, когда вопль повторился, поскакал на голос. Посреди леса стоял высокий холм, а на его склоне лежал серый камень с расселиной, в которой прятались змеи. Возле той расселины рыцарь увидел черного льва: едва тот делал заметное движение, как змея шипела на него. Овайн обнажил меч и подъехал поближе. Когда змея опять высунула голову, он, взмахнув мечом, отсек ее. Вытерев меч, Овайн поехал дальше своей дорогой, а лев последовал за ним, прыгая и увиваясь вокруг него, словно он не лев, а борзая.

Прошел день. Наступил вечер. Овайн решил отдохнуть. Он спешился и пустил своего коня кормиться на поляне, густо заросшей сочной травой, после чего разжег огонь, и лев натаскал ему столько веток, что хватило бы на три дня.

Ненадолго исчезнув, лев вернулся с большой косулей и положил ее перед человеком.

Овайн освеживал косулю и немного мяса оставил себе, а остальное отдал льву, который быстро справился со своей долей.

Неожиданно Овайну показалось, будто рядом кто-то тяжело вздохнул. Потом он услышал еще вздох и еще... и еще... Овайн не знал, что подумать. В конце концов он крикнул в темноту:

— Кто там вздыхает — зверь, человек или бессмертный дух?

— Человек, — ответили ему.

— Кто ты?

— Меня зовут Линед. Я — служанка хозяйки источника.

— Что ты здесь делаешь? — удивился Овайн.

— Я здесь не по своей воле. Рыцарь короля Артура взял в жены мою хозяйку, но недолго оставался с ней, потому что соскучился по

Британии, а уехав домой, забыл о моей госпоже. Он был верным другом, и я очень любила его, но у моей хозяйки есть два злых пажа, и они при мне называли его обманщиком и предателем. Тогда я сказала, что им двоим не сравниться с ним одним, и они посадили меня в каменный склеп, обещав убить меня, если он меня не освободит. Послезавтра — последний день. Мне некого послать за рыцарем, которого зовут Овайн, сын Ириена.

— Ты уверена, что, узнай рыцарь о твоей беде, он непременно явится бы сюда?

— Уверена.

Мясо пожарилось, и Овайн разделил его на две части. Одну оставил себе, а другую отдал девице. Когда же они насытились, то за разговорами не заметили, как наступил рассвет.

Ни один страж не охраняет своего хозяина так, как лев стерег ночью Овайна.

Наутро Овайн спросил девицу, не знает ли она, где он может найти приют и пищу.

— Иди прямо, господин, — сказала девица, — потом иди вдоль реки и увидишь большой замок с башнями. Хозяин там граф, и нет никого гостеприимнее, чем он, на всей земле.

Овайн перебрался через реку и увидел замок. Он вошел в ворота, и его почтительно приветствовали слуги и хозяева. Конь был тотчас расседлан, а самого рыцаря повели в пиршественную залу, где тем временем накрыли богатый стол. Лев отправился стеречь коня, а Овайн наслаждался гостеприимством хозяев, которые, однако, не умели скрыть свою печаль и смотрели на него так, словно их ждала скорая смерть. Во главе стола сел граф, а напротив него — его единственная дочь, и девицы прекраснее ее Овайн не встречал. Вскоре пришел лев и улегся у ног Овайна, и Овайн давал ему со стола все, что ел сам. Печаль окружающих его людей удивляла Овайна, и, когда граф, утолив первый голод, поднял чашу в честь гостя, Овайн не выдержал.

— Если мое присутствие тебе не в тягость, то развеселись, — сказал Овайн хозяину.

— Клянусь небом, — заверил граф, — не в тебе причина нашей печали.

— А в ком?

— У меня есть два сына, — сказал граф, — и вчера они отправились в горы поохотиться, но попали в лапы чудища, которое живет там

и пожирает людей. Завтра чудище обещало прийти сюда и на моих глазах убить сыновей, если я не отдам ему мою единственную дочь. С виду оно похоже на человека, только намного выше и сильнее.

— Да, есть отчего печалиться, — согласился Овайн. — И что ты собираешься делать?

— Уж лучше бы оно убило моих сыновей, чем принуждало меня выбирать между ними и дочерью.

Они еще поговорили о разных вещах, и Овайн отправился спать.

На другое утро раздался грохот, будто обрушились каменные стены. Это явился великан с двумя юношами. Граф не знал, как поступить, желая освободить сыновей, но при этом спасти дочь и свой замок.

Овайн надел доспехи, взял в руки оружие и вышел навстречу чудищу-великану. Лев шел следом за ним. Едва великан завидел вооруженного Овайна, он бросился на него, но первым его встретил лев.

— Я бы легко одолел тебя, — сказал великан, — если бы не этот зверь.

Овайн увел льва в замок и запер за ним ворота, а потом вернулся обратно, чтобы биться с великаном до победного конца.

Лев сначала яростно рычал, словно понимая, что Овайну приходится нелегко, а потом влез на крышу, с нее спрыгнул на стену и вниз на землю — на помощь хозяину. Он ударил великана лапой и распорол ему грудь от плеча до живота, так что сердце великана вывалилось наружу и он умер.

Живыми и невредимыми Овайн вернул отцу его сыновей.

Граф стал просить Овайна погостить у него, однако Овайн поблагодарил и отказался, потому что его ждала Линед.

Прискакав на луг, он увидел высокий костер и двух юных воинов с красивыми рыжими кудрями, которые вели за руки Линед. Овайн спросил, в чем виновата девица, и они слово в слово пересказали ему то, что накануне он узнал от самой Линед.

— Овайн не пришел ей на помощь, — заявили они, — поэтому мы ее сожжем.

— Но ведь он верный рыцарь и, знай он, что девица попала в беду, непременно явился бы сюда, чего бы это ему ни стоило. Впрочем, если вы не возражаете, я сражусь с вами вместо него.

— Что ж. И пусть Создатель рассудит нас.

Не раздумывая, воины бросились на Овайна и стали его теснить, но ему на помощь пришел лев, и юноши поняли, что им не справиться с обоими.

Тогда они заявили:

— Ты говорил, что будешь биться один, а на самом деле при тебе еще этот зверь. С ним нам труднее справиться, чем с тобой.

Овайн отвел льва туда, где сидела девица, закрыл дверь и подпер ее камнями, а сам вернулся, чтобы сражаться. К несчастью, Овайн еще не набрал прежнюю силу, и юношам показалось, что победа близка, но лев, почувствовав, что хозяину грозит беда, стал рваться из пещеры и в конце концов выскочил наружу. Он бросился на юношей и в мгновение ока убил их.

Так Линед спаслась от костра.

Овайн и Линед возвратились во владения хозяйки источника, а когда Овайн решил ехать ко двору Артура, то взял с собой жену, и они больше не расставались до самой смерти.

Овайн поскакал по дороге, которая вела к замку свирепого черного дикаря.

Там встретили его двадцать четыре прекраснейшие дамы со скорбными лицами и в жалких платьях, которые не стояли и двадцати четырех пенсов, и Овайн спросил их, о чем они печалются, а дамы ответили ему:

— Мы все дочери графов, и все путешествовали со своими возлюбленными мужьями. Встретили нас тут с почетом и уважением, а потом усыпили, и, пока мы спали, дьявол, который владеет этим замком, убил наших мужей и забрал себе золото, серебро и драгоценные камни. Тела наших мужей до сих пор лежат не погребенные, но в замке много и других мертвецов. Вот о чем мы скорбим, вождь, и напрасно ты приехал сюда, потому что тебя ждет та же участь.

Овайн тоже опечалился и пошел вон из замка, а навстречу ему откуда ни возьмись рыцарь, да еще такой разодетый, словно вышел навстречу родному брату. Это и был свирепый черный дикарь.

— По правде говоря, я не ищу твоей дружбы, — сказал ему Овайн.

— Если по правде, то никуда тебе от нее не деться, — ответил черный дикарь.

Они сошлись в яростном поединке, и Овайн уже одолевал своего врага, заломив ему руку за спину, когда тот решил во что бы то ни стало спасти свою жизнь.

— Господин Овайн, — простонал черный дикарь, — мне предсказали, что ты убьешь меня. И ты уже почти исполнил предсказание.

Я долго разбойничал, и мой дом был обителью греха, но, если ты даруешь мне жизнь, клянусь тебе, до самой моей смерти мой дом будет пристанищем для сырых и убогих.

Овайн поверил ему.

Переночевав в замке черного дикаря, Овайн отправился в путь, взяв с собой всех дам с их конями и драгоценностями. Когда же он наконец добрался до замка короля Артура, то Артур обрадовался ему еще больше, чем после первой разлуки. Что же до дам, то те из них, которые пожелали остаться при дворе, там и остались, а те, которые пожелали возвратиться домой, поехали дальше.

В любви и почете жил Овайн среди своих родичей при дворе короля Артура, пока не пришло время покинуть двор, и он покинул его вместе со своими воинами — тремястами воронами, которых Кенверхин оставил ему в наследство. С кем бы Овайну ни приходилось сражаться, с поля боя он всегда уходил победителем.

На этом заканчивается история о хозяйке источника.

Передир, сын Эвраука

Граф Эвраук владел Северным графством, и у него было семь сыновей; правда, доходы ему шли не столько от его земель, сколько от турниров, поединков и военных походов.

Как это часто случается с теми, кто посвящает жизнь сражениям, он был убит вместе со своими шестью сыновьями. Седьмого и последнего сына звали Передир, и он еще не дорос до войн и турниров, а то бы и его, верно, убили, как остальных. Мать Передира была женщиной мудрой и дальновидной и очень пеклась о благополучии своего единственного оставшегося в живых сына, поэтому, поразмыслив немного, она отправилась туда, где не было ни рыцарей, ни поединков, и взяла с собой лишь женщин, мальчиков и скудоумных мужчин, которым не по плечу битвы и сражения.

Больше всего на свете мать Передира боялась, что кто-нибудь приведет с собой коня или принесет меч, и тогда ей не удержать при себе сына.

Мальчик все дни проводил в лесу, швыряя палки, и как-то раз, увидав рядом с козами, которые принадлежали его матери, двух оленей, очень удивился, почему у них нет рогов, если у всех остальных есть.

Немного подумав, он решил, что они, должно быть, бегали где ни попадя и потому остались без рогов. Скорый на ногу, он быстро загнал оленей в сарай, построенный в лесу для коз, и возвратился к матери.

— Матушка! — завопил он, увидев ее. — Ты знаешь, кого я сегодня встретил в лесу? Я встретил двух коз, которые долго бегали где ни попадя и потеряли рога, потому что за ними никто не присматривал. Никому не было до них дела, и пришлось мне загнать их в сарай.

И мать мальчика, и все, кто был с нею, удивились и пошли взглянуть на безрогих коз, а когда увидели оленей, то удивились еще больше.

В другой раз по тропинке, огибающей лес, скакали на конях три рыцаря, которых звали Гвалхмай, сын Гвиара, Генайр Гвистил и Овайн, сын Ириена. Овайн и его товарищи преследовали рыцаря, накануне делившего яблоки при дворе Артура.

— Матушка, — спросил Передир, — кто это?

— Ангелы, сын мой.

— Я тоже хочу стать ангелом.

Передир выбежал на тропинку.

— Скажи мне, добрый человек, — спросил его Овайн, — не видел ли ты вчера или позавчера рыцаря?

— А кто такой рыцарь?

— Ну, такой, как я.

— Если ты ответишь на мои вопросы, то и я отвечу на твой.

— По рукам, — сказал Овайн.

— Что это? — спросил Передир, показывая на седло.

— Седло, — ответил Овайн.

Передир все выпросил у него о доспехах и об оружии: зачем они, для чего и как с ними управляться — и Овайн терпеливо ответил на все его вопросы.

— Теперь скачите вперед, — сказал Передир, — потому что я видел того, о ком вы спрашиваете. И я еду следом за вами.

Сказав так, Передир вернулся к матери.

— Матушка, это были не ангелы, а знаменитые рыцари.

Мать лишилась чувств, а Передир отыскал лошадей, которые возили хворост из леса да мясо и вино из города, и выбрал из них самую сильную, хотя и чересчур костлявую на вид. Потом он сложил мешок наподобие седла, водрузил его на пегую лошадку и так перекрутил веревки, что у него получились почти настоящие уздечка и стремяна. Когда Передир напоследок зашел к матери, та уже очнулась от беспамятства.

— Сын мой, — спросила она, — ты хочешь покинуть меня?

— Да, матушка, с твоего благословения.

— Тогда послушай моего совета.

— Да, матушка, только говори быстрее.

— Поезжай ко двору Артура. Там ты найдешь самых сильных, самых храбрых и самых щедрых воинов. Увидишь по дороге церковь, не забудь прочитать «Отче наш», а коли захочешь есть или пить, но никто тебе ничего не предложит, бери мясо и вино сам, без спросу. Услышишь крики о помощи, тем паче женские, не медли и беги на подмогу. Найдешь дорогое кольцо, возьми его, а потом отдай кому-нибудь, и ты заслужишь добрую славу. Встретишь даму или девицу, будь поучтивее. Забудь свою прежнюю жизнь и постарайся стать ловким кавалером.

Когда она кончила говорить, Передир уселся на лошадь, взял дюжину остро заточенных рогатин и отправился в путь. Два дня и две ночи блуждал он без еды и питья по лесной чащобе, пока его глазам не открылась поляна, а посреди поляны шатер, который он принял за церковь, и потому быстро прочитал «Отче наш».

Вход в шатер был открыт. Внутри стояло золотое кресло, а в кресле сидела красивая рыжеволосая девица. На голове у нее сверкал драгоценными камнями золотой обруч, на руке горел огнем большой золотой перстень. Передир спешил и вошел в шатер, девица радостно с ним поздоровалась, а он возле самого входа увидел две бутылки с вином, две буханки пшеничного хлеба и много жареного мяса.

— Матушка наказала мне, если я захочу есть, без спросу брать мясо и вино, — заявил Передир.

— Бери, вождь.

Передир не заставил просить себя дважды, но, не забыв о девице, съел ровно половину мяса и выпил одну бутылку вина. Утолив голод, он преклонил колено перед девицей.

— Матушка наказала мне, если я увижу дорогое кольцо, брать его без спросу.

— Бери, душа моя.

Передир снял с ее пальца кольцо, сел на коня и отправился дальше. Тем временем прискакал рыцарь, которому принадлежал шатер. Его звали Хозяином Поляны, и он сразу понял, что в шатре побывал кто-то чужой.

— Скажи, кто тут был? — спросил он девицу.

— Муж, который странно вел себя.

Девушка рассказала рыцарю, каков из себя Передир и как он вел себя с нею.

— Скажи мне, — настаивал рыцарь, — он не сделал тебе ничего плохого?

— Нет, клянусь, он ничего плохого мне не сделал.

— А я клянусь, что не верю тебе и, пока не найду его и не отомщу ему, ты не пробудешь на одном месте и двух дней кряду.

Рыцарь отправился на поиски Передира. А Передир ехал ко двору Артура. Тем временем там объявился другой рыцарь, который отдал привратнику тяжелое золотое кольцо, чтобы его пропустили в залу, где сидели Артур со своими воинами и Гвенхивар со своими дамами. Паж как раз подавал Гвенхивар вино, когда рыцарь, выхватив у него золотой кубок, облил вином лицо и грудь Гвенхивар и больно ударил ее по щеке.

— Если у кого хватит храбрости поспорить со мной из-за кубка или отомстить за обиду, нанесенную госпоже, пусть едет на луг. Я буду ждать.

Рыцари опустили головы, не желая, чтобы на них пал жребий сражаться за честь Гвенхивар, ибо знали: если рыцарь ведет себя таким образом, то, с колдовством или без колдовства, он уверен в своей непобедимости.

Пока они так размышляли, в залу, посреди которой в задумчивости стоял Кай, въехал Передир на пегой лошадке.

— Скажи, длинный человек, — спросил Передир, — вон там часом не Артур ли?

— А на что тебе Артур?

— Матушка наказала мне ехать к Артуру, чтобы он посвятил меня в рыцари.

— Клянусь, у тебя для этого слишком неказистые доспехи.

Кай говорил громко, поэтому его слышали все, кто был в зале, и стали кидать в Передира палками. Неожиданно вперед выскочил карлик, который со своей дамой-карлицей уже год был при дворе Артура, приютившего их. За год они ни разу рта не открыли, но из-за Передира карлик решил положить конец своему молчанию.

— Ха-ха! — рассмеялся он. — Пусть будет на тебе благословение небес, добрый Передир, сын Эвраука, рыцарь из рыцарей и цвет рыцарства.

— Ну нет! — возмутился Кай. — Хоть ты ровно год прожил при дворе Артура, ты ничему не научился. При нас, при самом Артуре ты называешь деревенщину рыцарем из рыцарей и цветом рыцарства!

С этими словами Кай так двинул карлика по уху, что тот без чувств повалился на пол.

— Ха-ха! — подхватила карлица. — Добрый Передир, сын Эвраука, благословенный небесами рыцарь из рыцарей и цвет рыцарства!

— Эй, девица! — крикнул Кай. — Клянусь, ты тоже зря жила при дворе, если за год и рта не раскрыла, а теперь говоришь так.

Кай ударил ее ногой, и она без чувств упала на пол.

— Длинный человек, — попросил Передир, — покажи мне Артура.

— Не торопись, — сказал Кай. — Ты видел воина, который поехал на луг? Сразись с ним, отбери у него кубок, а заодно коня и доспехи. Сделаешь это — быть тебе рыцарем.

— Сделаю, длинный человек.

Передир поехал на луг, где рыцарь скакал на коне из конца в конец, кичась силой, храбростью и благородными манерами.

— Скажи, — заговорил он с Передиром, — ты не видел, никто из воинов не едет сюда?

— Длинный человек, который был в замке Артура, пожелал, чтобы я сразился с тобой и отобрал у тебя кубок, коня и доспехи.

— Молчи! — крикнул рыцарь. — Поезжай обратно и скажи Артуру: пусть он сам явится ко мне или пошлет кого-нибудь вместо себя, да побыстрее. Я не собираюсь долго ждать.

— Клянусь, хочешь ты этого или нет, но я отберу у тебя коня, доспехи и кубок.

Рыцарь подскакал к Передиру и ударил его древком копья между шеей и плечом.

— Ха-ха! — рассмеялся Передир. — Слуги моей матери не знали твоих игр, потому придется мне по-своему сыграть с тобой.

Он взял рогатину и с такой силой ударил ею рыцарю в глаз, что острое вышло у него из затылка и рыцарь тотчас испустил дух.

— Клянусь, Кай, — сказал Овайн, сын Ириена, — ты плохо поступил, когда послал юного безумца на бой. Его ждет одно из двух. Или рыцарь пожалеет его, или убьет. Но, победив, он объявит его славным рыцарем короля Артура, опозорив тем и самого Артура, и нас вместе с ним. Если же он убьет его, то позора будет не меньше. К тому же мальчишка умрет без покаяния. Поеду-ка я и посмотрю, что с ним.

Овайн отправился на луг и с изумлением увидел, что Передир таскает за собой по земле убитого рыцаря.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он.

— Да никак не могу снять с него доспехи, — ответил Передир.

Овайн помог ему и сказал:

— Душа моя, этот конь и эти доспехи куда лучше твоих, так что бери их себе по праву и поедем со мной ко двору Артура. Он посвятит тебя в рыцари.

— Будь я проклят, если поеду ко двору, — ответил ему Передир. — Но ты возьми кубок для Гвенхвивар и скажи Артуру, что, где бы ни был, я теперь его вассал и все сделаю, что в моих силах, для его блага и славы. И еще скажи: я до тех пор не вернусь ко двору, пока не отомщу длинному человеку за обиду, которую он нанес карлику и карлице.

Овайн поскакал обратно и обо всем рассказал Артуру, и Гвенхвивар, и всем воинам, и дамам.

А Передир отправился дальше, и, рано ли, поздно ли, повстречался ему рыцарь.

— Откуда держишь путь? — спросил его рыцарь.

— От двора Артура, — ответил Передир.

— Значит, ты один из его рыцарей?

— Клянусь, это так.

— Неплохо Артур мне удружил, — заявил рыцарь.

— Я тебя не понимаю.

— Что ж, сейчас поймешь. Я всегда был врагом Артура и всех его рыцарей, которые попадают мне на пути, убиваю без жалости.

Не тратя даром слов, они сошлись в поединке. Вскоре Передир сбросил рыцаря с коня, и тот запросил у него пощады.

— Я тебя пощажу, если ты поклянешься отправиться ко двору Артура и сообщить королю, что, служа ему, я победил тебя. Сам я не вернусь, пока не отомщу за обиду, нанесенную карлику и карлице.

Рыцарь дал клятву и поскакал ко двору Артура. Он сказал королю все, что обещал, не умолчав и об угрозе Каю.

Передир отправился дальше и, встретив за неделю шестнадцать рыцарей, всех победил. Им он тоже приказал скакать к королевскому двору с вестью Артуру и угрозой Каю. Из-за этого Артур сердился на Кая, и Кай очень печалился.

А Передир скакал дальше. В конце концов он оказался в большом лесу, на опушке которого было озеро, а по другую сторону озера стоял

замок. На берегу Передир увидел седовласого мужа в бархатном одеянии, сидевшего на бархатных подушках. Рядом расположились слуги, и все удили рыбу. Почтенный муж тоже заметил Передира, встал с подушек и, хромая, направился к замку. Когда Передир подскакал к замку, дверь оказалась открытой. Седовласый муж уже сидел в зале на подушках перед горящим очагом. Все встали со своих мест и окружили Передира, но почтенный муж пригласил его сесть рядом, и они стали разговаривать. В положенное время слуги накрыли столы, и, когда Передир утолил первый голод, почтенный муж спросил его, умеет ли он владеть мечом.

— Не знаю, — ответил Передир. — Вот если бы меня кто поучил.

— Кто умеет хорошо обращаться с дубинкой и со щитом, тот и с мечом справится.

У почтенного мужа было два сына — один волосами посветлее, другой потемнее.

— Поднимайтесь, мальчики, — приказал он им, — и поиграйте дубинками и щитами.

Они послушались.

— А ты, моя душа, скажи, кто из них лучше.

— Думается мне, тот, кто посветлее, мог бы ранить брата, если бы захотел.

— Тогда возьми у его брата дубинку и щит и одолей моего сына, если сможешь.

Передир встал, взял дубинку и с такой силой ударил светловолосого юношу по голове, что у него из глаз ручьями потекла кровь.

— Ах, моя жизнь, — сказал почтенный муж, — подойди ко мне и сядь рядом, потому что вскоре никто на нашем острове не сравнится с тобой во владении мечом. Я — твой дядя, брат твоей матери, и я научу тебя разным обычаям, учтивости и всему прочему, что полагается знать благородному рыцарю. Забудь о прежних привычках. Отныне знай: если увидишь что-нибудь и спросишь, что это такое, а тебе никто не ответит, то вина в том будет не твоя, а моя, твоего учителя.

И они, пока не наступило время ложиться спать, вели долгую беседу. А наутро Передир встал, оседлал коня и с разрешения дяди отправился в путь.

Проехав пустынный лес, он увидел луг, а на другом краю луга — большой замок. Передир направил к нему своего коня. Ворота были открыты, и он беспрепятственно въехал в них. В зале сидел почтенный

седовласый муж в окружении многих пажей, которые тотчас поднялись, чтобы приветствовать гостя. Они усадили Передира рядом с хозяином замка, и тот разговорился с Передиром, а когда наступило время трапезы, они опять сели рядом. Передир утолил первый голод, и хозяин замка спросил его:

— Умеешь ли ты владеть мечом?

— Если бы кто-нибудь меня поучил, наверно, сумел бы.

На полу лежало тяжелое железное копьё, которое не всякий воин мог поднять.

— Возьми этот меч и ударь по копьё.

Передир встал из-за стола и сделал как было сказано. От удара копьё развалилось на две части и меч тоже.

— Подними и сложи их, — велел хозяин замка.

Передир сложил, и железное копьё вновь стало таким, каким было прежде, и меч тоже.

Во второй раз он ударил мечом по железному копьё, и копьё вновь сломалось пополам, но Передир вновь сложил их, и они вновь стали такими, какими были прежде.

В третий раз он ударил мечом по железному копьё, и копьё и меч сломались пополам, а потом Передир сложил вместе обе части копьё, но они не сложились, и сложил обе части меча, но они тоже не сложились.

— Юноша, — сказал хозяин замка, — подойди ко мне и сядь рядом. Пусть мое благословение всегда будет с тобой. Ты владеешь мечом лучше всех в королевстве, но пока ты лишь на две трети пользуешься своей силой. Когда ты научишься использовать всю свою силу, никто не сможет тебя одолеть. Я — твой дядя, брат твоей матери и брат того почтенного мужа, в замке которого ты провел вчерашний вечер.

Пока Передир разговаривал с дядей, в залу вошли двое юношей, неся тяжелое копьё, с которого текли на пол три кровавые струи. Все в зале заплакали, закричали. Только хозяин замка сделал вид, будто ничего не заметил, и ни на мгновение не прервал своей беседы с Передиром. Он ни словом не обмолвился о происшедшем в зале, и Передир не стал его расспрашивать. Когда же причитания немного стихли, в залу вошли две девицы с большим подносом, на котором лежала голова мужчины, и вокруг нее тоже было много крови. Все издали громкий вопль, и Передиру стало не по себе. Наконец вопли прекратились.

Когда наступило время ложиться спать, родичи проводили Передира в его покои.

На другое утро Передир с разрешения дяди отправился дальше. Когда он подъехал к лесу, то увидел прекрасную даму с рыжими волосами, рядом с ней — коня под седлом, а у ее ног — бездыханное тело рыцаря. Сколько она ни старалась взгромоздить его на коня, он все время падал на землю, и в конце концов она разрыдалась.

— Скажи мне, сестра, — обратился к ней Передир, — отчего ты плачешь?

— Ох, проклятый Передир, горька моя судьба, если она свела меня с тобой!

— Почему же я проклятый? — возмутился Передир.

— Потому что ты — причина смерти моей матери. Когда ты уехал против ее воли, от гнева у нее разорвалось сердце, и она умерла. Поэтому ты проклятый. Карлик же и карлица, которых ты видел при дворе Артура, принадлежали твоему отцу с матерью, я — твоя молочная сестра, а он — мой венчаный муж. Его убил рыцарь в лесу, и ты не ходи туда, потому что он и тебя убьет.

— Милая сестра, напрасно ты меня ругаешь. Оставь свои причитания, потому что в них нет пользы, а я похороню твоего мужа и отправлюсь искать рыцаря. Посмотрим, сумею ли я отомстить.

Как Передир сказал, так он и сделал. Рыцарь кичливо разъезжал на коне по поляне и, завидев Передира, спросил, кто он и откуда.

— Я был при дворе Артура, — ответил ему Передир.

— Ты его рыцарь?

— Честью клянусь, да.

— Повезло Артуру!

Не тратя времени на разговоры, они бросились друг на друга, и Передир сразу же столкнул рыцаря с коня. Тот стал молить о пощаде, и Передир обещал пощадить его, но с одним условием:

— Возьми эту женщину в жены и обходись с ней со всей учтивостью, ибо ты без всякой причины погубил ее мужа. А Артуру передай, что я не вернусь к его двору, пока не сражусь с длинным рыцарем и не отомщу ему за обиду, которую он нанес карлику и карлице.

Передир взял с рыцаря клятву, что он все исполнит, и рыцарь, облачив даму в одежды, более ее достойные, и дав ей коня, отправился вместе с ней ко двору Артура. Там он все рассказал Артуру и не забыл про угрозу Передира, после чего Артур и все рыцари принялись ругать Кая за то, что он прогнал от них такого воина, как Передир.

— Этот юноша ни за что к тебе не вернется, — сказал Овайн, сын Ириена, — если Кай не оставит нас.

— Клянусь честью, — вскричал Артур, — я обыщу все пустоши на острове Британия, но найду Передира, и пусть они с Каем решат свой спор.

Передир тем временем ехал дальше, и вот на дороге у него встал лес, в котором не было ни единого следа человека или зверя. Проехав его насквозь, он увидел большой замок с неприступными башнями, и когда приблизился к воротам, то заметил, что деревья там были выше, чем везде. Передир постучал в ворота древком копья и немного погодя увидел стройного рыжеволосого юношу, какие обыкновенно открывают турниры.

— Выбирай вождь, — крикнул он, — или я сразу открываю ворота, или пойду и объявлю рыцарям, что ты ждешь их позволения!

— Пойди к ним, — ответил Передир. — И если они позволяют мне войти, я войду.

Когда юноша вернулся, он открыл ворота и впустил Передира, который сразу пошел в залу, где сидели еще восемнадцать юношей, все такие же стройные и рыжие, такие же рослые и сильные, такие же красивые и нарядные, как тот, кто открыл ему. Все они были учтивы и услужливы, помогли Передире переодеться и умыться с дороги и завели с ним неторопливую беседу. В это время в залу вошли пять девиц, и Передир ни на минуту не усомнился, что прекраснее той, которая была из них главной, он никогда не встречал, хоть атласное платье на ней было все в дырках, так что даже не прикрывало тела. Прозрачнее слезы была у нее кожа, волосы и брови — чернее гагата, щеки — краснее, чем самое красное яблоко. Девица поздоровалась с Передиром, обняла его за шею и усадила рядом с собой. Тут пришли две монахини, и одна несла в руках бутыл с вином, а другая — шесть белых хлебов.

— Госпожа, — сказали они, — Господь свидетель, нет больше у нас в монастыре ни еды, ни вина.

Когда все стали есть, Передир заметил, что девица старается положить ему побольше хлеба и налить побольше вина.

— Сестра, — сказал тогда Передир, — позволь мне разделить хлеб и вино между всеми.

— Почему, душа моя? — спросила девица.

Передир ничего не стал объяснять, и разделил хлеб и вино поровну между всеми. Когда же наступило время идти спать, для него приготовили покои.

— Послушай нас, сестра, — сказали юноши самой прекрасной из девиц. — Пойди к юному рыцарю, который ушел спать в покои наверху, и предложи ему себя в жены или возлюбленные.

— Нет, — воспротивилась девица, — не хочу. Я еще не принадлежала ни одному рыцарю, и предлагать ему себя, когда он не любит меня, я не могу.

— Тогда мы, да услышит нас Господь, оставим тебя здесь нашим врагам, и пусть они делают с тобой, что хотят.

Испугавшись, девица побежала наверх и со слезами на глазах вошла в покои, отведенные Передире. Дверь скрипнула, и Передир, тотчас проснувшись, очень удивился, увидав плачущую девицу.

— Скажи мне, сестра, почему ты плачешь?

— Скажу, господин, — отвечала девица. — Мой отец владел многими землями, и этот дворец тоже принадлежал ему. У него было лучшее графство в королевстве. Потом сын другого графа попросил меня в жены, но я не захотела быть его женой, и мой отец не пошел против моей воли. У моего отца не было других детей, поэтому после его смерти я унаследовала все его владения и еще меньше желала стать женой графа. Тогда граф пошел на меня войной и отобрал все, кроме этого замка, который невозможно взять, пока в нем есть еда и вода и его охраняют храбрые воины, мои молочные братья. Ты видел их в зале. Но у нас не осталось еды, и мы живы только благодаря заботе монашек, ведь им открыты все дороги. А теперь и у них ничего не осталось. Завтра сюда явится граф со всем своим войском, — продолжала она, — и, если я попаду ему в руки, моя жизнь будет не лучше, чем если бы меня сразу отдали его конюхам. Вот почему, господин, я пришла. Я отдаю себя тебе, а ты или увези меня отсюда, или помоги защитить замок. Выбери.

— Иди, сестра, спать, — молвил Передир. — Я не уеду, пока не исполню твою просьбу, а уж получится у меня или нет, там посмотрим.

Девица удалилась в свои покои, а наутро опять явилась к Передире.

— Здравствуй, душа моя, — сказал ей Передир. — С чем ты пришла?

— Пришла сказать, что граф со своим войском уже у ворот и я еще никогда не видела так много шатров и так много жаждущих крови рыцарей.

— Пусть оседлают моего коня, — попросил Передир.

Когда оседлали его коня, Передир встал и отправился на луг. Там уже скакал, кичливо поглядывая кругом, рыцарь, но Передир не составило труда сбросить его на землю. К концу дня один из самых могучих воинов решил сразиться с Передиром, но и он, в мгновение ока оказавшись на земле, взмолился о пощаде.

— Кто ты? — спросил Передир.

— Я — камергер графа.

— И сколько владений графини в твоей власти?

— Третья часть.

— Верни госпоже ее третью часть вместе со всеми доходами, а сегодня вечером доставь в замок еды и вина на сто человек да еще сто коней и столько же доспехов. Ты будешь ее пленником, если она тебя не убьет.

Камергер сделал, как ему было сказано, и девица вместе со всеми радовалась победе над графом и вкусной еде.

На другой день Передир опять был на лугу и положил множество воинов, пока к концу дня не прискакал весьма гордый с виду рыцарь, но и он, не успев оглянуться, оказался на земле, так что пришлось ему молить о пощаде.

— Кто ты? — спросил Передир.

— Я — сенешаль графа.

— И сколько владений графини в твоей власти?

— Одна треть.

— Вернешь все, что ей принадлежит по праву, да доставишь в замок еды и вина для двухсот человек и еще двести коней и столько же доспехов. Будешь ее пленником.

Сенешаль тотчас же исполнил.

На третий день Передир явился на луг и положил еще больше воинов, чем в первые два дня. А к вечеру прискакал сам граф, но и он, упав на землю, стал молить о пощаде.

— Кто ты? — спросил Передир.

— Я — граф и не скрываю этого.

— Хорошо, — сказал Передир. — Вернешь девице все, что ей принадлежит, и отдашь ей свое графство в придачу, а еще принесешь в замок еды для трехсот человек и приведешь триста коней, да не забудь триста доспехов и мечей. Сам будешь ее пленником.

Дело было сделано. Три недели пробыл Передир во владениях графини, присматривая, чтобы все было в порядке, а когда она крепко взяла бразды правления в свои руки, Передир сказал ей:

— С твоего позволения я уезжаю.

— Брат, ты вправду этого хочешь?

— Клянусь. Если бы я тебя не любил, я бы еще раньше уехал.

— Душа моя, кто ты? — спросила графиня.

— Я — Передир, сын Эвраука с севера. Если случится с тобой беда и тебе потребуется помощь, зови меня. Что в моих силах, я все сделаю.

И Передир отправился дальше.

Немалый путь он одолел, когда ему повстречалась дама на худой взмыленной лошади. Она поздоровалась с юношей.

— Откуда ты едешь, сестра? — спросил ее Передир.

Дама рассказала о своей беде. Это была жена Хозяина Поляны.

— Послушай, — молвил ей Передир, — все твои беды из-за меня, но я отомщу тому, кто с тобой плохо обращается.

Вскоре он встретил Хозяина Поляны, и тот принялся расспрашивать, не встречался ли ему рыцарь, которого он ищет.

— Успокойся, — сказал ему Передир. — Я — тот, кого ты ищешь. Клянусь, ты заслужил взбучку за свое отношение к даме. Если ты считаешь меня виноватым в ее бесчестье, то знай, что она невинна.

Они помчались навстречу друг другу, и когда Передир сбросил рыцаря с коня, тот стал молить о пощаде.

— Я пощажу тебя, — сказал Передир, — а ты вернешься к даме и всем объявишь, что она невинна. Отныне ты будешь обращаться с ней не так, как я тут с тобою.

Рыцарь поклялся все сделать, как ему велено, и Передир отправился дальше.

По дороге он увидел на холме замок, подъехал к нему и постучал копьём в ворота. Вышел красивый рыжеволосый юноша — с виду воин, годами мальчик — и провел Передира в залу, где высокая дама сидела в кресле в окружении многих девиц. Она приветливо поздоровалась с ним. Потом накрыли на стол, и все сели ужинать.

После ужина дама сказала Передире:

— Тебе, вождь, лучше поискать другой кров.

— Почему ты гонишь меня?

— Сюда, душа моя, явятся девять колдуний Глостера и с ними их отец и мать. Если мы не оставим замок до рассвета, они нас убьют, ведь они опустошили вокруг все земли и только наш замок пока не тронули.

— Позволь мне не уходить до утра, — попросил Передир. — Если с тобой случится беда, я помогу, чем смогу, а от меня тебе худа не будет.

Все разошлись по своим покоям, и ночью было тихо, а на заре Передир услышал ужасный вопль. Он быстро соскочил с ложа, оделся, схватил меч и, когда выбежал из своих покоев, увидел, что колдунья бьется с одним из стражников, а тот кричит что есть мочи. Передир бросился к ним, ударил колдунью мечом по голове и расплющил на ней шлем, который стал похож на тарелку.

— Пощади меня, добрый Передир, сын Эвраука!

— Откуда ты знаешь, ведьма, как меня зовут?

— Мне суждено быть побежденной тобой. Возьми моего коня и мой меч, и я научу тебя всему, что знаю сама о законах рыцарства.

— Я пощажу тебя, — сказал ей Передир, — если ты поклянешься никогда больше не пересекать границы здешних владений.

Передир убедился в том, что никто больше не потревожит графиню, и с ее позволения отправился во дворец, где жили колдуньи. У них он пробыл три недели, выбрал себе коня по душе, доспехи и поскакал дальше.

Вечером Передир въехал в долину, где жил отшельник, который приветливо поздоровался с ним, и Передир провел ночь в его келье, а когда встал утром, то увидел, что ночью выпал снег и возле самой кельи ястреб убил малую птичку, но, верно, конь своим ржанием прогнал ястреба, и на его место прилетел ворон. Передир стоял, вглядываясь в черную птицу на белом снегу, усеянном каплями крови, и вспомнил черные, как гагат, волосы возлюбленной девицы, ее белую, как снег, кожу и ее красные, как кровь на снегу, щеки.

Тем временем Артур повсюду искал Передира.

— Знаешь ли ты, — спросил Артур одного из своих рыцарей, — кто этот рыцарь с длинным копьем, который стоит на берегу ручья?

— Господин, позволь мне поехать и спросить у него.

Юноша подъехал к тому месту, где стоял Передир, и спросил, кто он и что делает на берегу ручья. Передир же так глубоко задумался о возлюбленной девице, что оставил вопросы юноши без ответа. Тогда юноша тронул Передира копьем, и Передир, обернувшись, одним ударом свалил его на землю. После этого еще двадцать четыре воина спрашивали его о том же, но он никому не ответил и всех по очереди сбросил с коней.

Наконец явился Кай и грубо заговорил с ним. Тогда Передир подцепил его копьем за ворот под подбородком и, встряхнув, сбросил с коня, сломав ему руку и лопатку, а потом проехал над ним на коне двадцать один раз. Пока Кай лежал, не в силах пошевелиться от боли, его конь

галопом вернулся к Артуру, и, увидев коня без всадника, рыцари немедля помчались к тому месту, где лежал Кай. Сначала они подумали, что Кай убит, но он был жив, и тогда они поняли, что ему нужен искусный лекарь. Передир же не прервал своих размышлений и когда рыцари суетились вокруг Кая, поднимали его и увозили к Артуру в шатер. Артур сразу призвал лекаря, опечалившись, что не повезло одному из его самых любимых воинов.

— Негоже, — сказал Гвалхмай, — мешать рыцарю, когда он в раздумье о постигшем его горе или о возлюбленной даме. Наверно, несчастье обрушилось на Кая по его недоумию. Позволь мне, господин, поехать и посмотреть, очнулся ли рыцарь от своих дум, и если очнулся, то я со всей учтивостью попрошу его быть твоим гостем.

Кай очень разозлился от этих слов и наговорил много грубого и обидного Гвалхмаю.

— Я знаю, Гвалхмай, — сказал он, — ты приведешь его, потому что он устал от сражений. Мало чести привести такого рыцаря. Разве не этим способом ты многих победил? Ты умеешь ласково разговаривать, и платье из полотна заменяет тебе доспехи, ведь тебе не приходится брать в руки копьё или меч, чтобы сразить изнемогшего рыцаря.

— Почему бы тебе не поступать так же? — возразил ему Гвалхмай. — И не трать напрасно своей злости. Не я ее причина. Тем не менее я привезу сюда рыцаря, ничего себе не переломав.

— Ты мудро решил, — обратился Артур к Гвалхмаю. — Выбери себе коня получше, возьми оружие и поезжай к рыцарю.

Облачившись в доспехи, Гвалхмай поспешил туда, где все еще стоял Передир.

Он отдыхал, оперевшись на копьё, когда Гвалхмай, не выказывая воинственных намерений, приблизился к нему и сказал:

— Если ты благорасположен к беседе, то позволь мне говорить. У меня к тебе поручение от Артура. Он просит тебя быть его гостем. Двух гонцов он уже посылал к тебе.

— Это правда, — согласился Передир, — только они неучтиво вели себя. Набросились на меня ни с того ни с сего, ну я и разозлился: неприятно ведь, когда тебя отрывают от размышлений о возлюбленной даме. А задумался я о ней вот почему. Я смотрел на снег, на ворона и на капли крови на снегу и вспомнил, что кожа у нее белее снега, что волосы и брови у нее чернее воронова крыла, а румянец у нее на щеках алее крови.

— У тебя были приятные мысли, — согласился Гвалхмай, — неудивительно, что тебе не нравилось, когда тебя от них отрывали.

— Скажи мне, Кай все еще при дворе Артура?

— Да. Это он был тем последним рыцарем, с которым ты сразился, и лучше бы ему не приставать к тебе, потому что ты сломал ему руку и лопатку.

— Воистину неплохое начало для мести за обиду, причиненную карлику и карлице.

Гвалхмай удивился, услышав о карлике и карлице, подошел к рыцарю, обнял его за шею и спросил, как его зовут.

— Меня зовут Передир, сын Эвраука, — ответил ему Передир. — А тебя как зовут?

— Меня зовут Гвалхмай.

— Я от всего сердца рад встрече с тобой, потому что, где бы я ни был, я везде слышал о твоей отваге и о твоей честности. Будь мне другом.

— Клянусь, я твой друг, если и ты мне друг.

Передир с радостью согласился стать другом Гвалхмая, и они вместе поскакали туда, где был раскинут шатер Артура.

Когда Кай их увидел, он сказал:

— Я так и знал, что Гвалхмай не будет драться с рыцарем. Неудивительно, что у него добрая слава. Он большего добивается словом, чем я силой.

Передир пошел с Гвалхмаем в его шатер, где они сняли доспехи, и Гвалхмай дал Передиру свои одежды на смену, после чего они вместе явились к Артуру.

— Вот, господин, — сказал Гвалхмай, — тот, которого ты долго искал.

— Добро пожаловать, вождь, — сказал Артур. — Теперь ты останешься со мной, ведь, знай я о твоей храбрости прежде, я бы ни за что тебя не отпустил. Но что было, то было. Кай обидел карлика и карлицу, и ты отомстил за них.

Тем временем пришла королева со своими дамами и девицами, и Передир почтительно поздоровался с ними. Они же обрадовались, увидев его, и не скрывали радости. Артур всячески подчеркивал свое уважение к Передире и принимал его с великими почестями.

Когда все возвратились в Кайрхлеон, где был двор Артура, Передир вышел в город погулять после обеда и встретил Ангхарад Лау Эвраук.

— Клянусь честью, сестра! — воскликнул он. — Ты прекраснее всех девиц, и, будь я любезен тебе, я бы полюбил тебя больше всех дам на земле.

— Увы, — ответила она ему, — я не люблю тебя и никогда не полюблю.

— Клянусь, я больше не заговорю ни с одним христианином, пока ты не полюбишь меня больше всех мужей.

На другой день Передир поскакал в горы, и на пути ему попалась круглая долина, склоны которой густо поросли лесом. Зато внизу был красивый луг, а между лугом и лесом раскинулись поля. Среди деревьев Передир разглядел неуклюжие черные дома. Он спешился и повел коня к лесу, но, едва вошел в него, заметил тропинку, а над ней скалу, к которой был прикован цепью спящий лев. Рядом со львом в глубокой яме валялось множество человеческих и звериных костей.

Передир вытащил меч и ударил им льва, так что тот упал с кручи и повис на цепи. Вторым ударом Передир разрубил цепь, и лев оказался в яме, а Передир продолжил свой путь.

Посреди долины стоял красивый замок, и Передир направил к нему коня. На лугу возле замка сидел седой человек, выше и плечистее которого Передиру не приходилось встречать. Рядом два юных пажа играли ножами с рукоятями из рога нарвала, и у одного из пажей волосы были ярко-рыжие, а у другого — потемнее.

Они проводили Передира к седому старцу, которого он почтительно приветствовал.

Старец сказал:

— Позор на бороду привратника.

Передир понял, что привратником был лев.

Старец и юноши вошли в замок, и Передир вместе с ними. Замок ему понравился. Хозяева же направились сразу в пиршественную залу, где уже были накрыты столы. Одновременно с ними в залу вошли пожилая дама и молодая дама, и обе они были самого почтенного вида. Омыв руки, все уселись за стол. Старец расположился во главе стола, старая дама подле него, девица и Передир сели рядом, а пажи стали им прислуживать. Девица грустно посмотрела на Передира, и он спросил, о чем она печалится.

— О тебе печалюсь, моя душа. С первого взгляда я полюбила тебя больше всех и не могу не печалиться, зная, какая тяжкая участь тебя

ждет. Ты видел черные дома в лесу? Они принадлежат вассалам моего отца, великанам, которые завтра ополчатся на тебя. Они убьют тебя в нашей долине, что зовется Круглой Долиной.

— Прекрасная девица, прошу тебя, сделай так, чтобы мой конь и мои доспехи были ночью при мне.

— С радостью исполню твою просьбу, клянусь небом.

Когда хозяева и гость разошлись на ночь по своим покоям, девица привела к Передире его коня и принесла ему его доспехи. А наутро, услышав возле замка крики людей и топот коней, Передир встал, оделся, оседлал коня и выехал на луг.

Дама и девица пришли к старцу и стали его просить:

— Господин, возьми с юноши клятву, пусть он никому не рассказывает о том, что тут видел.

— Клянусь, я этого не сделаю.

Тем временем Передир сражался с целым войском, и к вечеру живых воинов осталось на треть меньше, а Передира даже не поцарапали.

Дама и девица смотрели с башни, как Передир убивает одного воина за другим, и, когда он убил золотоволосого юношу, девица взмолилась:

— Господин, пощади хоть одного.

— Не могу, красавица, — отвечал ей Передир.

Следующим был юноша с каштановыми волосами, и Передир убил и его тоже.

— Лучше было бы тебе вымолить у него пощаду твоим двум сыновьям, а теперь и ты попадешь ему в руки, — сказала девица отцу.

— Иди к нему и моли, чтобы он пощадил нас, ибо мы сдаемся на милость победителя, — ответил тот.

Девица пошла на луг к Передире и стала просить его, чтобы он пощадил ее отца и всех оставшихся в живых вассалов.

— Я исполню твою волю, если твой отец и все его вассалы принесут присягу Артуру и скажут ему, что делают это по приказу его вассала Передира.

— Клянусь, так и будет.

— Еще вы должны принять крещение, и тогда я попрошу Артура, чтобы он навсегда отдал эту долину во владение твоей семье.

Они вошли в замок, и старец с дамой почтительно приветствовали Передира.

Старец сказал ему:

— С тех пор как я владею долиной, не помню, чтобы хоть один христианин ушел отсюда живым. Ты первый. Мы все принесем присягу Артуру, примем истинную веру и крещение.

Тогда сказал Передир:

— Я благодарен небесам за то, что они не позволили мне нарушить обещание, которое я дал своей возлюбленной даме, ведь я не должен разговаривать ни с одним христианином.

Прошла ночь, а наутро старец со всеми родичами и вассалами отправился ко двору Артура. Он присягнул ему и принял крещение, а потом рассказал Артуру, что Передир приказал ему идти в Кайрхлеон. Артур отдал старцу его земли в вечное владение, как желал Передир, и вскоре с позволения Артура старец вернулся домой в Круглую Долину.

А Передир уже отправился дальше и долго ехал по безлюдным полям и лесам, пока наконец не увидел бедный маленький домик. Он услышал, как внутри, лежа на золотом кольце, шелестит чешуей змей, который никому на семь миль кругом не разрешал шагу ступить. Не помня себя от ярости, Передир бросился на змея и долго бился с ним, но в конце концов убил его и забрал золотое кольцо.

Много ли, мало ли времени прошло, а Передир все еще ни словом не перемолвился с христианином. Щеки у него побледнели и сам он осунулся, так мучило его желание вернуться ко двору Артура в общество возлюбленной дамы и друзей-рыцарей. Не выдержал Передир и повернул коня, а на дороге откуда ни возьмись войско Артура с Каем впереди. Всех узнал Передир, а его не узнал никто.

— Откуда едешь, вождь? — спросил Кай.

Передир не ответил, и он спросил его в другой раз и в третий. Передир молчал. Тогда Кай ткнул его в бедро копьем и, чтобы заставить нарушить клятву, ранил его еще и еще раз.

— Клянусь небесами, ты, Кай, нечестно ведешь себя с юношей, который ничего не может тебе сказать.

И Гвалхмай повернул коня.

— Госпожа, — сказал он Гвенхвивар, возвратившись ко двору Артура, — смотри, как подло поступил Кай с юношей, который ничего не говорит. Ради всего святого, сделай мне одолжение и полечи его, пока меня не будет, а я отплачу тебе за добро.

Воины уехали с поручением Артура и не успели возвратиться, как ко двору Артура явился рыцарь и потребовал, чтобы у него приняли вызов

на бой. Передир вышел к нему и победил его. С тех пор каждый день в течение недели приезжали рыцари и сражались с Передиром, и он всех побеждал.

Как-то раз Артур со всем своим двором отправился в церковь, но дорогу им преградил жаждавший боя рыцарь.

— Ну нет, — сказал Артур, — я не буду сражаться, пока мне не приведут коня и не облачат меня в доспехи.

Слуги бросились за конем и доспехами, а когда они возвращались, их остановил Передир, забрал у них коня и доспехи и отправился на луг. Все, кто видел, как он сел в седло и поехал на битву, забрались повыше на деревья и на крыши домов, чтобы не пропустить захватывающее зрелище.

Передир махнул рыцарю рукой, чтобы он начинал, и он ударил Передира, но тот даже не шелохнулся. Потом Передир прищпорил коня и яростно, безудержно, испуленно нанес противнику смертельный удар. Это был беспощадный и ловкий удар под подбородок, а потом Передир поднял поверженного рыцаря с коня и отбросил подальше. Вернувшись с луга, Передир отдал коня и доспехи слугам, а сам пошел во дворец.

При дворе никто не узнал Передира, и его прозвали Немым Юношей. А тут, откуда ни возьмись, ему навстречу идет Ангхарад Лау Эвраук.

— Небом клянусь, вождь, мне жаль, что ты не говоришь, потому что, если бы ты говорил, я любила бы тебя больше всех мужей на земле. Но ты не печалься, я все равно люблю тебя.

— Небо ответило тебе, сестра, — сказал Передир. — Я тоже люблю тебя.

Тут-то все узнали, что Немой Юноша вовсе не немой юноша, а сам Передир, сын Эвраука. Он назвал своими друзьями Гвалхмая и Овайна, сына Ириена, и всех рыцарей Артура и остался жить при дворе Артура.

Как-то раз, когда Артур был в Кайрхлеоне, что на берегу реки Иск, он решил отправиться на охоту и взял с собой Передира. Увидев оленя, Передир спустил пса, и тот, нагнав зверя, загрыз его. Места те были пустынные, но неподалеку Передир увидел людское жилище и подъехал к нему поближе. У ворот небольшого замка плешивые и темнокожие юноши играли в шахматы. Передир вошел в залу. На скамье

сидели три девицы, одетые в одинаковые богатые платья. Передир сел с ними рядом. Тогда одна из них внимательно посмотрела на него и заплакала.

Передир спросил, отчего она плачет.

— От горя, — ответила девица. — Жалко, что такой красивый юноша должен погибнуть.

— От чьей руки я погибну?

— Если ты отважишься остаться на ночь в замке, я тебе скажу.

— Какие бы опасности ни поджидали меня тут, я останусь.

— Замок принадлежит моему отцу, — сказала девица, — и он убивает всякого, кто приходит сюда без его позволения.

— Кто же твой отец, если ему под силу убивать всех и каждого?

— Он злой и нетерпимый с соседями и никогда не заботится о справедливости.

Передир заметил, что юноши убрали шахматные фигурки с доски, а потом услышал страшный шум. Когда шум стих, в залу явился черный одноглазый великан, и девицы стоя поздоровались с ним. Они помогли ему переодеться и умыться с дороги, после чего он сел в кресло и огляделся. Заметив Передира, он спросил, кто этот рыцарь.

— Господин, — сказала одна из девиц, — это самый прекрасный и учтивый юноша, которого ты когда-либо встречал, поэтому, ради бога, будь с ним терпелив.

— Ради тебя я буду с ним терпелив и на сегодня подарю ему жизнь.

Передир встал, подошел к очагу, взял себе еды и вина и принялся беседовать с дамами. Немного погодя, ободренный вином, он обратился к великану:

— Удивительно, как столь могучий воин мог лишиться глаза?

— У меня есть обычай, — ответил великан. — Если кто смеет задать мне этот вопрос, он обыкновенно расстаётся с жизнью, хочет он этого или нет.

— Господин, — напомнила отцу девица, — что бы ни сказал тебе юноша, шутя или расхрабравшись от вина, не забывай о своем обещании.

— Конечно не забуду. С радостью я дарю ему сегодня жизнь.

Наступила ночь, и все разошлись по своим покоям.

Наутро черный великан поднялся с кровати, надел свои доспехи и приказал Передире:

— Поднимайся, воин, и готовься к смерти.

— Что-нибудь одно, — ответил ему Передир. — Если ты хочешь сражаться со мной, то или снимай свои доспехи, или прикажи подать доспехи мне, а иначе я не буду с тобой биться.

— Ха-ха! — рассмеялся великан. — Хочешь умереть в доспехах? Пожалуйста. Выбериай любые.

В покои пришла девица и принесла Передиду доспехи и оружие, которые пришлось ему по вкусу. Передир вступил в жестокую битву с великаном и заставил его молить о пощаде.

— Я пощажу тебя, — сказал Передир, — если ты скажешь, кто ты и кто лишил тебя глаза.

— Господин, я скажу. Я потерял глаз в сражении с Черным Змеем. На вершине Утренней Горы есть пещера. В той пещере живет Змей, и у него на хвосте лежит камень. Если взять этот камень в одну руку, то в другой появится столько золота, сколько пожелаешь. Черный Змей выбил мне глаз, и с тех пор меня называют Черным Притеснителем, потому что нет в округе ни одного человека, которому я не сделал бы зла, а добра я точно никому не сделал.

— Скажи, — спросил Передир, — далеко отсюда Утренняя Гора?

— Если ты сегодня отправишься в путь, то сегодня же доскачешь до дворца сыновей короля-мученика.

— Почему их так называют?

— Атанк¹, который живет в пещере, убивает их по одному разу каждый день. От их дворца ты в тот же день доберешься до двора графини Подвигов.

— Какие же подвиги там совершаются?

— При дворе живут триста мужей, и каждому гостю они рассказывают обо всех подвигах, совершенных ими. Там положено, чтобы триста воинов сидели за пиршественным столом рядом с хозяйкой, и это не из уважения к гостю, просто так им удобнее повествовать о своих подвигах. В тот же день, как ты выедешь отсюда, ты доберешься до Утренней Горы. Вокруг нее раскинута триста шатров, владельцы которых стерегут Змея.

— Слишком долго ты был притеснителем, — молвил Передир и убил великана.

— Если ты беден, — сказала ему девица, — то теперь, после смерти моего отца, станешь богатым. Ты видел при дворе много прекрасных девиц. Можешь взять любую, которая тебе больше по душе.

¹ Атанк — мифическое чудовище.

— Госпожа, я пришел сюда не для того, чтобы ухаживать за девицами, здесь и без меня довольно пригожих юношей. И богатства мне ваши не нужны.

Передир отправился в путь. Вскоре он подъехал ко двору сыновей короля-мученика, но в самом дворце не нашел никого, кроме дам и девиц. При его появлении они поднялись со скамей, ибо очень ему обрадовались, а когда они заговорили с ним, он увидел коня под седлом, а в седле — убитого всадника. Одна из девиц стащила всадника с коня и положила его в большой чан с теплой водой, который стоял у двери, налив в него немного драгоценного бальзама. Воин тотчас ожил, подошел к Передире и радостно поздоровался, но тут появились еще два мертвых всадника, и девица поступила с ними так же, как с первым.

Тогда Передир спросил, что все это значит, и воины рассказали ему об Атанке в пещере, который убивает их по одному разу каждый день.

На ночь разошлись по своим покоям, а наутро, когда юноши вновь собрались в путь, Передир принялся умолять их, чтобы они ради своих возлюбленных позволили ему пойти с ними. Однако они отказали ему:

— Если Атанк тебя убьет, ты не воскреснешь.

Они ускакали, но Передир все-таки оседлал коня и поехал следом за ними. Едва он потерял всадников из виду, как прямо перед ним выросла гора, на вершине которой сидела прекрасная дама.

— Я знаю, о чем ты хочешь меня спросить, — сказала она. — Ты хочешь знать, где Атанк, но он убьет тебя, и не потому, что очень силен, а потому, что он колдун. Он живет в пещере, но возле входа стоит каменная колонна, и он видит, кто входит в пещеру, а его никто не видит. Прячась за колонной, он убивает всех отравленной стрелой. Но если ты пообещаешь любить меня больше других дам, то получишь от меня камень и разглядишь колдуна, когда будешь входить в пещеру, а он тебя не заметит.

— Клянусь, я буду тебя любить, — обещал ей Передир. — Я уже полюбил тебя, как только увидел, но где мне тебя искать?

— Ищи меня в Индии.

Девица исчезла, оставив камень в руке Передира. Передир подъехал к долине. Внизу текла река. На ее берегах раскинулись луга, а долина поросла лесом. На одном берегу реки паслись белые овцы, на другом — черные. Стоило заблестеть белой овце, как одна из черных овец

тотчас переходила реку и становилась белой, а стоило заблестеть черной овце, как белая овца переходила реку и становилась черной. Еще там росло высокое дерево, половина которого полыхала алым пламенем, а другая половина зеленела.

Рядом с деревом, на горе, Передир увидел юношу, возле которого лежали две борзые на привязи, и у обеих были белая грудь и пятнистая спина. Никогда еще Передир не приходилось встречать юношу, который был бы так по-королевски величествен. Собаки лаем поднимали в лесу оленей, но Передир, не обращая на них внимания, поздоровался с юношей, и тот поздоровался с ним.

С горы спускались три дороги — две широкие и одна узкая, и Передир спросил, куда они ведут.

— Первая — в мой дворец, — ответил юноша. — Я бы посоветовал тебе одно из двух. Или пойти по ней и отдохнуть во дворце, где тебя встретит моя жена. Или задержаться здесь и посмотреть, как собаки загонят оленя. Таких борзых тебе еще не приходилось видеть. А когда настанет время обедать, паж приведет коней и мы вместе отправимся отдыхать.

— Благослови тебя Господь, но я не могу медлить, мне надо ехать.

— Вторая дорога ведет в город. Он совсем недалеко, и в нем много мяса и вина. А эта дорога, которая уже других, ведет в пещеру Атанка.

— С твоего позволения, юноша, я поеду по этой дороге.

Передир отправился дальше. В левую руку он взял камень, а в правую копьё — и, подъехав к пещере, сразу увидел Атанка. Он ударил его копьём и отрубил ему голову.

Едва Передир вышел из пещеры, как к нему подошли трое юношей. Они приветствовали Передира и сказали ему, что по предсказанию только он мог справиться с чудовищем. Передир отдал юношам голову Атанка, а они предложили ему в жены любую из трех сестер и половину королевства в придачу.

— Я здесь не для того, чтобы искать себе жену, — сказал Передир. — Но будь все мои приключения позади, одну из ваших сестер я предпочел бы всем девицам на земле.

Передир поскакал дальше и вдруг услышал позади крики. Он оглянулся и увидел рыцаря в красных доспехах и на красном коне, который догнал его и пожелал ему всех земных и небесных благ. Передир тоже приветливо поздоровался с юношей.

— Господин, у меня к тебе просьба.

— Чего ты хочешь?

— Возьми меня в оруженосцы.

— Кого же я должен взять в оруженосцы?

— Я ничего не скрою от тебя. Меня зовут Этлим Глетив Кох. Я — граф из Восточной страны.

— Меня удивляет, что ты хочешь стать оруженосцем рыцаря, у которого владений не больше, чем у тебя. Ведь у меня тоже всего одно графство. Однако если ты настаиваешь, я с радостью соглашаюсь.

И они вдвоем поскакали ко двору графини Подвигов, где их встретили как самых почетных гостей, но усадили в дальнем конце стола, правда, объяснив, что это не из неуважения к ним, а по здешнему обычаю. Если кто сумеет одолеть триста рыцарей из воинства графини, тому сразу же уступят место рядом с ней и того она будет любить больше остальных.

Передир принял вызов и одолел всех, а когда сел рядом с графиней, она сказала ему:

— Слава небесам, что у меня есть такой красивый и храбрый юноша, коли мне нельзя владеть мужем, которого я люблю.

— Кого же ты любишь?

— Клянусь, я люблю Этлима Глетива Коха больше всех на земле, но мне еще ни разу не довелось его увидеть.

— По правде говоря, Этлим приехал вместе со мной. Ради него я тут сражался. Вот он. И знай, что он мог бы сражаться еще лучше меня, если бы захотел. Я отпускаю тебя к нему.

— Господь вознаградит тебя, прекрасный юноша, а мне позволь быть рядом с мужем, которого я люблю больше всех на земле.

И графиня в тот же день стала женой Этлима.

Наутро Передир оседлал коня, чтобы скакать к Утренней Горе.

— Клянусь твоей рукой, господин, я еду с тобой, — сказал Этлим.

И они вместе отправились к Утренней Горе, вокруг которой было раскинуто видимо-невидимо шатров.

— Поезжай к тем рыцарям, — сказал Передир своему оруженосцу, — и скажи им, чтобы они присягнули мне.

Этлим сделал, как ему было велено.

— Присягни моему господину, — сказал он.

— А кто твой господин?

— Мой господин — Передир с длинным копьем.

— Если бы можно было убивать гонцов, ты бы не вернулся живым к своему господину. Ничего более дерзкого мы, короли, графы и бароны, в жизни не слышали! Еще не хватало нам приносить присягу!

Передир послал Этлима к рыцарям, чтобы предложить им выбор — принести присягу или сражаться. Они выбрали сражение. В тот же день Передир наголову разбил хозяев шатров, на другой день победил еще сто рыцарей, а на третий оставшиеся в живых сто рыцарей, посоветовавшись, присягнули ему.

Передир спросил их, зачем они раскинули шатры возле горы, и они ответили, что должны сторожить Змея, пока тот не умрет.

— Потом мы будем сражаться между собой за камень, и получит его тот, кто одолеет всех нас.

— Подождите тут, — сказал Передир, — пока я сражусь со Змеем.

— Нет, господин, — воспротивились они. — Мы пойдем все вместе.

— Клянусь, я этого не допущу. Если я убью Змея, то славы мне будет не больше, чем всем.

Передир один пошел на Змея и убил его, а когда возвратился, то сказал так:

— Посчитайте, сколько вы потратили, пока стояли тут, и я все вам возмещу.

В самом деле, он заплатил каждому, сколько было сказано, а за это потребовал, чтобы они признали себя его вассалами. Этлиму же он сказал:

— Возвращайся к той, которую любишь, а я поеду дальше, но прежде заплачу тебе за твою дружбу.

И он дал Этлиму камень.

— Да вознаградит тебя Господь, — обрадовался Этлим.

Передир поскакал дальше и в конце концов оказался в прекраснейшей долине, где текла чистая река. На ее берегах стояло множество шатров, но, кажется, еще больше было водяных и ветряных мельниц.

К нему подъехал на коне высокий юноша с темно-рыжими волосами, одетый в рабочее платье, и Передир спросил его, кто он такой и как его зовут.

— Я главный мельник над всеми мельниками.

— Не приютишь ли меня на ночь?

— С радостью, — сказал мельник.

У мельника оказался большой и красивый дом, и Передир попросил у хозяев денег в долг, чтобы купить мяса и вина для себя и для них, обещая отдать деньги, когда он вернется с поединка. Еще он спросил у мельника, почему в долине так много шатров.

Мельник ответил ему:

— Одно мне понятно: или ты приехал издалека, или небо лишило тебя разума. Здесь императрица великого Кинстинобила, и явилась она сюда в поисках самого храброго мужа на земле. Богатство у нее есть, но чтобы не везти так далеко еду на тысячи человек, пришлось ставить мельницы.

Вьяснив все, что ему было нужно, Передир лег спать, а наутро облачился в доспехи и стал готовиться к битве. Среди шатров выделялся своим богатым убранством один, из окошка которого время от времени посматривала девица неопишущей красоты. Передир заметил, что на ней атласное одеяние. Но едва он взглянул на ее лицо, как его охватила любовь к ней. С утра до полудня и с полудня до вечера он не мог сдвинуться с места и все любовался на девицу. Тем временем закончился последний поединок, и Передир, вернувшись в дом к мельнику, снял доспехи. Опять ему пришлось просить у мельника в долг, и, хотя жена мельника разозлилась на Передира, мельник ему не отказал. На третий день Передир встал там же, где накануне, и не отрываясь смотрел на девицу, когда кто-то больно ударил его топором по плечу. Передир оглянулся и увидел мельника.

— Делай одно из двух, — сказал ему мельник. — Или вообще не смотри туда, или отправляйся сражаться.

Передир улыбнулся ему и поехал на луг. В тот день он победил всех рыцарей, выходявших помериться с ним силой. И всех рыцарей он отправил к императрице, а их коней и доспехи отдал жене мельника в уплату своего долга. Императрица же послала гонца к рыцарю мельницы с приглашением побывать у нее. Однако Передир не откликнулся ни на первое приглашение, ни на второе. В третий раз императрица послала триста воинов, чтобы они привели его силой, если он не пойдет своей волей. Они пришли к нему и объявили приказ императрицы, после чего Передир вызвал из всех на бой и одного за другим связанных, как оленей, бросил в ров.

Тогда императрица потребовала к себе мудреца, и он сказал ей:

— С твоего позволения я сам пойду к рыцарю.

Он пришел к Передире, почтительно поздоровался с ним и попросил его ради его возлюбленной принять приглашение императрицы и быть ее гостем.

Передир и мельник явились в шатер императрицы, и Передир, войдя, уселся в первом же покое, куда чуть позже пришла императрица. Она села с ним рядом, но они почти не разговаривали, а потом Передир поднялся и с ее позволения ушел.

На другой день он вновь был у нее и увидел, что все покои украшены одинаково богато, потому что никто не знал, в каком он захочет остановиться. Передир сел рядом с императрицей, и они учтиво беседовали, когда в покой вошел черный человек с кубком вина в руке. Он упал перед императрицей на колени и попросил не отдавать кубок тому, кто не будет за него сражаться.

Императрица посмотрела на Передира.

— Госпожа, — сказал он, — дай мне кубок.

Передир выпил вино и отослал кубок жене мельника, а тем временем в покой вошел другой черный человек, который был выше первого и шире в плечах, и в руке он держал коготь дикого зверя, выточенный в виде кубка и наполненный вином. Он тоже вручил кубок императрице и попросил ее не отдавать кубок тому, кто не будет за него драться.

— Госпожа, — сказал Передир, — дай мне кубок.

Она дала ему кубок, и Передир, выпив вино, отослал кубок жене мельника, а тем временем в покой вошел третий черный человек, уродливый лицом, со стоящими торчком волосами, который был еще выше и еще сильнее первых двух, и в руке он нес чашу с вином. Став на колени, он вручил чашу императрице и попросил ее, чтобы она не отдавала ее тому, кто не будет с ним биться. Императрица без лишних слов отдала ее Передире, а Передир отослал чашу жене мельника.

Вечером Передир вернулся в дом мельника, а наутро облачился в доспехи, сел на коня и отправился на луг, где сразился с тремя рыцарями и всех троих убил.

После этого Передир вновь явился к императрице, и она сказала ему:

— Прекрасный Передир, помнишь ли ты, что обещал любить меня, когда я дала тебе камень, который помог тебе убить Атанка?

— Госпожа, — ответил ей Передир, — я помню.

Передир остался с императрицей и, как гласит молва, не покидал ее четырнадцать лет.

В Кайрхлеоне, что на берегу реки Иск, Артур сидел в кресле в своем дворце, а напротив него на бархатном ковре расположились четыре мужа — Овайн, сын Ириена, Гвалхмай, сын Гвиара, Хоуэл, сын Эмира Хладау, и Передир с длинным копьем.

Неожиданно они услышали шум и увидели, как в залу на рыжем трусливом муле въехала чернокожая, с вьющимися волосами, девица, и в руке у нее была плеть, которой она его подстегивала. Ну и страшна

была девица! Лицо и руки у нее были чернее покрытого смолой железа, да это еще полбеда. Высокие скулы, длинный подбородок, короткий нос и ноздри шире некуда никак ее не красили. Один глаз у нее был серый в крапинку, другой — черный, как гагат, зубы — кривые и желтые, желтее цветов раkitника. К тому же живот вздымался у нее до самого подбородка, а на спине рос горб, и хотя она вся была тощая и костлявая, ноги у нее были толстые и ступни большие. Девица учтиво поздоровалась с Артуром и со всеми, кто сидел в зале, кроме Передира, для которого она припасла немало злых слов.

— Передир, я не стану здороваться с тобой, потому что ты этого не заслуживаешь. Судьба ослепла, если одарила тебя славой и почетом. Когда ты гостил при дворе Хромого Короля, то видел там воина с окровавленным копьем, у которого даже руки были в крови. И другие воины были такие же, но тебе и в голову не пришло ни о чем спросить. А спроси ты, что с ними, и король бы выздоровел, и мир воцарился бы в его владениях, где теперь ни дня не проходит без сражения, где гибнут рыцари, вдовами становятся жены, невесты теряют своих суженых, и это все из-за тебя.

Потом она повернулась к Артуру с такими словами:

— Господин, мой дом далеко отсюда, и, верно, ты слышал о моем замке. В нем живут пятьсот воинов из рыцарского ордена, у каждого из них есть возлюбленная. Тот, кто мечтает о воинской славе, о битвах и сражениях, у нас с лихвой это получит. Но если кому не удастся прославить себя, я знаю, куда ему должно держать путь. На вершине высокой горы стоит замок, и в том замке живет в неволе девица. Кто освободит ее, тот прославит себя по всей земле.

С этими словами она покинула дворец.

— Клянусь, — вскричал Гвалхмай, — не знать мне ни минуты покоя, пока я не освобожу девицу.

Многие воины Артура пожелали пойти с ним. Передир тоже сказал:

— Клянусь, не знать мне покоя, пока не разгадаю тайну окровавленного копья, о котором говорила девица!

Гвалхмай и Передир осматривали свои доспехи, когда к воротам Артурова замка подъехал рыцарь. Ростом и силой он был настоящий воин, да и оружие, что он держал в руках, и доспехи у него были рыцарские.

Он явился в залу, учтиво поздоровался с Артуром и со всеми рыцарями, кроме Гвалхмая. На руке у рыцаря висел золотой щит, покрытый ажурной сеткой, и все доспехи у него были такие же.

Он сказал Гвалхмаю:

— Обманом и предательством ты убил моего господина, и я отомщу тебе.

Гвалхмай вскочил на ноги.

— Ну уж нет! — вскричал он. — Вот мой залог, а теперь здесь или на лугу я докажу тебе, что я не обманщик и не предатель.

— Я буду сражаться с тобой на глазах моего короля.

— Что ж, поезжай. Я следую за тобой.

Рыцарь покинул замок, и Гвалхмай потребовал принести доспехи, а когда их принесли, то выбрал свои собственные. Вскоре Гвалхмай и Передир вместе скакали следом за рыцарем. Они были друзьями, и им не хотелось расставаться, но рано или поздно их дороги должны были разойтись, и каждый отправился своим путем.

Уже наступили сумерки, когда Гвалхмай оказался в долине, где стояла крепость с высокими башнями и просторным дворцом. Из ворот на черном фыркающем коне, который ступал уверенно и величаво, выехал на охоту рыцарь, хозяин замка. Гвалхмай поздоровался с ним.

— Господь с тобой, вождь, — ответил тот. — Откуда держишь путь?

— Из замка короля Артура.

— Ты — вассал Артура?

— Да, это так.

— Тогда я дам тебе совет. Ты устал с дороги, поэтому, если хочешь, поезжай в мой замок и отдохни до утра.

— С радостью, господин, — ответил Гвалхмай. — Господь благословит тебя.

— Возьми мое кольцо, покажи его привратнику и поезжай вон в ту башню. Там ты найдешь мою сестру.

Гвалхмай все сделал, как ему было сказано: показал кольцо привратнику и вошел в башню. Он увидел, что из очага, не дымя, поднимаются вверх длинные языки огня, а в кресле сидит благородная девица, которая обрадовалась Гвалхмаю и, поздоровавшись, пригласила сесть рядом. Утолив первый голод, они стали беседовать, а тем временем в залу вошел седой старик.

— Развратная девица! — закричал он. — Как ты могла подумать, что тебе подобает развлекать чужеземца?

Он дернул головой и вышел вон.

— Вождь! — воскликнула девица. — Уходи и запири за собой дверь, не то он нападет на тебя.

Гвалхмай послушался ее и уже было подошел к двери, как увидел, что на помощь старику бегут шестьдесят воинов в полном вооружении. Гвалхмай прислонил к двери шахматную доску, чтобы никто не мог войти, пока не вернется с охоты граф.

А тут и граф вернулся.

— Что случилось? — спросил он.

— Несчастье, — ответил старик. — Девчонка сидит за одним столом с тем, кто убил твоего отца. Это Гвалхмай, сын Гвиара.

— Успокойся, — сказал граф. — И пропусти меня.

Казалось, граф очень веселится, глядя на Гвалхмай.

— Ха-ха! — смеялся он. — Зачем ты явился в мой замок? Ведь не мог же ты забыть, что убил моего отца? Мы не имеем права отомстить тебе, но Господь не оставит нас.

— Душа моя, — ответил ему Гвалхмай, — дело в том, что я приехал сюда не признаваться в убийстве твоего отца и не отрицать это. Артур послал меня гонцом в чужие края, и мне потребуется год, чтобы исполнить его поручение, а потом я приеду опять и сделаю одно из двух: либо откажусь от убийства, либо признаю его.

Граф ничего не возразил, и Гвалхмай лег спать. На другое утро он вновь отправился в путь, но молва молчит о его приключениях.

Передир тоже скакал без усталости, разыскивая на острове черную девицу, но все было напрасно. Наконец он оказался посреди долины, по которой протекала река, и увидел, что ему навстречу скачет священник. Передир попросил у него благословения.

— Несчастный, ты недостоем благословения, и я не дам его тебе, потому что ты в такой день едешь в полном вооружении.

— А какой сегодня день?

— Страстная пятница.

— Не ругай меня за то, что я забыл, какой сегодня день, ведь я уже целый год в дороге.

Передир спешился и повел коня на поводу. Вскоре он вышел на перекресток. Одна из дорог вела в лес, и на другом краю леса стоял неукрепленный, но обитаемый замок. У ворот Передира встретил священник, которого он уже видел раньше, и рыцарь вновь попросил у него благословения.

— Господь тебя благословит, — сказал священник. — Так гораздо лучше. Входи и ночуй у меня.

Передир поблагодарил за приглашение. Наутро он собрался ехать дальше, однако священник не пустил его.

— Сегодня никому нельзя путешествовать, поэтому ты пробудешь со мной сегодня, завтра и послезавтра, а потом я покажу тебе самую легкую дорогу.

На четвертый день Передир вновь облачился в доспехи и стал требовать, чтобы священник исполнил свое обещание и сказал, какой дорогой лучше ехать в Замок Чудес.

— Я все тебе скажу, ничего не скрою. Сначала поднимись на гору, потом спустись вниз. Ты увидишь реку, и в той долине, по которой течет река, стоит дворец короля. Король был в нем всю Пасху. Если ты где-нибудь и сможешь узнать о Замке Чудес, то только там.

Передир отправился в путь. В долине ему повстречались охотники, среди которых был муж королевского вида, и Передир почтительно поздоровался с ним.

— Выбирай, вождь, — сказал король. — Или ты едешь со мной на охоту, или скачи во дворец, а я дам тебе в сопровождающие одного из моих рыцарей, чтобы он представил тебя моей дочери. Она накормит и напоит тебя и развлечет беседой, пока я не вернусь. Знай: о чем бы ты ни попросил меня, я все исполню. Ты будешь доволен.

Король выбрал в сопровождающие Передирею юного рыжеволосого пажа, и вскоре они подъехали к замку.

Девица встала при появлении Передира. Она уже собиралась омыть руки перед обедом и, радостно встретив рыцаря, усадила его рядом с собой. Пока они утоляли голод, Передир пытался завязать беседу, и девица так громко смеялась, что, верно, слышно было всем во дворце.

Рыжий паж сказал девице:

— Клянусь, этот юноша — твой муж, а если нет, то душой и телом ты не против.

Когда возвратился король, паж побежал к нему и сказал, что повстречавшийся им юноша — муж его дочери, а если это не так, то скоро будет так, если только король не примет меры предосторожности.

— Что ты мне посоветуешь, паж? — спросил король.

— Пошли к нему кого посильнее. Пусть его схватят, и тогда он сам скажет тебе правду.

Король послал к Передирею самых сильных из своих мужей, и они бросили его в темницу.

Дочь пришла к королю и спросила, за что он бросил в темницу вассала короля Артура.

— Если честно, — сказал король, — то я не освобожу его ни завтра, ни послезавтра, никогда не освобожу его.

Девушка промолчала и отправилась к юноше.

— Плохо тебе здесь? — спросила она.

— Я был бы не против выйти отсюда, — ответил ей Передир.

— Будь уверен, твое ложе и твое вино будут не хуже, чем у самого короля. И развлекать тебя станут, как почетного гостя. А если пожелаешь, чтобы и мое ложе было тут, я тотчас прикажу принести его.

— Я не откажусь.

Ночь он провел в темнице, и девушка исполнила все свои обещания.

На другой день Передир услышал в городе шум.

— Красавица, что это за шум? — спросил он.

— Сегодня все воины короля пришли в город.

— Зачем?

— По соседству с нами живет граф, у которого два графских надела, и он почти такой же могущественный, как сам король. Сегодня они должны сразиться.

— Прошу тебя, дай мне коня и мои доспехи, и я обещаю тебе вернуться в темницу.

— С радостью.

Она дала рыцарю коня, и доспехи, и еще алый плащ, и сверкающий золотом щит. Передир поскакал на поле битвы, и сколько воинов графа ни выходило с ним биться, столько их он убил, после чего вернулся в темницу.

Девушка всеми силами старалась вызнать у него, где он был и что делал, но Передир не сказал ей ни слова. Тогда она пошла к отцу и стала выспрашивать у него, кто лучше всех сражался. Король не мог назвать ей имя рыцаря, но сказал, что он был в алом плаще и со сверкающим золотым щитом. Девушка улыбнулась и, возвратившись к Передире, оказала ему великие почести.

Три дня Передир сражался с врагами короля, но каждый раз, прежде чем его могли узнать, возвращался в свою темницу.

На четвертый день Передир убил самого графа. В тот же день девушка пришла к отцу узнать, что нового, и король сказал ей:

— У меня хорошие вести. Граф убит, и теперь я — хозяин двух его наделов.

— Ты знаешь, кто его убил?

— Нет, — ответил король. — Знаю только что этот рыцарь был в алом плаще и со сверкающим золотом щитом.

— Господин, я знаю, кто он.

— Скажи, заклинаю тебя небесами!

— Господин, это тот рыцарь, которого ты бросил в темницу.

Король пришел к Передире, оказал ему должные почести и обещал вознаградить за службу, как только он пожелает.

В пиршественной зале он усадил Передира рядом с собой, а по другую руку от Передира села принцесса.

— Я дам тебе в жены мою дочь, а с ней полкоролевства и два графства в придачу.

— Господь благословит тебя, господин, — ответил ему Передир, — но я приехал сюда не свататься.

— Чего же ты хочешь, вождь?

— Не слышал ли ты о Замке Чудес?

— Ты совершил великий подвиг и не требуешь за него вознаграждения. Я расскажу тебе все, что знаю, паж проводит тебя до границы владений моего отца, и в дорогу я дам тебе вдоволь еды и вина, потому что я люблю тебя, вождь, больше всех на свете.

А принцесса сказала Передире:

— За той горой, вождь, ты увидишь озеро, посреди которого стоит замок. Это и будет Замок Чудес, но мы не знаем, какие там творятся чудеса.

Передир подъехал к замку. Ворота были открыты. Он сразу направился в замок, и двери там были открыты. В зале он увидел большую шахматную доску. Шахматные воинства сами воевали на ней друг против друга. Передир встал на одну из сторон, но проиграл, и тогда шахматные фигурки другой стороны зашумели, словно живые люди. Передир рассердился, сгреб их всех и бросил в озеро. Не успел он это сделать, как в залу вошла черная девица.

— Я не звала тебя к себе, потому что ты только и делаешь, что творишь зло.

— За что ты сердись на меня? — спросил ее Передир.

— Ты лишил императрицу шахмат, с которыми она не рассталась бы, потеряй даже всю свою империю. А вернуть ей шахматы ты можешь, только освободив замок в Исбидинонгиле от черного человека, который опустошает владения императрицы. Если ты убьешь его, то вернешь ей шахматы, но сам не вернешься живым.

— Ты мне объяснишь, как ехать?

— Я покажу тебе дорогу, — сказала она.

Долог ли, короток ли был путь Передира, в конце концов он отыскал замок и сразился с черным человеком, который, убоявшись смерти, запросил пощады.

— Я пощажу тебя, — сказал Передир, — если шахматы вновь будут там, где они были, когда я вошел в замок.

Опять пришла девица и сказала:

— Небеса шлют тебе свое проклятие, потому что ты не убил черного человека, который опустошает владения императрицы.

— Я даровал ему жизнь, чтобы он вернул шахматы на место.

— Шахмат нет, потому иди назад и сразись с ним еще раз.

Передир сделал, как она сказала, и вновь явился в замок, где его ждала черная девица.

— Ах, это опять ты! — воскликнул Передир. — А где же императрица?

— Клянусь небесами, ты не увидишь ее, пока не убьешь чудовище, которое живет в лесу.

— Что это за чудовище?

— Это олень, но он быстр, как самая быстрая птица. Во лбу у него всего один рог, но длинный, как копье, и острый, как игла. Он обламывает ветки на лучших деревьях и убивает всех зверей, которых встречает в лесу, а те, которых он не убивает, погибают от голода. Но хуже всего то, что каждую ночь он приходит к озеру и выпивает его до дна, отчего все рыбы тоже гибнут.

— Покажи мне, где его найти.

— Не торопись, — сказала девица. — Уже год он не позволяет смертным входить в лес. Видишь эту собачку императрицы? Она поднимет оленя и пригонит его к тебе, и тогда он нападет на тебя.

Собачка в самом деле подняла оленя и пригнала его к тому месту, где их ждал Передир. Когда олень бросился на него, Передир сделал шаг в сторону и снес ему мечом голову.

Не успел Передир отвести взгляд от головы убитого зверя, как откуда ни возьмись прискакала дама. Она взяла собачку и спрятала ее в шляпке, а сама встала возле поверженного оленя, на шее у которого был золотой воротник.

— Ты неучтив, вождь, потому что убил украшение моих владений.

— Не по своей воле я убил его. Могу ли я заслужить твою дружбу?

— Можешь, — утешила его дама. — Иди в горы. Увидишь рошу, а в ней кромлех¹. Трижды сразись там, и между нами будет мир.

Передир сделал, как она сказала. На его вызов из-за кромлеха встал на поединок черный человек в ржавых доспехах не по росту и на костлявом коне.

Они сошлись в бою, но каждый раз, когда Передир повергал черного человека на землю, он вновь вставал живой и невредимый. Тогда Передир спешил и вытащил меч, но черный человек подхватил его коня и исчез вместе с ним.

Передир пошел куда глаза глядят и набрел на долину, по которой текла река. В этой долине был большой замок. Передир вошел в ворота. Дверь в дворцовую залу оказалась открыта, в зале сидели хромой старик с седой головой и Гвалхмай. Исчезнувший конь Передира стоял в одной конюшне с конем Гвалхмая.

И старик, и Гвалхмай обрадовались, завидев Передира, и Передир сел рядом со стариком.

Тут в залу вошел золотоволосый юноша и опустился на одно колено перед Передиром.

— Господин, — сказал он, — это я под видом черной девицы явился к тебе при дворе Артура, а потом во дворце, когда ты выбросил шахматы, и в Исбидинонгиле, когда ты убил черного человека, и в лесу, когда ты отрубил голову оленю. Я являлся тебе с окровавленной головой на блюде и с окровавленным копьем. Голова была твоего двоюродного брата. Его убили глостерские колдуньи, и они же покалечили твоего дядю. Я — твой двоюродный брат. Тебе же судьбой предначертано исполнить то, что ты исполнишь.

Посоветовавшись, Передир и Гвалхмай послали к Артуру и его рыцарям гонцов, чтобы они присоединились к ним в походе против колдуний.

Когда же рыцари вступили с ними в бой, то одна из колдуний принялась убивать Артуровых воинов перед самым носом Передира, и Передир потребовал, чтобы она остановилась.

Она во второй раз принялась за воинов, и во второй раз он потребовал, чтобы она остановилась.

Но она в третий раз принялась убивать, и тогда Передир, вынув меч из ножен, ударил ее мечом по шлему так, что он развалился пополам.

¹ Кромлех — святилище из огромных камней, расположенных кругами с общим центром.

Она закричала, сзывая других колдуний, и сказала им, что явился Передир, которого они учили законам рыцарства и от руки которого им суждено погибнуть.

Тут Артур со своими рыцарями всерьез взялся за колдуний из Глостера и перебил их всех до одной.

Вот и все, что известно о Замке Чудес.

Герайнт, сын Эрбина

Артуру нравилось жить в замке в Кайрхлеоне, что стоял на берегу реки Иск. Семь раз он справил там Пасху и пять раз — Рождество.

Вот и в тот раз он созвал в Кайрхлеон на Троицу своих вассалов, потому что всем, кто жил в его владениях, легко было добираться до Кайрхлеона если не морем, то сушей. Девять коронованных королев-данников явились к Артуру и еще много графов и баронов. Все они были желанными гостями на его празднествах, и никто никогда не отказывался от приглашения, разве что случалось непредвиденное.

Когда Артур жил со своим двором в Кайрхлеоне, там ставили тринадцать церквей для богослужений. И тринадцать их было вот для чего. В одной церкви молились Артур, короли и гости. В другой — Гвенхвивар и ее дамы. В третьей — управитель двора и просители. В четвертой — франки и другие воины. В остальных же девяти церквях — девять родоначальников, и первый среди них — Гвалхмай. Столь велика была его воинская слава и столь знатен был его род, что никто не оспаривал его первенства.

Только так и не иначе молились в церквях, когда весь двор съезжался в Кайрхлеон.

Главным привратником служил у Артура рыцарь Глевлвид Гавайлваур, но сам он никогда не стоял у ворот, разве что во время одного из трех главных празднеств, а во все остальное время семеро мужей заменяли его, поделив между собой год поровну. Звали их Гринн, и Пен Пигхон, и Хлайс Камин, и Гогавулх, и Гурднай, который, как кошка, ночью видел не хуже, чем днем, и Дрем, сын Дремхитида, и Клист, сын Клиствайнида. Они стояли на страже Артурова замка.

Во вторник после Троицына дня король пировал, когда — глядите все! — в залу вошел высокий белокурой юноша в одеждах из узорчатого атласа, в коротких кожаных башмаках и с мечом с золотой рукоятью. Миновав пирующих, он остановился против Артура.

— Здравствуй, король, — сказал он.

— Пусть небеса будут милостивы к тебе, — ответил ему Артур. — Добро пожаловать к нам. Может быть, ты хочешь что-нибудь рассказать?

— Хочу, господин.

— Но я тебя не знаю.

— Чудно мне это слышать, господин, ведь я твой лесник из Дина, и зовут меня Мадаук, сын Тургадарна.

— Говори, — приказал Артур.

— Слушаюсь, господин. В лесу появился олень, какого мне еще не доводилось видеть.

— Что же в нем особенного?

— Он совсем белый, господин, и осанка у него горделивее, чем у остальных оленей, словно он король среди них. Из-за него я пришел к тебе, господин, спросить, что с ним делать.

— По мне, — ответил Артур, — надо снарядить поутру охоту, а сегодня всех известить об этом.

Первым охотником Артура был Аррвиерис, а первым пажом — Ареливри. Вскоре все при дворе знали о предстоящей охоте, а лесничий отправился обратно присмотреть за оленем.

Тогда Гвенхвивар попросила Артура:

— Господин, разреши мне завтра посмотреть, как ты будешь охотиться.

— С радостью! — воскликнул Артур.

— Спасибо, господин.

И Гвалхмай тоже обратился к Артуру с просьбой:

— Господин, пусть тот, кто убьет оленя, будь он рыцарь или простой охотник, отрубит ему голову и, если ты не против, отдаст ее, кому сам пожелает, — своей даме или даже даме своего друга.

— И это я с радостью принимаю, — сказал Артур. — А теперь пусть управитель двора берется за дело, ибо плохо ему придется, если он не будет готов к утру.

Артур и его гости ели-пили, пели песни и вели долгие разговоры, а когда пришло время ложиться спать, поднялись со своих мест и разошлись по покоям дворца.

Наступило утро, и все проснулись. Артур тоже проснулся и призвал к себе пажей, которые стояли всю ночь на страже.

Их было четверо, звали их Кадарнерт, сын Портаура, Гандви, и Амбрай, сын Бедвора, и Амхар, сын Артура, и Горай, сын Кистеннина.

Они приблизились к Артуру, приветствовали его должным образом и помогли одеться.

Артур подивился тому, как крепко спит Гвенхвивар, она и не пошевелилась ни разу. Пажи хотели было ее разбудить, но Артур остановил их.

— Не мешайте ей, — сказал он. — Пусть лучше она спит, чем едет на охоту.

Выходя из своих покоев, Артур услышал сначала один рог, потом к нему присоединился другой. Первый рог созывал охотников туда, где жил старший охотник Артура, а другой — туда, где жил старший паж.

Артур уехал, и сразу же проснулась Гвенхвивар. Она позвала девиц, чтобы они одели ее.

— Король позволил мне посмотреть, как он будет охотиться, — сказала она. — Пусть одна из вас пойдет в конюшню и велит оседлать для меня лошадь.

Девушка ушла. Когда Гвенхвивар покинула свои покои, то ее уже ждали две лошади, и она в сопровождении благородной девушки перешла вброд Иск и поскакала по дороге, где прежде нее проскакал Артур со своими гостями.

Неожиданно их громко окликнули, и, оглянувшись, они увидели рыцаря на коне-великане. Всадник оказался белокурый юношей королевского вида в одеждах из узорчатого атласа, в коротких кожаных башмаках, в богатом синем плаще с золотыми яблоками, вытканными по углам, и с мечом с золотой рукоятью на боку.

Догнав Гвенхвивар, он царским жестом остановил коня и с достоинством поклонился королеве.

— Господь с тобой, Герайнт, — сказала Гвенхвивар. — Я узнала тебя, как только увидела. Но почему ты не охотишься со своим господином?

— Я не знал, что он уже покинул замок.

— Я и сама удивилась, что не слышала, как он уехал.

— И ты тоже, госпожа?

— Я спала, поэтому не слышала, зато теперь у меня самый лучший кавалер, о каком только можно мечтать, и я не удивлюсь, если проведу время приятнее, чем мой супруг. Ведь мы тоже услышим звук рога и лай собак, когда их спустят со сворок.

Они подъехали к опушке леса и остановились.

— Здесь мы узнаем, когда спустят собак, — сказала Гвенхвивар.

Неожиданно раздался оглушительный топот копыт, и они увидели на взмыленном могучем коне карлика с хлыстом в руках. Рядом с ним

на статной белой кобыле, красивее которой трудно было бы сыскать, скакала дама в платье из золотой парчи. По другую сторону от нее на боевом коне ехал рыцарь в сверкающих доспехах с головы до пят.

Никогда еще не приходилось Гвенхвивар или Герайнту видеть такого великана-рыцаря, и такого могучего коня, и такого длинного меча.

— Герайнт, — спросила Гвенхвивар, — ты знаешь имя великана?

— Нет, — ответил Герайнт, — и из-за его необычных доспехов я не вижу его лица.

Гвенхвивар послала к карлику девицу, и он остановился, поджидая ее, но на вопрос, как зовут рыцаря, ответил:

— Не скажу.

— Если ты такой неучтивый, что не хочешь мне ответить, я спрошу самого рыцаря, — заявила девица.

— Клянусь, ты этого не сделаешь.

— Почему же?

— Потому что мой господин слишком знатен, чтобы разговаривать с тобой.

Девица развернула было лошадь, чтобы подъехать поближе к рыцарю, но карлик хлыстом ударил ее по лицу и по глазам раз, другой, отчего на щеках и на лбу у нее выступила кровь. Расплакавшись от боли, девица вернулась к Гвенхвивар.

— Карлик был груб с тобой, — сказал ей Герайнт. — Я сам спрошу рыцаря.

— Поезжай, — велела Гвенхвивар.

Герайнт не стал медлить.

— Кто этот рыцарь? — спросил он у карлика.

— Не скажу, — ответил карлик.

— Тогда я сам его спрошу.

— Клянусь, ты этого не сделаешь, — возразил карлик. — Мой господин слишком знатен, чтобы говорить с тобой.

— Я говорил и не с такими господами, — возмутился Герайнт.

Он развернул было коня, чтобы подъехать к рыцарю поближе, но карлик стал у него на пути и принялся бить его хлыстом, пока плащ на Герайнте не окрасился кровью.

Герайнт схватился за меч, но подумал, что отомстить ему не удастся. Если он убьет карлика, рыцарь потом убьет его самого, ведь он не собирался вступать в поединки и не надел доспехи.

Пришлось ему ни с чем возвратиться к Гвенхивар.

— Ты поступил благоразумно, — похвалила его Гвенхивар.

— Госпожа, позволь мне последовать за ними. Рано или поздно они приедут в какой-нибудь город, где я смогу раздобыть себе доспехи, купить их у кого-нибудь или одолжить, и тогда я вызову рыцаря на поединок.

— Поезжай, — сказала королева, — только не вступай с ним в бой, пока не вооружишься как следует, а я буду ждать от тебя вестей.

— Жди до завтрашнего вечера.

С этими словами Герайнт покинул дам.

Он Кайрхлеона дорога шла через Иск, потом вдоль гор и равнин, пока не привела в город, на дальней окраине которого возвышался замок с неприступными стенами.

Жители города на всем пути радостно встречали рыцаря и даму, вставали при их появлении и почтительно их приветствовали.

Герайнт заглянул чуть ли не во все дома в поисках знакомых, но не нашел никого, никто не захотел ничего продать ему или одолжить, хотя везде было много доспехов и много коней. Мужчины занимались тем, что обихаживали коней и начищали до блеска щиты, мечи и латы.

Рыцарь, дама и карлик подъехали к замку, и там тоже от души им обрадовались. Некоторые даже, рискуя сломать себе шею, забрались на зубчатые стены и на ворота, не в силах сдержать восторга при их появлении.

Герайнт подождал, не зная, остановится рыцарь здесь или поедет дальше, а когда удостоверился, что это конец пути, огляделся. Недалеко от города он увидел руины старого замка и, не зная никого в чужом городе, отправился туда. Мраморный мост вел в единственный неразрушенный покой дворца.

На мосту сидел седой старик в лохмотьях, и Герайнт, остановив коня, внимательно посмотрел на него. Тогда старик спросил:

— Юноша, о чем ты думаешь?

— Я думаю о том, где мне провести ночь, — ответил Герайнт.

— Поезжай прямо, рыцарь, и у тебя будет все, что ты пожелаешь.

Герайнт так и сделал.

Старик пошел вперед. На первом этаже Герайнт соскочил с коня и отправился следом за стариком на второй этаж, где увидел сидевшую на подушке дряхлую старуху в атласных лохмотьях, однако ему показалось, что, когда она была молодой, не было прекраснее ее женщины

на земле. Рядом с ней сидела девица в прохудившемся платье и ветхой накидке, но такая прекрасная и грациозная, какой Герайнту еще не доводилось встречать.

— Кроме тебя, некому позаботиться о его коне, — сказал ей старик.

— Я все сделаю и для коня, и для него самого, — ответила девица.

Она помогла юноше раздеться, потом принесла сена и зерна его коню. Много раз она покидала покои и возвращалась обратно, пока старик не сказал ей:

— Сходи в город и принеси что только найдешь лучшего из еды и вина.

— С радостью, господин! — воскликнула девица.

С этими словами она покинула их, и они стали беседовать и беседовали, пока — глядите-ка! — она не появилась вновь в сопровождении юноши, который тащил на спине бутылку с медом и четверть воловьей туши. Девица же несла в руках большой белый хлеб и несколько булок, которые она завернула в накидку.

— Ничего лучше мне не удалось найти, — сказала она. — Да другого бы мне никто и не дал.

— И это хорошо, — похвалил ее Герайнт.

Они поставили мясо вариться, а когда оно было готово, сели за стол, и Герайнт оказался между стариком и старухой, а девица и садиться не стала, потому что она им прислуживала.

Они ели-пили, а когда утолили голод, Герайнт спросил старика, кому принадлежат город и замок, в котором они нашли себе приют.

— По правде говоря, — ответил ему старик, — я его построил, и еще мне принадлежат город и замок, которые ты видел.

— Как получилось, что ты их потерял? — удивился Герайнт.

— Я потерял не только это, но еще и большое графство. Если хочешь, я поведаю тебе свою историю, — печально произнес старик. — У меня есть племянник, сын моего брата, и когда-то я забрал себе все его владения, а потом он подрос и, войдя в силу, потребовал все обратно, но я ему отказал. Тогда он объявил мне войну и отобрал у меня и свои владения, и мои тоже.

— Господин, — продолжал расспрашивать его Герайнт, — скажи, зачем рыцарь с дамой и карликом приехали в замок и почему все мужчины в городе начищают свои мечи?

— Я скажу тебе. Они готовятся к завтрашнему турниру, который устраивает молодой граф. Посреди поля поставят две рогатины, положат

на них поперечину из серебра и на нее посадят ястреба-перепелятника, потому что ему посвящается завтрашний турнир, на который соберутся мужчины нашего города и рыцари, явившиеся на своих конях и в своих доспехах, и еще все они должны привести на турнир своих возлюбленных. Ни один воин, если он без дамы, не будет допущен до сражения за ястреба. Рыцарь же, который привлек твое внимание, — продолжал старик, — победил на двух последних турнирах и увез с собой двух ястребов. Если он победит в третий раз, то больше ему не придется сражаться и даже приезжать сюда больше не придется. Каждый год ему будут посылать по ястребу, зваться он будет с тех пор и вовеки Рыцарь Ястреб.

— Господин, — спросил Герайнт, — что ты мне посоветуешь? Как мне поступить с этим рыцарем, ведь его карлик нанес обиду мне и придворной девице Гвенхвивар, жены короля Артура?

Герайнт все рассказал старику об оскорблении, за которое он еще не отомстил.

— Мне трудно тебе советовать, потому что здесь нет ни дамы, ни девицы, с которой ты мог бы явиться на турнир. Зато есть доспехи и есть конь, если тебе твой не нравится.

— Ах, господин, — воскликнул Герайнт, — Господь не оставит тебя! Я не возьму у тебя твоего коня, потому что привык к своему, и мой меч мне тоже по руке. Ты же, господин, позволь мне завтра сражаться в честь твоей дочери, и она станет моей женой, если я останусь жив. Обещаю тебе любить ее до конца своих дней. Если же я погибну, она вернется к тебе чистой и незапятнанной, какая она сейчас.

— С радостью даю тебе мое позволение, — сказал старик. — Но коли ты решил завтра сражаться, то должен быть готов пораньше с утра, потому что иначе Рыцарь Ястреб опередит тебя и вручит ястреба своей возлюбленной даме. Он скажет ей: «Ты прекраснее всех, и ты владела ястребом в прошлом году и в позапрошлом, а если кто-нибудь посмеет оспорить твое право, я буду защищать его копьем и мечом». Вот почему тебе надо приехать раньше него на поле, где будет турнир, и мы тоже отправимся с тобой.

На том и порешили.

Вскоре наступило время ложиться спать, и еще не рассвело, когда они поднялись и все четверо явились на луг, где Рыцарь Ястреб уже готов был вручить ястреба своей возлюбленной даме и вызывал на бой недовольных.

— Я буду с тобой сражаться, потому что вот девица, которая и прекраснее, и благороднее, и знатнее твоей дамы, и ястреб должен принадлежать ей, — крикнул ему Герайнт.

— Если ты оспариваешь право моей возлюбленной, то выйди и сразись со мной, — заявил рыцарь.

Герайнт выехал на середину луга, облаченный сам, не говоря уж о коне, в старые, тяжелые и ржавые доспехи.

Подняв копья, они сошлись раз, другой, третий, и сколько копий держали они в руках, столько копий они сломали.

Когда граф и его приближенные увидели, что Рыцарь Ястреб превосходит мастерством своего соперника, они обрадовались, и развеселились, и стали подбадривать его громкими криками. А старик, его жена и его дочь опечалились. Старик подавал копья Герайнту, карлик — Рыцарю Ястребу.

Когда старик в очередной раз приблизился к Герайнту с новым копьем, он сказал ему:

— Послушай, рыцарь, здесь все против тебя, поэтому возьми мое копье, которое было у меня в руках, когда меня произвели в рыцари. Как видишь, оно сохранилось в целости. Это замечательное копье, а наконечник у него еще лучше.

Герайнт взял копье и поблагодарил старика.

Карлик тоже подал новое копье своему господину.

— Вот копье, которое ничем не уступает его копью, — сказал карлик. — Но еще ни один рыцарь не держался так долго.

— Клянусь небом, — воскликнул Герайнт, — если только я останусь в живых, больше оно не послужит тебе.

Герайнт пришпорил коня и, испустив воинственный клич, бросился на Рыцаря Ястреба. Он с такой злостью ударил копьем по его щиту, что разбил щит пополам. Подпруги тоже лопнули, и рыцарь вместе с седлом оказался на земле.

Герайнт соскочил с коня и, не медля ни минуты, выхватил меч, но рыцарь успел подняться на ноги и достойно отразил его нападение. Они бились на мечах, и во все стороны от них разлетались искры, как звезды, но они бились, и пот и кровь застилали им глаза.

Если побеждал Герайнт, радовались старик со старухой и их дочь. Если побеждал Рыцарь Ястреб, то радовались граф и его приближенные.

Когда старик увидел, что Герайнт стал терять силы, он подбежал к нему и сказал:

— Рыцарь, вспомни, как обошелся с тобой карлик! Отомсти за обиду, нанесенную тебе и Гвенхивар, жене Артура!

Герайнт встряхнулся, поднял меч и так ударил им Рыцаря Ястреба, что разрубил пополам его шлем и чуть не разнес ему череп.

Рыцарь упал на колени, выронив из рук меч, и запросил пощады.

— Из-за моей гордыни я не достоин ни о чем просить тебя, — сказал он. — Но если ты оставишь мне жизнь, я покаюсь в грехах и когда-нибудь с миром уйду к Господу.

— Живи, — сказал Герайнт. — Но ты должен явиться к Гвенхивар, жене Артура, и повиниться перед ней в оскорблении, которое твой карлик нанес ей. Что же до меня, то я вполне удовлетворен своей победой. Тебе же придется скакать к Гвенхивар, ни разу не сходя с коня, и принять наказание, которое назначат при дворе Артура.

— Я с радостью повинуюсь, но кто ты и как тебя зовут?

— Меня зовут Герайнт, сын Эрбина. Но ты не сказал, как зовут тебя.

— Я — Эдайрн, сын Нита.

С этими словами он сел на коня и поскакал ко двору Артура, а его дама и карлик уехали еще раньше, весьма опечаленные поражением рыцаря.

На этом турнир закончился.

Юный граф и его гости окружили Герайнта и стали просить, чтобы он пошел с ними в замок.

— Не могу, — ответил им Герайнт. — Сегодняшний вечер я проведу там, где провел вчерашний.

— Если ты не принимаешь мое приглашение, — заявил тогда юный граф, — ты должен принять все, что я прикажу доставить туда, где ты был вчера, не говоря уж о мазях, которые нужны тебе, чтобы залечить раны и справиться с усталостью.

— Господь вознаградит тебя за это, — ответил ему Герайнт. — А теперь позволь мне удалиться.

С этими словами Герайнт покинул графа, и с ним вместе ушли старый граф Аниул с женой и дочерью. Они еще не добрались до дворца, а там уже побывали слуги молодого графа, которые перекрыли крышу и развели огонь в очаге. Вскоре были готовы и притирания, так что не успел Герайнт подъехать к дворцовым покоем, как ему помогли сойти с коня и вымыли голову.

Следом явился молодой граф и с ним сорок самых знатных рыцарей, которых он пригласил на турнир. Как только слуги смазали Герайнту раны, он подошел к графу, и граф пригласил его в залу на пир.

— А где граф Аниул, — спросил Герайнт, — и его жена с дочерью?

— Они в своих покоях, — сказал управляющий молодого графа, — облачаются в одежды, которые приказал принести граф.

— Пусть девица останется в том, в чем она теперь, разве лишь сменил накидку, чтобы сама Гвенхвивар облачила ее в достойные одежды при дворе Артура.

Так девица осталась в своем старом платье.

Когда с приготовлениями было покончено, все собрались в пиршественной зале, омыли руки и расселись за столами. По одну сторону от Герайнта расположились молодой граф и рядом с ним старый граф, по другую — девица и ее мать и дальше рыцари по знатности рода.

Все принялись за еду, и им почтительно прислуживала челядь юного графа. Но на этом праздник не кончился, потому что молодой граф не забыл щедро одарить своих прежних врагов. Под конец он пригласил Герайнта в свой замок.

— Клянусь небом, я не могу, — отказал ему Герайнт. — Завтра утром мы с девицей отправимся ко двору Артура. Да и как прикажешь веселиться, если граф Аниул пребывает в нищете и печали? Мой главный долг — испросить для него содержание у Артура.

— Увы, вождь, — вздохнул молодой граф, — не по моей вине граф Аниул остался ни с чем.

— Клянусь, — заверил его Герайнт, — он не будет ни с чем, если только смерть не возьмет меня.

— Послушай, вождь, — сказал молодой граф, — может быть, ты рассудишь нас с графом Аниулом, и я с радостью исполню все, что ты скажешь.

— Почему бы тебе, — посоветовал ему Герайнт, — не вернуть графу его владения со всеми доходами, которые он не получил, пока ты хозяйничал в них?

— Я с радостью сделаю это для тебя, — обещал молодой граф.

— Тогда пусть все, кто приносил графу Аниулу присягу, выйдут из-за стола и вновь присягнут ему.

Прежние вассалы графа Аниула присягнули ему на верность, и был заключен мир. Город и замок вновь стали собственностью старого графа. Он все получил назад. Ничего не было забыто.

Тогда граф Аниул сказал Герайнту:

— Вождь, я отдаю тебе девицу, за которую ты сражался сегодня, и пусть она будет тебе наградой.

— Она поедет со мной ко двору Артура и Гвенхвивар, и они распорядятся ее судьбой по своему усмотрению.

На другой день Герайнт и девица покинули замок и отправились ко двору Артура. На этом заканчивается рассказ о Герайнте.

А вот как Артур охотился на оленя. Охотники с собаками разделились на несколько групп, и тогда наконец собаки были спущены со своих. Последним получил свободу любимый пес Артура по кличке Кавахл, но вскоре он оставил позади всех остальных собак и сам стал направлять оленя. Когда Кавалх повернул его во второй раз, олень выбежал как раз на то место, где его дожидался Артур, который не дал маху и сам отрубил оленю голову прежде, чем это успел сделать кто-нибудь другой. Тут все стали, торжествуя победу, трубить в рога, и охотники собрались вокруг Артура.

Из толпы вышел Кадарийт и так сказал королю:

— Господин, посмотри, внизу стоит Гвенхвивар и с ней только одна девица.

— Пусть Гилдас, сын Кау, и все грамотеи нашего двора проводят Гвенхвивар во дворец.

Так они и сделали.

Охотники тоже отправились в обратный путь, горячо споря о том, кому будет вручена голова оленя. Каждый рыцарь хотел, чтобы отмечена была его дама, и ни за что не желал пойти на уступки.

Гвенхвивар и Артур, услышав, как рыцари делят и не могут поделить голову оленя, опечалились, и тогда Гвенхвивар сказала Артуру:

— Господин, позволь дать тебе совет. Дождись возвращения Герайнта, сына Эрбина, а потом решай, кого наградить головой оленя.

Гвенхвивар рассказала Артуру, что случилось на опушке леса и почему Герайнт неожиданно покинул двор Артура.

— Пусть будет так, — согласился Артур.

На этом споры закончились.

На другой день Гвенхвивар всюду расставила дозорных, чтобы они сообщили ей о возвращении Герайнта, едва увидят его. Около полудня дозорные заметили вдалеке крошечного человечка на коне. Позади него ехали дама или девица на кобыле и рыцарь-великан в порубленных доспехах, который сидел на коне ссутулившись и низко повесив голову.

Они не успели приблизиться к воротам, как Гвенхивар уже стало известно о том, что какие-то люди странного вида скоро придут во дворец.

— Я не знаю, кто они такие, — сказал ей дозорный.

— Зато я знаю! — воскликнула Гвенхивар. — Это рыцарь, над которым Герайнт одержал победу, и не по своей воле он едет к нам. Герайнт подарил ему жизнь, но отомстил за обиду, которую слуга рыцаря нанес мне, оскорбив мою девицу.

В это время к Гвенхивар подошел привратник.

— Госпожа, — сказал он, — к воротам подъехал рыцарь, и я еще не видел никого, кто выглядел бы столь жалко. Доспехи его в дырах, оружие разбито и на мече кровь — судя по всему, его собственная.

— Ты знаешь, как его зовут?

— Знаю, — ответил привратник. — Он сказал, что его зовут Эдайрн, сын Нита.

— Это имя мне не знакомо.

Гвенхивар спустилась во двор и пригласила рыцаря в замок. Она пожалела его, хотя с ним был все тот же злой карлик. Эдайрн почтительно приветствовал Гвенхивар.

— Господь вознаградит тебя за твои слова, — ответила ему королева.

— Госпожа, я приветствую тебя от имени твоего храброго и верного слуги Герайнта, сына Эрбина.

— Ты с ним встретился?

— Да, — ответил рыцарь, — и не к моей славе, но это моя вина, а не его, госпожа. Он верен тебе и, подтверждая свою верность, послал меня сюда, чтобы ты назначила мне наказание за оскорбление, которое мой карлик нанес твоей девице. Свою обиду он мне простил, свергнув меня в мое нынешнее состояние. Однако он поставил мне достойное рыцаря условие, чтобы я с честью исполнил наказание, к которому тебе вольно меня по справедливости присудить.

— Где он сразился с тобой?

— В городе Кардифе. Там был турнир, и рыцари сражались за право увезти с собой ястреба. С Герайнтом не было никого, кроме трех нищих в лохмотьях: старика с седой головой, женщины в почтенных летах и прекрасной девицы. Он заявил, что ей должен принадлежать ястреб, потому что она более достойна его, чем дама, которая была со мной. Мы сразились, и ты видишь, что из этого вышло.

— Эдайрн, — спросила Гвенхвивар, — как ты думаешь, когда он возвратится?

— Завтра, госпожа, он будет тут с девицей.

В это время к ним подошел Артур, и рыцарь почтительно приветствовал его. А Артур долго не сводил с него глаз, удивляясь, что видит его в таком жалком виде.

— Не Эдайрн ли ты, сын Нита?

— Да, господин, но меня постигла беда и мучает нестерпимая боль от ран, нанесенных мне твоим рыцарем.

И он обо всем рассказал Артуру.

— Что ж, — проговорил Артур, — надеюсь, Гвенхвивар будет милостива к тебе.

— Я буду милостива к нему, если ты этого желаешь, потому что оскорбление, которое он мне нанес, он нанес и тебе тоже.

— Сначала надо поручить рыцаря заботам лекаря, — стоял на своем Артур, — а уж потом, если он выживет, пусть понесет наказание, назначенное ему рыцарями моего двора. Не сомневайся, наказание будет справедливым. Если же Эдайрн, сын Нита, умрет, то слишком дорого заплатит за обиду, нанесенную девице.

— Я согласна.

Артур стал поручителем за Эдайрна, а с ним и Карадаук, сын Хлира, и Гвахлауг, сын Хленауга, и Овайн, сын Ириена, и Гвалхмай, и многие другие рыцари.

К Эдайрну призвали главного лекаря Моргана Тида.

— Позаботься об Эдайрне, сыне Нита, — приказал ему Артур. — Пусть для него приготовят покои, а ты сделай все, как сделал бы для меня, если бы меня ранили. И пусть никто не досаждаст ему в его покоях, а только ты и твои ученики будете вхожи к нему, чтобы лечить его раны.

— Господин, я с радостью все исполню.

— А куда, господин, определить девицу? — спросил управитель двора у Артура.

— Поручи ее Гвенхвивар и ее дамам.

Управитель отвел девицу к Гвенхвивар, и на этом пока заканчивается рассказ об Эдайрне.

На другой день ко двору прибыл Герайнт с девицей. Его тоже заметили издали поставленные Гвенхвивар дозорные, и один из них побежал к ней доложить о приближении Герайнта.

— Госпожа, — крикнул он, — мне показалось, что я видел Герайнта и с ним девицу. Он на коне, но на нем нет доспехов, и девица в белом, вроде бы полотняном, платье.

— Пусть все дамы выйдут во двор и окажут ему почтительный прием.

Гвенхвивар тоже вышла поздороваться с Герайнтом и с девицей, и, едва Герайнт завидел ее, он учтиво ее приветствовал.

— Господь с тобой, — сказала ему Гвенхвивар, — и добро пожаловать в замок. Ты, как всегда, удачлив и непобедим. Господь вознаградит тебя за то, что ты достойно отомстил за меня.

— Госпожа, я от всей души хотел исполнить твою волю, поэтому позволь мне представить тебе девицу, без которой у меня бы ничего не получилось.

— Пусть будет на ней благословение небес, и пусть она не сомневается, что мы рады видеть ее у нас.

Герайнт и девица спешили, и Герайнт пошел навстречу появившемуся во дворе Артуру.

— Господь с тобой, — сказал Артур, — и добро пожаловать к нашему двору. Если судить по ранам, которые получил от твоей руки Эдайрн, сын Нита, тебе сопутствовала удача.

— Меня не за что корить, — отвечал Герайнт. — Эдайрн, сын Нита, сам не захотел, чтобы мы стали друзьями. Мне пришлось преследовать его, пока я не узнал, кто он, и пока не победил его в честном поединке.

— Ладно, — успокоил его Артур. — А где девица, за любовь которой ты вступил в бой?

— Гвенхвивар увела ее с собой.

Артур пожелал на нее взглянуть. И Артур, и его рыцари, кто был в замке, радовались за нее. А когда ее облачили в новые богатые одежды, никто не усомнился в том, что нет прекраснее девицы на земле. Артур выдал ее замуж за Герайнта, а так как на время церемонии Гвенхвивар не пожалела для невесты лучших своих украшений, то все рыцари при дворе Артура немножко влюбились в красавицу.

Весь день и весь вечер менестрели пели песни, а гости пили вино и придумывали одну веселую игру за другой.

Когда же настало время идти спать, все разошлись по своим покоям, а для Герайнта с Энид приготовили ложе в том же покое, в каком спали Артур с Гвенхвивар.

Энид стала женой Герайнта, и наутро Артур по-королевски одарил его, чтобы он выплатил девице ее часть, а она, по праву заняв покой во дворце, подружилась со многими мужами и дамами, и на острове Британия не было в те времена более почитаемой дамы, чем Энид, жена Герайнта.

И тогда сказала Гвенхивар:

— Правильно я рассудила, чтобы до возвращения Герайнта никому не отдавать голову оленя. Зато теперь дошла и до нее очередь. Пусть ее получит славная дочь Аниула, и, думаю, никто не возразит мне, потому что нет при дворе никого, кто бы не дружил с ней и не любил ее.

Тут все захлопали в ладоши. И Артур тоже. Голову оленя отдали Энид, отчего ее слава еще возросла и друзей у нее стало еще больше, чем прежде.

Герайнт же с тех пор полюбил оленей, и турниры, и жестокие битвы, из которых всегда выходил победителем. Прошел год, другой, третий, и слава о нем разнеслась по всему королевству.

Случилось так, что на Троицын день Артур собрал всех своих рыцарей в Кайрхлеоне, что на берегу реки Иск, и к нему явились мудрые и осторожные, ученые и красноречивые послы. Они почтительно приветствовали его.

— Господь с вами и добро пожаловать в замок, — отвечал им Артур. — Откуда вы держите путь?

— Господин, — сказали послы, — мы из Корнвахла. И послал нас к тебе твой дядя Эрбин, сын Кистеннина. Он приветствует тебя как дядя племянника и как вассал своего господина. Еще он передает тебе, что ослабел с годами, а соседи рады стараться, обижают его и потихоньку отбирают у него земли и замки. Посему он просит тебя, господин, чтобы ты позволил его сыну Герайнту возвратиться домой и защитить свои владения, ведь он даже границ их толком не знает. И вообще, не пора ли ему на дело отдать свои силы, вместо того чтобы попусту растрачивать их на турнирах, от которых никакого толку, разве что славы прибавляется.

— Идите, — сказал им Артур, — отдыхайте, спите, пейте, а соберетесь в обратный путь, получите от меня ответ.

Послы ушли, а Артур задумался. Невмочь ему было отпустить Герайнта от себя, но и нечестно держать при себе двоюродного брата,

когда он должен защищать свои владения. Не меньше Артура загоревал и Гвенхвивар со своими придворными дамами и девицами, которым тоже не хотелось отпускать от себя Энид, жену Герайнта.

День за днем, вечер за вечером проходили в пирах и застольях. Но всему наступает конец, и Артур рассказал Герайнту, зачем явились послы.

— Клянусь, — ответил ему Герайнт, — я сделаю, как ты прикажешь.

— Тогда, хоть это и печалит меня, прими мой совет и поезжай домой. Ты должен защитить свои владения и для этого возьми с собой столько рыцарей, сколько пожелаешь, из тех, кого любишь больше других, с кем дружишь больше других, кому в сражении доверяешь больше других.

— Так я и сделаю, — сказал Герайнт. — Да благословит тебя Господь.

— О чем вы беседуете? — спросила Гвенхвивар. — Не о том ли, кто поедет с Герайнтом в Корнвахл?

— Ты права, — подтвердил Артур.

— Тогда мне надо подумать, кто будет сопровождать Энид и что дать ей в дорогу.

— Благодарю тебя, — молвил довольный Артур.

На ночь все разошлись по своим покоям, а наутро послам разрешили покинуть Кайрхлеон, и еще им было сказано, что Герайнт не замедлит последовать за ними.

На третий день Герайнт оставил Кайрхлеон и с ним многие рыцари: Гвалхмай, сын Гвиара, и Риогонет, сын короля Ирландии, и Ондиау, сын герцога Бургундского, и Гвилим, сын правителя франков, и Хоуэл, сын Эмира Британского, Эливри, и Наукирд, и Гвинн, сын Трингада, и Горай, сын Кистеннина, и Гухрир Гвалстаут Иайтойт, и Бедвир, сын Бедрауда, и Хадери, сын Гуриона, и Гараннау, сын Голитмера, и Передир, сын Эвраука, и Гвинн Хлогехл, и Гвир, судья при дворе Артура, и Давир, сын Алина из Даведа, и Гвайр Гухрид Ваур, и Кай, сын Канира, и Одиар Франк, управляющий Артура, и Эдайрн, сын Нита.

Герайнт сказал:

— Наверно, мне понадобится много рыцарей.

— Правильно, — согласился Артур, — только я не думаю, что тебе следует брать с собой Эдайрна, хотя он уже здоров, ведь он еще не помирился с Гвенхвивар.

— Если за него поручатся, Гвенхвивар отпустит его.

— Она может отпустить его и без поручителей. Он немало выстрадал из-за грубости своего карлика.

— Так оно и есть, — не стала возражать Гвенхивар. — Если ты и Герайнт этого хотите, быть по-вашему.

Она без всяких поручительств разрешила Эдайрну ехать вместе с Герайнтом. Рыцари двинулись в путь, и еще никогда к берегам Северна не направлялось войско прекраснее этого.

На другом берегу Северна Герайнта с его воинами встречал его приемный отец Эрбин, сын Кистеннина, со многими знатными рыцарями, а мать Герайнта и ее дамы с нетерпением поджидали Энид, дочь Аниула и жену Герайнта.

При дворе и во всем королевстве радовались приезду Герайнта, потому что его любили, потому что он прославился за время своего отсутствия и потому что он вернулся принять на себя власть и защитить свои владения от недругов.

Наконец Герайнт приехал в замок, и там было много подарков, много еды, много вина и много песен. В честь возвращения Герайнта всю знать страны пригласили ко двору, и весь день и весь вечер рыцари и дамы шумно радовались встрече.

А рано утром Эрбин призвал к себе Герайнта и приехавших с ним рыцарей.

— Я стал стар и слаб, — сказал он, но, пока у меня были силы стеречь наши владения, я делал это. Ты молод и силен, поэтому придется теперь тебе занять мое место.

— По правде говоря, — ответил ему Герайнт, — у меня нет желания занимать твое место и покидать двор Артура.

— Бери все в свои руки, — повторил Эрбин. — И сегодня же твои подданные присягнут тебе на верность.

Тут вмешался Гвалхмай:

— Не лучше ли тебе сегодня одарить тех, кто придет с просьбами, а завтра пусть приносят присягу.

Когда просители собрались, к ним явился Кадарийт узнать, чего они хотят. Он всем позволил высказать свои просьбы, а потом рыцари Артура принялись за раздачу подарков. Жители Корнвахла тоже принесли подарки для рыцарей. Им не терпелось как можно скорее вручить их своим спасителям. Из тех же, кто пришел с просьбой, ни один не остался недовольным. Весь день и весь вечер рыцари Артура и жители Корнвахла провели в радости и веселье.

На другой день поутру Эрбин пожелал, чтобы Герайнт разослал по стране гонцов и чтобы они всех расспросили, довольны ли мужи Корнвахла Герайнтом и присягнут ли ему на верность. Герайнт сделал, как пожелал его отец. В Корнвахле не оказалось никого, кто не посчитал бы для себя радостью и честью присягнуть Герайнту.

Когда и с этим было покончено, рыцари не уехали, а остались с Герайнтом еще на один день. На четвертый день они решили вернуться к Артуру.

— Не рано ли вы надумали уезжать? — спросил их Герайнт. — Подождите хотя бы, пока мне присягнут самые знатные из моих подданных, которые пожелали сами приехать ко мне.

Рыцари согласились и не уехали.

Рано ли, поздно ли, но настал день, когда они сели на своих коней и пустились в обратный путь. Герайнт и Энид проводили их до Диганхви, и там они простились.

Ондиау, сын герцога Бургундского, посоветовал Герайнту:

— Поезжай сначала в те места, за которые ты более всего опасешься, а потом проверь другие границы и, если где-нибудь не справишься один, посылай за нами.

— Да благословит тебя Господь, — ответил ему Герайнт. — Я так и сделаю.

Сначала Герайнт поехал в те места, за которые более всего опасался, и с ним вместе отправились лучшие проводники и знатные рыцари. А потом он осмотрел самые дальние границы своих владений, которые показали ему его вассалы.

При дворе Артура новый властитель Корнвахла привык сражаться на бесчисленных турнирах и не захотел отказаться от этого развлечения. Побеждая в поединках с храбрыми и могучими мужами, он прославился в родных местах не менее, чем прежде на чужбине.

Герайнт завел богатый двор, у него были самые лучшие кони, самое лучшее оружие и самые лучшие драгоценности, он беспрестанно осыпал подарками своих рыцарей и ни разу никому не уступил, пока его имя не прошумело даже в самых отдаленных уголках королевства.

Когда же он получил все, что хотел, то успокоился и полюбил роскошь и удовольствия, считая, что незачем отныне надевать доспехи и сражаться, если у него и так все есть. Он души не чаял в своей жене, и ему нравилось жить во дворце в окружении менестрелей, поэтому он все больше и больше времени проводил в своих покоях, а потом и вовсе стал

удиняться с женой, отказываясь от дружбы со знатными рыцарями, от охоты и других мужских развлечений.

Прошло немного времени, и сердца его воинов закрылись для него. В замке судили и рядили, с чего это он вдруг воспыал такой нежностью к своей супруге, что и вспоминать-то забыл о прежних друзьях-товарищах. Вскоре слухи дошли и до Эрбина.

Эрбин не стал медлить и рассказал о них Энид, потребовав от нее объяснений, как она посмела отвадить Герайнта от своего народа и своего воинства.

— Клянусь всеми святыми, я тут ни при чем, — отвечала Энид. — Мне и самой это не по душе.

Она не знала, на что решиться. С одной стороны, ей было тяжело слышать о Герайнте плохое и скрывать это от него, а с другой — она не знала, как поведать ему обо всем, и очень печалилась.

Однажды летним утром Герайнт спал в своих покоях, а Энид металась на ложе без сна. В это время луч солнца упал на ложе и засверкал на груди Герайнта, с которого сползло одеяло. Пораженная красотой мужа, Энид вздохнула.

— О горе, это из-за меня его грудь больше не украшена воинской славой. А ведь еще недавно все было иначе.

Слезы полились у нее из глаз, падая на Герайнта, и разбудили его. Со сна ему пришло в голову, что жена плачет не из-за него и что ее мыслями владеет не он, а другой мужчина, в разлуке с которым она тоскует. Помутилось в голове у Герайнта. Он кликнул оруженосца и, когда тот явился, приказал ему:

— Скорей седлай моего коня и готовь меч. Ты тоже вставай, — велел он жене, — и одевайся. Твою лошадь сейчас оседлают, а ты выбери из своих нарядов самое плохонькое платье, и черт меня побери, если ты возвратишься сюда, прежде чем я совсем не лишусь сил, а ведь ты только об этом и мечтаешь. Ну а если такое все же случится, тогда никто не помешает тебе любиться с рыцарем, о котором ты думаешь днем и ночью.

Энид поднялась с ложа и надела свое самое плохонькое платье.

— Я не понимаю, господин, — сказала она, — о чем ты говоришь.

— И не надо пока, — отрезал Герайнт.

Перед отъездом он пошел повидаться с Эрбином.

— Отец, я уезжаю и не знаю, когда вернусь. Присмотри за моими владениями, пока меня не будет.

— Присмотрю, — обещал Эрбин. — Но почему ты покидаешь замок так внезапно? И кого ты берешь с собой, ведь одному тебе небезопасно появляться во владениях Хлойгира.

Герайнт пошел в конюшню, где стоял его конь, уже оседланный и облаченный в тяжелые сверкающие доспехи чужеземной работы. Он велел Энид сесть на ее кобылу и ехать вперед.

— Ты не смеешь повернуть обратно, что бы ты ни увидела или ни услышала. И не смеешь произнести ни слова, пока я сам не заговорю с тобой.

Они отправились в путь, и Герайнт нарочно выбирал дорогу потруднее и побезлюднее, где чаще, чем в других местах, встречались не только воры и грабители, но и дикие звери.

По одной из таких дорог они скакали, пока не увидели большой лес, а когда приблизились к нему, то навстречу им выехали четыре вооруженных всадника. Заметив Герайнта и Энид, один из всадников сказал:

— Смотрите, нам в руки идут две лошади, оружие, да еще дама в придачу. Мы без труда справимся с рыцарем, который сидит, понурившись, на коне.

Энид услышала эти слова, но не знала, как ей поступить из страха перед Герайнтом, который запретил ей разговаривать.

«Господь не простит мне, — решила она. — Пусть лучше он убьет меня, чем кто-нибудь другой. Пусть он убьет меня, когда я заговорю с ним, зато я не увижу, как с ним расправляются четыре разбойника».

Она остановила кобылу и подождала Герайнта.

— Господин, — спросила она, — ты слышал, о чем говорили разбойники?

Герайнт поднял голову и зло поглядел на нее.

— Ты должна делать только то, что я тебе приказываю. Поэтому молчи и не бегай ко мне со своими предостережениями. Как бы тебе ни хотелось, чтобы меня убили, я их не боюсь.

В эту минуту всадник, который скакал первым, поднял копье и бросил в Герайнта. Удар был не из слабых, однако Герайнт даже не покачнулся, а потом ударил врага прямо в середину щита и пробил насквозь и его, и латы, и грудь воина, так что тот упал на землю бездыханным. Второй всадник в ярости из-за гибели друга не помня себя бросился на Герайнта и тоже был сражен одним ударом. Третьего постигла такая же участь. И четвертого тоже.

Печальная Энид сидела на кобыле и глядела, как ее муж расправляется с разбойниками.

Герайнт спешился, собрал оружие, принадлежавшее убитым, положил его на седла, связал вместе поводья четырех коней и вновь вскочил в седло.

— Ты должна, — сказал он Энид, — гнать этих коней впереди себя. А теперь поезжай и молчи, пока я сам не заговорю с тобой. Клянусь небом, если ты опять не послушаешь меня, тебе это дорого обойдется.

— Я все сделаю, господин, — ответила Энид, — как ты желаешь.

Они проехали через лес, и их глазам открылась широкая равнина, в самом центре которой росла густая роща. Из нее навстречу им выехали три всадника в полном вооружении. Энид внимательно посмотрела на них, а когда они подъехали поближе, услышала, как один из них сказал:

— Кажется, у нас будет неплохая добыча. Видите четырех коней с доспехами и оружием? Печального рыцаря мы одолеем в два счета и еще заполучим его даму.

«Мой муж уже сражался сегодня и устал, — подумала Энид. — Господь не простит мне, если я его не предупрежу».

Она остановила кобылу и подождала Герайнта.

— Господин, ты слышал, о чем говорили всадники?

— Ну и что?

— Они говорили, что в два счета одолеют тебя.

— Клянусь небом, мне не так неприятны их речи, как то, что ты нарушила мой приказ и заговорила без позволения.

— Господин, я боялась, как бы они не напали на тебя неожиданно.

— Замолчи! Разве я не приказал тебе молчать?

В эту минуту один из всадников поднял копьё и бросился на Герайнта. Он ударил его и уже думал, что дело сделано, но Герайнт легко отбил удар и сам бросился на разбойника, пробил копьём его щит, латы и грудь, после чего тот, бездыханный, упал с коня. Два других всадника тоже решили попытать удачу, но и им повезло не больше.

Энид сидела на кобыле не шевелясь — так она боялась, что Герайнта ранят, — и в то же время радовалась его победам.

Герайнт спешился, собрал оружие, связал поводья, которых уже стало семь, вскочил в седло и приказал Энид вести коней.

— Без толку повторять одно и то же, — вздохнул он, — если ты не желаешь мне повиноваться.

— Я повинуюсь тебе, господин, но я не могу молчать, если знаю, что тебе грозит опасность. В этой дикой стороне даже на помощь позвать некого.

— Клянусь небом, я требую от тебя только молчания, — рассердился Герайнт. — Все остальное тебя не касается.

— Я постараюсь, господин.

Энид погнала впереди себя коней и вскоре уже была рядом с рощей, из которой выехали себе на смерть три всадника, а потом поскакала дальше по равнине. Вдали поднимался лес, который невозможно было охватить взглядом, и Энид направилась к нему.

Из леса показались пятеро сильных, смелых и нетерпеливых воинов на могучих ширококостных конях, и доспехи на людях и на конях сверкали под солнцем. Когда Энид оказалась рядом с ними, то услышала:

— Смотрите, какая добыча идет нам в руки! Разве мы впятером не справимся с одним повесившим нос рыцарем?

Энид не знала, что делать. Ею овладели мучительные сомнения, но в конце концов она все же повернула лошадь.

— Господин, — крикнула она, — ты слышал, о чем говорили разбойники? На сей раз тебе будет нелегко справиться с ними.

Герайнт горько усмехнулся ей.

— Ты все время нарушаешь мои приказы, но, может быть, ты еще пожалеешь об этом.

В эту минуту на них напали всадники, все пятеро разом, и всех пятерых Герайнт легко одолел. Он собрал с земли оружие, связал поводья двенадцати коней и отдал их Энид.

— Не знаю, что толку приказывать тебе. Только теперь все будет по-другому.

Энид по желанию Герайнта поехала вперед, и, хотя он очень злился на нее, ему было жаль, что такая красивая дама должна справляться с двенадцатью конями и еще заботиться о них.

В лесу было темно и сыро, к тому же наступила ночь, и Герайнту пришлось подумать о ночлеге.

— Увы, Энид, мы не можем ехать дальше! — воскликнул он.

— Как скажешь, господин, — ответила ему Энид.

— Лучше всего повернуть назад и переждать ночь там, где можно отдохнуть и набраться сил для долгой дороги.

— Я согласна, господин.

Они так и сделали. Герайнт спешился и помог спешиться Энид, а потом сказал:

— Я очень устал и должен поспать. А тебе придется приглядеть за лошадьми, так что поспишь в другой раз.

— Ты прав, господин.

Герайнт, не сняв с себя доспехи, улегся спать. Ночь была летняя, короткая, и, едва наступил рассвет, Энид пошла взглянуть, спит ее муж или нет. Но Герайнт проснулся сам.

— Господин, я хотела разбудить тебя.

Герайнт не стал ей пенять за ее оплошку.

— Собери коней и езжай дальше, — велел он чуть погодя. — Держись прямо, как вчера.

Еще до полудня они выехали из леса, и перед ними раскинулись луга, на которых было много косцов. Рядом протекала речка. Герайнт и Энид пустили коней напиться, а потом погнали их на другой, высокий берег. На том берегу им повстречался стройный юноша с сумкой на плече, в которой что-то было, но они не стали спрашивать что. В руке он нес синий кувшинчик, на носике которого висела кружка.

Юноша почтительно приветствовал Герайнта.

— Господь с тобой, — отвечал Герайнт. — Откуда путь держишь?

— Из города неподалеку, — ответил юноша. — Господин, ты не рассердишься, если я тоже спрошу, откуда ты держишь путь?

— Ну... Я поехал сегодня через лес.

— Ты не сегодня выехал из дома?

— Нет.

— Похоже, ты поиздержался в дороге, и вечером у тебя не было ни мяса, ни воды, чтобы утолить голод и жажду.

— Ты прав, — сказал Герайнт.

— Послушай моего совета. Съешь то, что я тебе дам.

— А что ты мне дашь?

— Я несу завтрак косцам. Хлеб, мясо и вино. Если пожелаешь, господин, они его не увидят.

— Пожелаю, — не отказался Герайнт. — Да благословит тебя Господь.

Герайнт спешился, и юноша помог спешиться Энид, а потом они умылись с дороги и принялись за еду. Юноша прислуживал им, резал хлеб и подливал вино. Когда они утолили голод, он поднялся с земли и сказал Герайнту:

— Теперь, господин, позволь мне пойти и купить еду для козлов.

— Сначала вернись в город и найди для меня самый лучший дом и самую лучшую конюшню для моих лошадей, а за это выбирай коня и доспехи, какие тебе больше по душе.

— Господь благословит тебя, господин, но конь и доспехи стоят гораздо дороже, чем я заслужил.

Юноша отправился в город, нашел для Герайнта дом, а потом с конем и доспехами пошел во дворец, в котором жил граф, и обо всем ему рассказал.

— Мне пора идти, чтобы проводить молодого господина в его дом.

— Конечно же иди. Его ждет тут радостная встреча, — пообещал граф.

Юноша вернулся туда, где оставил Герайнта, и сказал ему, что граф рад видеть его в своем городе и приглашает его во дворец. Герайнт захотел сначала взглянуть на дом, который пришелся ему по вкусу просторными покоем и убранством, а также отличной конюшней. Юноша заранее позаботился, чтобы в доме было вдоволь еды.

Когда они сняли с себя грязные одежды, Герайнт приказал Энид:

— Уходи на другую сторону и не смей близко подходить к моей половине. Если тебе понадобится служанка, можешь позвать ее.

— Как скажешь, господин, — ответила Энид.

В это время пришел хозяин дома и поздоровался с Герайнтом.

— Рыцарь, не голоден ли ты? — спросил он.

— Нет.

Юноша тоже поинтересовался, не хочет ли Герайнт выпить вина, прежде чем идти к графу.

— Конечно же хочу.

Юноша отправился в город и купил вина. Герайнт и хозяин дома выпили, и Герайнт сказал:

— Я должен немного поспать.

— Ты спи, — согласился юноша, — а я пойду к графу.

— Иди конечно, — не стал возражать Герайнт, — но будь здесь, когда я тебя позову.

Герайнт лег спать, и Энид тоже.

Юноша же пришел к графу во дворец, и, когда граф принялся расспрашивать его, где находится дом, в котором поселился рыцарь, он все ему подробно рассказал.

— Мне пора. Я должен быть у него до сумерек, — забеспокоился юноша.

Граф немедленно отпустил его.

— Иди и почтительно приветствуй его от моего имени. Скажи, что вечером я буду к нему в гости.

— Скажу обязательно.

Юноша вернулся, когда настало время будить Герайнта. Герайнт и Энид оделись, и за трапезой юноша вновь прислуживал им.

Герайнт спросил хозяина дома, есть ли у него друзья, которых он хотел бы пригласить к ужину, и хозяин дома ответил, что конечно же есть.

— Тогда веди их сюда и корми всем самым лучшим, что только есть в городе.

Хозяин дома ушел и вернулся с друзьями, которых стал гостеприимно потчевать за счет Герайнта, а тут и граф явился с двенадцатью знатными рыцарями. Герайнт встал, чтобы поздороваться с ними.

— Господь с тобой, — ответил ему граф.

Они уселись за стол, как полагалось, по знатности рода, и граф заговорил с Герайнтом, стал расспрашивать его, куда и зачем он держит путь.

— Никуда и ни за чем, — ответил Герайнт. — Просто ищу приключений и потакаю своим желанием.

Тогда граф обратил свой взор на Энид, потом пригляделся к ней внимательней и решил, что ему еще не приходилось видеть даму прекраснее и приятнее ее. Прошло немного времени, и он уже не мог оторвать от нее глаз и не мог ни о чем думать, кроме нее.

— Позволь мне, — попросил он Герайнта, — подойти к даме и поговорить с ней, ведь она не сидит рядом с тобой.

— Позволяю с радостью, — ответил ему Герайнт.

Граф подошел к Энид и заговорил с ней.

— Ах, госпожа, видно, не очень-то приятно тебе путешествовать с этим рыцарем!

— Мне нет неприятности в том, что я путешествую с ним по одной дороге.

— Но тебе не прислуживают ни юноши, ни девицы.

— По правде сказать, мне приятнее путешествовать с этим рыцарем, чем принимать услуги юношей и девиц.

— Послушай меня, я дам тебе все мое графство, — предложил он, — если ты останешься со мной.

— Клянусь, я этого не сделаю. Мой рыцарь первый, которому я поклялась в верности, и я не нарушу клятву и не опорочу себя неверностью!

— Я думал, ты умнее. Ведь если я убью твоего рыцаря, — заявил граф, — ты будешь моей столько времени, сколько мне захочется, а потом я просто-напросто вышвырну тебя из дворца. Зато если ты придешь ко мне по доброй воле, я не разлучусь с тобой до самой смерти.

Энид задумалась над его словами. В конце концов она решила, что лучше не спорить с ним, а, наоборот, слегка его разжечь.

— Ты поступишь по-рыцарски, если возьмешь меня, никого не лишая жизни. Приходи ночью. Но только сделай все так, словно я ни о чем не догадываюсь.

— Так я и сделаю.

Он встал, кликнул своих рыцарей и ушел. Энид ничего не сказала Герайнту о своем разговоре с графом, чтобы не сердить его и не ставить в неловкое положение.

В обычный час они легли спать, и Энид удалось немножко соснуть, а незадолго до полуночи она встала, собрала доспехи Герайнта, чтобы он мог быстро их надеть, и, все еще побаиваясь своей настырности, подошла к его ложу.

— Мой господин, — тихонько проговорила она, — просыпайся и надевай доспехи, потому что нечестно говорил со мной граф и намерения у него тоже нечестные.

Энид все рассказала Герайнту.

Разгневанный Герайнт прислушался к ее словам и надел доспехи, а Энид зажгла свечу, чтобы ему было сподручнее.

— Оставь свечу и позови ко мне хозяина дома, — приказал ей Герайнт.

Энид повиновалась, и вскоре, ничего не понимая спросонья, явился хозяин дома.

— Сколько я тебе должен? — спросил его Герайнт.

— Совсем немного.

— Возьми в уплату одиннадцать коней с доспехами.

— Да благословит тебя Господь, мне хватило бы и одного доспеха.

— Что ж, разбогатеешь, — заметил Герайнт. — А теперь не покажешь ли ты мне дорогу из города?

— С радостью. В какую сторону ты направляешься?

— Не в ту, откуда пришел сюда.

Хозяин дома взялся проводить их, что было на руку Герайнту, и, приказав Энид ехать впереди, Герайнт покинул город, а потом позволил своему провожатому возвратиться обратно.

Едва тот вошел в дом, как услышал страшный грохот и, выглянув, увидел прямо перед собой восемьдесят рыцарей в полном вооружении с графом Дунном во главе.

— Где рыцарь, который поселился у тебя? — грозно спросил граф Дунн.

— Он уехал.

— Ты посмел, негодяй, отпустить его, не известив об этом меня?

— Господин, ты мне ничего не приказывал, а иначе я бы ни за что не дал ему уехать.

— По какой дороге он отправился?

— По главной, господин, а по какой дальше — не знаю.

Граф и его рыцари повернули коней и обрадовались, разглядев на дороге следы подков.

Вскоре наступил рассвет, и Энид посмотрела назад. Она увидела вдалеке клубы пыли, которые, однако, быстро приближались. Ей стало страшно, так как она поняла, что это граф со своими рыцарями.

Посмотрев на ехавшего позади нее мужа, она подумала: «Пусть он меня убьет, но лучше я умру от его руки, чем увижу, как убьют его».

— Господин, — сказала она, — за нами погоня. Это граф, и с ним много воинов.

— Я вижу их, — ответил ей Герайнт, — а ты, сколько я тебе ни приказываю, все не можешь удержать язык за зубами.

Герайнт развернул коня и, с ходу ударив копьём первого же рыцаря, поверг его наземь. Так он уложил одного за другим всех воинов из восьмидесяти. От самого слабого до самого сильного ни один не смог устоять.

Остался живым и на коне лишь граф Дунн, и он последним выехал против Герайнта, но сломал одно копьё и сломал второе копьё, а потом Герайнт ударил копьём прямо в середину его щита и пробил щит, доспехи и грудь графа, так что тот еле живой упал на землю. Герайнт подъехал к нему поближе, и конь графа Дунна тяжело переступил ногами, отчего граф ненадолго очнулся.

— Пощады, господин, — попросил он.

И Герайнт пощадил его.

Земля была твердая и каменистая, где они сражались, и рыцарям несладко пришлось бы, если бы они все не были смертельно ранены еще до того, как могучий удар выбивал их из седла.

Герайнт продолжил путь, и вновь Энид ехала впереди него, когда их глазам открылась прекраснейшая долина, по которой протекала широкая река.

Через реку был перекинут мост, и дорога вела прямо к нему. На другом берегу реки стоял красивый и надежно укрепленный город.

Едва они оказались возле моста, как Герайнт увидел всадника на могучем, гордом и послушном коне.

— Рыцарь, — спросил его Герайнт, — откуда держишь путь?

— Из долины, — ответил рыцарь.

— Скажи мне тогда, кто хозяин этой прекрасной долины и города за надежными стенами?

— Скажу с радостью. Франки зовут его Гвиферт Мальш, а здешний народ прозвал Король Мальш.

— Можно мне проехать по мосту и вон по той дороге, что не доходит до города?

— Если ты проедешь мимо его башни по ту сторону моста, то придется тебе с ним сражаться, потому что у него обычай — вызывать на поединок всех рыцарей, ступивших на его землю.

— Клянусь небом, я все-таки поеду по той дороге, — заупрямился Герайнт.

— Что ж, если так, придется тебе за свою смелость заплатить стыдом и бесчестьем.

Герайнт сделал, как сказал, а когда выехал на дорогу, то заметил, что его преследует рыцарь на широкогрудом боевом коне, горделиво ступавшем по камням. Зато всадник оказался столь мал ростом, что Герайнту не случилось таких видеть. И на всаднике, и на его коне были боевые доспехи.

Догнав Герайнта, Король Мальш спросил:

— По незнанию или намеренно ты нарушаешь мои законы и наносишь мне оскорбление?

— Я не знал, что по этой дороге никому нельзя ездить.

— Нет, ты знал. Поэтому ты отправишься со мной и будешь со мной сражаться.

— Ну уж нет. Я бы не явился даже ко двору твоего господина, не будь он вассалом Артура.

— Клянусь рукой Артура, — заявил тогда рыцарь, — ты заплатишь мне за оскорбление — или я погибну от твоей руки.

Они бросились друг на друга, и оруженосец стал подавать своему господину копыя, которые ломались одно за другим. Рыцари наносили

и терпели жестокие удары, и вскоре на их щитах уже нельзя было различить цвета.

Герайнту было непривычно сражаться с таким маленьким рыцарем, и он никак не мог, сколько ни старался, развернуться во всю свою мощь.

В конце концов их измученные кони пали на колени, и Герайнту удалось сбросить Короля Малыша на землю.

Они принялись биться на мечах и такие жестокие обрушивали и терпели удары, что их шлемы помялись, подшлемники повались, руки стали дрожать, а глаза залило потом и кровью.

Тут Герайнта охватила ярость, и он, собрав остатки сил и призвав на помощь всю свою злость, решимость и безжалостность, занес над Королем Малышом меч и со всего маху опустил его ему на голову, разрубив пополам шлем и достав мечом до самого черепа. Меч выпал из рук Короля Малыша и откатился к обочине, а сам король запросил пощады.

— Ты не был справедлив и учтив со мной, — ответил ему Герайнт, — но я пощажу тебя, если ты станешь моим союзником и дашь слово никогда больше не нападать на меня и всегда приходить на помощь, коли в том будет нужда.

— С радостью, господин, — только и сказал Король Малыш.

Он обещал Герайнту быть ему до самой смерти верным другом.

— А теперь, господин, поедем ко мне, — пригласил он Герайнта, — ведь тебе надо отдохнуть и оправиться от ран.

— А вот этого как раз не будет, — заявил Герайнт.

Гвиферт Малыш поглядел на Энид и пожалел благородную даму, одетую в неподходящее ее званию платье.

Он сказал Герайнту:

— Господин, ты неправильно поступаешь, не желая принять мое приглашение. Если ты не отдохнешь, тебе будет нелегко одолеть трудности, которых не избежать в пути.

Однако Герайнт не стал его слушать. Одолевая боль, он сел на коня и не пожелал даже смыть с себя кровь.

Энид поскакала к лесу, который виднелся впереди, и Герайнт за ней.

Солнце палило нещадно, и одежда присохла к телу, поэтому, въехав в лес, Герайнт тотчас остановился под деревом, чтобы немного отдохнуть. Раны мучили его гораздо сильнее, чем когда он их получил. Энид ждала его под другим деревом.

Неожиданно они услышали, как кто-то трубит в рог. Оказалось, это Артур выехал прогуляться со своим двором. Пока Герайнт раздумывал, как избежать встречи с королем, его заметил слуга управителя двора и немедленно доложил о нем своему господину. Управитель двора приказал седлать коня, взял копье и щит и отправился на то место, где все еще отдыхал Герайнт.

— Рыцарь, что ты тут делаешь? — спросил он.

— Прячусь от солнечных лучей под тенистым деревом.

— Кто ты и куда держишь путь? — спросил управитель.

— Я ищу приключений и еду, куда мне заблагорассудится.

— Тогда, — предложил ему Кай, — поедем со мной к Артуру. Он тут неподалеку.

— Клянусь небом, я не поеду.

— Придется, — стоял на своем Кай.

Герайнт узнал Кая, а Кай и подумать не мог, что перед ним Герайнт, поэтому он поднял копье и бросился на неизвестного рыцаря. Герайнт очень разозлился и древком копья нанес Каю удар, от которого тот покатился по земле. Хуже наказания нельзя было придумать для него.

Разобиженный Кай поднялся на ноги, взгромоздился на коня и отправился восвояси. Не раздумывая, он пошел к Гвалхмаю.

— Ох, господин, мне сказали, что видели в лесу раненого рыцаря в помятых доспехах, — сообщил он. — Если хочешь, можешь поехать и взглянуть на него.

— Почему бы и нет?

— Тогда возьми своего коня и надень доспехи. Говорят, что он не очень учтив с теми, кто приближается к нему без спросу.

Гвалхмай взял копье и щит, сел на коня и отправился на то место, где отдыхал Герайнт.

— Господин рыцарь, куда держишь путь? — спросил он Герайнта.

— Еду, куда мне хочется, и радуюсь любому приключению.

— Скажи мне, как тебя зовут, и поедем со мной к Артуру. Он здесь неподалеку.

— Зачем тебе мое имя? И к Артуру я не поеду.

Герайнт знал, что перед ним Гвалхмай, а Гвалхмай и подумать не мог, что перед ним Герайнт.

— Я не оставляю тебя, пока ты не скажешь, как тебя зовут.

И Гвалхмай поднял копье и ударил им в щит, так что копье разлетелось в щепки, а кони встали, почти упершись друг в друга мордами.

Гвалхмай внимательно посмотрел на рыцаря и узнал его.

— Это ты, Герайнт? Что ты тут делаешь? — спросил Гвалхмай.

— Я не Герайнт.

— Герайнт, клянусь небом, — стоял на своем Гвалхмай. — Только задумал ты недоброе.

Гвалхмай поглядел кругом и, заметив Энид, радостно с ней поздоровался.

— Герайнт, — вновь повторил Гвалхмай, — поедем к Артуру. Он ведь твой господин и твой двоюродный брат.

— Не поеду, — уперся Герайнт. — Не в том я виде, чтобы кому-нибудь показываться на глаза.

Как раз в это время появился один из пажей, которому надо было поговорить с Гвалхмаем, и Гвалхмай послал его к Артуру с известием, что в лесу раненый Герайнт, который не хочет показаться королю, потому что стыдится окровавленных доспехов.

Он послал пажу к Артуру без ведома Герайнта и говорил с ним шепотом.

— Попроси Артура поставить шатер возле самой дороги и скажи ему, что Герайнт не желает его видеть. И настроение у него такое, что мне вряд ли удастся его уговорить.

Паж помчался к Артуру, все ему рассказал, и Артур велел раскинуть возле дороги шатер.

Энид увидела шатер первой и возрадовалась в своем сердце. Гвалхмай же ехал и ехал вперед, отвлекая внимание Герайнта, пока они не наехали на шатер Артура.

— Господин, приветствую тебя! — воскликнул Герайнт.

— Да благословит тебя Господь, рыцарь, — ответил ему Артур. — Как тебя зовут?

— Это Герайнт, — вмешался Гвалхмай, — и по доброй воле он бы ни за что не явился повидаться с тобой.

— Наверно, он лишился рассудка, — попрекнул Герайнта Артур.

Тут появилась Энид и поздоровалась с Артуром.

— Господь с тобой, — сказал он и велел одному из своих пажей помочь ей спешиться.

— Увы, Энид, куда вы направляетесь? — спросил ее Артур.

— Не знаю, господин. Мне лишь надлежит ехать по той же дороге, по которой едет мой муж.

— Господин, — обратился Герайнт к Артуру, — позволь нам продолжить путь.

— Куда ты едешь? Ты же умрешь по дороге, — посетовал Артур.

— Он отказывается от моего приглашения, — вмешался Гвалхмай.

— Ничего, от моего не откажется. И никуда он не двинется, пока не заживут его раны.

— Нет, господин, позволь мне отправиться дальше, — стоя на своем Герайнт.

— Клянусь небом, не позволю.

Артур повелел, чтобы послали за девицей, которая проводила бы Энид в шатер к Гвенхвивар.

Гвенхвивар, ее дамы и девицы обрадовались, увидев Энид. Они сняли с нее дорожное платье и нарядили в чистые одежды.

Артур призвал к себе Кадарийта, которому велел поставить шатер для Герайнта и лекарей и распорядился, чтобы Герайнт имел все и ни в чем не знал нужды. Кадарийт сделал, как ему было велено, и Морган Тид с учениками был препровожден к Герайнту.

Около месяца Артур и его рыцари не двигались с места, ожидая, пока затянутся раны Герайнта, а потом Герайнт пришел к Артуру и попросил разрешения ехать дальше.

— Не знаю, здоров ли ты, — усомнился Артур.

— Я здоров, господин.

— Тебе я не верю, поэтому лучше мне спросить лекарей.

Артур велел позвать к себе лекарей и спросил их, правду ли говорит Герайнт.

— Правду, господин, — подтвердил Морган Тид.

На другой день Артур позволил Герайнту продолжать путь и приказал своим рыцарям сниматься с места.

Герайнт пожелал, чтобы Энид, как прежде, ехала впереди него, и Энид повиновалась. Вскоре до их ушей донесся громкий плач.

— Оставайся тут, — потребовал Герайнт, — а я посмотрю, что там.

— Да, — только и ответила Энид.

Герайнт подъехал к лужайке, что была рядом с дорогой, и увидел двух коней: одного под мужским седлом, другого — под дамским, а на земле мертвого рыцаря в доспехах, над которым плакала молодая дама в дорожном платье.

— Госпожа, что тут случилось?

— Я ехала вместе с моим возлюбленным супругом, как вдруг на нас неожиданно-негаданно напали три великана и убили его.

— Куда они подевались?

— Вон по той дороге, — пролепетала дама.

Герайнт вернулся к Энид.

— Поезжай на лужайку и жди меня там.

Энид опечалилась, услышав о предстоящей разлуке, но молча повиновалась и присоединилась к даме, на которую невозможно было смотреть без слез. Она не сомневалась, что видит Герайнта в последний раз.

Тем временем Герайнт догнал великанов и потребовал, чтобы они приняли его вызов, хотя каждый из них был как три обыкновенных человека и на плече у каждого из троих было по увесистой дубинке. Герайнт поднял копье и пронзил им первого великана. Потом он быстро вытащил копье из мертвого тела и пронзил им второго великана. Третий, однако, не терял времени даром. Он стукнул Герайнта дубинкой и разнес в щепки его щит, задев плечо, отчего заново открылись только что залеченные раны и ручьями потекла кровь.

Герайнт собрал остатки сил, вытащил меч, поднял его и со всего маху разрубил великану голову до плеч. После этого он вернулся к Энид и, едва завидев ее, бездыханный упал с коня. Энид громко закричала.

Она подошла к Герайнту и долго стояла над ним, пока не явился к ней вместе со своими рыцарями граф из Лимура, свернув с пути из-за ее воплей.

Граф спросил:

— Что случилось, госпожа?

— Ах, господин, убили единственного рыцаря, которого я любила и всегда буду любить.

Потом он спросил другую даму:

— А ты, госпожа, отчего плачешь?

— Мой возлюбленный супруг тоже убит.

— Кто же убил их?

— Какие-то великаны убили моего возлюбленного супруга, а этот рыцарь бросился за ними в погоню и вернулся весь в крови. Я уверена, он отомстил кому-то из них, если не всем троим.

Граф велел похоронить мертвого рыцаря, однако в Герайнте, как ему показалось, еще теплилась жизнь, и он велел положить его на щит и везти следом за ним. Дамы тоже отправились ко двору, и, едва они оказались в замке, Герайнта положили в зале неподалеку от столов.

Все сняли с себя запыленные одежды и надели чистые и богатые, и граф стал просить Энид принять от него нарядное платье, но Энид отказалась.

— Клянусь небом, я этого не сделаю.

— Ах, госпожа, не печалься так, — попробовал было утешить ее граф.

— Не теряй зря время.

— Будет жить твой рыцарь или умрет, я все сделаю, чтобы ты перестала печалиться. Я подарю тебе доброе графство и себя в придачу, только чтобы увидеть улыбку на своем лице.

— Клянусь небом, никто отныне не увидит меня улыбающейся.

— Что ж, — не стал спорить граф. — Тогда хотя бы поешь.

— Клянусь небом, я не буду есть.

— Клянусь небом, будешь.

Граф против воли усадил Энид за стол и долго потчевал.

— Ты не должна давать такую клятву, потому что рыцарь умер.

— Я уже дала ее.

— Отпей из этого кубка, — сказал граф, подавая ей кубок с вином, — и твои мысли переменятся.

— Гореть мне в аду, если я отопью из кубка, пока мой рыцарь не сделал ни одного глотка.

— Воистину, — вскричал граф, — ты не ценишь учтивого обхождения! Придется поступить с тобой иначе.

С этими словами он размахнулся и закатил Энид звонкую пощечину. Энид закричала громче прежнего, ведь она подумала: будь Герайнт жив, граф не посмел бы ее ударить. И — о чудо! — Герайнт очнулся, схватил меч и бросился к графу. Он нанес ему такой отчаянно-жестокий и беспощадно-кровавый удар, что разрубил его надвое.

При виде Герайнта все бросились вон из пиршественной залы, испугавшись не живого рыцаря, а мертвеца, восставшего на живых.

Герайнт посмотрел на Энид и опечалился, потому что она побледнела и подурнела за то время, что он не видел ее, и потому что она оказалась чиста перед ним.

— Госпожа, — спросил ее Герайнт, — не знаешь ли ты, где лошади?

— Я знаю, господин, где твой конь, но не знаю, где моя кобыла. Твой конь в ближайшей конюшне.

Герайнт сходил за своим конем, сел в седло, поднял Энид и усадил ее впереди себя, и они отправились в путь. Дорога их шла между двумя

горами, и сумерки уже спускались на землю, когда они увидели, что над их головами летят копья и слышали позади приближающийся топот копыт. Немалое войско догнало их.

— Нас догоняют, — сказал Герайнт. — Подожди меня в сторонке.

Едва Герайнт ссадил жену, как на дороге выскочил рыцарь и занес над головой копьё. Энид, увидав его, заплакала и закричала:

— Кто бы ты ни был, рыцарь, не прибавится тебе славы, если ты убьешь убитого!

— Господи, — удивился рыцарь. — Герайнт?

— Герайнт и есть. А ты кто? — спросила Энид.

— Я — Король Малыш, — ответил рыцарь, — и спешу вам на помощь. До меня дошла весть, будто вы попали в беду. Если бы ты, Герайнт, послушался меня, никакой беды не было!

— Все, что случается, случается по воле Божьей, хотя добрый совет — всегда добрый совет.

— Правильно, — подтвердил Король Малыш, — и у меня есть еще один совет для тебя. Поедем теперь к зятю моей сестры. В его замке тебя будут лечить лучшие лекари на земле.

— С радостью последую твоему совету, — согласился Герайнт.

Один из оруженосцев Короля Малыша уступил Энид своего коня, и они отправились в замок барона, где их встретили как дорогих гостей.

На другой день послали за лекарями, и те не отходили от Герайнта, пока он не поправился. Тем временем Король Малыш призвал оруженосцев и приказал им починить доспехи Герайнта, чтобы они стали не хуже прежнего. Месяц и две недели жили Герайнт и Энид в замке барона. А потом Король Малыш сказал Герайнту:

— Завтра мы отправляемся в мой замок. Отдохнем там и повеселимся.

— Еще нет, — ответил ему Герайнт. — Мы должны отлучиться на один день, а потом приедем к тебе.

— Если так, то я очень рад, — согласился Король Малыш.

Рано утром Герайнт и Энид вместе с Королем Малышом и его рыцарями выехали из замка. Никогда еще Энид не было так радостно скакать вместе со всеми сначала по узкой тропинке, а потом по широкой дороге до самого перекрестка, где навстречу им шел человек.

Гвиферт спросил его, откуда он держит путь.

— Скажи, — попросил его Герайнт, — у меня дело в дальних краях, какую из двух дорог мне выбрать?

— Лучше поезжай по этой, потому что, если поедешь по другой, никогда не воротишься назад. Там внизу преграда из тумана, и за нею творятся странные дела. Кто ни заезжал в туман, обратно не возвращался. Вон замок графа Овайна. Он никому не разрешает селиться в городе и всех зовет к себе.

— Клянусь небом! — воскликнул Герайнт. — Мы едем нижней дорогой.

Так они и сделали. Вскоре они въехали в город и отыскивали для себя самый красивый и удобный дом, но не успели освоиться в нем, как явился юноша и почтительно поздоровался с ними.

— Господь с тобой, — ответили ему Герайнт и Энид.

— Добрые господа, — спросил юноша, — что вы тут делаете?

— Устраиваемся на ночлег.

— Не в обычае хозяина нашего города позволять знатым господам жить где придется, — заявил юноша. — Пойдемте со мной.

— С радостью, — ответил Герайнт.

И они с Энид последовали за юношей. Их радостно встретили при дворе, сам граф вышел из внутренних покоев поздороваться с ними и тотчас приказал накрыть столы в пиршественной зале. Омыв перед едой руки, все расселись как положено. Рядом с графом — Герайнт и по другую сторону — Энид. Рядом с Энид — Король Малыш, а рядом с Герайнтом — графиня. Дальше все по знатности рода.

Герайнт вспомнил о странных делах, творящихся в замке, и решил ничего не есть за ужином, чтобы с ним тоже не сыграли злую шутку. Однако ему не удалось обмануть графа, который, поняв, что Герайнт не ест из-за плохой славы замка, очень огорчился и думал, что сидел бы он тише воды, ниже травы, знай, какого гостя ему доведется принимать у себя, и если Герайнт желает, чтобы он ничего больше не совершал эдакого, он и не будет.

И он спросил Герайнта:

— Чем ты так озабочен, что даже не притрагиваешься к еде? Если ты сомневаешься насчет наших игр, то они не для тебя и не для таких знатных гостей, как ты.

— Благослови тебя Господь, — возразил ему Герайнт. — Я ни о чем так не мечтаю, как посмотреть на ваши странные игры, если, конечно, мне кто-нибудь покажет дорогу.

— Если мечтаешь, то мы с радостью тебя проводим.

— Конечно же мечтаю! — воскликнул Герайнт.

Тут все принялись есть-пить, а пажы услужливо подкладывали еду на тарелки и подливали вино в кубки, едва замечали, что гости переставали жевать. Много было выпито вина, и много было роздано подарков, но рано ли, поздно ли все насытились и поднялись из-за стола.

Герайнт приказал привести коня и принести доспехи, и позаботился он не только о себе, но и о коне тоже. Покинув замок, они все ехали и ехали, пока не оказались у подножия горы, которая круто поднималась вверх до самого неба, утыканная колами. На все колы, кроме двух, кто-то насадил головы людей, и колов этих было считать не пересчитать.

Король Малыш спросил:

— Мне можно пойти с рыцарем?

— Нет, — ответил граф Овайн, — он должен пойти один.

— А где вход? — спросил Герайнт.

— Не знаю, — ответил граф. — Входи, где тебе удобно.

Герайнт, не тратя времени на сомненья и раздумья, шагнул в туман, и вскоре, когда туман остался позади, он очутился в большом саду, посреди которого была лужайка и на ней шатер из красного атласа. Дверь в шатер оказалась открытой, а перед ней росла яблоня, и на ветке висел большой охотничий рог.

Герайнт спешился и вошел в шатер. В нем не было никого, кроме сидевшей в золотом кресле девицы. Другое кресло напротив пустовало. Герайнт, не долго думая, взял и сел в него.

— Ах, рыцарь, — молвила девица, — зачем ты сел в кресло? Не для тебя оно.

— Почему? — не испугался Герайнт.

— Потому что муж, которому оно принадлежит, не любит, когда в нем сидят чужие.

— Ну и пусть не любит, — заявил Герайнт.

Тут снаружи донесся до Герайнта страшный шум, и он выглянул посмотреть, кто это шумит.

На ширококостном, могучем и гордо фыркающем боевом коне сидел благородный рыцарь в плаще поверх доспехов.

— Скажи-ка, вождь, кто позволил тебе занять мое кресло? — спросил рыцарь Герайнта.

— Я сам себе позволил, — заявил Герайнт.

— Зачем ты опозорил меня? Вставай, я вызываю тебя на поединок.

Герайнт встал, и они немедля сошлись в бою. По три копья сломали рыцари, от их мечей и доспехов искры летели во все стороны, но силы их были равны, и они долго сражались, пока ярость не охватила Герайнта. Он пришпорил коня, ударил копьём в самую середину щита и пробил насквозь щит и латы тоже. Рыцарь упал на землю, потому что лопнули подпруги, и Герайнт наставил на него копьё.

— Господин, пощади меня, и я сделаю все, что ты пожелаешь.

— У меня одно желание: чтобы не было здесь больше ни тумана, ни колдовства.

— Я все сделаю, как ты скажешь, — обещал рыцарь.

— Тогда пусть туман рассеется.

— Труби в рог, — сказал рыцарь, — и туман сразу рассеется. Прежде в него некому было трубить, потому что ты первый одолел меня.

Энид места себе не находила в ожидании Герайнта. Когда же он затрубил в рог и туман рассеялся, ожили все воины, и головы у них приросли к туловищам.

Граф пригласил Герайнта и Короля Мальша отдохнуть у него в замке, а на другое утро Герайнт отправился в Корнвахл.

С тех пор он разумно правил в своих владениях, и народ вновь славил непобедимого рыцаря Герайнта и его верную жену Энид.

О валлийцах и валлийских сказаниях

Кельты (галлы) — индоевропейские племена, известные со второго — начала первого тысячелетия до н. э. — в континентальной Европе к середине I века н. э. были покорены римлянами и, ассимилировавшись в течение нескольких веков (с первого по четвертый), по сути, исчезли с ее исторической карты. Однако, оставив о себе вечную память в названиях таких городов, как, например, Париж, Милан, Вена, и таких рек, как Сена, Рейн, Дунай, они еще прежде разделились на ирландцев и валлийцев, которые продолжали развивать на островах две основные ветви кельтского языка и кельтской культуры.

Примерно до X века н. э. Ирландия жила относительно мирно, но, населенная бриттами (островными кельтами), Британия уже в I веке н. э. претерпела нашествие римлян, которые оказали большое влияние на ее культуру, однако не сумели ассимилировать местное население, принявшее плоды более развитой цивилизации, принявшее христианство, но не отказавшееся от своего языка, своих традиций, даже социального устройства. «...Сбросив с себя ярмо римской власти, — пишет историк VIII века Ненний, — они (бритты) перестали выплачивать дань и принимать поставленных Римом властителей, дабы те правили ими, и римляне не посмели вернуться в Британию, чтобы господствовать тут и впредь, ибо бритты убили их полководцев»¹.

Потом наступил V век, точнее, 428 год, и в Британию пришли германские племена. Англи и саксы — менее цивилизованные, но более

¹ Ненний История бриттов // Гальфрид Монмутский История бриттов Жизнь Мерлина М Наука, 1984 С 178

воинственные — в V—VIII веках упорно вытесняли бриттов из Камбрии, Лотиана, Корнуолла, пока не дошли до западного гористого полуострова, где столкнулись с не менее воинственными племенами, которые оказали пришельцам достойное сопротивление. В конце концов англосаксы оставили мысль завоевать полуостров и в VIII веке совершили нечто, определившее историю этого края на несколько столетий. Они отгородили полуостров «валом Оффы» и назвали непокорную территорию «застенной землей», то есть Валлисом, или Валлией, или — в современном звучании — Уэльсом. Но у этой страны было и другое название, данное ей самими бриттами, — Кимру, что значит «страна сородичей». И Ненний, и Гальфрид Монмутский с явным раздражением пишут о «диких кимрах», посмеявшихся не подчиниться «благоразумным саксам», которые, по словам самого же историка XII столетия Гальфрида Монмутского, усеяли всю землю непогребенными трупами крестьян и священнослужителей. Пусть это не покажется странным, но его перу принадлежит и следующая (по-видимому, идеологически выдержанная в соответствии с современными ему требованиями) легенда о происхождении непокорных валлийцев и их страны Валлии:

Ивор и Инн, снарядив для себя корабли и собрав, сколько им удалось, готовых отправиться с ними воинов, высадились на острове и в течение сорока девяти лет тревожили народ англосаксов частыми и беспощадными нападениями. Но это мало чему помогло. Мор и голод, а также непрекращающиеся внутренние раздоры настолько обессилили некогда гордый народ, что ему было невмочь упорствовать и отражать врагов. Погрязнув в невежестве, он стал называть себя не бриттами, а валлийцами, присвоив себе это название потому, что у них был вождь Валлон, либо по имени королевы Валаес, либо их окрестили так чужеземцы. Саксы, напротив, соблюдая благоразумие, сохраняли между собой мир и согласие, обрабатывали поля, отстраивали города и укрепления и, лишив бриттов господства при вожде Адельстане, который первым из них увенчал себя королевской короной, держали уже в подчинении всю Лоегрию (Англию. — Л. В.). Утратив бриттское благородство, валлийцы впоследствии не воссоздали древнего государства на острове; недовольные саксами, они порой восставали на них и непрерывно дрались либо с ними, либо в междоусобных схватках¹.

¹ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 137.

Валлийцы отказывались называть себя бриттами и даже как будто забыли о своей связи с жителями Лоегрии, но в народной памяти и, естественно, в фольклоре примерно в VIII веке появились мечты о будущем поражении англосаксов и «воссоздании» королевства Британия, которого никогда не существовало, — и даже многочисленные «пророчества» на сей счет легендарных мудрецов и волшебников. Но в то же время в самом Уэльсе, поделенном на множество кланов, шла бесконечная междоусобная война, не предполагавшая даже попыток объединения. Валлийские вожди стали бóльшими врагами своей родины, чем пришельцы.

В 1066 году англосаксы потерпели поражение от армии Вильгельма Завоевателя, и франко-нормандцам удалось то, что оказалось не по силам англосаксам. Они завоевали южную часть Уэльса, которую называли Марч, то есть «пограничный край». Тем временем валлийские вожди продолжали сражаться между собой в стране, остававшейся скотоводческой и неразвитой с точки зрения земледелия и ремесел, в которой не было не только городов, но и даже постоянных поселений. В это время, насколько известно, прогрессивную стабилизирующую роль в социальной жизни Уэльса, хоть и не очень успешно, играла Церковь, несмотря на немногочисленность монастырей. Гораздо больше ей удалось сделать для культуры страны, в которой письменная традиция не отличалась зрелостью. Первое известное историческое сочинение, «Анналы Камбрии», относится к 954 году, а самые давние записи сказаний, легенд, песен — к XI веку. Сохранение письменных памятников Уэльса — исключительная заслуга Церкви.

В XII столетии от валлийского существования наособицу не осталось и следа, и только теперь, когда не отдельные феодалы грозились проникнуть на полуостров, а английская корона — подчинить себе всю непокорную территорию, правители Уэльса попытались что-то сделать и несколько оттянули свое поражение. Но со своими благими намерениями они опоздали. В 1282 году противостояние Левелина ап Грифилда, последнего короля независимого Уэльса, и английского короля Эдуарда I из династии Плантагенетов закончилось поражением Уэльса, и с 1301 года наследники английского престола носят титул «принцев Уэльских». Правда, валлийцы еще долгое время поднимали одно восстание за другим и до 1536 года Уэльс сохранял статус автономного княжества.

С покорением Уэльса его язык и культура стали насильственным образом искореняться. И это неудивительно, ведь даже английский язык

долгое время считался языком, «неприличным» для благородных господ и развлекавших их песнопевцев. Что же до странствующих валлийских бардов, то их преследовали как бродяг.

Казалось бы, сказания, мифы, легенды валлийцев должны были исчезнуть с лица земли. Но, к счастью, этого не случилось. Народное наследие выжило, но выживало оно, скажем так, двумя этапами.

Одна его часть не только проникла в английскую, французскую, да и чуть ли не во всю западноевропейскую литературу, но и, обжившись там в Средние века, стала основой того, что в дальнейшем получило название «артуровского цикла» и дало импульс к созданию великих памятников литературы так называемого Нового времени. Первым было сочинение «История бриттов» Гальфрида Монмутского, где в короле Артуре соединились валлийская и англо-нормандская традиции, представив его как могучего короля Британии и идеального рыцаря, окруженного другими более или менее идеальными рыцарями, с которыми было связано множество самых разных любовных, приключенческих, волшебных и христианских сюжетов. Более того, обогащенная, эта литература вернулась в Уэльс и соединилась с изначальным вариантом валлийского традиционного фольклора, ведь при дворах валлийских королей всегда большим почетом пользовались барды, которые использовали в своих творениях исторические и мифологические образы, не давая им потеряться во времени, тем более когда был унижен сам народ. Кстати, как раз в XII веке «История бриттов» Гальфрида Монмутского была переведена на валлийский язык, одновременно став знаком пробуждения и сама пробуждая новый интерес не только к историческому прошлому Уэльса, но и к его культурному наследию.

Именно к этому времени относятся два замечательных рукописных свода древних валлийских легенд: «Белая книга Риддериха» (датируется примерно 1325 годом) — к сожалению, представляющая собой лишь фрагменты собрания легенд под названием «Мабиногион», и «Красная книга Хергеста» (датируется примерно 1400 годом) — первое полное собрание одиннадцати легенд «Мабиногиона». Отметим, что, помимо вполне доказанного факта зависимости этих рукописей от неизвестных и более ранних источников, о происхождении, авторстве и даже переписке текстов практически ничего неизвестно. Даже название памятника — «Мабиногион» — имеет несколько толкований. Четыре первые легенды объединены под названием «Ветви Мабиноги», то есть «Мабиногион», так как *мабиногион* — множественное

число от *мабиноги*. А само слово *мабиноги*, как считают одни, означает «повествование об отроках», другие переводят его как «повествование о юных годах героя», третьи — как «повествование о сыновьях кельтских богов». Следовательно, собрание легенд должно было бы называться «Повествование об отроках и другие древние валлийские легенды», или «Повествование о юных годах героя и другие древние валлийские легенды», или «Повествование о сыновьях первых кельтских богов и другие древние валлийские легенды». Но что исторически сложилось, то сложилось, и сейчас можно лишь строить предположения, почему сложилось так и не иначе...

Волна интереса к валлийским древностям поднялась в XII веке и через какое-то время опять спала, если, конечно, не считать популярный и в Европе и в Америке образ короля Артура, в который неумолимое время постоянно вносит изменения. Собрание под названием «Мабиногион» оставалось неизвестным даже в постепенно забывавшем родной язык Уэльсе до тех пор, пока в 1838 году не вышла в свет английская версия рукописного собрания валлийских легенд в великолепном переводе-пересказе леди Шарлотты Гест (1812—1895), значение которого трудно переоценить, оно сравнимо разве что с влиянием переводов В. А. Жуковского в русской литературе. Итак, «Мабиногион» обрел вторую жизнь в переводе на английский язык и стал первым произведением новой национальной литературы Уэльса, оказав при этом огромное влияние на всю последующую мировую англоязычную литературу. Думаю, любители творчества великих валлийцев XX столетия — прозаика Артура Мейчена и поэта Дилана Томаса — лучше поймут созданные ими произведения, узнав их корни.

Как памятник литературы «Мабиногион», передаваемый из уст в уста, по-видимому, складывался довольно долго, наверняка претерпев к тому же на последнем этапе редакцию монахов, хотя религиозной дидактики здесь нет и в помине. В конце концов он стал представлять разные эпохи и множество персонажей от древнейших мифологических до более поздних и реальных. Рядом с реальными людьми живут волшебники, в повествования о тяжком ратном труде неожиданно вторгаются сказочные мотивы, история сочетается с псевдоисторией, боги общаются со смертными, смертные наделены чертами богов...

Если в первых «мабиноги» можно усмотреть некоторые социальные приметы раннефеодальной эпохи как детства народа, то в последних —

о короле Артуре — очевидно тяготение к романтическому и в общем-то абстрактному противопоставлению королевства Артура как царства добра и остального мира как царства зла, куда рыцари уезжают совершать подвиги. И хотя они совершают много подвигов, зла не становится меньше в черном лесе, окружающем королевство Артура, но и не ослабевает желание рыцарей постоять за свою честь, за честь дамы, за честь своей земли. На этом заканчивается повествование о героях и вождях, королях и богах, простых смертных и волшебниках, мужах и женах долгой истории валлийского народа.

Одиннадцать сказаний, представляющих сложившийся в веках литературный памятник «Мабиногион», составляют яркую, словно мозаичную, картину валлийской жизни, которой придают единство два параметра: известная, хотя и менявшаяся, география обитания и вполне определенное, хотя и продолжительное, историческое время.

Л. Володарская

Ирландские сказания



Завоевание Ирландии племенами богини Дану

1. Война с фирболгами

Племя богини Дану, или дети Дану, как зовут их простые ирландцы, появились в Ирландии, когда землю укрывал густой туман.

Они пришли с севера, и там, откуда они пришли, у них было четыре города: великий Фалиас, сияющий Гориас, Финиас и богатый Муриас, что южнее других. В каждом из них жил мудрый муж, обучавший юношей всему, что знал сам. Сениас жил в Муриасе, светловолосый бард Ариас — в Финиасе, благородный сердцем Уриас — в Гориасе и Мориас — в Фалиасе. Из своих четырех городов дети богини Дану принесли четыре сокровища. Из Фалиаса — камень чистоты и невинности, который они называли Лиа Фаил, или Камень Судьбы, из Гориаса — Меч, из Финиаса — Всепобеждающее Копье, а из Муриаса — четвертое сокровище, Котел, в котором любая еда получалась на славу.

В то время королем племени богини Дану был Нуада, но могущественнее него был Мананнан, сын Лира. А из других великих мужей мы назовем Огму, брата короля, который учил письму детей Дану, и Дайансехта, знавшего лекарское искусство, и Нейта, бога сражений, и Кредне Мастера, и Гойбниу Кузнеца. А из великих жен мы назовем Бадб, богиню сражений, и Маху, съедавшую головы мужей, polegших в сражениях, и Морриган, Ворону Сражений, и дочерей Дагды — Эйре, Фодлу и Банбу, давших свои имена Ирландии, и Эадон, няньку бардов.

И Бригит, воспетую бардами, потому что велика и справедлива была ее власть. А еще она умела лечить, и знала кузнечное искусство, и первой изобрела свисток, чтобы перекликаться в ночи. Одна сторона ее лица была уродливой, а другая прекрасной. Имя же ее значит «огненная стрела». Но прежде всех великих королей была Дану, прозванная Матерью Богов.

Превыше всего остального сиды чтили плуг, солнце и лесной орех, поэтому, говорят, когда они пришли в Ирландию, то поделили ее между Коллом-орехом, Сехтом-плугом и Грайаном-солнцем.

Недалеко от моря на родине сидов бил родник, и вокруг родника росли девять лесных орехов мудрости, вдохновения и поэтического знания. Листья и плоды опадали с них в один час, поднимая в роднике красную волну, в которой уже ждали пять лососей. Они съедали все орехи, отчего чешуя у них покрывалась красными пятнами, и если бы кому-нибудь пришлось съесть одного из этих лососей, он бы познал и мудрость, и поэзию. Семь потоков мудрости вытекали из родника и возвращались в него, и служители многих искусств утоляли из них жажду.

В первый день Белтайн, что теперь называется Майским днем, пришло в Ирландию племя богини Дану, и пришли дети богини Дану сначала в северо-западную часть Коннахта. Ничего не заметили фирболги из племени охотников, задолго до них явившиеся в Ирландию с юга, кроме укравшего горы тумана.

В Тару к Эохайду, сыну Эрка и королю фирболгов, примчались гонцы и принесли ему весть о чужаках, объявившихся в Маг Рейн то ли из далекой земли, то ли с небес, то ли приплывших на кораблях, то ли принесенных ветром.

Гонцы думали, что король удивится, услышав о чужом воинстве, но король не удивился. Ночью ему был вещий сон, а наутро друиды сказали, что недолго ему жить в мире и покое и скоро придется его воинам встретиться лицом к лицу с сильным врагом.

Король Эохайд созвал в Таре совет, и на нем было решено послать к пришельцам могучего мужа, чтобы он говорил с ними. Выбор пал на Сренга, великого воина. Он встал со своего места, взял крепкий красно-коричневый щит, и два тяжелых копья, и меч, и железную дубинку и отправился в Маг Рейн.

Еще он не приблизился к Маг Рейн, а стражи сидов уже увидели его и послали ему навстречу своего героя Бреса с мечом, щитом и двумя копьями.

Медленно сходились герои, смотрели в оба, пока не сблизились настолько, что могли слушать и говорить. Остановившись, оба выставили перед собой щиты и смотрели поверх них. Первым подал голос Брес, и когда Сренг услышал родной ирландский язык, то немного успокоился и подошел поближе, после чего они назвали друг другу свои имена, и имена своих отцов, и имена дедов.

Много ли, мало ли прошло времени, но отставили герои щиты. И Сренг сказал, что поднял щит из страха перед тяжелыми копьями, которые Брес держал в руке. И Брес сказал, что поднял щит из страха перед тяжелыми копьями, которые Сренг держал в руке. Потом Брес спросил, у всех ли фирболгов такие копья, и Сренг позволил Бресу получше их разглядеть. Качая головой, Брес дивился на крепкие и тяжелые и острые на обоих концах копья, хотя и без наконечников. Сренг сказал ему, что такие копья его соплеменники называют Крайсех и они легко пробивают щиты и крушат кости, нанося смертельные раны. Он тоже внимательно осмотрел тонкие, острые, с наточенными наконечниками копья Бреса. В конце концов герои решили обменяться копьями, чтобы показать их своим воинам.

Брес сказал Сренгу, что если фирболги по-доброму отдадут половину Ирландии, то сиды будут жить с ними в мире, а если нет, то не миновать сражения.

Прощаясь, они поклялись что будут друзьями, как бы дело ни кончилось.

Сренг возвратился в Тару, рассказал обо всем и показал копье, после чего дал королю совет разделить Ирландию и не сражаться с воинами, у которых такие копья.

Король Эохайд опять держал совет, и фирболги решили не отдавать пришельцам половину земель, из опасения, как бы они не забрали все земли.

Брес тоже возвратился к своим соплеменникам и тоже показал им копье, поведав, сколь силен и могуч муж, им владевший, и они решили, что не миновать им биться не на жизнь, а на смерть.

Выбрав место получше на западе Коннахта, сиды возвели стены и выкопали рвы на равнине Маг Ниа, на краю которой стояла высокая гора Белгата, а тем временем три королевы — Бадб, Маха и Морриган — отправились в Тару, где фирболги думали, как им одолеть сидов. Волшебством наслали они на фирболгов туман и тьму, огонь и кровь, и три дня они не могли держать совет, а через три дня три друида фирболгов — Кесарн, Гнатах и Ингнатах — сняли чары.

Фирболги собрали войско из одиннадцати отрядов и стали лагерем на восточном краю Маг Ниа.

Король сидов Нуада послал к фирболгам бардов с вестью, что готов жить с ними в мире и дружбе, если они по-доброму расстанутся с половиной своих земель. А король Эохайд сказал бардам, чтобы они спросили ответ у вождей, собравшихся на совет. Барды так и сделали.

— Нет, — сказали вожди.

Тогда гонцы спросили, когда они начнут сражение.

— Немного погодя, — ответили вожди, — потому что нам нужно наточить наши копья и мечи, начистить шлемы, да еще выковать копья, подобные вашим. Да и вы, верно, не прочь иметь побольше копий, подобных нашим.

И они договорились отложить сражение на четверть года.

Посреди лета сошлись воины для битвы. Трижды девять могучих воинов из племени сидов вышли против трижды девяти могучих воинов из племени фирболгов и ни одного не оставили в живых.

Король Эохайд послал гонцов спросить у короля Нуады, будут они сражаться каждый день или через день, и король Нуада ответил ему, что каждый день трижды девять воинов из племени сидов будут выходить на битву. Эохайду это не понравилось, но ему ничего не оставалось, как посылать против них каждый день трижды девять воинов.

Четыре дня бились два воинства. Великие победы и великие поражения были и у сидов, и у фирболгов, и много полегло могучих героев. Для тех же, кто оставался к вечеру живым, лекари готовили чаны с теплой водой и лечебными травами.

На четвертый день сиды начали теснить фирболгов. Великая жажда одолела короля Эохайда, и он покинул поле сражения в поисках воды, и с ним трижды пятьдесят его воинов. Но трижды пятьдесят сидов последовали за ними и нагнали их в Трай Эотайл. Там они вступили в жаркий бой, и в этом бою пал король Эохайд. В Трай Эотайл погребли короля Эохайда, и над его могилой поднялся высокий каменный холм.

Когда из одиннадцати отрядов фирболгов осталось всего триста воинов во главе со Сренгом, Нуада предложил им мир и любую из пяти частей Ирландии на выбор. Сренг выбрал Коннахт.

В Коннахте жил он и жили его воины, а потом жили их дети и дети их детей. Оттуда пришел Фердиад, который сражался с Кухулином, и Эрк, сын Каирбре, который убил его.

Первая битва сидов в Ирландии стала называться первой битвой в Маг Туиред.

Сиды завладели Тарой, которую еще называют Друим Кайн, что значит «прекрасная гора», или Лиатдруим, что значит «серая гора», или Друим-на-Дескан, что значит «смотровая гора», и все это названия Тары.

С тех времен в Таре живет верховный король Ирландии, и его владения простираются на север, и Гора Заложников находится к северо-востоку от сидения короля, поля же Тары — к западу от Горы Заложников. А на северо-востоке на Горе Сидов бьет родник, названный Немнахом, и из него вытекает река, названная Нит, и на той реке была поставлена первая в Ирландии мельница.

К северу от Горы Заложников лежит камень Лиа Фаил, и он грохочет под ногами всех королей Ирландии. Стена Трех Шепотов стояла возле Дома Жен, в котором было семь дверей на восток и семь дверей на запад, и в этом доме пировали короли Тары. А еще там был Дом Тысячи Воинов и возле него с южной стороны невысокая Гора Воительниц.

2. Король Брес

Нуада одержал победу, но потерял в поединке со Сренгом руку, отчего в народе началась великая смута.

Сиды твердо блюли закон, который гласил, что королем может быть только прекрасный обликом муж. Поэтому Нуада, потеряв руку, вместе с нею потерял право на королевство.

Вместо него сиды избрали Бреса, самого прекрасного юношу из племени сидов, и если кто-то желал похвалить красоту равнины или крепости, эля или огня, жены или мужа или коня, он говорил: «Прекрасен, как Брес» или «Прекрасна, как Брес».

Матерью его была жена из племени богини Дану, а имени его отца не знал никто, кроме нее.

Несмотря на красоту Бреса, его царствование было несчастливym для его народа из-за фоморов, которые жили за морем или, как говорят другие, на западе возле моря и которые стали требовать от сидов дань, словно победили их в сражении.

В первый раз фоморы объявились в Ирландии задолго до сидов. Все уродливые и увечные, кто без руки, кто без ноги, они подчинялись

великану и его матери. В Ирландию еще не приходило воинство непригляднее, чем воинство фоморов. С фирболгами они жили в мире и, пока фирболги владели Ирландией, не посягали на нее. А к сидам возревновали.

Тяжелой данью они обложили племена богини Дану, требуя от них третью часть зерна, третью часть молока, третью часть детей, разве что дым над крышами мог подниматься без счета. Королю Бресу не хватило мужества пойти против фоморов, и он уступил им.

Брес и сам обложил данью каждый дом в Ирландии, требуя молока то от черных коров, то от пятнистых, чтобы хватило его на сто воинов. Один раз, желая его обмануть, Нехт по совету друида Финдголла, сына Финдемаса, опалил всех своих коров огнем папоротника, а потом посыпал их пеплом льняного семени. В другой раз он соорудил триста деревянных коров и наполнил им деревянное вымя черной болотной жижей. Явился Брес, пожелавший видеть, как доят его коров, и с ним был Киан, отец Луга. Когда коров подоили, Брес отпил, приняв жижу за молоко, и после этого долго не мог оправиться.

И еще Брес был скуп. Сколько бы ни ворчали вожди, их ножи не шли в дело в его доме. Сколько бы ни приходили они к нему, в нос им не бил запах эля. Брес не задавал пиров, не приглашал к себе бардов, музыкантов, певцов, арфистов, жонглеров или шутов. И поединков больше не устраивали между воинами, потому что их силу король использовал в своем хозяйстве.

Даже великий бард Огма должен был каждый день приносить с островов Мод хворост для целого войска, а он так ослабел от голода, что по дороге море отнимало у него две трети его ноши. Дагду король поставил строить укрепления, потому что он был искусным строителем, и вскоре вокруг Рат Бриз появился ров. Дагда очень много работал и сильно уставал, а однажды чуть не умер от голода.

Вот как это было.

В королевском доме Дагда изо дня в день встречал бездельника Криденбела, который из-за своей слепоты не стеснялся в поношениях и, жалуясь на голод, отбирал у Дагды часть его еды. Он ему говорил:

— У тебя доброе имя, поэтому три лучших кусочка ты должен отдать мне.

И Дагда отдавал. Но слепой Криденбел не довольствовался кусочками, а отбирал у него треть положенного.

Однажды, когда Дагда трудился во рву, к нему пришел его сын Энгус Ог.

— Я рад тебя видеть, — сказал Энгус Ог. — Но не заболел ли ты?

— Нет. Но я голоден, потому что каждый день слепой Криденбел требует у меня три лучших куска из положенной мне еды.

— Я тебя научу.

С этими словами Энгус Ог достал из кошелья три золотника и протянул их Дагде.

— Положи их в еду, которую ты сегодня отдашь Криденбелу, потому что нет ничего лучше золота, и оно убьет его.

Дагда все сделал, как наказал ему сын, и Криденбел, проглотив золото, умер.

— Дагда убил Криденбела, — донесли королю верные люди. — Он дал ему ядовитой травы.

Король поверил наветчикам и, разгневавшись на Дагду, приказал его убить.

— Ты несправедливо судишь, король, — заявил Дагда.

Он рассказал Бресу, как Криденбел вымогал у него лучшие куски, жалуясь, что у него-де одни отбросы.

— А сегодня у меня не было ничего лучше трех золотников, поэтому я дал их ему, а он умер.

Король приказал разрезать Криденбелу живот, и, когда внутри нашли три золотника, он поверил Дагде.

На другой день Энгус Ог опять пришел к отцу.

— Ты скоро закончишь работу, — сказал он. — Когда будешь брать плату, откажись от всего и пусть приведут к тебе скот Ирландии. Тогда пригляди черную телку с черной шеей.

Дагда все сделал, как сказал ему сын. Король спросил его, что бы он хотел получить за свой труд, и Дагда попросил черную телку Брес подумал, что он шутит, ведь он собирался дать ему куда больше, чем одну телку.

Однажды в дом короля постучался бард Корпре, сын Этайн. Король принял его и поселил в темном домишке без света и без ложа, а вместо положенного пира в честь гостя ему принесли на ужин три черствых хлебца. Утром он проснулся, не чувствуя никакой благодарности к Бресу, и, бредя по полю, ворчал себе под нос:

— В блюде пусто, молока нет, дом не дом, тьма, хоть глаз выколи, вот и вся плата барду. Пусто в сокровищнице Бреса.

С тех пор удача отвернулась от Бреса, и его дела пошли хуже и хуже день ото дня. А Корпре сочинил первую в Ирландии сатиру.

Теперь расскажем о Нуаде. Когда отрубили ему руку, он долго болел, а потом лекарь Дайансехт соорудил ему руку из чистого серебра, и все пальцы на ней двигались, как живые. С тех пор Нуада стали звать Нуада Аргат-ламх, что значит Нуада Среброрукий.

У лекаря Дайансехта был сын Майах, который превзошел отца в лекарском искусстве. Однажды в Таре он встретил одноглазого юношу, и тот попросил его:

- Если ты ученый лекарь, вставь мне новый глаз на место прежнего.
- Хочешь глаз вон того кота? — спросил его Майах.
- Хочу, — ответил юноша.

Майах вставил ему в глазницу кошачий глаз, но юноша вскоре пожалел об этом, потому что едва он вечером ложился спать, как глаз начал искать проشمыгнувшую мышь или пролетевшую птицу, а когда днем ему хотелось посмотреть на проходившее мимо воинство или на игры воинов, глаз сам собой закрывался.

Майаху не понравилось, что его отец заменил королю руку на серебряную, поэтому он разыскал отрубленную руку Нуады, купил ее, принес и приставил к плечу короля, приговаривая:

- Мясо к мясу, жила к жиле.

Три дня и три ночи не отходил он от короля. В первый день он приложил руку к его боку, во второй день — к его груди, чтобы на ней выросла новая кожа, в третий день он укрыл ее почерневшим на огне камышом, и к концу этого дня король был здоров, словно и не болел никогда.

Взревновал Дайансехт, увидев, что его сын искуснее его. Он поднял меч и срезал с его головы кожу, но Майах с легкостью излечил себя. Тогда Дайансехт вновь поднял меч на сына и ранил его до кости, но и на этот раз Майах излечил себя. Тогда он ударил его мечом в третий и в четвертый раз, и бил до тех пор, пока не разрубил на кусочки мозг. Он знал, что ни одному лекарю не под силу с этим справиться. Майах умер, и отец похоронил его.

На могиле Майаха выросло травинок ровно столько, сколько было у него костей и сухожилий, триста шестьдесят пять травинок. Пришла Айрмед, расстелила на земле свой плащ и разложила их как положено. Однако Дайансехт подглядел за ней и перемешал все травы, так что до сих пор никому не ведома их истинная сила.

Сиды увидели Нуаду таким, каким он был прежде, и пришли в Тару к Бресу просить его отказаться от королевства. Пришлось ему согласиться на их просьбу, хотя ему этого не хотелось, и Нуада вновь стал королем.

Брес не пожелал стерпеть обиду и стал думать, как ему отомстить тем, кто отнял у него королевство. Думал он, думал и надумал собрать войско, чтобы идти войной на своих бывших подданных. Но сначала он отправился к своей матери Эри, дочери Делбайта, и потребовал от нее назвать ему имя отца.

— Назову, — сказала она.

Так Брес узнал, что его отец — король фоморов Элат, сын Делбаеха. Он приплыл к его матери на большом корабле из чистого серебра, который она не очень хорошо рассмотрела. Был он тогда юный и светловолосый, и одежды на нем были из золота, и пять золотых колец обвивали его шею, и она, которая отвергла всех юношей-сидов, подарила ему свою любовь и плакала, когда он покинул ее. На прощание Элат подарил ей перстень со своей руки и наказал отдать его только тому мужу, которому он придется впору, а потом уплыл прочь.

Эри принесла Бресу перстень, и, когда он надел его на средний палец, перстень пришелся ему впору. Вместе они пошли в горы, где она была, когда приплыл серебряный корабль, а потом спустились на берег и в сопровождении многих воинов поплыли в страну фоморов.

Когда они приблизились к чужому берегу, то, увидев на лугу много людей, сошли с корабля. Их спросили, кто они и откуда, и Брес ответил, что они приплыли из Ирландии.

— У вас есть собаки? — спросили их, потому что в те времена принято было приветливо обходиться с чужеземцами.

— У нас есть собаки, — ответил Брес.

Собак сравнили по всем статьям, и оказалось, что псы сидов лучше, чем псы фоморов.

— А кони у вас есть?

— Есть.

И кони сидов оказались лучше, чем кони фоморов.

Тогда их спросили, нет ли среди них воина, знающего толк в поединке на мечах, и сиды ответили, что самый искусный среди них Брес. Едва он взялся за меч, как Элат, который тоже был на лугу, узнал перстень и спросил:

— Кто ты, юноша?

За Бреса ответила его мать, и Элат признал своего сына. Печальным было его лицо, когда он спросил:

— Какие злые силы заставили тебя покинуть страну, в которой ты был королем?

И Брес ответил ему так:

— Не было никаких злых сил. Я сам поступал несправедливо и жестоко. Я отбирал у моих подданных все их богатства и даже их еду, а ведь до меня они никому ничего не отдавали.

— Ты плохо поступал, — сказал его отец. — О благополучии своих подданных, а не о своих сокровищницах ты должен был думать, когда был королем. Лучше было бы, если бы тебя любили, а не проклинали. Ну а сюда ты зачем пожаловал?

— Я хотел собрать побольше воинов, — ответил ему Брес, — чтобы силой подчинить себе Ирландию.

— Нет у тебя права силой брать то, что ты не удержал добром.

— Дай мне совет.

И Элат посоветовал сыну идти к верховному королю фоморов Балору Злому Глазу и просить у него совета и помощи.

Луг Длиннорукий

1. Луг в Таре

Вернув себе королевство, Нуада Среброрукий нередко задавал богатые пиры в Таре, где двери сторожили Гамалиага, сын Фигала, и Камал, сын Риагала.

Как-то раз в Тару пришел юноша и попросил проводить его к королю.

— Кто ты? — спросил его страж.

— Луг, сын Киана из племени сидов и Этне, дочери короля фоморов Балора, и приемный сын Таилте, дочери короля Великой Равнины, и Эхайда Грубого, сына Дуаха.

— Что ты умеешь делать? В Тару пускают только тех, кто владеет каким-нибудь искусством.

— Хочешь меня испытать? Я — плотник.

— Нам не нужны плотники. У нас есть плотник. Лухта, сын Лугайда.

— Я и кузнец.

— У нас есть кузнец. Колум Трех Новых Дорог.

— Я — великий воин.

— У нас есть великий воин. Огма, брат короля.

— Спрашивай еще. Я — арфист.

— Нам не нужны арфисты, потому что у нас есть арфист. Абхин, сын Бикелмоса, которого люди Трех Богов привезли с гор.

— Я — бард и умею рассказывать всякие истории.

— И бард у нас есть, а всякие истории нам рассказывает Эрк, сын Этамана.

— Я умею колдовать.

— У нас многие колдуют.

— Я — лекарь.

— И лекаря нам не надо. У нас есть Дайансехт.

— Позволь мне стать виночерпием.

— Да у нас девять виночерпиев.

— Я и с медью умею работать.

— Медных дел мастер у нас Кредне Керд.

Тогда Луг сказал:

— Пойди к королю и спроси, есть ли у него муж, который искусен, как я, и если есть, то я уйду.

Страж так и сделал. Он пришел к королю и сказал:

— У двери стоит юноша, и имя его должно быть Илданах, потому что он владеет всеми искусствами на свете. Он один может заменить всех твоих мастеров.

— Испытай его в шахматах, — сказал Нуада.

К воротам принесли шахматы, и Луг ни разу не проиграл.

Когда об этом донесли Нуаде, он велел:

— Ведите его сюда. Никогда еще к нам в Тару не приходил столь искусный муж.

Страж впустил Луга. Он вошел в королевский дом и сел на место, предназначенное ученому мужу.

В зале лежал огромный камень, который едва сдвигали с места четырежды двадцать пар волов, но Огма, желая вызвать Луга на соревнование, поднял его и выбросил в окно, так что он улетел далеко за пределы Тары. Луг же, недолго думая, бросил его обратно, и камень лег на прежнее место.

Потом Луг взял в руки арфу, и мужи смеялись и плакали по ее воле, пока все не заснули.

Нуада, оценив могущество Луга, подумал, что с его помощью непременно избавит Ирландию от дани фоморам. И он поступил так. Он сошел со своего трона и усадил на него Луга, чтобы он правил четырнадцать дней и все слышали его мудрые речи.

Родился Луг в те времена, когда фоморы часто являлись в Ирландию и Балор, которого одни называли Балор Могучие Удары, а другие — Балор Злой Глаз, жил на Острове Стеклоанной Башни. Корабли редко плыли мимо этого острова, потому что фоморы никого не отпускали живым.

Говорят, в старые времена, еще до того, как фирболги поселились в Ирландии, сыновья Немеда проплывали мимо острова на своих кораблях и увидели посреди моря стеклянную башню, а наверху на крыше существо, обличьем похожее на человека. Тогда они решили с помощью своего друида захватить башню. Но у фоморов тоже был друид, который колдовал не хуже их друида. Сыновья Немеда повернули корабли, и, когда башня исчезла, они подумали, будто разрушили ее. Но тут поднялась большая волна и потопила корабли.

Башня же стояла, как стояла прежде, и в ней жил Балор, которого не зря прозвали Злым Глазом. В одном глазу у него таилась смертельная сила, и никто из смертных не мог заглянуть в него и остаться в живых. Вот как он обрел свое могущество. Как-то раз он шел мимо дома, в котором друиды его отца вершили смертельное колдовство. Окно было открыто, и когда он заглянул в него, ядовитый пар поднялся вверх и попал ему прямо в глаз. С тех пор Балору приходилось держать его закрытым, но если перед ним оказывался враг, его воины поднимали ему веко костяным кольцом.

Однажды друид предсказал ему, что он погибнет от руки своего внука, а так как в то время у него была всего одна дочь Этне, то он запер ее в башне на острове и приставил к ней двенадцать жен, чтобы они стерегли ее. Балор строго-настрого наказал им беречь ее от мужского взгляда и даже имени мужа не произносить при ней.

Этне выросла и стала красавицей. Иногда она видела мужей на проплывавших мимо кораблях. Иногда они являлись к ней в снах. Но сколько она ни спрашивала служанок, они ничего ей не отвечали.

Балор, не боясь смерти, продолжал воевать и грабить, как он это делал всю жизнь, топил проплывавшие мимо корабли и совершал набеги на Ирландию.

В Друим-на-Тейн, что значит «край огня», жили три брата из племени сидов, и звали их Гойбниу, Самтайнн и Киан.

Киан владел землей, а Гойбниу прославился своим искусством кузнеца. У Киана была волшебная корова Глас Гайбненин, в вымени которой никогда не иссякало молоко. Стоило кому-то прослышать о ней, как ему

хотелось взглянуть на нее, а многие и вовсе не прочь были ее украсть, поэтому приходилось днем и ночью ее стеречь.

Однажды Киану понадобилось выковать мечи, и он отправился к Гойбни, ведя за собой Глас Гайбнени. В кузнице Киан застал обоих братьев, потому что Самтайнну тоже понадобились мечи и копьа, и Киан попросил его подержать корову, пока он поговорит с Гойбни.

Тем временем Балор все думал и не мог придумать, как ему подбраться незаметно к Глас Гайбнени. И на этот раз он был неподалеку. Увидев, что с коровой остался Самтайнн, он прикинулся рыжим мальчишкой, подбежал к нему и сказал, будто слышал, что его братья в кузнице договариваются из его железа выковать себе мечи, а на его мечи оставить что-нибудь похуже.

— Клянусь, — вскричал Самтайнн, — им так просто меня не обмануть! Подержи-ка корову, малыш, а я пойду к ним.

В ярости бросился он в кузницу, а Балор, едва взялся за веревку, как помчался прочь к морю и потом через море на свой остров, таща за собой Глас.

Киан, увидев, как его брат ломится в дверь, выскочил наружу, но Балор с Глас уже были далеко в море. Ему ничего не оставалось, как отругать своего брата, а потом он стал ходить туда и сюда, словно совсем потерял голову от горя, потому что не мог придумать, как ему вернуть свою корову. В конце концов он отправился к друиду просить совета, и друид ему сказал, что, пока Балор жив, корову он не вернет, ибо ни одному смертному нельзя заглянуть в Злой Глаз и остаться живым.

Тогда Киан отправился к жене из племени друидов по имени Байрог Живущая-На-Горе. Она одела его в женское платье и отнесла в башню, в которой жила Этне. Созвав служанок, она попросила приюта для великой королевы, попавшей в беду. Служанки, не желая отказывать жене из племени сидов, с радостью ее приняли. Немного погодя Байрог усыпила их, и Киан пошел к Этне. Едва она увидела его, как сказала, что его лицо знакомо ей по снам, и отдала ему свою любовь. А потом порыв ветра вновь подхватил Киана и унес в Ирландию.

В положенное время Этне родила сына. Балор, прослышав об этом, приказал своим слугам туго запеленать младенца, заколоть пеленки булавками и бросить его в море. Случилось так, что, когда они несли его над заливом, булавки расстегнулись и малыши, выскользнув из пелен, упал в воду. Слуги подумали, будто он утонул, но Байрог Живущая-На-Горе

спасла его и принесла к его отцу Киану, а он отдал его в приемные сыновья Таилте, дочери короля Великой Равнины. Вот так Луг спасся от неминуемой смерти.

Говорят, Балор сам явился в Ирландию и отрубил Киану голову на белом камне, на котором до сих пор видны красные пятна, но, похоже, он отрубил голову кому-то другому, потому что Киан нашел свою смерть в бою с сыновьями Туиреана.

После того как Луг явился в Тару, чтобы вместе с соплеменниками отца бороться против фоморов, он стал думать, как им победить Балора. В Греллах Доллайд он нашел укромное место и позвал с собой Нуаду, и Дагду, и Огму, а еще Гойбниу и Дайансехта. Целый год они жили там, крепко храня свою тайну, чтобы фоморы ни о чем не проведали, пока они не подготовятся как следует и не соберут большое воинство. С тех пор это место называют Шепот Детей Дану.

Через год они разошлись в разные стороны, договорившись встретиться ровно через три года, и Луг возвратился к своим друзьям, сыновьям Мананнана.

Много ли, мало ли прошло времени, созвал Нуада воинов на горе Уснех к западу от Тары. Недолго пробыли они там, как увидели войско, приближающееся к ним с востока, и впереди юношу с ликом светлым, как заходящее солнце, так что не жмурясь нельзя было смотреть на него.

Когда же войско приблизилось, в юноше узнали Луга Ламх-Фада, что значит «длиннорукий», который возвратился к ним и привел с собой сидов из Земли Обетованной, а еще своих названных братьев, сыновей Мананнана — Кройта Глегела, что значит «белый цветок», и Гойтне Горм-Шуилеаха, что значит «голубоглазое копье», и Кайне Киндкарга, что значит «красное кольцо», и Доналла Донн-Руадха, что значит «красные волосы». Луг же восседал на кобыле Аонбхарр самого Мананнана, быстрой, как холодный ветер весной, по морю скакавшей, как посуху, и еще ни одного всадника не потерявшей мертвым. И свою кольчугу, которую не могли пробить ни меч, ни копье, Мананнан отдал Лугу, и свой шлем с двумя алмазами спереди и сзади. Когда Луг снял шлем, его лоб сверкал, как солнце в летний день. Еще у него был меч Мананнана, который называли Фреагартах, что значит «ответ». Любая рана, нанесенная этим мечом, была смертельной. Но было у него еще одно свойство. Едва враг видел его обнаженным, как силы покидали его и он становился не опаснее жены в родах.

Воинство остановилось на том самом месте, где его поджидал король Ирландии с другими сидами, и они радостно приветствовали друг друга.

Однако они недолго радовались друг другу, потому что увидели нестройный отряд из девятижды девяти угрюмых посланцев фоморов, явившихся в Ирландию за данью, и четверых из них, самых жестоких и самых безжалостных, звали Эйне и Эатфай, Корон и Компар, и они навели такой ужас на сидов, что ни один отец или приемный отец не посмел бы наказать своего сына без их разрешения.

Они подъехали к тому месту, где сидел в окружении своих воинов король Ирландии, и король Ирландии и все сиды встали перед ними.

Тогда Луг Длиннорукий спросил Нуаду:

— Почему ты встаешь перед ними?

— Приходится, — ответил король. — Если они увидят сидящего ребенка, то и его не замедлят убить.

— Клянусь, — вскричал Луг, — их самих пора убить!

— Не делай этого, потому что фоморы жестоко отомстят нам.

— Слишком долго ты терпишь их.

С этими словами он бросился на фоморов, убивая и рая их своим мечом, пока не полегли восемью девять из них, а девятерым он даровал жизнь, отдав их под защиту короля Нуады.

— Я бы и вас убил, но мне нужны посланцы в вашу страну, потому что я не хочу посылать своих воинов, как бы их у вас не обидели.

Девять воинов отправились восвояси и в городе фоморов Лохланне рассказали всем о том, как прекрасный юноша явился в Ирландию и убил всех сборщиков дани, кроме них.

— А не убил он нас, чтобы мы рассказали вам о нем.

— Кто этот юноша? — спросил Балор Злой Глаз.

— Я знаю, — сказала его жена Кейтленн. — Он — сын нашей дочери. Помнишь предсказание? Когда он явится в Ирландию, не властвовать тебе там больше.

Фоморы собрались на совет, и среди них были Эаб, сын Нейта, и Кеанхаб, внук Нейта, и Сайтал Салмхор, и Лиат, сын Лобаса, и девять бардов фоморов, владевших даром провидения, и друид Лобас, и сам Балор, и его двенадцать белогубых сыновей, и его королева Кейтленн Кривозубая.

Это случилось как раз, когда Брес и его отец Элат пришли просить о помощи.

Брес сказал так:

— Я сам поведу семь великих воинств фоморов в Ирландию, и я вызову на бой Илданаха, великого мастера, и я отрублю ему голову и привезу ее сюда, на зеленый луг Бербхе.

— Ты сможешь, — сказали фоморы.

— Готовьте мои корабли и вдоволь запасайте мяса и эля.

Фоморы не стали медлить и тотчас занялись кораблями и провизией, а два быстроногих Луата побежали собирать воинство для Бреса. Едва все пришли и наточили мечи и копья, как Брес приказал отплывать.

Король Балор проводил свое воинство до причала и сказал так:

— Сразись, Брес, с Илданахом и отруби ему голову. А потом привяжи остров под названием Ирландия к корме, и пусть, пока ты будешь плыть, волны погуляют на нем. Ты оставь его на севере Лохланна, и ни один из детей богини Дану до скончания света не посмеет приблизиться к нему.

Отчалив от берега, фоморы подняли паруса и поплыли по непаханому полю, по окраине широко раскинувшегося моря, ни разу не свернув, пока не оказались в Эас Дара.

Брес повел свое воинство через Западный Коннахт, разрушая все на своем пути, а королем Коннахта в те времена был Бодб Деарг, сын Дагды.

2. Сыновья Туиреана

Луг Длиннорукий был в Таре у короля Ирландии, когда узнал, что фоморы высадились в Эас Дара. Тотчас он оседлал Аонбхарр, лошадь Мананнана, а миновали всего один день и одна ночь со времени высадки фоморов. Он пошел к королю Нуаде и рассказал ему о фоморах, которые причалили к берегу в Эас Дара, а теперь бесчинствовали на земле Бодба Деарга.

— Я хочу, — сказал он, — чтобы ты помог мне в сражении против фоморов.

Однако Нуада не желал мстить за погубленный Коннахт, которым владел Бодб Деарг, а не он, и Лугу не понравился его ответ. Он уехал из Тары.

Едва он выехал за ворота, как увидел трех воинов с мечами и копьями, которые мчались ему навстречу. Это были его отец Киан и его братья Ку и Кетен, потому что у его отца были три сына.

— Куда ты так рано? — спросили они Луга.

— Славное дело ждет меня, — ответил Луг. — Фоморы в Ирландии. Сейчас они грабят Бодба Деарга. Вы мне поможете сразиться с ними?

— Каждый из нас может взять на себя по сотне воинов.

— Добрая помощь. Только лучше вам собрать всех сидов, готовых сражаться за Ирландию.

Ку и Кетен помчались на юг, а Киан — на север, и он ни разу не остановился, пока впереди не показалась равнина Муиртемне. Пересекая равнину, Киан увидел трех вооруженных воинов и узнал в них трех сыновей Туиреана, сына Огмы. Издавна между тремя сыновьями Туиреана и тремя сыновьями Кинта была неодолимая вражда, и где бы они ни встретились, сразу между ними завязывался бой.

Киан сказал так:

— Если бы мои братья были со мной, мы бы неплохо сразились, а одному мне с ними не совладать.

Увидав поблизости стадо свиней, Киан ударил себя веткой друида и, в мгновение ока превратившись в свинью, неотличимую от настоящих, принялся рыть землю.

Брайан, один из сыновей Туиреана, спросил братьев:

— Вы видели воина?

— Видели.

— Куда же он делся?

— Не знаем.

— Надо нам получше охранять равнину, ведь идет война, — сказал Брайан. — Но я знаю, что с ним случилось. Он ударил себя веткой друида и превратился в свинью, которая теперь роет землю так же, как все остальные, а если так, то он нам не друг.

— Плохо дело, — отозвались его братья, — потому что свиньи принадлежат кому-то из сидов, но даже если мы перебьем их всех, он все равно может ускользнуть от нас.

— Плохо тебя учили в городе знаний, — сказал ему Брайан, — если ты не можешь отличить настоящую свинью от ненастоящей.

С этими словами он ударил братьев веткой друида, и они превратились в тощих быстрых псов, которые тотчас начали лаять, учув след человека-свиньи.

Вскоре одна свинья отделилась от стада, и остальные не обратили на нее никакого внимания, хотя она побежала к лесу. На опушке Брайан поразил ее копьем.

Свинья вскрикнула, а потом сказала так:

— Не по-доброму ты поступил со мной.

— Похоже, ты знаешь человеческий язык, — удивился Брайан.

— Я и есть человек. Киан я, сын Кинта, и я прошу у тебя защиты.

— Клянусь всеми богами, будь у тебя даже семь жизней, я бы все отобрал одну за другой.

— Пусть так. Все же исполни одну просьбу. Позволь мне вновь принять мой облик.

— Что ж, — проговорил Брайан, — мне легче убить человека, чем свинью.

Киан сбросил с себя обличье свиньи и попросил:

— Будь милостив.

— Нет.

— Ладно. Хорошо уже, что ты позволил мне стать человеком. Если бы я был свиньей, то, убив меня, ты отделался бы платой за свинью. Не было и не будет война, мечь за которого сравнится с мечью за меня. Рука, отнявшая жизнь у отца, будет в долгу перед моим сыном. Оружие, поразившее меня, обо всем расскажет ему.

— Ты не будешь убит мечом и не будешь убит копьем. Мы побьем тебя камнями.

И братья принялись с такой силой и ненавистью бросать в воина камни, что вскоре его несчастное изломанное тело перестало подавать признаки жизни. Братья вырыли могилу и похоронили воина, но земля не приняла его. Тогда Брайан сказал, что надо попытаться еще раз, и они вырыли другую могилу, но земля вновь вытолкнула тело наверх. Шесть раз сыновья Туиреана хоронили воина, и шесть раз земля выталкивала его. Но на седьмой раз тело осталось в могиле, и братья поехали дальше, туда, где Луг Длиннорукий собирал войско.

Что до Луга, то, расставшись с отцом, он поскакал на запад от Тары по направлению к горам, которые потом будут звать Гайрех или Илгайрех, в крепость Шаннон, которая теперь называется Атлуайн, к Беарнах-Эадаргана, «пропасти раздела», через Маг Луирг, «равнину погони», к Корр Слив-на-Сегза, что значит «круглая гора песенной весны», на вершину Киан-Слив, через солнечный Коранн, а оттуда на Маг Моран-Аонай, «великую равнину светловолосых людей», где теперь были фоморы и с ними предатели из Коннахта.

Это там Брес встал со своего места и сказал:

— Не диво ли, что солнце сегодня взошло на западе, когда всегда оно восходит на востоке.

— Уж лучше бы вправду солнце взошло на западе, — вздохнули в ответ друиды.

— Что же это?

— Сияющее лицо Луга, сына Этне.

Луг приблизился к ним и поздоровался.

— Почему ты говоришь с нами как друг?

— Потому что половина меня принадлежит детям богини Дану, а половина — ваша. А теперь отдавайте молочных коров, которых вы отобрали у ирландцев.

— Пусть удача отвернется от тебя и ты никаких коров не получишь, не то что молочных, — со злостью ответил ему один из фоморов.

Три дня и три ночи Луг не отходил от фоморов, а на четвертый день прискакали всадники-сиды. И Бодб Деарг, сын Дагды, привел двадцать девять воинов. Он спросил:

— Почему ты медлишь с битвой?

— Я ждал тебя, — ответил Луг.

Короли и вожди Ирландии подняли над головами копьа, выставили перед собой щиты и на Маг Мор-ан-Аонай пошли сомкнутым строем на фоморов, которые тоже пошли им навстречу, забрасывая их свистящими копьями, а когда от копий остались одни обломки, сиды и фоморы выгнали мечи из ножен и с такой силой схватились друг с другом, что издали казалось, будто вся долина объята огнем.

Луг тем временем искал на поле битвы Бреса, сына Элата, а когда нашел его, то стал биться с его стражниками, и они не могли устоять перед ним. Двести воинов полегли от его меча.

Увидел это Брес и попросил у Луга защиты.

— Если ты пощадишь меня, — сказал он, — я приведу всех фоморов на великую битву. Клянусь солнцем и луной, морем и сушей.

Луг пощадил его, и тогда друиды, приплывшие с Бресом, тоже запросили пощады.

— Клянусь, если все фоморы будут просить у меня защиты, ни один не погибнет от моего меча.

С этим Брес и друиды отправились восвояси.

А теперь расскажем, что случилось между Лугом и сыновьями Туиреана. Когда закончилась битва на Маг Мор-ан-Аонай, Луг встретился со своими братьями и спросил, не видели ли они отца.

— Не видели, — отвечали они.

— Чудится мне, что нет его в живых. Клянусь, не выпить мне ни глотка воды, не съесть ни крошки хлеба, пока не узнаю, где и как он сложил голову.

Луг отправился на поиски отца, живого или мертвого, и всадники-сиды следом. Они прискакали на то место, где Луг простился с отцом, а потом на то место, где его отец, завидев сыновей Туиреана, принял облик свиньи.

И на том месте земля заговорила с Лугом:

— Слушай, Луг. Великая беда подстерегла здесь твоего отца. Завидев сыновей Туиреана, обернулся он свиньей, но убили они его в его собственном обличье.

Луг обо всем рассказал своим воинам, а потом отыскал место, где был зарыт его отец, и приказал откопать его, чтобы узнать, какую смерть принял он от сыновей Туиреана.

Когда подняли тело из земли, то увидели, что оно все в синяках и подтеках.

И Луг сказал так:

— Сыновья Туиреана убили моего отца, как злого врага. — Трижды поцеловал он его. — Худо мне теперь. Ничего не слышат мои уши, ничего не видят мои глаза, и кровь не бежит в моем сердце, потому что умер мой отец. Почему меня не было здесь, когда тебе грозила беда? Великое зло совершили дети богини Дану, подняв руку на своих соплеменников. Много потеряют они могучих воинов! Обессилеют они от своего предательства! Не быть Ирландии свободной ни на востоке, ни на западе!

Вновь Луг предал тело Киана земле, потом оплакал его и, водрузив на могилу камень, письменами огама выбил на нем его имя.

Он сказал так:

— Отныне этот холм будет называться именем Киана. Сыновья Туиреана убили его, так пусть горе и ненависть станут уделом их и их детей. Я говорю правду. Горе разбило мне сердце, ибо нет больше в живых храброго Киана.

Луг повелел воинам скакать в Тару, но наказал им ничего никому не говорить.

В Таре Луг сел на высокий королевский трон и, оглядевшись, увидел трех сыновей Туиреана, которые в то время были первые из первых, самые быстрые, самые искусные, самые доблестные, самые красивые и самые прославленные.

Луг приказал слугам потрясти цепь молчания, а потом сказал так:

— О чем вы думаете, сиды?

— О тебе.

— Тогда я спрошу вас. Какую месть измыслили бы вы за смерть своего отца?

Воины не знали, что сказать. Но один из вождей все-таки спросил:

— Не твой ли отец убит?

— Ты прав, — ответил ему Луг. — И здесь я вижу воинов, которые убили его, а как они его убили, им лучше знать. — Он помолчал. — Будь это в моей власти, я бы не дал им умереть в одночасье, а день за днем отрубал бы им сначала руки, потом ноги.

Вожди согласились с ним, и сыновья Туиреана тоже.

— Три воина, убившие моего отца, дали ответ. Так пусть они заплатят за его смерть теперь же, пока они все здесь. А если они не хотят, то пусть убираются отсюда, потому что этот дом под моей защитой.

— Если бы я убил твоего отца, — сказал король, — я был бы рад, когда бы ты взял с меня дань.

— Луг все знает, — зашептали друг другу сыновья Туиреана.

— Надо признаться, — сказали Айухар и Айухарба.

— Боюсь, как раз этого он хочет, — сказал Брайан, — чтобы мы признались перед всеми, и тогда он не выпустит нас из рук ни за какие богатства.

— Ничего не поделаешь, — возразили ему братья. — Не избежать нам признания. Говори! Ты старший.

И Брайан, сын Туиреана, сказал так:

— Ты о нас говоришь, Луг, потому что знаешь о нашей вражде с сыновьями Кинта. Мы не убивали твоего отца, но мы заплатим тебе, как если бы мы его убили.

— Вы заплатите мне так, как не помышляли. Если же плата будет высокой, я уступлю.

— Говори.

— Три яблока, шкура свиньи, копье, два коня, семь свиней, один щенок, вертел и три крика на горе. Вот ваша плата, и если для вас это слишком дорого, я уступлю, а если нет, то платите.

— Это не дорого, — сказал Брайан. — И в сто раз больше не было бы дорого. Ты слишком мало просишь, и мы думаем, что за этим кроется предательство.

— Это немало. Пусть покарают меня сиды, если я лгу. Вы тоже поклянитесь.

— Зачем нам клясться? Разве не хватит моего слова?

— Не хватит, — возмутился Луг. — Всем известно, что вы наобещаете с гору, а потом норовите улизнуть, не заплатив.

Ничего не оставалось сыновьям Туиреана, как поклясться в присутствии короля Ирландии, и Бодба Деарга, сына Дагды, и вождей из племени сидов, что они все сполна заплатят Лугу.

— Пожалуй, я вам поясню, что мне надо, — сказал Луг.

— Поясни.

— Слушайте. Три яблока зреют в саду на востоке земли, и другие яблоки мне не нужны, потому что эти самые красивые и самые вкусные на всей земле. Цвета они горящего золота, величиной с голову младенца, которому месяц от роду, вкуса они медового, и тому, кто откусит от них, не страшны ни раны, ни болезни. К тому же, сколько ни откусывай от них, они меньше не становятся. Шкура же нужна мне свины из владений Тусиса, короля Греции, которая лечит любые раны и любые болезни да еще спасает от всякой беды, только от смерти не спасает. А еще она речную воду превращает в вино на девять дней, и если смочить им самую тяжелую рану, от нее и следа не останется. Друиды Греции говорят, что добродетель не существует сама по себе, вот они вложили ее в шкуру, и с тех пор эта шкура у них. Думаю, нелегко вам будет добыть ее. Вы поняли, о каком копье я говорил? — продолжал Луг.

— Нет, — ответили братья.

— Это смертельное копье принадлежит персидскому шаху и называют его Луин. Ему все подвластно, и, чтобы оно не сожгло дом и страну, наконецник держат в воде. Трудно будет его взять. Знаешь ли ты, о каких конях и о какой повозке я говорил? Они принадлежат Добару, королю Сиогайра, и кони одинаково быстро мчатся по морю и по земле, да и повозке нет равных в красоте и крепости.

Знаешь ли ты, о каких семи свиньях я говорил? Это свиньи Эасала, короля Золотых Колонн. Каждый вечер их убивают, а наутро они опять живые, и если кто отведаст их мяса, тому не грозят никакие болезни.

Щенка же зовут Файл-Иннис и принадлежит он королю Айоруадха, Холодной Страны. Все дикие звери падают ниц перед этим щенком, так красив он, прекраснее самого солнца в огненной повозке.

Вертел ты принесешь мне с острова Каэр Светловолосой. А кричать ты будешь на горе Миохаойна на севере Лохланна. Миохаойн и его сыновья стерегут гору, чтобы никто не кричал на ней. У них учился мой отец, и, если даже я прошу тебе его смерть, они не простят. Пусть тебе все удастся, но они не упустят случая отомстить. Вот и вся плата за смерть моего отца.

Потемнели лицами сыновья Туиреана и в молчании поехали к своему отцу.

— Плохие вести, — сказал Туиреан. — Не избежать вам смерти. Вот если бы Луг захотел вам помочь, тогда другое дело, а иначе плата, которую он назначил вам, не по силам ни одному мужу на земле, если только не заручится он помощью Мананнана или Луга. Идите к нему и просите, чтобы он дал вам кобылу Мананнана, и, если он вправду хочет получить хоть что-нибудь, он даст ее вам, а если нет, то он откажет вам, сославшись на то, что-де не его кобыла и не может он дать вам то, что ему не принадлежит. Тогда просите у него ладью Мананнана, которую называют Скуабтуинн, что значит «бегущая по волнам», и он даст вам ее, потому что нельзя ему отказывать во второй раз, а вам ладья нужнее кобылы.

Сыновья Туиреана пошли к Лугу и, поздоровавшись с ним, попросили его помощи, если он вправду хочет получить с них дань. Наученные отцом, они попросили у него Аонбхарр, кобылу Мананнана.

— Это не моя кобыла, — ответил им Луг, — и я не могу дать ее вам.

— Тогда дай нам ладью Мананнана, — потребовал Брайан.

— Берите.

— Где она?

— В Бруг-на-Бойнн.

Братья возвратились к отцу и к своей сестре Этне и сказали, что Луг дал им ладью.

— Все равно трудно вам придется, — посетовал Туиреан, — хотя Луг в самом деле хочет получить все, что он потребовал от вас, до битвы с фоморами. Но и вам он желает смерти.

Сыновья покинули опечаленного Туиреана, а Этне отправилась вместе с ними на берег, где была ладья.

Брайан вошел в нее и воскликнул:

— Здесь места хватит только для двоих!

И он принялся сокрушаться о том, что ладья так мала.

— Не надо тебе поносить ладью, — сказала Этне. — Не по-доброму ты поступил, убив отца Луга Длиннорукого, мой милый брат, и, что бы ни приключилось с тобой, это твоя вина.

— Не говори так, Этне, — попросили ее братья, — ведь не злые мы сердцем и храбрости нам не занимать. И пусть мы сто раз примем смерть, но трусами не прослывим.

— Горе мне! — вскричала Этне. — Мои братья покидают меня!

Ладья отошла от берега Ирландии.

— Куда мы плывем?

— Мы плывем за яблоками, — сказал Брайан, — потому что Луг в первую очередь приказал нам добыть яблоки. Повелеваю тебе, ладья Мананнана, везти нас в сад на востоке земли.

Ладья повиновалась и долго одолевала зеленые волны, пока не пристала к берегу на востоке земли.

Тогда Брайан спросил братьев:

— Как нам быть, ведь не думаете же вы, что могучие воины не стерегут королевский сад?

— Мы думаем, что нам надо сражаться с ними, ведь все равно не избежать нам смерти.

— Я думаю, пусть после нашей смерти люди вспоминают о нашей храбрости и о нашей мудрости, а не о нашем предательстве и о нашей глупости. Сделаем так. Примем обличье быстрых ястребов и постараемся увернуться от копий, которыми стражники забросают нас. Когда же у них выйдут все копыя, скорее сорвем каждый по яблоку и унесем их в когтях.

Братьям понравились его речи. Брайан ударил их и себя веткой друида, и они, превратившись в прекрасных птиц, полетели к саду. Стражники их заметили, стали кричать, а потом забросали их копиями и дротиками. Когда же копыя все вышли, ястребы, ничего не боясь, сорвали по яблоку и, целые и невредимые, поспешили прочь.

Однако не много прошло времени, и король со своими подданными узнал о ястребах, похитивших яблоки. Три мудрые королевские дочери обернулись скопами, догнали ястребов на морском берегу и принялись забрасывать их молниями, повергнув их в отчаяние.

— Горе нам! — вскричали сыновья Туиреана. — Они нас сожгут! Нет нам спасенья!

— Я вас спасу, — сказал Брайан.

С этими словами он вновь ударил братьев и себя веткой друида, и вместо ястребов явились три белых лебедя, которые, не медля, нырнули

глубоко под воду. Пришлось скопам оставить их в покое, и сыновья Туиреана невредимые вернулись в ладью Мананнана.

Посоветовавшись друг с другом, они решили плыть в Грецию за шкурой свиньи, и ладья понесла их, никуда не сворачивая, прямо ко двору греческого короля.

— В каком обличье мы пойдем к нему? — спросил Брайан братьев.

— Как это, в каком обличье? Как есть, так и пойдем.

— В нашем обличье нам несдобровать. Лучше прикинемся бардами из Ирландии, и тогда нас примут с почетом и уважением.

— Нелегкое это дело, — вздохнули братья, — ведь мы не барды и сочинять стихи не умеем.

Все же они завязали волосы, как это делают барды, и постучали в ворота. В ответ на вопрос стражника, кто идет, они ответили:

— Барды из Ирландии. Мы сочинили песню для короля.

Стражник доложил королю об ирландских бардах, которые пришли с песней, и король велел их впустить.

— Не ждали они недоброго приема, коли пришли издалека.

Еще король повелел вынести все из зала, чтобы барды подивились, какой у него большой и просторный дом.

Сыновья Туиреана в обличье бардов едва вошли в залу, так сразу набросились на мясо и вино, а немного утолив голод, в самом деле подумали, какой у короля просторный дом и как ласково он их принимает.

Тем временем королевские барды поднялись со своих мест, чтобы воздать должное королю. А там наступила очередь Брайана, сына Туиреана, который потребовал, чтобы братья вспомнили хоть одну песню. Но они сказали ему так:

— Нет у нас никаких песен. И не проси. Мы умеем брать силой, если у нас хватает сил, а если когда-нибудь не хватит сил, то сложим головы, не моля о пощаде.

— Так песни не сочиняют.

Брайан встал со своего места и повел такие речи:

— *О Туис, твоя слава достигла Ирландии, и мы славим тебя как дуб среди королей, и ты заплати мне шкурой свиньи за мою хвалу тебе.*

Война на слуху соседа, честное ухо против честного уха. Если он одарит нас, то и подданные промолчат.

Жестокое воинство и гневное море встанут против всех, кто пойдет против них. Шкурой свиньи, о Туис, заплати мне.

— Хорошо, — молвил король, — только я ничего не понял.

— Слушай же, Туис. «Твоя слава достигла Ирландии, и мы славим тебя, как дуб среди королей». Дуб — король над остальными деревьями, и мы славим тебя как первого из королей за твою щедрость.

«Шкура свиньи» — знаменитая на весь мир шкура, которую я хочу получить в плату за мою хвалу.

«Война на слуху соседа. Честное ухо против честного уха». Это значит, что не успокоюсь я, пока не получу шкуру по твоей доброй воле.

— Вот и все, — заключил Брайан.

— Твои речи достойны похвалы, но ты слишком много говоришь о шкуре. Ты помутился разумом, если просишь у меня шкуру, потому что добром я не отдам ее ни бардам, ни мудрецам, ни героям. Но я дам тебе столько золота, сколько три раза вместит шкура.

— Не гневайся, король, — сказал Брайан. — Я знаю, что тебе нелегко исполнить мою просьбу, но еще я знаю, что ты дашь мне хороший выкуп за шкуру. Ты уж не сердись, но я не успокоюсь, пока сам не увижу, как твои слуги отмеряют шкурой золото.

Когда же принесли шкуру, Брайан быстро ухватился за нее левой рукой, а правой выхватил меч и надвое разрубил воина, державшего ее. Он обернул шкуру вокруг своей груди, и трое братьев помчались прочь, убивая всех, кто оказывался у них на пути. Сам король Греции не замешкался вступить с Брайаном в поединок, и он тоже пал от руки Брайана, сына Туиреана.

Отдохнув, братья стали держать совет, что им делать дальше, и решили отправиться к персидскому шаху Пайсеару за копьем.

Они вошли в ладью и покинули голубое море, омывающее берег Греции.

«Пока удача сопутствует нам, — думали братья. — Яблоки и шкуру свиньи мы уже заполучили».

Ладья вынесла их прямо на персидский берег.

— Почему бы нам опять не прикинуться бардами, как мы это сделали в Греции? — спросил Брайан.

— Нам это нравится, — ответили ему братья. — В Греции нам это сошло с рук, попробуем и здесь, хотя нелегко нам прикидываться бардами, ведь нет у нас способностей к стихотворчеству.

Вновь они зачесали волосы, как полагается бардам, и с превеликим почетом были препровождены к шаху. Во время пира, когда наступил черед Брайана сказать свое слово, он без промедления поднялся с места.

— С презрением Пайсгар глядит на чужое копьё. Разбито воинство. Нетрудно Пайсгару ранить врагов.

Тис прекраснее всех деревьев, король королей. Копьё поражает всех воинов до единого, и гибнет воинство от одного удара.

— Хорошо сказано, — молвил король. — Но почему ты вспомнил, бард Ирландии, о моем копьё?

— Потому что хочу получить копьё в плату за мои стихи, — сказал Брайан.

— Ты помутился разумом, коли просишь меня об этом. Если бы мои подданные не почитали бардов, не уйти бы тебе от них живым.

Услыхав это, Брайан вспомнил о яблоке, которое держал в руке. Он метнул его шаху в голову и выбил ему мозги, после чего выхватил меч и стал разить персов одного за другим. Братья не отставали от него, и они сражались, пока в зале, кроме них, не осталось ни одного живого человека. Тогда они отыскивали копьё и наконечник в чане с холодной водой.

Отдохнув немного, сыновья Туиреана стали держать совет, куда им плыть дальше.

— Мы плывем к королю острова Сиогайр, — сказал Брайан. — У него мы должны добыть двух коней и повозку, которые потребовал от нас Илданах.

Не забыв прихватить с собой копьё, они отплыли от берегов Персии, гордясь своей удачей. Наконец они прибыли ко двору короля Сиогайра.

— Вот как мы поступим на сей раз, — сказал Брайан. — Прикинемся наемниками из Ирландии, войдем в доверие к королю и разузнаем, где он держит коней и повозку.

На том они порешили и пошли на луг перед домом короля.

Король и вожди, окружавшие его, поднялись при виде их со своих мест, и после того, как братья учтиво поздоровались с королем, он спросил, кто они и откуда.

— Мы — воины из Ирландии, — сказали братья, — и зарабатываем себе на жизнь, воюя за королей.

— Хотите остаться у меня? — не замедлил предложить им король.

— Хотим.

Так братья стали служить королю.

Прошли две недели и месяц, а сыновья Туиреана все еще не знали, где находятся кони и повозка.

Тогда Брайан сказал так:

— Плохи наши дела. Сегодня мы знаем не больше, чем в первый день.

— Что же нам делать?

— Сделаем так. Соберите ваше оружие и все остальное, а потом мы пойдем к королю и скажем ему, что покинем его страну, если он не покажет нам своих коней.

В тот же день сыновья Туиреана отправились к королю, и король спросил их, почему они хотят его покинуть.

— Знай, король, — сказал Брайан, — мы давно сражаемся за разных королей и привыкли, что нам доверяют. Обыкновенно мы знаем все тайны нашего короля, а о тебе мы знаем не больше, чем в первый день, когда пришли сюда. Ты владеешь двумя конями и повозкой, лучше которых нет на всей земле. Об этом все говорят. Но мы ни разу не видели ни коней, ни повозки.

— Ну, это легко поправимо, — возразил король. — Я бы показал вам их и в первый день, если бы знал, что вы хотите на них посмотреть. Я и сейчас могу показать вам их, потому что никогда еще к нам не приходили столь доблестные воины.

Он послал за конями, и, когда их впрягли в повозку, они помчались быстрее холодного весеннего ветра и посуху и по морю.

Брайан осматривал, осматривал коней, а потом вытолкнул из повозки возницу, сам занял его место и метнул в короля персидское копье, которое пробило ему сердце. Потом он и его братья убили всех, кто пытался им помешать, и ускакали прочь.

— Теперь мы отправимся к Эсалу, королю Золотых Колонн, — сказал Брайан, — потому что у него нам надо добыть семь свиней для Илданаха.

Они вошли в ладью и поплыли по морю. Тем временем слух о сыновьях Туиреана, которых прогнали из Ирландии и которые теперь добывают по всей земле сокровища, достиг страны Эсала, и его воины зорко стерегли берег.

Эсал сам вышел навстречу сыновьям Туиреана и спросил, правду ли говорят, будто нет в живых ни одного короля из тех, у которых они побывали. Брайан ответил, что правда и что он может делать с ними, что хочет.

— А зачем вы пожаловали ко мне? — спросил король.

— За свиньями. Твои свиньи тоже часть дани, которой обложил нас Луг Длиннорукий.

— И как вы собираетесь взять их?

— Если ты отдашь их нам по-доброму, то мы поблагодарим тебя, а если не захочешь отдать, то придется нам биться с тобой и с твоими воинами, и тогда вы все погибнете, а свиной мы все равно увезем с собой.

— Я не хочу смерти моим воинам.

— И правильно, — отозвался Брайан.

Король посоветовался с вождями, и они решили, что надо по-доброму отдать свиной сыновьям Туиреана, ибо никто не в силах устоять перед ними.

Сыновья Туиреана подивились и от души поблагодарили Эасала, ведь прежде им не удавалось обойтись без сражений.

В тот же вечер Эасал привез их в свой дом, задал им богатый пир и угождал им, как только мог. Когда братья проснулись утром и пришли к королю, то туда тотчас были доставлены свиньи.

— Ты правильно поступил, — сказал Туиреан, — потому что прежде пришлось нам положить много воинов, чтобы добыть дань Лугу.

И он сочинил длинную песню, восхвалявшую короля и славившую его имя.

— Куда вы направляетесь теперь, сыновья Туиреана? — спросил Эасал.

— В Айоруадх за щенком, — ответили ему братья.

— Исполните мою просьбу. Возьмите меня с собой, потому что моя дочь — жена короля Айоруадха, и я постараюсь уговорить его отдать вам щенка без боя.

— Что ж, лучше ничего не может быть.

Когда приготовили королевский корабль, они отправились в путь, и мы не знаем, что было, пока они не пристали к цветущему берегу. Но слух о братьях уже дошел и до этих мест, поэтому их встретило множество воинов, которые их тотчас узнали и принялись кричать, чтобы они не смели покидать корабль.

Эасал один отправился к королю, которому рассказал все, что сам знал о сыновьях Туиреана.

— Что привело их ко мне? — спросил король.

— Твой щенок.

— Зачем ты приплыл с ними? Не будут боги настолько милостивы к братьям, чтобы силой или по-доброму отнять у меня щенка.

— Лучше тебе по своей воле отдать суку, — посоветовал ему Эасал, — ведь они уже убили не одного короля.

Однако король Айоруадха не желал его слушать. Ни с чем вернулся Эсасал на корабль и обо всем рассказал братьям, которые, не медля, схватились за мечи и решили сражаться с воинством Айоруадха. Славно они бились. Много воинов полегло от их мечей, пока они не разделили братьев, так что Айухар и Айухарба оказались далеко от Брайана, и это грозило им бедой. Все же Брайану удалось приблизиться к королю Айоруадха, и они сошлись в жестоком поединке. Долго они не уступали друг другу, но потом Брайан одолел короля и притащил его к Эсасалу, которому сказал так:

— Вот твой зять, и, клянусь, мне было бы легче три раза убить его, чем тащить к тебе.

Король отдал сыновьям Туиреана щенка, и между ними воцарился мир. А потом Брайан и его братья распрощались с Эсасалом и его зятем и поплыли в своей ладье прочь.

Тем временем Луг Длиннорукий узнал, что сыновья Туиреана добыли то, что ему было нужно для битвы с фоморами, и он наложил на них заклятье друида, повелев им забыть об остальном. Неожиданно они почувствовали неодолимое желание возвратиться в Ирландию и, забыв обо всем на свете, поспешили домой.

Луг как раз был на лугу перед Тарой вместе с королем Ирландии, когда ему пришла весть, что братья в Бруг-на-Бойнн. Не медля, вернулся он в Тару, закрыл за собой ворота, надел доспехи Мананнана и плащ дочерей Флидиса и взял в руки меч.

Сыновья Туиреана приблизились к королю, который ласково поздоровался с ними, а следом за ним и все сиды поздоровались с ними. Король спросил, добыли ли они то, что требовал от них Луг.

— Добыли, — ответили братья. — А где Луг?

— Только что был здесь, — отозвался король.

Луга стали повсюду искать, но его и след простыл.

— Знаю я, где он, — сказал тогда Брайан. — Наверное, дошла до него весть о нашем возвращении в Ирландию, и он убежал в Тару подалее от нашей смертоносной добычи.

Король послал к Лугу гонцов, и Луг ответил, что не придет, пока братья не отдадут все королю.

Сыновья Туиреана повиновались, и, когда король Ирландии принял от них все добытое ими добром и силой, они пошли во дворец в Таре.

Луг встретил их на лужайке и сказал так:

— Вы принесли самую хорошую плату, какую когда-либо платили за убитого воина или еще заплатят. Но это не вся плата. Где вертел? Да и на горе вы не кричали.

Когда сыновья Туиреана услышали это, одолела их слабость, и они отправились к своему отцу, чтобы пожаловаться на несправедливость Луга и испросить совета.

Потемнел лицом Туиреан.

Наутро братья пошли к ладье, и с ними пошла их сестра Этне, которая плакала и причитала всю дорогу:

— *Горе мне, жизнь моя Брайан, что не в Тару ты держишь путь после всего того, что ты совершил, хоть и не было меня рядом с тобой.*

О Лосось из глухого Бойнна, о Лосось из Реки Жизни, коли не могу я удержать тебя здесь, то придется мне проститься с тобой.

О Всадник на Волне Туайдха, нет доблестнее тебя никого в битве. Если ты возвратишься ко мне, то не будет радости у твоего врага.

Неужели не жаль тебе сыновей Туиреана, которые стоят теперь, опершись на зеленые щиты? Горе мне, что покидают они Ирландию. Горе мне!

Ты пробудешь в Бейнн Эдайре, пока не услышишь тяжелые шаги утра, ты, который принимал дары от храбрых мужей. Из-за тебя горе мое еще нестерпимее.

Горе мне оттого, что покидают мои братья Тару, милую равнину, великую Уиснех Миде. Горе мне!

Едва она умолкла, как братья вышли в море и четверть года боролись с валами, не видя нигде суши.

Потом Брайан снял доспехи и прыгнул в волны. Долго бродил он в поисках Острова Светловолосых Жен, пока в конце концов не отыскал его. Там он сразу отправился во дворец и увидел много жен, занятых шитьем. Среди прочих вещей, которые были при них, он заметил вертел.

Брайан схватил его и бросился к двери, однако услышал за спиной веселый смех и остановился.

— Храбрый воин, будь даже с тобой твои братья, трижды пятьдесят жен легко справились бы с вами тремя. Но если тебе так уж невмочь, забирай вертел из вертелов. Не зря же ты старался!

Брайан поблагодарил добрых жен и, распрощавшись с ними, отправился на поиски ладьи. Братья, решив, что его слишком долго нет, уже

собирались плыть дальше, а тут он возвратился и укрепил их в решимости до конца исполнить свой долг.

Сыновья Туиреана отправились на поиски горы Миохаойна. Долго ли, коротко ли, в конце концов они отыскивали эту гору, но навстречу им вышел стороживший ее воин. Едва Брайан увидел его, как вызвал на бой, и они были похожи на двух могучих львов, не желавших уступать друг другу, пока Миохаойн не упал замертво.

После гибели Миохаойна три его сына вышли сразиться с сыновьями Туиреана. Если бы кто с востока земли решил прийти посмотреть на сражения, то смотреть ему надо было бы на битву этих героев, столь тяжелы были их удары и столь мудры были их решения. Сыновей Миохаойна звали Корк, Конн и Аэд, и тремя копьями они пронзили сыновей Туиреана, но не остановили их. Сыновья Туиреана тоже пронзили их своими копьями, и их удары были смертельными.

Тогда Брайан спросил:

— Братья, куда мы теперь?

— Мы умираем, — ответили ему братья.

— Поднимайтесь, потому что мы еще должны трижды крикнуть.

— Нет.

Тогда Брайан поднялся сам и помог встать своим братьям, и, хотя у них из ран ручьями текла кровь, они громко закричали, как требовал Луг Длиннорукий.

Потом Брайан помог братьям дойти до ладьи, и они долго плыли по морю, пока он не сказал:

— Я вижу Бейнн Эдайр, и крепость нашего отца, и Тару королей.

— Мы бы не умерли от ран, если бы тоже увидели это, — посетовали его братья. — Брат, если ты любишь нас, подними нам головы и положи их себе на грудь, чтобы мы поглядели на родную Ирландию. А потом и умереть не страшно. О Брайан Огненная Доблесть, не знаешь ты, что такое предательство, и лучше бы нам умереть, чем видеть раны на твоём теле. Нет здесь лекаря, который пособил бы тебе.

Они пристали к берегу в Бейнн Эдайр и оттуда сразу направились к дому своего отца.

— Поезжай, — попросил Брайан отца, — в Тару и отдай этот вертел Лугу, а еще попроси у него шкуру, которая исцеляет любые раны. Ради нашей дружбы пусть он даст нам шкуру, потому что в наших жилах течет одна кровь, и пусть он не отвечает нам злом на зло. О, милый отец, торопись, или мы не дождемся тебя.

Туиреан помчался в Тару, отыскал Луга Длиннорукого, отдал ему вертел и попросил шкуру, однако Луг отказал ему.

Туиреан возвратился домой ни с чем. И тогда Брайан попросил:
— Отвези меня к Лугу.

Отец так и сделал. Брайан попросил у Луга шкуру для себя и своих братьев, но Луг отказал ему, заявив, что не даст ему шкуру даже за все богатства земли, мол, сыновья Туиреана должны умереть, ибо велико зло, которое они совершили.

Брайан выслушал его и вернулся к братьям. Он лег между ними, и они в одночасье испустили дух.

Туиреан так сильно сокрушался по своим могучим и прекрасным сыновьям, ни один из которых не уступал ни в чем королю Ирландии, что силы оставили его и он тоже умер.

И отца, и сыновей похоронили в одной могиле.

3. Великая битва в Маг Туиред

Вскоре после того, как сыновья Туиреана добыли для Луга сокровища со всей земли, в Скене высадились фоморы.

На сей раз в Ирландию явилось все фоморово воинство во главе с Балором, и Бресом, и Индексом, сыном Де Домнанна, короля фоморов, и Элатом, сыном Лобаса, и Голлом, и Ирголлоом, и Октрайаллахом, сыном Индеха, и Элатом, сыном Делбайта.

Луг послал Дагду следить за фоморами и задерживать их сколько возможно, а сам стал собирать воинов Ирландии на битву.

Дагда явился к фоморам и попросил их немного подождать. Фоморы согласились. А чтобы посмеяться над Дагдой, они сварили суп, потому что он очень любил есть суп. Королевский котел залили четырежды двадцатью галлонами парного молока, потом бросили в него козлов, овец и свиней и, когда варево было готово, вылили его в огромную яму. Они позвали Дагду и сказали, что он должен все это съесть, потому что иначе они обидятся на ирландцев за негостеприимство, как это прежде случилось с Бресом.

— Мы убьем тебя, если ты оставишь хоть каплю, — пообещал Индекс, сын Де Домнанна.

Дагде ничего не оставалось, как соорудить черпак, в который помещалось сразу полсвиньи, и приняться за дело.

— Неплохой у вас суп, да и мясо сварено, как надо, — сказал он.

Он стал отправлять в рот один черпак за другим, пока не съел весь суп, а когда нечего стало черпать, рукой соскреб со стен, что на них налипло.

После такой еды Дагду одолел сон, а столпившиеся вокруг него фоморы смеялись над ним, потому что живот у него раздулся и стал не меньше, чем обеденный чан в большом доме. Однако прошло немного времени, и великан Дагда, как ни в чем не бывало, отправился восвояси. Одет, правда, он был неприглядно. Впереди рубаша была длинная, а сзади короткая, на ногах башмаки из лошадиной шкуры мехом наружу и в руке — вила, на которую он мог насадить восемь человек. И следы он оставлял такие глубокие, что они вполне могли сойти за границу между королевствами. По дороге повстречалась ему Морриган, Ворона Сражений, которая мыла перья в реке Униусе в Коннахте. Одной лапкой она стояла на Улад Эхне, на южном берегу, а другой на Лоскуинне, на северном берегу, и волосы свисали с нее восемью незаплетенными прядями. Она сказала Дагде, что принесет мужам Ирландии кровь сердца Индеха, сына Де Домнанна, угрожавшего Дагде.

Пока Дагда был у фоморов, Луг созвал друидов, кузнецов, врачей и возниц со всей Ирландии, чтобы всем вместе решить, как действовать во время битвы.

Первого он спросил Матгена, чем он может помочь воинам.

— Вот чем, — ответил Матген. — Я могу обрушить на фоморов все горы Ирландии. Двенадцать самых высоких гор Ирландии послужат тебе: Слив Леаг и Денда Улад, Беннай Бойрхе и Брай Рурай, Слив Бладма и Слив Снехте, Слив Мис и Блай-Слив, Немтани и Слив Маку Белгодон, Сегойс и Круахан Айгле.

Потом Луг спросил виночерпиев, чем они могут помочь воинам.

— Сначала мы напустим на фоморов жажду, — ответили они, — а потом принесем им двенадцать самых больших озер Ирландии, и хотя они будут умирать от жажды, им не напиться из наших озер. Я назову тебе их. Дерг-Лох, Лох-Луимн, Лох-Орбсен, Лох-Ри, Лох-Мескде, Лох-Куан, Лох-Лаэг, Лох-Эках, Лох-Фебайл, Лох-Дехет, Лох-Риах, Мор-Лох. А потом мы пойдем на берега двенадцати рек Ирландии и спрячем их от фоморов. Все спрячем. И Буас, и Бойнн, и Банна, и Нем, и Лаи, и Синан, и Муайд, и Клайгех, и Самайр, и Фионн, и Руиртех, и Сайуайр. Фоморы ни за что их не найдут и не напьются из них. А мужи Ирландии смогут утолять из них жажду, даже если битва продлится семь лет.

Луг спросил и друида Фигала, сына Мамоса, чем он поможет войнам.

И он ответил:

— Вот чем. Тремя языками пламени я опалю лица фоморов, и две трети доблести и храбрости отниму у них, слабыми станут сами фоморы, и слабыми станут их кони. Зато мужи Ирландии с каждым вдохом будут набираться сил, и, будь они в битве даже семь лет, не почувствуют усталости.

Луг спросил колдуний Бехуилле и Дайан:

— А вы чем поможете войнам?

— Вот чем. И деревья, и камни, и сама земля станут войнами против фоморов и такой ужас наведут на них, что не смогут они победить.

Луг спросил Карпре, сына Этайн, чем он поможет войнам.

— Вот чем. На рассвете я прочитаю поносные стихи на северном ветру, и стоять я буду на горе, упервшись спиной в терн и взяв в руки камень и ветку терна, и от моих поносных стихов такой стыд овладеет фоморами, что не в силах они будут выстоять против воинов Ирландии.

Потом Луг спросил Гойбни Кузнеца, чем он поможет войнам.

— Вот чем. Пусть воины Ирландии сражаются даже семь лет, сколько бы ни ломались у них мечи или копья, вместо каждого сломанного у них тотчас будет новый. И ни один меч, и ни одно копье, выкованные моими руками, не будут хуже прежних. И ни один фомор, раненный ими, не оправится от ран. Не сможет сделать такого кузнец фоморов Долб, сколько бы он ни старался.

— А ты, Кредне? — спросил Луг медника. — Чем ты поможешь войнам?

— Вот чем, — ответил Кредне. — Сколько бы ни потребовалось заклепок для копий, и рукоятей для мечей, и ободов для щитов, ни в чем не будет у них недостатка.

— А ты, Лухта? — спросил Луг плотника. — Чем ты поможешь войнам?

— Я дам им сколько нужно щитов и древков для копий.

И лекаря Дайансехта спросил Луг, чем он может помочь войнам.

— Сколько бы ни было раненых, если только не снесут им голов и не выпустят им мозги, все они будут живы и здоровы к следующему утру.

И Дагда сказал:

— Сколько бы ни хвалились вы своим великим умением, я один сделаю все то, что вы обещаете.

— Тогда ты добрый бог! — вскричали со смехом все, кто отвечал на вопросы Луга.

А Луг заговорил с воинами и вселил в каждого столько сил, что все они ощутили себя королями или великими героями.

Отсрочка тем временем подошла к концу, и фоморы с ирландцами сошлись лицом к лицу на равнине Маг Туиред. Однако это не та Маг Туиред, где они сражались в первый раз, а другая, которая расположена севернее, возле Эас Дара.

Два воинства грозно стояли друг против друга.

— Не откажешь в смелости мужам Ирландии, если они пришли сражаться с нами, — сказал Брес сыну Де Домнанна.

— Клянусь, — заявил тогда Индекс, сын Де Домнанна, — на мелкие кусочки разрублю я их кости, если они не покорятся нам и не заплатят дань.

Сиды же постановили не пускать в битву Луга, потому что его смерть была бы для них невозполнимой утратой, и они приставили к нему семь воинов стеречь его.

В первый день ни один из королей не вступил в сражение. Бились не на жизнь, а на смерть только простые воины, гордые оказанной им честью.

Вечером воины расходились, а наутро вновь сходились в жестоких поединках, и так продолжалось много дней. Одного не могли понять фоморы, почему их поломанные мечи, брошенные на поле битвы, так и лежали там и их раненые умирали, не дождавшись рассвета, а у детей богини Дану все было по-другому. И мечи не валялись, и раненые шли утром сражаться как ни в чем не бывало.

А дело было вот в чем. К западу от Маг Туиред и к востоку от Лох-Арбах колдовали над родником Дайансехт и его сын Октруил и его дочь Айрмед. Всех, кого ранили днем, приносили сюда и опускали в воду как мертвых, а из воды они выходили сами на своих ногах, да и сил у них становилось не в пример больше.

С мечами же и копьями управлялись Гойбниу Кузнец да Лухта Плотник, которые умели работать быстрее всех на свете. Кредне Медник не отставал от них, и к утру все поломанные мечи, копья и щиты опять делались как новые.

Фоморы решили послать одного из своих юношей, чтобы он разузнал, как сиды умудряются столь быстро чинить свое оружие и исцелять своих раненых. Выбор пал на Руадана, сына Бреса и Бригит, дочери

Дагды, потому что он был сыном и внуком сидов. Руадан ловко справился с тем, что ему было приказано сделать, и возвратился к фоморам.

Выслушав его, фоморы решили, что больше всех вредит им Гойбниу Кузнец, и они послали Руадана убить его.

Руадан пришел к Гойбниу и попросил у него наконечник для копья. Потом он попросил у Кредне заклепки и древко у плотника. И все получил. А еще там была Крон, мать Фианлуга, точившая копья.

Руадан взял в руки копье и бросил его в Гойбниу. Он не промахнулся, но Гойбниу вытащил копье и метнул его обратно в Руадана, который тотчас упал замертво. И Брес, и все фоморово воинство видело, как он был сражен и умер. А потом пришла Бригит и оплакала своего сына.

Гойбниу же вошел в родник и вышел из него живым и здоровым. Однако Октрайаллах, сын Индеха, призвал к себе всех фоморов и приказал каждому взять по камню и бросить его в родник. После этого родник пересох, а над ним выросла гора, которую называли Горой Октрайаллаха.

Пока Гойбниу ковал наконечники для копий, дурные слухи дошли до него о его жене. Тяжело стало у него на сердце от ревности, а так как в ту минуту держал он в руках древко копья, то запел заклинания и, кого бы потом ни поражало копье, вспыхивал тот ярким пламенем и сгорал в мгновение ока.

Наконец настал день великой битвы. Фоморы покинули свой лагерь и стали тесными рядами. Не было среди них ни вождя, ни простого воина, который не прикрыл бы тело кольчугой, не надел бы на голову шлем, не взял в правую руку тяжелое копье, не повесил на пояс меч, а на плечо — щит. И идти против них в тот день было все равно что биться головой о стену или нападать на огонь.

Но сиды поднялись и, оставив Луга и девять воинов, стороживших его, вступили в бой. Мидир был с ними, и Бодб Деарг, и Дайансехт. Бадб, Маха и Морриган кричали, что идут с ними.

Трудный был бой. Поначалу тяжело доставалось сидам. Нуада Среброрукий, король Ирландии, и Маха, дочь Эрмас, пали, убитые Балором, королем фоморов. Октрайаллах убил Кассмайла, и Кейтленн тяжело ранила копьем Дагду.

Но потом Луг убежал от стороживших его сидов и встал во главе воинства, зовя мужей Ирландии до конца защищать родную землю, чтобы никогда больше не быть им рабами чужеземцев. Он запел песню мужества, и сиды с громкими криками вновь бросились в битву.

Много полегло в тот день храбрых воинов, много мужей ушло в стойло смерти. Честь и позор шагали там рука об руку, твердость духа и кровавая ярость. И белая кожа юных воинов была в красной крови. Копья с грохотом бились в щиты, мечи полыхали огнем, кричали воины. Многие скользили в крови и падали под ноги сражавшимся, ударяясь головами о головы убитых, и река уносила тела врагов и друзей без разбору.

Луг и Балор сошлись в бою. От поношений Луга ярость охватила Балора, и он приказал своим воинам:

— Поднимайте мне веко, пока не увижу я того, кто смеет поносить меня.

Воины исполнили его приказание, но Луг метнул в него свое красное копьё и попал ему в глаз, так что оказался он на затылке и поразил трижды девять фоморов. Если бы Луг не выбил Балору глаз, он бы в одно мгновение сжег всю Ирландию. А потом Луг отрубил Балору голову.

Индекс, сын Де Домнанна, упал, и его затоптали до смерти. Кровь пошла у него горлом, и он призвал к себе своего барда Леата Гласа, но бард не в силах был исцелить смертельно раненного героя.

Потом явилась на поле боя Морриган, и сиды с новыми силами бросились на врагов. Как она обещала, она принесла Дагде кровь Индекса.

После этого сиды с легкостью отогнали фоморов к берегу моря. Луг и его воины преследовали их, пока Луг не встал лицом к лицу с Бресом, сыном Элата, и не было рядом с ним защищавших его воинов.

Брес сказал так:

— Лучше тебе пощадить меня, потому что если ты не убьешь меня теперь, коровы Ирландии никогда не перестанут давать молоко.

— Мне надо испросить совета у мудрецов Ирландии, — ответил ему Луг.

Луг повторил слова Бреса, сына Элата, Маэлтайну Мор-Бретаху Справедливому-В-Суждениях, и он сказал так:

— Не щади его ради этого, потому что нет у него власти над их потомством, хотя есть у него власть над нынешним стадом.

— Если ты пощадишь меня, — во второй раз взмолился Брес, — мужи Ирландии будут собирать урожай четыре раза в году.

Но Маэлтайн сказал так:

— Весна для вспашки и посева, начало лета — для вызревания зерен, начало осени для уборки урожая, а зима — чтобы есть его.

— И это тебя не спасет, — сказал Луг, возвратившись к Бресу.

Но все же ему не хотелось убивать доблестного мужа, поэтому он спросил:

— Когда ирландцам лучше всего пахать, сеять и убирать урожай?

— Пусть они пашут во вторник и сеют во вторник, и урожай снимают тоже во вторник, — ответил Брес.

Луг поблагодарил его и отпустил на все четыре стороны.

Во время этой битвы Огма нашел Орну, меч Тетры, короля фоморов, вытащил его из ножен и почистил его. И тогда меч рассказал ему обо всем, что было им совершено, потому что в старину мечи и это умели.

Луг, Дагда и Огма преследовали фоморов, потому что они украли у Дагды арфу, которую звали Уайтне. Когда они примчались в дом пиров, то увидели там Бреса и его отца Элата, а на стене в зале висела арфа, которой Дагда запретил петь, пока он сам не снимет свой запрет. Иногда ее называли еще Дур-да-Бла, что значит «дуб двух цветений», а иногда Койр-кетар-куин, что значит «четырёхсторонняя музыка».

Едва Дагда отыскал глазами свою арфу, как он сказал:

— Приходи, лето, приходи, зима, устами арф, молочными сосками и бочками вина.

Арфа тотчас спрыгнула со стены и метнулась к Дагде, убив по дороге девять человек.

И Дагда сыграл на ней трижды: мелодию сна, мелодию плача и мелодию смеха. Когда он играл мелодию плача, жены плакали, не в силах сдержать слезы, а когда играл мелодию смеха, все жены и дети смеялись, а когда он заиграл мелодию сна, все заснули, и три мужа живыми и невредимыми выбрались из стана фоморов. И тогда Дагда позвал телку, которую получил в плату от Бреса за строительство крепости. Она позвала своего теленка, и на ее зов все ирландское стадо, которое фоморы увели как дань, вернулось на свои луга.

Се, друид Нуады Среброрукого, был ранен в битве и пошел на юг и шел до тех пор, пока не оказался в Карн Коррслебе. Там он присел отдохнуть, измученный ранами, страхом и долгой дорогой, и увидел вдалеке прекрасный луг со множеством цветов, и ему во что бы то ни стало захотелось дойти до него. Он собрал последние силы и побрел к нему, а когда ступил на него, то упал и умер. Там его похоронили, а потом разлилось озеро и затопило весь луг, и теперь это озеро называют Лох-Се.

Из всего воинства фоморов остались в Ирландии всего четыре мужа, которые бродили по стране и портили зерно, и молоко, и дары садов

и моря, пока в ночь Самайн их не прогнали с ирландской земли Морриган и Энгус Ог. С тех пор фоморам строго-настрого запрещено ступить на ирландский берег.

Когда сражение закончилось и тела погибших воинов были похоронены, Морриган и горам и рекам поведала о великой победе:

— Мир везде от земли до неба, мир от неба до земли, мир на поднебесной земле! Пусть вечно живут победившие в битве!

Никто не знал, сколько полегло мужей, потому что нельзя сосчитать звезды на небе, снежинки в снегопаде, росинки на траве, или траву под ногами скота, или коней сына Лира в штормовом море.

Луг стал королем над всеми сидами, и свой главный дом он построил в Насе.

Пока он был королем, его приемная мать Таилте, дочь Маг Мор, умерла. А перед смертью она наказала своему мужу Дуаху Черному, который построил Дом Заложников в Таре, расчистить лес Куан, чтобы на ее могилу могли приходиться все, кто пожелает. Дуах позвал мужей Ирландии корчевать лес и подлесок, и через месяц от леса не осталось и следа.

Луг похоронил Таилте на равнине Мидхе и насыпал над могилой каменный холм, который сохранился и поныне. Он приказал жечь огни и оплакивать свою приемную мать, а еще постановил каждое лето устраивать в память о ней празднества со всякими играми. И это место он назвал ее именем — Таилтен.

А родная мать Луга, прекрасная высокая Этне, после битвы на Маг Туиред приехала в Тару, и он отдал ее в жены Тадгу, сыну Нуады, которому она родила Муирне, мать Финна, и Туирен, мать Брана.

4. Тайный дом Луга

Долго правил Луг, а потом королем Ирландии выбрали Дагду.

Луг покинул Ирландию, и говорили, будто он умер в Уснехе, где сходятся пять ирландских королевств и где в первый раз ирландцы зажгли огонь. Миде, сын Брата, сделал это для сыновей Немеда. Он горел шесть лет, и в каждом очаге Ирландии — искра того огня.

Однако Луга видели в Ирландии в то время, когда родился Кухулин и когда Конхобар и воины Алой Ветви преследовали белых птиц до реки Бойнн. Еще он возвращался и три дня сторожил сон Кухулина во время войны из-за быка из Куальнге.

В третий раз его видел Конн Ста Сражений, и вот, как это было.

Когда Конн жил в Таре, он на рассвете ходил в Королевскую Рат и с ним три его друида — Маол, Блок и Буис и три барда — Этайн, Корб и Кесарн. Каждый день он поднимался на гору оглядеть со всех сторон Ирландию, чтобы ни один сид не явился в нее незамеченным. В тот день он стоял на камне, который возьми и заскрежещи так, что его слышали не только в Таре, но и в Брегии.

Конн спросил своего главного друида, что это с камнем и почему он скрежещет или кричит так, что его слышно чуть ли не во всей Ирландии. Друид попросил пятьдесят три дня отсрочки, а через пятьдесят три дня Конн вновь задал ему свой вопрос, и друид сказал так.

— Этот камень называют Лиа Фаил. Его принесли из Фалиаса, и в Таре он останется навсегда. Но, пока живут в Таре короли, здесь должно быть место для празднеств с играми, и если в последний день празднества не придет сюда король, то тяжелый будет год для Ирландии. А когда скрежетал камень под твоими ногами, то сколько раз он скрежетал, столько еще будет королей из твоего народа в Ирландии. Только не спрашивай у меня их имена.

Пока они так разговаривали, тьма опустилась на землю и с нею пришел такой густой туман, что никто не знал, в какую сторону идти. Тем временем послышался приближающийся стук копыт.

— Горе нам, — вскричал Конн, — если нас увезут в чужую страну!

Всадник бросил три копыя, и второе было быстрее первого, а третье быстрее второго.

— Никто не смеет бросать копыя в Конна из Тары! — возмутились друиды.

Бросив три копыя, всадник подскочил поближе, почтительно поздоровался с Конном и пригласил быть гостем в его доме. Конн с друидами и бардами отправились в путь и — долго ли, коротко ли — оказались на прекрасном лугу, на котором возвышалась королевская гора, возле входа росло золотое дерево, а внутри горы был просторный дом с крышей из белой бронзы. Они вошли в дом и увидели всадника, который сидел на королевском возвышении, и в Таре не было мужа краше него.

Еще в доме была юная жена в золотом головном уборе. Рядом с ней стояла серебряная бутылка с золотыми ободами, и золотая чаша закрывала серебряное горлышко.

— Кому я должна подать вино? — спросила она.

— Конну Ста Сражений. Он победит в ста сражениях, прежде чем погибнет сам.

Потом он приказал ей налить эль сыну Конна, которого назвал Искусником Трех Криков. А потом назвал имена всех королей Ирландии, которые наследуют Конну Ста Сражений, и сказал, сколько каждому отмерено жизни.

Юная жена отдала Конну бутылку и чашу, а еще по ребру вола и борова. Двадцати четырех футов было ребро вола.

Хозяин дома сказал ирландцам, что юная жена — это вечная королевская династия Ирландии.

— А сам я, — проговорил он под конец, — Луг Длиннорукий, сын Этне.

Гаэлы

1. Высадка гаэлов

Никто не знает, сколько времени племена богини Дану жили в Ирландии, но похоже, что долго, однако в конце концов и им пришлось уйти.

К северу от Лейнстера в Инбер Скен в первый раз высадились на берегу Ирландии сыновья Гаэла Сверкающий Меч, очень слабые, как скажут потом о них, и высадились они, чтобы отомстить за Ита, своего соплеменника, который нашел в Ирландии смерть.

Вели их сыновья Майледа, и пришли они с юга, где их друиды сказали им поселиться, пока они не отправятся на западный остров.

— Если вы сами не завоюете его, — сказали друиды, — ваши дети сделают это.

Сиды заметили приближающиеся корабли и сотворили колдовство, окутав остров таким туманом, что сыновья Майледа растерялись, не видя ничего, кроме очертаний большой свиньи.

Не высадившись сразу, сыновья Майледа не ушли домой, а долго еще плыли вдоль берега, пока наконец не остановились в Инбер Скен в западном Мунстере.

Оттуда они добрались до Слиав Мис и там повстречали королеву сидов, окруженную множеством прекрасных жен, а также друидами и мудрецами.

Амергин, один из сыновей Майледа, заговорил с ней и спросил, как ее зовут. Она сказала, что зовут ее Банба, жена Мак Квилла, сына Ореха.

И гаэлы отправились дальше, пока не оказались в Слиав Эйблиу и не повстречали там другую королеву сидов с женами, друидами и мудрецами. Они и ее спросили, как ее зовут, и она ответила, что ее зовут Фотла, жена Мак Кехта, сына Плуга.

Они отправились дальше и, когда оказались возле горы Усних, увидели, что к ним идет еще одна жена. Они смотрели на нее и не верили своим глазам, потому что она была попеременно то большеглазой прекрасной королевой, то остроклювой бело-серой вороной. Она приблизилась к Эремону, одному из сыновей Майледа, и уселась напротив него, а когда он спросил, как ее зовут, ответила:

— Я — Эриу, жена Мак Грейне, сына Солнца.

Именами этих трех королев часто потом называли Ирландию.

Сыновья Гаэла отправились дальше в Тару. Там три сына Кермайта Медовые Уста, сына Дагды, унаследовавшие королевскую власть, никак не могли поделить между собой доставшиеся от отца сокровища, и многие думали, что рано или поздно это кончится сражением.

Сыновья Гаэла подивились их спору о сокровищах, когда в их власти был такой богатый остров, где солнце не было слишком жарким, и мороз не был слишком жестоким, и вдоволь было меда, и молока, и рыбы, и мяса, и места хватало всем.

В роскоши жили сыновья Кермайта во дворце в Таре, окруженные друидами.

Амергин пошел к ним и сказал, что они должны отдать королевскую власть по доброй воле или сражаться за нее на поле битвы. И еще он сказал, что требует этого в отпущение за смерть Ита, соплеменника гаэлов, который пришел в Ирландию с открытым сердцем и был предельски убит.

Услышав это, растерялись сыновья Кермайта Медовые Уста, потому что совсем не были готовы к войне, но все же сказали они так:

— Это нечестно, и если ты будешь стоять на своем, наши друиды колдовством погубят и тебя и всех, кто явился с тобой.

Амергин тотчас приказал всем возвращаться в Инбер Скен, быстро садиться на корабли и по меньшей мере на девять волн уходить в море. А сыновьям Кермайта он сказал так:

— Если можете, не пускайте нас на берег, и тогда мы уйдем и больше не вернемся. Но если сыновья Гаэла все же высадутся, несмотря ни на какое колдовство, тогда сиды отказываются от королевства.

Сидам понравились его речи, потому что они были уверены в своей власти над ветром и морем.

Сыновья Гаэла сделали, как велел Амергин. Они вернулись на корабли, подняли якоря и ушли за девять волн от берега. Едва сиды убедились, что пришельцы покинули их земли, они принялись колдовать, и поднялся ужасный ветер, который расшвырял корабли гаэлов в разные стороны. Однако Амергин знал, что это не настоящая буря. И Эрранан, сын Майледа, знал это, поэтому он взобрался на мачту, желая поглядеть на море вдали, но налетел ветер и скинул его вниз. Эрранан упал и тотчас умер. Гаэлы совсем растерялись, потому что корабли швыряло туда и сюда и они едва не тонули.

По воле волн далеко от остальных кораблей оказался корабль, которым командовал Донн, сын Майледа, и его разнесло на щепки. Вместе с ним погибли и Донн и все его воины, двадцать и четыре мужа и жены.

Ир, сын Майледа, тоже нашел там свою смерть, но его тело море выбросило на берег, и гаэлы похоронили его на острове, который теперь называется Скейлг Михилл. Храбрым воином был Ир, который всегда шел впереди всех в битву, помощником и защитником своим друзьям, одним своим именем наводившим ужас на врагов.

Керемон, еще один сын Майледа, чьи корабли отнесло к берегу, наперекор волнам добрался до него живым в том месте, которое называется Инбер Колпта в память о Колпте Быстром Мече, еще одном сыне Майледа, утонувшем в том месте.

Пять сыновей Майледа погибли от колдовства сидов, и остались в живых всего трое — Кебер, Керемон и Амергин.

Донн утонул, но прежде чем утонуть, он крикнул:

— Предали нас наши друиды! Почему не угомонят они ветер?

— Никто нас не предал, — сказал Амергин, его брат.

Он встал на палубе и принялся колдовать над волнами и ветром, говоря так:

— Пусть те, кто щедро кормит море, доберутся до берега.

Пусть они найдут себе место на его равнинах и в его горах, в его лесах, где много орехов и ягод, возле его рек и озер.

Пусть поселятся там и посадят своего короля в Таре и пусть будут там наши короли отныне и на долгие лета.

Пусть сыновья Майледа живут на этой земле и их корабли и лодки найдут приют рядом.

В темноте прозябает земля, что перед нами. Так пусть наши вожди и мудрые жены придут к великой жене Эриу.

Едва он сказал так, ветер стих и волны угомонились.

Оставшиеся в живых сыновья Майледа со своими воинами высадились на берег в Инбер Скен.

Амергин первый ступил на землю Ирландии, и когда он ступил на землю Ирландии, он сказал так:

Я — ветер морской,
 Я — волна морская,
 Я — бык семи сражений,
 Я — орел поднебесный,
 Я — солнечный свет,
 Я — прекрасный цветок,
 Я — лесной вепрь,
 Я — лосось речной,
 Я — озеро на равнине,
 Я — могучее слово,
 Я — наконечник копья в бою,
 Я — бог, разжигающий огонь в голове.
 Кто посылает свет на горы?
 Кто сосчитал годы луны?
 Кто знает, где отдыхает солнце?

2. Битва в Тальтиу

После того как гаэлы сошли на берег, три дня они бились с Эриу, женой Мак Грейне, сына Солнца, и ее воинами. Много воинов полегло с обеих сторон, и это была первая битва между сынами Гаэла и племенем богини Дану за владычество в Ирландии.

В этой битве нашла свою смерть Фас, жена Уна, и в память о ней долина, в которой она погребена, названа ее именем — Долина Фас.

И Скота, жена Майледа, нашла свою смерть в этой битве, и ее погребли у северного подножия горы возле моря.

Однако сыновья Гаэла потеряли не больше трех сотен воинов, и они потеснили сыновей Дану, положив тысячу из них.

Эриу пришлось вернуться в Тальтиу, чтобы набраться сил, и, вернувшись, она рассказала своим подданным, как ей не повезло в сражении и как потеряла она убитыми лучших своих воинов.

Гаэлы не стали ее преследовать. Они похоронили своих убитых и с многими почестями предали земле тела друидов Айре и Этиса, которые тоже нашли свою смерть в сражении.

Отдохнув немного, они отправились в Инбер Колпта, что в Лейнстере, и Керемон со своими воинами тоже пришел туда.

Гаэлы послали гонцов к трем королям Ирландии и с ними вызов на битву, которая должна решить, кто будет владеть островом.

Короли, призвав к себе самых доблестных героев, явились в Тальтиу, и там сошлись лицом к лицу два воинства. Сыновья Гаэла вспомнили о гибели Ира и, охваченные яростью, так набросились на сидов, что, сколько те ни сопротивлялись, одолели их и прогнали из Тальтиу. Все три короля были убиты в сражении. Убиты были и три королевы Ирландии — Эриу, Фотла и Банба.

Сиды, увидев, что нет больше с ними ни королей, ни королев, побежали с поля боя, и гаэлы долго их преследовали, потеряв в это время Куальнге, сына Бреагана, в Слив Куальнге и Фуада, его брата, в Слив Фуаде. Но это их не остановило. Они гнали и убивали сидов, пока те не признали себя побежденными и не отдали гаэлам Ирландию.

Сыновья Майледа поделили ее между собой. Кебер взял себе Мунстер, часть которого отдал Амергину. Керемон взял Лейнстер и Коннахт. Улад был поделен между Эмхиром, сыном Ира, и еще несколькими вождями. Сыновья Эмхира, которых еще звали Детьми Рудрайге, стали прародителями великих героев Ирландии, которые жили в Эмайн Маха девять сотен лет, и среди них были Фергус, сын Ройга, и Конал Кearnах — воины Алой Ветви Улада.

Потомком сыновей Ита, первого гаэла, принявшего смерть в Ирландии, был Фиатах Канан, который завоевал всю землю от того места, где солнце восходит, и до того места, где оно заходит, и завладел многими реками, птицами и наречиями.

Барды Ирландии пели, что, если доблестный муж храбр в сражении и немногословен в похвальбе, в его жилах течет кровь гаэлов, а если

муж искусен в музыке и тайном колдовстве, то в его жилах течет кровь сидов. Поносили они фирболгов и мужей Домнанда и Гайлеойна за несдержанность на язык, ложь и беззакония. Но и среди них были добрые воины. Один из них — Фердиад, который насмерть стоял против Кухулина в битве за быка из Куальнге. И мужи Гайлеойна храбро бились в том сражении. Все же ирландцы их недолюбливали, поэтому друиды в конце концов изгнали их из Ирландии.

Бессмертные

1. Бодб Деарг

После того как сыновья Майледа разбили сидов, те, не дожидаясь насильственного изгнания, по доброй воле покинули насиженные места, а так как Мананнан, сын Лира, был искусен во всяком колдовстве, то они потребовали, чтобы он отыскал для них безопасные убежища, где можно было бы спокойно жить и не опасаться врагов. И он нашел для них в Ирландии прекрасные долины, после чего поставил кругом невидимые стены, которые для простого смертного были недоступны, а для сидов были словно открытые двери.

Он задал им пир бессмертия, на котором они пили эль Гойбниу Кузнеца, защищавший от старости, болезней и ран, и ели его свинью, которая, сколько ее ни ешь, все равно наутро оказывалась живая в ожидании следующего пира.

Много ли, мало ли прошло времени, наконец сиды решили так:

— Будет лучше, если мы выберем себе короля и он объединит нас всех.

Королем же в то время могли быть и Бодб Деарг, сын Дагды, и Илбрех из Эас Руадха, и Лир из Сид Фуада, Горы Белого Поля, что в Слав Фуад, и Мидир Гордый из Брай Лейта, и Энгус Ог, сын Дагды, который не домогался королевского звания.

Все вожди, кроме этих, собрались на совет и решили выбрать королем Бодба Деарга из-за его отца и из-за него самого, а еще потому, что он был старшим из сыновей Дагды.

В Сид Фемене у Бодба Деарга был дом, накрепко им заколдованный. Однажды Клиах, арфист короля Трех Росс в Коннахте, пришел к нему просить в жены одну из его дочерей, так он простоял снаружи

целый год, играя на арфе, не умея подойти близко к Бодбу или его дочери. Он играл на арфе, пока под его ногами не вышло из-под камней озеро Лох-Бел-Сеад, а было это на вершине горы.

Стадо свиней Бодба пошло на пир Да Деарги, и его визжащая свинья была с ним в ночь, когда Конайр, верховный король Ирландии, нашел свою смерть. Говорят, если идет на пир это стадо, то жди беды.

У Бодба были три сына — Энгус, Эртах и Аэд, и они обыкновенно жили среди людей во времена фениев. У Эртаха был дом с семью дверями, и он гостеприимно встречал всех, кто бы ни приходил к нему. Сыновья королей Ирландии и Альбана приходили к Энгусу учиться метать копья и стрелы. Многие барды из Альбана и Ирландии жили при Аэде, потому что он был самым красивым из сыновей Бодба, а его дом называли Крепостью Аэда Барда. В самом деле, это была самая прекрасная крепость, в которой росли яблони с золотисто-желтыми яблоками и полыхавшие огнем орехи. Когда же миновали времена фениев, три брата возвратились к своим соплеменникам, детям богини Дану.

И Бодб Деарг не всегда жил в своем дворце, а часто проводил время у Энгуса в Бруг-на-Бойнн.

Эохайд, Фиак и Руайд, три сына Лугайда Менна, короля Ирландии, тоже однажды отправились туда, потому что их отец отказался дать им землю, пока они не покажут себя в сражении. Когда он это сказал, они трое встали как один и умчались прочь, остановившись только на зеленом лугу в Бруг-на-Бойнн, где принялись высматривать, нельзя ли чем поживиться у сидов.

Недолго они там сидели, как увидели, что без тени страха идет к ним красивый юноша. Он приблизился к ним и почтительно пожелал им доброго здоровья, и они ответили ему тем же.

— Откуда ты? — спросили они у юноши.

— Из вон той крепости, в которой горит много огней, — ответил он. — Я — Бодб Деарг, сын Дагды. Пойдемте со мной.

Они пошли следом за юношей, но когда им подали ужин, не притронулись к нему. Бодб Деарг спросил:

— Почему вы ничего не едите?

— Потому что наш отец не дал нам земли, — ответили братья. — У нас в Ирландии два племени — сыновья Гаэла и дети богини Дану, и если одно племя отказалось от нас, мы пришли к другому.

Сиды посоветались, а потом Мидир Желтые Волосы сказал так: — Мы дадим вам каждому по жене, а там посмотрим, что из этого выйдет.

Сыновья Лугайда Менна взяли в жены трех дочерей Мидира — Дойренн, Айфе и Айлбхе, а Мидир спросил у Бодба, какова будет их брачная доля.

— Я тебе скажу, — ответил ему Бодб. — Здесь нас королевских сыновей трижды пятьдесят, так пусть каждый даст трижды пятьдесят унций красного золота. А я еще дам трижды пятьдесят одежд разных цветов.

— И я сделаю им подарок, — сказал один из юношей-сидов с Рахлинна. — Я подарю им рог и бочку. Если они нальют в бочку чистой воды, то она превратится в ней в крепкую медовуху. И рог, если насыпать в него немного соли, тотчас наполнится вином.

— И я сделаю им подарок, — сказал Лир из Сид Фионнахайда. — Пусть берут трижды пятьдесят мечей и трижды пятьдесят длинных копий с острыми наконечниками.

— И я сделаю им подарок, — сказал Энгус Ог, сын Дагды. — Пусть берут себе в любом месте между Рат Хобтайг и Тарой крепость с городом и высокими стенами, в которой много просторных и солнечных домов.

— И я сделаю им подарок, — сказала Айне, дочь Модарна, — Пусть берут себе мою повариху. Она никому никогда не отказывает в еде, но чем больше народу она кормит, тем больше запасов в ее кладовых.

— И я сделаю им еще один подарок, — сказал Бодб Деарг. — Пусть забирают с собой моего музыканта Фертуинна, сына Трогайна. Как бы жена ни мучилась родами, как бы ни страдал воин от ран, стоит ему заиграть, и все спокойно засыпают под его музыку. Куда бы он ни пришел, люди собираются послушать его.

Сыновья Лугайда Менна пробыли в Бруг-на-Бойнн три дня и три ночи, а когда собрались уезжать, Энгус подарил им на прощание три яблони, одну в цвету, другую с облетевшими цветами, третью с поспевшими яблоками.

Они поехали в крепость, которую им подарил Энгус Ог, и крепость им понравилась. Там было много юношей, много лошадей и много борзых. Там играли на арфе и на лютне, там пел сын Трогайна; там тяжело топтали траву кони, там мычал скот и грохотали повозки; там визжали

жирные свиньи, шумели люди на луту и мужи шумели, бражничая в доме. Говорили, что Эохайд никогда не бежал в сражении и в его доме всегда звучала музыка и всегда рекой лился эль. О Фиахе говорили, что он был самым храбрым воином в свое время и никогда не болтал попусту. О Руайде говорили, что он никому ни в чем не отказывал и никого ни о чем не просил.

Когда они почувствовали, что жизнь их подходит к концу, они возвратились к сидам, потому что принадлежали к их племени через своих жен, и там закончили свои дни.

У Бодба Деарга была дочь Скатниам Прекрасный Цветок, которая во времена фениев отдала свою любовь Каойлте, однако их разлучили, и они встретились вновь лишь в старости, когда Каойлте был едва ли не последним живым фением. Она пришла к нему из пещеры в Круахане и потребовала невестину часть, которую он обещал ей, но за которой она не смогла прийти раньше. Каойлте отправился к каменной насыпи неподалеку, в которой было спрятано много золота, заработанного Конаном Маолом, и он отдал золото дочери Бодба Деарга. А люди дивились на юную деву и немощного старика.

— Нечему тут дивиться, — сказал Каойлте, — потому что я из смертных сынов Майледа, а она из сидов, которые никогда не стареют и не умирают.

2. Мананнан

Мананнан Гордый, сын Лира, покинул Ирландию, после того как поселил в безопасном месте детей богини Дану.

И прошел слух, что он погиб от меча Уйленна Фазбардерга и что сражались они будто в Маг Куйлени, а похоронили Мананнана стоящим во весь рост после того, как у него под ногами разверзлось озеро, которое называли Лох-Орбсен по одному из его имен. Возрадовался тогда красный Бадб, а многие жены опечалились.

Мананнан же не умер, просто он жил то тут, то там и даже частенько навещал Ирландию. Это он послал гонца к Этайн, матери верховного короля Конайра, когда она жила в забвении в коровнике. И это он привез детей Дейдрре в Яблочную Эмайн, как говорили, «дом мира — гора сидов в Эмайн». И это он научил фения Диармайда владеть мечом, и это он научил Кухулина владеть Каэ Булг, и это он, как говорят,

был отцом Дейдрре, и он привел Конхобара, короля Улада, туда, где она пряталась, в обличье оленя убегая от его собак.

Еще говорят, что когда Конхобар привез сыновей Уснеха в Эмайн Маху и не мог одолеть их, к Мананнану он отправился за помощью и советом. Мананнан же отказался помогать ему, потому что с самого начала говорил Конхобару, что из-за Дейдрре начнется междоусобица в его королевстве, а Конхобар не поверил ему и увез к себе Дейдрре. Все же Конхобар попросил его хотя бы на время ослепить сыновей Уснеха, чтобы не погибло все его воинство. И Мананнан нехотя согласился. Когда сыновья Уснеха вновь вышли померяться силой с воинством Улада, напала на них слепота и, ничего не видя кругом, они побили друг друга. Другие же говорят, что не Мананнан приложил руку к их гибели, а друид Катбад, который напустил на них морскую волну и извел их колдовством.

Еще говорят, что Куланом Кузнецом, который дал свое имя Кухулину, на самом деле был Мананнан, потому что у него было много обличий.

А Кулан, до того как объявиться в Уладе, жил на острове Фалга, в одном из владений Мананнана. Однажды, еще до того, как он стал королем, Конхобар пошел к друиду испросить у него совета, и друид сказал, чтобы он плыл на остров Фалга и просил Кулана Кузнеца, который живет там, выковать для него меч. Конхобар так и сделал, и Кулан обещал выковать для него меч, копье и щит.

Пока он работал, Конхобар оставался на острове, а однажды утром он пошел на берег моря и там увидел спящую морскую жену. Он связал ее, чтобы, проснувшись, она не могла убежать. И когда она проснулась, то стала молить его, чтобы он ее отпустил.

— Я — Тиабхал, — сказала она, — королева моря. Попроси Кулана, чтобы он выбил мое лицо и мое имя на щите. Едва враги увидят твой щит, ослабеют они, зато в тебе и твоих воинах сил прибавится.

Конхобар отпустил ее и повелел кузнецу сделать, как она наказала. А когда он возвратился в Ирландию, щит помогал ему одерживать победу за победой.

Он послал за Куланом и предложил ему выбрать для себя любое место на равнине Муиртемне. И был это Мананнан или не Мананнан, но он учил Кухулина, который жил у него после того, как убил его пса.

У Мананнана были добрые борзые, но однажды они взяли след борава, опустошавшего округу, и преследовали его до озера, а там он сам

набросился на них и ни одна не ушла от него живой, все были растерзаны насмерть или утонули. Боров же отправился на остров Мук Инис, что значит «остров свиней», а озеро стало называться Лох-Конн, что значит «озеро борзых».

Из-за Мананнана одна из трех великих волн, омывающих берега Ирландии, стала называться Туаг. Вот как это случилось.

Среди подопечных верховного короля Конайра воспитывалась в Таре и Туаг в окружении королевских дочерей, которые должны были опекать ее, пока не призовет ее к себе король. А тем временем Мананнан послал в Ирландию своего ученика Фер Фердиада в женском обличье, который явился в Тару, усыпил своей песней Туаг и унес ее в Инбер Глас. Там он уложил ее на берегу и стал искать лодку, чтобы добраться до Берега Бессмертных Жен, но тут накатила волна и утопила Туаг, и в ярости Мананнан убил Фер Фердиада.

А в другой раз три коровы Мананнана вышли из моря в Байле Кроин — рыжая, белая и черная. Постояв немного, словно в задумчивости, они пошли прочь от берега. Велико было изумление ирландцев, которые в то время не знали дорог, когда они увидели, как очищается от травы и утаптывается земля, перед тем как ступить на нее коровам. Около мили прошли коровы рядом, а потом белая направилась на северо-запад в Луимеах, рыжая — на юго-запад на побережье и вдоль моря, а черная — на северо-восток в Лис Мор, что в Портлиу, и каждая оставляла позади себя дорогу, которой и сегодня пользуются в Ирландии.

Говорят еще, что Мананнан пришел к Финну и его фениям в обличье Гиллы Декайра, что значит Злой Слуга, и перенес их в Подводную Страну. Как бы то ни было, он часто охотился вместе с фениями на Кнок Эйн и, бывало, приходил им на помощь.

3. Волна Клиодны

Как-то во времена фениев сын короля уладов Киабхан Кудрявый явился к Мананнану.

Киабхан был самым прекрасным юношей на земле и от остальных королевских сыновей отличался, как луна от звезд. Финн очень любил его, но остальным фениям он слишком досаждал, потому что ни одна жена и ни одна девица не могли перед ним устоять. Пришлось Финну отослать его подальше из страха перед ревностью фениев.

Так Киабхан оказался на Каменном Берегу, который теперь называется Берегом Сильного Мужа и находится между Дун Кобайр и морем. Там он увидел ладью и сел в нее. Юноши, которые пришли с ним, спросили его:

— Киабхан, ты хочешь покинуть Ирландию?

— Хочу, — ответил им Киабхан, — потому что в Ирландии нет у меня ни дома, ни защиты.

Он попросился со всеми и покинул опечаленную свиту, потому что расстаться с ним значило для них все равно что расстаться с жизнью.

Киабхан плыл по морю, а над его головой поднимались с грохотом белые волны, и каждая была с гору, да с боков высывались из воды великолепные лососи, которые не плавают там, где мелко. Испугался Киабхан и вскричал:

— Клянусь, будь я на земле, смог бы я защитить себя!

Так он плыл, пока не увидел приближающегося к нему на темно-сером коне всадника, который держал в руках золотую уздечку и то опускался в море на глубину девяти волн, то поднимался на десятой волне, не намочив платья.

Он спросил Киабхана:

— Чем отплатишь ты тому, кто тебя спасет?

— Отдам все, что у меня есть.

— Тогда придется тебе послужить тому, кто тебе поможет.

Киабхан согласился, и всадник взял его за руку, усадил на своего коня и поскакал к берегу, а ладья поплыла за ними следом. В конце концов они оказались на берегу Тир Тайрнгир, что значит «земля обетованная». Там они спешили и пошли к Лох-Лухра, что значит «озеро гномов», в город Мананнана, где в честь гостя был задан богатый пир, на котором красивые юноши дули в роги и перебирали струны арф, пока весь дом не наполнился музыкой.

А потом пришли шуты на высоких каблуках, тощие, рыжие, плешивые, которые творили всякие чудеса. Один из них брал девять прямых ивовых прутьев, подбрасывал их под самую крышу, а потом одной рукой ловил их, стоя на одной ноге. И все думали, будто чужеземцы не умеют делать ничего подобного, поэтому просили каждого гостя попробовать и смеялись его неудаче.

На том пиру Киабхан был прекраснее всех сынов Дану и всех сынов Гаэла, но еще он сумел поймать все девять прутьев, как будто только и делал всю свою жизнь, что ловил их.

У Гебанна, главного друида Мананнана, была дочь, которую звали Клиодна Светловолосая и любовь которой еще не сумел завоевать ни один юноша. Однако стоило ей увидеть Киабхана, как она забыла обо всем на свете и согласилась бежать с ним.

Они тайком пришли на берег, сели в ладью и доплыли до берега Тэйт на юге Ирландии. В честь Тэйт Брек Веснушчатой он получил свое имя, которая пришла играть сюда с волной, а с ней трижды пятьдесят девиц, и все они утонули в море.

Киабхан вышел на берег и отправился в лес за оленем, а девицу оставил на берегу в ладье.

Он не знал, что воины Мананнана преследовали их на сорока кораблях, а Ихну, незаметно оказавшись в ладье рядом с Клиодной, стал играть на арфе и играл до тех пор, пока Клиодна не заснула. Тогда набежала большая волна и унесла ее в море.

С тех пор волну зовут именем Клиодны Светловолосой.

4. Кондла

Говорят, что Мананнан послал гонца к Кондле Рыжеволосому, когда покинул Ирландию, потому что в его страну отправился Кондла. Вот как это было.

Однажды он вместе со своим отцом Конном, королем Тары, стоял на горе Уснех и неожиданно увидел приближавшуюся к нему жену в невиданных одеждах.

— Откуда ты? — спросил ее Кондла.

— Из Тир-Нам-Бео, что значит Страна Вечноживущих, где никто не знает смерти. Пиры у нас никогда не кончаются, и мы все делаем, что нам нравится, никогда не ссоримся между собой, и называют нас сидами.

— С кем ты разговариваешь? — спросил сына Конн, потому что никто, кроме Кондлы, не видел жену.

— Он разговаривает с женой, которой не грозят ни старость, ни смерть, — ответила она. — Я приглашаю твоего сына в Маг Мелл, что значит Равнина Радости, где живет наш король и где он тоже станет королем, не знаящим ни горя, ни беды. Идем со мной, Кондла Рыжеволосый, идем со мною, веснушчатый и краснощекий Кондла, и ты навсегда останешься юным и красивым.

Все слышали слова жены, хотя никто не видел ее, и Конн попросил друида Корана:

— Помоги мне, Коран, многосведущий в колдовстве. Давно я стал королем, но ни разу мне не приходилось противостоять ни такой силе, ни такой мудрости. Вышла против меня невидимая королева, чтобы увести от меня моего красивого сына, и одними словами вырвет она его из рук короля.

Коран принялся колдовать против жены, чтобы никто не слышал ее голос, а Кондла и не видел ее. Однако перед тем, как удалиться, она бросила Кондле яблоко.

С тех пор целый месяц Кондла ел только одно это яблоко, и больше ничего не ел и не пил, но яблоко не уменьшалось и не сморщивалось. И он не мог забыть жену, которую видел на горе Уснех.

Миновал месяц, и Кондла вместе со своим отцом был в Маг Архомин, когда вновь увидел приближающуюся к нему жену.

Она сказала:

— Высокое место занимает Кондла среди смертных людей, но и его ждет смерть впереди. А Вечноживые зовут тебя к себе стать во главе мужей и жен Тетры и любят тебя каждый раз, когда здесь собираются вместе твои милые друзья.

Король Конн услышал голос и крикнул своим слугам:

— Зовите сюда друида Корана! Опять здесь невидимая жена!

А жена сказала так:

— О Конн Ста Сражений, жители Трайг Мог недолюбливают друидов, и где они властвуют, там друиды молчат.

Тогда Конн повернулся к своему сыну.

И Кондла сказал ему так:

— Мой народ милее мне всех других народов на земле, но печаль поселилась в моем сердце из-за прекрасной жены.

И жена из племени сидов сказала ему:

— Взойдем со мной вместе на корабль. Ты полюбишь мою страну. Солнце уже клонится к закату, но мы будем в ней до ночи. Еще ни один муж не пожалел, увидев ее. Живут в ней лишь жены и девицы.

Едва жена умолкла, как Кондла бросился прочь от отца и одним прыжком оказался на борту сверкавшего корабля. Оставшиеся на берегу видели, как он удаляется, словно в тумане, а потом он вовсе исчез с глаз.

Никто больше не слышал о Кондле, и только боги знают, куда уплыл корабль.

5. Тадг на островах Мананнана

Еще один герой отправился в Страну Вечноживущих, но он возвратился оттуда. И звали его Тадг, сын Киана, сына Олайолла. Вот, как это было.

Однажды Тадг отправился в западную часть Мунстера как наследник своего отца, и с ним вместе были его братья Айрнелах и Эоган.

В это же время Катманн, сын Табарна, короля прекрасной страны Фресен, что находилась к юго-востоку от Великой Равнины, со многими мужами и женами на девяти кораблях бороздил морскую даль в поисках приключений. Он пристал к берегу в Бейр-до-Бхунадас, к западу от Мунстера, и, не заметив ничего необычного, сошел с корабля, а потом, не дожидаясь, когда жители учуют неладное, его воины окружили всех мужей, жен и весь скот в том месте. Либан, жена Тадга и дочь Конхобара Абратрудха Краснобрового, и два брата Тадга, не считая многих других мужей и жен Мунстера, были захвачены чужеземцами и увезены во Фресен.

Катманн взял Либан в жены, а обоих братьев Тадга послал на тяжелые работы. Эоган должен был стать обыкновенным перевозчиком через реку, а Айрнелах — заготавливать хворост и поддерживать огонь во всех очагах в стране. Платили же им лепешками и мутной водой.

Тадг спасся только благодаря своей храбрости и искусному владению мечом, однако спасение было ему не в радость, очень он горевал по жене и братьям. У него было сорок воинов, из которых каждый убил по одному чужеземцу, а одного они привели к Тадгу живым, и он рассказал ему о стране, из которой был родом.

Едва Тадг выслушал его, как решил немедленно ехать во Фресен, а для этого приказал готовить ладью, которая сможет выдержать долгое путешествие. Когда ладья была готова, ее обшили прочной красной кожей, на которую пошло сорок бычьих шкур, поставили в ней мачту и натянули парус, а еще в нее сложили много мяса, вина и одежды, чтобы всего хватило не меньше чем на год.

Перед выходом в море Тадг сказал своим воинам так:

— Негоже нам бросать своих соплеменников в беде, так что придется нам плыть в далекую страну, что бы ни ожидало нас там.

Они отправились в путь, и море встретило их неприятливыми большими волнами, которые тотчас закрыли от них родную землю, и они могли видеть только верхушки гор. Когда они были уже далеко, то услышали пение незнакомых птиц, которые появились большой стаей,

а по обеим сторонам прыгали в волнах дружелюбные белогрудые лососи и большие черные тюлени сопровождали ладью, осыпаемые брызгами из-под весел, следом за которыми плыли киты, на которых любили смотреть юные воины, никогда прежде не видевшие китов.

Двадцать дней и двадцать ночей они плыли по морю, пока не увидели вдали берег, и пристали к нему. Вытащив из воды ладью, они разожгли костры, приготовили еду, поели и улеглись спать на мягкую траву.

Едва взошло солнце, Тадг поднялся и в полном вооружении отправился с тридцатью воинами осматривать остров.

Они обошли его весь, но не встретили ни одно живое существо, кроме сбившихся в отары овец, которые могли сойти за лошадей и весь остров покрыли своей шерстью. Одна отара была многочисленнее других, и бараны в ней показались пришельцам больше других, а у самого большого было девять рогов, и он бросился на воинов Тадга и стал их бодать.

Ярость охватила ирландцев. Закрывшись щитами, они пошли на барана, но он пробил пять щитов, прежде чем Тадг взялся за копье, от которого не было спасения, и убил барана. Потом его принесли на берег, где стояла ладья, и сварили на ужин. Три дня и три ночи оставались ирландцы во главе с Тадгом на острове, и каждый вечер у них был баран на ужин. А еще они собрали много шерсти, потому что она была такой красивой, какой они еще никогда не видели.

Воины Тадга отыскали на острове кости людей-великанов, но умерли они от болезни или были убиты баранами, этого им не пришлось узнать.

Через три дня они покинули остров и плыли до тех пор, пока не показались два острова, на которых были большие стаи необычных птиц, похожих на черных дроздов, но больше орлов и журавлей, и головы у них были красно-зеленые, а яйца они высиживали сине-красные.

Воины набросились на птичьи яйца, и едва съели их, как покрылись перьями с головы до ног, но стоило им искупаться в море, тотчас перья отвалились и они вновь стали такими, как были прежде.

Дорогу им до этого острова показывал чужеземец, которого они прихватили с собой и которому приходилось прежде плыть этим курсом. А потом они плыли шесть недель, не видя ни клочка суши, и чужеземец сказал так:

— Мы вышли в океан. У него нет ни конца, ни края.

В это время ветер зашумел, словно по морю зашлепали сотни ног, и стал поднимать волны выше самых высоких гор. Испугались воины Тадга. Но Тадг воззвал к их мужеству:

— Юноши Мунстера, — сказал он, — храбро сражайтесь за свою жизнь с валами, которые преграждают нам путь и бьются в борта нашей ладьи.

Тадг встал с одной стороны, его воины с другой, и ему удалось обойти двадцать девять волн, не замочив одежд. А чуть погода добрый ветер расправил паруса, понемногу успокоился океан и запели вокруг невиданные птицы. Впереди была земля, и, увидев удобную гавань, воины Тадга вновь расхрабрились и повеселели.

Подойдя поближе, они разглядели устье реки, зеленые берега и песчаное дно, сверкающее, как серебряное, а в воде лосося с красными пятнами. Поодаль стеной стояли леса и деревья краснели своими верхушками.

— Красиво здесь, — сказал Тадг. — И счастливы те, кто тут живут. А теперь вытаскивайте ладью на берег и сушите ее.

Двадцать воинов пошли с Тадгом вглубь острова, а двадцать воинов остались присматривать за ладьей, и, несмотря на испытанные ими холод и страх, им вовсе не хотелось разжигать костер и готовить еду, словно аромат красных веток насыщал их досыта. Тадг с воинами прошли через лес и вышли к саду, в котором росли яблони, увешанные красными яблоками, зеленые дубы и желтые орехи.

— В нашей стране сейчас зима, — сказал Тадг, — а здесь лето в разгаре.

Кругом них все было прекрасно, но они пошли дальше через другой лес, в котором пахло еще слаще и ягоды были еще краснее и каждая с голову воина. Клевали ягоды невиданные птицы, от которых исходило сияние. Были они белые с красными головками да с золотыми крыльями и так нежно пели, что больные и раненые от их пения должны были засыпать здоровым сном.

Тадг и его воины шли все дальше, пока не увидели впереди бескрайний луг в цветах, над которым стоял запах меда. На лугу были три горы, и на вершине каждой неприступная крепость. Едва они приблизились к первой горе, как откуда-то появилась белокожая жена, прекраснее которой не было на земле, и сказала так:

— Добро пожаловать, Тадг, сын Киана, на всех хватит у нас еды и вина.

— Благодарствую, — отозвался Тадг. — Только скажи мне, сладкоречивая жена, чья это крепость на горе со стенами из белого мрамора?

— Эта крепость принадлежит королям Ирландии от Керемона, сына Майледа, до Конна Ста Сражений, который пришел сюда последний.

— А как называется здешняя страна?

— Иннислоха, что значит «остров на озере», и правят здесь два короля — Рудрах и Дергрох, сыновья Бодба.

Она поведала Тадгу обо всем, что происходило в Ирландии вплоть до прихода сыновей Гаэла.

— Славно, — одобрил ее рассказ Тадг. — Но скажи мне, кто живет в крепости, что находится на горе посередине.

— Этого я тебе не скажу, — ответила белокожая жена. — Иди туда и сам все узнаешь.

Она покинула их и возвратилась в крепость с беломраморными стенами.

А Тадг и его воины отправились дальше и подошли ко второй крепости, возле которой их встретила прекрасная королева в золотом платье.

— Доброго здоровья тебе, Тадг, — сказала она.

— Спасибо.

— Давно уже было предсказано твое путешествие в наши края.

— Как тебя зовут? — спросил Тадг.

— Сезайр, — ответила королева. — Я была первой, ступившей на землю Ирландии. С тех пор я и воины, которые пришли со мной из недоброй страны, живем здесь и будем жить здесь всегда.

— Скажи мне, — попросил Тадг, — кто живет в этой крепости?

— Скажу. Тут живут все короли, вожди и герои, которые прославили себя в Ирландии. Тут живут Парфелон и Немед, фирболги и сиды.

— Славно, — отозвался Тадг.

— Славно, — повторила королева. — Это четвертый рай на земле, а другие — Иннис Далейб на юге, Иннис Эркандра на севере и рай Адама на востоке земли.

— А кто живет в крепости с серебряными стенами?

— Этого я тебе не скажу. Иди туда и сам узнаешь.

Тадг и его воины направились к третьей крепости и нашли на вершине горы красивую лужайку, на которой можно было отдохнуть, а на ней юношу и девицу, прекраснее которых не сыщешь на земле, с волосами

гладкими и блестящими, как золото. Одеты они были в одинаковые зеленые платья и походили на брата и сестру. На шеях у них были золотые цепочки, с которых свисали золотые ленточки.

Тадг заговорил с ними:

— Милые дети, здесь очень красиво.

Они ответили ему и, одобрительно отозвавшись о его храбрости, силе и мудрости, благословили его.

Юноша держал в руке пахучее золотое яблоко, но сколько он и девица ни откусывали от него, оно не становилось меньше. Яблоком они оба утоляли голод и жажду, и ни старость, ни печали не могли их коснуться.

— Как вас зовут? — спросил Тадг юношу и девицу.

— Я — сын Конна Ста Сражений.

— Ты Кондла? — удивился Тадг.

— Да. А это та самая девица многих обличий, которая привела меня сюда.

Девица сказала так:

— Я отдала ему мою любовь и поэтому привела его сюда, чтобы мы могли без помех любоваться друг другом, не зная ни старости, ни смерти.

— Ничего не может быть прекраснее и удивительнее, — сказал Тадг. — А кто еще живет в крепости с серебряными стенами?

— Никто не живет.

— Почему?

— Она предназначена для будущих королей Ирландии. Но тебе, Тадг, найдется в ней место. Пойдем с нами.

Влюбленные направились в крепость, и походка у них была такая легкая, что трава не сминалась под их ногами.

Тадг и его воины, последовав за ними, увидели просторный дом, достойный принять в себя королей и такой красивый, что всякому захотелось бы тотчас поселиться в нем. Стены из белой бронзы так сверкали алмазами и другими драгоценными камнями, что в покоях даже ночью было светло.

Тадг выглянул наружу и увидел раскидистую яблоню, всю в цветах и яблоках.

— Что это за яблоня? — спросил Тадг.

— Она кормит хозяина этого дома, — ответила юная жена. — Яблоко с этого дерева привело ко мне Кондлу. Доброе дерево своими золотыми яблоками может накормить полный дом народу.

Кондла и его возлюбленная покинули Тадга и его воинов, которые увидели неподалеку прекрасных жен. Одна из них, самая прекрасная, подошла близко и сказала:

— Добро пожаловать, Тадг.

Тадг поблагодарил ее и спросил:

— Кто ты?

— Я — Клиодна Светловолосая, дочь Гебанна, сына Трена, из племени сидов. В память обо мне прибрежная волна в Мунстере названа волной Клиодны. Давно я уже на этом острове, и всегда мы едим яблоки с этой яблони.

Тадгу были приятны ее речи, но все же он сказал:

— Пора нам возвращаться.

— Останься с нами подольше, — попросила Клиодна.

Едва она произнесла эти слова, как, откуда ни возьмись, появились три прекрасные птицы — одна синяя с красной головкой, другая красная с зеленой головкой и третья пестрая с золотой головкой. Они уселись на яблоню и склевали по яблоку, а потом так сладко запели, что усыпили бы и больного.

— Эти птицы полетят с тобой, — сказала Клиодна. — Они покажут тебе дорогу обратно и будут петь тебе, чтобы ты не грустил и не печалился ни на суше, ни на море, пока не возвратишься в свою Ирландию. Еще возьми с собой эту красивую зеленую чашу. В ней особая сила. Стоит тебе налить в нее простой воды, и вода тотчас станет вином. Однако не отдавай ее никому. Потеряешь ее — знай, смерть твоя недалеко. А голову ты сложишь в зеленой долине на берегу реки Бойнн. Олень сначала ранит тебя, а потом придут мужи и добьют тебя до смерти. Я сама похороню тебя и насыплю над могилой каменную гору, которую люди назовут Кройдхе Эссу.

Воины покинули сверкающий дом, и Клиодна Светловолосая проводила Тадга до берега. Она приветливо поздоровалась с воинами, которые ждали Тадга, и спросила, давно ли они ждут.

Воины ответили:

— Вроде и одного дня не прошло.

— Целый год пробыли вы тут, хотя ни разу не захотели ни пить, ни есть. Здесь не бывает ни холодно, ни голодно.

— Хорошо бы остаться здесь навсегда.

Но Тадг думал иначе.

— Пора нам возвращаться домой. Пора покинуть этот остров, как бы нам ни было тут хорошо.

Клиодна и Тадг простились, и Клиодна благословила Тадга и его воинов, которые, не медля больше, вошли в ладью и с тяжелым сердцем поплыли в открытое море. Но недолго они грустили, потому что запели птицы, и они развеселились.

Легко стало у них на сердце, и они оглянулись, чтобы в последний раз посмотреть на остров, но ничего не увидели сквозь напущенный друидом туман.

Птицы показали Тадгу дорогу в страну Фресен, и он и его воины спали все время, пока не пристали к берегу. Они вызвали мужей Фресена на битву и одолели их. Тадг убил короля Катманна в смертельном поединке, и его жена Либан немедля вышла навстречу своему мужу и возлюбленному.

Немного отдохнув, Тадг отправился дальше, и с ним его жена Либан и его два брата. Много сокровищ увезли они из страны Фресен и в конце концов благополучно приплыли в Ирландию.

1 Рождение Кухулина

В стародавние времена Уладом правил король Конхобар, сын Несс, и жил он во дворце в Эмайн Махе. А вот как он стал королем.

Конхобар был еще совсем мал, когда умер его отец и Фергус, сын Ройга и король Улада, пожелал взять в жены его мать.

Во всей Ирландии не было никого тише и добрее юной Несс, но со временем она познала от людей много зла и сама принялась платить им злом и предательством, поэтому она решила отобрать у Фергуса королевство и отдать его своему сыну.

Она сказала Фергусу:

— Ты должен мне брачную долю. Пусть Конхобар один год владеет твоим королевством, чтобы его дети могли называться детьми короля.

— Соглашайся, — посоветовали ему мужи Улада. — Ведь ты дашь Конхобару лишь королевское имя и все равно останешься настоящим королем.

Фергус согласился, взял Несс в жены и назвал ее сына Конхобара королем Улада.

Тем временем Несс измышляла способ, как сохранить за Конхобаром королевство, и богато одаривала мужей Улада, чтобы они приняли ее сторону, тем более что Конхобар, хоть и был юн летами, удивлял всех мудростью суждений, храбростью в битвах и красотой лица, и не было ни одного человека в Уладе, который не любил его.

Год подошел к концу, и Фергус потребовал королевство обратно, однако мужи Улада, сойдясь на совет, встали на сторону Конхобара. Они сказали:

— Фергус не думал о нас, когда отдавал Улад, так пусть Конхобар будет королем, а Фергусу останется жена, которой он домогался.

Наступил день, и Конхобар созвал уладов в Эмайн Маха на свадебный пир в честь его сестры Дехтире и Суалтайма, сына Ройга.

На пиру Дехтире захотелось пить, а когда ей подали чашу с вином, в которую залетела муха, она не заметила ее и проглотила вместе с вином, после чего в сопровождении пятидесяти прислужниц ушла в свои солнечные покои.

Сама не понимая почему, она крепко заснула, и во сне ей явился Луг Длиннорукий.

— Это я был мухой, залетевшей в твою чашу, — сказал он. — И теперь ты вместе с твоими пятьюдесятью прислужницами должна покинуть свой дом.

Он превратил жен Улада в стаю птиц, и они полетели с ним на юг в Бруг-на-Бойнн, где живут сиды. А в Эмайн Махе никто больше их не видел и не слышал и не знал, куда они подевались и какая беда с ними приключилась.

Прошел год, и Конхобар вновь созвал уладов в Эмайн Маху на пир, на который явились храбрые воины и мудрые советники короля. Вдруг они увидели в окно стаю птиц, которые опустились на землю и принялись поедать на своем пути все до последней травинки.

Мужи Улада рассердились на птиц, запрягли девять повозок и помчались за ними вдогонку. Первым был Конхобар, а за ним следом подгоняли коней возницы Фергуса, сына Ройга, и Лойгайре Буадаха Победителя-В-Сражениях, и Келтхайра, сына Утехайра, и многих других, среди них злоязычного Брикриу.

Они скакали вслед птицам на юг через Слиав Фуад, через Ат Летан, через Ат Гарах и Маг Госска, между Фир Роис и Фир Арде, но никак не могли догнать их. Зато и прекраснее этих птиц им в жизни не доводилось видеть. Девять стай летели в вышине. Все птицы в них были по две скованы серебряной цепью, впереди каждой стаи летели две птицы разной окраски, соединенные золотой цепью, и еще три птицы летели сами по себе. Когда на землю опустилась ночь, они исчезли из виду, и Конхобар сказал мужам Улада так:

— Надо распрячь повозки и найти дом для ночлега.

Фергус отправился на поиски и рано ли, поздно ли набрел на бедную лачугу, в которой жили мужчина и женщина. Они сказали ему:

— Веди к нам твоих товарищей. Мы всем будем рады.

Фергус возвратился и рассказал, что видел и слышал.

— Зачем нам идти туда, где нет для нас ни еды, ни постелей? Зачем нам идти туда, — заявил злоязычный Брикриу.

Сам же он все-таки отправился посмотреть на дом и увидел на месте бедной лачуги новый, просторный, сверкающий огнями дом, а возле двери высокого красивого воина, от которого будто исходило сияние.

Он сказал:

— Что ты крутишься тут, Брикриу? Входи в дом!

Рядом с юношей стояла прекрасная девица благородного вида и с вьющимися волосами, и она тоже сказала:

— Добро пожаловать, Брикриу.

— Почему она приглашает меня? — спросил Брикриу.

— Это я приглашаю тебя по ее просьбе, — ответил ему юноша. —

Скажи, никто не пропал у вас в Эмайн Махе?

— Пропал конечно, — ответил Брикриу. — Целый год мы ничего не слышали о пятидесяти юных женах.

— А ты узнаешь их, если увидишь вновь? — спросил юноша.

— Если не узнаю, — воскликнул Брикриу, — то лишь из-за перемен, происшедших с ними за год, а так отчего мне их не узнать?

— Что ж, попытайся, — молвил юноша, — потому что все они сейчас в этом доме, а рядом со мной их хозяйка Дехтире. Это они, обернувшись птицами, полетели в Эмайн Маху и привели вас сюда.

Дехтире накинула Брикриу на плечи алый плащ с золотой каймой, и он вернулся к своим товарищам. Однако по дороге недобрая мысль пришла ему в голову: «Конхобар богато одарит того, кто отыщет пятьдесят жен и Дехтире с ними. Не скажу ему пока, что нашел их. Скажу только, что видел дом, в котором живут прекрасные жены, а больше ничего не скажу».

Едва Брикриу оказался среди уладов, Конхобар окликнул его:

— Эй, Брикриу, нет ли у тебя новостей для меня?

— Я видел богатый дом, в котором светло, как днем, — отвечал Брикриу. — Еще я видел настоящую королеву, добрую, благородную, по-королевски прекрасную и с вьющимися волосами. Там же было много других прекрасных жен в богатых платьях. Видел я и хозяина дома. Он высокий, щедрый и весь так и светится.

— Пойдем к нему, — сказал Конхобар.

Мужи Улада, не забыв о повозках, о конях и об оружии, повиновались своему королю, и едва они явились в дом, в котором побывал Брикриу, как на столах появилось много еды и разных вин, о которых они слыхом не слыхивали. И пошло веселье! Когда же все вволю утолили голод и жажду, Конхобар спросил юного мужа:

— А где же хозяйка дома? Почему она не вышла к нам?

— Сегодня ты ее не увидишь. Она рожает.

Улады легли спать, а утром Конхобар, проснувшись раньше всех, не нашел хозяина дома, зато услышал крик ребенка. Он пошел на голос и в одном из покоев увидел Дехтире и всех ее прислужниц, а еще новорожденного мальчика. Дехтире радостно поздоровалась с Конхобаром и без утайки поведала ему обо всем, что с ней приключилось, а еще сказала, что заманила его в этот дом, желая вернуться вместе с сыном обратно в Эмайн Маху.

— Ты была добра ко мне, Дехтире, — ответил ей Конхобар. — Ты укрыла от непогоды и меня, и моих воинов, да и повозки тоже. Ты не дала замерзнуть нашим коням. Ты по-королевски накормила и напоила меня и пришедших со мной мужей Улада, а теперь еще вручаешь мне бесценный дар. Наша сестра Финдкоем примет к себе дитя.

— О нет, не ее дело растить мальчика, — возразил Сенха, сын Айлиля, главный судья и первый бард Улада. — Это я учен, искусен в спорах, ничего не забываю и первым говорю в присутствии короля, я и ему советую, что говорить, ко мне за справедливым решением приходят враждующие короли. Я — судья в Уладе, и никто не смеет оспаривать мой приговор, кроме тебя, Конхобар.

— Если ты отдашь мальчика мне, — сказал Блай, — он не будет страдать от недосмотра. Это я сообщаю всем волю Конхобара. Я созываю воинов со всей Ирландии. Я могу кормить их семь, а то и десять дней. Я улаживаю их дела и решаю их споры, я славаю их и я же наказываю.

— Слишком ты хвастлив, — заявил Фергус. — Я лучше всех воспитаю мальчика. Я силен и учен. Меня сделал король своим посланцем, и никто не поспорит со мной ни в благородстве, ни в богатстве. Я закален в битвах и искусен в ремеслах. Я могу сделать из мальчика воина. Это я — защитник несчастных, гроза сильных, помощник слабых.

— Если вы выслушаете меня, то не о чем вам будет спорить, — подал голос Амергин. — Я по-королевски воспитаю мальчика. Люди славят меня за благородство, за мужество, за храбрость, за мудрость,

они славят меня за удачу, за молодость, за красноречие, за доброе имя, за смелость и за мой древний род. Я не только воин, я еще и бард. Я достоин королевского отличия, ибо никто лучше меня не сражается в повозке. Никого я не благодарю, кроме короля, и никому не повинуюсь, кроме Конхобара.

Последним вступил в спор Сенха:

— Пусть Финдкоем возьмет дитя и заботится о нем, пока мы не вернемся в Эмайн, а там судья Моран разрешит наш спор.

Финдкоем взяла младенца на руки, и все поехали в Эмайн, а там судья Моран сказал так:

— Долг Конхобара, — сказал он, — дать мальчику доброе имя, потому что он — его кровь. Пусть Сенха научит его говорить, Фергус поддержит его на коленях, Амергин передаст ему свои знания. — Но на этом он не остановился. — Все будут любить его, возницы и воины, короли и мудрецы и знатные мужи тоже будут любить его. А он будет мстить за ваши обиды, защищать ваши земли, сражаться в ваших битвах.

На том и постановили. Младенец, пока не достигнет разумного возраста, должен оставаться при матери и ее муже Суалтайме. Он рос на равнине Муиртемне, и все звали его Сетанта, сын Суалтайма.

2 Деяния юного Кухулина

Случилось так, что когда Сетанте, который жил в доме своей матери, исполнилось семь лет, он услышал о дворе короля Конхобара в Эмайн Махе, а также о мальчиках и благородных мужах, которые живут там и большую часть времени проводят в играх и воинских упражнениях.

— Разрешите мне поехать туда и поиграть с ними, — попросил он мать.

— Ты еще мал, — ответила Дехтире. — Подожди, пока немного подрастешь, чтобы у тебя хватило сил для дальнего путешествия. А там кто-нибудь поедет ко двору Конхобара и тебя возьмет с собой.

— Слишком долго ждать, — пожаловался малыш. — Я и один справлюсь, а ты расскажи, какой дорогой ехать.

— Маленький ты еще ездить один. Сначала надо добраться до Слив Фуад, а потом уже до Эмайн Махи, где живет король, — старалась урезонить сына Дехтире.

— На восток или на запад от Слив Фуад?

Она ответила, и Сетанта тотчас пустился в путь, не взяв с собой ничего, кроме палицы для упражнений, серебряного меча, маленького дротика и копья по руке, а ради развлечения он сначала ударом палицы бросал далеко вперед мяч, потом следом за ним палицу и дротик и бежал во всю мочь, чтобы поймать их, пока они не коснулись земли.

Так он веселил себя всю дорогу до Эмайн Махи, а в Эмайн Махе увидел трижды пятьдесят королевских сыновей, которые в упражнениях постигали военную науку. Он встал между ними, а когда рядом упал мяч, то поймал его между ног и донес до цели, как ни старались королевские отпрыски отобрать его. Изумлению их и ярости не было границ. Фолломайн, сын короля Конхобара и первый из первых среди его сыновей, заорал, чтобы братья не стояли, опустив руки, а выкинули мальчишку с поля и забили его до смерти.

— Он не должен, — кричал Фолломайн, — играть с нами, не испросив прежде нашего заступничества! Откуда он пришел? Чей он сын? Если его отец простой воин, пусть идет вон!

Трижды пятьдесят мальчишек бросились к Сетанте и принялись кидать в него палицы, мячи и дротики, но он, увернувшись от них, сам напал на своих противников и многих положил в драке.

Тут из своего дворца вышел Фергус. Увидав, как лихо защищается малыш, он привел его к Конхобару, который в это время играл в шахматы, и рассказал ему о том, что видел своими глазами.

— Ты беспощаден в игре, — упрекнул мальчика Конхобар.

— Это их вина, — возразил Сетанта. — Я пришел издалека, а как меня приняли?

— Разве ты не знаешь, — спросил Конхобар, — что никто не смеет играть с мальчишеским воинством, не заручившись его защитой и покровительством?

— Я этого не знал, — не стал спорить Сетанта, — а то бы все сделал как надо.

— Как тебя зовут и чей ты сын? — поинтересовался Конхобар.

— Зовут меня Сетантой. И я — сын Суалтайма и Дехтире.

Когда Конхобар узнал, что перед ним его племянник, он обрадовался и попросил своих сыновей принять его в воинство.

— Мы согласны.

Но когда началась игра, Сетанта не стал ждать, когда на него нападут, а сам принялся без пощады валить их на землю, так что они не чаяли, как им спастись от него.

— Что теперь тебе от них нужно? — спросил его Конхобар.

— Клянусь богами моего народа, — ответил мальчик, — что не устанет моя рука, пока они тоже не попросят у меня защиты и покровительства.

Никто не воспротивился его желанию. Сетанта поселился в доме короля в Эмайн Махе, и самые доблестные воины и самые мудрые советники не остались в стороне от его воспитания.

В ту пору на земле уладов жил великий кузнец по имени Кулан, и он задумал дать пир в честь Конхобара. Путь короля лежал мимо луга, на котором юное воинство играло в свои игры, и, недолго понаблюдав за ним, король подивился, как легко сын Дехтире опережает остальных.

— Этот малыш еще послужит Уладу, — сказал Конхобар. — Позовите его, и пусть он сопровождает меня на пир к кузнецу.

— Сейчас я не могу идти с тобой, — ответил Сетанта, — потому что мы еще не закончили с упражнениями.

— Но я не могу тебя дожидаться! — воскликнул король.

— И не надо, — сказал Сетанта. — Я поспею.

Конхобар отправился к кузнецу. Его с радостью приняли, постелили на полу свежие циновки, потом затеяли декламировать стихи и петь песни, а когда гости уселись за накрытые столы, то и вовсе развеселились.

Кулан спросил короля:

— Ты больше никого не ждешь?

— Нет, — ответил Конхобар, совсем забыв о племяннике. — А почему ты спрашиваешь?

— У меня в сторожах свирепый пес, — объяснил кузнец. — Если его спустить с цепи, он разорвет любого, кто посмеет приблизиться к дому, потому что послушен только мне, а силы у него, как у ста псов.

— Спускай его с цепи, — разрешил Конхобар. — Пусть он сторожит нас.

Кулан так и сделал. Пес обежал дом кругом, а потом улегся на свое обычное место, и из страха перед ним ни один человек или зверь не решался подойти к дому кузнеца. Такой это был кровожадный сторож.

Когда мальчики в Эмайн закончили играть и разошлись по своим домам или по домам приемных родителей, Сетанта побежал по следам повозок, укорачивая себе путь при помощи палицы и мяча, как он это делал обычно. Едва он оказался на лугу перед домом кузнеца, пес слышал его

шаги и принялся громко лаять, так что его было слышно во всем Уладе, а потом прыгнул на мальчика, намереваясь разорвать его когтями и проглотить целиком. У Сетанты с собой ничего не было, кроме палицы и мяча, поэтому, завидев бегущего пса, он изо всей силы кинул мяч, который попал псу в открытую пасть и разворотил ему кишки. Сетанта же, недолго думая, схватил пса за задние лапы и, ударив о ближайший камень, вышиб из него дух.

Веселившиеся на пиру мужи услышали лай, и Конхобар сразу вспомнил о сыне своей сестры.

— В недобрый час отправились мы в путь. Верно, сын моей сестры погиб от зубов пса.

После этих слов все, кто был в зале, бросились вон, устроив такую толкучку в дверях, что прошло много времени, прежде чем они выбрались во двор. Первым возле Сетанты оказался Фергус, который подхватил его на руки и усадил себе на плечо, а потом передал Конхобару живым и невредимым, отчего все возвеселились и возрадовались.

Лишь кузнец Кулан, когда увидел своего пса мертвым, опечалился сердцем. Возвратившись в дом, он сказал Сетанте:

— Не рад я тебе.

— Почему ты не рад мальчику? — спросил его Конхобар.

— В недобрый час он пришел. Или я в недобрый час затеял этот пир, король, — сказал кузнец, — потому что теперь, когда нет со мной моего пса, не сбережь мне моего добра и не жить, как прежде, в тепле и сытости. Ты, малыш, — посетовал он, — забрал у меня доброго члена моей семьи, ибо он стерег и мой дом, и мои стада, и все, что у меня есть.

— Не сердись, — попросил его мальчик, — я не останусь у тебя в долгу.

— О чем это ты? — не понял Конхобар.

— Вот что я сделаю. Отыщу в Ирландии щенка того же семени, что и убитый мною пес, и буду растить его, покуда он не научится служить, как его родич, а до тех пор я сам буду сторожить твое добро.

— Хорошо сказано! — воскликнул Конхобар.

— Даже я не рассудил бы лучше, — согласился с ним друид Катбад. — Отныне тебя будут звать Кухулин, Пес Кулана.

— Мне больше нравится мое прежнее имя Сетанта, сын Суалтайма, — заявил малыш.

— Не говори так, — возразил друид, — потому что наступит день, и имя Кухулина будет на устах у всех мужей на земле.

— Если так, я согласен.

С тех пор Сетанту стали звать Кухулином.

Прошло довольно много времени. Друид Катбад занимался с учениками в своем доме к северо-востоку от Эмайн. Восемь мальчиков были с ним в тот день, и один из них попросил его:

— Можешь ты по своим знакам сказать, не уготовил ли нам что-нибудь особенное нынешний день?

— Если сегодня юноша возьмет в руки меч мужа, — ответил Катбад, — его имя воссияет ярче всех других имен в Ирландии. Однако короткой будет нить его жизни.

Кухулин играл в это время во дворе, но, услышав слова друида, сбросил платье для игр, оделся во все чистое и отправился напрямик к Конхобару в спальню.

— Здравствуй, король.

— Чего ты хочешь? — спросил Конхобар.

— Хочу сегодня же взять в руки меч.

— Кто вбил тебе это в голову?

— Друид Катбад, — ответил Кухулин.

— Если так, то и от меня отказа не будет, — решил Конхобар.

Он дал ему несколько мечей на выбор, но Кухулину ни один не понравился, хотя там были мечи крепче Конхобарова. Тогда король вручил ему два своих копья, свой меч и свой щит.

В это время пришел друид Катбад и не смог скрыть удивления.

— Неужели мальчик сегодня задумал взять в руки меч?

— Так оно и есть, — ответил король.

— Мне жаль, что сегодня сын его матери берется за меч, — промолвил Катбад.

— Разве не ты прислал его ко мне? — изумился король.

— Ну нет!

— Ты солгал, мальчишка! — возмутился король.

— Нет, король, — возразил Кухулин. — Катбад вложил эту мысль в мою голову, правда, рядом с ним были другие ученики. Один из них спросил, не знает ли он что-нибудь особенное про сегодняшний день, и он сказал, что тот, кто сегодня в первый раз возьмет в руки меч, прославит свое имя по всей Ирландии, и ни о чем плохом он не говорил, разве только, что этот воин недолго будет жить на земле.

— Я сказал правду, — подтвердил Катбад. — Ты прославишь свое имя, но твоя жизнь будет короткой.

— Мне все равно, — заявил Кухулин. — Даже если бы мне остались до смерти всего один день и одна ночь, но мое имя и мои подвиги пережили бы века, я и то согласился бы.

И тогда Катбад сказал:

— Возьми повозку, а мы посмотрим, правильно ли было мое предсказание.

Кухулин взял повозку и разнес ее в щепы. То же самое случилось с еще семнадцатью повозками, которые Конхобар держал в Эмайн для мальчишеского воинства.

— Конхобар, — вскричал Кухулин, — эти повозки недостойны меня.

Тогда Конхобар призвал к себе Ибара, сына Райангабра, и тот, не медля, явился на зов короля.

— Приготовь мою повозку и впряги в нее моих коней для этого мальчугана, — приказал Конхобар.

Чего только Кухулин ни делал с королевской повозкой, она все выдержала.

— Эта повозка мне подходит.

— Что ж, — сказал тогда Ибар, — позволь мне выпрячь коней и отвести их на конюшню.

— Рано еще, Ибар. Поедем на ней туда, где сейчас все мальчишеское войско, пусть они пожелают мне удачи.

Так они и сделали, и все мальчишки, завидев их, дружно закричали:

— У тебя уже настоящий меч!

— Настоящий, — отозвался Кухулин.

— Теперь ты можешь по-настоящему ранить и убивать! Но жалко, что ты мало пробыл с нами!

— Пора отпустить коней, — сказал Ибар.

— Еще рано, — возразил Кухулин. — Скажи мне, куда ведет широкая дорога, что рядом с Эмайн?

— Она ведет к Ат-ан-Форайре, Броду Дозора, у подножия Слив Фуад, — не замедлил с ответом Ибар.

— А почему его так называют?

— Неужели ты не знаешь? Там сменяют друг друга в дозоре самые славные улады, чтобы ни один недруг не перешел границу.

— Ты знаешь, кто стоит там сегодня? — спросил Кухулин.

— А ты разве не знаешь? Сегодня в дозоре непобедимый Конал Кearnах, первый из первых воинов в Уладе и Ирландии.

— Поехали, — решил Кухулин.

Они пересекли равнину и нашли Конала на берегу реки.

Тот спросил:

— Малыш, ты сегодня впервые взял в руки настоящий меч?

— Впервые, — отозвался Ибар вместо Кухулина.

— Пусть он принесет тебе удачу в твоей первой битве, — пожелал Конал мальчику. — Однако не поспешил ли ты, Пес Улада? Ведь ты еще не дорос до службы воина.

— Что ты делаешь здесь, Конал? — спросил его Кухулин.

— Стою в дозоре и стерегу покой Улада.

— Уходи, Конал. Позволь мне постоять на страже всего один день.

— Даже не проси, малыш, — заявил Конал. — Не дорос ты еще биться с настоящим воином.

— Тогда я еду к Лох-Эхтрэнд, и посмотрим, сумею ли обагрить руки в крови друга или врага.

— Я поеду с тобой и буду защищать тебя.

— Нет, — сказал Кухулин.

— Да, — стоял на своем Конал. — Если ты один отправишься в чужие пределы, улады не простят мне этого.

Конал запряг коней в повозку и отправился следом за Кухулином, потому что Кухулин не захотел его ждать. Заметив догонявшего его Конала, Кухулин подумал: «Если я захочу совершить подвиг, Конал наверняка помешает». И, подобрав с земли камень с кулак величиной, бросил его в повозку Конала. Камень попал в ярмо, перебил его надвое, отчего повозка опрокинулась и Конал повалился на землю.

— Зачем ты это сделал?

— Я хотел посмотреть, как далеко могу бросить камень, ведь без этого мне не стать настоящим воином.

— Будь проклят твой камень и ты с ним вместе, — не сдержался Конал. — Пусть кто хочет рубит тебе голову, а я не поеду дальше.

— Вот и хорошо, — сказал Кухулин.

Конал повернул обратно в Ат-ан-Форайре.

А Кухулин отправился дальше на юг к берегам Лох-Эхтрэнд, когда Ибар сказал ему:

— Послушай меня, малыш, давай вернемся в Эмайн. Теперь там уже варят обед, и тебя ждут колени Конхобара. А мое место, — продолжал он, — между возничими, шутами и гонцами, с ними я ем и с ними дерусь, если выпадает случай.

— Что это за гора впереди? — спросил Кухулин.

— Слив Мурне. А наверху Финнкаирн, белый каирн.

— Подъедем поближе, — решил Кухулин.

— До него долгий путь, — возразил Ибар.

— Ну и ленивый же ты, — возмутился Кухулин. — Ведь это мое первое приключение, и ты в первый раз едешь со мной.

— И в последний, — заметил Ибар, — ибо не видать нам больше Эмайн.

Они отправились наверх к белым камням.

— Добрый Ибар, — попросил Кухулин, — расскажи мне все, что тебе известно об Уладе, потому что я совсем ничего не знаю о владениях короля Конхобара.

Ибар показал ему сверху и горы, и долины, и крепости, какие они только могли разглядеть.

— А что это за равнина на юге?

— Равнина Маг Бреаг с отличными лугами.

— А какие на ней крепости и укрепления?

Ибар назвал Кухулину все крепости, какие знал сам: Тару и Тальтиу, Клеатнах и Кногба, а еще Бруг Энгуса на реке Бойнн да крепость сыновей Нехта Скене.

— Не те ли это сыновья Нехта, что похваляются, будто убили столько уладов, сколько теперь живет в королевстве?

— Те самые.

— Что ж, поехали к ним.

— Неладное ты задумал, — сказал Ибар, — и пусть едет с тобой кто-нибудь другой, а я не поеду.

— Живой или мертвый, но ты поедешь со мной.

— Лучше уж ехать живым, — вздохнул Ибар. — А мертвым я и так возвращусь оттуда.

Они подъехали совсем близко к крепости сыновей Нехта, и когда уже были на зеленом лугу, Кухулин соскочил с повозки, потому что увидел каменный столб с железным обручем, на котором письма огама гласили: ни один воин, будь он при мече, не должен покинуть поле, не сразившись в поединке. Прочитав письма, Кухулин вывернул столб из земли и швырнул его в реку.

— Не понимаю, зачем ты это сделал! — воскликнул Ибар. — Теперь тебе не придется долго искать смерти.

— Добрый Ибар, — попросил мальчик, — позволь мне немного поспать.

— Еще не хватало, — возмутился Ибар, — спать на вражеской земле! Однако он устроил ложе для Кухулина, и тот не успел лечь, как сразу заснул.

В это время на луг вышел Фойл, сын Нехта Скене, и, увидев повозку, крикнул Ибару:

— Не смей выпрягать коней!

— Я и не выпрягаю. Видишь, поводья еще у меня в руках!

— Чьи это кони?

— Конхобара.

— Так я и подумал. А кто посмел пригнать их на мои земли?

— Малыш, который сегодня в первый раз взял в руки меч воина.

Он хочет показать себя и для этого пересек Маг Бреаг.

— Не видать ему тут удачи, — сказал Фойл. — Будь он настоящим воином, я бы отрубил ему сегодня голову и он не вернулся бы в Эмайн живым.

— Наверное, ты прав. Ведь он еще ребенок, и место ему в доме отца, — согласился с ним Ибар.

При этих словах мальчик поднял голову, и щеки у него побагровели от обиды, да и весь он стал багровым.

— Почему это не видать мне удачи?

— Так я думаю, — отозвался Фойл.

— Скоро ты не будешь так думать! — вскричал Кухулин. — Пойдем к броду, но сначала вернись в крепость и возьми свой меч, потому что не в моих правилах убивать безоружного.

Фойл рассердился и побежал за мечом.

— Ну, теперь берегись, — остерег малыша Ибар. — Ведь это же Фойл, сын Нехта, которого не берут ни копье, ни меч.

— Тем лучше, — ответил ему Кухулин.

Тут примчался Фойл, и мальчик встал против него, держа в руках железный мяч. Он бросил его в Фойла и прошиб ему голову, так что вместе с мячом из затылка вылетели и мозги. А потом Кухулин отрубил Фойлу голову.

Пришел на луг Туахал, другой сын Нехта.

— Похоже, ты хвастаешь своей победой, — сказал он.

— Чем же мне хвастаться? — возразил Кухулин. — Пока всего один воин пал от моей руки.

— Тебе не придется хвастаться, — заявил Туахал, — потому что от меня тебе не спастись.

— Тогда иди за мечом! — вскричал Кухулин. — Только трус ходит безоружным!

Туахал бегом бросился прочь, а Ибар сказал Кухулину:

— Будь осторожнее, ведь это Туахал, сын Нехта. Если ты не поразишь его с первого броска или с первого удара, то не поразишь никогда — столь он ловок и искусен в бою.

— Ты мог бы это и не говорить, Ибар, — возразил Кухулин. — Ведь у меня победоносное копьё Конхобара. Его ещё зовут Ядовитым. Я возьму его, и второе копьё мне не понадобится, потому что нанесённые им раны не излечивал ещё ни один лекарь.

В это время на луг вернулся Туахал, и Кухулин, взяв в руки победоносное копьё Конхобара, размахнулся и пробил Туахалу щит, раздробил ему три ребра и пронзил сердце. А потом отрубил ему голову, не успев Туахал упасть на землю.

Немного прошло времени, прежде чем примчался на луг Файнле, младший из трёх сыновей Нехта.

— Глупые мои братья! — воскликнул он. — Разве так надо биться? Ничего, теперь ты будешь иметь дело со мной! Пошли на реку, на то место, где твои ноги не достанут дна.

— Будь осторожнее, — сказал Ибар. — Ведь это Файнле Один Глоток, и прозвали его так, потому что он быстрее ласточки перебирается с одного берега на другой, и пока ещё ни один пловец не смог угнаться за ним.

— Ты мог бы это и не говорить, Ибар! — рассердился Кухулин. — Кому, как не тебе, знать реку Каллан в Эмайн Махе! После игр все мальчишки бросались в нее поплавать. Я же относил на другой берег по мальчишке на обоих плечах да на обеих ладонях, а сам и ног не успевал замочить.

С этими словами он бросился в воду, где было глубже всего, схватился с Файнле, ударил его мечом Конхобара, а потом снес ему голову и тело оставил в реке.

Расправившись с сыновьями Нехта, Пес Улада и Ибар отправились в их дом, все в нем порушили, а потом, предав его огню, поехали к Слиав Фуад, не забыв прихватить с собой три головы.

Неожиданно впереди показалось стадо диких оленей.

— Чьи это олени? — спросил Кухулин.

— Ничьи, — ответил Ибар. — Это дикие олени, которые живут в лесу возле Слиав Фуад.

— Поторопи коней, — попросил Кухулин, — чтобы мне получше разглядеть их.

Однако, как ни мчались кони, не под силу им было догнать диких оленей. Пришлось Кухулину соскочить с повозки и самому бежать за оленями, пока два самых могучих не упали, едва дыша, на землю. Кухулин привязал их сзади к повозке.

Кухулин с Ибаром продолжили путь, и над равниной Эмайн они увидели стаю белых лебедей, которые были еще белее, чем лебеди на пруду короля Конхобара, и Кухулин спросил Ибара:

— Откуда эти лебеди?

— Это дикие лебеди, — ответил ему Ибар. — И прилетают они со скал и островов великого моря, чтобы подкормиться на равнине.

— Как ты думаешь, что лучше: поймать их живыми или убить их?

— Конечно же поймать живыми! — воскликнул Ибар. — Многие убивают лебедей, но никто не привозит их живыми.

Кухулин подобрал камешек с земли и метнул его в небо, сбив сразу восемь птиц. Потом он подобрал камень побольше и сбил шестнадцать птиц.

— Принеси их, Ибар, — попросил он.

— Нет, — отказался Ибар. — Нелегко сейчас остановить коней, а если не остановить, то меня переедут железные колеса или олени проткнут рогами.

— Плохой ты воин, Ибар, — отозвался Кухулин. — Дай мне поводья. Я остановлю коней.

Ибар подобрал всех лебедей и привязал их к повозке, чтобы они не улетели, и до самой Эмайн у них больше не было приключений.

Первой заметила королевскую повозку Леборхам, дочь Аэда, которая исполняла обязанности собеседницы и посланницы короля и которая как раз в это время оказалась в Эмайн.

— Конхобар, сюда едет воин в повозке, — сказала она. — И он как будто в ярости. При нем три окровавленные головы его врагов, а еще к повозке привязаны два оленя и много белых птиц. Клянусь, если не укротить его ярость, много храбрых уладов поляжет от его руки!

— Знаю я этого воина! — вскричал Конхобар. — Он еще совсем мальчик, сын Дехтире, и сегодня в первый раз отправился в чужие земли. Он обагрил руки в крови и никого не пощадит в Эмайн, если мы не встретим его как положено герою.

Подумав, они решили послать в поле три раза по пятьдесят женщин с обнаженной грудью. Едва мальчик завидел их, как им овладел стыд, и он спрятал лицо в подушки, лежавшие в повозке. Ярость покинула его, и тогда ему принесли праздничные одежды и воду для мытья. С великими почестями встречали Кухулина в Эмайн Махе.

Таковы деяния юного Кухулина, как Фергус рассказывал о них Айллию и Медб во время войны из-за быка из Куальнге.

3 Сватовство к Эмер

Когда Кухулин из мальчика стал юношей, не было в Уладе жены, которая не любила бы его за ловкость в бою, за легкость шага, за мудрость решений, за сладость речей, за красоту лица, за мужественность — словом, за все дары, отпущенные ему природой. В сражении Кухулин до тех пор сохранял осторожность, пока не сходила на него ярость и не загорался над его головой геройский огонь. А еще владел он многими искусствами — играл в шахматы и шашки, читал, прорицал, судил без обид. Но самое главное — был он прекраснее всех юношей на земле.

Недостатков же у него было всего три. Слишком он был юн годами и лицом тоже, так что если кто не знал его, то мог и на смех поднять. Еще он был слишком храбр. И слишком красив.

Наступил день, и сошлись на совет улады, недовольные тем, что их жены и дочери любят Кухулина. Долго они судили и рядили, а потом, чтобы поменьше их жены и дочери любили Кухулина и чтобы не погиб он, неровен час, не оставив наследника, решили найти такую девицу, которую Кухулин захотел бы взять в жены.

Девять мужей послал Конхобар, по одному в каждое из королевств Ирландии, с наказом обыскать все крепости и селения и найти дочь короля или знатного мужа, которая могла бы угодить Кухулину и стать его женой.

Прошел год, и все девять мужей вернулись ни с чем. Тогда Кухулин сам поехал свататься к девице, которая жила в Луглохта Лога, что значит Сады Луга, и которую звали Эмер, дочь Форгала Манаха Хитреца.

Он взял повозку, за которой не могла угнаться ни одна из повозок Улада, столь стремительны были впряженные в нее кони и искусен правивший ими возница. Девицу он отыскал на лужайке для игр, где ее

оказывали дочери богатых землевладельцев, учившиеся у нее шитью и вышиванию. Из всех девиц Ирландии лишь она одна была достойна стать его невестой, по крайней мере, так думал Кухулин, потому что она владела шестью дарами: красотой, нежным голосом, красноречием, искусством рукоделия, мудростью и непорочностью. Кухулин всегда говорил, что возьмет в жены только ту девицу, которая будет равной ему в красоте и знатности, в уме и ловкости, да в придачу будет шить лучше всех в Ирландии, ибо никакая другая не годится ему в жены. Вот почему он выбрал Эмер.

В тот день Кухулин обрядился в праздничное платье — алую рубаху с пятью складками, заколотую пряжкой с золотым рисунком, и белый плащ с капюшоном, отделанный красным золотом.

Девушки сидели рядышком на скамье, когда услышали топот копыт, грохот повозки, скрип ремней, треск колес, хрип коней и звон оружия.

— Пусть кто-нибудь поглядит, что за воин скачет к нам, — приказала Эмер.

Фиаля поднялась со скамьи, встретила юношу и привела его на лужайку, где их дождалась Эмер с подругами. Кухулин поздоровался со всеми, и Эмер, показав ему свое красивое лицо, сама тоже поглядела на него и сказала:

— Пусть с помощью богов будет ровной твоя дорога!

— И тебя пусть берегут они от всех врагов!

— Откуда ты, воин?

И он стал отвечать ей загадками, которые не под силу было разгадать подругам.

— Из Интиде Эмна.

— Где ты спал?

— В доме мужа, который пасет скот на лугах Тетры.

— А что ел?

— Для нас сварили остов повозки.

— Какой дорогой ты приехал?

— Той, что идет между двух покрытых лесами гор.

— А потом?

— Это просто, — сказал Кухулин. — От тьмы моря через великую тайну племен богини Дану, через пену коней Эмайн, через сад Морриган и спину великой свиньи. Дальше по долине великой лани между богом и его друидом, по спине жены, между кабаном и кабанихой, где

моют лошадей богини, между королем и его слугой к Монкуилле четырех сторон света, через великое преступление и объедки великого пира, между большим котлом и малым котлом к Садам Луга, к дочерям Тетры, племянника короля фоморов.

— А что ты скажешь о себе? — спросила Эмер.

— Я — племянник мужа, который исчезает в другом муже в лесу Бадб, — ответил Кухулин. — А что ты скажешь о себе?

— О, не много! — воскликнула Эмер. — Кем еще может быть девица, если не Тарой над горами, не дозорной, которая никого не видит, не прячущейся в воде угрихой, не бегущей прочь стремниной? Дочь короля — жаркое радушие и дорога, на которую никто не должен ступать. А еще здесь есть воины, которые стерегут меня от любого, кто пожелает увезти меня против их воли и воли злого короля Форгала.

— Кто эти воины, которые тебя стерегут? — спросил Кухулин.

— Если ты вправду хочешь знать, то слушай. Двоих зовут Луи, еще двоих Луатами, а еще есть Луат и Лат Гойбле, сыновья Тетры, Триат и Трескат, Бриан и Балор, Бас, сын Омнаха, еще восемь воинов по имени Кондла и еще Конд, сын Форгала. Любой из них силой равен ста воинам и ловкостью — девятерым. А уж как силен сам Форгал, этого я тебе не могу сказать, разве что он сильнее всех мужей, учнее всех друидов и умнее всех бардов. Если ты встретишься с ним, тебе не помогут игры, в которых ты закалил себя, ибо многие прославили его силу и подвиги.

— Почему ты думаешь, будто я слабее тех, о ком ты говорила? — спросил Кухулин.

— Потому что о твоих подвигах я не слыхала, — ответила Эмер.

— Клянусь, — вскричал тогда Кухулин, — что и о моих подвигах скоро заговорят по всей земле!

— Разве ты такой сильный?

— Я так скажу тебе. Когда на меня нападает слабость, я могу одолеть двадцать воинов, а напрягаясь всего на треть — тридцать. Когда же я в полной силе, то могу один выйти против сорока воинов, и сто человек не пропадут под моей защитой! Из страха передо мной мужи обходят стороной броды и поля сражений, и воинства отступают, едва завидят меня.

— Неплохо для юноши, — одобрительно заметила Эмер, — ведь ты не достиг еще возраста мужа, повелевающего в повозке.

— Мне повезло, — сказал Кухулин, — что воспитывал меня мой приемный отец Конхобар. Это не то что расти между печью и квашней,

между стенкой и очагом, не выходя за дверь дома. Не так я жил у Конхобара. Я рос среди воинов и героев, шутов и друидов, бардов и ученых мужей, среди знатных землевладельцев Улада, так что смог познать и их мудрость и их искусства.

— Кто эти люди, дарами которых ты похваляешься?

— Я скажу тебе. Красноречивый Сенха научил меня мудрости. Владелец земель и мой родич Блай взял меня к себе в дом, чтобы я познакомился со всеми подданными Конхобара. Фергус разрешил мне участвовать во всех битвах и сражениях, чтобы я научился владеть своей силой. Много времени простоял я рядом с бардом Амергином, моим учителем, чтобы уметь воздавать почести королю. Финдкоем вскормила меня, и Конал Кеарнах стал моим молочным братом. Ради Дехтире прекрасной Катбад научил меня мудрости друидов. Все улады приложили руку к моему воспитанию, и возницы и воины, и короли и барды, и теперь я любимец всего воинства, потому что сражаюсь за честь любого из них. А тебя, Эмер, — спросил Кухулин, — кто воспитывал тебя в Саду Луга?

— О, я скажу тебе! Меня воспитывали в наших старинных обычаях, в послушании и чистоте, в королевском достоинстве и добронравии, как благородную ирландскую девицу.

— Хорошо, — отозвался Кухулин. — Почему бы нам тогда не соединиться? До сих пор мне не встречалась девица, которая так говорила бы со мной.

— У тебя нет жены?

— Нет.

— Я не могу стать твоей женой, пока не замужем моя сестра. Она старшая.

— Но ведь я полюбил тебя, а не твою сестру, — возразил ей Кухулин.

Говоря так, Кухулин загляделся на груди девицы в вырезе рубахи.

— Прекрасны эти холмы для благородного плуга! — воскликнул он. Но и Эмер не смолчала.

— Не бывать на моих холмах тому, кто не поразит по сто мужей возле каждого брода от Альбана до Банхуиг Аркайта!

— Прекрасны эти холмы для благородного плуга!

— Не бывать на этих холмах тому, кто не пройдет жив и здоров от Самайна до Ойлмела и от Ойлмела до Белтайна, а потом от Белтайна до Брон Трогайна!

— Что ни прикажешь, я все исполню, — пообещал Кухулин.

— Тогда и я согласна, — сказала Эмер. — И с радостью даю тебе слово.

Больше они в тот день не говорили, потому что Кухулин сразу простился и уехал.

Повозка мчалась через Брегию, когда возница Лаэг спросил его:

— Что значили те слова, которыми ты обменялся с Эмер?

— Разве ты не понял, что я посватался к Эмер, и поэтому мы накинули на наши речи покрывало тайны. Если бы девицы, сидевшие рядом, что-то поняли, они бы рассказали Форгалу, а Форгалу это не понравилось бы. Но тебе, Лаэг, я открою смысл сказанного.

«Откуда ты, воин?» — спросила Эмер. «Из Интиде Эмна», — ответил я, что значит «из Эмайн Махи», потому что она взяла имя от Махи, дочери Аэда Красного, одного из трех королей Ирландии. Когда он умер, Маха потребовала королевство себе, однако сыновья Дитхорбы отвергли ее притязания, сказав, что не женское дело править королевством. Она же пошла на них войной и победила, после чего они долго жили на самом краю Коннахта, пока Маха не разыскала их, не взяла хитростью и не привела в цепях в Улад, где их сразу убили бы, если бы она не сказала: «О нет, я должна быть чистой перед людьми. Пусть они станут моими слугами и выроют вокруг меня ров, чтобы отныне и навеки здесь был главный город уладов». Она отколола золотую пряжку от своего воротника и очертила ею границы крепости. Вот откуда пошло название Эмайн Маха.

Муж, в доме которого мы спали, — Ранка. Он — рыбак Конхобара. Я сказал: «Муж, который пасет скот». Он ведь ловит в море рыбу, а рыба — скот, который пасется в море. Море же — равнина Тетры, короля королей фоморов.

«Для нас сварили остов повозки» — значит, что для нас зажарили на костре жеребенка, ведь лошадь тащит повозку.

«Между двух покрытых лесами гор» — значит между горой Слив Фуад на западе и горой Слив Куилинн на востоке в Ойрсиле между ними, иначе говоря, в лесу между ними.

Потом я сказал: «От тьмы моря», — что значит от равнины Муиртемне, потому что когда-то на ней было волшебное море, а в море жила черепаха, которая утащила на съедение много людей, пока не пришел Дагба со своей злой дубинкой и не запел:

Тишина на твою пустую голову,
 Тишина на твое черное тело,
 Тишина на твое черное чело.

Еще я сказал: «Через великую тайну племен богини Дану». А это великая тайна, о которой пошел великий слух, потому что я сказал Эмер о битве в Маг Туиред, о которой первыми прошептали людям подданные богини Дану.

«Через коней Эмайн». Когда Эма Немед, сын Намы, правил кельтами, для него вырастили в стране сидов двух коней, и едва отпустили их сиды, как помчался за ними сверкающий поток, и еще долго на земле лежала пена, чуть ли не год, поэтому потоку дали имя Уаниб, Пена-На-Воде, и до сих пор то место называется Уаниб.

«Спина великой свиньи», — я сказал, а сказал о Дримне Брег, или о гряде Брегин. На каждой горе и на каждом холме Ирландии сыновьям Милид мерещились свиньи, когда они приплыли из-за моря и захотели против воли племен богини Дану причалить к берегу.

«Долина великой лани, — я сказал, — между богом и его друидом». Это значит между сидом Энгусом Огом и его друидом. Между ними была одна женщина, жена кузнеца. И этой дорогой я ехал. Между горой сидов из Бруга, где живет Энгус, и сидом из Брезаля, то бишь друидом.

«По спине жены» — значит Бруине, в память о Боан, жене Нехта, сына Лабрайда. Она отправилась к тайному колодцу с тремя виночерпиями Нехта — Флексом, Лексом и Луамом, зная, что никто никогда не возвращался обратно живым и здоровым, если шел к колодцу без Нехта. Королеву же переполняла гордыня. Она во всеуслышание заявила, будто ничего с ней не случится, и обошла источник кругом, насмехаясь над его могуществом. Тут поднялись три волны и поранили ей оба колена, правую руку и глаз, и она убежала из крепости и долго бежала, пока не оказалась на берегу моря, а за нею, куда бы она ни бежала, мчался сверкающий поток. В крепости источник называли Сегайн, из него вытекает река Сегса и впадает в озеро Мохуа, а там текут Рука жены Нехта и Колено жены Нехта, Бойнн и Мет, и Аркайт от Финды до Тромы, и Спина жены — от Тромы до моря.

«Кабан, — сказал я, — и его кабаниха». Это между Клейтах и Фесси, потому что Клейтах — кабан, а еще король, вождь многих мужей, а Фесси называют самую большую свинью в доме селянина.

Еще я сказал: «Между королем Аны и его слугой». Это Керна, по которой мы ехали и которой дали имя после того, как Энна Игнех убил на горе Керну короля Аны и его управителя.

«Где моют лошадей богини». Это Анге, ибо в ней мыли коней богини Дану после сражения в Маг Туиред, и Анге ее называли поэтому.

«К Монкуилле четырех сторон земли». Это Муинсил, где Манн-селянин колдовал в своем четырехугольном подземном жилище, чтобы охранить скот Ирландии от мора во времена Бресела Брека, короля Лейнстера.

«Великое преступление» — Альбайн. Правил когда-то в Ирландии король Руад, сын Ригдонда из Мунстера, и он должен был встретиться с чужеземными послами. Отправился он в путь на трех кораблях, и на каждом корабле было по тридцать человек. Плыл он южнее Альбана, но что-то вдруг остановило его, и сколько он ни бросал золота и драгоценных камней в море, ничего не помогало. Тогда мужи стали решать, кому прыгать в море, чтобы узнать причину непонятного стояния, и выбор пал на Руада, сына Ригдонда. Он скользнул в воду, волны сомкнулись над ним, и он оказался на большом лугу, где его ждали девять прекраснейших жен, признавших, что это они остановили корабль, потому что иначе он бы никогда не пришел к ним. Девять дней пробыл Руад на дне моря с девятью красавицами, после чего они одарили его девятью кораблями, груженными золотом. Все это время его собственные корабли стояли на месте, удерживаемые волею жен. Когда Руад покидал их, одна из жен сказала, что понесла от него и он должен возвратиться к ним на обратном пути, чтобы забрать с собой своего сына.

Руад вернулся на свой корабль и продолжил путь, а обратно он плыл через семь лет и далеко от того места, где Руад встретился с женами. Когда корабль бросил якорь, морские жены сами явились к Руаду на бронзовом корабле, и ирландские мужи долго внимали неземной музыке. Жены вышли на берег с мальчиком и оставили его неподалеку от Руада и его воинов. Однако берег был скалистый, и мальчик, поскользнувшись, упал и умер. Жены увидели это и завопили: «Альбайн! Альбайн!» — что значит «великое преступление». Отсюда и название — Альбан.

«Остатки великого пира» — это Таилте. Там был великий пир в честь Луга, сына Этлена, после битвы в Маг Туиред. Это был свадебный пир.

«В саду Луга к дочерям племянника Тетры» — потому что Форгал Манах — сын сестры Тетры, короля фоморов.

А о себе я ей сказал, как сказал, потому что есть две реки в землях Рос, и Конхобар — имя одной из них, которая сливается с другой. Я же — племянник Конхобара. Что до мора, который падет на псов, то как еще мне было сказать о своей великой силе, ведь я в самом деле силен и безудержен в битвах и сражениях. Лес Бадб — это земля Рос, лес Морриган, Вороны Воинов, Богини Сражений.

А когда она сказала, что никто не взойдет на холмы ее груди, если не убьет трижды девять воинов одним ударом, но не тронет по одному из каждых девяти, то она думала о своих братьях Ибуре, Сейбуре и Катте. Она сказала, что я должен сделать, и я понял, что должен из трижды девяти воинов убить трижды восемь тремя ударами и принести ей и ее сестре их доли золота и серебра из крепости Форгала.

«Не бывать на этих холмах тому, кто не пройдет жив и здоров от Самайна до Ойлмела». Это значит, что я должен живым и здоровым сражаться от Самайна, то бишь с конца лета, до Ойлмела, до начала весны, и от начала весны до Белтайна, а от Белтайна до Брон Трогайна. «Ой» на языке бардов — имя овцы, а оймел — время, когда доят овец. «Суайн» — нежный звук, и обычно в Самайн можно услышать такие звуки. «Белтайн» — время огня. Каждый год в это время друиды колдовством разжигают костры и водят между ними скот, чтобы не было мора. «Брон Трогайн» — начало осени, когда земля дарит людям урожай, «Брон Трогайн» — роды земли.

Кухулин продолжил путь и к ночи был в Эмайн Махе.

Форгал возвратился в крепость, и с ним вместе его воины и землевладельцы, которым их дочери без промедления рассказали о юноше в прекрасной повозке и о его загадочной беседе с Эмер, из которой они не поняли ни слова. Землевладельцы поспешили к Форгалу, и уж он-то все понял.

— Знаю я, кто тут был! — вскричал он. — Глупый мальчишка из Эмайн Махи! Они с Эмер влюбились друг в друга, но у них ничего не выйдет, потому что я против.

Прикинувшись чужеземцем, посланцем короля галлов, Форгал будто бы для переговоров отправился в сопровождении своих воинов и с многими дарами, золотом и гальским вином, к королю Конхобару, и тот принял его с великими почестями.

Минули два дня, и на третий, когда улады принялись на все лады восхвалять Кухулина, Конала и других великих воинов, одержавших много славных побед, но больше всех Кухулина, Форгал сказал, что

неплохо бы Кухулину поучиться еще у жены-воительницы Скатах, которая живет в восточной части Альбана, а без этого, мол, его искусство еще не искусство.

На самом деле он думал, что если Кухулин примет его совет, то уж никогда не вернется обратно. Не так-то просто справиться с необузданными воинами Скатах.

Наутро Форгал отправился домой, а Кухулин проснулся и принялся готовиться к долгому путешествию, и с ним вместе непобедимые Лойгайре Буадах и Конал Кеарнах. Потом он вновь пересек равнину Брегия и еще раз встретился с Эмер, чтобы поговорить с ней на прощание, прежде чем взойти на корабль. Девушка рассказала Кухулину о том, что в Эмайн был Форгал, но не отговаривала плыть к Скатах, чем бы это ни грозило, желая ему стать первым в воинском искусстве. Эмер и Кухулин обещали до могилы хранить друг другу верность, и Кухулин отправился в Альбан.

Первую остановку воины сделали у кузнеца Донала, и тут увидели они, словно воочию, Эмайн Маху, отчего смутились Лойгайре и Конал и повернули назад. Форгал сотворил это колдовство, чтобы разлучить воинов и тем вернее погубить Кухулина, которому пришлось продолжать путь одному. Тяжело стало у него на сердце и в мыслях, но он решил держать слово и не возвращаться, не отыскав Скатах, даже если придется сложить голову.

Растерялся Кухулин, не зная, куда ему идти, но тут он увидел огромного зверя, похожего на льва. Не сводя с Кухулина настороженных глаз, зверь подошел ближе, но не набросился на воина. Он словно звал его за собой, и Кухулин повиновался ему. Вскоре зверь остановился и повернулся к Кухулину боком. Кухулин вскочил ему на спину, и зверь четыре дня и четыре ночи вез его неведомо куда. В конце концов вдалеке показалось человеческое жилье. На лугу было много играющих юношей, которые, заметив Кухулина на спине чудовища, принялись смеяться над ним. Тогда Кухулин спрыгнул на землю, попрощался со зверем, и тот в мгновение ока исчез, словно его никогда не было.

Вскоре Кухулин подошел к большому дому, и к нему вышла прекрасная девушка.

— Добро пожаловать, Кухулин.

Кухулин спросил, откуда она знает его имя, и девушка ответила:

— Я жила приемной дочерью у сакса Ульфкина, когда ты пришел учиться у него красноречию.

Она накормила его мясом, напоила вином, и он пошел дальше.

Вскоре Кухулину повстречался юноша, который тоже приветствовал его и сказал, что его зовут Эоху. Кухулин спросил его, какая дорога ведет в крепость Скатах, и юноша показал ему дорогу через Несчастливую Равнину, что раскинулась перед ними, предупредив, что поначалу трава будет словно подталкивать его идти быстрее, а потом станет цеплять его за ноги и не пускать его. И он дал ему колесо, чтобы полпути Кухулин бежал за ним, а для другой половины дал яблоко, чтобы Кухулин бросил его на землю и шел по его следу, никуда не сворачивая. Он много рассказал ему о том, что случится с ним и как ему одолеть все беды и опасности, а на прощание предрек ему великую славу. Когда же они распрощались, Кухулин сделал все, как ему сказал юноша, и, без труда одолев равнину, пошел дальше. Впереди лежала долина, кишевшая чудовищами, которых наслал в нее Форгал, не оставивший надежды погубить Кухулина, и была в ней только одна безопасная тропинка, о которой Кухулин тоже узнал от юноши. Когда же долина осталась позади, впереди встала высокая неприступная гора, но и ее одолел Кухулин.

Наконец он добрался до того места, где жили ученики Скатах, и увидел среди них Фердиада, сына Дамана, а еще Наойзе, Айнле и Ардана, трех сыновей Уснеха. Едва они узнали, что он из Ирландии, как бросились к нему с поцелуями и принялись расспрашивать о последних новостях. Кухулин в свой черед спросил, где ему найти Скатах.

— Видишь остров?

— Как мне добраться до него?

— По мосту, — ответили они. — Но перейти его могут лишь герои, и многие королевские сыновья лишились на нем своей жизни.

Мост же был такой с виду: посередине высокий, а с краев низкий. Если прыгать на него в первый раз, то он сужался, как человеческий волос. Если во второй, то он укорачивался чуть ли не до дюйма. Если в третий, то он делался скользким, как угорь. А если в четвертый, то он поднимался вверх, как корабельная мачта.

Все воины собрались на берегу посмотреть, как Кухулин будет одолевать мост. Трижды он прыгнул на него, и трижды у него ничего не вышло, отчего все вокруг стали смеяться, де слишком он молод и не дорос еще до таких подвигов. Разозлился Кухулин, и над головой у него вспыхнул геройский огонь, да и сам он стал похож на бога. Прыжком лосося одолел он половину моста и, едва коснувшись его ногами, был

уже на другом берегу, когда мост только начал выгибаться посредине. А на другом берегу стоял солнечный дом Скатах с семью большими дверьми и семью большими окнами между каждыми двумя дверьми. Внутри дома между окнами стояли три раза по пятьдесят скамей, и три раза по пятьдесят девиц в небесно-голубых платьях и алых плащах сидели на скамьях в ожидании Скатах.

Среди них была и Уатах, дочь Скатах. Она первая углядела незнакомого юношу, который был прекраснее всех юношей Ирландии, когда-либо пытавшихся одолеть мост, и тотчас полюбила его, отчего то бледнела, как снег, то краснела, как роза. И в рукоделье она наделала столько ошибок, спутав золотые и серебряные нитки, что Скатах не могла не заметить неладное.

— Вижу, тебе понравился юноша, — сказала она.

— Печально, что он должен вернуться домой, где бы ни был его дом, потому что, я знаю, его ждут там.

Перепрыгнув через мост, Кухулин подошел к дому и ударил в дверь копьём с такой силой, что оно прошло насквозь, и Скатах сказала на это:

— Воистину, юноша одолел все наши премудрости в другом месте.

Уатах открыла дверь, и Кухулин спросил ее, где ему искать Скатах, а потом отправился на то место, где она под высоким тисом учила воинскому искусству двух своих сыновей Куара и Кета. Кухулин вытащил меч и, приставив его к груди Скатах и угрожая смертью, потребовал, чтобы она научила его всему, что она знает. Скатах ничего не оставалось, как согласиться.

Тем временем Лугайд, сын Нойса, великий король Мунстера, отправился с двенадцатью мужами на север свататься к двенадцати дочерям храбрых воинов Мак Роса, однако все они уже были невестами.

Форгал Манах прослышал об этом и помчался в Эмайн, чтобы сообщить Лугайду о самой прекрасной и благонравной девице Ирландии, которая все еще живет непросватанная в его доме. Лугайд очень обрадовался, когда Форгал пообещал ему в жены свою дочь Эмер, а его двенадцати воинам — двенадцать дочерей землевладельцев из Брегии. И поспешил в крепость играть свадьбу.

Когда привели Эмер и усадили рядом с ним, она взяла в ладони лицо Лугайда и сказала ему всю правду о своей любви к Кухулину, о которой ее отец и слышать не хотел, а еще предрекла ему бесчестие, если он силой захочет взять ее в жены.

Лугайд не посмел пойти против ее воли, боясь мести Кухулина, и ни с чем возвратился домой.

Кухулин все еще обучался воинскому искусству у Скатах, когда между ней и королевой Айфе разгорелась война. Уже на поле брани сошлись два воинства меряться силой, а Кухулин спал, опоенный сонным зельем, которое дала ему Скатах. Боялась она, что он будет биться один на один с Айфе, величайшей воительницей между воительниц на земле, владевшей не только воинским искусством, но и искусством творить колдовство. Однако не прошло и часа, как Кухулин проснулся, потому что зелья, которого любому хватило бы и на день и на ночь, ему даже на час оказалось мало.

Не медля, он поспешил вслед за воинством и вместе с сыновьями Скатах вступил в бой с тремя сыновьями Илсуанак, тремя лучшими воинами Айфе, и всех одного за другим убил Кухулин.

На другой день сражение разгорелось с новой силой, и два сына Скатах должны были сразиться с тремя сыновьями Эас Энхен, храбрцами Кире, Бире и Блайкне из воинства Айфе. Скатах тяжело вздохнула, боясь за своих сыновей, но тут выскочил вперед Кухулин и один справился со всеми тремя.

Когда Айфе увидала, что нет больше в живых ее лучших воинов, она вызвала на поединок Скатах. Однако вместо Скатах вышел к ней Кухулин, но прежде он спросил Скатах:

— Что Айфе дороже всего на земле?

— Ее два коня, ее повозка и ее возница, — ответила Скатах.

В яростной битве сошлись Кухулин и Айфе. Вот уже разлетелось на кусочки копье Кухулина и меч сломался у самой рукояти.

Тогда крикнул Кухулин:

— Смотрите! Упали в пропасть и разбились кони Айфе, ее возница и повозка!

Попалась на хитрость Айфе, отвернулась на мгновение, а Кухулин, нимало не медля, взвалил ее себе на спину и потащил туда, где стояла Скатах со своим воинством. Там он бросил ее на землю, приставил ей к груди меч, и она запросила пощады.

Кухулин пощадил ее, и Скатах заключила мир с Айфе, которая обещала никогда больше не нападать на нее.

Королева Айфе полюбила юного Кухулина, и это принесло им обоим много горя.

Кухулин отправился в обратный путь, и когда шел по узкой горной тропинке, то повстречал слепую на левый глаз старуху, которая потребовала,

чтобы он уступил ей дорогу. Кухулин отказал ей, не желая разбиться на выступавших из моря камнях, но она не отставала от него, и он, решив, чему быть, того не миновать, посторонился и чуть было не покатился вниз, но успел уцепиться за каменный выступ. Проходя мимо, старуха ударила его ногой по руке, однако Кухулин одним махом выскочил на тропу и снес старой карге голову, поняв, что его хотела погубить Эс Энхен, мать троих убитых им воинов. Она знала, как он чтит законы и что уступит ей дорогу, если она хорошенько его попросит.

После этого Кухулин еще ненадолго остался у Скатах, в совершенстве овладел воинским искусством, а там прибыл гонец из Эмайн Махи, и он распрощался со Скатах, которая рассказала ему обо всем, что с ним будет, ибо она владела мудростью друидов. Она рассказала ему, что его ждут великие дела и великие опасности, что он будет один сражаться с целыми воинствами, что победит он своих врагов и слава о его подвигах дойдет до Альбана, но что жизнь его будет недолгой и погибнет он в расцвете сил.

Кухулин взошел на корабль и отплыл в Ирландию, и с ним вместе Луггайд и Луан, сыновья Лоха, а еще Фербаэт, и Ларин, и Фердиад, и Дурст, сын Серба.

В ночь под Самайн они подошли к острову Рекрайн, и Кухулин, сойдя на берег, услышал чей-то плач, а вскоре увидел прекрасную девицу, рядом с которой никого не было. Кухулин спросил девицу, как ее зовут, и она сказала, что она Деворгил, дочь короля Рекрайна, которого фоморы принуждают каждый год платить дань. На сей раз ему нечего было дать им, и он оставил на берегу свою дочь.

— Откуда они приходят к вам? — спросил Кухулин.

— Издалека, — ответила девица. — И тебе лучше уйти, пока они тебя не заметили.

Однако Кухулин не пожелал оставить ее одну.

Почти тотчас появились три могучих воина-фомора и направились напрямиком к Деворгил, но не успели даже коснуться ее, потому что Кухулин набросился на них и перебил всех троих одного за другим. Правда, последнему все-таки удалось ранить его в руку, и девица оторвала от платья лоскут, чтобы перевязать рану. Она побежала к отцу рассказать, что случилось, а там и Кухулин пришел к королю, и вместе с ним его воины, которых с нетерпением поджидали Конал Кеарнах и Лойгайре Буадах, посланные из Эмайн Махи за данью. В те времена галлы платили дань Уладу.

Все говорили о чудесном спасении Деворгил, и многие хвастали, будто это они победили фоморов, потому что девица из-за темноты не сумела хорошенько рассмотреть своего спасителя. Принесли воды, и воины омыли перед пиром руки, а когда наступил черед Кухулина, то девица узнала его по лоскуту от своего платья.

— Я дам тебе мою дочь в жены и сам заплачу ее брачную долю, — сказал король.

— Нет, — отказался Кухулин. — Я должен, не медля, плыть в Ирландию.

Кухулин возвратился в Эмайн Маху, рассказал там о своих подвигах и, немного отдохнув, отправился к Эмер, которая все еще ждала его в отцовском доме. Тем временем Форгал и его сыновья прослышали о возвращении Кухулина и так укрепили свою крепость, так зорко стерегли Эмер, что Кухулин долгий год не мог даже краем глаза увидеть возлюбленную невесту.

Как-то раз Кухулин, его возница Лаэг и Лугайд отправились на берег моря возле Лох-Куан и там невысоко в небе увидели двух птиц. Кухулин вложил камень в пращу и ранил одну птицу. Они опустились на землю и превратились в двух прекраснейших девиц. Деворгил, дочь Рекрайна, со своей служанкой прилетела в Улад в поисках Кухулина, и в нее-то Кухулин попал камнем.

— Недоброе ты совершил, — сказала она Кухулину. — Я тебя искала, а ты ранил меня.

Кухулин приложил к ране губы, высосал камень и с ним немного крови.

— Ты не можешь стать моей женой, потому что я отпил твоей крови, — возразил ей Кухулин. — Но я сосватаю тебя за моего друга Лугайда Краснополосного.

Так он и сделал. Всю жизнь Лугайд любил свою жену, а когда она умерла, то и он умер от горя.

А Кухулин вновь отправился к Форгалу и, не утерпев, прыжком лосося перескочил через три стены. Оказавшись в крепости, три удара он обрушил на трижды девять воинов, и из каждых девяти спасся только один. Это были три брата Эмер — Сейбур, Ибур и Катт. Желая избежать мести Кухулина, Форгал попытался было перескочить через стены, но упал и разбился.

В обратный путь Кухулин отправился вместе с Эмер и ее молочной сестрой и забрал с собой много золота и серебра.

Неожиданно они услышали громкие крики. Это Скенменд, сестра Форгала, со своими воинами мчалась следом за ними, и возле брода Кухулин убил ее в поединке, отчего брод стал называться Бродом Скенменд. Однако ее воины не оставили Кухулина в покое, и возле другого брода он убил сто из них одного за другим.

— Ты совершил великий подвиг! — воскликнула Эмер. — Ты убил сто храбрых воинов, так пусть отныне этот брод называется Глондат, Брод Подвигов.

Потом они выехали на белое поле Ребан, и Кухулин нанес своим врагам три удара, отчего поле из белого стало красным.

— Красным стало сегодня поле Ребан! — воскликнула Эмер. — Ты это сделал, Кухулин!

С тех пор поле называют Кровавым.

Возле брода на реке Бойнн их вновь настигли враги, и Эмер вышла из повозки. Кухулин же погнал воинов вдоль берега, и потоки крови потекли из-под копыт его коней на север, а потом он погнал их в другую сторону, и потоки крови потекли на юг. С тех пор брод называют Ат-на-Имфуад, Брод Двух Потоков.

Возле каждого брода Кухулин убивал по сто воинов и сдержал слово, данное им Эмер, потому что живым и невредимым вышел из всех сражений, и еще не наступила ночь, как они уже были в Эмайн Махе.

Кухулин стал во главе всех мужей в Уладе, всех воинов и поэтов, всех глашатаев и музыкантов, трех вольнщников и трех шутов, чтобы не потерять вкус к острому словцу. И о них пел бард. Вот что он пел: «Нет на земле никого честнее юношей Ирландии, воинов Алой Ветви». А о Кухулине он пел: «Крепче железа наш Кухулин, могучий сын Дехтире».

Долгим было сватовство Кухулина, но вот пришло время, и он взял Эмер в жены. Одолев все преграды, он привел ее в Дом Алой Ветви, где ее от души приветствовали и Конхобар, и другие славные мужи Улада.

Было это в Эмайн Махе, которую зовут иногда Маха Копий, где король королей Конхобар построил Эахрайс Улад, Дом собраний уладов и свой главный дворец.

На славу возвел он главный дворец из трех дворцов — Королевского Дома, Сверкающего Дома и Дома Алой Ветви.

В Королевском доме было три раза по пятьдесят покоев со стенами из красного тиса с медными заклепками. Покои Конхобара располагались внизу, и стены там были из бронзы и серебра, украшенные золотыми птицами, на головках которых сверкали драгоценные камни.

От очага до стены в его покоях было девять перегородок тридцати футов высотой. Возле Конхобара всегда лежал прут из серебра с тремя золотыми яблоками, и стоило Конхобару потрясти этим прутом, как все во дворце замолкали.

В Доме Алой Ветви хранили головы и оружие побежденных врагов, а в Сверкающем Доме — мечи, щиты и копья героев Улада. Его и сверкающим называли из-за многоцветного сверкания мечей и копий с кольцами и бантами из серебра и золота, а также золотых и серебряных украшений на щитах и блистания драгоценных чаш и рогов.

Воины Алой Ветви имели в обычае немедленно платить за обиды, будь то в поле или в пиршественной зале, поэтому все оружие хранилось в одном месте. Там же висел меч Конхобара, прозванный Окайн, что значит «стонущий». Едва Конхобару начинала грозить беда, как его меч принимался стонать и вслед за ним стонали все мечи Улада. И Ламтапайд, Быстрая Рука, — меч Конала Кеарнаха. И Леохайн — меч Фергуса, и Уатах — меч Дуабтаха, и Нитах — меч Лойгайре, и Скиатарглан — меч Сенхи, и Комла Ката, Ворота Битвы, — меч Келтхайра, и много других мечей.

Щит Кухулина тоже висел там. И был это необычный щит.

Воины Алой Ветви постановили, что все щиты, которые изготовлял для них муж по имени Мак Энге, должны быть украшены по-разному. Когда Кухулин возвратился от Скатах, он тоже отправился к Мак Энге и попросил сделать для него новый щит.

— Не могу, — ответил Мак Энге, — потому что нет у меня рисунка для твоего щита.

Кухулин впал в ярость и пригрозил Мак Энге смертью, хотя тот был под защитой Конхобара.

Напуганный Мак Энге не знал, как ему быть, но тут к нему подошел неизвестный муж и спросил:

— Ты попал в беду?

— О да! — воскликнул Мак Энге. — Кухулин убьет меня, если я не изготовлю для него щит.

— Сделай так, — сказал неизвестный муж. — Насыпь на пол пепла в фут толщиной.

И ушел. Мак Энге послушался его, и тотчас неизвестный муж подошел к нему с другой стороны, держа в руках вилы, которые он одним зубцом упер в землю, а другим принялся чертить на пепле. Этот рисунок кузнец и перенес на щит Кухулина, прозванный Черным.

Что до меча Кухулина, который висел рядом со щитом, то имя его было Груайдин Кайлидхеан, что значит «очень-очень твердый». У него была золотая рукоять с серебряным рисунком. И если Кухулин сгибал его чуть ли не пополам, то лезвие вновь выпрямлялось, как живая лоза. Он мог разрезать волос на поверхности воды или срезать волос с головы, не повредив кожу, а еще он мог разрубить надвое человека, и это не сразу было заметно.

Еще там было копье Кухулина, имя которому Кае Булг, и появилось оно в Сверкающем доме необычным образом. Как-то два чудовища, которых звали Куруид и Койнхен, сражались на море, и когда один из них, Койнхен, выбрался на берег, то другой догнал его и убил.

Мало ли, много ли времени прошло, и Болг, сын Буана, героя из восточной земли, нашел кости Койнхена и сделал из них копье, которое он подарил великому герою, сыну Ибара, а потом оно переходило из рук в руки, пока не оказалось у Айфе. Айфе подарила его Кухулину, и он привез его в Ирландию. Это копье было у него в руке, когда он убил своего единственного сына, а потом своего друга Фердиада.

Триста шестьдесят пять воинов жили во дворце Конхобара, и каждый из них один раз в год служил на пиру. Это было нелегкое дело, ведь никого нельзя было обойти ни мясом, ни пивом. А за три дня до Самайна и через три дня после, когда собирались во дворце самые знатные мужи, служил им король Конхобар. Если кто из мужей не являлся на пир, значит, пора было рыть для него могилу и на другой день класть на нее памятный камень.

Великое множество бардов и друидов собиралось во дворце Конхобара, ибо там их встречали с почетом, хотя бы и гнали их от других дворов. Среди них был друид Катбад и его сын, прекрасноталикий Глеананн, и Сенха, и ученый Феркертне, и справедливый Моран, которого душил воротник, стоило ему ошибиться, и много-много других.

Одно время первым бардом был Адхна, а когда он умер, то первым бардом Улада стал Атхайрне. Однако Нейдхе, сын Адхны, возвратившись из Альбана, тоже пожелал стать первым поэтом. В Альбане о смерти отца ему рассказали волны, разбиравшиеся о берег, и он тотчас отправился в Эмайн Маху, где, не мешкая, уселся в кресло первого поэта, оказавшееся незанятым, и накинул на себя плащ первого поэта, лежавший рядом и украшенный перьями самых прекрасных птиц, какие только есть на земле. Когда после недолгой отлучки пришел Атхайрне,

они вступили в спор на языке поэзии, а Конхобар и все мужи внимательно слушали их и других бардов, вступавших в спор на стороне Нейдхе или на стороне Атхайрне.

Как бы то ни было, Нейдхе доказал, что он первый бард, однако едва его признали лучшим из лучших, как он встал с кресла, снял плащ и накинул его на плечи Атхайрне со словами:

— Теперь, когда умер мой отец, ты — мой господин и учитель.

Так Атхайрне остался первым поэтом, но его не очень любили из-за его алчности и скупости. Это он, придя как-то гостем в дом Мидира, тайком унес его трех журавлей неприветливости и жадности, чтобы ни один ирландец не вздумал ни о чем его просить.

— Уходи, уходи, — говорил один журавль.

— Не входи, не входи, — говорил другой журавль.

— Мимо иди, мимо иди, — говорил третий журавль.

После спора Нейдхе и Атхайрне король Конхобар отменил закон, согласно которому судьей мог быть только бард, потому что понимать поэтов было нелегко и даже король злился, не в силах уразуметь реплики, которыми обменивались Нейдхе и Атхайрне. Вот он и повелел назначать судьей мужа, не глядя на то, знаком он или не знаком с поэтической премудростью. Никто ему не возразил, и в конце концов новый закон сыграл добрую роль.

Двенадцать первых героев Конхобаровой Алой Ветви звали Фергус, сын Ройга, Конал Кеарнах Непобедимый, прославленный Лойгайре Буадах, Кухулин, сын Суалтайма, Эоган, сын Дуртхакта, вождя Фернмайге, Келтхайр, сын Утехайра, Дуабтах Доэл Уладх, Муинремар, сын Кеиргинда, Кетерн, сын Финдтайна, а еще Наойзе, Айнле и Ардан, три сына Уснеха.

4 Пир Брикриу, или Словесная Битва прекрасных жен Улада

Однажды Брикриу Злоязычный задумал задать великий пир в честь Конхобара, сына Несса, всех воинов и всех знатных мужей Улада. Цельный год он провел в приготовлениях к пиру и построил большой дом в крепости Рудрайге, очень похожий на Дом Алой Ветви в Эмайн, но превзошедший все дома в Ирландии размерами, удобством, роскошью

колонн, облицовки, резьбы и других украшений, о чем сразу же заговорили по всей Ирландии. Внутри он был точь-в-точь как питьевая зала в Эмайн, и в нем было девять перегородок от очага до стены, все из позолоченной бронзы, и тридцати футов в высоту. В передней части залы стояло на возвышении кресло Конхобара, украшенное бриллиантами и другими драгоценными камнями всех цветов и оттенков, которые сверкали, как золото и серебро, и ночь превращали в день. Рядом стояли двенадцать кресел для двенадцати героев Улада.

Не меньше, чем на дерево и камень, дивились люди на строительных дел мастеров, ведь одно бревно везли шесть коней и ставили один столб — шесть мужей. Тридцать самых искусных мастеров Ирландии присматривали за постройкой.

Брикriu приказал устроить для себя солнечную комнату на одном уровне с креслом Конхобара и креслами героев, и украсил ее как нельзя лучше, и застеклил по одному окну на каждой из стен, чтобы всех видеть в зале, ибо знал он, не сидеть ему рядом с героями Улада.

Когда зала и комната были готовы, он приказал принести занавеси и покрывала, кровати и подушки, мясо и вино и всего вдоволь, а сам отправился в Эмайн Маху звать на пир Конхобара и его воинов.

Случилось так, что все мужи Улада были в Эмайн Махе. Они приветливо поздоровались с Брикriu и усадили его рядом с Конхобаром.

— Я зову вас на пир, — сказал Брикriu.

— Что ж, я приму твое приглашение, если его примут все улады, — ответил Конхобар.

Однако Фергус, сын Ройга, и другие заявили:

— Мы не поедem. Если мы поедem, мертвых у нас станет больше живых, потому что Брикriu нас всех перессорит.

— Хуже будет, если вы не приедете, — пригрозил им Брикriu.

— А что ты сделаешь?

— Тогда всех перессорю, — сказал Брикriu, — королей и вождей, славных героев и простых воинов, пока вы все не перебьете друг друга. А если не выйдет, тогда поссорю матерей с дочерьми. Не выйдет это, поссорю всех жен Улада, чтобы они подрались друг с дружкой.

— Пожалуй, нам лучше принять приглашение, — сказал Фергус.

— Посоветуемcя с вождями, — предложил Сенха, сын Айлиа.

— Недоброе случится, если мы не решим, как нам быть, — сказал Конхобар.

Мужи собрались на совет, и первым заговорил Сенха:

— Во избежание беды ты, Конхобар, должен защитить себя от Брикриу, если собираешься ехать к нему. Приставь к нему восемь мечников, и пусть он покинет дом, когда накроет столы.

Фербер Фербесон, сын Конхобара, отправился к Брикриу.

— С радостью все исполню, — сказал он.

Мужи Улада покинули Эмайн — и король, и его свита, и его войско.

Брикриу же стал думать, как ему обмануть стражников и поссорить уладов. Первым делом он решил поговорить с Лойгайре Буадахом, сыном Конала, сыном Илайта.

— Доброго здравия тебе, Лойгайре Победитель, безжалостный молот Брегии, огненный молот Меата! Почему ты не первый из первых героев Улада?

— Могу быть и первым, если захочу, — ответил ему Лойгайре.

— И будешь, — сказал Брикриу, — если сделаешь, как я тебя научу.

— Сделаю.

— Ты станешь первым героем Ирландии, если сумеешь отвоевать долю победителя на моем пиру. За нее надо побороться, — продолжал он, — потому что она дорогого стоит. В ней много вина и в любое время покои в моем доме, в которых легко разместятся три добрых воина Улада, и семилетний боров, с рождения кормленный одним молоком, и вкусная еда весной, и творог со сладким медом летом, и орехи с хлебом осенью, и мясо с супом зимой. И еще семилетний бычок, вскормленный материнским молоком и сладкой травой, и пять дюжин сладких медовых пирогов. Такая доля победителя в моем доме. Ты же лучший из лучших в Уладе, и она по праву принадлежит тебе. Возьми ее. Когда день сменится вечером и пир будет в самом разгаре, пусть придет твой возница и возьмет твою долю победителя.

— Клянусь, если кто ему помешает, умрет на месте! — воскликнул Лойгайре.

Брикриу обрадовался, что у него так легко все получилось, и долго смеялся над Лойгайре Буадахом. Потом он подошел к Коналу Кеарнаху.

— Доброго здравия тебе, Конал, — сказал он, — герой многих битв и сражений, не раз побеждавший в бою героев Улада. Когда мужи Улада пересекают чужие границы, ты всегда на три дня и три ночи впереди и позади тебя уже много рек и бродов. Ты стоишь на страже Улада, и ни один враг не минует тебя незамеченным ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу. Почему бы тебе не быть первым из первых?

Ловко Брикриу обошел Лойгайре, но с Коналом Кеарнахом ему понадобилось вдвое больше ловкости. Убедившись, что Конал не прочь ввязаться в ссору, Брикриу догнал Кухулина.

— Доброго здравия тебе, Кухулин, победитель Брегии, сияющее знамя Лайфе, любимец Эмайн, баловень жен и девиц. Давно уже ты не Кухулин, ибо ты первый из первых героев Улада. Твое слово в спорах и ссорах последнее, твой суд справедлив, всем владеешь ты, о чем только могут мечтать мужи Улада. Храбр и доблестен ты без меры, и подвигам твоим нет равных. Почему же ты не берешь себе долю победителя, если ни один из мужей Улада не может сравниться с тобой?

— Клянусь! — вскричал Кухулин. — Если кто пожелает отнять ее у меня, поплатится головой!

Довольный Брикриу отошел от него и, как ни в чем не бывало, присоединился к войску, словно не задумал он поссорить первых героев Улада между собой.

Когда они наконец добрались до места, каждый занял положенное ему место в пиршественной зале. В одной половине дома расположились Конхобар и его свита, в другой — жены уладов.

Вместе с Конхобаром за стол сели Фергус, сын Ройга, Келтхайр, сын Утехайра, Эоган, сын Дуртхакта, Фиак и Фихайг, сыновья короля, Фергус, сын Лета, Кускрайд, Сенха, сын Айлиля, три сына Фиахаха, которых звали Рус, Даре и Имхад, Муинремар, сын Геайргинда, Эрге Эхбел, Амергин, сын Эсанта, Менд, сын Салхаха, Дуабтах Доэл Уладх, Ферадах Финд Фектнах, Феделит, сын Илайра Хетинга, Фурбайде Фербенд, Рохад, сын Фатхемона, Лойгайре Буадах, Конал Кеарнах, Кухулин, Конрад, сын Марнаи, Эрк, сын Феделита, Эолан, сын Фергуса, Финдтайн, сын Найала, Кетерн, сын Финдтайна, Факина, сын Сенкада, Кондла-лжец, медоворечивый Айлиль, знатные мужи Улада, а еще юноши Улада и барды Улада.

Пока шли приготовления к пиру, музыканты развлекали воинов, но едва накрыли на стол, как король приказал Брикриу удалиться, и воины с мечами повели его к двери, но на пороге Брикриу остановился и крикнул:

— Доля победителя в моем доме дорогого стоит. Пусть ее возьмет себе первый из первых героев Улада!

С этими словами он ушел.

Распорядители поднялись со своих мест, чтобы оделить всех вином и мясом, и вместе с ними поднялся Кедланг, сын Райангабра и возница Лойгайре Буадаха.

— Подайте долю победителя Лойгайре Буадаху, потому что она принадлежит ему по праву.

Тотчас вскочил со своего места Ид, сын Райангабра и возница Конала Кеарнаха, и потребовал отдать долю победителя Коналу Кеарнаху.

Не уступил им и Лаэг, сын Райангабра и возница Кухулина.

— Доля победителя принадлежит Кухулину. Мужья Улада покроют себя позором, если не отдадут ее ему, потому что он самый храбрый из храбрых в Уладе.

— Это неправда, — сказал Конал.

— Это неправда, — сказал Лойгайре.

Они повскакали со своих мест, схватили мечи и щиты и набросились друг на друга. Тогда в одной половине залы словно вспыхнул пожар, так сверкали мечи и копья, а в другой стало белым-бело от белых щитов. Всех охватил страх. И все были на ногах. Ярость охватила Конхобара и Фергуса, сына Ройга, когда они увидели, как двое напали на одного, как Конал и Лойгайре вступили в бой с Кухулином. Однако никто не посмел вмешаться, пока Сенха не шепнул Конхобару:

— Пора тебе сказать свое слово.

Конхобар и Фергус вышли на середину и встали между славными мужьями Улада, которым пришлось опустить мечи.

— Послушаетесь ли вы меня? — спросил Сенха.

— Да, — сказал Кухулин.

— Да, — сказал Конал.

— Да, — сказал Лойгайре.

— Вот мой совет вам. Сегодня мы разделим долю победителя поровну, а потом вас по справедливости рассудит Айлиль, король Коннахта, ибо мужьям Улада лучше решить свой спор в Круахане.

Все вновь расселись по своим местам и подняли задравные чаши. Ничто больше уже не нарушало воцарившегося веселья.

Брикriu и его жена все это время были в верхнем покое и наблюдали за тем, что происходило в зале. Раздосадованный Брикriu, которому не удалось поссорить мужей Улада, задумался о том, как ему поссорить жен Улада. Пока он думал, Федел Чистое Сердце вместе с пятьюдесятью другими женами покинула залу. Брикriu поспешил за ней.

— Доброго здравия тебе, жена Лойгайре Буадаха! Не зря называют тебя Федел Чистое Сердце, ибо всем ты взяла, и лицом, и мудростью, и знатностью. Сам Конхобар, король Улада, твой родич. Лойгайре

Буадах — твой муж. Первой ты должна входить в залу, ибо ты первая из первых жен Улада. Если ты сегодня раньше других переступишь порог залы, быть тебе навеки королевой над женами Улада.

Федел пошла дальше, а следом за ней из залы вышла Лендабайр Благодатная, дочь Эогана, сына Дуртхакта, и жена Конала Кеарнаха.

Брикriu поспешил к ней.

— Доброго здравия тебе, Лендабайр. Не зря называют тебя Благодатная, ибо к тебе обращают взоры и сердца мужи со всей земли. Нет никого красивее тебя. И если твой муж первый из первых мужей Улада, то ты по праву первая из первых жен Улада.

Брикriu ловко улепил Федел, но, чтобы улепить Лендабайр, ему понадобилось вдвое больше ловкости.

Потом вышла из залы Эмер и с нею пятьдесят жен.

— Доброго здравия тебе, Эмер, дочь Форгала Манаха, жена первого из первых мужей Улада! Не зря называют тебя Эмер Прекрасные Волосы. Короли и вожди Ирландии ссорятся из-за тебя друг с другом. Как солнце затмевает звезды, так ты затмевашь других жен красотой лица, знатностью рода, молодостью, добрым именем, мудростью и красноречием...

Ловко Брикriu улепил Федел и Лендабайр, но вдвое больше ловкости понадобилось ему, чтобы улепить Эмер.

Когда Федел, Лендабайр и Эмер сошлись вместе, они не знали, что Брикriu говорил со всеми тремя.

Они отправились в обратный путь и поначалу шли медленно, словно у них не было никаких задних мыслей. Но постепенно они все убыстряли и убыстряли шаг, а возле самого дома подхватили юбки и побежали, что было мочи, ибо они поверили Брикriu и пожелали возвыситься. Шуму от них было не меньше, чем от сорока повозок. Дом пошатнулся, и мужи схватились за оружие, когда их бросило друг на друга.

— Стойте! — крикнул Сенха. — Это не враги. Это опять проделки Брикriu. Теперь он подбил жен на ссору. Клянусь, если не закрыть перед ними дверь, то лучше уж быть мертвым, чем живым!

Привратники поспешили исполнить приказ, однако Эмер, опередившая других жен, изо всех сил уперлась спиной в дверь и стала кричать, чтобы ей открыли, пока ее не догнали Федел и Лендабайр. Мужья повскакали со своих мест, чтобы прийти на выручку своим женам.

— Недобрая ночь предстоит нам! — вскричал Конхобар и с такой силой ударил серебряным жезлом о бронзовый столб, что все тотчас расселись по своим местам.

— Угомонитесь, — сказал Сенха. — Нас ждет Словесная Битва, а не битва мечей.

После этого три жены под защитой своих мужей начали знаменитую битву слов прекрасных жен Улада.

Первой заговорила Федел Чистое Сердце, и она сказала так:

— Мать, носившая меня под сердцем, была свободной и знатной женой, ровней моему отцу, и в жилах у меня течет кровь королей, отчего воспитывали меня как королевскую дочь. Я красива лицом и телом, благонравна, учтива и храбростью не уступаю доблестному воину. Посмотрите на моего мужа Лойгайре! Разве мало его красные руки сделали для Улада? Он один стережет границы от врагов. Он — наша защита. Он — первый из первых. Его победы славнее побед других героев. Почему же мне, прекрасной и веселой Федел, не вступить сегодня первой в пиршественную залу?

Второй заговорила Лендабайр, и она сказала так:

— Я тоже красива, мудра и учтива, и это я должна первой войти в пиршественную залу. Мой муж — непобедимый Конал. Гордо поднята его голова, когда он идет в бой. И гордо поднята его голова, когда он возвращается победителем с головами своих врагов. Он всегда готов биться за Улад. Все броды под его защитой. Он — герой из героев. Кто посмеет оспорить храбрость сына благородного Амергина? Конал ведет за собой храбрых мужей Улада. Все взгляды устремлены на славную Лендабайр! Так почему бы мне не переступить первой порог королевской залы?

Третьей заговорила Эмер, и она сказала так:

— Ни одна из жен не сравнится со мной в красоте и мудрости. Ни одна не сравнится со мной в блеске глаз, доброте, благонравии и здравомыслии. Никто не умеет радоваться и любить сильнее, поэтому все мужи Улада желают меня и все держат меня в своих сердцах. Будь я доступна им, уже завтра их жены остались бы без мужей. Кухулин — мой муж. Если он пес, то сильный пес. Кровь на его копье, кровь на его мече, его белое тело черно от крови, его нежная кожа вся в шрамах от мечей и копий. На запад устремлен его огненный взор. Нет защитника у Улада надежнее его! Повозка у него красная, и подушки в повозке тоже красные. Как лосось прыгает он, совершая геройский прыжок. И черный подвиг, и слепой подвиг, и подвиг девятерых на его счету. Если выходит против него воинство, он его побеждает. И спасает гордые воинства от гибели. И находит радость в страхе врагов. Ваши герои

не сто́ят и травинки под ногами моего мужа Кухулина. И жены отворачиваются, едва завидят их. Мой муж — алая чистая кровь, а они — нечистоты, для которых жалко пучка травы. Прекрасные жены Улада похожи на коров, когда стоят рядом с женой Кухулина.

Выслушав речи жен, Лойгайре и Конал бросились на стены и пробили в них дыры в свой рост, а Кухулин высоко поднял ближайшую стену, так что стали видны небо и звезды.

Первой вошла в залу Эмер и следом за ней пятьдесят жен, которые были с нею. А за ними и те дважды пятьдесят жен, которые сопровождали Федел и Лендабайр, которым не под силу было сравниться с Эмер, как их мужьям не под силу было сравниться с Кухулином.

Со всего маху Кухулин опустил стену, и она на семь футов ушла в землю, отчего дом перекошило и Брикриу с женой выпали во двор в самую грязь, где собаки рыли землю в поисках отбросов.

— Горе мне! — крикнул Брикриу. — Враги!

Когда он вскочил на ноги и увидел, что случилось с его домом, то хлопнул в ладоши и, как был, весь в грязи побежал в залу. Поначалу его никто не узнал, и тогда он вышел на середину и сказал:

— Горе мне, мужи Улада, что решил я задать для вас пир! Дороже всего на земле мне мой дом, поэтому кладу на вас заклятье: не пить вам, не есть и не спать, пока вы не уйдете из моего дома тем же путем, каким вошли в него.

Все вместе взялись мужи Улада за стены, но дом даже не покачнулся.

— Что нам делать?

— Делать нечего, — сказал Сенха. — Придется просить Кухулина о помощи.

Тогда мужи взмолились, чтобы Кухулин вытащил стену из земли, и громче всех кричал Брикриу:

— О король ирландских героев, если ты не поставишь дом как следует, никто его не поставит!

Пожалел Кухулин голодных воинов. Он встал, но с первой попытки и у него ничего не вышло. Тогда он рассердился, и над головой у него вспыхнул геройский огонь. Из всех сил потянул он за стену, так что ребра у него разошлись и между ними могла бы поместиться нога мужа. Стена встала на место, и дом снова был как прежде.

Улады вспомнили о мясе и вине. На одной стороне пировали могучие мужи во главе с Конхобаром, королем из королев Улада, а на другой

стороне их жены — Федел Девяти Обличий (девять разных обличий она могла принять, и одно было прекраснее другого), и Финдкоем, дочь Катбада и жена Амергина Железная Челюсть, и Деворгил, жена Лугайда Краснополосного, и Эмер, и Федел Чистое Сердце, и Лендабайр, и другие знатные жены, всех и не перечислить.

Вскоре, однако, вновь поднялся шум. Это жены принялись расхваливать своих мужей. Не дожидаясь, пока их спор перейдет в ссору, встал со своего места Сенха, сын Айлиля, потряс веткой с колокольчиками и сказал так:

— Хватит с вас и одной битвы слов, а не то ваши мужья побелеют от ярости и тоже накинута друг на друга.

По вине жен разбиваются щиты мужей, и они идут сражаться и убивать друг друга.

По вине жен мужи творят несообразное, рушат то, что не составить вновь, сносят с лица земли то, чего не вернуть. Уймись, жены героев! А то накличете беду на свою голову!

Эмер ответила ему:

— Сенха, есть у меня право говорить, потому что я — жена первого из первых героев, который всех превосходит красотой, мудростью, красноречием, ибо он многому учился у многих!

Никто не в силах превзойти его в подвигах: ни в нагрудном подвиге, ни в яблочном подвиге, ни в призрачном подвиге, ни в кошачьем подвиге, ни в красно-вихревом подвиге, ни в копийном подвиге, а еще в быстром ударе и в огненном дыхании, и в геройском крике, и в колесном подвиге, и никто не бросается так на острые шипы, как он.

Никто не сравнится с ним в юных летах, в красоте, в уме, в знатности, в сладкоречии, в храбрости, в доблести, в живости, в ловкости. Никто не сравнится с ним в охоте и в беге, в силе, в победах и в величии. Нет на всей земле мужа, который стоял бы вровень с Кухулином.

— Эмер, если то, что ты говоришь, правда, — сказал Конал Кеарнах, — пусть поднимется твой герой, и мы все поглядим, на что он способен.

— Ну уж нет, — вздохнул Кухулин. — Я устал. Вот наемся и выплую, а там посмотрим.

Правду сказал Кухулин. Утром того самого дня он увидел возле серого озера, где Слив Фуад, Серого Коня из Махи. Едва тот вышел из озера, как Кухулин обхватил его руками за шею и проскакал на нем всю

Ирландию, прежде чем привел его, но уже послушного своей воле, обратно в Эмайн. Точно так же он укротил Черного Кинглайна из черного озера Санглен.

Он сказал:

— Сегодня Серый Конь из Махи прокатил меня по великим равнинам Ирландии, по Брегии Меат, приморскому болоту Муиртемне Маха, Мой Медбе, по Курех Клейтех Керне, Лиа в Линн Локарне, Фер Фемен Фергне, Курос Домнанде, по Рос Ройгне и Эо. И теперь я хочу есть и спать. Клянусь, кто помешает мне, горько пожалеет об этом.

— Шутка слишком затянулась, — сказал Брикриу. — Пусть несут мясо и вино, а битву жен отложим на потом.

Так они и сделали. Три дня и три ночи мужи и жены Улада ели, пили и веселились до упаду.

5

Борьба за первенство в Уладе

Попиравав, мужи и жены Улада возвратились в Эмайн, и с новой силой разгорелся спор между Коналом, Лойгайре и Кухулином за долю победителя. Пришлось вмешаться Конхобару и его мудрым советникам. Конхобар повелел героям отправляться в Круахан, что в Коннахте, чтобы рассудили их Айлиль и Медб.

— А если и они вам не указ, — сказал он, — поезжайте к Курою, сыну Дайре, в Слив Мис, что в Мунстере. Он рассудит вас по совести. Курой честен и справедлив, его дом всегда открыт для гостей, его рука крепка в бою, он все понимает и никого не боится, как настоящий король. Он даст вам мудрый совет, но только спрашивать его должен храбрый человек, ибо он сведущ в колдовстве и умеет то, чего никто не умеет.

— Сначала мы поедem в Круахан, — решил Кухулин.

— Согласен, — сказал Лойгайре.

— Едем, — заторопился Конал Кеарнах.

— Пусть первыми приведут твоих коней и первой запрягут твою повозку, — Кухулин сказал Коналу. — Поезжай первый.

— Мне это не нравится, — возразил Конал.

— Все знают, как упрямы твои кони и как ненадежна повозка, — заявил Кухулин. — Она такая тяжелая, что оставляет следы, по которым тебя и через год можно найти.

— Ты слышишь, Лойгайре? — завопил Конал. — Поезжай ты первый!

— Не смей меня, — отозвался Лойгайре. — Никто быстрее меня не придет к броду и никто быстрее не отразит даже тучу летящих копий. Однако я предпочитаю узкие тропинки, и лучше мне не встречать другие повозки, чтобы не пугать воинов, которым всего-то и надо, что проехать мимо.

С этими словами Лойгайре запряг коней и прыгнул в повозку. Он направился на запад через Маг-да-Габал, равнину Двух Вил, через Бернайд-на-Форайре, Смотровую Брешь, через брод Карпат Фергус, через брод Морриган по направлению к Каэртхунд Клуана-да-Дам, Рябиновый Луг Двух Волон, через Дандеалган, Маг Слисах, Голую Равнину, и Брегию. Немного прошло времени прежде, чем его догнал Конал Кернах с другими доблестными мужами Улада.

Кухулин же не спешил, забавляя жен Улада своими подвигами. Девять подвигов он совершил с яблоками, девять — с копьями, девять — с ножами, не дав им ни разу упасть или коснуться друг друга. А еще он взял у них трижды пятьдесят иголок и подбросил их вверх одну за другой, так что каждая следующая вдевалась в глазок предыдущей. Потом он отдал женам их иголки.

Тем временем Лаэг везде искал его, а когда нашел, то принялся петь ему:

— Жалкий слепец, совсем не осталось в тебе храбрости! Никогда не получишь ты долю победителя, потому что Конал и Лойгайре раньше тебя явятся в Круахан.

— Не думал я ехать, Лаэг, — признался Кухулин. — А теперь готовь повозку.

Лаэг запряг коней, и они отправились в путь.

К этому времени два героя Улада уже добрались до Маг Бреаг, Великолепного Луга, однако Кухулин, подстрекаемый Лаэгом, так мчался на Сером Коне из Махи и Черном Кинглайне через Слиав Фуад и Брегию, что догнал их задолго до Круахана.

Улады не жалели коней, под копытами которых сотрясалась земля. В Круахане оружие падало со стен на пол, и люди трепетали, как тростник на берегу реки.

Медб сказала на это:

— С тех пор, как я в первый раз приехала в Круахан, ни разу не помню такого грома, а ведь на небе ни облачка.

Финдабайр Прекрасные Брови, дочь Айлиля и Медб, встала с кресла и поднялась в свой солнечный покой над большими воротами, чтобы посмотреть, кто едет. У нее было орлиное зрение.

— Матушка, я вижу повозку.

— Какая она? — спросила Медб. — Какого цвета впряженные в нее кони? Ты знаешь воина, который сидит в ней?

— Вижу! Вижу! — воскликнула Финдабайр. — Два коня впряжены в повозку. Оба серые в яблоках и не уступают друг другу ни в росте, ни в красоте, ни в беге. Уши у них прижаты, головы высоко подняты, ноздри раздуты, лбы широкие и груди тоже, гривы и хвосты кудрявятся, и шаг у обоих ровный и быстрый. Повозка сделана из хорошего дерева и вся блестит. Еще я вижу два черных колеса и упряжь, украшенную серебром. Сидит в ней муж с рыжими волосами и длинной бородой, разделенной надвое, как вилы. На нем алый с золотом плащ. Бронзовый щит окаймлен золотой полосой. В руке у него копье, а на голове шапка из перьев невиданных птиц.

— Знаю, кто это, — откликнулась Медб. — Друг королей, всегдашний победитель в битвах, буря в войне, огонь в споре, нож в победе, который разрежет нас на куски. Могучий Лойгайре Красная Рука. Его меч рубит людей, как нож режет лук. И кулак его бьет не слабее, чем волна бьет берег. Клянусь богами моего народа, коли Лойгайре Буадах в ярости и едет драться с нами, то, как лук срезают близко к земле, так и нас он срежет и многих других в Круахане, если не умилюстивим мы его богатыми подношениями.

— Матушка, — крикнула Финдабайр, — я вижу еще одну повозку. И она не хуже первой.

— Расскажи мне о ней, — приказала Медб.

— Один впряженный в нее конь рыжий. Широкими прыжками одолевает он броды и реки, горы и долины, и быстр он, как птица. Мне не уследить за ним. Другой конь гнедой. На полном скаку перепрыгивает он через поля между горами и скалами, и дубы ему не помеха. Куда-то торопится он. Повозка из хорошего дерева и вся изукрашена, колеса из сверкающей бронзы, и упряжь блестит серебром.

В повозке прекрасный обликом муж с длинными волнистыми волосами, щеки у него белые с ярким румянцем, и рубаха на нем белая, чистая, плащ — синий с алым, щит у него коричневый с желтым и по краю отделан бронзой. В руке у него сверкающее копье, а на повозке покрывало из перьев невиданных птиц.

— Знаю я, кто это, — отозвалась Медб. — Рык льва, огонь, который убивает, как острый камень. Привычно ему складывать голову к голове, из одной битвы бросаться в другую. Как форель режут острым камнем, так нас взрежет сын Финдкоем, если он в ярости.

Клянусь всеми клятвами моего народа, как пятнистых рыбин бьют на красном камне железными прутьями, так нас побьет Конал Кеарнах, если он решил пойти против нас.

— Я вижу еще одну повозку! — крикнула Финдабайр.

— Рассказывай! — приказала Медб.

— В нее впряжены два коня под стать друг другу. Уши у них прижаты, головы подняты. Это красивые и сильные кони, ноздри у них раздуты, лбы широкие, гривы и хвосты завиты. Когда они идут шагом, комья земли вылетают у них из-под копыт, как стаи птиц, а когда бегут — пар вырывается из ноздрей и огонь из пасти. Один конь серый, легкий, стремительный. Другой — черный, с маленькой головой, ни в чем он не уступает первому. Весело скачут они рядом, словно туман в горах, олень на холме, заяц на равнине или зимний ветер в ночи.

Повозка сделана из самого лучшего дерева, колеса у нее железные, упряжь сверкает серебром, бронзой и золотом.

В повозке сидит усталый муж с потемневшим лицом, прекраснее которого не сыщешь во всей Ирландии. На нем алая туника, на груди пряжка из золота, а поверх плащ с белым капюшоном, украшенным золотом. Брови у него черные, как черна земля под ногами, глаза семи цветов и волосы тоже, а во взгляде у него любовь и пламя. На коленях он держит меч с золотой рукоятью, под рукой у него лежит копье с острым наконечником, а на спине висит алый щит с серебряным ободком и золотыми фигурками зверей.

Впереди сидит возница. Он высокий, худой и весь в веснушках. У него рыжие волосы, на них золотой венец. На нем короткий плащ, и в руках, голых по локоть, он держит вожжи.

— Воистину, то были капли перед ливнем, — сказала Медб. — Знаю я этого мужа. Он — как шум разгневанного моря, как огромная волна, в которой безумие дикого зверя, поднятого охотниками. Во время битвы он мчится прямо на врагов, и в его крике они слышат свою смерть. Он совершает подвиг за подвигом и кладет одну голову на другую, не считая. Его имя славят в песнях. Как на мельнице растирают солод в порошок, так нас разотрет по земле Кухулин.

— Клянусь клятвой моего народа, — продолжала Медб, — если мельница с десятью жерновами растирает солод в пыль, то он и вовсе сотрет нас с лица земли, будь даже с нами целое воинство, если гнев не оставит его.

— Как скажут остальные улады? — спросила Медб.

Финдабайр ответила ей:

— Рука к руке, плечо к плечу, колесо к колесу. Так они скажут. Их кони словно гром в небе, словно волны, поднятые бурей, и земля дрожит под их копытами.

— Пусть наши жены принесут много холодной воды в бадьях, постелят мягкие ковры, нажарят вкусного мяса, сварят лучшего эля. Открывайте ворота, встречайте их по-доброму, и они не причинят нам зла.

Медб сама вышла во двор. И с ней трижды пятьдесят юных девиц с тремя бочками холодной воды, в которой она решила остудить воинственный пыл героев.

Потом она спросила их, будут они жить в одном доме или порознь, каждый в своем?

— Каждый в своем, — ответил Кухулин.

Прискакали остальные улады. Их тоже встретили Медб и Айлиль со всеми своими чадами и домочадцами и предложили им еду и постель.

Вышел вперед Сенха и поблагодарил Медб и Айлиля за гостеприимство.

Улады поспешили следом за хозяевами во дворец, и все нашли себе пристанище. Тем временем музыканты услаждали слух гостей музыкой. Конхобар и Фергус, сын Ройга, остались в покоях Айлиля, а еще было девять покоев, и пировали там три дня и три ночи.

Когда все отпировали, Айлиль спросил Конхобара, что привело его в Круахан. Сенха ответил вместо Конхобара и все рассказал ему о ссоре жен, желавших первыми войти в пиршественную залу, и о ссоре мужей, желавших забрать себе долю победителя.

— Рассуди их, — попросил Сенха.

Айлилю это не понравилось.

— Не в добрый час недобрый друг вспомнил обо мне.

— Нет никого справедливее тебя, — стоял на своем Сенха.

— Мне надо подумать, — сказал Айлиль, требуя отсрочки.

— Не думай слишком долго, — попросил его Сенха. — Кто защитит нас, если нет с нами наших героев?

— Три дня и три ночи.

— Три дня не повредят дружбе, — согласился Сенха.

Лойгайре, Конал и Кухулин остались ждать суда Айлиля, а остальные улады отправились в обратный путь, благодаря Медб и Айлиля и ругмя ругая злонравного Брикриу, затеявшего всех поссорить между собой.

В тот же вечер в честь трех героев Медб и Айлиль задали пир, не хуже того, который задал уладам Брикриу, но только пировать герои должны были втроем. Едва стемнело, в залу ворвались отпущенные из пещеры сидов чудовища в облики кошек. Конал и Лойгайре подскочили до потолка и до самого утра просидели на стропилах, забыв о мясе и вине.

Один Кухулин не встал с кресла. Едва чудовище приблизилось к нему, как он ударил его мечом, и хотя меч соскользнул с каменной головы, чудовище больше ни разу не пошевелилось. Кухулин всю ночь не сводил с него глаз.

С первыми лучами солнца воинственные кошки исчезли, а потом пришел Айлиль, от которого ничего не укрывлось.

— Теперь Кухулин может взять долю победителя? — спросил он Конала и Лойгайре.

— Нет, — ответили они в один голос, — потому что мы вышли сражаться с воинами, а не с кошками.

— Придется вам тогда, — сказала Медб, — эту ночь провести в доме моего приемного отца Эркола и его жены Гармны.

Но сначала Медб и Айлиль на славу накормили и напоили героев. Когда же они пожелали накормить коней, то Конал и Лойгайре взяли двухлетний овес, а Кухулин — отборный ячмень. Потом они отправились в путь и всю дорогу старались обогнать друг друга, но первым все же был Кухулин.

Эркол и Гармна приветливо встретили героев, которые не скрыли, что приехали ради испытания, и тогда Эркол и Гармна отправили их одного за другим сражаться с жившими в долине ведьмами.

Первым пошел Лойгайре, однако он не устоял против ведьм и возвратился без оружия и доспехов.

Вторым пошел Конал и тоже не устоял, но потерял только копье, а меч сохранил.

Третьим пошел в долину Кухулин. Ведьмы с воплями набросились на него, но Кухулин не отступил. Вот уже от копья и щита остались одни обломки, а ведьмы все били и били его без устали.

Увидел это Лаэг и крикнул:

— Эй, Кухулин! Бессильный трус! Слепой шут! Куда делась твоя храбрость? Или ты хочешь, чтобы ведьмы одолели тебя?

Разгневался Кухулин и стал крушить и рубить окруживших его ведьм так, что вскоре всю долину залил их кровью. Когда же он возвратился с ведьминными доспехами, Гармна и ее дочь Буан обрадовались, увидев его целым и невредимым, и с почетом проводили в дом.

Ночью герои отдыхали, а на другой день поутру Эркол вызвал их всех троих одного за другим на поединок.

Первым оседлал коня Лойгайре, но не успел он и глазом моргнуть, как конь Эркола убил его коня, а Эркол чуть не убил его самого, так что он побежал в Круахан и всем рассказал, что Эркол убил Конала и Кухулина.

Конал тоже бежал после того, как конь Эркола убил его коня, а его слуга утонул в реке, которую с тех пор называют Снам Ратханд.

Зато Серый Конь из Махи не уступил коню Эркола и сам убил его, и Кухулин одолел Эркола, после чего привязал его сзади к повозке и поехал в Круахан.

Буан, дочь Гармны, побежала следом за ним, потому что полюбила Кухулина и не пожелала с ним расстаться. Следы от повозки Кухулина не терялись среди других следов, потому что он всегда ехал напрямик и нигде не сворачивал, даже если на его пути оказывались скала или глубокое ущелье. В одном таком месте Буан не рассчитала своих сил, упала и ударилась головой о камень. Она умерла, и то место стали называть Могилой Буан.

Когда Конал и Кухулин объявились в Круахане, то не сразу догадались, почему их оплакивают, ведь они не знали о лживой вести Лойгайре, будто они оба погибли от руки Эркола.

Все поняв, Айлиль скрылся в своем покое и долго стоял, прислонившись к стене. Он старался успокоить свои мысли, ибо знал, какая великая опасность грозит его королевству, если он совершит ошибку. Три дня и три ночи он не ел и не спал, пока Медб не сказала ему:

— Ты трус и только зря тянешь время! Я сама рассужу их, если ты боишься!

— Не под силу мне судить героев, — согласился с ней Айлиль. — Да и кому это под силу?

— Мне, — заявила Медб. — Да и что в этом трудного? Лойгайре и Конал Кеарнах не похожи друг на друга, как бронза и серебро.

И Конал Кearnах с Кухулином не похожи друг на друга, как серебро и красное золото.

Поразмыслив, Медб призвала к себе Лойгайре Буадаха.

— Привет тебе, Лойгайре Буадах, — сказала она ему. — Мы считаем тебя первым из первых героев Улада и тебе отдаем долю победителя вместе с чашей из бронзы, на дне которой серебряная птица. Возьми ее как знак нашего суда, но никому ее не показывай, пока не представишь перед Конхобаром и всеми воинами Алой Ветви. Увидишь, что несут долю победителя, доставай чашу, и никто не посмеет оспорить ее у тебя, ибо мы вручаем тебе знак твоего первенства. — Лойгайре подали чашу, до краев наполненную сладким вином, и он одним глотком опорожнил ее. — Ты — первый из первых, — повторила Медб. — Живи сто лет и радуйся жизни, лучший из лучших в Уладе!

Едва Лойгайре ушел, как Медб призвала к себе Конала Кearnаха.

— Привет тебе, Конал Кearnах, — сказала она. — Мы считаем тебя первым из первых героев Улада и тебе отдаем долю победителя. Прими от нас серебряную чашу с золотой птицей на дне.

Напутствовав его так же, как она напутствовала Лойгайре, она попрощалась с ним и призвала к себе Кухулина.

— Король и королева зовут тебя к себе, — сказал ему гонец.

В это время Кухулин играл в шахматы со своим возницей Лаэгом.

— Что я, дурак, чтобы шутить со мной шутки? — вскричал Кухулин и швырнул в гонца шахматной фигурой, попав ему между глаз, отчего он упал и умер, и Айлиль и Медб его не дождалась.

— Клянусь! — воскликнула Медб. — С Кухулином нелегко иметь дело!

Она сама пошла к нему и обняла его обеими руками за шею.

— Обманывай других, — сказал ей Кухулин.

— Великий сын Улада! Слава Ирландии! — вскричала Медб. — У нас и в мыслях не было обмана. Даже если бы все герои Ирландии собрались здесь, доля победителя все равно досталась бы тебе, потому что никто не сравнится с тобой храбростью, славным именем, молодостью, великими подвигами!

После этих слов Кухулин встал и вместе с Медб пошел в королевский дворец. Айлиль ласково встретил его и вручил ему до краев наполненную сладким вином золотую чашу с птицей из драгоценных камней на дне.

— Ты — первый из первых, — сказала Медб, — и я желаю тебе жить сто лет и радоваться жизни, лучший из лучших в Уладе!

— Вот что мы решили, — в один голос сказали Айлиль и Медб. — Как ты первый из первых героев Улада, так и твоя жена первая из первых жен Улада. Она правильно сделала, что первая вошла в пиршественную залу, потому что кому, как не ей, быть королевой над уладскими женами.

Кухулин одним глотком опорожнил чашу и, попрощавшись со всеми, отправился в обратный путь. Вечером он был уже в Эмайн Махе.

Среди уладов не нашлось ни одного смельчака, который спросил бы героев о решении Айлиля и Медб, а там подошло время садиться за столы да приниматься за пир.

Оставив все споры, воины Улада ели, пили и веселились. Явился на пир и Суалтайм, сын Ройга и отец Кухулина. В его честь Конхобар приказал вкатить в залу бочку своего лучшего вина.

Тем временем пришла очередь и доли победителя.

— Сегодня долю победителя получит один из трех героев, возвратившихся из Круахана, — сказал злоязычный Дуабтах. — Верно, они принесли знаки, по которым мы узнаем, кто из них первый из первых.

Тут вскочил с места Лойгайре Буадах и высоко над головой поднял бронзовую чашу с серебряной птицей.

— Доля победителя моя!

— Нет! — завопил Конал Кеарнах. — Вот моя чаша! — И он высоко поднял серебряную чашу с золотой птицей на дне. — У тебя чаша бронзовая, а у меня серебряная! Доля победителя моя!

— Нет! — крикнул, поднимаясь, Кухулин. — Король и королева обманули вас. Доля победителя моя! Смотрите на мою чашу!

С этими словами Кухулин поднял над головой золотую чашу с птицей из драгоценных камней.

— Если судить по-честному, то я — первый из первых, — сказал Кухулин.

— Ты, — согласились Конхобар и Фергус и все остальные улады. — Таково решение Айлиля и Медб.

— Клянусь, — вскричал Лойгайре Буадах, — не просто так тебе вручили золотую чашу. Ты ее купил! Сколько золота и серебра ты дал Айлилю и Медб, чтобы они назвали тебя первым из первых? Честью клянусь, их суждение мне не указ!

Герои, выхватив мечи, выскочили на середину, однако Конхобар встал между ними, так что Лойгайре, Коналу и Кухулину пришлось умерить свой пыл.

— Придется вам ехать к Курою, чтобы он решил ваш спор, — сказал Сенха.

— Согласен, — сказал Лойгайре Буадах.

— Согласен, — сказал Конал Кearnах.

— Согласен, — сказал Кухулин.

На другой день рано поутру все трое — Лойгайре, Конал и Кухулин — отправились в путь. У ворот крепости Куроя они распрягли повозки, а во дворе их приветливо встретила Блanaд, дочь Минды, жены Куроя, которого не было дома. Однако он все знал наперед и заранее наказал жене, как ей принимать гостей. Она все сделала как полагается. Сначала подала им воду — умыться с дороги, потом вина — прогнать все печали, потом приказала слугам помягче постелить постели, чтобы не пожаловались герои на негостеприимство.

Когда же наступил вечер, Блanaд сказала героям, что им до возвращения Куроя наказано сторожить крепость.

— Так он велел. И еще он велел передать, чтобы первым стал на стражу самый старший из вас.

Курой же, где бы он ни был, каждый вечер заколдовывал крепость, и она крутилась, как мельница, чтобы после захода солнца ни один недруг не нашел вход в нее.

В первую ночь встал на стражу Лойгайре Буадах, потому что годами он был старше других. Незадолго перед рассветом он увидел, как на западе поднялась от моря тень и направилась к нему. Она была длинной и очень страшной и в конце концов приняла обличие великана, голова которого упиралась в небо, а ноги попирали сверкающее море. В руках у него были выдранные из земли дубы, которые и шести коням не сдвинуть с места. Великан швырнул одним дубом в Лойгайре, но промахнулся. Так он промахивался три или четыре раза, и Лойгайре остался жив и невредим, да еще с неразбитым щитом, отчего осмелел и метнул в великана копье, но не причинил ему никакого вреда.

Великан в ответ протянул руку и схватил Лойгайре, который, хотя был высоким и сильным, почувствовал себя словно годовалый младенец у него на ладони, а великан, повертев его в пальцах, как вертят шахматную фигурку, полумертвого бросил его во двор крепости, да в самую грязь. В это время все ворота были на запоре, поэтому в крепости решили, что он сам перепрыгнул через стену и таким образом вызывает других героев на соревнование.

Миновал еще один день, и наступила очередь Конала стеречь крепость, потому что он был старше Кухулина. С ним произошло все то же, что с Лойгайре.

А на третью ночь наступил черед Кухулина.

Около полуночи он услышал шум, а когда в небе поднялась полная луна, то увидел девять серых теней над болотом.

— Стойте! — крикнул Кухулин. — Кто вы? Если друзья, то идите с миром, а если враги — не ждите пощады!

Тени зашумели, закричали, но Кухулин отрубил всем девяти головы, и они упали бездыханные на землю.

Кухулин стал стеречь крепость дальше.

Еще девять воинов вышли против него, и еще девять, но он всех победил и всем отрубил головы, которые сложил в кучу вместе с оружием.

Приустав, Кухулин все же внимательно вглядывался во тьму и услышал вдруг, что озеро поблизости зашумело, словно бурное море. Ему очень хотелось отдохнуть, но долг превыше всего, и он решил посмотреть, что там такое. Из озера поднимался длинный-предлинный червь, который уже повернулся раскрытой пастью к крепости, намереваясь проглотить один из приглянувшихся ему домов.

Кухулин подпрыгнул, обхватил одной рукой шею червя, а другую засунул ему в пасть, вытащил у него из груди сердце и бросил его на землю. Враг Кухулина упал бездыханный, и Кухулин разрубил его мечом на куски, а голову бросил поверх остальных голов.

Совсем обессилел Кухулин и, не двигаясь, просидел почти до рассвета, как вдруг увидал тень великана, шагавшую к нему с запада — от моря.

— Ну и ночка! — вздохнул великан.

— Смотри, как бы не пришлось хуже! — пригрозил ему Кухулин.

Великан замахнулся на Кухулина бревном, но оно не задело героя. Тогда он бросил в него еще три или четыре дерева, но все они пролетели мимо, не причинив Кухулину вреда. Великан протянул руку, чтобы схватить Кухулина, как было с Лойгайре и Коналом, но Кухулин прыжком лосося взобрался великану на голову и вытащил меч, чтобы отрубить ее, как великан взмолился:

— Жизнь за жизнь, герой.

Он исчез и больше никогда не показывался.

Кухулин же, подивившись про себя, как это Лойгайре и Конал сумели перепрыгнуть через стену, такую высокую и широкую, что он два раза прыгал и оба раза безуспешно, разгневался и, отойдя подальше, разбежался,

едва касаясь ногами травы. Он все-таки одолел ее и оказался прямо у дома Куроя. Кухулин толкнул рукой дверь и, тяжело вздыхая, вошел.

Тотчас услышал он голос Бланад, дочери Куроя:

— Ты вздыхаешь не как побежденный. В твоём вздохе радость победителя.

Дочь короля все знала о том, что пришлось претерпеть Кухулину.

— Долю победителя заслужил Кухулин, — сказала она Лойгайре и Коналу. — Да вы и сами знаете, что не сравнитесь с ним в бою.

— Я не согласен, — в один голос заявили Лойгайре и Конал. — Наверняка, его друзья-сиды стараются, чтобы мы уступили ему без спора. Не быть этому.

Тогда Бланад от имени Куроя наказала им возвращаться в Эмайн Маху и там его ждать. Герои простились с дочерью короля и отправились в обратный путь, туда, где их ждали воины Алой Ветви.

Много ли, мало ли прошло времени, все улады собрались в Эмайн, и, когда они устали меряться силами, Конхобар и Фергус, сын Ройга, и все остальные отправились в Дом Алой Ветви. Однако между ними не было Кухулина. И Конала Кеарнаха тоже не было. А другие все были.

Перед самым вечером, когда усталый день завершал свой путь, они увидели высокого неуклюжего мужа, к тому же уродливого лицом. Когда он переступил порог залы, Конхобар подумал, что ни один из уладов не дотянется ему даже до пояса. Смотреть на него и то было страшно. Прямо на тело он надел плетенку, какой обычно покрывают коров, сверху накинул серый плащ, а над головой у него колыхалась ветка величиной с коровник на тридцать коров. У него были желтые голодные глаза. В правой руке он держал топор, который весил не меньше пятидесяти железных котлов, но такой острый, что и волос разрубил бы, если бы порыв ветра бросил его на острие.

Пройдя ползалы, он наклонился над бревном с необрубленными ветками, которое лежало возле очага.

— Кто ты? — спросил злоязычный Дуабтах. — Разве нет другого места в зале, что ты вышел на середину? Что тебе нужно? Деревяшку на растопку? Или ты хочешь сжечь наш дом?

— Меня зовут Уатх Чужестранец. И мне не нужны ни деревяшка, ни ваш дом. А нужен мне муж, которого я не могу найти, хотя обошел уже всю Ирландию и многие другие земли, муж, который держит свое слово и не обманет меня, что бы ни случилось.

— О чем ты говоришь? — спросил его Фергус.

— Вот топор, — сказал Уатх. — Пусть кто-нибудь отрубит мне голову сегодня при условии, что завтра я отрублю голову ему. Вы, улады, по всей земле известны своей силой, своей ловкостью, своей храбростью, своей гордостью, своими высокими мыслями, своим мужеством, своей правдивостью, своей щедростью. Словом, не найдется ли среди вас мужа, который всегда выполняет обещанное? О тебе я не говорю, Конхобар, потому что ты — король. И о Фергусе, сыне Ройга, я тоже не говорю. Но среди остальных неужели не найдется мужа, готового отрубить мне голову, чтобы завтра подставить мне свою?

— Несправедливо чернить всю страну, — заявил Фергус, — если ты не можешь найти одного человека.

— Значит, не найдется среди вас настоящего героя, коли нет на пиру Конала Кеарнаха и Кухулина?

— Наклонись, дурак, и я отрублю тебе голову, — крикнул Лойгайре. — А завтра приходи за моей головой.

— Клянусь, ты неплохо придумал, — сказал Дуабтах, — отрубить человеку голову, а долг отдавать на другой день.

Никто из уладов не знал, что Уатх заколдовал свой топор. Он положил голову на бревно, Лойгайре взмахнул топором, и, когда опустил его, голова чужестранца покатила на пол, а из шеи во все стороны хлынули потоки крови. В страхе все застыли на месте.

— Клянусь, — проговорил Дуабтах, — если этот Чужестранец завтра придет, он никого в живых не оставит.

Он пришел. И Лойгайре дрогнул сердцем и как сквозь землю провалился. Правда, в этот день на пир явился Конал Кеарнах и сказал, что готов заключить с Чужестранцем договор. Дальше все было, как накануне. Когда Уатх пришел взыскать с Конала долг, тот как сквозь землю провалился.

На третий день на пир пришел Кухулин.

— Слушайте, мужи Улада, — принялся Уатх высмеивать уладов, — оставила вас храбрость, и вы не достойны славного имени, когда-то принадлежавшего вам по праву. Где же ваш Кухулин? Или на его слово тоже нельзя положиться?

— Мне не надо договора, — крикнул Кухулин. — Вот он я! А ты, пугливая муха, похоже, боишься смерти!

С этими словами Кухулин выпрыгнул на середину залы и, отрубив Уатху голову, подбросил ее до потолка, отчего весь дом пошел ходуном.

На другой день только и разговоров было среди мужей Улада, придет Кухулин или не придет в пиршественную залу отдать долг. Кухулин пришел и, как ни в чем не бывало, уселся за стол.

Правда, тяжело было у него на сердце, и, заметив это, мужи Улада постарались его развеселить, но только зря старались.

— Не покидай меня, пока я не умру, — попросил герой Конхобара. — Скоро смерть за мной пришла. Но лучше мне умереть, чем нарушить слово.

Едва стемнело, явился Уатх.

— Где Кухулин?

— Здесь я, — крикнул Кухулин.

— Что-то невесело ты глядишь, видно, боишься смерти. Но ты не обманул меня.

Кухулин вышел на середину и положил голову на бревно.

— Получше-ка вытяни шею, — приказал Уатх.

— Хватит! Не тяни больше. Клянусь, я не мучил тебя вчера.

Кухулин вытянул шею, и Уатх поднял топор до потолка, отчего ветка у него на голове задела стропила и, потревоженные, они зашумели, как лес в грозу. Он опустил топор, но не на шею Кухулину, а рядом, и тотчас улады узнали Куроя, сына Дайре, который явился испытать героев.

— Вставай, Кухулин, — сказал он. — Ни один герой Улада, как бы он ни пыжился, не сравнится с тобой в храбрости и честности. Ты — первый из первых героев Ирландии, и доля победителя принадлежит тебе, а твоей жене — первое место среди жен Улада. Если же кто попытается оспорить мое слово, клянусь клятвой моего народа, горько пожалует об этом.

С этими словами Курой исчез.

Так закончилась Словесная Битва прекрасных жен Улада и ссора мужей Улада из-за доли победителя.

6 Единственная ревность Эмер

Случилось это незадолго до Самайна, когда мужи Улада собрались в Муртемне для игр и пиров.

Все явились, и не было только Конала Кеарнаха и Лугайда Краснополосного.

— Пора начинать праздник, — волновались мужи. — Почему мы не начинаем?

— И не начнем, — заявил Кухулин, — пока не будет с нами Конала Кеарнаха и Лугайда.

— Сыграем в шахматы, — предложил бард Сенха. — Или во что другое. А барды и музыканты пускай пока принимаются за дело.

Никто ему не возразил.

Тем временем прилетела и опустилась на ближнее озеро стая птиц, красивее которых не было на земле.

Женам Ирландии во что бы то ни стало захотелось получить этих птиц, и они все перессорились между собой.

— Птицы должны принадлежать мне, — сказала жена Конхобара. — Чтобы одна птица сидела у меня на правом плече, а другая на левом.

— Мы все хотим иметь их, — тотчас заявили другие жены.

— Если уж кому и иметь их, так мне, — не смолчала Этне Ингуба, которая любила Кухулина.

— Что же нам делать?

— Я знаю, что делать, — подала голос Леборхам. — Пойду-ка я к Кухулину и попрошу его поймать их для нас.

Она и вправду пошла к Кухулину и сказала ему:

— Жены Улада хотят, чтобы ты поймал для них вон тех птиц.

Кухулин схватился за меч, едва удерживая себя от желания ударить ее.

— Бездельницам Улада, — спросил он, — нечем больше заняться, как гонять меня за птицами?

— Не пристало тебе сердиться на них. Сегодня многие жены Улада чуть не ослепли, глядячи на тебя, ведь они тебя любят.

Ничего не оставалось Кухулину, как приказать Лаэгу готовить повозку и везти его к озеру.

Он размахнулся и ударил по птицам мечом, держа его плашмя, чтобы перебить им лапки и крылья и не дать подняться в небо.

Потом они всех переловили и поделили между женами Улада. Каждой досталось по две птицы, кроме Этне Ингубы. Кухулин подошел к ней.

— Ты, верно, сердись на меня? — спросил он. — Ведь тебе не досталось ни одной птицы.

— Это справедливо, — ответила Этне Ингуба. — Любая подарила бы тебе свою любовь и дружбу, но только у меня ты — единственная любовь.

— Не сердись, — сказал Кухулин. — Вот прилетят еще птицы в Муиртемне или на реку Бойни, и у тебя будут две самые красивые.

Вскоре в самом деле прилетели на озеро две птицы, скованные цепочкой из красного золота, и запели нежными голосами так, что мужи и жены Ирландии едва не впали в глубокий сон.

Кухулин было направился к птицам, но Лаэг остановил его, и Этне сказала:

— Послушай моего совета. Не подходи к ним. Разве ты не видишь, что они заколдованы? Я подожду, когда прилетят другие птицы.

— С чего ты взяла, что меня можно отговорить от задуманного? — возмутился Кухулин и приказал Лаэгу подать ему камень для пращи.

Лаэг исполнил приказание.

А Кухулин промахнулся.

— Горе мне!

Он взял другой камень и опять промахнулся.

— Ни на что я не гожусь! — запричитал Кухулин. — С тех пор, как я в первый раз взял в руки оружие, никогда еще я так не промахивался!

Он схватил копье и пронзил им крыло одной из птиц, отчего они обе в мгновение ока оказались под водой.

Разозлился Кухулин, ушел подальше ото всех, лег, положив голову на камень, и незаметно для себя заснул.

Едва он заснул, как видит, что подходят к нему две жены. Одна в зеленом плаще, а другая — в алом, ниспадающем пятью складками.

Та, что была в зеленом плаще, улыбнулась ему и ударила его веткой. Другая тоже улыбнулась и тоже ударила его веткой. Так они ударяли его по очереди, пока он не потерял счет ударам и не стал ближе к смерти, чем к жизни. Тогда они ушли и ни разу не оглянулись.

Мужи Улада заметили неладное, но не знали, будить им Кухулина или не будить.

— Не трогайте его, — сказал Конал. — Хотя бы до вечера.

Еще не проснувшись, Кухулин встал на ноги, и мужи Улада принялись расспрашивать его, но он долго ничего им не отвечал, а потом попросил:

— Отнесите меня на мое ложе в Сверкающем Доме в Эмайн.

— Лучше отнести его в Дандеалган к его жене Эмер, — предложил Лаэг.

— Нет, — стоял на своем Кухулин. — Отнесите меня в Сверкающий Дом в Эмайн.

Мужья Улада исполнили его желание, и до конца года Кухулин пробыл в Сверкающем Доме, не произнеся ни одного слова.

За день до следующего праздника Самайн пришел к нему Конхобар с мужьями Улада. Лойгайре стоял между ложем и стеной, Конал Кеарнах — между ложем и дверью, Лугайд Краснополосный — в изголовье. А в ногах у него встала Этне Ингуба.

Когда все расселись, в дом вошел незнакомый муж и тоже сел возле ложа Кухулина.

— Кто ты? — спросил его Конал. — Что привело тебя сюда?

— Я пришел говорить с мужем, который простерт на ложе. Будь он на ногах, он сумел бы защитить Улад от любого врага, но даже слабый и больной он защищает Улад, может быть, лучше прежнего. — Пришедлец встал и посмотрел прямо на Кухулина. — Если Кухулин, сын Суалтайма, примет сегодня мою дружбу, то все, что он видел во сне, будет принадлежать ему, и никакого войска не потребуется в помощь. Либан, которая сидит по правую руку Лабрайда Скорого-На-Расправу, сказала, что если придет Кухулин, то великая радость снизойдет на ее сестру Фанд. О Кухулин, недолго тебе мучиться, если ты позволишь прийти к тебе двум дочерям Аэда Абрата. Либан я пришлю в Муиртемне, чтобы она исцелила героя.

— Кто ты? Откуда? — стали спрашивать улады.

— Энгус я, — ответил он и исчез.

Никто не знал, кто он, откуда пришел и куда ушел.

Тем временем Кухулин сел на ложе.

— Пора тебе, — сказали улады, — рассказать, что с тобой было.

— Было мне ровно год назад видение...

И он рассказал уладам о женах, которые били его ветками.

— Что делать, господин? — спросил он Конхобара.

— Сделай так, — ответил король. — Вернись к тому камню, на котором лежал год назад.

Кухулин послушался его, а когда подошел к тому камню, то увидел, что идет ему навстречу жена в зеленом плаще.

— Вот и хорошо, Кухулин, — молвила она.

— Что уж хорошего? Лучше скажи, что вам надо было от меня в прошлом году? — спросил Кухулин.

— Мы пришли к тебе год назад не для того, чтобы причинить тебе зло, а чтобы просить тебя о любви. И теперь я говорю с тобой, потому что моя сестра просила меня. Моя сестра Фанд, дочь Аэда Абрата.

Мананнан, сын Моря, оставил ее, и она полюбила тебя. А я Либан, жена Лабрайда, у которого меч скор на расправу. Он просил меня сказать тебе, что ничего для тебя не пожалеет, если ты всего на один день придеешь помочь ему справиться с Кенахом Горбатым, с Эохайдом Иуилом и с Эоганом Инбиром, тем самым Эоганом, который живет в устье реки.

— Слаб я сегодня, — сказал Кухулин. — Куда мне сражаться?

— Это пройдет, — успокоила его Либан. — Ты выздоровеешь. Силы вернутся к тебе. Но ты должен помочь Лабрайду, потому что нет никого лучше, чем он, на всей земле.

— Где он? — спросил Кухулин.

— В Маг Мелл, что значит Счастливое Поле.

— Никуда я не поеду, пока не повидаюсь с моей женой Эмер, — заявил Кухулин. — Отправляйся к ней, Лаэг, и скажи, что ко мне приходили жены из племени сидов и били меня, а теперь мне лучше, и я прошу ее приехать ко мне.

Лаэг так и сделал.

— Плохой из тебя слуга, Лаэг, — вскричала в ответ Эмер, — ведь ты все время в горах и не можешь отыскать лекарство для своего господина! стыдно должно быть уладам, что они до сих пор не вылечили Кухулина. Когда Конхобара надо избавить от пут, когда Фергусу надо вернуть сон, когда Конала Кearnаха надо исцелить от ран, Кухулин всегда тут как тут.

Но это не всё!

— *Горе мне!* — вопила она. — *Сын Райангабра и утром и вечером в горах, но снадобье прекрасному сыну Дехтире привозит не на рассвете, а на закате!*

Стыд и позор ученым и мудрым мужам Улада, что не обыскали они всю землю в поисках лекарства для Кухулина, а ведь они — его друзья!

Если бы Фергус потерял сон и его могло спасти только колдовство, сын Дехтире только тогда взмошел бы на ложе, когда отыскал бы друида, умеющего лечить!

Если бы Конал умирал от ран, Пес обшарил бы всю землю, но нашел бы того, кто бы его спас.

Если бы щедро одаренный Лойгайре был ранен в сражении, Кухулин объехал бы всю Ирландию, но нашел снадобье для внука Илиаха.

Если бы Келтхайр впал в беспробудный сон, Сетанта день и ночь пропадал бы в горах.

Если бы вождь Фурбайх лежал неподвижно, Кухулин на краю земли отыскал бы для него снадобье.

Хозяин гор Труин лишил его сил и чуть было не убил его! Пес Муиртемне теперь не лучше любого другого пса, если сон горы Бруаг завладел им.

Горе мне! Горе в сердце моем из-за тебя, Пес кузнеца Конхобара! Больно и стыдно мне, что не могу вылечить тебя!

Горе мне! Сердце мне терзает недуг, поразивший Кухулина, из-за которого не приехал он ни ко мне, ни в Муиртемне!

Вот почему не приехал он ко мне из Эмайн! Нет больше моего Кухулина! Мой голос слабеет и умирает оттого, что болен Кухулин! Год целый и еще месяцу с четвертью не сплю я, не видя и не слыша Кухулина, о сын Райангабра!

Долго еще причитала Эмер, а потом отправилась в Эмайн Маху к Кухулину. Присев на край его ложа, она сказала ему:

— Вставай, первый муж Улада, просыпайся сильным и здоровым от своего сна! Погляди на могучего короля Махи. Недоволен он твоим долгим сном, погляди на его плечо, гладкое, как хрусталь! Погляди на его чаши для вина и мечи для битвы! Погляди на повозки в долине! Погляди на мужей, что играют в шахматы!

Погляди на сильных героев! Погляди на прекрасных жен! Погляди на вершителей славных подвигов! Погляди на их благонравных жен!

Погляди, начинается зима! Много чудес ждет нас впереди. Вспомни, как холодно долгой зимой, как некрасиво кругом. Твой сон — недобрый сон. Но не тебе бояться сражений! Долгий сон — все равно что с похмелья сон. От болезни недалеко и до смерти!

Просыпайся ото сна, насланного на тебя сидами! Напряги силы! Сбрось его с себя! Хватит с тебя красивых слов! Вставай, герой Улада!

Кухулин вправду встал и, проведя рукой по лицу, стряхнул с себя колдовство.

— Слишком долго ты спишь, хворый герой, — сказал ему Лаэг, — из-за жен Маг Мелл, что явились к тебе, околдовали тебя, связали тебя и отдали во власть ленивых жен. Очнись от смерти, поверженный сидами! Пусть вернется к тебе твоя сила первого из первых героев! Встань и иди на поле сражений, чтобы совершить великие подвиги там, куда Лабрайд Скорый-На-Расправу ведет своих воинов. Поднимись! Стряхни с себя сон! Стань снова великим воином!

Кухулин пошел к камню, который год назад лежал у него в изголовье, и увидел, что к нему приближается Либан. Во второй раз стала она просить его идти с ней в ее страну.

— Где сейчас Лабрайд? — спросил Кухулин.

— Лабрайд на чистом озере, куда приходят многие жены. Но не дело являться к нему усталым, если только ты не хочешь быть всего лишь гостем.

Счастливым домом правит добрая жена. Сто мужей в нем, гораздо к знанию. Румянцем украшены щеки Лабрайда.

Его тонкий красный меч легко рубит головы волкам. Он крушит доспехи врагов и на куски рубит щиты героев.

Глазам радость, когда он на поле битвы совершает великие подвиги. Многих превосходит он доблестью.

Великий воин, о котором сложено много былей и небылиц, живет сейчас в нашей стране Эохайд Иуил. Его волосы — золотые кольца. Запах его — аромат лучшего из вин.

Много подвигов совершил Лабрайд. Скор в бою его меч. Но не торопит он сражение, пока не принуждают его сражаться, потому что любит он, когда его народ живет в мире.

Упряжь на его конях вся из красного золота. Но это не все его богатство. Дом, в котором он живет, поддерживают колонны из серебра и хрусталя.

— Просьба жены мне не указ, — сказал Кухулин.

— Тогда отпусти со мной Лаэга, — попросила Либан. — Пусть он увидит все своими глазами.

— Иди, Лаэг, — приказал Кухулин.

Лаэг подчинился, и вскоре он и Либан оставили позади Маг Луаду, поле для соревнований, Байл Буаду, дерево победы, Оэнах Эмну, место сбора воинов в Эмайн, и оказались в Оэнах Фидхи, где собирались обыкновенно лесные жители и где в это время был Аэд Аброт со своими дочерьми.

Либан положила руку на плечо Лаэгу.

— Не выбраться тебе сегодня отсюда, — сказала она, — если не попросишь защиты у жены.

— Не было еще такого, чтобы воин Улада просил защиты у жены! — возмутился Лаэг.

— Жаль, что Кухулина нет с нами! — воскликнула Либан.

— Я бы тоже обрадовался, будь он сейчас тут, — не стал возражать Лаэг.

Они помчались дальше к острову, где их ждал Лабрайд, и увидели на берегу небольшой бронзовый корабль. Они вошли на него, и корабль доставил их на остров. Там они сразу направились к дому Лабрайда и по дороге повстречали воина.

— Где Лабрайд? — спросила у него Либан.

— Лабрайд зажигает храбростью сердца воинов, отправляясь на великую битву, — ответил он.

Они вошли в дом, и Лаэгу показалось, что он уже видел его, хотя ни разу не был здесь прежде. Алые, зеленые, белые и золотые ложа были в доме, а вместо свеч — невиданных размеров драгоценный камень. Возле западной двери, где солнце садится вечером, стояли серые в яблоках и гнедые кони, а возле восточной двери росли три высоких в алых цветах дерева, и на их ветках сидели птицы и пели для юношей королевского вида. Возле двери во двор сверкало чистым серебром несравненной красоты дерево, а когда на него падали лучи солнца, то оно сверкало золотом. Были там трижды двадцать деревьев, касавшиеся друг друга кронами, и каждое могло прокормить своими плодами триста человек. Все деревья были разные, и спелые плоды на них манили сорвать их.

Посреди двора вокруг фонтана расположились триста пятьдесят мужей в полосатых одеждах, и у каждого в ухе сверкала золотая серьга. На всех хватало веселого меда. Таков был здесь обычай. Бочка с медом никогда не пустела. Трижды пятьдесят жен ждали Лаэга в доме и приветливо поздоровались с ним.

— Добро пожаловать, Лаэг, во имя воина, который прислал тебя к нам, и во имя тебя самого, и во имя жены, которая привела тебя к нам.

— Ну, Лаэг, что будешь делать? — спросила его Либан. — Хочешь сначала поговорить с Фанд?

— Хочу, если ты скажешь, где она.

— Скажу. Она покинула всех и теперь одна в своем покое.

Либан повела Лаэга к Фанд, и Фанд ласково поздоровалась с Лаэгом.

Имя Фанд значит «слеза, из-за огня набежавшая на глаз». Назвали так Фанд за ее чистую красоту, потому что больше не с чем было сравнить ее на всей земле.

Поздоровавшись с Лаэгом, она спросила:

— Почему не приехал Кухулин?

— Он никогда не отзывается на просьбы жен, — ответил Лаэг. — Да и сомневался он, ты ли просила его приехать.

— Я просила, — подтвердила Фанд. — И пусть он не медлит. Битва назначена на сегодня.

Тем временем возле дома появилась повозка Лабрайда.

— Тяжело сегодня у Лабрайда на сердце, — сказала Либан. — Надо пойти к нему.

Либан ласково поздоровалась с Лабрайдом и так сказала ему:

— Добро пожаловать, Лабрайд Скорый-На-Расправу, воинство в войне, победитель героев, добро пожаловать к нам, Лабрайд!

Однако Лабрайд ничего ей не ответил.

— Добро пожаловать, Лабрайд! — вновь заговорила Либан. — Самый быстрый у тебя меч. Ты вселяешь силы в слабых и побеждаешь сильных! Добро пожаловать, Лабрайд! Добро пожаловать!

На этот раз Лабрайд не смолчал.

— Оставь свои похвалы, Либан, потому что ни прошлые победы, ни твои похвалы не радуют меня сегодня. Сражение близко! Засверкают мечи в левой и правой руках! В сердце Эохайда Иуила храбрости столько, сколько в сердцах многих доблестных воинов! Не время гордиться собой!

— У нас добрая весть, — сказала тогда Либан. — Посмотри, вот Лаэг, возница Кухулина. Он к тебе с верным словом героя, который вступит сегодня рядом с тобой в битву.

Лабрайд ласково поздоровался с Лаэгом.

— Поезжай, не медля, домой. Скажи Кухулину, чтобы он поторопился, потому что сражение назначено на сегодня.

Лаэг возвратился в Эмайн Маху и обо всем рассказал Кухулину и другим воинам. Он сказал так:

— У Лабрайда великое воинство. Я видел его страну. Она красивая, свободная, и никто там не говорит лживых слов, никто не говорит злых слов. Я слышал музыкантов, услаждавших слух дочерей Аэда, и, не торопись я обратно, у меня не хватило бы сил так скоро покинуть остров.

Я видел Гору Сидов. Жены там все как на подбор красивые, и у всех талантов без счета. А красивее всех Фанд, дочь Аэда Абрата, и никакой королеве не сравниться с ней.

Этне Ингуба тоже красивая, но Фанд своей красотой может ослепить целое воинство.

Жаль, Кухулин, ты не поехал со мной, хотя тебя просили об этом, не то увидел бы такой большой дом, какого мне еще не приходилось видеть.

Если бы мне принадлежала вся Ирландия и я был бы королем счастливых гор, я все отдал бы и считал, что отдал мало за жизнь на том острове, на котором я побывал сегодня.

— Хорошо, — сказал Кухулин.

— Ты поступишь по справедливости, — продолжал Лаэг, — если поедешь туда, потому что нет прекраснее страны на земле.

Кухулин встал и провел рукой по лицу, после чего ласково поблагодарил Лаэга за то, что тот укрепил его в его решении.

На это Лаэг ответил:

— Торопись, Кухулин! Сражение назначено на сегодня!

Кухулин приказал готовить повозку и вместе с Лаэгом отправился на прекрасный остров. Лабрайд и все жены приветливо встретили его, а Фанд и вовсе не скрывала своей радости.

— Что мне делать? — спросил Кухулин.

— Сделай так, — сказал Лабрайд. — Зайди в тыл вражескому войнству.

Кухулин, Лабрайд и Лаэг отправились на поле сражения, и им показалось, что на нем без счета мужей в бранных доспехах.

— Уйди ненадолго, — попросил Кухулин короля Лабрайда.

Лабрайд послушался, а Кухулин остался стоять на виду двух воинств. Тут с криками прилетели две вороны, и все рассмеялись.

— Похоже, — сказали воины друг другу, — вороны сообщают нам, что где-то рядом гневный муж из Муиртемне.

И они прогнали ворон.

Долго ли, коротко ли, Эохайд Иуил отправился помыть руки в ближайшем ручье и подставил Кухулину прикрытую одной рубахой спину. Кухулин не упустил счастливого случая и копьем поразил Эохайда Иуила в самое сердце.

Потом он один вышел против целого воинства и многих убил, прежде чем налетел на него Кенах Киабарта Неземной. Они долго бились, но и его одолел Кухулин.

Лабрайд не стал дольше ждать. Наголову разбил он вышедшее против него воинство и крикнул Кухулину, чтобы он уходил с поля боя.

— Боюсь я, — сказал Лаэг, — как бы он не обернул свою ярость против нас, потому что не избыл ее до конца в сражении. Пусть воины приготовят три чана с холодной водой, иначе нам не остудить его пыл. В первом чане вода выкипит до дна. В другом станет горячеей. В третьем станет теплой.

Едва жены завидели возвращающегося Кухулина, запела Фанд:

— Прекрасен муж в повозке, юн он годами, и нет у него бороды. Светел он ликом, и светло рядом с ним вечером на земле Кенах Фидгу.

Музыка сидов не удержит его на ложе. Красной кровью залито его платье. Я гляжу на его коней, быстрых, как весенний ветер.

Кухулин едет в повозке, юный герой из Муиртемне, и плохо придется тому, кто рассердит его.

Либан спросила его о сражении, и Кухулин сказал так:

— Мужи со светлыми волосами и красными лицами налетели на меня со всех сторон, мужи Мананнана, сына Моря, которых призвал к себе Эохайд Иуил. Ударом за удар платил я. Эохайда Иуила поразил я копьем, и, хоть стоял там туман, я точно знаю, что поразил его, потому что слышал его стон, который ни с чем не спутать. Говорят, его смерть решила исход битвы.

Сыну Эохайда Иуила из Земли Обещаний отдал Мананнан в жены дочь Наойзе и Дейдре по имени Аэбгейне.

Целый месяц оставался Кухулин у Фанд, а когда минул месяц, то простился с ней, и она сказала ему так:

— Где бы ты ни был, если захочешь меня увидеть, только позови — и я сразу приду.

Кухулин назначил ей встречу в Ибар Кин Тракте, что значит «тис на берегу Байле».

Однако об этом узнала Эмер, и ее охватила ярость. Взяв с собой ножи, чтобы убить соперницу, она с пятьюдесятью юными девицами отправилась на берег Байле.

Кухулин и Лаэг играли в шахматы и не заметили приближения жен. Первой увидела их Фанд и сказала:

— Смотри, Лаэг!

— Что там?

Лаэг поднял голову, и Фанд крикнула ему:

— Оглянись, Лаэг! За твоей спиной притаились жены, и у каждой в правой руке по острому зеленому ножу. Золото покрывает их круглые груди. И идут они на битву. С ними Эмер, дочь Форгала, вся красная от злости.

— Ничего она тебе не сделает, — успокоил ее Кухулин. — Даже близко не подойдет. Садись в повозку, и я защищу тебя от всех жен, будь они даже со всех четырех сторон Улада. Дочь Форгала может испугать любого, особенно если с ней пятьдесят девиц, но против меня она не посмеет пойти.

И Кухулин так сказал Эмер:

— Не пристало мне бояться тебя, жена, потому что я люблю тебя больше, чем другие мужья своих жен. Копье дрожит у тебя в руке и не ранит меня. И нож ты взяла напрасно. Слишком он тонок и слаб для меня, пусть даже ты кипишь от злости. Будь ты даже самой сильной из жен, не одолеть тебе меня, не лишить моей силы!

— Зачем ты позоришь меня, Кухулин? — спросила его Эмер. — Зачем позоришь перед всеми женами и мужьями Ирландии? Под твоей защитой я пришла сюда, покоренная твоей верностью мне! Не гордись нашей ссорой! Не сможешь ты отвернуться от меня, даже если захочешь!

— Эмер, ответь мне, почему не могу я побыть с этой женой, если она учтива, красива, достойна самого короля, эта жена с берега великого моря? Ни лицом, ни статью не уступит она никому, ни умом, ни уменьем, ни быстротой, ни решительностью. Мужу и желать больше нечего, а если он чего-то пожелает, она все исполнит, не беря с него никаких обещаний. Эй, Эмер, — продолжал он, — не найти тебе мужа храбрее и благонравнее меня!

— Ты все правильно сказал об этой жене! — вскричала Эмер. — Красное всегда красиво, новое привлекательно, а привычное горько на вкус! Чего у нас нет, о том мы мечтаем. Что есть, то не привлекает! О Кухулин, когда-то ты почитал меня. Опять стану я такой, как прежде.

Горько было Эмер, как никогда еще не было.

— Даю тебе слово, — ответил ей Кухулин, — что люблю я тебя и буду любить, пока жив.

— Оставь меня, — сказала тогда Фанд.

— Нет! Пусть он оставит меня! — воскликнула Эмер.

— Нет! Рано или поздно он все равно оставит меня. На каждом шагу подстерегает меня беда.

Обидно стало Фанд. Не хотела она позора на свою голову, но понимала, что пройдет время и бросит ее Кухулин, и придется ей опять возвращаться в свой одинокий покой, а ведь она любила Кухулина. И запричитала она:

— *Недобрый час наступил! Пора мне в дорогу! Нет несчастнее меня на всей земле! Пусть отец у меня великий воин, лучше бы мне остаться с Кухулином. Лучше мне жить с тобой и повиноваться тебе, чем жить без тебя в солнечном доме Аэда Абрата!*

О Эмер, бери своего мужа! Забирай его, потому что ты достойна его. А мне до смерти теперь желать того, кто никогда не будет моим!

Многие мужи желали меня, но ни с одним не уходила я из дома, потому что я была благонравной женой.

Нет горше горя, чем отдать свою любовь мужу, которому она не нужна! Пусть лучше покинет он ту, которая любит его больше, чем он ее!

Нечестно, желтоволосая Эмер, тебе нападать на Фанд и убивать ее, злосчастную!

Мананнан узнал, что Фанд, дочь Аэда Абрата, противостоит женам Улада и Кухулин отказался от нее. Не утерпел Мананнан, примчался с восточного края земли и, невидимый, встал рядом. Одна только Фанд знала, что он все видит и слышит, и великое смятение охватило ее.

— *Поглядите на великого сына моря, который живет на равнине Эоган Инбир! Мананнан, господин прекрасной земли, когда-то ты был мне мил!*

Даже сейчас ты предан мне, и нет в сердце у меня ревности. Любовь не приведет нас на одну дорогу!

Было время, мы с другом Луга жили в солнечном доме Инбир и не думали, что ждет нас впереди разлука.

Когда великий Мананнан взял меня в жены, я была достойна его, и он подарил мне золотой браслет, потому что любил мою красоту.

Знаю я, никто из земных жен и мужей не видит того, кому подвластны любые волны и кому не нужны большие корабли!

Увы мне, увы глупой жене! Отказался от меня мой возлюбленный!

Прощай, несравненный Кухулин, с добрым сердцем я покидаю тебя. Не увидимся мы больше! Но ты не держи на меня зла. Нет ничего тяжелее разлуки!

Пора в путь! Без печали провожает меня мой возлюбленный, оттого стыдно мне, Лаэг, сын Райангабра.

Мой муж явился за мной, и он все сделает, как я хочу. Смотрите, я покидаю вас, и не говорите, что я сделала это потихоньку!

Фанд подошла к Мананнану, и он, ласково поздоровавшись с ней, спросил:

— Скажи, жена, из-за Кухулина ты покидаешь это место или хочешь идти со мной?

— Вот тебе мое слово, — ответила ему Фанд. — Был один муж, за которым я пошла бы, не раздумывая, но теперь я пойду с тобой и не буду ждать Кухулина, потому что он отказался от меня. И еще, — продолжала она, — ты не нашел достойной тебя королевы, а Кухулин нашел.

Когда Кухулин увидел, что Фанд удаляется с Мананнаном, он спросил Лаэга:

— Что это значит?

И Лаэг ответил ему:

— Это значит, что Фанд уходит с Мананнаном, сыном Моря, потому что она нелюбезна твоему сердцу.

Ярость охватила Кухулина, и он умчался в Луахайр. Долго он был в горах без еды и питья, а ночи проводил на дороге в Мидлуахан.

Узнала об этом Эмер и отправилась к Конхобару в Эмайн Маху. Конхобар послал за бардами и друидами, чтобы они отыскали Кухулина и привели его к нему в Эмайн Маху. Друиды не сомневались, что Кухулин убьет их, как только увидит, поэтому, отыскивая, они заколдовали его, чтобы он ничего не натворил, пока к нему не вернется здравый смысл.

Придя в себя, Кухулин попросил пить, и друиды подали ему питье забвения, отчего он сразу забыл о Фанд и обо всем, что с ним случилось.

Из того же флакона они дали отпить Эмер, и она забыла о своей ревности.

Мананнан же на всякий случай потряс еще плащом между Кухулином и Фанд, чтобы не пришлось им даже случайно свидеться.

7

Единственный сын Айфе

Когда Кухулину пришла пора возвращаться из Альбана, где он учился воинскому искусству у Скатах, он покинул и побежденную им в бою королеву Айфе, и своего сына.

Покидая ее, он наказал ей, какое имя дать младенцу, и оставил ей золотой перстень, чтобы она хранила его, пока сын не вырастет во взрослого мужчину и перстень не придется ему впору. Еще он наказал отдать перстень сыну, когда тот отправится в Ирландию, чтобы Кухулин мог узнать его.

Айфе обещала. И Кухулин возвратился в Ирландию.

Вскоре Айфе родила сына, а потом дошла до нее весть, что Кухулин взял в жены Эмер. Ревность завладела Айфе, и она возненавидела своего возлюбленного. Все она припомнила ему. И трех героев, которых он убил. И победу, которую он одержал над ней самой. И она решила отомстить. Но не сама, а с помощью сына, когда он вырастет и станет великим воином.

Ничего не сказала она Конлаху, но растила его как королевского сына, а потом отдала в учение Скатах, чтобы он во всех тонкостях познал воинское искусство. Конлах был годен к учению не хуже своего отца, поэтому быстро овладел всем, что знала Скатах.

Тогда Айфе вручила ему оружие героя и наказала идти в Ирландию, но прежде взяла с него три клятвы. Первая. Никогда никому не уступить дорогу, потому что лучше умереть, чем свернуть с пути. Вторая. Не отказываться от поединка с самыми могучими героями, потому что лучше умереть, чем прослыть трусом. Третья. Не называть свое имя даже под страхом смерти.

Конлах взошел на корабль и вскоре оказался в Ирландии на берегу Байле близ Дандеалгана.

Случилось так, что в это время там был верховный король Конхобар со своим двором, потому что на берегу Байле собирались обычно вожди, если надо было решить, как править страной дальше.

Когда Конхобару донесли, что к берегу пристал корабль и с него сошел юноша в доспехах и с ним другие воины, он послал одного из своих приближенных спросить, как зовут юношу и зачем он прибыл в Ирландию.

Посланного звали Кунайре, и, завидев юношу, он сказал:

— Добро пожаловать к нам, юный герой с веселым лицом, прибывший с востока. Ты в доспехах и с оружием. Не заблудился ли ты часом? Но уж коли ты в Ирландии, то назови мне свое имя и поведай о своих подвигах и победах в восточном краю.

— Мое имя, — отвечал Конлах, — ничего тебе не скажет. Но если ты желаешь знать, то я дал клятву не открывать его, кто бы меня о нем ни спросил.

— Королю тебе лучше ответить, если не хочешь умереть, как до тебя многие герои из Альбана и Британии.

— Придется мне первым нарушить обычай, чтобы никто больше не умирал, ступая на эту землю.

Кунайре возвратился к королю и передал ему ответ юноши.

— Кто пойдет в поле, — спросил Конхобар, — и вытянет правду из мальчишки?

— Я, — вызвался Конал, никогда не медливший принять бой.

Он вышел в поле, отыскал юношу, который от злости мечом охаживал траву под ногами, и они с громкими криками налетели друг на друга. Недолго звенели мечи, одолел юноша славного Конала, украсив себя достойной победой.

Конхобар послал гонца к Кухулину в прекрасный Дандеалган, и гонец сказал ему так:

— Конал лежит и не может встать, и помощи ждать неоткуда. Король просит Пса защитить его.

Кухулин отправился туда, где его ждал Конлах, все еще не выпускавший из руки меч. Кухулин спросил, как его зовут, и сказал так:

— Тебе же будет лучше, юный герой с неизвестным именем, если ты освободишь себя от клятвы, потому что тогда я не буду драться с тобой и не убью тебя.

На это Конлах ответил:

— Если я возьму над тобой верх, как взял над твоим другом, то покрою себя великой славой. А если я нарушу клятву, все станут надо мной смеяться и будут говорить, что я струсил. Никому на земле не скажу я своего имени. Но если бы не клятва, то нет другого мужа на земле, которому я бы с большей охотой поведал, кто я и откуда, потому что мне нравится твое лицо. Не думай, доблестный герой Ирландии, что тебе легко достанется моя слава.

Они стали биться, и все вокруг дивились на юношу, который оказался достойным противником Кухулину.

Долго они бились, ни в чем не уступая друг другу, пока в конце концов Конлаху не удалось потеснить Кухулина. И понял Кухулин, пусть он много одолел героев и убил много врагов, пусть владеет он оружием лучше всех на земле, на сей раз ему несдобровать.

Он призвал Каэ Булг, и снизошел на него гнев, огонь вспыхнул над его головой, и по этому знаку узнал Конлах своего отца Кухулина, как раз когда заносил для удара копье, поэтому отвел он копье, и оно пролетело мимо. А Кухулин со всей сошедшей на него яростью метнул свое копье, и оно поразило юношу. Конлах упал на землю.

Тогда сказал Кухулин:

— Ну, юный герой, называй свое имя, потому что тебе недолго осталось жить.

Конлах показал ему перстень.

— Подойди ко мне и пусть мои воины тоже подойдут поближе. Мечь убила меня. Конлах я, сын Пса, наследника милого Дандеалгана. В Дан Скатах дал я клятву, которая убила меня.

— Жаль, что не было здесь твоей матери и некому было остановить копье, поразившее тебя.

— Моя мать виновата в моей смерти, потому что она взяла с меня клятву и она послала меня сюда меряться с тобой силой.

— Твоя мать виновата в твоей смерти! — вскричал Кухулин. — Не может она без хитростей! Из-за нее льем мы теперь слезы!

— Ни разу до сих пор не назвал я себя и ни разу никому не рассказал о себе. Ох, Кухулин Острый Меч, если бы ты знал, кто я, когда я нарочно метнул копьё мимо!

Страдание исказило лицо Конлаха, и Кухулин взял меч и мечом ударил его, чтобы не длить его страдания и печали.

Горе и ярость охватили Кухулина, и он вскричал:

— *Горе тебе, о сын Айфе, что в Уладе отыскал ты меня, Пса из Куальнге.*

Если бы я и мой доблестный Конлах сражались на одной стороне, все мужчины Ирландии от моря и до моря, даже сойдясь вместе, не сравнились бы с нами. Горе мне, когда я вижу меч и щит Конлаха. Горе мне, что некому мне отомстить за его смерть.

Если бы даже сам король убил его, не медлил бы я воздать ему сторицей.

Счастье Дома Алой Ветви и всех честных героев, что не они убили моего сына.

Счастье победоносного Лойгайре, что не от его руки пал мой сын.

Счастье героев Конала, что не они убили тебя. Счастье их, что не встретились они потом со мной на равнине Махи.

Счастье могучего Форбуиде, счастье Дабтаха, Черного Жука Улада.

Счастье Кормака Конд Лонгаса, что не помог ты мне, что не от твоего меча пал мой сын.

Горе мне, что не на просторах Мунстера или Лейнстера, прославленного острыми мечами, и не в Круахане, прославленном могучими воинами, сражен мой доблестный Конлах.

Горе мне, что не в стране Круитне воинственных фианов ты пал в битве, и не в стране греков, и не в другой далекой стране, и некому мне мстить за тебя.

И не в Испании, и не в Сорхе, и не в стране саксов сражен он, чтобы не лежала его смерть камнем у меня на сердце.

Счастье мужей Альбана, что не они обеславили тебя, и счастье мужей Галла.

О горе мне! Я виноват в смерти моего сына, о Конлах Красное Копье, это я сам пролил твою кровь.

Ты должен был победить меня. Горе мне, что Айфе не поведала тебе о моей силе в бою.

Почему я не ослеп, побежденный в нашем бою?

Почему не лежу я без сил? Почему сыновья Уснеха возле меня?

Нет у меня теперь сына. Нет у меня брата. Нет Конлаха. Нekomу славить мое имя.

Нет Наойзе, нет Айнле, нет Ардана. Только горе мое со мною.

Я — отец, убивший своего сына, сильный зеленый побег. Никто не поможет мне, не утешит меня.

Я — бездомный ворон, потерянная в волнах лодка, корабль без кормчего, последнее яблоко на дереве. Отныне удел мой — печаль и страданье.

Кухулин встал и посмотрел на мужей Улада.

— Горе Кухулину, — сказал Конхобар. — Он убил своего сына. Если бы мне и моим воинам пришлось сейчас пойти против него, всех нас он убил бы до захода солнца. Иди, — сказал он Катбадудруиду, — направь его на берег Байле. Пусть он три дня воюет с морскими волнами. Иначе он перебьет всех воинов Улада до единого.

Катбад наложил заклятье на Кухулина, и он направился на берег Байле. Там он увидел прямо перед собой огромный белый валун и тотчас выхватил меч правой рукой.

— Будь сейчас передо мной голова жены, пославшей на смерть сына, я разнес бы ее на куски, как этот камень.

И он разбил камень на четыре части.

Три дня и три ночи сражался Кухулин с волнами, пока не упал от голода и слабости, так что люди подумали, будто он умер. Но на берегу Байле еще не пришел его час. Он пришел позже на равнине Муиртемне.

8 Великий сход в Муиртемне

Во многих сражениях бился Кухулин, много мужей полегло от его руки и много врагов нажил он, которые только и ждали своего часа. Кроме Медб, были среди них Эрк, сын Каирбре Ниафера, которого он убил в Роснаре, и Лугайд, сын Куроя, которого он убил в его собственном доме в Мунстере, и три дочери Галатина.

Вот как принял смерть Курой.

Кухулин как-то раз повстречал Блнад после того, как Курой объявил его первым из первых героев Улада, и она сказала ему, что любит

его больше кого бы то ни было на земле. Потом она стала умолять его прийти во время Самайна в дом Куроя в Фингласе и взять с собой побольше людей, чтобы увезти ее против воли отца.

Когда наступил назначенный день, Кухулин отправился в путь, и его воины с ним вместе, и они остановились в лесу на берегу реки недалеко от дома Куроя, когда Кухулин послал к Бланад гонца с весточкой. Бланад наказала передать ему, чтобы он пришел за ней, как только увидит, что вода в реке стала белой.

Едва мужи отправились за камнями для нового дома, Бланад надоила в чан, взятый из дома, молока от трех коров с красными ушами, которых Курой силой увел у ее отца Мидира, а потом вылила все молоко в реку. Кухулин заметил, что вода побелела, и направился к дому. Однако на пути он встретил Куроя, и они стали биться, и бились до тех пор, пока не пал Курой, сын Дайре, властелин южного моря и великий воин до того времени, как взял в жены Бланад.

Кухулин увез Бланад в Улад, и следом за ними отправился бард Куроя по имени Феркертне, пожелавший отомстить за смерть своего господина. Кухулин и Бланад добрались до горы Киан Беара, и Феркертне подстерег Бланад, когда она стояла одна на высоком утесе, схватил ее и вместе с нею бросился вниз на острые камни.

А вот как было с дочерьми Галатина. Кухулин убил Галатина и всех его сыновей, когда жена Галатина была на сносях. Пришел срок, и она родила трех дочерей, но у каждой из дочерей было по одному глазу.

Как-то раз приехала в Круахан погостить королева Медб, а потом увезла с собой девочек и вырастила их. Едва они вошли в разумные лета, Медб не замедлила прийти к ним и спросить:

— Ведомо вам, кто убил вашего отца?

— Ведомо, — ответили ей девицы. — Кухулин, сын Суалтайма, убил его.

— Тогда, — сказала Медб, — отправляйтесь странствовать по свету, чтобы познать все колдовство и волшебство, которое только есть, и вы рано или поздно сумеете отомстить за своего отца.

Три одноглазые дочери Галатина последовали ее совету и поехали сначала в Альбан, а потом дальше и дальше, побывали во всех странах, какие только есть под солнцем и научились всякому колдовству, какое только известно на земле. Потом они возвратились в Круахан.

А Медб в одно прекрасное утро отправилась в свой солнечный дом и оттуда увидела трех дочерей Галатина, сидевших на лужайке. Она

надела богато украшенный плащ, вышла на лужайку и как самых дорогих гостей приветствовала дочерей Галатина, после чего рассказала им обо всем, что случилось в Ирландии, пока они были в пути. Они же рассказали ей обо всем, чему научились.

— И вы ничего не забыли? — спросила Медб.

— Мы все помним, — ответили дочери Галатина. — И много чего умеем. Например, умеем вызвать тайными словами видение кровавой битвы.

Медб привела их в королевский дом, где их встретили с почетом и напоили-накормили всем, что только нашлось самого лучшего.

Медб тем временем послала гонца к Лугайду, и когда он явился в Круахан, повела такой разговор:

— Ты помнишь, — спросила она, — кто убил твоего отца Куроя?

— Помню, — ответил Лугайд. — Его убил Кухулин.

Потом она призвала Эрка и задала ему такой же вопрос о его отце Каирбре Ниафере, и он ответил ей:

— Его убил Кухулин.

— Ты правильно сказал, — подтвердила Медб. — Дочери Галатина обошли всю землю и научились колдовству, а теперь они живут в моем доме и готовы сразиться с Кухулином. В четырех королевствах Ирландии не найдется воина, который не потерял бы друга, или отца, или брата, погибшего от руки Кухулина в битве из-за быка из Куальнге или в какой-нибудь другой битве. Настало время, — продолжала она, — собраться нам вместе и великим воинством пойти против него, потому что мужей Улада одолела слабость, и они Кухулину не подмога.

Лугайд отправился в Мунстер к королю, чтобы он тоже присоединился к ним и привел с собой своих воинов, а Эрк отправился в Лейнстер.

Воины собрались в Круахане и три дня и три ночи пировали и веселились. Потом они покинули Круахан, но Медб на этот раз не послала с ними Фергуса, потому что была уверена — с Фергусом они никогда не посмеют убить Кухулина.

На другой день после того, как они выступили в путь, они достигли Глеанн-на-Лойн, потом Глеанн-мор и наконец Тилтте, где провели ночь, а наутро отправились дальше в Маг Бреаг, Мидхе, Театфу и Куальнге.

Тогда-то до Конхобара и дошла весть о мужах Мунстера, Лейнстера и Коннахта, вышедших против него и уже немало порушивших и пограбивших в его владениях.

— Позовите Леборхам, — приказал он.

— Я здесь, — ответила она.

— Сослужи мне службу и верни Кухулина в Эмайн, потому что против него собралось воинство, о котором дошла до меня весть. Скажи ему, пусть не медлит, тотчас покидает Дандеалган и Муиртемне и мчится сюда держать совет со мной, с Катбадом, Амергином и другими мужьями. Если он может отложить битву, пока я, Конал и другие воины Улада соберутся ему на подмогу, тогда мы разобьем их наголову, и они забудут впредь дорогу сюда, ведь и в Уладе многие держат на него зуб из-за убитых им героев. И Финн, сын Росса, и Фраох, сын Идаха, и Деарг, сын Конроя, и другие храбрые мужья Улада. А еще Каирбре Ниафер, павший в Роснаре, и Курой, сын Дайре, верховный король Мунстера, и с ним много мужей Мунстера. А еще Фиркеарна и Фиамайн, и Ниал, и Лаок Леатбуине, и многие другие.

Леборхам помчалась исполнять поручение и отыскала Кухулина между морем и сушей, на берегу Байле, где он пытался подбить хоть одну птицу из множества круживших над ним, однако все его старания были напрасны.

Увидав Леборхам, он учтиво поздоровался с ней.

— Я рада, что ты в добром здравии, потому что я принесла тебе весть от Конхобара.

— Весть? — переспросил Кухулин.

И Леборхам рассказала ему обо всем, что узнала от Конхобара.

— Все просят тебя, и вожди, и барды, и ученые мужья, и жены, и девицы, чтобы ты держался подальше от мужей Ирландии, которые идут в Муиртемне, и не выходил один сражаться с целым воинством.

— Я останусь тут и буду защищать свои земли, — заявил Кухулин.

— Лучше тебе вернуться в Эмайн, — вмешался Лаэг.

Не сразу, но согласился с ними Кухулин, и они отправились в Дандеалган. Эмер вышла из дома встретить их, и ей тоже Леборхам посоветовала ехать в Эмайн Маху, где Конхобар уже собрал своих советников.

Эмер запрягла повозку, послала слуг со стадами на север в Слив Куленн, а сама вместе с Кухулином поехала в Эмайн Маху.

В первый раз после того, как Кухулин поселился здесь, опустел Дандеалган.

Едва Кухулин оказался в Эмайн Махе, его тотчас повели в просторный солнечный дом. Жены, проведавшие о его возвращении, встречали

его и говорили ему нежные слова, барды и музыканты приветствовали его песнями и музыкой. Много было съедено мяса и выпито вина, много приятных речей было сказано в просторном солнечном Доме Алой Ветви. Но больше всего любил Кухулин, когда славил его в стихах и песнях, забывал он тогда о своей геройской ярости. Так было и в тот раз, когда сказитель Скумак отвел от Эмайн мечь Кухулина, который хотел сжечь здесь все дотла, потому что Конхобар отправился пировать к Каналу, сыну Глео Гласа, в Куальнге и не пригласил с собой Кухулина.

Конхобар приказал Катбаду, и ученым мужам, и женам зорко следить за Кухулином:

— Вам я доверяю спасти его от козней Медб и от колдовства дочерей Галатина. Если его убьют, несдобровать тогда и Уладу.

— Ты прав, — отозвался Катбад.

И все с ним согласилось.

— Теперь, — выступил вперед Геананн, сын Катбада, — я пойду к нему.

И он пошел туда, где пировали и веселились Кухулин и Эмер в окружении бардов, ученых мужей и прекрасных жен.

Тем временем мужи Ирландии стали лагерем на равнине Муиртемне и принялись крушить все, что попадалось им на глаза и там, и в Макайре Конале. Едва три дочери Галатина узнали, что Кухулин покинул Дандеалган, они с быстротой ветра перенеслись в Эмайн Маху и, усевшись на лужайке перед домом, в котором веселились Кухулин и Эмер, принялись скрести ногтями землю и рвать траву, чтобы вызвать видение вышедших на смертельный бой многочисленных воинств. Шума от них было не меньше, чем от настоящего войска, если бы оно решилось брать приступом Дом Алой Ветви.

Глеананн Светлоликий, сын Катбада, приглядывал в этот день за Кухулином, и он первый заметил, как покраснело лицо у Кухулина, смотревшего на дерущихся воинов, как взялся он за меч и уже готов был бежать на подмогу тем или другим. Он не стал сидеть, сложа руки, а обхватил Кухулина за плечи и принялся убеждать его, что он видит перед собой всего лишь колдовство, сотворенное дочерьми Галатина ради того, чтобы выманить его наружу. Тут подоспели Катбад и многие ученые мужи, которые подтвердили его слова, но им потребовалось много сил и времени, чтобы удержать Кухулина на месте.

На другой день Катбад сам пришел приглядывать за Кухулином, но, когда поднялся шум, несмотря на все уговоры, Кухулин поднялся со

своего места и подошел к окну. Вначале ему почудилось, что он видит все ирландское воинство на лужайке перед домом. Потом он как будто разглядел Градха, сына Лира, и услышал арфу Мангура, наигрывавшего мелодии сидов. Услышав арфу Мангура, он сразу понял, что недолго ему осталось жить, что на исходе его сила и его мужество.

В это время одна из дочерей Галатина приняла облик вороны и принялась кружить над окном и насмехаться над героем, требуя, чтобы он не отсиживался в доме, а защищал свои земли от врагов.

На сей раз Кухулин без подсказок знал, что на его глазах творится колдовство, и все равно он готов был ринуться в самую гущу воинов, такое затмение нашло на него из-за воинственного звона мечей и сладкого пения арфы сидов. Катбад всеми силами старался его успокоить, он увещевал его и объяснял ему, что если три дня он пробудет в Эмайн Махе, то чары потеряют силу, а там Конал Кеарнах придет ему на подмогу и он вновь сможет сражаться, сколько его душе угодно, и по всей земле будут славить имя непобедимого Кухулина.

Со всех сторон обступили его жены Улада и музыканты, принявшие петь сладкие песни, чтобы отвлечь Кухулина от шума брани. А там и день подошел к концу.

Наутро Конхобар призвал к себе Катбада, Глеананна Светлоликого и всех друидов. Пришли с ними и Эмер, и Ниав, дочь Келтхайра, которую любил Кухулин, и другие жены из Дома Алой Ветви. Конхобар спросил их, как они собираются удержать Кухулина от битвы в этот день.

— Не знаем, — ответили ему и мужи, и жены.

— Тогда я скажу вам, что надо сделать, — сказал Конхобар. — Поезжайте с ним вместе в Глеанн-на-Бодхар, что значит Глухая Долина. Если даже все воины Ирландии завопят разом и разом скрестят мечи, в этой долине вы ничего не услышите. Увозите туда Кухулина и держите его там, пока не ослабнут чары и не примчится ему на подмогу Конал Кеарнах с острова Леодус. Увозите туда Кухулина и держите его там, пока с острова Леодус не примчится Конал Кеарнах.

— Король, — молвила тогда Ниав, — вчера весь день мы уговаривали и просили его поехать с нами в Глухую Долину, но он не желает ничего слышать и не поедет туда, что бы мы ему не сказали. Пойди к нему сам вместе с Катбадом, и Глеананном, и бардами, и Эмер, и увези его в ту долину. Прикажи музыкантам играть громко, чтобы не слышал он бранного шума и насмешливых слов дочерей Галатина.

— Я не поеду с ним, — заявила Эмер. — Пусть едет Ниав, а я даю ей мое благословение, потому что ей Кухулин не откажет.

На том они порешили, и все отправились к Кухулину в сопровождении любимого арфиста Конхобара по имени Кобтах, который ни на мгновение не прерывал нежную мелодию. Кухулин еще не вставал с ложа, и Катбад подошел к нему с такими речами:

— Милый сын, — сказал он, — сегодня я приглашаю тебя на пир, на котором будут все жены и все барды Улада. Ты не можешь отказать мне.

— Горе мне! Не время сейчас для пиров и веселья, когда четыре королевства Ирландии крушат и грабят Улад, когда мужи Улада слабы и Конала нет с нами, а воины Ирландии поносят меня и смеются надо мной, будто я бегаю от них. И если бы не ты и не Конхобар, не Глеананн и не Амергин, я бы уже давно расправился с ними, и мертвых среди них было бы больше, чем живых.

Тут вступили в разговор жены. И Эмер сказала так:

— О милый Пес Улада, до сих пор ни разу я не отговаривала тебя ни от одного сражения, ни от одного поединка. Но теперь ради меня, мой единственный возлюбленный, мой первый возлюбленный, прими приглашение Катбада и отправляйся на его пир вместе с ним, Глеананном, Ниав и сладкоречивыми бардами Улада.

Ниав подошла к Кухулину и три раза пылко поцеловала его. После этого все поднялись со своих мест. Кухулин встал с ложа и, печальный, поехал вместе со всеми в Глухую Долину. А там он сказал:

— Горе мне, что я приехал сюда. Еще нигде мне не нравилось меньше, чем здесь. Теперь мужи Ирландии будут говорить, будто я бежал и прятался от них.

— Ты дал мне клятву, — напомнила ему Ниав, — что не уйдешь сражаться, пока я не отпущу тебя.

— Коли я дал тебе клятву, то сдержу ее.

Когда распрягли повозки и Серый из Махи и Черный Кинглайн принялись щипать траву, все отправились в дом Катбада, где все уже было готово для пира. Кухулина повели на почетное место. По правую руку от него сели Катбад, Глеананн и барды, по левую — Ниав, дочь Келтхайра, и другие жены. Напротив разместились музыканты и сказители. Все пили-ели, играли в разные игры и изо всех сил старались развлечь Кухулина.

А три одноглазые дочери Галатина, прилетев на лужайку перед Домом Алой Ветви и не найдя там Кухулина, принялись искать его в Эмайн.

Не отыскав его рядом с Конхобаром или воинами Алой Ветви, они очень удивились. Но прошло совсем немного времени, и они поняли, что его прячет Катбад, поэтому, оседлав стонущий ветер, они поднялись высоко в небо и оттуда стали оглядывать весь Улад, не пропуская ни одной рощи, ни одной долины, ни одной пещеры и даже тропинки. Все было напрасно, пока они не добрались до Глеанн-на-Бодхар и не увидели там Серого из Махи и Черного Кинглайна, а возле них Лаэга, сына Райангабра.

Они сразу поняли, где Кухулин, и тотчас услышали музыку, смех, возгласы жен, изо всех сил веселивших Кухулина.

Тогда дочери Галатина спустились на землю и принялись, как прежде, терзать ее ногтями и рвать траву, творя колдовство и превращая травинки и листочки в вооруженных воинов, так что вскоре в долине и ступить было негде. Воздух наполнился шумом битвы, криками, грозной музыкой труб, хриплым смехом и стонами раненых. Вокруг долины все будто бы поыхало в огне, и из разных мест доносился женский плач. Великий ужас объял всех, кто это слышал, и мужчин, и женщин, и даже собак.

Но жены, окружавшие Кухулина, стали смеяться еще громче, спасая ему жизнь.

— Горе мне! — вскричал Кухулин. — Я слышу крики ирландцев, сжигающих все на своем пути. Ничего не осталось от моей славы, опозорено великое имя, навеки погиб Улад.

— Подожди, — сказал ему Катбад. — Это всего лишь дочери Галатина. Они хотят выманить тебя отсюда и погубить тебя. Оставайся с нами. Забудь о шуме.

И Кухулин остался, хотя дочери Галатина еще долго не унимались. Наконец они устали, да и поняли, что не справиться им с Катбадом и женами Улада.

Разгневалась тогда Боув, одна из дочерей Галатина.

— Вы шумите в небе, а я спущусь в долину. Пусть я погибну, но поговорю с Кухулином.

Вне себя от ярости, она спустилась к самому дому, где пировали Катбад и его гости, и, приняв обличье одной из служанок Ниав, позвала ее из дома.

Ниав вышла, решив, что у служанки важные вести, и за ней следом вышли многие жены Улада, которых Боув увела подальше от дома. Дорогу обратно она завесила густым туманом.

Сама же она, приняв обличье Ниав, встала на пороге и завопила во все горло:

— Поднимайся, Кухулин! Дандеалган сожжен! Муиртемне разрушен! И Конайл Муиртемне тоже! Вся земля вытоптана ирландскими воинами! Позор мне! Все в Уладе скажут, что я непустила тебя на битву, желая победы мужам Ирландии! Конхобар убьет меня своими руками.

Боув знала, что Кухулин поклялся Ниав без ее разрешения не вступать в битву с мужами Ирландии.

— Горе мне! — вскричал Кухулин. — Вот и верь после этого женом! Я-то думал, ни за какие богатства на земле непустишь ты меня биться с мужами Ирландии. Но если ты сама посылаешь меня против них, я пойду.

С этими словами он поднялся, чтобы идти к двери, а когда он встал, то накинул на себя плащ и наступил на него, отчего золотая застежка отстегнулась, упала ему на ногу и вонзилась в палец.

— Застежка по-дружески предостерегает меня!

Все же он покинул дом и приказал Лаэгу запрягать повозку. Следом за ним бросились Катбад, Глеананн и жены Улада. Они схватили его за руки и за плечи, но не смогли остановить, потому что он слышал шум битвы и думал, будто великое воинство топчет Эмайн, да и во всей равнине ногу негде поставить, так много там собралось ирландских воинов. Ржали кони, кричали люди, и Кухулин словно воочию видел горящий город Конхобара, а весь холм был будто бы усыпан вещами, вытасканными из домов. Он был уверен, что уже снесен солнечный дом Эмер, сгорел Дом Алой Ветви, и Эмайн весь в огне и дыме.

Катбад старался успокоить его.

— Милый сын, — молил он, — послушайся моего совета, подожди еще один день, не ходи против ирландцев, и тогда я сумею защитить тебя от колдовских чар одноглазых дочерей Галатина.

Однако Кухулин стоял на своем.

— Милый учитель, что мне думать о моей жизни, если она подходит к концу, да и Ниав отпустила меня биться с мужами Ирландии.

В это время прибежала Ниав и запричитала:

— Горе мне! Мой милый Пес, за все богатства земли не отпустила бы я тебя! Не я отпустила тебя, а Боув, дочь Галатина. Это она приняла мое обличье. Останься со мной, мой возлюбленный!

Кухулин не поверил ей и вновь приказал Лаэгу готовить повозку и оружие. Лаэг послушался, но в первый раз послушался без всякой

радости. Да и кони, завидев, что он берется за упряжь, отпрянули от него. Серый из Махи так и не подпустил его к себе.

— Воистину, — удивился Лаэг, — они тоже предостерегают Кухулина. Ты, — обратился он к Серому из Махи, — ни разу до сих пор не бегал от меня и не боялся упряжи.

Он пошел к Кухулину и сказал ему так:

— Клянусь богами моего народа, никому не справиться сейчас с Серым из Махи. Иди сам и уговаривай его впрячься в повозку.

Кухулин подошел к Серому, и конь трижды повернулся к нему левым боком. Кухулин рассердился.

— Никогда еще ты не вел себя так!

Тогда Серый из Махи подошел к нему, и на ноги Кухулину скатились круглые кровавые слезы.

Накануне распрягала повозку Морриган, и она сломала ее, потому что не хотела, чтобы Кухулин участвовал в битве и погиб.

Тем не менее, повозка в конце концов была готова и Кухулин отправился на ней в Эмайн прямо в дом, в котором жила Эмер. Она вышла и потребовала, чтобы он приблизился к ней.

— Нет, — отказался Кухулин. — Сначала я еду в Муиртемне биться с воинами из четырех могущественных королевств Ирландии. Я отомщу им за все, что они натворили в Уладе.

— Это все колдовство, — попробовала отговорить его Эмер.

— Слушай, жена, я поклялся, что не вернусь сюда без победы над ирландскими мужами.

Он повернул повозку на юг и помчался дорогой Меадон Луахайр, а вслед ему запричитала Леборхам, и сто и пятьдесят королей, которые были в это время в Эмайн Махе, тоже запричитали ему вслед и стали бить в ладоши, потому что знали: не вернется к ним Кухулин.

9 Смерть Кухулина

Кухулин в последний раз поехал к своей матери Дехтире. Она вышла ему навстречу из дома, потому что знала, что он едет биться с целым ирландским воинством, и налила ему полную чашу вина, как делала всегда, когда он приезжал к ней.

Кухулин взял у нее из рук чашу, а в ней оказалась красная кровь по самые края.

— Горе мне! — вскричал Кухулин. — Понятно, почему все отказываются от меня, если даже родная мать подносит мне кровь вместо вина.

Дехтире налила другую чашу и третью, но каждый раз, едва Кухулин брал ее в руки, вино в ней превращалось в кровь.

В ярости Кухулин хватил чашей о камень, и она разбилась.

— Не твоя это вина, милая мать. Счастье отвернулось от меня, и моя жизнь подходит к концу. На этот раз не вернуться мне живым домой.

Дехтире принялась умолять его подождать еще один день, а там, глядишь, подоспеет на помощь Конал, но Кухулин сказал так:

— Не проси. Я не буду ждать. На все богатства земли не променяю я мое доброе имя. С того самого дня, когда я в первый раз взял в руки меч, не бегал я от сражений и поединков. И сейчас не побегу, потому что доброе имя дороже жизни.

Он отправился дальше, и с ним Катбад, который не оставлял его ни на мгновение. Неожиданно они увидели девуцу, стройную, белокожую, светловолосую, которая стирала чьи-то одежды, терла и никак не могла оттереть алые пятна, отчего она заливалась слезами и беспрерывно причитала.

— Милый Пес! — воскликнул Катбад. — Ты видишь девуцу? Твои одежды она стирает и плачет над ними, потому что ты идешь на смертельный бой с воинством Медб. Это дурное предзнаменование, и лучше тебе повернуть назад.

— Милый учитель, — отвечал ему Кухулин, — ты прошел со мной большой путь. Неужели ты думаешь, что я поверну обратно и не отошлю мужам Ирландии, пришедшим разрушить мой дом и ограбить мою землю? Что мне до женщины из племени сидов? Пусть она стирает грязные тряпки. Скоро у нее будет много других одежд, запачканных кровью. Много будет копий, мечей и щитов в кровавых лужах, потому что я возьму в руки мой меч и мое копьё. А если ты печалишься, что я иду сражаться, то я-то этому рад, хотя могу погибнуть. Возвращайся в Эмайн к Конхобару и Эмер. Передай им от меня привет, скажи, пусть они живут долго, а я больше с ними не увижусь. Горько мне расставаться с ними! — И он отвернулся от Катбада. — Ох, Лаэг, ждут нас вдалеке от Эмертьма и несчастья, но было время, когда мы с радостью возвращались к ней из далеких земель.

Катбад покинул Кухулина, а он продолжил путь. Вскоре ему повстречались три старухи, слепые на один глаз, которые колдовали над ветками рябины, жаря себе на обед пса. Мимо хотел проехать Кухулин, понимая, что это не к добру.

Однако одна из старух окликнула его:

— Стой, Кухулин, побудь с нами.

— Нечего мне с вами делать, — отозвался Кухулин.

— Это потому, что нам нечего предложить тебе, кроме пса. А будь у нас богатый стол, ты бы придержал коней и стал нашим гостем, но нам почти нечего тебе дать, и ты едешь мимо. А ведь того не почитают, кто не почитает малых, коли сам велик.

Кухулин подошел к ней, и она протянула ему собачью лопатку в левой руке, и он взял ее левой рукой, а потом положил левую руку на левый бок, и ему показалось, будто ударили его в левую руку, а потом в левый бок, и силы покинули их.

Отправился дальше Кухулин по дороге Меадон Луахайр, что проходит возле Слив Фуад, и его увидел его враг Эрк, сын Каирбре. В руке у него полыхал красным огнем меч. Страшен был его лик. От волос, заплетенных в косы, исходило золотое сияние, менявшее цвет, словно под рукой кузнеца. Ворона Брани кружилась над его головой.

— Кухулин близко, — сказал Эрк мужам Ирландии.

Они перегородили дорогу щитами, соединив их все вместе, а трижды по два мужа посильнее Эрк поставил друг против друга, как будто они бьются не на жизнь, а на смерть, чтобы им сподручнее было звать Кухулина на помощь. Возле каждой пары стоял друид, и Эрк наказал им просить у Кухулина копьё, потому что не сможет Кухулин отказать друиду.

Не просто так он это сделал, а потому, что дочери Галатина предсказали, что погибнет Кухулин от своих же копий.

Еще Эрк наказал мужам Ирландии кричать что есть мочи при виде Кухулина, который, подъехав поближе, взялся за меч и копьё и после трех громовых ударов равнина Муиртемне была усыпана отдельно головами, руками, ногами, словно морской берег песком, словно небо звездами, словно майская трава росой, словно земля снежинками зимой или листьями осенью. Красной стала равнина после трех ударов Кухулина.

Потом он увидел будто бы ссорящихся мужей, и друид позвал его разнять их.

— Дай мне свое копье, — крикнул друид.

— Клянусь клятвой моего народа, тебе оно не так нужно, как мне сегодня. Мужья Ирландии пошли на меня войной, а я иду против них.

— Я пушу про тебя худую славу, если ты мне откажешь, — пригрозил Кухулину друид.

— Не было еще такого, чтобы я кому-нибудь отказал.

С этими словами Кухулин метнул в него копье и пробил ему голову, убив заодно и мужей, которые стояли за ним.

Кухулин направил коней на ирландских воинов, и расступились они, а тем временем Лугайд, сын Куроя, подобрал копье.

— Кто падет от него, дочери Галатина? — спросил он.

— Король падет.

Лугайд метнул копье в повозку Кухулина и попал в Лаэга, сына Райангабра. Он упал на подушки, и кишки вывалились у него из живота, окрасив все вокруг кровью.

— Горе мне! — вскричал Лаэг. — Я умираю.

Кухулин выдернул копье из живота Лаэга, который еле слышно простился с ним.

И Кухулин сказал:

— Быть мне сегодня и воином и возницей.

Потом он увидел еще двух мужей, как будто бившихся друг с другом, и один из них крикнул, что Кухулин покроет себя позором, если не поможет ему.

— Дай мне свое копье, Кухулин, — попросил друид.

— Клянусь клятвой моего народа, тебе оно не так нужно, как мне сегодня, ибо предстоит мне одному освободить Муиртемне от воинов четырех королевств Ирландии.

— Я пушу о тебе худую славу.

— Не привык я дарить больше одного подарка в день, а за свое имя я уже заплатил.

— Тогда я пушу худую славу об Уладе.

— Еще никто не хулил Улад из-за меня. Пусть мне мало осталось жить, но сегодня не ляжет позор на Улад.

С этими словами он метнул копье в друида и пробил голову ему и еще девяти мужам, которые стояли позади него, а сам отправился дальше, и воины расступались перед ним.

Копье же взял Эрк, сын Каирбре Ниафера.

— Кто падет от него? — спросил он у дочерей Галатина.

— Король падет.

— То же самое вы сказали Лугайду, — напомнил им Эрк.

— Правильно. Лаэг, сын Райангабра, возница Кухулина, король всех ирландских возниц, пал от него.

Эрк метнул копье, и попало оно в Серого из Махи. Кухулин выгасил копье и простился со своим конем. Серый из Махи ушел от него, не сняв упряжи, и вернулся в Глас-линн, серое озеро в Слиав Фуад.

А Кухулин продолжил свой путь между расступавшимися перед ним воинами и увидел еще двух мужей, будто бы бившихся в поединке, и он встал между ними, как делал это прежде. Опять друид потребовал у него копье, и опять Кухулин отказал ему.

— Я пушу о тебе худую славу, — сказал друид.

— Я уже заплатил тому, кто хотел опозорить мое имя, и не могу делать это дважды за один день.

— Я пушу худую славу об Уладе.

— И за это я уже заплатил, — отозвался Кухулин.

— Тогда я пушу худую славу о твоём роде.

— Не быть этому. Никогда не узнают улады, что позор на них пал из-за меня, ведь не вернуться мне больше к ним. Мало осталось мне жить.

С этими словами он метнул копье и пробил голову друиду и многим мужам, которые стояли позади него.

— Не по-доброму творишь ты добро, — воскликнул, падая, друид.

В последний раз Кухулин поехал сквозь расступающееся воинство, а копье выгасил Лугайд.

— Кто падет от него, дочери Галатина? — спросил он.

— Король падет.

— Вы уже говорили это Эрку.

— Правильно, — отвечали дочери Галатина. — Пал Серый из Махи, король всех коней в Ирландии.

Тогда Лугайд метнул копье и попал в Кухулина. Сразу понял Кухулин, что настал его смертный час. Упал он на подушки, и вывалились у него из живота кишки, окрасив все вокруг кровью. И его единственный конь Черный Кинглайн покинул своего хозяина, короля героев Ирландии, умиравшего в Муиртемне.

Сказал Кухулин:

— Прежде чем умереть, хотелось бы мне испить воды из вон того озера.

— Иди, если обещаешь вернуться.

— Вернись, если вы придете за мной. Мало осталось у меня сил.

Он засунул кишки обратно в живот и направился к озеру. Испив воды, он весь вымылся, чтобы встретить смерть как подобает, а потом призвал к себе своих врагов.

Неподалеку он увидел камень-колонну и привязал себя к ней, чтобы не встретить смерть лежа. Враги окружили его, но боялись подойти близко. Не верили они в его смерть.

— Позор вам, — крикнул Эрк, сын Каирбре, — что не можете вы отрубить ему голову, как он отрубил голову моему отцу!

Пришел Серый из Махи защищать Кухулина, пока теплится в нем жизнь и геройский огонь не погас над его головой.

Трижды ирландские воины хотели подойти к Кухулину, и трижды Серый из Махи не подпускал их, убив раз за разом пятьдесят мужей зубами и тридцать копытами. Потом люди говорили: «Пришлось много потрудиться Серому из Махи, когда умирал Кухулин».

Прилетела откуда-то птица и села Кухулину на плечо.

— На эту колонну птицы никогда не садятся, — сказал Эрк.

Тут вышел вперед Лугайд, убрал Кухулину с плеч волосы и отрубил ему голову под громкие крики ирландцев. Меч выпал из руки Кухулина и, падая, отсек правую руку Лугайду. Тогда ирландцы в отместку отрубили Кухулину еще руку. Огонь над головой Кухулина погас, и лицо у него стало белым, как только что выпавший снег.

Ирландцы решили между собой, что если Медб собрала воинство, то ей увозить в Круахан голову Кухулина.

— Нет, — отказалась от этой чести Медб. — Пусть Лугайд берет ее.

Лугайд со своими воинами отправился на юг по направлению к реке Лифе и увез с собой голову и правую руку Кухулина.

В это время выступило против врагов воинство Улада под предводительством Конала. На пути им повстречался окровавленный Серый из Махи. Понял Конал, что умер Кухулин, тогда повернул он Серого из Махи и поехал за телом героя. Кухулин все еще стоял, привязанный к камню-колонне, и Серый из Махи подошел к нему и положил голову ему на грудь.

— Серый из Махи много потрудился, чтобы защитить его, — сказал Конал.

Конал вернулся к своему воинству, по дороге обдумывая, как ему отомстить за смерть Кухулина. Много лет прошло с тех пор, как Конал и Кухулин договорились мстить убийцам того, кто падет первым.

— Если меня убьют первым, — спросил тогда Кухулин, — сколько тебе понадобится времени, чтобы отомстить за меня?

— До вечера того же дня, — обещал Конал, — ты будешь отмщен. А если я погибну первым, сколько тебе понадобится времени?

— Не успеет высохнуть твоя кровь на земле.

И Конал помчался следом за Лугайдом к реке Лифе.

Лугайд уже собирался мыться, но предупредил своего возницу:

— Гляди по сторонам, как бы кто не подошел незамеченным.

Возница исполнил приказ.

— Воин мчится сюда. И, верно, все вороны Ирландии кружат над его головой. А впереди него хлопья снега ложатся на землю.

— Это не друг, — понял Лугайд. — Это Конал на Даб-деарг. А птицы, которых ты видишь, — комья земли из-под копыт коня. Хлопья снега — пена, что падает с его морды. Смотри зорко, не свернет ли он в сторону.

— Он мчится по следам воинства, — сказал возница.

— Пусть едет мимо, — отозвался Лугайд. — Не время мне биться с ним.

Однако Конал заметил Лугайда и не свернул с пути.

— Удача не изменила мне и не спрятала от меня лицо должника, — сказал Конал. — Ты в долгу у меня, и я приехал за долгом. Ты убил Кухулина. И теперь ты заплатишь мне за его смерть.

Они решили биться в Маг Аргетрае, и Конал ранил Лугайда копьем. Потом они бились в Ферта Лугайде.

— Честно бейся со мной, — потребовал Лугайд.

— Что значит — честно?

— Бейся одной рукой.

Конал согласился и привязал одну руку к боку. Долго они бились, и силы у них были равны. Никак не мог Конал одолеть Лугайда, и тогда его конь Даб-деарг приблизился к Лугайду и укусил его за бок.

— Горе мне! — вскричал Лугайд. — Нечестно ты, Конал, ведешь себя.

— Я веду себя честно, потому что не было промеж нас уговора насчет коня.

— Знаю я, что ты будешь биться, пока не отрубешь мне голову, как я отрубил голову Кухулину.

— Береги же свою голову! Поставь свое королевство против моего королевства, свою славу против моей, и будь ты даже первым героем Ирландии, не уйди тебе от меня!

Конал убил его и увез голову Кухулина к камню-колонне, где все еще было его тело.

К этому времени Эмер уже узнала о том, что случилось, о том, что мужи Ирландии и колдуньи, дочери Галатина, извели ее мужа. Леборхам рассказала ей обо всем, потому что Конал Кеарнах повстречал ее на пути и велел везти худую весть в Эмайн Маху. Леборхам отыскала Эмер в ее доме в верхней комнате. Она сидела у окна и смотрела вдаль, ожидая гонцов с поля битвы.

Все жены Улада вышли к Леборхам, и все стали плакать и вопить, обжигая себе щеки горячими слезами. Скоро не только Эмайн, но и весь Улад огласился отчаянными криками.

Конал привез в Эмайн тело и голову Кухулина, а потом запричитал над ними:

— *Счастлив был Кухулин и удачлив с малых лет! Не было героя храбрее него, павшего от руки Лугайда. Горе всем нам! Не будет мне покоя, пока не падут от моей руки все вожди Ирландии!*

Горе мне! Зачем пошел ты биться, не дождавшись Конала Кеарнаха? Горе мне! Ты был мне приемным сыном, а теперь вороны пьют твою кровь! Нет с нами Пса, и все от велика до мала в Уладе плачут над ним!

— Надо похоронить Кухулина, — сказала Эмер.

— Нет, — возразил Конал, — сначала я отомщу мужам Ирландии. Громко кричат в Муиртемне, и во всем Уладе плачут по Кухулину. Муж, что лежит тут в луже крови, был надежной защитой всем уладам, не боялись мы за наши границы, а теперь его нет с нами. Счастлив был Лугайд, сын Куроя, убить Кухулина, потому что Кухулин погубил многих вождей и детей Деагуида вместе с Фамайном, сыном Фораха, и Куроем, сыном Дайре. От этих криков мутится у меня в голове и не могу я, Кухулин, не ответить на эти крики, потому что остался я теперь один. Не было мужа в Ирландии, не боявшегося меча Кухулина! Разрывается у меня сердце из-за смерти моего брата. Пусть трепещет Ирландия! Страшна будет моя месть. Никто не избегнет ее! Прольется много крови! И по всей земле до

конца времен не забудут Конала Кеарнаха! Пока жив хоть один человек в Мунстере, Коннахте и Лейнстере, не перестанет он оплакивать тот страшный час, когда поднялись мужи Ирландии против Кухулина. Если бы не колдуньи, дочери Галатина, не справиться бы им с героем Улада.

Ярость охватила Конала. Он сел в повозку и помчался следом за мужами Ирландии, как незадолго до того за Лугайдом.

А Эмер взяла в руки голову Кухулина, и омыла ее, и завернула в шелковое покрывало, и прижала к груди, и стала плакать над ней:

— *Горе мне! Прекрасной была голова, что теперь мертвая лежит у меня на руках. Многие короли и мужи со всей земли оплакали бы тебя, если бы знали о твоей гибели! Все барды и друиды Ирландии и Альбана оплакали бы тебя! Много добра и драгоценных камней, много золота и серебра привозил ты мне из чужих земель, завоеванных твоей силой и доблестью.*

Горе мне! Горе мне! Ты, Кухулин, погубил много великих героев, сотни великих героев пали от твоей руки. А теперь моя голова будет лежать рядом с твоей в одной могиле!

И твоя рука, Кухулин! Нежной была твоя рука, и часто засыпала я на ней, на моей любимой руке!

Милый твой рот, Кухулин! Как сладко умел ты рассказывать были и небылицы. С тех пор, как любовь осветила твое лицо, ни разу твой рот не отказал ни слабому, ни сильному.

Милый мой муж, милый муж, одолевший великое воинство! Милые твои холодные волосы, и милые румяные щеки!

Милый мой король, милый король, никому не отказывавший. Тридцать дней прошло с тех пор, как я в последний раз лежала рядом с тобой!

О, два копья! Два копья! И щит! И смертельный меч! Пусть возьмет их Конал, муж, великий в битвах! Бесценен дар, какого еще никто не видывал!

Я рада, рада я, Кухулин из Муиртемне, что ни разу не устыдился ты из-за меня, что всегда я была верна тебе.

Счастливы те, те счастливы, кто никогда больше не услышит крик кукушки, ибо нет больше в живых Пса из Муиртемне!

Унесет меня прочь, как щепку уносит река! Не причешу я сегодня моих волос. Нет отныне у меня других слов, кроме «горе мне, горе мне».

И еще она сказала:

— Давно уже привиделось мне во сне, что Кухулин падет в битве с мужами Ирландии, и Дандеалган сравняют с землей, и щит героя расколется, и меч и копья сломаются, и Конал будет сеять смерть, и мы с тобой ляжем в одну могилу. Горе мне, любовь моя, — причитала Эмер, — часто были мы с тобой вместе и были счастливы. Пусть обещают хоть всю землю, но не найдут нигде, чтоб сошлись в одном месте такие короли из коней, как Серый из Махи и Черный Кинглайн, такой король из возниц, как Лаэг, да мы с Кухулином. Разрывается у меня сердце от плача жен и мужей, от криков юношей Улада, ослабевшего без тебя. Как им отомстить, если нет тебя с ними?

Долго еще она причитала, а потом увезла тело Кухулина в Дандеалган, и там тоже все плакали и причитали, пока не возвратился Конал Кеарнах из своего кровавого похода в Ирландию.

Не мог он найти успокоение, пока не обагрил руки в крови мужей Мунстера, и Коннахта, и Лейнстера.

А обагрив руки в крови ирландских мужей, он возвратился в Дандеалган, и с ним его воины, но только не было веселого пира в честь их возвращения. Конал привез много голов и сложил их все на зеленом лугу, и, увидев их, громко закричали домочадцы Кухулина и Эмер.

Эмер вышла из дома и, увидев Конала Кеарнаха, сказала так:

— Честь тебе и хвала, король героев! Пусть ни одна из твоих ран не будет смертельной! Ты отомстил за беды Улада, и теперь тебе осталось лишь вырыть нам могилу и положить меня в нее вместе с Кухулином, потому что не жить мне без него.

— Скажи, Конал, — спросила она, — чьи это головы на лугу?

Конал ответил ей так:

— Дочь Форгала, слакоречивая Эмер, я отомстил за славного Пса Улада и привез эти головы с юга.

— Чья эта большая голова с черными волосами и гладкими щеками, что пунцовее розы? С левого края лежит она, не побелевшая от времени.

— Это голова Эрка, короля Меата и сына Каирбре, у которого были самые быстрые кони. Издалека я привез эту голову, отомстив за моего приемного сына.

— А это чья голова, что ближе ко мне, с мягкими волосами и гладким лбом, и глазами, как лед, и зубами, как белые цветы? Она прекраснее всех других.

— Это сын Медб, светловолосый Майне. Его тело осталось лежать без головы, и все его воины пали вместе с ним.

— Великий Конал, верный друг, чью голову ты держишь в руках? Теперь, когда нет в живых славного Кухулина, чью голову ты привез, отомстив за него?

— Это голова сына Фергуса, победившего во многих битвах, сына моей сестры из высокой башни. Я отрубил ему голову.

— А это чья голова со светлыми волосами и лицом, искаженным горем? Я помню его голос.

— Это он убил Пса. Это Лугайд, сын Куроя Барда. Сначала я убил его в честном бою, а потом отрубил ему голову.

— А чьи две головы подальше, справедливый Конал? Ради нашей дружбы, не скрывай имена мужей, павших от твоего меча.

— Это головы Лойгайре и Клар Куилта. Они ранили верного Кухулина, и я омыл свой меч в их крови.

— А чьи вон те две головы, великий Конал, славный делами? Волосы у них одного цвета, а щеки краснее крови теленка.

— Храброго Кулана и отважного Кунлада, которые в ярости могли победить любого. С восточной стороны лежат их головы, Эмер. Их тела я оставил в луже крови.

— А чьи те три головы со злым выражением на лицах, что лежат с северного края? У них черные волосы и синие щеки, и даже стойкий Конал отворачивает от них взгляд.

— Трех врагов Пса, дочерей Галатина, преуспевших в колдовстве. Я убил трех колдуний, и их оружие осталось в их руках.

— О великий Конал, а чья эта голова, которую и в сражении нельзя не заметить, с золотистыми волосами и кожей гладкой и белой, как серебро?

— Это голова сына рыжего Росса, сына Нехте Мина. Эта голова, Эмер, принадлежала верховному королю Лейнстера Пятнистые Мечи.

— О великий Конал, хватит! Сколько же всего мужей убил ты из тех, что были врагами Кухулина?

— Десятью и семью двадцать сотен полегли от моего меча и мечей моих воинов.

— О Конал, что же жены Ирландии? Оплакивают ли они Пса? Жалеют ли сына Суалтайма? Горюют ли они, почитая его, как героя?

— О Эмер, что мне делать без моего Кухулина сегодня?

— О Конал, отнеси меня на могилу. Положи мой камень на могилу Пса, потому что от горя уйду я из жизни. И пусть мои губы будут прижаты к губам Кухулина. Я — Эмер Прекрасная. Некому больше мстить. Никого я не люблю. Печально мне без моего Кухулина.

Эмер потребовала, чтобы Конал выкопал широкую и очень глубокую могилу для Кухулина, потом она легла в нее рядом со своим мужем, приложила губы к его губам и сказала:

— Любовь моя, мой возлюбленный муж, мой единственный, многие жены завидовали мне, а сегодня я уйду из жизни вместе с тобой.

И она умерла.

Так и похоронил их Конал в одной могиле и положил один камень, на котором письмом огама начертал их имена.

Все мужи Улада оплакали Кухулина и Эмер.

А пятьдесят королев, которые любили Кухулина, еще три раза видели, как он в своей волшебной повозке ехал по Эмайн Махе и пел песни сидов.

Финн, сын Кумхала

1. Рождение Финна

Когда родился Финн, сыновья Морны убили его отца Кумхала, сына Байскне и вождя ирландских фениев, и его мать, длинноволосая Муирне, дочь Тадга, сына Нуады из племени богини Дану, и Этне, матери Луга Длиннорукого, не посмела оставить его при себе. Лиат Луахра и Бодмал, знавшая искусство друидов, унесли его подальше от людей.

Они тайно растили его в лесу в Слив Бладма, чтобы не прознали о нем враги его отца, сыновья Морны.

Муирне же, мать Финна, взяла в мужья короля Каррайгхе, и лишь через шесть лет тайными тропами она пришла в лес, прижала спящего сына к груди, спела ему колыбельную, а потом быстро попрощалась с Бодмал и Лиат Луахрой и поспешила прочь.

Жены заботились о Финне, пока он не достиг разумных лет. Однажды, когда он был еще совсем маленьким, он вышел из леса, увидел на озере утку с выводком, поймал ее, обрезал ей крылья и принес в лес. Это была его первая добыча.

Жены научили Финна хорошо бегать, прыгать и плавать. Одна из них обычно бежала вокруг дерева, держа наготове колючку, а Финн бежал за ней, и они старались уколоть друг друга. А еще его оставляли одного в поле сторожить зайцев, наказав никуда не выпускать их без присмотра. Плавать же его учили, бросая его в озеро и предоставляя самому выбираться на берег.

Потом Финна увели с собой барды, которые прятали его от сыновей Морны на горе в Кротта Клиах.

В те времена в Лейнстере жил грабитель Фикул, сын Кодны, и он пришел в Фид Гибл и убил всех бардов, а младенца пожалел и даже принес его в свой дом на холодном болоте. Когда же к Фикулу явились Бодмал и Лиат, он отдал им Финна, и он вновь стал жить в лесу.

В красивого и сильного юношу вырос Финн в лесу под присмотром Бодмал и Лиат. Однажды он был в Слав Бладме, и с ним обе жены, когда увидел вдалеке стадо оленей.

— Жаль, — сказали старухи, — что не догнать нам хотя бы одного оленя.

— Я догоню, — пообещал Финн.

С этими словами он бросился прочь и вскоре принес в лесной дом двух оленей. С тех пор он каждый день уходил на охоту и ни разу не возвратился без добычи.

Много ли, мало ли времени прошло, но однажды Бодмал и Лиат сказали Финну так:

— Сыновья Морны ищут тебя, чтобы убить. Больше тебе нельзя тут оставаться.

Финн послушался их и пошел, куда глаза глядят. Ни разу не остановился он, пока не оказался в Маг Лифе и не увидел купавшихся в озере юношей, которые тотчас позвали его соревноваться в плавании. Финн, не сказав ни слова, вошел в воду и обогнал всех.

— У него светлые волосы, и он пригож собой, — говорили между собой юноши, увидев, как он ловок в воде.

С тех пор его стали звать Финн, что значит «светловолосый и пригожий».

С завистью смотрели юноши на Финна, и он ушел от них.

Шел он, шел, и в конце концов ноги привели его к Лох-Лейн. Он поступил на службу к королю Финнтрайга, и не было у короля охотника удачливее Финна. Как-то король сказал:

— Если бы у Кумхала был сын, он был бы таким, как ты.

Финн покинул короля Финнтрайга и отправился в Каррайгхе, где поступил на службу к королю, который взял в жены его мать Муирне. Однажды он играл с королем в шахматы и выиграл семь раз подряд.

— Кто ты? — спросил его король.

— Я — сын крестьянина из Луигне, что в Таре, — ответил Финн.

— Неправда. Ты — сын моей жены Муирне и Кумхала. Нельзя тебе оставаться здесь, а то еще убьют тебя, пока ты под моей защитой.

Финн отправился в Коннахт, где жил брат его отца Кримал, сын Тремора, но по пути услышал женский плач. Он приблизился к одинокой жене и увидел, что все лицо у нее залито кровавыми слезами.

— У тебя лицо красное от крови, — сказал он.

— Правильно. Великий воин напал на нас и убил моего сына.

Финн догнал воина и убил его, не зная, что этот самый воин первым ранил Кумхала в сражении, в котором он нашел свою смерть. А еще у него был драгоценный кошель, который Финн забрал с собой.

Этот кошель был шит из кожи журавлихи, которая прежде была Айфе, прекрасной возлюбленной Илбрека, сына Мананнана. Из ревности он превратил ее в птицу. Кошель принадлежал дому Мананнана, и в нем хранились сокровища — рубаха Мананнана и его нож, пояс и крюк Гойбниу Кузнеца, ножницы короля Альбана и шлем короля Лохланна, а еще пояс из кожи большой рыбы и кости свиньи Асала, которую привезли в Ирландию сыновья Туиреана. Все эти сокровища были обыкновенно в кошеле во время прилива, а во время отлива они исчезали. От Мананнана они достались Лугу, сыну Этне, а от него Кумхалу, мужу Муирне, дочери Этне.

Финн не выпускал из рук кошель, пока не отыскал Кримала, который давно состарился и жил уединено в окружении всего нескольких фениев, охотившихся для него. Финн рассказал старику историю кошеля и оставил его ему.

Потом он простился с Крималом и отправился изучать поэзию к барду Финегасу, который жил рядом с рекой Бойнн, так как в те времена барды верили, будто поэзия открывается им только на берегу реки.

Финн не назвал барду своего настоящего имени, а сказал, что его зовут Деймне.

Семь лет жил Финегас на берегу Бойнна в ожидании лосося познания, потому что ему было предсказано, что он съест его и обретет все знание земли. Наконец лосось приплыл. Финегас принес его Финну, чтобы он зажарил его, но строго-настрого наказал не есть ни кусочка.

Финн подал ему зажаренного лосося, и Финегас спросил его:

— Ты ел его, Деймне?

— Нет, — ответил Финн. — Но я обжег палец, когда прижал вздувшуюся кожу, и облизал его.

— Как тебя зовут?

— Деймне.

— Ну нет. Тебя зовут Финн, и не мне, а тебе предназначен этот лосось.

Финнегас отдал Финну всего лосося, и Финн обрел знание, которое заключалось в девяти орехах мудрости, что росли возле родника недалеко от моря.

Помимо того знания, он получил другое, и вот как это было. Беаг, сын Буана из племени сидов, владел родником. Кто пил из него, тот обретал дар провидения. Три дочери Беага, сына Буана, сторожили родник и только за красное золото давали из него напиток. Однажды Финн охотился в тех местах, и три дочери Беага побежали ему навстречу, чтобы не пустить его к роднику. Одна из них держала в руке ковш с водой, и, когда плеснула из него в Финна, несколько капель попали ему в рот. Так Финн обрел то знание, которое давал родник.

Он научился трем видам поэзии и сразу сочинил песню, чтобы показать, как хорошо он все усвоил:

*Нет месяца лучше мая, прекрасен его лик,
дрозды поют днем и ночью, лес зеленеет,
кукует без счета кукушка,
знойному лету май открывает дорогу.*

*Летом мелеют реки, быстрые кони ищут,
где бы напиток, жара распускает длинные косы,
вниз растут белые болота. Олень не резвится,
и спит беспокойное море.*

*Пчелы без радости тащат пыльцу с лугов,
овцы забираются выше в горы,
лишь муравей пирует на славу.*

*Не умолкает лесная арфа, солнце освещает горы,
затишают озера, на всех путях мир и покой.*

*Коростель говорит громко, словно истый поэт,
одинокий водопад поет привет прогретому озеру,
шепчет что-то тростник вдалеке.*

*Ласточки, как стрелы, летают кругом,
воздух поет под горой, растет молодая трава,
колышется на болоте.*

Черно болото, как вороново крыло, громко кричит кукушка,
 плывет пятнистый лосось,
 высоко взлетает в прыжке юный воин.

Мужает юноша, девица расцветает под солнцем,
 лес стоит без изъяна, и луг без конца и без краю
 покрыт травой и цветами.

Многоцветна весна, позади осталась злая зима,
 белым-бело в лесу, впереди счастливое лето.

Стаями птицы кружат над лугом, шумят зеленые поля,
 бегут по ним шумливые ручьи.

Тянет мужа к быстрому скакуну,
 борзая чует добычу, сверкает копьё на лету,
 золотится на солнце древко.

Пичужка поет изо всех сил, жаворонок музыкой
 наполняет небо, лучше всех месяц май,
 разноцветьем глаз веселит.

Есть у меня и другой рассказ, как осень пришла,
 зима ждет своего часа и лето уже позади.
 Свистит холодный ветер, высоко не поднимается солнце,
 плачет все кругом, и море бранится.

Порыжел папоротник, дикие гуси кричат в небе,
 от холода немеют птичьи крылья,
 недалеко уже злое время морозов.

Мал еще был годами Финн, но все же решил идти в Тару к верховному королю, который собирал всех мужей Ирландии на Самайн. В это время никто не смел браниться или вызывать врага на поединок. И король, и все вожди, и Голл, сын Морны, который был во главе фениев, и Каойлте, сын Ронана, и острый на язык Конан, сын Морны, пировали в королевском доме, когда в залу вошел Финн и занял место за столом. Никто не знал, кто он такой.

Верховный король поглядел на него, и Финну тотчас подали рог собраний, после чего король спросил его, кто он такой.

— Я — Финн, сын Кумхала, — ответил Финн, — того самого Кумхала, который был вождем фениев и королем Ирландии. Я пришел к тебе, чтобы ты одарил меня своей дружбой, а я буду служить тебе честью и правдой.

— Мальчик, ты — сын друга, — сказал король, — сын мужа, которому я доверял.

Финн поклялся верно служить королю, после чего король взял его за руку и усадил рядом со своим сыном, и они стали есть, пить и веселиться.

Девять лет подряд во время Самайна являлся в Тару с севера муж из племени богини Дану и сжигал Тару дотла. Звали мужа Айллен, сын Мидне, и приходил он, наигрывая мелодии сидов, которые усыпляли ирландцев, а когда они крепко засыпали, он глубоко вдыхал воздух и выдыхал огонь, тотчас охватывавший все дома в Таре.

Король не забыл о нем, поэтому встал со своего места, держа в руке гладкий рог, и сказал:

— Если бы среди вас, мужи Ирландии, нашелся воин, который не дал бы Айллему, сыну Мидне, сжечь нынче Тару, клянусь, я исполнил бы любое его желание.

Молчали мужи Ирландии, потому что знали, нет у них защиты от музыки сидов, которая и жену в родовых муках, и израненного мужа одинаково ввергала в тихий сон.

Тогда поднялся со своего места Финн и спросил короля Ирландии:

— Кто свидетельствует, что ты исполнишь свое обещание?

— Короли Ирландии. И Китруадх со всеми друидами.

Они подтвердили слова короля, и Финн обещал защиту Таре до самого утра.

Среди мужей Ирландии был и Фиах, сын Конги, которого, как брата, любил Кумхал, отец Финна, и он спросил юношу:

— Финн, чем отплатишь ты мне, если я дам тебе копье, которое никогда не промахивается?

— А чего ты хочешь?

— Третью часть добычи твоей правой руки и третью часть твоего доверия и твоей дружбы.

— Согласен.

Фиах принес копье, о котором не знал никто. Не знали и сыновья Морны.

И он сказал Финну так:

— Когда услышишь музыку сидов,ними чехол с копья и надень его на голову. Он защитит тебя.

Финн встал из-за стола и отправился сторожить Тару. Вскоре он услышал печальную мелодию и, не медля, стащил с копья чехол. Айллен

играл на своей арфе, пока все не заснули, а потом выдохнул красный огонь, но Финн развернул на его пути свой алый плащ, и пламя ушло в землю.

Айллен, увидев, что его колдовство бессильно, возвратился в Сид Финнахайдх на вершине Слиав Фуад, но Финн последовал за ним и, когда Айллен уже хотел переступить порог дома, поднял копье и пронзил ему сердце. Потом он отрубил ему голову, и в Таре, водрузив ее на кривую палку, оставил на ней до восхода солнца.

Мать Айллена нашла обезглавленное тело сына и запричитала:

— О горе мне! Айллен пал, вождь сидов из Бейнн Бойрхе! Тяжелые тучи смерти укрыли его. О горе мне! Он был красивый! Он был добрый! Айллен, сын Мидне из Слиав Фуад! Девять раз ты сжигал Тару, желая прославить свое имя, о Айллен!

На рассвете король и вожди Ирландии вышли на луг перед Тарой, где их поджидал Финн.

— Король, — сказал Финн, — вот голова того, кто девять раз сжигал Тару. Вот его арфа и его свирель. Я спас Тару со всем ее добром.

Вожди Ирландии собрались на совет и решили, что Финн, сын Кумхала, должен стать во главе фениев.

Король так сказал Голлу, сыну Морны:

— Выбирай, Голл, или ты покинешь Ирландию, или рукопожатием скрепишь дружбу с Финном.

— Клянусь, я пожму ему руку.

Когда друиды совершили колдовство, которое должно было принести удачу Ирландии, вожди поднялись со своих мест и пожали руку Финну. Голл, сын Морны, первым подал ему руку, чтобы остальным не зазорно было это сделать.

Так Финн стал вождем фениев и оставался им до самой своей смерти. Жил он в Алмхуине в Лейнстере, где Нуада из племени богини Дану возвел белую крепость. Она и впрямь была белой, словно на нее пошла вся известь, какую только нашли в Ирландии, а назвали ее в память о стаде коров, которое полегло возле реки неподалеку, оставив людям белые и пятнистые рога.

Финн был не только королем, но также провидцем и бардом, друидом и мудрецом, и речи его были одинаково приятны королям и простолюдинам. И воин храбрее, чем Финн, никогда еще не ударял по рукам с королем. И что бы о нем ни говорили, он был в три раза лучше. О его

справедливом суде повсюду шла молва. Если бы пришли к нему его враг и его сын, то и тогда он не изменил бы себе. И о его щедрости повсюду шла молва. Никогда не отказывал он никому, лишь бы был у просителя рот, чтобы съесть всю еду, и ноги, чтобы унести все дары. Ни одна жена не могла пожаловаться, что он не дал ей невестину долю, и ни один муж, что он не заплатил ему за услуги. Никогда не обещал он вечером, чего не мог исполнить утром, и утром не обещал ничего такого, чего не мог бы исполнить вечером. И никогда не обижал он друга своей правой руки.

В мирное время он был покоен, в сражении обуян яростью, и Ойсин, его сын, и Осгар, сын его сына, унаследовали это от него.

Однажды пришел из Улада юноша и заявил, будто он одной крови с Финном.

— Если так, — сказал Ойсин, — то от мужей Улада мы взяли безумие, что находит на нас в сражении.

— Ты прав, — согласился с ним Финн.

2. Дом Финна

В те времена фениев в Ирландии было семижды двадцать и десять вождей, и у каждого из них под началом было по трижды девять воинов. Они не смели силой уводить скот, не смели никому отказывать ни в корове, ни в сокровищах, не смели бежать от девяти воинов. Если воин хотел стать фением, то его родичи давали клятву не требовать от него мести за убитого брата или племянника. И если он причинял кому-то горе, то ему тоже не мстили за него. Но никто не мог стать фением, не выучив прежде двенадцать поэтических книг.

Каждому воину, желавшему стать фением, назначалось испытание. Его опускали по пояс в пещеру и давали в руки щит и веревку. Девять воинов отходили на расстояние десяти борозд и одновременно бросали в него копья. Если он не мог уберечься хотя бы от одного копья, то не годился в фении.

Потом ему заплетали волосы, и он должен был бежать по лесам Ирландии, а за ним фении, от которых он должен был уйти без единой царапины, хотя бы в начале их разделяло расстояние не больше одной ветки. Если воина ранили, он не мог стать фением. Если копье дрогнуло у него в руке, если в лесу у него расплелась коса, если сухой сучок

треснул у него под ногами, он не мог стать фением. И не мог он стать фением, если не перепрыгивал через шест, достигавший ему до макушки, и не пролезал под веревкой, натянутой не выше его колена, если ногтем не вытаскивал колючку из ноги и не бежал после этого еще быстрее.

Но если из всех испытаний воин выходил с честью, то с тех пор его называли фением.

Славно жили в те времена Финн и фении. В каждом королевстве у них было по городу, в каждом доме для них выращивали щенка от Самайна до Белтайна, и еще много чего им полагалось. Но и опасности их подстерегали немалые. Это они охраняли берега Ирландии от лихих чужаков, и нечасто им приходилось отдыхать.

Кроме воинов, у Финна были пять друидов, искуснее которых не видали на западе, и одного из них звали Киннелсиат Сверкающий Щит, который открывал Финну знания, добытые им в туманном поднебесье, и умел предсказывать сражения. Еще были при нем пять лекарей, четыре ирландских, а пятый приплыл к нему из-за моря. Еще были у него пять бардов и двенадцать музыкантов, и среди них Дайгхре, сын Морны, и Суанак, сын Сенхена, который рассказывал Финну предания старых времен, а когда брал в руки арфу, то прекраснее его музыки не сыскать было ни в Ирландии, ни в Альбане. Были у него три виночерпия и шесть стражников, еще гонцы и сенешали, охотники и псары, и слуги, и много другой челяди.

В крепости на Маг Феман, каждый год сменяя друг друга, по пятьдесят самых искусных швей под присмотром дочери короля Британии с утра до ночи шили для фениев одежду. Три из них, дочери короля, обыкновенно играли для остальных на серебряных арфах. Посреди крепости был огромный каменный очаг, и огонь в нем разжигали не чаще трех раз в год, боясь, как бы дым и искры не испортили одежду фениев.

Из всех своих музыкантов больше других Финн почитал Кну Дейркойла, что значит «маленький орешек», который был из племени сидов.

Финн охотился в Слив Набан, когда он явился ему. Сел Финн на высокую кочку и, оглядевшись кругом, увидел маленького человечка ростом не выше четырех футов. У него были почти белые, покрывавшие всю спину до пояса волосы, и он играл на арфе. Прекраснее музыки Финну еще не доводилось слышать, к тому же человечек не стал усыплять фениев. Он подошел к Финну и вложил свою ручку в его руку.

— Откуда ты, малыш, со своей музыкой? — спросил Финн.

— Я из тех мест в Слиав Набан, где сиды варят эль и пьют его, а сюда пришел, чтобы побеседовать с тобой.

— Я награжу тебя камнями и красным золотом и не пожалею для тебя своей дружбы, потому что ты мне нравишься.

— Удачлив ты, Финн, — сказали фении, потому что им тоже очень понравился маленький человек.

Они-то и прозвали его Орешком из-за его памяти, потому что он никогда не забывал ничего из того, что слышал на западе или на востоке. Поговаривали, будто он был сыном Луга Длиннорукого.

К нему послал Финн своих пятерых музыкантов, чтобы они научились у него музыке сидов, но лучше него все равно никто не умел играть.

Не было у Финна никого лучше Брана и Скеолана, и Орешка из Дома Сидов в Слиав Набан.

3. Рождение Брана

Когда мать Финна, прекрасная Муирне, отправилась однажды в Алмхуин, она взяла с собой свою сестру Туирен. В то время там был Эолан Эатах, вождь фениев Улада. Он полюбил Туирен, попросил ее стать его женой и увез ее в свой дом. Однако перед тем, как они уехали, Финн потребовал с Эолана Эатаха клятву, что он привезет Туирен живой и здоровой в случае надобности, и приказал найти поручителей среди вождей фениев. Эолан поклялся, а его поручителями стали Каойлте, и Голл, и Лугайд Ламха, и Лугайд отдал Туирен в руки Эолана Эатаха.

Однако прежде у Эолана была возлюбленная из племени сидов, которую звали Ухдеалб Белогрудая. Узнав о том, что Эолан взял в жены Туирен, она пришла в ярость и, приняв обличье гонца Финна, явилась к Туирен.

— Королева, Финн желает тебе здоровья и многих лет жизни и приказывает тебе приготовить великий пир. А теперь пойдем. Мне надо сказать тебе несколько слов, а я очень спешу.

Туирен вышла из дома, и Ухдеалб, выхватив из-под плаща веревку, ударила Туирен и превратила в самую красивую на земле гончую. После этого она отправилась, не забыв прихватить с собой собаку, к Фергусу Фионнлиату, королю Галлима, который был известен своей ненавистью к собакам. Ни одной он не позволял даже заходить в дом.

Ухдеалб сказала ему так:

— Финн желает тебе здоровья и многих лет жизни, Фергус, а еще просит тебя позаботиться о своей гончей, пока он сам не прибудет за ней. Береги ее, потому что она носит щенков, и не бери ее на охоту, когда придет ее время, или Финн не отблагодарит тебя.

— Странная просьба, — ответил Фергус, — ведь Финн знает, как я отношусь к собакам. Однако он в первый раз присылает ко мне с такой просьбой, и я не откажу ему.

Он поехал с гончей на охоту, чтобы посмотреть, как она справляется с дичью, и не мог ею нахвалиться. С той поры Фергус полюбил гончих.

Когда подошло время Туирен рожать, Фергус перестал брать ее на охоту, и она дала жизнь двум щенкам.

В конце концов Финн узнал, что сестра его матери не живет в доме Эолана Эатаха, и он послал к нему потребовать ответа. Эолан попросил отсрочки, чтобы отыскать Туирен, и поклялся, что если не найдет ее, то отдаст себя в руки Финна. На этом они порешили, и Эолан отправился к Ухдеалб, своей возлюбленной из племени сидов. Он обо всем рассказал ей, не забыв и о своем обещании отдать себя на милость фениев.

— Что ж, — сказала Ухдеалб, — если ты поклянешься до конца своей жизни любить меня, я отведу от тебя беду.

Эолан обещал, и Ухдеалб отправилась к Фергусу Фионнлиату. Она забрала у него Туирен, вернула ей человеческий облик и отвезла ее к Финну. А Финн отдал ее в жены Лугайду Ламхе.

Что же до щенков, то Финн оставил их при себе и назвал их Браном и Скеоланом.

4. Мать Ойсина

Однажды, когда Финн и его воины возвращались с охоты, дорогу им заступила молодая олениха, и они погнались за ней, но постепенно все отстали, кроме Финна с Браном и Скеоланом. Оказавшись в прекрасной долине, олениха неожиданно улеглась на траву, и Бран и Скеолан, подскочив к ней, принялись лизать ей шею и морду и играть с ней.

Финн очень удивился, когда увидел это, и, не говоря ни слова, поехал в Алмхуин. Олениха побежала за ним, по дороге играя с гончими, и смело вошла в его дом.

Поздно ночью, едва Финн остался один, как к нему явилась прекрасная молодая жена в богатом платье и сказала, что она была оленихой, на которую Финн охотился днем.

— Я отказала в любви Феар Дойрхе, Черному Друиду из племени сидов, и он заколдовал меня. Три года я была оленихой в дальнем лесу. На меня много охотились, и один из слуг Черного Друида пожалел меня. Он сказал, что если я доберусь до ирландских фениев, у друида не будет надо мной власти. Я бежала целый день и ни разу не остановилась, пока не оказалась в Алмхуине. Не остановилась я до тех пор, пока не увидела, что нет позади никого, кроме Брана и Скеолана, у которых человеческий разум. С ними я была в безопасности, потому что они сразу поняли, кто я.

Финн полюбил ее и взял в жены, и она осталась в Алмхуине. Столь велика была его любовь, что он забросил охоту и прочее, что прежде радовало его, и все время проводил со своей женой.

Но случилось так, что воины Лохланна пошли войной против Ирландии. Их корабли пристали к берегу в Бейнн Эдайре.

Пришлось Финну и его воинам спешно выступить в поход. На исходе седьмого дня Финн возвращался домой и торопливо скакал по равнинам Алмхуина, ожидая, что его жена Сабдх высматривает его из окна. Однако ее не было видно.

Много мужей и жен вышло во двор крепости встречать Финна, но все они не поднимали на него глаз. Тогда Финн спросил:

— Где же прекрасный цветок Алмхуина, моя нежная Сабдх?

И они ответили ему так:

— Пока тебя не было, возле крепости объявился муж в точности такой, как ты, и псы были с ним, похожие на Брана и Скеолана. Нам даже показалось, что мы слышим рог фениев. Прекрасная Сабдх вышла из дома, потом за ворота, и, как мы ни уговаривали ее, она не остановилась. «Я иду навстречу моему возлюбленному мужу и отцу моего еще не родившегося сына», — сказала она нам. Она бежала к твоей тени, которая протягивала к ней руки. Но едва она коснулась ее, как мы услышали громкий крик. Тень занесла над ней ветку, и тотчас она вновь стала оленихой. Трижды она пыталась возвратиться в крепость, и трижды псы хватили ее за горло и тащили обратно.

— Клянемся тебе твоей доблестной дланью, мы не медлили, — говорили Финну мужи. — Мы побежали за ней, но, горе нам, все исчезло: и твоя жена, и олениха, и друид. Мы только слышали топот и лай.

Но если ты спросишь, в какой стороне мы их слышали, все тебе скажут по-разному.

Промолчал Финн, но долго бил себя кулаками в грудь, а потом ушел в свой покой, и никто не видел его до самого рассвета.

Семь лет, если Финн не бился с врагами Ирландии, он искал свою возлюбленную жену, прекрасную Сабдх. Не было ему радости все семь лет, и только на охоте и в сражении он ненадолго забывал о своем горе. И все эти годы он брал с собой на охоту только пять собак: Брана и Скеолана, Ломира и Брода и Ломлуата, которых Сабдх могла не бояться, если бы случайно оказалась на их пути.

На исходе семи лет Финн со своими вождями охотился в Бейнн Гулбайн, как вдруг собаки с громким лаем помчались в какую-то расщелину. Подоспевшие вскоре мужи увидели, как пять гончих Финна стоят в кругу и не подпускают остальных собак к голому мальчику с длинными волосами. Мальш как будто ничего не замечал вокруг. Едва шум стих, Бран и Скеолан стали лизать его и скулить, словно они совсем забыли о своем хозяине. Финн и вожди приблизились к мальчику, возложили руки ему на голову и привезли его в охотничий домик, где он с тех пор ел и пил с ними и вскоре ничем не отличался от остальных ирландских детей, разве что необыкновенной красотой. Бран и Скеолан никогда не уставали играть с ним.

Финну казалось, что мальчик похож лицом на Сабдх, и он не отпускал его от себя. Понемногу научившись говорить, мальчик рассказал Финну все, что знал и помнил. Он жил с оленихой, которую очень любил, и она заботилась о нем. Жили они в таком месте, которое со всех сторон ограждали скалы и широкие реки, так что они никак не могли убежать. Летом он ел корешки и ягоды, а зимой еду приносили в пещеру. Иногда к ним приходил злой муж, который разговаривал с оленихой то тихо и ласково, то громко и гневно, но она всегда в ужасе отшатывалась от него, и ему ничего не оставалось, как уходить ни с чем.

Когда он в последний раз видел олениху, свою мать, злой муж долго говорил с ней и ласково и гневно, а потом ударил ее ореховой веткой и она пошла за ним, оглядываясь на сына и проливая горькие слезы.

Мальчик хотел было побежать за ней, он кричал и плакал, но не мог сдвинуться с места, а когда стихли вдалеке ее шаги, он упал на траву и память покинула его. Очнулся он на том самом месте, где его нашли собаки, но, сколько ни искал, не мог найти дорогу обратно.

Фенин нарекли мальшша Ойсином, и он, когда вырос, стал мудрым бардом и доблестным воином.

5. Знаменитые фении

Пока Ойсин был в малых летах, рядом с Финном сражались и защищали Ирландию многие великие герои и первыми из первых называли в те времена Голла, сына Морны, Каойлте, сына Ронана, и сына Лугайда.

Высокий и светловолосый Голл, родом из Коннахта, как говорили, силой превосходил всех фениев, и однажды, когда чужеземный гость спросил Финна о Голле, он сочинил в его честь песню, в которой рассказывал, какой он мужественный, и храбрый, и сильный, как гончая или волна, и добрый, и ласковый, и щедрый, и верный друзьям, и сладкоголосый.

У Голла была шахматная доска, которую называли Светящейся, и шахматные фигурки из золота и серебра, величиной с кулак великана. Их похоронили после смерти Голла в Слиав Баун.

Каойлте, первый бегун среди фениев, совершил много подвигов. Он убил могучего фомора, пятиголового великана и заколдованного вепря, к которому никто не мог даже приблизиться, а еще он убил оленя, двадцать семь лет не дававшегося в руки фениям. Еще он освободил Финна из Тары, где его силой держал верховный король Ирландии из-за какой-то провинности фениев.

Когда Каойлте узнал, что Финна увезли в Тару, он стал мстить за него. Первым он убил Куиреаха, короля Лейнстера, прославившегося своими подвигами, и принес его голову на гору, что возвышается над Буадмайком. Потом он объехал всю Ирландию и ради освобождения Финна принес горе в каждый дом, убивая и мужей, и телят с коровами.

Он открывал все двери, в которые дул красный ветер с востока, и крушил все внутри, и сжигал поля, и жен уводил от их мужей и отдавал другим мужам.

А когда он пришел в Тару, то раздел стражника, вложил свой истончившийся меч в королевские ножны и взял королевский меч, славный своей силой. Под видом слуги он проник во дворец, чтобы разведать, как ему лучше освободить Финна.

Вечером на королевском пиру Каойлте держал в руках большую свечу, когда король сказал Финну:

— Дивись, Финн, два глаза Каойлте сверкают в огне свечи.

— Не дело короля поносить фениев, хоть и пленник я у тебя, — отозвался Финн. — Каойлте не будет прислуживать на чужом пиру

даже за все золото земли, потому что у него высокие мысли и он совершает великие подвиги.

Немного погодя Каойлте подал королю Ирландии вино и, стоя рядом с ним, горько запричитал.

— Чую запах Каойлте, — сказал король.

Поняв, что король узнал его, Каойлте спросил:

— Что мне сделать, чтобы ты освободил Финна?

— Я освобожу его, только если ты сделаешь то, чего ты не можешь сделать. Если ты приведешь мне по паре всех диких зверей, что живут в Ирландии, я отдам тебе твоего господина.

Каойлте не стал медлить. Он покинул Тару и отправился исполнять условие короля ради спасения Финна. Начал он с птиц, хотя их было много по всей Ирландии, а потом принялся за зверей. Он собрал по паре всех тварей, поймав двух воронов в Фиод-да-Беан, двух диких уток над Лох-на-Сейллен, двух лисиц в Слив Куилинн, двух диких быков в Баррене, двух лебедей над синим Добхраном, двух филинов в лесу в Фарадруиме, двух хорьков в лесу в Друим-да-Раойн, двух чаек на берегу Лох-Лейт, четырех дятлов в белой Бросне, двух ржанок в Коррай Дхан, двух дроздов в Лейт Ломард, двух крапивников в Дун Аойбх, двух цапель в Коррайн Клейб, двух орлов в каменном Каррайге, двух ястребов в Фиод Хоннахе, двух кабанов в Лох-Мейлге, двух камышниц на берегу Лох-Эрне, двух куропаток в Монад Майт, двух ястребов-перепелятников в Дубхлохе, двух синиц в Маг Туаллинн, двух ласточек в Шин Абхла, двух бакланов в Ат Клайат, двух волков в Бройт Клайатах, двух дроздов с Берега Двух Жен, двух косуль в Луахайр Айре, двух голубей в Шис Хуир, двух соловьев в Лейтер Руадх, двух скворцов в зеленой Таре, двух кроликов в Сит Дуб Донн, двух диких свиней в Клуид Хуир, двух кукушек в Дром Дайбх, двух чибисов в Леанайн-на-Фурре, двух вальдшнепов в Крах Руадх, двух ястребов на Сверкающей Горе, двух серых мышей в Луимеах, двух выдр на берегу Бойнн, двух жаворонков на Великом Болоте, двух летучих мышей в Ореховой Пещере, двух барсуков в Уладе, двух коростелей на берегу Синан, двух трясогузок в Порт Лир, двух кроншнепов в Галлим, двух зайцев в Муиртемне, двух оленей в Сит Буйдхе, двух павлинов в Маг Мелл, двух бакланов в Ат Клайат, двух угрей в Дут дур, двух щеглов в Слив-на-Эун, двух птиц резни в Маг Бхуилг, двух ласточек в Гранард, двух малиновок в Великом Лесу, двух морских свиней в море, двух крапивников в Мис-ан-Хуил, двух лососей в Эас Мхик Муирне,

двух ланей в Глеанн-на-Смойл, двух коров в Маг Мор, двух кошек в пещере Круахан, двух овец в безоблачном Сид Диохлайн, двух свиной сына Лира, барана и рыжую овцу в Иннис.

Еще он привел десять псов из псов фениев и коня с кобылой из лошадей Мананнана.

Когда Каойлте собрал их всех вместе, они стали разбегаться в разные стороны, а ворон улетел на юг, и Каойлте пришлось опять ловить его в Глеанн-да-Бхеанн, что возле Лох-Луреан. И дикая утка улетела от него, и Каойлте нелегко было ее опять настичь, но он проплыл все реки до серого Аккуилла и схватил ее за шею, и приволок обратно, хотя она вырывалась как могла.

На всю жизнь Каойлте запомнил, как он собирал птиц и зверей, как ловил их на горах и в долинах, на болоте и в лесу, чтобы король отпустил Финна на свободу.

Каойлте явился в Тару, но и тут его ждала неожиданная трудность. Король не захотел встретиться с ним до утра, однако дал ему дом с девятью дверьми, чтобы он на ночь загнал туда всех зверей и птиц. А они подняли громкий крик, едва на небе взошло солнце, и постарались сбежать. Если им было плохо в доме, то Каойлте было еще хуже, когда он сторожил все девять дверей.

Каойлте привел своих пленников к королю, и люди назвали их свитой Каойлте.

Однако король Ирландии видел их всех вместе всего один раз, потому что едва Финн обрел свободу, как все они разлетелись и разбежались из Тары в разные стороны.

Каойлте, сын Ронана, совершил великий подвиг.

В другой раз он сбежал с южной волны Клиодны на волну Рудрайге на севере.

Его сын Колла тоже был великим бегуном, и один раз он вызвал на соревнование три отряда фениев и выиграл у них. Выиграть-то выиграл, но обратно он бежал через Бейнн Эдайр и по морю.

Еще у Каойлте был острый слух. Однажды он услышал, как охотится король Коннахта. Блатмек, который тогда был с ним, спросил его:

— Каойлте, на кого он охотится?

— Он охотится с тремя сворами гончих на трех зверей. Одна свора преследует большого оленя, другая — быстрых зайцев, а третья — огромного вепря.

— А что там за четвертая охота? — спросил его Блатмек.

— На пузатых барсуков.

Вскоре они услышали крики охотников, а потом и носильщиков, и Блатмек отправился посмотреть, правильно ли сказал Каойлте. Оказалось, что правильно.

Еще Каойлте все знал о травах. Один раз ему повстречались две печальные жены, чьи мужья ушли к другим женам, и Каойлте дал им травы. Они положили их в воду, потом вымылись этой водой, и мужья вновь полюбили их и прогнали своих новых жен.

Сын Лугайда был также родичем Финна и отдан ему младенцем. До двенадцати лет его растила дочь Дубхана, которая вырастила восемьсот воинов-фениев, а потом она дала ему оружие на его выбор, и он пошел в Хоррайг Конлуайн и в горы Слиав Бладма, где в то время были Финн и фении.

Финн ласково встретил его, и они ударили по рукам. Сын Лугайда поклялся служить Финну верой и правдой и год оставался среди фениев, но не очень торопился выказать свою силу и храбрость. За все время лишь девять фениев из тех, что были под его началом, убили по оленю или вепрю. К тому же сын Лугайда нередко бил слуг и собак.

Наконец, не выдержав, три отряда фениев явились к Финну на берег Лох-Лейн и сказали ему так:

— Выбирай, Финн. Или мы, или сын Лугайда.

Когда сын Лугайда явился к Финну, тот спросил его:

— Почему фении ушли от тебя?

— Клянусь, не знаю, — ответил ему сын Лугайда. — Может быть, им не нравится, когда я показываю, что умею.

Финн решил дать мальчику совет и сказал так:

— Если хочешь стать великим героем, не показывай зря свою силу в доме мужей, побереги ее для битвы. Не бей без причины собаку. Не обвиняй жену, не зная наверное ее вины. Не калечь дурака в бою, потому что он не ведает, что творит. Не ищи изъянов в тех, кто выше тебя. Не торопись ссориться. Две трети своей ласки отдавай женам и детям, которые еще ползают по полу, да ученым мужам, творящим стихи. Не будь грубым с простым людом. Но и не кланяйся всем подряд. Не дели ложе с сотоварищами. Не угрожай и не клянись зря, иначе позор падет на твою голову. Никогда не покидай своего господина и ни за какие сокровища на земле не бросай того, кому обещал свою защиту. Не говори господину

плохое о других, так не поступает настоящий воин. Не пересказывай слухи, это не мужское дело. Не говори много. Не торопись искать в других дурное. Будь храбрым, не восстанавливай против себя своих товарищей. Не ходи в питейные дома. Не ищи дурное у стариков. Не мешай простым людям заниматься своим делом. Так будет правильно. Не отказывай никому в куске мяса. Не скупись. Не задирай героя, чтобы не было у него повода говорить худое о тебе. Не береги свои руки, пока не кончится сражение. Не упускай счастье в бою. Не скупись на ласку после боя.

Добрый совет дал Финн сыну Лугайда, которому он пошел впрок, потому что сын Лугайда был умным мальчиком и заботился о своем доме, и его мать гордилась им.

Навсегда сын Лугайда запомнил совет Финна, и вскоре его имя стали славить барды Ирландии и Альбана. Когда они сочиняли хвалы Финну, то не забывали помянуть и сына Лугайда.

Случилось так, что хвалы сыну Лугайда услышала Айфе, дочь короля Лохланна и жена Мала, сына Айэла и короля Альбана. И она любила его.

Однажды, когда ее муж Мал с воинами отправился на охоту в Слив-Мор-Монайд на севере Альбана, она решила бежать в Ирландию со своими девятью нареченными сестрами. Они вышли из дома и долго плыли по морю, пока не бросили якорь в Бейнн Эдайр.

Случилось так, что в этот день и Финн был на большой охоте. Ни на шаг не отходил от него его приемный сын, рыжеволосый Дуибруин, который зорко смотрел по сторонам и не мог не заметить приставший к берегу корабль и застенчивую королеву на его борту в окружении девяти жен. Они высадились на берег и, приблизившись к Финну, богато одарили его, а потом королева села рядом с ним. Финн спросил ее, нет ли вестей из Альбана. В ответ она честно рассказала ему о своей любви к сыну Лугайда, из-за которой покинула дом, и Финн был ласков с ней.

Когда охота закончилась, вожди возвратились к Финну, и в один голос спросили, как зовут королеву, которая сидит рядом с ним.

Финн сказал, как ее зовут и что привело ее в Ирландию.

— Мы приветствуем ту, которая одолела море, потому что нет в Ирландии и в Альбане мужа славнее, чем тот, которого она ищет, разве что сам Финн, вождь всех фениев.

Сын Лугайда охотился вдалеке ото всех, поэтому он явился последним. Он вошел в шатер Финна и, увидев рядом с ним жену, спросил, кто она и откуда. Финн ответил:

— Она здесь из-за тебя, — сказал он. — Я позволю тебе принять ее, но много принесет она с собой кровавых сражений, в которых не ты один, а все фении будут биться.

Один месяц и один год прожила Айфе в доме сына Лугайда в счастье и радости, пока однажды три отряда фениев не встретились на Горе Поэтов в Лейнстере с тремя отрядами чужеземцев.

— Кто привел их в Ирландию? — спросили фении.

— Мал, сын Айэла, привел их, — сказал Финн, — отомстить за свою жену. Вовремя они пришли, когда мы все вместе.

Друг против друга встали два воинства, и Мал, сын Айэла, выгасил меч из ножен. Трижды он напал на фениев и трижды от его меча падали сто воинов. Наконец он сошелся лицом к лицу с сыном Лугайда, и они долго бились на копьях и мечах, пока не победил сын Лугайда.

Айфе все время в страхе простояла на горе неподалеку, но с тех пор она по праву принадлежала сыну Лугайда и была матерью его детей.

Битва на Белом Берегу

1. Враги Ирландии

Из всех битв, в которых бились фении, охраняя Ирландию от чужеземцев, самой великой была битва на Финнтрай, что значит Белый Берег, в Мунстере. Вот как это было и как фении прославили себя на веки вечные.

Однажды враги Ирландии собрались под предводительством Дайре Донна, верховного короля Всех Земель, желая завоевать Ирландию и заставить платить дань.

Среди них был король Греции и король Восточной Земли, и король Западной Земли, и Лугман Широкий Меч, король саксов, и Фиак Длинноволосый, король Гайреана, и Тор, сын Бреогана, король Великой Равнины, и Клайгех, сын короля мужей Керды, и Комур Кривой Меч, король собакоголовых мужей, и Кайтхенн, король кошачьеголовых мужей, и Мадан Кривая Шея, сын короля Болот, и три короля Восточных Земель, где восходит солнце, и Огармах, дочь короля Греции, первая из первых жен-воительниц на всей земле, и много других королей и могущественных вождей.

Спросил их король Всех Земель:

— Кто расскажет мне о берегах Ирландии?

— Я расскажу, — ответил Глас, сын Дремена, которого Финн изгнал из Ирландии за предательство.

Воинства взошли на корабли, однако не успели они отплыть далеко, как подул сильный ветер, до неба поднялись волны и не стало слышно ничего, кроме свирепой музыки морских жен, криков испуганных птиц и треска рвущихся канатов и парусов. Но герои не испугались, и ветер отступился от них, море успокоилось, волны улеглись, бухты глядели приветливо, и вскоре корабли пристали к острову, который назывался Зеленая Скала.

Оглядевшись, король Всех Земель сказал так:

— Глас, сын Дремена, не о таком берегу ты говорил, а о берегу с белым песком, на котором мои воины могли бы отдыхать и любоваться добычей после сражений.

— Я знаю такой берег на западной стороне Ирландии, — отозвался Глас. — Его называют Белый Берег в Корка Дуибне.

Вновь чужеземные воины взошли на корабли и поплыли дальше.

2. Гаэл и Кредхе

Когда Финн узнал, что идут враги Ирландии, он призвал к себе семь отрядов фениев, и они собрались на Белой Горе в Мунстере, где собирались довольно часто. Туда им принесли заколдованные копья и всякой еды, какая только была в тех местах, и сладкую чернику, и ягоды боярышника, и орехи из Кентайре, и молодые побеги ежевики, и побеги гречавки, и раннюю жеруху. Им несли птиц из дубрав и белок из Беррамайна, угрей из Сионана, и вальдшнепов из Фидринна, и выдр из укромных мест в Дойле, и рыбу из Буайе и Беаре, и темно-красные водоросли из Клейре.

Когда они уже совсем собрались идти на юг, то увидели приближавшегося к ним Гаэла, сына Немхайна.

— Откуда ты, Гаэл? — спросил его Финн.

— Из Бруг-на-Бойнн, — ответил он.

— Зачем ты ходил туда?

— Я говорил с Муиренн, дочерью Дерг, которая вынянчила меня.

— О чем?

— О жене из племени сидов, которую я видел во сне. Ее зовут Кредхе, дочь короля Киарайге Луахры.

— Знаешь ли ты, Гаэл, что лживее ее нет на земле жены? И нет в Ирландии таких сокровищ, которые она не хотела бы утащить в свою крепость.

— Ты знаешь, о чем она спрашивает всех мужей, которые приходят взять ее в жены? — спросил Гаэл.

— Знаю, — ответил ему Финн. — Она всем приказывает сочинить хвалу ее богатствам.

— У меня она есть. Ее дала мне вынянчившая меня Муиренн, дочь Дерг.

Тогда фении решили подождать со сражением, а сначала отправиться в Лох-Куире на западе Ирландии, где жили сиды. Они постучали древками копий в ворота, и в окна солнечных домов выглянули юные светловолосые девицы. Кредхе в сопровождении пятидесяти жен вышла из своего дома навстречу фениям.

— Мы пришли просить тебя стать женой одного из нас, — сказал ей Финн.

— Кто же этот воин?

— Гаэл, убивший сто врагов, внук Немхайна и сын короля Лейнстера, что на востоке Ирландии.

— Я слыхала о нем, но ни разу его не видела. А сочинил он хвалу мне?

— Да, — ответил Гаэл и запел так:

Долгим был мой путь, нелегким был мой путь к дому Кредхе у подножья горы, где живут дети Дану, семь дней одолевал я горы и реки. Прекрасен ее дом, в котором много мужей, и юношей, и жен, и друидов, и музыкантов, и виночерпиев, и стражников, и конюхов, и постельничих, и над всеми властвует тут Кредхе Светловолосая.

Хорошо мне будет в ее доме, если только выслушает она меня.

Бутыль есть у Кредхе с соком ягод, которым чернит она себе брови, есть красивые чаши и кувшины. Ее дом цвета извести, есть покрывала для ложа, много шелковых рубах и синих плащей, красное золото есть у Кредхе и сверкающие рога для эля. Ее солнечный дом из серебра и желтого золота, по краям украшен алыми птичьими перьями, дверные косяки все зеленые, а перемычки из серебра, взятого в бою. Чудо из чудес кресло Кредхе, покрытое золотом

Элги, и стоит оно возле ложа Кредхе, из прекрасных камней высеченное Туиле с востока. Еще одно ложе стоит справа, все из золота и серебра, и полог над ним цвета наперстянки висит на медных перекладах.

Чудо из чудес слуги в доме Кредхе в богатых одеждах, все светловолосые и кудрявые. Кто бы ни пришел сюда раненым, уснет здоровым сном под пение птиц, что живут на карнизах солнечного дома.

Позволь мне, Кредхе, для которой кукует кукушка, петь без счета хвалы тебе, если примешь ты мою любовь. Не медли же, говори быстрее: «Добро пожаловать в мой дом!»

Сотня ног мерит ее дом от угла до угла, двадцать ног легко встанут у нее на пороге, крыша устлана крыльями синих и желтых птиц, колодезь украшен дорогими камнями.

Чан есть у Кредхе из королевской бронзы, и течет из него сок солода, а над чаном растет яблоня с большими яблоками, и когда наполняет Кредхе рог солодом из чана, падают в него тотчас четыре яблока.

Кредхе владеет всеми богатствами, Кредхе с Горы Трех Уступов, и ни одна жена во всей округе, куда долетит копье, не сравнится с ней.

Вот моя хвала тебе Кредхе. Не случайно я пришел к тебе, не торопливо я сочинял ее, хоть и не ждала ты меня.

Кредхе взяла Гаэла в мужья и задала великий пир, на котором все фении семь дней ели, пили и веселились, кто во что горазд.

3. Конн Критер

Когда Финн свернул с дороги к дому Кредхе, он послал во все концы дозорных, чтобы немедля донесли ему, когда корабли чужеземцев появятся в море. На Белом Берегу дозорным стоял Конн Критер, сын Брана, из Тары Луахры.

Дни и ночи не сводил он глаз с моря, а однажды вечером оказался западнее Круглой Горы фениев в месте, которое называется Круахан Адранн, и там заснул. Как раз в это время к берегу пристали корабли, и Конна Критера разбудил звон щитов и мечей, а еще крики детей и жен, лай собак, ржание лошадей, пытавшихся спастись от огня.

Конн Критер вскочил на ноги.

— Великая беда пришла в Ирландию из-за моего сна! — вскричал он. — Не жить мне теперь! Как мне смотреть в глаза Финну и фениям? Лучше уж я постараюсь положить побольше чужеземцев, пока они не уложат меня.

Он облачился в доспехи, взял в руки меч и щит и побежал к берегу. По пути он увидел трех жен в доспехах, но, как он ни прибавлял шаг, у него не получалось догнать их. Тогда он поднял копье, желая поразить ту жену, что была к нему ближе других, но она остановилась на мгновение и сказала:

— Придержи копье! Мы пришли помочь тебе.

— Кто вы? — спросил Конн Критер.

— Три сестры из Тир-на-Ок, Страны Юных. Мы отдали тебе свою любовь, и ни одна из нас не любит тебя меньше, чем другие, поэтому мы пришли тебе помочь.

— Чем вы можете мне помочь?

— О, ты еще не знаешь! Мы окружим тебя воинством, наколдованным из травы, и оно будет громко кричать, выбивать у чужеземцев из рук оружие, забирать у них силу, отводить их взгляды. А пока мы укроем тебя туманом, чтобы они не видели тебя и ты напал на них неожиданно. А еще у подножия Слиав Иолайр, Орлиной Горы, у нас есть целебный родник, который в мгновение ока затянет любую рану. Ты омоешься в нем и вновь станешь целым и невредимым, как будто только родился. Приводи с собой любимого друга, и его мы тоже исцелим.

Конн Критер поблагодарил сестер и побежал дальше. Как раз в это время воины короля Великой Равнины тащили добычу из Три Моду-ирн, что на севере, в Финнтрай, что на юге, и Конн Критер вышел против них с наколдованным воинством, отобрал у них добычу, ослепил их, лишил сил, и они побежали обратно к королю, а Конн Критер за ними, убивая и рая всех, кто попадал ему под руку.

— Остановись, герой, — сказал ему король Великой Равнины, — чтобы я мог с тобой сразиться и посчитаться за своих воинов, из которых ни один не в силах устоять против тебя.

Они сошлись лицом к лицу и бились весь день до вечера, и Конн Критер отрубил королю голову. Похваляясь своим подвигом, он поднял ее высоко вверх.

— Клянусь, — крикнул он, — моя голова не расстанется с телом, пока фении не придут мне на помощь!

4. Глас, сын Дремена

Услышав клятву Конна Критера, король Всех Земель сказал так:

— Великую клятву дает воин. Поднимайся, Глас, сын Дремена, и иди к нему. Ты должен узнать, как зовут храброго фения.

Глас сошел на берег и, подойдя к Конну Критеру, спросил, кто он и откуда.

— Я — Конн, сын Брана, из Тары Луахры.

— Если так, мы одной крови, потому что я — Глас, сын Дремена, из Тары Луахры.

— Неладно ты поступил, пойдя против меня с воинством чужеземцев.

— Неладно, — согласился с ним Глас. — Во всем виноват Финн. Не выгони он меня, ни за какие сокровища на земле не стал бы я сражаться против тебя и фениев.

— Неправду ты говоришь. Клянусь рукой, попросил бы ты у него защиты, даже если бы ты убил его сына и сыновей его воинов, ты не боялся бы его теперь.

— Настал для меня день биться рядом с тобой. Пойду скажу об этом королю Всех Земель.

Глас возвратился на корабль, и король спросил его, знает ли он воина, отрубившего голову королю Великой Равнины.

— Он — мой родич, верховный король, — ответил ему Глас. — Болит у меня сердце оттого, что он бьется один против многих воинов. Я должен ему помочь.

— Если ты пойдешь к нему, то каждый вечер возвращайся ко мне и сообщай, сколько фениев положили мои воины и кто положил моих воинов, если такие будут.

— А я прошу тебя не высаживать все воинство на берег, пока к нам не подойдут фении. До тех пор посылай к нам по одному воину на меня и на моего родича.

В тот же день чужеземцы послали против них двух воинов, и они пали от мечей Гласа и Конна Критера, которые попросили посылать по четыре воина, по два на каждого, и еще не наступила ночь, а от их мечей полегли трижды девять чужеземных воинов. Конн Критер был весь изранен под конец, и он сказал Гласу так:

— Три жены приходили ко мне из Страны Юных, и они обещали омыть меня исцеляющей водой. Ты посторожи тут, а я пойду к ним.

Конн Критер омылся в источнике, и вновь стал цел и невредим, как до битвы.

Глас же пошел к королю Всех Земель и сказал ему так:

— О король Всех Земель, на корабле остался мой товарищ Мадан Кривая Шея, сын короля Болот. Еще когда мы не вышли в море, он сказал, что один справится со всеми ирландцами и один заставит их платить тебе дань. Я прошу тебя, отпусти его биться со мной, и пусть победит тот, кто больше любит Ирландию.

Мадан сошел на берег, и они встали друг против друга. Долго они бились, но, как было предсказано, сын короля Болот нашел свою смерть на Белом Берегу.

Вскоре возвратился Конн Критер и от души похвалил Гласа за победу в поединке с Маданом.

5. Помощь сидов

Когда гонец Финна по имени Тистеллах явился на Белый Берег узнать, нет ли вестей о чужеземцах, Конн приказал ему немедленно возвращаться к Финну. Однако Тистеллах сначала омочил меч в крови врага Ирландии. Он вызвал на бой чужеземного воина, и к нему вышел могучий Коймлеатан, с которым они долго бились на копьях и на мечах. Потом Коймлеатан подхватил Тистеллаха, чтобы живым принести его на корабль, однако Тистеллах вывернулся у него из рук и отрубил ему голову. Она упала в море, и Тистеллаху пришлось вытаскивать ее на берег.

— Хвала тебе! — крикнул Конн. — Иди сегодня в Тару Луахру к моему отцу Брану, сыну Фебала, и скажи ему, чтобы он позвал детей богини Дану на помощь. А завтра иди к Финну.

Так и получилось, что Тистеллах первым делом помчался к Брану.

Бран, сын Фебала, не медля, отправился к сидам в Дун Сеснан, что в Уай Коналл Габру, где они сошлись на пир. Там он отыскал трех юных героев: Илбрека Многоцветного, сына Мананнана, Неманаха Жемчужного, сына Энгуса Ога, и Сигмала, внука Мидира, которые сердечно поздоровались с ним и позвали в пиршественную залу.

— Есть дела поважнее, — сказал им Бран и поведал о битве своего сына Конна Критера с чужеземцами.

— Оставайся со мной, — ответил ему Сеснан, — а мой сын Долб отправится к Бодбу Деаргу, сыну Дагды, и приведет к нам всех сидов.

Бран остался, а Долб, сын Сеснана, отправился в Сид Беан Финн, что над Маг Фемен, где в то время был Бодб Деарг, и передал ему просьбу Сеснана.

— Юноша, — спросил его Бодб Деарг, — почему мы должны помогать ирландцам?

— Почему ты спрашиваешь? — отозвался Долб. — Разве есть в Ирландии хоть один король, или сын короля, или вождь, в роду которого не было бы жены или возлюбленной из племени богини Дану? Разве они не помогали тебе, когда у тебя была нужда в помощи?

— Клянусь, ты хороший гонец, коли сумел хорошо ответить мне.

И Бодб Деарг послал гонцов ко всем сидам, призывая их, не медля, идти к нему. А потом все отправились в Дун Сеснан и оставались там до утра. С первыми лучами солнца они надели рубахи из самого дорогого шелка и расшитые плащи, взяли в руки зеленые щиты, и мечи, и копья.

Во главе сидов встали Бодб Деарг и Мидир из Брай Лейт, и Лир из Сид Финнахайд, и Абартах, сын Илдатаха, и Илбрек, сын Мананнана, и Файонбхар из Сионана, и Сладкоречивый Муж с берега реки Бойни.

Воинство явилось в Киарайге Луахру, оттуда в Слив Мис, а оттуда уже на Белый Берег.

— О, дети богини Дану, — сказал им Абартах, — воспарите духом перед лицом сражения, ибо о ваших подвигах будут рассказывать до скончания веков. Исполните великие клятвы, которые вы давали на празднествах.

— Иди, Глас, сын Дремена, — сказал Бодб Деарг, — к королю Всех Земель и скажи ему, что я пришел сражаться с ним.

Глас сделал, как ему было велено.

— Не воинство ли фениев вижу я на берегу? — спросил король Всех Земель.

— Нет, — ответил ему Глас. — Это другие ирландцы, которые не смеют жить на земле, а прячутся под землей в тайных домах, и они послали меня говорить с тобой.

— Кто ответит сидам от меня? — спросил король Всех Земель.

— Мы ответим, — отозвались два короля, Комура Кромхенн, король собакоголовых мужей, и Кайтхенн, король кошачьеголовых мужей.

Вместе со своими пятью отрядами в красных доспехах они сошли на берег, и тем, кто был на берегу, показалось, что длинная красная волна приближается к ним.

— Кто от меня сразится с королем собакоголовых? — спросил Бодб Деарг.

— Я сражусь, — ответил Лир из Сид Финнахайд, — хотя я слышал, что нет ни у кого на земле рук сильнее, чем его руки.

— Кто сразится от меня с королем кошачьеголовых? — спросил Бодб Деарг.

— Я сражусь, — ответил Абартах, сын Илдатаха.

Лир и король собакоголовых сошлись лицом к лицу, и долго они бились, пока король собакоголовых не стал одолевать Лира.

— Плохо приходится Лиру, — сказал Бодб Деарг. — Пусть кто-нибудь поможет ему.

Поднялся Илбрек, сын Мананнана, однако король собакоголовых ранил его, и ничем не смог Илбрек помочь Лиру.

Тогда поднялся Сигмал, внук Мидира, и с ним пять сыновей Финникстук, но и их одолел король собакоголовых.

К этому времени Абартах убил короля кошачьеголовых и поднял его на копье, а потом прыгнул между Лиром и его врагом.

— Отдохни, — бросил он Лиру, — и посмотри, как я с ним расправлюсь.

С этими словами он взял меч в левую руку, а правой нацелил копье прямо в сердце короля, который, защищаясь, поднял щит, и Абартах, воспользовавшись этим, отрубил ему обе ноги по колено. Король упал, и Абартах отрубил ему голову.

Увидав, что оба короля погибли, их воинства разбежались, но сиды не дали им далеко уйти и положили всех, однако и своих воинов потеряли немало.

6. Фении

Финн и фении были еще в доме Кредхе, когда к ним явился Тистеллах. По обычаю все гонцы первым делом сообщали новости Финну, и если новость была плохая, то он позволял гонцам сообщить ее остальным, а если новость была хорошая, то он сам с удовольствием сообщал ее.

На сей раз Тистеллах принес Финну весть о чужеземцах, высадившихся на Белом Берегу. И на сей раз Финн сам обратился к фениям:

— Фении Ирландии, еще никогда Ирландия не знала такой опасности, какая грозит нам теперь. Немало вам сделали вожди Ирландии. Теперь ваш черед защитить их от чужеземцев.

Фении поклялись отстоять свою землю.

Тогда Кредхе всем дала доспехи, и воины покинули ее дом, но прежде Финн сказал так:

— Пусть эта жена идет с нами до конца, каким бы он ни был.

Кредхе отправилась в путь вместе с фениями и пригнала на Белый Берег скота без счета, так что целый год и один день, пока не пришел конец битве, фении не знали недостатка в молоке. Раненых же она приказала отвозить в свой дом и лечить там.

Фении вышли из дома Кредхе, добрались до Киарайге Луахры, дальше их путь был по берегу Баннлид, когда они оставили по левую руку Слив Мис. На ночь им пришлось ставить для себя шалаши и разводить костры.

Однако Каойлте, Ойсин и сын Лугайда, посоветовавшись, решили идти дальше, чтобы побыстрее омочить руки в крови врагов Ирландии.

В это время король Всех Земель послал на берег своих вождей, чтобы они добыли ему золота и камней. Едва они ступили на землю, как издали громкий крик, и на кораблях им тоже ответили громким криком.

— Клянусь клятвой моего народа, — сказал Каойлте, — я обошел всю землю, но еще ни разу не слышал сразу столько воинов.

Не медля больше, три героя бросились на чужеземцев и побили многих, прежде чем Конн Критер и Глас, сын Дремена, услышали шум битвы и поняли, что фении пришли им на помощь. Они присоединились к юным героям, и ни один чужеземный воин не ушел от них живым.

7. Герои

Утром Финн с остальными фениями пришел на Белый Берег и встал на горе.

— Мой отец Финн, — попросил Ойсин, — позволь нам сразиться со всеми чужеземцами сразу.

— Неразумное ты говоришь, потому что чужеземцев слишком много и мы не справимся с ними. Но каждый день мы будем посылать сына

короля или вождя против их королев, равных им по рождению. И первым делом пусть они красят руки кровью короля или вождя, тогда и их воины не будут хвастаться силой. Кто сегодня вызывает на бой чужеземцев?

— Я, — ответил ему сын Кубана, вождь фениев из Мунстера.

— Нет, — попросил его Финн, — не ходи, потому что не было мне знака твоей удачи, а я не посылаю воинов на смерть.

— Не говори так, — возразил ему сын Кубана, — потому что за все сокровища на земле не откажусь я от битвы. Мунстер чужеземцы грабили первым, и я не могу не отомстить им за обиду.

— Горе нам, — вздохнул Финн. — Кто бы ни вышел сегодня против тебя, оба вы падете в бою.

От сына Кубана вызов сделал Глас, сын Дремена, и ответил на него король Греции. Он сошел на берег и долго бился с героем-фением, пока не пробил ему грудь и спину тяжелым копьем. Но и сын Кубана не остался в долгу. Он пробил грудь королю Греции своим позолоченным копьем, и они упали рядом лицом к лицу на землю.

— Горе мне! — вскричал Финн. — Умер сын Кубана. Никто не уходил из его дома без подарка. А тот, кто мог жить в моем доме или в доме верховного короля Ирландии неделю, у него жил целый год. Позовите ко мне Фолламайна, его сына! Пусть возьмет он имя отца и займет его место среди фениев!

Наутро Финн спросил:

— Кто сегодня вызывает на бой чужеземца?

— Я, — ответил Голл Гарб, сын короля Альбана и дочери Голла, сына Морны.

Он облачился в доспехи и вышел против трех королев из Земли Восходящего Солнца на востоке и их трех отрядов. Голл Гарб набросился на воинов, рубил и колот их без счета, и многие пали, а еще больше ослепло навсегда, прежде чем взмолились воины, прося Голла Гарба о передышке. Он опустил меч и копье, а они выдали ему трех королев, чтобы он пощадил остальных.

— Кто сегодня вызывает на бой чужеземцев? — утром спросил Финн.

— Я, — ответил ему Ойсин, — и со мной вожди сыновей Байскне, потому что мы делили между собой все самое лучшее, что только есть в Ирландии, и мы должны первыми защищать ее.

— Я отвечу на твой вызов, — сказал король Франции, — потому что я здесь из-за Финна. Он увез от меня жену, и сначала я убью его воинов, а потом и его самого. Если сначала срубить ветки, то потом нетрудно свалить дерево.

На восточном краю Белого Берега воткнули в землю свои шелковые стяги и сошлись лицом к лицу король Франции и Ойсин. обнажили они мечи и вступили в смертельный бой. Не раз стонал Ойсин от боли, но сумел отплатить королю, и великий страх одолел короля, такой страх, какой нисходит на табун лошадей от удара грома, и бежал он от Ойсина, бежал быстрее, чем летит ласточка, не касаясь ногами земли, и ни разу он не остановился, пока не оказался в Глеанн-на-Геалт, что значит Долина Безумных. С тех пор каждый, кто лишился разума, бежал в ту долину, и любой безумный ирландец за день добирался до нее.

Закричали-запричитали чужеземные воины, когда увидели, как он бежит прочь от них, а фении обрадовались.

Наступила ночь, и Финн сказал так:

— Невесело сегодня королю Всех Земель. Думается мне, не даст он нам выспаться. Кто будет сегодня ночью дозорным?

— Я, — сказал Ойсин, — с теми, кто днем сражался со мной бок о бок, потому что нетрудно нам служить Ирландии и днем и ночью.

Они пошли к морю.

В это самое время король Всех Земель говорил своим королям и вождям так:

— Похоже, днем отвернулось от нас счастье. Попробуйте ночью наверстать упущенное. Поднимайте своих воинов и идите против фениев Ирландии.

Встали девять сынов Гарба, короля моря Ихта, все кузнецы, и с ними шестнадцать сотен воинов сошли на берег, лишь Долар Дурба, самый старший из них, остался на корабле. Но они не застали врасплох сынов Байскне. До утра бились фении с чужеземцами, и никто не уцелел в том сражении, кроме Ойсина и одного из сынов Гарба. Сходились они лицом к лицу, и выбивали мечи друг у друга, и схватывались врукопашную. И если бы кто пришел с востока или с запада, было бы ему на что посмотреть. В конце концов чужеземец неожиданно прыгнул на Ойсина и поволок его в море, потому что был он искусным пловцом и думал, будто легче ему будет справиться с Ойсином среди волн. Ойсин же подумал, что недостойно его отказывать сопернику в выборе места. И бились они, стараясь утопить друг друга, пока не оказались на чистом песке в открытом море.

Фенин же места себе не находили, глядя, как тяжело приходится Ойсину.

— Вставай, Фергус Сладкогубый, — сказал наконец Финн, — восхвали моего сына и подбодри его.

Фергус подошел к самому морю и сказал так:

— Храбро бьешься ты, Ойсин, и все чужеземцы смотрят на тебя, и все ирландские фенин. Покажи же себя, ибо не было еще случая, чтобы, поглядев на тебя, не отдала тебе свою любовь дочь короля или жена героя.

Ойсин приободрился, пробудилась в нем ярость, обхватил он своего врага, уложил его лицом вверх на морское дно и не дал ему подняться, пока жизнь не покинула его. А потом он вытащил его тело на берег, отрубил ему голову и принес ее фениям.

Великая печаль и великая ярость завладели Доларом Дурбой, старшим из сыновей Гарба, который оставался на корабле, и он поклялся великой клятвой, что отомстит за братьев.

— Я один буду каждый день сходить на берег, — сказал он верховному королю, — и убивать по сто воинов, пока не убью всех до одного воинов Ирландии. А если подвернется мне под руку кто из твоих воинов, то и его я тоже убью.

Наутро Финн спросил, кто пойдет сражаться.

— Я пойду, — ответил ему Дубхан, сын Донна.

— Нет, — возразил Финн. — Пусть пойдет кто-нибудь другой.

Однако Дубхан не послушался его и пошел на берег, и с ним сто воинов. А там его уже ждал Долар Дурба, который заявил, что сразится один со всеми. Громко смеялись над ним воины Дубхана, пока Долар Дурба не бросился на них и не убил их. Сам же он остался целым и невредимым, и даже ни одной царапины не было на его теле.

Расправившись с фениями, Долар Дурба взял палочку и мяч, подкинул мяч и поймал его в воздухе палкой, а потом еще раз подкинул и еще раз поймал, и ни разу мяч не коснулся земли, а потом ударил по мячу правой ногой, так что он взлетел высоко в небо, а потом левой ногой, и много раз бросал его из конца в конец берега, и бегал за ним, ни разу не дав мячу коснуться земли.

Долго Долар Дурба расхаживал по берегу, похваляясь победой и насмехаясь над мужами Ирландии, а на другой день он вновь вызвал ирландцев на бой и вновь убил сто воинов, и так продолжалось много дней.

8. Сын короля Улада

Слухи о великой битве достигли Улада, и сын короля, которому исполнилось всего двенадцать лет, но который был самым пригожим юношей в Ирландии, сказал отцу:

— Позволь мне пойти на помощь Финну, сыну Кумхала, и его войнам.

— Ты мал летами и слаб, и слишком нежные у тебя еще кости, чтобы тебе сражаться наравне с мужчинами.

Однако юноша не отставал от отца, и пришлось королю запереть своего сына и приставить к нему двенадцать сторожей, его названных братьев.

Рассердился тогда юноша и сказал своим названным братьям так:

— Мой отец в юности прославил свое имя великими подвигами. Так почему он мешает моему сыну сделать то же самое? Помогите мне, и я до конца дней буду вам другом.

Так он говорил с ними и просил их, пока они не согласились вместе с ним бежать к Финну и фениям. Дождавшись, когда король заснет, они отправились в дом, где хранилось оружие, и каждый взял себе щит и меч, и шлем, и два копья, и двух гончих щенков. Потом они покинули Улад, прошли Коннахт, Кайлл-ан-Хосанма, что значит «защитные леса», названные так в честь всех избранных королей и мудрых бардов, а потом через Киарайге вышли к Белому Берегу.

На Белом Берегу они оказались как раз, когда Долар Дурба похвалялся своими победами перед мужчинами Ирландии. Ойсин уже поднялся со своего места, чтобы идти и биться с ним, потому что ему было легче умереть, чем сносить избиение фениев. Все воины, и мудрецы, и музыканты, и барды заплакали, не зная, как остановить его.

В это время сын короля Улада подошел к Финну и почтительно приветствовал его, и Финн спросил, кто он и откуда.

— Я — сын короля Улада и пришел сюда с моими двенадцатью названными братьями, чтобы сражаться с чужеземцами.

— Добро пожаловать, — ответил ему Финн.

Тут вновь послышалась неумеренная похвальба Долара Дурбы.

— Кто это? — спросил сын короля Улада.

— Чужеземец, который вызывает на бой сто фениев.

После этих слов Финна двенадцать названных братьев сына короля Улада, не говоря ни слова, спустились на берег.

— Ты еще мал и тебе не справиться со взрослым мужем, — сказал Конан сыну короля Улада.

— До сегодняшнего дня мне не приходилось встречаться с фениями, но я знаю тебя, Конан Маол, и знаю, что ты ни разу еще не сказал никому доброго слова. Посмотри, испугаюсь ли я чужеземца, потому что я собираюсь биться с ним.

Финн удержал юношу за руку и стал отговаривать его, но опять вмешался Конан, который сказал так:

— Многих мужей положил Долар Дурба, и среди них не было ни одного, кто не мог бы справиться с таким, как ты.

Услышав это, сын короля Улада разозлился и от злости высоко подпрыгнул, как раз когда Долар Дурба вновь заорал во всю мочь.

— Что он кричит? — спросил сын короля Улада.

— Он убил твоих двенадцать названных братьев и зовет еще воинов биться с ним, — ответил Конан.

— Горе мне! — вскричал сын короля Улада.

Одним прыжком он оказался против Долара Дурбы, и при виде него громко рассмеялись чужеземцы на кораблях, решив, что у фениев не осталось больше мужей и пришел им конец, если пускают они мальчишку против героя. От насмешек только хуже расвирипел сын короля Улада и храбро пошел на Долара Дурбу, нанеся ему множество ран, прежде чем он успел опомниться от неожиданности. Долго они бились. Когда от щитов и мечей остались одни обломки, они стали биться на кулаках и бились, пока их обоих не накрыла волна. Великая печаль сошла на оба воинства.

Когда утром море отступило, обоих героев нашли не разжавших смертельного объятия, разве лишь Долар Дурба лежал внизу, а сын короля наверху. Так все узнали, что он одолел чужеземца. Фении похоронили сына короля Улада, оплакали его как полагается и положили на могилу камень.

9. Сын верховного короля

Финн сказал, что вызовет на бой Дайре Донна, короля Всех Земель, однако Каойлте попросил его подождать, потому что он сам хотел биться с врагами. Финн согласился при условии, если он найдет довольно воинов идти с ним. Он послал с ним сто воинов, и Ойсин тоже послал сто воинов, и также поступили остальные вожди.

Вызов Каойлте принял сын короля Великой Равнины. Когда они бились, к берегу пристали еще корабли, и Финн решил, что они пришли на помощь чужеземцам.

На это Ойсин сказал ему:

— Редко ты ошибаешься, Финн, но на этот раз ошибся. Разве ты не видишь наших друзей Фиахру, сына короля бретонских фениев, и Дуабана Донна, сына короля Туатмумхайна, с воинами?

Сойдя на берег, герои увидели, что клонится долу стяг Каойлте, и поспешили ему на помощь. Ни один чужеземец не ушел от их мечей, ни сын короля, ни его воины.

— Кто сегодня стоит на страже? — спросил Финн.

— Мы, — ответили девять Гарбхов из Слив Мис, из Слив Куа, из Слив Клайр, из Слив Крот, из Слив Муис, из Слив Фуад, из Слив Ата Мойр, из Дун Кобайр и Дандеалгана.

Еще не кончилась ночь, как вышли против них воины во главе с королем Дрегана. К утру никого не осталось в живых, кроме трех Гарбхов и короля Дрегана, но они продолжали биться и полегли все.

Так продолжалось день за днем, неделя за неделей, и много было потерь с обеих сторон. Когда Фергус Сладкогубый увидел, сколько убито фениев, он попросил позволения покинуть поле боя и отправился в Тару к верховному королю Ирландии. Он обо всем сказал ему, и задумался верховный король, а потом ответил так:

— Хорошо, что Финн на страже Ирландии, но нет ни одного мужа в стране, который посмел бы взять мертвую свинью, или оленя, или лосося из страха перед фениями, нет ни одного мужа в стране, который посмел бы перейти из одного королевства в другое, не получив позволения от Финна, нет ни одного мужа в стране, который посмел бы взять себе жену, не узнав прежде, не возлюбленная ли она фения. Слишком часто Финн поступал несправедливо с ирландцами, и для нас будет лучше, если победят чужеземцы, а не Финн.

Тогда Фергус пошел на луг, где играл со своими сверстниками сын короля.

— Нет от вас помощи Ирландии, — сказал ему Фергус. — Что ты играешь тут, когда чужеземцы хотят захватить твою страну?

Он долго уговаривал и стыдил его, пока юноша не бросил мяч и не пошел по Таре, собирая мужей на великое сражение. Тысяча и двадцать воинов, не испросив позволения у верховного короля, двинулись в направлении Белого Берега. Фергус поспешил сообщить Финну

о приближении вонства сына верховного короля Ирландии, и все фении поднялись со своих мест, приветствуя юношу.

Финн сказал ему так:

— Не ждали мы тебя, юноша, в дни битвы, когда не поют барды, не звучит музыка и жены не дарят нас своим присутствием.

— Не ради игр пришел я сюда, — ответил ему сын верховного короля.

— Нет у меня обычая позволять не выдавшему битв юноше идти в сражение. Не хочу я быть виновным в твоей гибели.

— Клянусь, я буду биться и без твоего позволения.

Фергус спустился к морю, чтобы от имени сына верховного короля вызвать на бой чужеземцев.

— Кто ответит на вызов? — спросил король Всех Земель своих воинов.

— Я, — ответил Клайгех, король Керды.

Он сошел на берег, и с ним три красных отряда. Когда сын верховного короля встал против них, его воины сказали ему:

— Держись, потому что фениям все равно кто одолеет в битве — ты или чужеземцы.

Услыхав это, сын верховного короля бросился в самую гущу чужеземных воинов и вскоре перебил всех вождей. Тогда разъяренный Клайгех сам вышел к нему, и они долго бились, пока наконец не взял верх сын верховного короля и не отрубил голову своему врагу.

10. Король Лохланна и его сыновья

День за днем бились фении, и в конце концов Финн сказал Фергусу Сладкогубому так:

— Узнай, Фергус, сколько еще осталось фениев, способных к битве.

Фергус пересчитал воинов.

— У нас остался один отряд фениев, но каждый воин если не справится со ста врагами, тридцатью или девятью, то уж с тремя справится наверняка.

— Если так, то иди к королю Всех Земель и вызывай его на бой.

Фергус спустился к морю, поднялся на корабль и нашел короля Всех Земель на ложе, внимающим игре на арфе.

— Долго ты спишь, король Всех Земель, — сказал Фергус. — Но не буду я стыдить тебя, потому что ты спал в последний раз. Фении ждут тебя на берегу.

— Не думаю, чтобы среди них нашелся воин, достойный меня. Сколько всего осталось фениев?

— Один отряд. А сколько у тебя отрядов?

— Тридцать пришли со мной и двадцать пали от рук фениев. Но десять отрядов еще остались. А еще у меня есть восемь героев, которые могли бы покорить все земли, окажись они моими врагами. Это я сам, Конмайл, мой сын, и Огармах, дочь короля Греции, с которой никто не сравнится в бою, кроме меня, и Финнахта Зубастый, главный в моем доме, и король Лохланна Кайзел Клумах Украшенный Перьями с тремя сыновьями — Тохой, Форне Широкоплечим и Монгахом Морским.

— Клянусь клятвой моего народа, — сказал король Лохланна, — если кто выйдет прежде меня и моих сыновей биться с фениями, мы вовсе не будем биться.

— Я буду биться один, — сказал Форне, самый младший сын короля Лохланна.

С этими словами он облачился в доспехи и вышел к фениям Ирландии, держа по красному мечу в обеих руках. Многих положил он, и узким стал берег от мертвых тел.

Увидел это Финн, и тяжело стало у него на сердце в предчувствии смерти, поэтому постарался он получше ободрить фениев. А потом поднялся со своего места Фергус Сладкогубый и сказал так:

— Горе вам, фении! Тяжело вам сегодня защищать родную Ирландию! Так и один муж отберет ее у вас, потому что вы похожи не на храброе воинство, а на стаю пугливых птиц, что прячутся под кустом от ястреба. Все вы хотите, чтобы вас защищали Финн, и Ойсин, и Каойлте, а сами вы разве не умеете биться?

— Клянусь, — отозвался Ойсин, — ты сказал правду. Ни один из нас не старается отличиться.

— Ни один не старается отличиться, — согласился с ним Фергус. Ойсин громко вызвал на бой сына короля Лохланна.

— Выходи, сын Лохланна, я буду биться с тобой.

— Клянусь, недолго тебе осталось жить.

Сошлись они лицом к лицу, и вскоре всем показалось, что сын короля Лохланна одолевает Ойсина.

— Клянусь, бард, — сказал Финн Фергусу Сладкогубому, — напрасно ты послал моего сына против чужеземца. Вставай теперь, хвали его, чтобы разыграла в нем сила.

Фергус спустился на берег и сказал так:

— Ойсин, стыдно фениям смотреть, как ты бьешься сегодня, а ведь смотрят на тебя много гонцов и конюших от дочерей королей и вождей Ирландии.

Приободрился Ойсин и пронзил копьем грудь Форне, сына короля Лохланна, а потом возвратился к отцу и фениям.

Громко кричали чужеземцы, оплакивая Форне. Рассвирепели его братья. Несправедливым показалось им, что он пал от руки фения. И Тоха, средний сын короля Лохланна, сошел на берег, чтобы отомстить ирландцам. Он бросился в самую гущу воинов, разя всех направо и налево, пока они не расступились и он не оказался лицом к лицу с сыном Лугайда. Долго бились два героя. Погнулись у них мечи, сломались копья, и потеряли они свои позолоченные щиты. В конце концов поднатужился сын Лугайда и разбил мечом меч врага, а потом ударил еще раз и рассек надвое его сердце. Довольный и гордый возвратился он к фениям.

Тогда сошел на берег первенец короля Лохланна, Монгах Морской, и с ним поднялись все отряды чужеземцев.

— Остановись, король Всех Земель, — сказал он, — потому что прежде я должен отомстить за моих братьев.

Он встал на берегу, держа в руке цеп с семью железными шарами и пятьюдесятью железными цепями с пятьюдесятью яблоками на каждой цепи и пятьюдесятью смертельными колючками на каждом яблоке. Он бросился в самую гущу фениев, никого не оставляя в живых на своем пути, и великий стыд охватил сына бретонского короля. Он попросил:

— Иди сюда, Фергус Сладкогубый, и восхваляй меня, пока я не начну биться с чужеземцем.

— Мне нетрудно хвалить тебя, — отозвался Фергус.

Два героя сошлись лицом к лицу и смотрели друг на друга и говорили гордые слова, а потом Монгах занес над головой руку с цепом, чтобы ударить им сына бретонского короля, но он отпрыгнул в сторону и сам ударил его мечом, отрубив сразу обе руки, а потом ударил еще раз и разрубил его пополам, но когда он падал, одно из его железных яблок попало в рот Фидеху и пробило ему череп, и вышло у него из затылка, и два героя легли на землю ногой к ноге и лицом к лицу.

Потом сошел на берег сам король Лохланна, Кайзел Украшенный Перьями. В руке у него был щит, но не простой, а выкованный кузнецом-фомором, горящий красным пламенем. Даже если его опускали в море,

он все равно не переставал гореть. А когда Кайзел надевал его на руку, то никто не мог приблизиться к нему.

Еще никогда не убивали столько фениев в один день, как в тот полдень, когда языки пламени от щита Кайзела дырявили тела воинов-ирландцев и они сгорали, будто высушенный дуб. И никто не мог никому помочь, потому что, коснувшись рукой горящего, нельзя было не загореться самому. Великая беда пришла к фениям.

И Финн сказал:

— Поднимите руки, ирландские фении, и трижды громко назовите того, кто пойдет биться против чужеземца.

Рассмеялся король Лохланна, услышав, кого прочат ему в соперники, а Друимдерг, внук вождя уладских фениев, уже был рядом с ним и пронзил его смертоносным копьем, которое называли Кродерг, что значит «красная дыра», и которое переходило в их роду от отца к сыну. Не найдя ни одного открытого места на теле короля Лохланна, он бросил копье, целясь ему в открытый рот, потому что он в это время смеялся над фениями. Упал король Лохланна, и его щит упал на него, перестав гореть. Друимдерг отрубил ему голову и долго потом похвалялся своей победой.

11. Путешествие Лабрана

Вновь Фергус Сладкогубый покинул фениев и отправился к Тадгу, сыну Нуады, деду Финна.

Великая печаль завладела Муирне, матерью Финна, и Лабраном Длинноруким, его братом, и всеми, кто прослышал о великой битве Финна. Спросил Тадг свою жену, кто останется в живых из воинов, что бьются на Белом Берегу, и она сказала ему так:

— Горе мне! Даже если бы все мужи, какие живут на земле, вышли против Дайре Донна, короля Всех Земель, то и тогда не выстоять им против него, потому что никто еще не обагрив свой меч его кровью. В ту ночь, когда он родился, кузнец из племени фоморов выковал для него меч и щит и предсказал, что он умрет от своего меча. Дайре Донн отдал щит и меч на хранение королю Земли Честных Мужей, и сейчас они у него.

— Если так, — отозвался Тадг, — ты должна помочь Финну, сыну Кумхала, единственному сыну твоей дочери. Прикажи Лабрану Ламфаде идти к королю и просить у него меч и щит.

— Не требуй от меня поступать против Дайре Донна, который вырос в доме моего отца.

Поговорив еще, они вышли на луг перед домом и, призвав к себе Лабрана, послали его за мечом, обратив в большого орла.

Лабран летел от моря к морю, пока к концу дня не показалась вдали крепость короля Земли Честных Мужей. Тогда он принял человеческий облик и приветствовал короля, который ласково ответил ему и пригласил погостить.

Лабран поблагодарил его и сказал так:

— Позволь просить тебя о вещи, которая нужна мне больше всего на свете. Жена героя-фения отдала мне свою любовь, но я не могу взять ее без поединка. Дай мне на время щит и меч, что ты хранишь в своем замке.

Семь покоев было в доме короля, которые открывались один в другой. На первом этаже покои запирались на один замок, на втором — на два, и последний покой запирался на семь замков. В нем король хранил меч и щит, выкованные кузнецом из племени фоморов. Он вынес их и вручил Лабрану, пожелав ему на прощание удачи.

Лабран Длиннорукий отправился через моря в обратный путь, и, едва занялся день, он уже был в доме своего отца, хотя не мог стоять на ногах от усталости.

— Добрая слава пойдет о тебе, потому что еще никто не путешествовал так быстро.

— Что толку в этом, — вскричал Лабран, — если у меня нет сил отнести меч и щит Финну?

В это мгновение один из слуг Тадга заметил Аэда, сына Аэбинна, который бежал быстрее ветра на равнине, и не было на земле никого быстрее его.

— Ты вовремя пришел, — сказал ему Тадг.

С этими словами он вручил Аэду щит и меч и велел отнести их Финну. Аэд бежал быстрее оленя и даже быстрее ласточки, и еще не наступил день, когда он предстал перед Финном. В это время Фергус Сладкогубый воодушевлял фениев на великую битву и говорил им так:

— Фении Ирландии, сегодня вы должны биться так, как если бы в одном дне было семь дней, потому что никогда еще героям Ирландии не приходилось совершать такого подвига, какой предстоит вам сегодня.

Поднялись фении Ирландии и тотчас заметили Аэда, сына Аэбинна, который быстро приближался к ним. Финн спросил, с какими вестями он пришел, и Аэд ответил ему так:

— Я прибежал из крепости Тадга, сына Нуады. К тебе он послал меня, чтобы я спросил тебя, почему ты до сих пор не обагрил меч в крови короля Всех Земель.

— Клянусь клятвой моего народа, — сказал Финн. — если я не обагрию мой меч его кровью, то переломаю ему все кости, какие бы доспехи он ни надел.

— Я принес тебе, король фениев, оружие, смертельное для Дайре Донна. Друидской мудростью добыл его для тебя Лабран Длиннорукий.

Аэд вручил Финну щит и меч, и когда Финн развернул плащ, в который они были завернуты, то засверкали они огнем и вздулись смертельными пузырями. Глядели на них фении, и их сердца переполнялись храбростью.

Финн сказал Фергусу Сладкогубому:

— Поднимайся и иди к королю Всех Земель. Зови его на великую битву.

12. Великая битва

Король Всех Земель со своим воинством сошел на берег, и против него вышли все остававшиеся в живых фении. Как крепкие деревья стояли воины друг против друга.

Началась битва. Мечи рассекали кости, слепли и падали мужи, многие матери потеряли в тот день своих сыновей и многие прекрасные жены потеряли своих мужей.

Закричали в небе птицы, предсказывая многие смерти. Забурлило море, и волны запричитали над убитыми, и звери завывали, и затрещали каменные горы, и затрепетали леса, оплакивая героев, и ветер заплакал, прославляя невиданные подвиги, и земля задрожала, предсказывая многие смерти, и предсмертные вопли героев затмили солнце, и почернели облака. И псы, и вороны, и колдуньи долины, и небесные силы, и волки лесные закричали, завывали, воодушевляя воинов идти друг против друга.

Тогда Конан, сын Морны, вспомнил, какое зло он причинил сынам Байскне, и решил искупить его добрыми делами. Он поднял свой меч и вступил в битву.

Финн всеми силами воодушевлял фениев, а король Всех Земель — чужеземцев.

— Поднимайся, Фергус, — крикнул Финн, — восхвали от меня Конана за добрый ратный труд, чтобы прибавилось в нем храбрости!

Фергус приблизился к тому месту, где Конан, иссушенный воинственным жаром, отдал себя на волю прохладному ветру.

— Видно, ты не забыл, Конан, старой ссоры сыновей Морны с сыновьями Байскне, — сказал ему Фергус, — когда ты был готов умереть, лишь бы причинить зло сыновьям Байскне.

— Из почтения к своему доброму имени, бард, дурное не говори обо мне без причины. Я уже положил много чужеземцев и еще положу, потому что возвращаюсь на поле боя.

— Возвращайся скорее.

После этого Фергус пропел хвалу Конану, и Конан вновь взялся за меч, а Фергус возвратился к Финну.

— Кто бьется лучше всех? — спросил его Финн.

— Дубхан, сын Каса, ирландский герой, — ответил Фергус. — Не промахивается его меч, и никто не уходит от него живым. Трижды девять и восемьдесят воинов пали от него.

Дубхан Донн, правнук короля Туатмухайна, услышал его и сказал так:

— Клянусь, Фергус, ты говоришь правду. Никто не сравнится в бою с Дубханом, сыном Каса, и пусть я умру, если не превзойду его.

С этими словами он бросился в самую гущу чужеземцев, неся им смерть, словно огонь, поедаящий дрок на склоне горы. И сколько раз он прошел берег из конца в конец, столько раз он убил девятью девять чужестранцев.

— А теперь кто бьется лучше всех? — спросил Финн у Фергуса.

— Дубхан Донн, — ответил Фергус. — С тех пор как ему исполнилось семь лет, никто не мог превзойти его и теперь не может.

— Восхвали же его, чтобы разыграла в нем храбрость, — приказал Финн.

— Я восхваляю его, потому что разбегаются от него чужеземцы, как от морской волны.

Фергус спустился с горы на берег и пропел хвалу Дубхану Донну.

— А теперь кто бьется лучше всех? — спросил немного погодя Финн.

— Осгар. Один он сражается с двумястами франками и двумястами мужами Гайрайана и их королем. Они все рубят и колют его щит, но ничего не могут с ним сделать, хотя многие убиты им или ранены.

— А что Каойлте, сын Ронана?

— Он отдыхает, после того как предал красной смерти всех вышедших против него чужеземцев.

— Иди к нему, и пусть он поможет Осгару.

Фергус повиновался.

— Каойлте, — сказал Фергус, — великая опасность грозит Осгару. Встань и помоги ему.

Каойлте так и сделал. Едва он приблизился к тому месту, где бился Осгар, он замахнулся мечом и разрубил надвое первого же чужеземца, который оказался поблизости. Осгар поднял голову и сказал ему так:

— Ты не смел, Каойлте, убивать чужеземца, над которым я занес меч. Позор тебе! Все фении сражаются сейчас с чужеземцами, а ты не можешь найти себе дела, разве что отбивать добычу у других. Клянусь, лучше тебе умереть после этого.

Услыхав это, разозлился Каойлте, красная ярость залила его белое лицо, и он повернулся к чужеземцам, и набросился на них, и от одного его удара упали бездыханными восемьдесят воинов.

— Кто теперь бьется лучше всех? — спросил Финн.

— Увы мне, — ответил Фергус, — не знаю. Верхушки деревьев в самом густом лесу всех западных земель не сходятся так близко, как сошлись теперь два воинства. Щиты их трутся друг о друга, от мечей летят искры, кровь течет, как осенний дождевой поток, и ветер не срывает столько листьев с деревьев, сколько светлых волос и черных волос летает в воздухе. Не узнать сейчас по обличью ни одного воина, разве что по голосу.

Сказав так, Фергус спустился на берег, где кипела битва, и стал славить фениев Ирландии, побуждая их биться еще жарче.

— А теперь кто бьется лучше всех? — спросил Финн у Фергуса.

— Клянусь, первый теперь твой недруг Дайре Донн, король Всех Земель. Тебя он ищет повсюду, и с ним трижды пятьдесят воинов. Но вот напали на них два фения — Кайрелл Воитель и Элхинн из Круахана, и нет никого рядом с Дайре Донном. Ни царапины нет на его теле, зато пали бездыханными от его меча два твоих фения.

Король Всех Земель приблизился к Финну, и рядом с ним не было никого, кроме Аркаллаха Черного Топора, который принес в Ирландию первый топор.

— Клянусь, — сказал Аркаллах, — не быть Финну в битве прежде меня.

Он поднялся со своего места и занес топор над головой короля. Развалилась надвое корона, но даже волос не коснулся топор, соскользнул

он с головы короля и покатались от него на берег огненные шары. Наступила очередь короля Всех Земель. Занес он меч над Аркаллахом и рубил его надвое.

Тогда сошлись лицом к лицу Финн и король Всех Земель. Увидел король свой щит и свой меч в руках Финна и понял, что близка его смерть. Задрожал он весь, в великом страхе исказилось у него лицо, подогнулись у него колени, помутилось в глазах.

Сошлись двое в великой битве. Два дня не уступали они друг другу в споре за владение землей Ирландии.

Никогда прежде не бывал ранен король Всех Земель, зато теперь слабел час от часу. А Финн сражался без устали. На кусочки развалились щит и меч короля. Отрубил Финн ему левую ногу, а потом поднатужился и снес одним ударом голову. И тотчас сам упал на землю, от ран и усталости не в силах больше стоять на ногах.

В это время Финнахта *Зубастый*, первый муж в доме короля Всех Земель, подхватил корону и принес ее Конмайлу, сыну короля, и надел ее ему на голову.

— Она принесет тебе удачу, — сказал он.

Еще он вручил Конмайлу оружие его отца, и юноша сошел на берег в поисках Финна, положив по пути пятьдесят фениев. Увидел это Голл Гарбх Грубый, сын короля Альбана, и вступил в бой с Конмайлом. Улучив мгновение, когда Конмайл отвел от себя щит, он ударил его в левый бок, а потом отрубил ему голову.

Финнахта *Зубастый* подхватил королевскую корону и принес ее Огармах, дочери короля Греции.

— Надень корону, Огармах, ибо предсказано жене владеть Всеми Землями, а тебе нет соперницы.

Она сошла на берег в поисках Финна, и ее увидел Фергус Сладкогубый, который, не медля, явился к Финну.

— О король фениев, — сказал он, — вспомни о своих победах, вспомни о победе над королем Всех Земель, ибо грозит тебе великая опасность. Огармах, дочь короля Греции, вызывает тебя на бой.

Не успел он это сказать, как приблизилась к ним жена-воительница.

— О Финн, — сказала она, — мало мне чести в тебе после того, как многие короли и вожди пали от рук твоих и твоих фениев, но лучше уж ты, чем никто.

— Ничего у тебя не выйдет, потому что ляжет твоя голова на кровавое ложе так же, как легли головы всех, кто прежде звал меня на бой.

Сошлись они лицом к лицу, словно встали друг на друга полноводная волна Клиодны и стремительная вода Туай, и большая могучая волна Рудрайгхе. Долго Огармах не уступала Финну, однако в конце концов Финн одолел ее, сбросил с ее головы королевскую корону, а потом отрубил ей голову.

Долго еще бились два воинства, и уже никто не стоял на ногах, кроме Гаэла, сына Кримтанна, и вождя из дома короля Всех Земель по имени Финнахта Зубастый. Финнахта сошел на берег и, среди множества мертвых тел отыскав тело короля Всех Земель, отнес его на корабль, а потом сказал:

— Фении Ирландии, много потерь понесли воинства Всех Земель, но вам пришлось хуже. Теперь я возвращусь в Восточные Земли, чтобы всем рассказать об этом.

Услыхал его Финн, лежавший на окровавленной земле в окружении первых из первых фениев.

— Горе мне, что нашел я смерть прежде, чем услышал поносные речи чужеземца. Не будет мне доброй славы, не будет доброй славы фениям Ирландии! Чужеземец живой и невредимый собирается в обратный путь, чтобы всем рассказать о битве на Белом Берегу. Неужели нет никого живого? — возопил он.

— Я живой, — откликнулся Фергус Сладкогубый.

— Что ты видишь на поле боя?

— Горе мне! Как сошлись поутру два воинства, так не сделали ни шагу назад, пока не полегли все воины до последнего. Так и лежат они нога к ноге, губы к губам. Не видно ни травинки, ни песчинки кругом. Все полегли в крови, кроме вождя из дома короля Всех Земель и твоего приемного сына Гаэла, сына Кримтанна.

— Поднимайся и иди к нему.

Фергус пришел к Гаэлу и спросил, не ранен ли он.

— Нет, — ответил ему Гаэл. — Но горе мне, потому что поклялся я, что если отнимут у меня шлем или меч, то не быть мне в живых, а теперь чужеземец собирается плыть обратно, и я не могу догнать его. Помогите мне, Фергус, отнеси меня к морю, и тогда не уйти ему от меня живым.

Фергус поднял Гаэла, отнес его к морю, и Гаэл поплыл к кораблю, на котором его поджидал Финнахта, потому что думал, будто еще одному чужеземцу удалось избежать смерти. Он протянул Гаэлу руку, и Гаэл, ухватив его за запястье, из последних сил утянул его за собой в море. В крепком ненавистном объятии легли они на песчаное дно чистого моря.

13. Плач Кредхе

Вскоре на Белый Берег пришли во множестве жены, и барды, и музыканты, и лекари, пожелавшие исцелить раненых и с почестями похоронить убитых.

Вместе с другими пришла и Кредхе, жена Гаэла. Пропливая горькие слезы, искала она возлюбленного мужа, когда увидела журавлиху с двумя журавлями, а неподалеку следившего за ними лиса. Журавлиха накрыла собой одного птенца, чтобы спасти его от смерти, и лис бросился на другого, но она опередила его, готовая сама расстаться с жизнью, но не дать своих детей на съедение хитрому зверю. Поглядела на них Кредхе и сказала так:

— Не диво, что люблю я своего пригожего мужа, не диво, что птица заботится о своем гнезде.

А потом услышала Кредхе оленя, кричавшего по оленихе. Девять лет они жили вместе в лесу в Фид Лейс, пока Финн не убил олениху, и девятнадцать дней олень не брал в рот ни травинки, оплакивая по-другу.

— Не стыдно мне умереть от горя, если олень умирает вслед за оленихой.

Встретив Фергуса Сладкогубого, она спросила его:

— Не знаешь ли ты, живой или мертвый мой муж?

— Знаю, — ответил ей Фергус. — Вместе с последним чужеземцем из воинства короля Всех Земель он лежит на морском дне.

В это мгновение волны вынесли Гаэла на берег, и жены и мужи, искавшие его, подняли его тело и понесли на южный конец Белого Берега.

Пришла Кредхе и оплакала возлюбленного мужа:

— *Море вопит, о, громко вопит-причитает море над Мысом Двух Бурь, над утонувшим героем, что пришел с Озера Двух Псов, и теперь волны кричат о нем берегу.*

Сладкоголосая журавлиха, о сладкоголосая журавлиха с болот, что на краю Земли Двух Сильных Мужей, не спасла ты птенцов, не спасла птенцов от двухцветного дикого пса.

Горько плачет, горько плачет-рыдает дрозд на Любезной Горе, горько плачет черный дрозд в Лейтер Лаэг.

Горько рыдает, о, горько рыдает-кричит олень в Двухсветной Земле, умерла олениха в Фруим Кайленн, и могучий олень плачет над ней.

Горе, о, горе мне, умер герой, сын жены из Леса Двух Чащ, лежит предо мной на травяном ложе.

Горе, о, горе мне, Гаэл умер, волны омыли его белое тело, от его красоты я теряю разум.

Жалобно плачут, о, жалобно плачут прибрежные волны, к ним ушел мой Гаэл, красивый Гаэл, горе мне, ушел к ним.

В горе бьются о камень, о, бьются о камень северные волны, разбиваются о камни, крича о Гаэле.

В горе бьются, о, в горе на севере бьются море и берег, поблекла моя красота, и близок конец моей жизни.

Печально поют, о, печально поют волны Тулха Лейс, никого у меня не осталось. Утонул сын Кримтанна, и никого не любить мне отныне. Много славных мужей пало от его руки, а его щит молчал в сражении.

Потом Кредхе легла рядом с Гаэлом и умерла от горя. Их похоронили в одной могиле, и Каойлте водрузил сверху камень.

Когда закончилась великая битва на Белом Берегу, которая продолжалась одну тысячу и один день, то на земле осталось множество разбитых щитов и мечей, и множество мертвых тел осталось лежать там.

Слава покинула воинство Всех Земель, и с тех пор славными зовут фениев Ирландии. Они взяли себе корабли со всем золотом и серебром и стали еще пуще беречь Ирландию от фоморов и от всех прочих, желавших завладеть ею.

С тех пор были фении сильнее всех и ни разу никому не уступили вплоть до последней несчастливой битвы в Габхре.

ОХОТА И КОЛДОВСТВО

1. Донн, сын Мидира

Однажды фении охотились на острове Ториг к северу от Ирландии и подняли быструю и прекрасную олениху, которая помчалась к морю от Финна и шестерых его мужей и, приведя их в Слив Набан, опустила голову и ушла сквозь землю, так что сколько ее ни искали, так и не нашли.

Неожиданно повалил густой снег и наклонил верхушки деревьев, словно это были плакучие ивы, и храбрость и сила покинули фениев. Тогда Финн спросил Каойлте:

— Есть ли здесь дом, в котором мы могли бы укрыться от непогоды?

Каойлте поскакал на поиски и, едва объехал гору с юга, как увидел празднично освещенный дом, в котором чего только не было. Он долго стоял в раздумье около двери, зная, что это дом сидов, и не решаясь перешагнуть порог, а потом все же вошел и уселся в сверкающее кресло посреди залы. Оглядевшись, он увидел по одну сторону от себя восемь и двадцать воинов в доспехах и рядом с каждым пригожую жену, а по другую сторону — шесть юных светловолосых девиц в потрепанных одеждах.

Посреди залы сидела в кресле еще одна девица, которая играла на арфе и пела. Каждый раз, когда она останавливалась, один из воинов подавал ей рог и она отпивала из него, а потом отдавала его обратно, и все весело смеялись.

Девица заговорила с Каойлте:

— Каойлте, жизнь моя, позволь нам служить тебе.

— Нет, — ответил ей Каойлте, — потому что муж храбрее меня, Финн, сын Кумхала, хочет отужинать здесь сегодня.

— Поднимайся, Каойлте, и иди за Финном, — велел ему хозяин дома, — потому что никому Финн не отказывает в гостеприимстве, и мы ему не откажем.

Каойлте возвратился к Финну, и Финн попенял ему за то, что его долго не было.

— С тех пор как я взял в руки меч, — сказал он, — не знал я такой непогоды.

Фенин, как были, в доспехах и с мечами, поскакали к освещенному дому. Войдя в него, они сели с краю, но к ним подошла светловолосая девица и усадила их посреди залы на сверкающую скамью, а потом им принесли самой свежей еды и самых старых вин.

Утолив первый голод и жажду, Финн спросил:

— Кому из вас я могу задать вопрос?

— Спрашивай любого, — ответил ему высокий муж, который сидел рядом с ним.

— Кто вы такие? И как могло случиться, что я ни разу не слышал о стольких воинах Ирландии?

— Восемь и двадцать воинов, которых ты видишь перед собой, мои братья, сыновья моих отца с матерью, а отец наш — Мидир Светлослый, мать же — прекрасная Фионхайм, дочь короля сидов из Монаида, что на востоке. Когда все племя сидов собралось и выбрало королем Бодба Деарга, сына Дагды, то он немедленно потребовал заложников от меня и моих братьев, а мы отказались дать их ему. Бодб Деарг сказал тогда нашему отцу: «Или выгони своих сыновей, или мы обрушим на тебя твой дом». Пришлось мне с братьями уйти от отца, и мы обошли всю Ирландию, пока не отыскали это укромное место. Зовут меня Донн, сын Мидира. У каждого из нас было по тысяче воинов, но теперь никого не осталось.

— Почему никого не осталось? — спросил Финн.

— Трижды в год приходят сиды и вызывают нас на битву.

— Чью могилу мы видели неподалеку?

— Могилу Дайангалаха, колдуна сидов. Самая их большая потеря за все время, — сказал Донн. — Я убил его.

— А еще что они потеряли?

— Один раз мы отбили у них все богатства и сокровища, все рога и чаши из золота.

— А еще что?

— Мы отбили у них Фетнайд, дочь Феклаха, лучше которой никто не играет на арфе. Завтра придут сиды, а у нас не осталось ни одного воина. Нам против них не выстоять, поэтому мы послали к тебе девицу в обличье оленихи. Вон она умывается, та, что в зеленом платье. А в той части дома, что теперь стоит пустой, жили наши воины, убитые сидами.

Вечером фении ели, пили и внимали арфе, а утром, едва они поднялись, к Финну пришел Донн, сын Мидира, и сказал так:

— Пойдем со мной на луг, где мы бьемся каждый год с сидами.

На лугу Финн увидел множество могил и надгробных камней.

— Кто из сидов приходит биться с вами? — спросил Финн.

— Бодб Деарг с семью сыновьями, — ответил ему Донн, — и Энгус Ог, сын Дагды, с семью сыновьями, и Финнбхарр из Кнок Меди с семнадцатью сыновьями, и Лир из Сид Фионнахайд с двадцатью семью сыновьями и сыновьями своих сыновей, и Тадг, сын Нуады, с прекрасной горы Алмхуин, и Донн с Острова, и Донн из Вата, и два Гласа из Острайге, и Добхран Дубтайре с Горы Лиамайн, и Аэд с острова Рахрайнн на севере, и Фери, и Айллинн, и Лир, и Финнле, сыновья

Эгобала, из Мунстера, и Киан, и Кобан, и Конн, три сына короля Сид Монайд в Альбане, и Аэд Минбреак из Эас Руадх с семью сыновьями, и дети великой королевы Морриган, ее шесть и двадцать жен-воительниц, и два Луата из Маг Лифе, и Дерг, и Дрекан из Бейнн Эдайр на востоке, и сам Бодб Деарг со своими десятью сто и десятью двадцать и десятью воинами. Великие вожди из племени богини Дану приходят биться с нами и разрушать наш дом.

Финн возвратился к фениям и обо всем им рассказал.

— Воины, сыновья Мидира в большой беде, да и мы в опасности тут. Придется нам поднапрячь свои силы, а иначе не видеть нам больше фениев.

— Славный Финн, — ответили ему воины, — разве ты видишь страх на наших лицах, что говоришь так?

— Клянусь, случись мне обойти все земли с одними вами, и то не боялся бы я никаких врагов.

Финн вернулся к Донну.

— Славный Донн, днем или ночью приходят сюда сиды?

— Приходят, когда наступает ночь, чтобы побольше навредить нам. Дождавшись вечера, Финн сказал:

— Пусть кто-нибудь сторожит сегодня, чтобы сиды не застали нас врасплох.

Вскоре дозорный увидел пять отрядов сидов, которые подошли к дому, и, прибежав к Финну, крикнул:

— Сиды здесь! Они стоят вокруг могилы друида!

Финн призвал к себе фениев.

— Пять вождей с красными копьями вызывают нас на бой. Придется нам постараться. Сделаем так. Пусть отряд из сынов Мидира начнет сражение, а вы вскоре присоединитесь к ним, чтобы они не погибли и нас не обвинили в предательстве. Я и Каойлте старше остальных, и мы доведем сражение до конца.

С вечера до утра бились два воинства, и сиды потеряли не меньше десятью ста и десятью двадцати и десяти воинов. Тогда сошлись на совет Бодб Деарг, и Мидир, и Файоннбхар и решили спросить Лира из Сид Фионнахайд, как самого старшего, что им делать.

И Лир сказал им так:

— Пусть каждый унесет отсюда своих друзей и родичей, сыновей и братьев, а тех, кто останется, загородим с одной стороны огненной стеной, а с другой — стеной из воды.

Целая гора из камней выросла на том месте, где стояли сиды, и они ушли, унося своих родичей, никого не оставив воронам.

А Финн и остальные возвратились в дом раненые и усталые.

Целый год они оставались в доме сыновей Мидира, и три раза приходили сиды, и три раза вызывали на бой сыновей Мидира.

В одном из сражений погиб Конн, сын Мидира, а израненные фении от нестерпимой боли подкладывали под одежду ореховые палочки, чтобы не прикасалась она к телу, и лежали они, не вставая, на ложе, и двое из них были при смерти. Финн, Каойлте и сын Лугайда вышли на луг, и Каойлте сказал так:

— Не к добру мы пришли сюда, если придется нам оставить тут двоих из нас.

— Как посмотрим мы в глаза фениям, если возвратимся без них? — спросил сын Лугайда.

— Если кто и оставит их тут, то не я, — ответил Финн.

В это время к ним приблизился Донн, сын Мидира.

— Славный Донн, — спросил его Финн, — не знаешь ли ты лекаря, который мог бы исцелить моих воинов?

— Только один лекарь может помочь им, тот лекарь, который приходит сюда с сидами. Он всех исцеляет за девять дней.

— Как нам его заполучить, если он друг наших врагов?

— Каждое утро на рассвете, пока не высохла роса, он выходит собирать травы.

— Найди кого-нибудь, кто знает лекаря. И я приведу его сюда живым или мертвым, — пообещал Каойлте.

Аэд и Фланн, два сына Мидира, поднялись со своих мест.

— Пойдем с нами, Каойлте, — сказали они и вышли на росистый луг. Там они увидели крепкого юношу в доспехах и в плаще из шерсти семи овец из Страны Обетованной, в полах которого у него лежало много всяких лечебных трав.

— Кто этот юноша? — спросил Каойлте.

— Лекарь, — ответил Аэд. — Смотри теперь в оба глаза, чтобы он не сбежал от нас.

Они бросились к нему, и Каойлте схватил юношу за плечи и, спрятавшись за густым туманом, унес его в Лейнстер, где в это время были многие фении.

Когда они были на небольшой горе над крепостью, то невдалеке показались четыре юных воина в алых плащах и с мечами с золотыми

рукоятями и с ними четыре добрые гончие. Юноши не могли их видеть из-за тумана, зато Каойлте разглядел двух своих сыновей Коллу и Фаолана и еще двух юных фениев, говоривших о том, что уже год нет с ними Финна, сына Кумхала.

— Что же делать фениям Ирландии без вождя?

— Нечего делать, как идти в Тару и выбирать другого вождя.

Горько им было говорить так, и еще горше было Каойлте их слушать.

Не тратя даром времени, Каойлте и сыновья Мидира возвратились к Озеру Двух Птиц в Слиав Набан.

Финн и Донн приветливо поздоровались с лекарем Луибре и повели его к раненым.

— Эти воины — мои братья, — сказал Донн. — Ты можешь их исцелить?

— Могу, если ты щедро вознаградишь меня.

— Я вознагражу тебя, — ответил ему Каойлте, — только скажи, долго ты будешь их лечить?

— Девять дней.

— Щедрым будет вознаграждение, потому что я сохранию тебе жизнь. Но если ты не исцелишь их, — пригрозил Каойлте, — я своей рукой отрублю тебе голову.

Однако лекарь не обманул его, и через девять дней воины были здоровее прежнего.

Долго ли, коротко ли, верховный король позвал фениев в Тару на пир. Много было там мужей и жен, юношей и героев, и музыкантов. И Голл, сын Морны, сидел рядом с королем на том пиру.

— Фении Ирландии, пришла к вам великая беда, — сказал король. — Нет с вами вашего вождя Финна, сына Кумхала.

— Великая беда, — поддакнул ему Голл.

— После гибели Луга, сына Этне, еще не случалось такой беды, — сказал король.

— Король, что ты велишь делать фениям? — спросил его Голл.

— Пусть ищут по всей Ирландии, пока не убедятся, что Финн сгинул навеки.

— Три года я не займу место Финна, — сказал Голл.

Айлбе Веснушчатый спросил короля:

— Что делать семнадцати королевам из дома Финна?

— Пусть каждой дадут по тайному солнечному дому и столько жен, сколько они пожелают, и припасов на месяц с четвертью и год, а там будет видно.

Король встал, поднял рог и сказал:

— Славно было бы, если бы кто-нибудь из мужей принес нам весть о Финне, живущем в укромном доме или в реке, у сидов Ирландии или Альбана.

Тогда поднялся со своего места Бернгал, владелец коров из Слив Фуад, и сказал так:

— В тот день, когда Финн погнался за оленихой, и с ним пять фениев, он отдал мне свое копье со сверкающим наконечником и ошейник и приказал беречь их, пока он не возвратится на то же место.

Бернгал показал копье и ошейник королю и Голлу.

— Великая беда для фениев Ирландии, — печально молвил король, — остаться без их владельца.

— Беда, — согласился Бернгал. — С Финном были Бран и Скеолан, а еще Бреак, и Линбхе, и Каойлте, и Конуалл, и Комре с сыном Лугайда.

Верховный король призвал к себе Фергуса Сладкогубого и спросил его:

— Ты знаешь, сколько времени нет Финна с фениями?

— Знаю, — ответил Фергус. — Один месяц с четвертью и год. Горе фениям, которые остались без него и других вождей.

— Я не верю, что отыщутся шесть первых из первых героев Ирландии и Альбана.

Король призвал к себе друида Китруадха.

— Много богатств получил ты из рук Финна. Скажи, жив он или убит?

— Жив, — ответил Китруадх. — Однако не могу я сказать, где он, потому что ему это не понравится.

Обрадовались фении, потому что еще ни разу не ошибся Китруадх в своих предсказаниях.

Что же до Финна, то он оставался в Доме Двух Птиц, пока не взял у сидов заложников для Донна, сына Мидира. И в последний день праздника в Таре он возвратился к фениям.

С тех пор фении Ирландии дружили с людьми, жившими на земле, не больше, чем с детьми богини Дану.

2. Красная Жена

Однажды туманным утром, когда фении были в Алмхуине и скучали в безделье, Финн, испугавшись, как бы они не разленились, сказал:

— Поднимайтесь все. Мы едем на охоту в Глеанн-на-Смойл.

Фении возразили было, что для охоты слишком густой туман, но с Финном спорить было без пользы, как он приказывал, так все делали. Пришлось фениям подниматься, облачаться и скакать в Глеанн-на-Смойл. На их счастье, туман быстро рассеялся и выглянуло солнце.

На опушке леса они увидели невиданного зверя, который приближался к ним быстрее ветра, и бежавшую за ним по пятам Красную Жену. У зверя были тонкие лапы, голова как у вепря, с длинными рогами, но в остальном он походил на оленя, и на обоих боках у него сияло по луне.

Остановился Финн.

— Фении Ирландии, — спросил он, — видели вы раньше такого зверя?

— Нет, — ответили ему фении. — Надо пустить за ним гончих.

— Подождите, пока я поговорю с Красной Женой, но не теряйте его из виду.

Фении хотели, чтобы зверь бежал за ними следом, но у них ничего не вышло, потому что он легко догнал их и исчез с глаз.

Когда Красная Жена приблизилась к фениям, Финн спросил ее, как называется зверь, за которым она бежит.

— Не знаю, — ответила она, — хотя я бегу за ним уже месяц от самого Лох-Деарг и ни разу не упустила. Две луны у него на боках освещают нам путь ночью. Я должна бежать за ним, пока он не упадет, или я умру, и умрут три моих сына, а храбрее их нет никого на земле.

— Если ты не против, мы загоним его для тебя, — сказал Финн.

— Нет, — возразила жена, — и не пытайся. Уж на что я скоро, и то не могу за ним поспеть.

— Мы должны узнать, кто он такой.

— Если ты или твои воины будут мне мешать, я свяжу вас.

— Не слишком ли ты быстра на язык? Тебе известно, что я Финн, сын Кумхала, а четырежды двадцать воинов со мной — фении, которых еще никто не одолел в битве.

— Что мне до тебя и твоих воинов? Будь тут мои сыновья, они бы одолели тебя вместе с ними.

— Воистину, сегодня плохой день, если жена смеет угрожать мне и моим фениям!

Он дунул в рог и крикнул воинам:

— Все следом за зверем!

Едва Финн это крикнул, как жена обернулась дождевым червем и поползла на него. И она убила бы его, если бы не Бран, который вцепился зубами в червя и встряхнул его, а потом обернул его вокруг себя и раздавил бы, но Финн удержал его и сам приставил острый нож к горлу ползучей гадины.

— Опусть руку, — проговорил червь, — и не будет на тебе проклятия одинокой жены.

— Думается мне, — сказал Финн, — что ты не оставила бы меня в живых, если б у тебя хватило сил. Убирайся с моих глаз и не попадайся мне больше!

Красная Жена вновь стала женой и понуро поплелась в лес.

Фении в это время гнали зверя, и Финн не знал, как далеко они успели ускакать, но помчался следом за ними, полагаясь на нюх Брана. Наступил вечер, когда он догнал своих воинов, которые все еще преследовали зверя. Потом наступила ночь, но две луны на боках зверя освещали фениям путь, и они гнали его, не останавливаясь ни на мгновение, пока не увидели, что зверь истекает кровью. Вскоре они были в крови с головы до ног, но продолжали гнать зверя, который на рассвете повернул к горе Кнок-на-Ри.

У подножия горы они вновь увидели Красную Жену.

— Ты не догнал его, — сказала она Финну.

— Не догнал. Но я знаю, куда он скрылся.

Неожиданно в руках Красной Жены появилась ореховая ветка. Она коснулась ею горы, и перед Финном распахнулась широкая дверь, из которой до него донеслась музыка.

— Идем, — Красная Жена позвала Финна, — я покажу тебе невиданного зверя.

— Наши одежды в грязи. Негоже нам в таком виде входить в дом.

Красная Жена дунула в рог, и тотчас явились к ней десять юношей.

— Несите воду и четырежды двадцать одежд, и особые одежды да корону из сверкающих камней для Финна, сына Кумхала.

Юноши удалились, но минуты не прошло, как они появились вновь с водой и одеждami для фениев.

Когда фении вымылись и облачились в чистые одежды, Красная Жена привела их в просторную залу, где со стен светили солнца и луны, а потом привела их в еще более просторную залу, подобную которой им не приходилось видеть, и в золотом кресле в золотых с зеленым одеждах сидел там король, а вокруг него сидели вожди, и игравшие на арфах музыканты были в одеждах всех цветов радуги. Посреди стоял стол, уставленный яствами, какие только есть на земле и в воде.

Король встал, приветливо поздоровался с Финном и с фениями и пригласил их к столу. Они стали есть-пить и долго не могли утолить голод и жажду.

Но стоило им насытиться, как поднялась со своего места Красная Жена и сказала так:

— Король Горы, позволь Финну и фениям взглянуть на невиданного зверя, ибо они долго гнались за ним и он привел их сюда.

Король стукнул ладонью по золотому креслу и позади него отворилась дверь, из которой вышел зверь и стал против него. И зверь сказал:

— Мне пора домой. Никто на всей земле не сравнится со мной в быстроте, и море мне не помеха. Если кто хочет померяться со мной в беге, пусть поторопится, потому что я уйду.

Быстрее ветра зверь покинул залу, и все мужи последовали за ним. Очень скоро Финн и фении опередили остальных и возглавили охоту.

В полдень Бран заставил зверя повернуть, а потом еще раз заставил его повернуть, и он закричал, потому что силы стали покидать его. Солнце начало клониться к закату, когда зверь упал и умер, и Бран стоял над ним.

Подъехали Финн и фении и увидели высокого мужа, распростертого на земле. Тотчас появилась Красная Жена.

— Верховный король фениев, — сказала она, — ты убил короля фирболгов, и много несчастий принесут тебе и твоему народу его подданные, когда тебя, Финн, уже не будет на земле. А я теперь иду в Страну Юных и приглашаю тебя со мной, если ты не против.

— Благодарю тебя, — ответил ей Финн, — но мы не оставим свою страну, даже если нам предложат вместо нее всю землю со Страной Юных в придачу.

— Но не возвращаться же тебе домой без добычи.

— В Глеанн-на-Смойл мы поднимем оленя.

— Около вон того дерева я вижу отличного оленя и сама подниму его для тебя.

Красная Жена громко крикнула, и олень бросился наутек, а Финн и фении помчались за ним и ни разу не остановились до самого Глеанна-Смойл, но оленя так и не догнали.

Вновь приблизилась к ним Красная Жена и сказала Финну:

— Ты, верно, устал, гоняясь за оленем. Отзови своих собак. Пусть моя малышка возьмет его.

Финн дунул в рожок, который висел у него на боку, и его собаки тотчас возвратились. Тогда в руках Красной Жены невесть откуда появилась белая, как снег в горах, собачонка, которую она опустила на землю. Вскоре, догнав и убив оленя, она прибежала обратно и шмыгнула хозяйке под плащ. Велико было изумление Финна, но не успел он ничего сказать, потому что Красная Жена исчезла. Зная, что олень заколдованный, Финн не стал забирать его, и в ту ночь усталые фении вернулись в Алмхуин без добычи.

3. Свиньи Энгуса

Однажды Энгус Ог, сын Дагды, устроил в Бруг-на-Бойнн пир в честь Финна и фениев Гаэла. Десятью сто явилось их на пир в зеленых одеждах и малиновых плащах, тогда как воины из дома Энгуса Ога были в красных одеждах.

Финн сидел рядом с Энгусом, и давно уже два таких героя не сидели рядом на пиру. Кто был там, тот видел, как золотые чаши переходили из рук в руки.

Громко сказал Энгус, чтобы все слышали его:

— Разве не лучше веселиться на пиру, чем охотиться в горах и лесах?

Пев искажил лицо Финна.

— Что за жизнь без охоты, без гончих, без коней, без криков воинов?

— Ну что ты, Финн! Ведь ты называешь доброй охоту, если все твои собаки загоняют одну свинью.

— Ни у тебя, ни у других сидов не найдется свиньи, которую не загнали бы Бран и Скеолан.

— Я дам тебе свинью. Она уйдет от твоих собак и сама загонит их.

Тут вошел в залу управитель дома Энгуса Ога и громко крикнул:

— Много уже выпито вина и пора спать гостям и хозяевам.

Но Финн приказал фениям:

— Ищите своих коней. Мы не останемся здесь, потому что мало нас среди многих сидов.

И фении поскакали в Слиав Фуад.

Целый год после этого сиды похвалялись своей силой и храбростью, а фении думали, как им обойти сидов в охоте. В конце года Энгус послал гонцов к Финну, с превеликим почтением приглашая его к себе, если Финн готов держать слово. Финн ответил, что готов держать слово, и фении отправились в путь, взяв с собой своих собак: Финн — Брана и Скеолана, Каойлте — Адхнуалла, Ойсин — Аблаха, веселый Бран Беаг — Лонна, Диармайд — Эахтаха, Осгар — Мак-ан-Труима, Фаолан — Гаррайда и голодный Конан — Рит Фада Длинный Прыжок.

Вскоре они увидели впереди стадо свиней, и каждая свинья в этом стаде была не меньше оленя. Впереди бежал черный, как уголь в кузнице, вепрь, и щетина у него на голове была похожа на терновую рощу.

Каойлте спустил Адхнуалла, и он убил первую свинью. Потом Финн спустил с поводка Брана, и свиньи бросились от него врассыпную, но он все же догнал одного борова и убил его.

И Энгус сказал:

— Ох, Бран из рода светловолосого Фергуса, зачем ты убил моего сына?

Услыхав это, Бран еще крепче вцепился зубами в борова, словно это был не боров, а враг на поле битвы, и не отпустил его, пока не подоспели фении.

Большая была охота в Слиав Куа и Слиав Крот, от Маг Кобха до Круахана и от Фионнабрайка до Финниаса. К вечеру от стада остался только один целый и невредимый боров, а сто и десять расстались с жизнью. Многих недосчитался Энгус в тот вечер, но и Финн недосчитался ста фениев, не говоря о слугах и собаках.

— Надо пойти в Бруг-на-Бойнн и отомстить, — сказал Ойсин.

— Неразумный совет, — не согласился с ним Финн. — Если мы бросим тут без присмотра свиней и боронов, они вновь оживут. Надо их сжечь и пепел выбросить в море.

Семь отрядов фениев развели семь костров по одному на каждый отряд, но ни одного борова и ни одну свинью они, как ни старались, не смогли сжечь. Тогда Бран, которому не было равных в знаниях и сообразительности, убежал ненадолго и возвратился, таща за собой три дерева из неведомого леса. Как свечки загорелись деревья, и фении быстро сожгли убитое стадо, а потом выбросили пепел в море.

Ойсин опять сказал:

— Пора идти в Бруг-на-Бойнн, чтобы отомстить за убитых.

Фении выступили в поход, и грохот их шагов был слышен всем на земле и на небесах.

Энгус послал гонца к Финну, обещая исполнить все, что он хочет, лишь бы Финн со своими фениями не губил сидов.

— Ничего мне от тебя не надо, Энгус, — ответил ему Финн, — пока хоть в одном твоём доме на севере или на востоке есть несожженный покой.

Но Энгус сказал:

— Ты печалишься о гибели своих воинов, Финн, отец Ойсина, а я потерял славного сына. Черный боров был не простой боров, это был мой сын. И с ним были сын короля Узкого Моря и сын короля Моря Чаек, и сын Илбрека, сына Мананнана, и еще семью двадцать пригожих королевских сыновей. Горе тебе, отважный Бран из рода Фергуса тридцати лесов и полей, что не сделал ты ничего достойного хвалы до того, как убил своего названного брата, потому что отныне не видать тебе и не загнать ни одного оленя.

Разгневался Финн.

— Коли так, Энгус, не останется у тебя ни одного несожженного покоя ни на востоке, ни на западе.

— Коли так, Финн, будут вырастать перед тобой деревья и ложиться перед тобой камни, едва ты захочешь сразиться с кем-нибудь.

Мудрый Ойсин послушал-послушал их и сказал так:

— Лучше вам договориться между собой и жить в дружбе, воздав друг другу по заслугам.

На том и порешили. Заключив мир, Энгус взял на воспитание сына Финна, а Финн взял на воспитание сына Энгуса.

Но не всегда Энгус держал свое слово.

Диармайд

1. Дочь подводного короля

Однажды зимой, когда шел снег и усталые фении, возвратившись с охоты, легли спать, они услышали легкий стук в дверь и увидели, как в дом вошла уродливая старуха с волосами до пят. Она сразу направилась

к ложу Финна и попросила позволения лечь с ним рядом. Финн посмотрел на нее и отказал ей. Заплакала старуха и пошла к Ойсину. Его она тоже попросила укрыть ее от холода, но и он, посмотрев на нее, ей отказал. Опять заплакала старуха и пошла к Диармаиду.

— Укрой меня от холода, — попросила она.

Диармайд посмотрел на нее и сказал:

— Ты старая и уродливая, и волосы у тебя до пят. Но так и быть, я укрою тебя от холода.

Старуха не заставила просить себя дважды.

— Ох, Диармайд, — сказала она, — семь лет брожу я по морям-океанам и ни разу за семь лет не спала ночью в тепле. Отнеси меня к очагу.

Диармайд отнес старуху к очагу, и все фении, которые сидели вокруг, тотчас разбежались, чтобы не видеть ее. Посидела-посидела старуха, а потом попросила:

— Согрей меня своим телом.

— Ты слишком многого хочешь. Сначала позволь тебе лечь рядом, потом отнеси тебя к очагу, потом согрей своим телом. Что ж, так и быть, согрею.

Когда старуха легла рядом, Диармайд постарался отодвинуться подальше, но когда он из любопытства глянул на нее, то увидел рядом с собой спавшую глубоким сном самую прекрасную из прекраснейших жен.

Он позвал фениев.

— Смотрите! — сказал он. — Нет ее прекраснее на всей земле.

— Ты прав, — согласились с ним фении.

Диармайд вновь укрыл ее, постаравшись не разбудить.

Долго ли, коротко ли, она проснулась и спросила:

— Ты спишь, Диармайд?

— Нет.

— Где бы ты построил красивый дом, равного которому еще никто на земле не видел?

— На горе, будь на то моя воля, — ответил ей Диармайд и заснул.

Наутро прискакали еще два фения и рассказали, что стоит на горе дом, которого там никогда не было.

— Поднимайся, Диармайд, — молвила прекрасная жена, — хватит спать. Иди в свой дом и осмотри его.

Диармайд выглянул наружу и, увидев просторный дом, сказал:

— Я пойду, если ты пойдешь со мной.

— Пойду, если ты обещаешь не повторить трижды, какой я была прежде.

— Да я ни разу не скажу.

В доме их уже ждали слуги и накрытый стол, на котором тотчас появлялось все, чего бы они ни пожелали. Три дня Диармайд не покидал дом, и на третий вечер жена сказала ему:

— Ты печалишься, Диармайд, потому что давно не видел фениев.

— Я не печалюсь, — ответил ей Диармайд.

— Иди к ним. Твоя еда и твое вино не станут хуже, если немного подождут тебя.

— А кто присмотрит за моей гончей с тремя щенками?

— Ничего с ними не случится.

Диармайд отправился к фениям, и они встретили его радостными криками. Но, как ни любили фении Диармайда, все же они завидовали ему, потому что у него был просторный дом и любовь отвергнутой ими жены.

Жена же, проводив Диармайда, еще стояла возле дома, когда увидела подходившего к ней Финна, сына Кумхала. Она приветливо поздоровалась с ним.

— Королева, ты гневаешься на меня? — спросил Финн.

— Нет, — ответила прекрасная жена. — Пойдем в дом, и я подам тебе старого вина.

— Я пойду, если ты исполнишь мою просьбу.

— Чего ты хочешь?

— Щенка от любимой гончей Диармайда.

— Бери любого.

Финн взял приглянувшегося ему щенка и ушел, унося его с собой.

Когда Диармайд вернулся, гончая ждала его у порога. Она стала громко лаять, и Диармайд отправился взглянуть на щенков. Одного как не бывало.

Разгневался Диармайд и крикнул жене:

— Если бы ты помнила, какой была, когда я пустил тебя к себе на ложе, ты бы не отдала щенка.

— Ты не должен так говорить.

Диармайд попросил прощения у жены, и жена попросила у него прощения, и они провели ночь вместе в новом доме. А наутро Диармайд вновь ушел к фениям. Жена еще оставалась возле дома, когда увидела, что к ней идет Ойсин.

Она приветливо поздоровалась с ним и пригласила его в дом, а он попросил прежде исполнить его просьбу. Так же как Финн, он попросил у нее одного щенка.

Жена дала ему щенка, и он ушел, а вечером гончая вновь встретила Диармайда у порога. Два раза она пролаяла, и Диармайд понял, что нет еще одного щенка. Тогда он сказал гончей, чтобы слышала жена:

— Если бы она помнила, какой была, когда я пустил ее к себе на ложе, она бы не отдала щенка.

Наутро он вновь ушел к фениям, а к прекрасной жене пришел Каойлте, который отказался пить ее вино, пока она не даст ему щенка.

Возвратился Диармайд, и трижды пролаяла его гончая, да так горько, как ему еще не приходилось слышать. Разгневался Диармайд и сказал в третий раз:

— Если бы ты помнила, какой была, когда я пустил тебя к себе на ложе, ты не отдала бы щенка.

— Ох, Диармайд, не надо было тебе так говорить.

Диармайд попросил у нее прощения и хотел было войти в дом, как дом и жена исчезли, и ему пришлось провести ночь на голой земле. Печальный поднялся утром с земли Диармайд и решил обыскать всю землю, но найти прекрасную жену.

Шел он по пустынным долинам и вдруг увидел прямо перед собой свою мертвую гончую. Поднял он ее себе на плечи и понес. Долго ли, коротко ли, повстречался ему пастух, и Диармайд спросил его, не видел ли он где жены.

— Вчера рано утром я видел одну жену.

— Куда она шла?

— В сторону моря, — ответил пастух.

Диармайд пошел к морю. Недалеко от берега он увидел корабль и, опершись на копье, легко перепрыгнул на него. Корабль плыл себе и плыл, пока не пристал к какому-то берегу. Диармайд сошел с него, лег на склоне горы и заснул, а когда проснулся, никакого корабля и в помине не было.

— Горе мне! — вскричал Диармайд. — Неужели я не найду дорогу отсюда?

Однако вскоре в море показалась ладья с мужем на веслах. Диармайд вошел в нее и не забыл о своей гончей. Долго плыла ладья через море, потом вдоль берега, и когда Диармайд покинул ее, то вокруг него

было одно ровное поле. Шел он, шел и увидел у себя под ногами каплю крови. Поднял ее Диармайд и спрятал в тряпицу.

— Это кровь моей гончей, — сказал он.

Чуть погодя он заметил еще одну каплю крови, потом третью, и все три он спрятал в тряпицу. А потом он увидел жену, которая, как безумная, резала тростник.

Он подошел к ней и попросил:

— Расскажи, что нового в твоей стране.

— Не могу, пока не нарежу тростник.

— А ты режь и рассказывай.

— Я тороплюсь.

— Как называется твоя страна?

— Подводная Страна.

— Зачем же тебе тростник? — продолжал спрашивать Диармайд.

— Дочь нашего короля пропадала, заколдованная, семь лет, а теперь она вернулась, но тяжело заболела. Много лекарей призвал к ней король, а она все болеет и просит тростниковую циновку вместо королевского ложа.

— Ты покажешь мне, где живет королевская дочь?

— Покажу. Полезаю в вязанку, и я отнесу тебя к ней на спине.

— Ну нет.

Однако жена не стала его слушать и сделала, как сказала. В покое королевской дочери она сбросила вязанку на пол, и из нее вылез Диармайд.

— Иди ко мне! — позвала его дочь короля Подводной Страны.

Диармайд подошел, и они обнялись, забыв обо всем от счастья.

— Три части моей болезни из четырех ушли от меня, — сказала дочь короля. — Но я все равно больна и никогда не буду здоровой, потому что каждый раз, когда я думала о тебе, то теряла по капле крови из моего сердца.

— А я подобрал их и завернул в тряпицу. Возьми их и выпей, и ты выздоровеешь.

— Это мне не поможет, потому что у меня нет того, что мне больше всего на земле нужно, и никогда не будет.

— Что же тебе нужно?

— Тебе это не достать, да и никому другому тоже.

— Будь это на земле или под землей, на море или под морем, я принесу тебе то, что тебе нужно.

— Три глотка из чаши короля Маг-ан-Айонганайдх, что значит Чудесная Равнина. Ни один человек еще не пил из нее и никогда не будет пить.

— А где искать эту чашу? Никому не утаить ее от меня, коли не исцелиться тебе без нее.

— Его королевство недалеко от королевства моего отца. Между ними неширокая речка, и ты поплывешь по ней на корабле, который будет подгонять ветер, и будешь плыть год и один день, прежде чем достигнешь берега Чудесной Равнины.

Диармайд покинул королевскую дочь и пошел к реке. Долго он шел, не зная, как перейти на другой берег, пока не увидел низкорослого рыжего мужа, стоявшего посреди реки.

— Не хмурься, Диармайд, внук Дуибне, — сказал он, — ставь ногу на мою ладонь, и я перенесу тебя.

Диармайд так и сделал и вмиг оказался на другом берегу.

— Ты идешь к королю Чудесной Равнины за чашей, — сказал ему рыжий муж, — и я иду с тобой.

Они пошли вместе и в конце концов пришли в королевскую крепость. Диармайд крикнул, чтобы вынесли ему чашу, а не то он вызовет на бой самого храброго героя.

Чашу ему конечно же не вынесли, зато открылись ворота крепости и на луг явилось дважды восемьсот воинов, но через три часа ни одного из них не осталось в живых.

Тогда вновь открылись ворота крепости, и на луг явилось дважды девятьсот доблестных воинов, но через четыре часа ни одного из них не осталось в живых.

Тогда сам король встал в воротах крепости. Он спросил Диармайда:

— Откуда ты пришел и зачем принес смерть в мое королевство?

— Я тебе скажу. Меня зовут Диармайд, и я принадлежу к фениям Ирландии.

— Горе мне! Почему ты не послал гонца, чтобы я не губил понапрасну моих воинов? За семь лет до твоего рождения предсказали мне, что ты их убьешь. Что тебе надо от меня?

— Дай мне твою целительную чашу, — попросил Диармайд.

— Никому бы не дал я свою чашу, но для тебя мне ее не жалко, хотя я и сам не знаю, целительная ли она.

Король Чудесной Равнины отдал Диармайду чашу, и они расстались под добру-поздорову. Диармайд шел и шел, пока не показалась

впереди река, и тогда он вспомнил о рыжем муже, о котором совсем забыл, пока сражался с воинами короля. А он, откуда не возьмись, стоит перед ним.

Вновь поставил Диармайд ногу ему на ладонь, и рыжий муж перенес его на другой берег.

— Знаю я, Диармайд, куда ты идешь, — сказал он. — Ты несешь исцеление дочери короля Подводной Страны, которой отдал свою любовь. Теперь ты должен найти родник и взять из него воды, а когда ты придешь в ее покой, налей ту воду в чашу, раствори в ней каплю крови и дай ей выпить. Вновь налей воды в чашу, раствори в ней вторую каплю крови и дай ей выпить. В третий раз налей воды в чашу, раствори в ней третью каплю крови и дай ей выпить. От немощи и следа не останется. А потом тебе надо будет исцелить себя от любви к королевской дочери.

— Не получится, — ответил ему Диармайд.

— Получится, — сказал рыжий муж, — только не делай из этого тайны. Пусть она знает и ее отец знает, что ты думаешь о ней не больше, чем о любой другой жене. Тогда к тебе придет король Подводной Страны и станет предлагать богатства за исцеление своей дочери, но ты не бери ничего, а проси только корабль, чтобы тебе возвратиться на нем в Ирландию. Ты знаешь, кто я?

— Не знаю.

— Я — посланец из Запредельной Земли и помогаю тебе, потому что ты никому не отказываешь в помощи.

Диармайд все сделал, как ему сказал рыжий муж. Он принес королевской дочери добытую в сражении чашу, воду из родника и три капли крови и исцелил ее, но едва она исцелилась, как любовь к ней покинула Диармайда и он отвернулся от нее.

— Ох, Диармайд, — воскликнула королевская дочь, — ты меня не любишь!

— Не люблю, — подтвердил Диармайд.

В это время заиграли музыканты.

Никто больше не плакал и не причитал, потому что немошь покинула юную дочь короля.

Король предложил Диармаиду невиданные богатства за исцеление любимой дочери, но ничего не взял Диармайд, только попросил у короля корабль, чтобы плыть домой к Финну и фениям.

Когда же Диармайд возвратился в Ирландию, фении встретили его не скрывая своей радости.

2. Злой Слуга

Однажды фении охотились в гордом Мунстере. Самыми короткими тропами они добрались из Алмхуина до реки Бросна в Слив Бладма, а от туда до двенадцати гор Эйблинн и Айне Клях, что значит Арфа Айне.

Они рассыпались по лесу Маг Бреогайн и, охотясь, пробирались нехоженными тропами, перепрыгивали через глубокие ямы, пересекали прекрасные луга и поднимались на высокие горы в Десмумуме, огибали пригожую Слив Крот и с пологими склонами Слив-на-Мук, шли по ровному берегу синего Байуир, опять скакали по зеленым полям Феман и бездорожной Эйтне и опять устремлялись в непроходимые леса в Белах Габрайн.

С высокой горы Финн и его вожди смотрели на охоту, ибо им нравилось слушать лай собак, возгласы быстрых мальчишек, свист и крики охотников.

А потом Финн спросил, кто из вождей поднимется выше, чтобы лучше видеть охоту, и Финнбан, сын Бресела, сказал, что он поднимется на вершину. Недолго он простоял там, оглядываясь кругом, прежде чем заметил приближающегося с востока очень высокого и очень уродливого всадника с черным щитом на спине, широким мечом на левом боку, двумя копьями на плече и в широких рваных одеждах чернее угля. И конь был ему под стать, костлявый, на подгибающихся ногах. Зато узда на нем была железная, и чудо, как у коня не отваливалась голова, а у всадника — руки, когда он то с места пускал коня в галоп, то вдруг останавливал его на бегу. К тому же он то и дело бил коня железной дубиной, и грохот от этих ударов стоял такой же, как от разбивающихся о скалы валов.

Разглядев всадника, Финнбан решил, что негоже, если тот неожиданно предстанет перед Финном и фениями, поэтому он торопливо бежал вниз и все еще рассказывал о незнакомце, когда тот показался невдалеке. Как бы ни была коротка дорога до фениев, он долго одолевал ее.

Представ перед Финном, он смиренно приветствовал его, наклонив голову и опустившись на одно колено.

Финн простер над ним руку и спросил, кто он и откуда, какого рода-племени, богат ли и знатен или беден и худ? Всадник отвечал, что не знает своего рода-племени, но он из фоморов и ездит по земле в поисках короля, который захотел бы ему платить.

— Слышал я, — сказал он, — что Финн никому не отказывает.

— Не отказываю, — согласился Финн. — И тебе не откажу. Ответь мне только, почему нет при тебе мальчика, чтобы присматривать за конем?

— Потому что нет для меня ничего хуже, чем держать при себе мальчишку. В день мне нужно столько еды, сколько ста воинам, да и того мне бывает мало, а ты хочешь, чтобы я делил ее с каким-то мальчишкой.

— Как тебя зовут?

— Гилла Декайр, что значит Злой Слуга.

— Почему же злой?

— Потому что нет ничего злее для меня, чем делать что-нибудь для моего господина. Скажи мне, Конан, сын Морны, кому больше платят — всаднику или пешему воину?

— Всаднику платят вдвое больше, — ответил ему Конан.

— Тогда зову тебя, Конан, в свидетели, что я всадник и всадником явился к фениям. А ты, Финн, сын Кумхала, и вы, фении, повторите, что будете платить мне, тогда я поставлю своего коня рядом с вашими.

Высокий воин выгащил железный недоуздок, и его конь ускакал, только его и видели, к коням фениев, которых тотчас принялся бить, и шпынять, и кусать, и убивать.

— Угомони своего коня, — сказал ему Конан, — или уведи его от остальных, а не то, клянусь землей и небом, хоть ты и обласкан Финном, я выбью из него мозги. Были всякие воины у Финна, но хуже тебя еще не бывало.

— Я тоже клянусь землей и небом, что никуда не буду его уводить, потому что нет у меня мальчишки для такой работы, а сам я не унижусь до нее.

Тогда Конан, сын Морны, сам взнуздal коня и сам привел его на то место, где был Финн.

— Никогда, Конан, ты не служил мальчиком-конюхом никому из фениев, сколько бы ни превосходили они этого фомора в рождении, богатстве или храбрости, — сказал ему Финн. — Послушайся моего совета, садись на этого коня и гони его по горам и долинам, по лугам и полям Ирландии, пока не разорвется у него сердце и не оплатит он нам за наших коней.

Конан вскочил на коня и крепко ударил его пятками, но конь даже не пошевелился.

— Я знаю, в чем дело, — сказал Финн. — Он не сдвинется с места, пока не усядется на него кто-нибудь такой же тяжелый, как его хозяин.

Тринадцать фениев сели позади Конана, и конь рухнул на землю, но все же потом поднялся.

— Ты смеешься над моим конем и надо мной, — крикнул Злой Слуга. — Не останусь я с тобой на целый год после всего, что претерпел от тебя, Финн, сегодня. Теперь я знаю. В том, что о тебе говорят, нет ни слова правды. И слава о тебе гремит понапрасну. Прощай, Финн!

Злой Слуга медленно поплелся прочь, пока между ним и Финном не встала гора, но едва он оказался по другую сторону, как подтянул плащ и побежал быстрее оленя и быстрее ласточки, только свист стоял в ушах, словно весенний ветер промчался по горам и полям.

Увидав, что хозяин бросил его, конь, несмотря на многих седоков, пустился в галоп, и Финн, глядя на тринадцать фениев, сидевших на нем позади Конана, сына Морны, разразился громким хохотом.

Конан быстро понял, что ему никак не слезть с коня, и он стал кричать фениям, чтобы они остановили его и не дали сбежать к Злому Слуге, о котором фении ничего не знали, а потом принялся ругать и поносить их.

— Пусть накроет тебя смертельная туча, Финн, — кричал он. — Пусть сын раба или вора худой крови, такой сын отца и матери, что тебя хуже, утащит у тебя все, что защищает тебя от смерти, и твою голову тоже утащит, если не последуешь ты за нами, куда несет нас Злой Слуга и не спасешь нас от него, чтобы вернулись мы в родную Ирландию целыми и невредимыми!

Повскакали со своих мест Финн и фении и бросились следом за Злым Слугой через Плешивую Гору, вдоль рек и долин в прекрасную Слив Луахра, а Злой Слуга уже вновь уселся на своего коня впереди Конана и других фениев и повернул его к морю.

Лиаган Луат из Луахара ухватил коня обеими руками за хвост, но и на волос не приблизил его к себе. Конь же поднатужился и перескочил через море вместе с Лиаганом Луатом, все еще державшимся за его хвост.

Крепко задумался Финн, как вернуть ему четырнадцать своих фениев.

— Что нам делать? — спросил его Ойсин.

— Ничего не остается, как искать Конана и других, куда бы ни унес их Злой Слуга, и вернуть их обратно в Ирландию.

— Но у нас нет ни корабля, ни ладьи.

— Сиды оставили детям Гаэла корабль, чтобы все могли плыть на нем, куда пожелают. Идем в Бейнн Эдайр, и, сколько бы нас ни было, для нас найдут подходящий корабль.

Финн повернулся к морю и вдруг увидел двух крепких воинов. У одного на спине был многоцветный щит с изображениями невиданных зверей, на боку висел тяжелый меч и на плечах лежали копья. Широкий малиновый плащ был скреплен у него на груди золотой застежкой, обрuch из белой бронзы стягивал ему волосы на голове, и золото было у него под ногами. Другой был одет точно так же. Ни разу не остановились они, пока не приблизились к Финну. Склонив головы, они опустились перед ним на колени, и Финн простер над ними руку, приказывая им сказать, кто они и откуда.

— Мы — сыновья короля Восточной Земли и хотели бы служить тебе, Финн, потому что слышали, будто нет никого в Ирландии, кто бы справедливее оценил наше искусство.

— Как вас зовут и о каком искусстве идет речь?

— Я — Ферадах, — сказал первый, — что значит Очень Храбрый. У меня есть топор и палка на ремне, и будь тут триста мужей, тремя ударами топора я бы построил корабль для всех трехсот. А от них мне было бы нужно одно, чтобы они опустили головы, пока я буду строить корабль.

— Доброе искусство, — отозвался Финн. — А в чем искусен другой воин?

— Я могу бежать за чирком через девять гор и девять полей и отыщу его на его ложе. И мне все равно, где искать — на море или на суше.

— Доброе искусство. И ты можешь помочь нам.

— Кто от тебя убежал?

Финн рассказал ему все, что сам знал о Злом Слуге.

Ферадах три раза ударил топором по палке, пока все фении стояли с опущенными головами, и тотчас в море появилось много кораблей и быстрых ладей.

— Зачем нам столько? — спросил Финн.

— Те, что нам не понадобятся, мы оставим.

Три раза крикнул Каойлте, чтобы услышали его все фении Ирландии, где бы они ни были, и поняли, что Финну грозит опасность из-за моря.

Где бы ни застал фениев крик Каойлте, они сразу отправились к Кошачьей Голове, что в западной части Корка Дуибне. Едва они собрались, как спросили Финна, что случилось и почему он призвал их к себе, и Финн рассказал им все, как было.

Потом Финн и Ойсин решили, что коли Злой Слуга унес с собой пятнадцать фениев, то и Финн должен взять с собой пятнадцать мужей, а Ойсин останется с остальными фениями охранять Ирландию от врагов.

Попрощавшись, Финн и пятнадцать мужей взошли на корабль, взяв вдоволь еды для себя и золота на всякий случай. Юноши взялись за весла, и корабль вышел покорять беспокойные горы и черные долины Великого Моря.

Вздыхались и падали зеленые валы, бешено бились они вокруг корабля, но Финн и фении не поворачивали назад, днем и ночью настороженно вслушиваясь в их грохот.

Миновали три дня и три ночи, в которые они не видели ни одного островка, а потом один из мужей, выйдя на палубу, крикнул, что прямо по курсу большой серый утес. Подойдя поближе, они разглядели гладкий, как спина угря, и круглый камень, а у его подножия следы Злого Слуги.

Тогда Фергус Сладкогубый сказал Диармайду так:

— Где твоя храбрость, Диармайд, внук Дуибне, что ты не выходишь вперед? Разве не ты рос и не учился вместе с Мананнаном Всемогущим, сыном Лира, и Энгусом Огом, сыном Дагды? Разве забыл ты все, что не можешь высадить Финна с нами со всеми на берег?

Покраснел Диармайд от этих слов, взялся за мощные шесты Мананнана, которые были при нем, покраснел еще сильнее и перепрыгнул на круглый камень. Долго глядел он вниз на Финна и остальных, но сколько ни старался, не смог перенести их на камень.

Тогда направился он вглубь острова, но вскоре встал перед ним непроходимый лес, в котором шумел ветер, кричали птицы, жужжали пчелы. Одолев его, Диармайд вышел на луг и, оглядевшись, увидел большое раскидистое дерево, рядом с ним камень, на котором лежал гладкий рог для питья и под которым бил родник. После морского путешествия Диармайда одолевала жажда, и он решил напиться из родника, но едва сделал к нему шаг, как зашумело вокруг, и он понял, что родник заколованный.

— Все равно напьюсь, — сказал Диармайд.

Вскоре он увидел, что к нему идет колдун в воинском облачении. Гнев был у него на лице, и гневно он заговорил с Диармайдом.

— По какому праву ты расхаживаешь по моим лесам и пьешь из моих родников?

Диармайд тоже разгневался, и они стали биться.

Солнце начало клониться к закату, когда колдун решил, что хватит ему биться, прыгнул в родник и был таков.

Разъяренный Диармайд увидел в кустах неподалеку стадо оленей, бросил копье и поразил одного оленя, после чего разжег костер, нарезал мясо кусками и зажарил его на ветках ореха. В ту ночь Диармайд спал, наевшись мяса и напившись воды из родника.

Проснулся он рано утром, открыл глаза и увидел перед собой колдуна.

— Похоже, внук Дуибне, — сказал хозяин родника, — мало тебе ходить по моим лесам, ты еще и оленя убил.

Опять они стали биться, нанося друг другу рану за раной, пока не наступил вечер. Диармайд убил еще одного оленя, и утром хозяин родника опять вызвал его на бой. Вечером он хотел было прыгнуть в воду, но Диармайд обхватил его руками за шею, желая удержать на земле, и сам оказался под водой. А колдун разжал его руки и исчез.

Диармайд погнался за ним и оказался на цветущем лугу, на котором стоял красивый город, а перед городскими воротами он увидел ожидавшее его воинство. Оно расступилось, пропустив колдуна, а когда за ним закрылись ворота, повернулось к Диармайду.

Но Диармайд не испугался, а ринулся на воинов, как ястреб на беспомощных птичек или волк на робких овец, убивая всех на своем пути, пока часть воинов не бросилась в лес, а другая часть — в крепость.

Израненный Диармайд улегся перед крепостными воротами, однако вскоре к нему подошел могучий воин и встал у него за спиной. Диармайд поднялся и потянулся за мечом.

— Не берись за меч, — сказал воин, — не за тем я пришел к тебе. Плохое ты выбрал место для ночлега на лугу своего врага. Пойдем лучше со мной.

Диармайд не стал спорить, и они долго шли, прежде чем впереди показался на горе город, в котором Диармайда поджидали трижды пятьдесят храбрых воинов и трижды пятьдесят застенчивых жен, и еще одна юная жена с румянцем во всю щеку и нежными руками, одетая в шелковое платье, расшитое золотыми нитками, и с королевским платом на голове.

Приветливо поздоровалась она с Диармайдом, наслышанная о нем и о фениях, уложила его на ложе в целительном доме и приложила к его ранам разные травы, отчего утром он встал здоровым, будто с ним ничего и не было.

В честь Диармайда устроили в городе пир, расставили столы и скамьи, и ни один знатный муж не сидел рядом с простолудином, и ни один простолудин не сидел рядом со знатным мужем, а все сидели как положено людям знатным и незнатным, богатым и бедным, воинам, бардам и музыкантам. Много было на том пиру съедено мяса и много выпито доброго вина, а потом вышли на середину музыканты, и они долго радовали хозяев и гостя своей игрой, а потом все пошли спать и спали, пока солнце не встало над землей.

Три дня и три ночи Диармайд прожил в городе, и каждый день веселился на пиру. А на третий день он спросил, как называется страна и кто в ней король. Герой, который привел его в город, ответил, что страна называется Подводная Страна, а король в ней тот самый колдун, с которым он бился возле родника.

— Он — мой враг, — сказал муж. — А я когда-то служил Финну, сыну Кумхала, и не было в моей жизни года счастливее, чем тот. Скажи, зачем ты приплыл к нам?

Диармайд рассказал ему о Злом Слуге.

В это время Финн и фении, решив, что Диармайд слишком долго не возвращается, связали из веревок лестницы и отправились на поиски героя.

Долго ли, коротко ли, они нашли мясо, оставшееся от его трапезы, потому что Диармайд никогда не съедал все до последней крошки.

Финн огляделся кругом и увидел вдалеке всадника на красивом черном коне с уздечкой из красного золота. Когда он подъехал, Финн приветливо поздоровался с ним. В ответ всадник наклонил голову, трижды поцеловал Финна и пригласил его следовать за ним.

Долго ли, коротко ли, они оказались возле города на большом лугу, на котором их поджидало многочисленное воинство. Три дня и три ночи Финн и фении пробыли в крепости и каждый день ели, пили и веселились на богатом пиру.

На третий день Финн спросил пригласившего его мужа, как называется страна, в которой они живут, и муж ответил, что страна называется Сорха и он в ней король.

— Один год я служил тебе, Финн, сын Кумхала, в Ирландии.

Финн и король Сорхи призвали к себе своих воинов, и, когда все собрались, появилась среди них жена-вестница.

Король спросил у нее:

— Хорошие или дурные у тебя вести?

— Дурные, — ответила жена. — У берега много кораблей и ладей, и воины с них идут по твоей земле, грабя всех на своем пути.

— Это верховный король Греции, который постановил завоевать все земли и мою страну так же, как все другие.

Король Сорхи посмотрел на Финна, и Финн понял, что он ждет от него помощи.

— Никогда я не отказывался от защиты той страны, в которой был гостем, — сказал Финн.

Финн и фении и король Сорхи со своими воинами вышли на луг и стали ждать чужеземное воинство. Едва оно приблизилось, как фении и воины короля Сорхи взялись за мечи, и вскоре чужеземцы побежали от них, словно стая испуганных птиц. Не многие из них живыми покинули Сорху, чтобы правдиво рассказать о своем поражении.

Спросил верховный король:

— Кто положил моих воинов? Не слышал я прежде о храбрых ирландцах, да и об их подвигах в былые времена или теперешние никто мне не рассказывал. Клянусь, изгоню я сыновей Гаэла на край земли!

Финн и король Сорхи поставили зеленый шатер, чтобы видно его было с кораблей греков.

Тогда король Греции кликнул подмогу, желая отомстить за свое воинство Финну и королю Сорхи, и к нему пришли королевские сыновья из восточных и южных земель, но не выстояли они против Финна, и Осгара, и Ойсина, и Голла, сына Морны.

Пришлось королю Греции спешно возвращаться домой, чтобы не положить убитыми всех своих воинов.

Финн и король Сорхи вновь призвали к себе всех воинов до единого, но едва они собрались, как вдалеке показалось могучее воинство с многоцветными флагами. У каждого воина на боку висел серый меч, а высоко над головой сверкали на солнце по два копья. Впереди ехал на коне Диармайд, внук Дуибне.

Узнал его Финн и послал к нему Фергуса Сладкогубого узнать, где он был и что делал.

Долго они рассказывали друг другу обо всем, что с ними приключилось, а потом Финн принудил Злого Слугу вернуть фениев. Злой Слуга

привез их в Ирландию, и все фении смотрели, как он скачет прочь на своем длинноногом коне, пока он не исчез с их глаз и всю землю до моря не заволокло туманом.

Вот и весь сказ о Злом Слуге и подвигах Диармайда в Подводной Стране.

Кнок-ан-Айр

1. Талк, сын Трена

Однажды фении собрались вместе, чтобы совершать подвиги и кидать камни, и с ними был друид из Тары, который сказал Финну так:

— Финн, я боюсь. Грядет великая беда. Погляди на черные кровавые тучи, что сошлись над нашими головами. Боюсь, предвижу я гибель фениев.

Финн поднял голову и, поглядев на черные кровавые тучи, позвал Осгара. Осгар тоже поглядел на тучи и сказал так:

— Нечего тебе бояться, Финн. Есть еще сила в твоих руках, и воины твои с тобою.

Тогда все фении поглядели на тучи, и одни возвеселились, а другие опечалились.

Друид дал Финну совет собрать все отряды и разделить их на два равных воинства, чтобы они зорко стерегли границы Ирландии.

Громко крикнул Финн, и фении тотчас откликнулись на его зов, и каждый пожелал явиться к нему первым.

Финн приказал Осгару, Голлу и Фаолану не спать всю ночь, Конану же Плешивому сторожить в пещере Лиат Ард, чтобы враги не застали фениев врасплох.

— Ты громче всех кричишь, поэтому я ставлю тебя предупредить нас, если случится неладное.

— Если случится неладное, а я буду один, то меня убьют и я никого не сумею предупредить. Дай мне еще фениев в подмогу.

— Негоже тебе, Финн, отказывать Конану, — сказал сын Лугайда, — потому что ты кричишь громче всех фениев.

— Говори что хочешь, но один я не пойду сторожить Финна и фениев.

— Иди, Конан, — сказал ему Осгар. — С тобой будет Аодх Беаг. Берите псов Брана и Skeолана, Фуайма и Феарагана. И не спорь больше.

Конан отправился в пещеру, и с ним Аодх Беаг и псы Финна.

Сам Финн лег спать и заснул, и во сне увидел своего сына Аодха Беага с отрубленной головой, а потом увидел, как Голл бьется с могучим мужем. Когда Финн проснулся, он призвал к себе друида, чтобы тот растолковал ему значения сна.

— Великая беда грозит фениям, — сказал друид, — но ни Аодх Беаг, ни Голл не будут ни убиты, ни ранены.

Вскоре услышал Финн громкий крик и сам крикнул тревогу, когда увидел бегущего Конана и своих псов. Едва Конан приблизился, Осгар спросил его, где Аодх Беаг.

— Он был возле входа в пещеру, когда я в последний раз видел его, — ответил Конан. — Не он испугал меня.

— Кто же тебя испугал?

— Я сам себя испугал.

Что было мочи бросился Осгар в Лиат Ард и увидел, что Аодх Беаг бесстрашно сторожит покой фениев, прислушиваясь, не раздастся ли поблизости звон щитов. Осгар велел ему возвращаться вместе с ним к фениям, и едва они приблизились к Финну, как увидели неподалеку большое воинство.

Вдруг появилась прекрасная жена в малиновом платье и заговорила с Финном голосом нежным, как звуки арфы.

Финн спросил, кто она и кого ищет.

— Я — дочь Гаррайда, сына Долара Дайана Свирепого. Это я прокляла короля Греции за то, что он отдал меня мужу, преследующему меня, Талку, сыну Трена.

— Почему ты бежишь от него? Скажи, и я возьму тебя под свою защиту.

— Не зря я его ненавижу. Страшно мне глядеть на него. Кожа у него черная, как уголь, а голова и ноги кошачьи. Трижды обошла я всю землю и всех королев просила о защите, но никто мне не помог.

— Клянусь, я дам тебе защиту, — вскричал Финн, — или падут за тебя семь отрядов фениев.

В это время на лугу появился страшный Талк, сын Трена, и, не поздоровавшись, вызвал Финна на бой.

Тысяча фениев вышла против него и его воинов, и все они сложили свои головы. Ни один не вернулся живым.

Тогда Финн послал к Талку еще тысячу фениев с сине-зелеными щитами во главе с Каойлте, сыном Ронана, и их победили воины Талка.

Тогда Осгар попросил у Финна позволения сразиться с Талком, сыном Трена.

— Иди, — сказал ему Финн. — Хотя я уверен, что ты погибнешь.

Осгар встал лицом к лицу с Талком, сыном Трена, и бились они пять дней и пять ночей без сна и еды, пока Осгар не отрубил Талку голову.

Увидели фении, что победил Осгар, и громко крикнули в память о погибших и два раза крикнули в честь Осгара, одержавшего победу над Талком.

Не снесла прекрасная жена позора из-за убитых по ее вине фениев, побагровела и упала замертво.

Еще больше опечалились фении оттого, что умерла прекрасная жена, хотя все ее мучения остались позади.

2. Жена Меаргаха

Фении еще не ушли с того места, где Осгар победил Талка, сына Трена, как увидели могучего мужа во главе большого воинства, который сразу же потребовал, чтобы его провели к Финну, вождю фениев. Тихий сердцем Аодх Беаг спросил было, кто он и откуда, и услышал в ответ:

— Мал еще спрашивать меня. Никому я не буду отвечать, кроме самого Финна.

Ничего не оставалось Аодху Беагу, как вести его к Финну.

Финн спросил:

— Кто ты и откуда?

— Я — Меаргах Зеленые Копья. Никто еще не омачивал меч в моей крови, ни от кого не убежал я в страхе. Не ты ли, Финн, убил Талка, сына Трена?

— Нет, Меаргах, не я. Сильнорукий Осгар победил его в честном бою.

— Позор тебе, Финн! Зачем ты убил королеву из славного рода?

— Я не убивал ее, и фении не убивали. Она увидела, сколько погибло из-за нее воинов, и упала замертво. Но если ты хочешь отомстить за ее смерть и смерть Талка, сына Трена, вызывай на бой фения или иди себе подобру-поздорову.

Тогда Меаргах сказал, что будет биться и отомстит за Талка, сына Трена.

Осгар вышел к нему, и они бились три дня. Один раз фениям показалось, что Меаргах одолевает Осгара, и, опечалившись, они громко закричали, но в конце третьего дня Осгар отрубил Меаргаху голову, и семь отрядов фениев закричали от радости, а воинство Меаргаха запричитало-заплакало над своим королем.

Вышли вперед Киардан Быстрый и Лиаган Ловкий, сыновья Меаргаха, и вызвали на бой фениев, чтобы отомстить за отца.

Голл встал лицом к лицу с Киарданом и вскоре убил его.

Конан встал лицом к лицу с Лиаганом, и Лиаган посмеялся над ним:
— Иди прочь, плешивый муж!

Конан поднял меч и отрубил ему голову.

Тогда вышел Фаолан и сказал, что Конан опозорил себя, не выдержав честный бой. И Конан крикнул:

— Если бы я мог одним ударом положить все воинство, я бы сделал это, и никто бы не спас его от меня. Нет на мне вины!

Тогда сошлись лицом к лицу два воинства и уже готовы были сразиться, как появилась на лугу прекрасная золотоволосая жена вся в слезах, и воины опустили мечи. Воины Меаргаха узнали свою королеву Айльне Светлолицую и закричали от горя, а фении лишь молча на нее смотрели.

Айльне Светлолицая спросила, где ее муж и ее сыновья.

— Великая королева, — ответил ей Финн, — хоть были они могучи и храбры, не выстояли они против фениев.

Услыхала это королева и заплакала еще горше. Подошла она к тому месту, где лежали ее муж и сыновья, встала над ними, распустила свои золотые волосы и оплакала их. Ее воины вторили ей, и даже фении опечалились.

Она сказала так:

— *О Меаргах Зеленые Копья, много раз бился ты, много раз сражался вместе с твоим воинством и один.*

Ни разу не был ты ранен, уж мне ли не знать, не храбрость, а предательство погубило тебя.

Далеко ты подался, далеко от своей земли в Иннисфайл, к Финну и фениям, чтобы предательством погубили тебя и твоих сыновей, всех троих.

Горе мне! Предатели-фении погубили моего мужа и моих двух сыновей, двух могучих мужей, не знавших себе равных в жестокой битве.

Горе мне! Не надо мне ни еды, ни питья! О горе! Нет мне покоя. Издалека пришла я искать убитых героев.

Горе мне! Разрушен мой дом. О горе! Где мои защитники, мои щиты? О горе! Мearгах и Киардан! О горе! Лиаган широкогрудый!

Горе мне! Где мои защитники? Где мои заступники? О горе! Нет у меня сил, нет власти! О горе! Черно все вокруг. Ничего не осталось у меня, кроме моего горя.

Горе мне! Где моя радость и счастье мое? О горе! Покинули меня храбрость и сила. В горе отныне буду я жить.

Горе мне! Мой муж покинул меня. О горе! Возлюбленный мой единственный. О горе! Мое богатство, мое королевство. О горе! Герои мои, щедрые сердцем.

Горе мне! Ложь мое и сон мой. О горе! Мои дороги и встречи мои. О горе! Мой водитель и мои сыновья. О горе! Мои три воина.

Горе мне! Красота моя и мои украшения. О горе! Мои алмазы и мое богатство. О горе! Мои сокровища. О горе! Мои три Свечи Доблести.

Горе мне! Мои друзья и мои родичи. О горе! Народ мой и мои слуги. О горе! Отец мой и моя мать. Горе мне, нет вас в живых.

Горе мне! Мои возлюбленные воины. О горе! Мое здоровье О горе! Мои дети, свет мой. О горе! Нет мне жизни, коли нет вас в живых.

Горе мне! Ваши копья и ваши мечи. О горе! Ваша нежность и ваша любовь. О горе! Ваша страна и ваш дом. О горе! Нет вас рядом со мной.

Горе мне! Мои берега и мои причалы. О горе! Мое богатство и мое будущее. О горе! Мое величие и мое королевство. Горевать мне и плакать теперь до самой смерти.

Горе мне! Счастье отвернулось от меня. О горе! Мое воинство. О горе! Мои гордые львы.

Горе мне! Мои игры и мои вина. О горе! Моя музыка и мое веселье. О горе! Мой солнечный дом и мои жены. О вас я плачу, и вы в беде.

Горе мне! Мои земли и моя охота. О горе! Мои могучие воины. Ох! Горе мне! Далеко от дома полегли вы от рук фениев.

Я знала Великое воинство сидов билось над моим домом в воздушных долинах. Поняла я, что будут убиты мои три славных героя.

Я знала по громким крикам и воплям сидов, что грозит мне беда. Вашу смерть они предрекали.

Я знала в то утро, когда мои три добрых мужа покинули меня, когда увидала я кровавые слезы на их щеках, знала я, что не вернутся они ко мне с победой.

Я знала по крикам Вороны Сражений над вашим домом с тех пор, как ушли вы, красивые и грозные, знала я, что беда неминуема.

Помню я, мои могучие воины, как говорила я вам не раз, чтобы не ходили вы в Ирландию, если хотите радоваться победам.

Я знала по крикам ворона по утрам, знала я, что неминуема смерть моих героев, что никогда не вернуться они в свой дом к своей матери.

Я знала, мои великие воины, по тому, как забыли вы поводки ваших собак, что не видеть вам больше солнечный свет, не уйти от предательства фениев.

Я знала по полетам орла каждый вечер над моим домом, знала я, что скоро услышу недобрые вести о моих героях.

Я знала по качанию дерева перед моим домом, знала я, что никогда не вернетесь вы с победой от предателя Финна, сына Кумхала.

Услыхала Грайне, жена Финна, последние слова чужеземной жены, и гнев охватил ее. Она сказала так:

— Не поноси Финна и фениев, королева, потому что не предавали и не обманывали они ни твоего мужа, ни твоих сыновей, а честно бились с ними.

Айлне не ответила ей и даже не повернулась к ней, словно не слышала ничего. Она причитала и плакала над телами своих возлюбленных:

— *Я знала, когда глядела вам вслед в то утро, по ворону, летавшему перед вами, знала я, что недоброе он предвещает вам.*

Я знала по печальному вою собак Киардана каждый вечер, знала я, что скоро услышу я недобрые вести о вас.

Я знала по покинувшим меня снам, по моим ночным слезам знала я, что не будет вам удачи.

Я знала по печальным видениям, будто лежу я без рук, без ног, знала я, что не вернетесь вы домой.

Я знала по печальному вою Уитнин, любимой гончей Лиагана, по ее печальному вою каждое утро знала я, что смерть ждет моих трех героев.

Я знала, когда увидела вдруг на месте дома озеро крови, знала я, что мои три героя погибнут от руки лживого Финна.

— Не поноси Финна, — вскричала Грайне, — пусть даже разбили они тебе сердце! Перестань поносить фениев и Финна! Если бы твои герои оставались дома, а не пришли бы мстить за сына Трена, ничего бы с ними не случилось.

— Я бы не поносила фениев, Грайне, — сказала Айлне, — если бы мои воины сражались в честном бою, но они убиты и некому сказать правду. Похоже, их заколдовал друид, иначе не уступили бы они в битве.

— Будь они живы, королева, не поносили бы они фениев, а сказали бы, что пали от рук храбрых и могучих воинов.

— Не верю я ни тебе, ни фениям, — стояла на своем Айлне. — Ни один воин, вызвавший их на бой, не победил их, потому что бился честно.

— Если ты не веришь мне, прекрасная Айлне, твое воинство падет от рук фениев, и это будет честная битва.

— Ну нет! — воскликнула Айлне. — Я верю, мое воинство победит фениев в память о мертвых героях.

— Айлне, ты пришла издалека. Пойдем со мной и фениями. Мы накормим и напоим тебя.

Айлне отказалась принять еду от людей, совершающих недоброе. Так она сказала, потому что мечтала о мести за своего мужа и своих сыновей.

Поначалу было решено, что выйдут с обеих сторон по два воина, но Айлне сказала, что их должно быть по тридцать с обеих сторон, а потом сказала, что вернется домой с головой Финна или не останется в живых ни один из ее воинов.

Началась великая битва, потому что не часто выпадало фениям биться с таким сильным врагом.

Долго ли, коротко ли, но победили фении, и Айлне Светлоликая покинула Ирландию с остатками своего воинства. Никто не знал, куда она подалась.

Гора же, у западного подножия которой бились с врагами фении, стала называться Кнок-ан-Айр, что значит Гора Сражений.

3. Месть Айлне

Однажды, когда Финн и фении охотились на склоне Слиав Фуад, вышел к ним большой олень с ветвистыми рогами, постоял немного, потом повернулся и побежал прочь. Охотники — за ним. Долго скакали они, пока не оказались сначала в зеленых горах Лиадхаса, а потом в гористом Кайргине. В конце концов они потеряли оленя из виду, но Скеолан отыскал его, и он помчался обратно к Слиав Фуад. Фении за ним.

Случилось так, что Финн и Дайре Слагатель Песен, которые были рядом на той охоте, отделились от остальных и вскоре уже не знали, скажут они на запад или на восток.

Финн громко прокричал тревогу, а Дайре заиграл печальную песню, чтобы дать знать фениям, где они. Фении услышали его, но как будто издалека и то ли на востоке, то ли на севере, то ли на западе, поэтому они не знали, куда им податься.

Тем временем на Финна и Дайре опустился туман, и они тоже не знали, в какую сторону повернуть.

Неожиданно они увидели перед собой юную и пригожую жену, и Финн спросил, кто она и откуда.

— Я — Глануадх, жена Лобрахана. Мы ехали неподалеку, как вдруг он услышал лай собак и присоединился к охоте, и теперь я не знаю, где он.

— Мы тоже не знаем, где охотники, но мы позаботимся о тебе, — сказал Финн, — пока будем их искать.

Они поскакали дальше и, оказавшись у подножия горы, услышали сонную музыку сидов. Когда она стихла, кто-то закричал, зашумел, а потом опять заиграла арфа, и Финн с Дайре заснули глубоким сном.

Когда они проснулись, то увидели перед собой просторный светлый дом посреди беспокойного синего моря. По волнам к ним приблизился серый великан, поднял Финна и Дайре, тотчас лишившихся сил, перенес их в дом и закрыл дверь на железные крюки.

— Добро пожаловать, славный Финн, — проговорил он грубым голосом, — мы жаждали тебя.

Финн и Дайре сели на край ложа, и к ним вышла жена, в которой они тотчас узнали Айлне, жену Меаргаха.

— Долго я искала тебя, Финн, — сказала она, — чтобы отомстить за предательское убийство Меаргаха, моих юных пригожих сыновей, Талка, сына Трена, и всех его воинов. Ты не забыл их, Финн?

— Не забыл. Но пали они в честном бою, сраженные мечами фениев, а не моим предательством.

— Твоим предательством, — возразил ему Серый Муж. — И милая Айлне своим горем подтверждает это. И ее сильное воинство, горюющее о ней, тоже.

— Кем ты приходишься Айлне, муж с грубым голосом? — спросил Финн.

— Братом.

Сказав так, Серый Муж наложил колдовские путы на Финна, и на Дайре, и на Гланлуадх и отнес их в надежный и укромный покой.

В горе и скорби пробыли они там пять дней и пять ночей без еды, без воды и без музыки.

Когда пришла к ним Айлне, то Финн сказал ей так:

— Вспомни, Айлне, как ты пришла к фениям и как фении были добры к тебе. Не годится тебе позорить нас и морить голодом, грозя смертью.

— Грайне была добра ко мне, — печально проговорила Айлне. — Но окажись даже все фении крепко связанными, я бы лишь порадовалась их злой доле. — И она повернулась к Гланлуадх. — Почему ты рядом с Финном при живой жене?

Гланлуадх рассказала Айлне обо всем, что с ней приключилось, как она ехала со своим мужем Лобраханом по полю и он, услышав лай собак, покинул ее, а потом на землю опустился туман, и она не знала, где запад и где восток, когда увидела Финна, которого ни разу не видела прежде.

— Если так, то нет на тебе вины и не за что тебя наказывать.

Айлне позвала своего брата Серого Мужа и попросила его освободить Гланлуадх, которая в печали покидала Дайре и Финна. Едва Айлне привела ее в свой покой, как принесли мяса и вина, но от слабости Гланлуадх была не в силах пошевелить рукой, и никто не мог смотреть на нее без жалости.

Тогда Айлне принесла колдовскую чашу сидов и дала Гланлуадх отпить из нее. Тотчас воспряла Гланлуадх, и ее красота возвратилась к ней, хотя она не перестала печалиться о томившихся в путах Финне и Дайре.

— Вижу я, Гланлуадх, ты печалишься о Финне и Дайре, — сказала Айлне.

— И вправду печалюсь, потому что они страдают от голода и жажды.

— Если хочешь, можешь накормить их хлебом и водой, потому что они не должны умереть, пока я не увижу в путах все воинство фениев.

Две жены отнесли Финну и Дайре хлеб и воду, а Гланлуадх постаралась ободрить Финна и не удержалась от слез, видя его слабым в жалкой темнице. Но и ее слезы не смягчили сердце Айлне.

Тем временем Серый Муж, который слышал, как фении перевозносят музыкальный дар Дайре, захотел сам послушать его и отправился к нему в темницу.

— Сыграй мне, Дайре, — приказал он.

— Моя музыка нравилась фениям, — отвечал ему Дайре, — но не думаю, что она понравится тебе.

— Играй. Я хочу знать, правду говорят о тебе или нет.

— Я не могу играть, потому что я ослабел от твоих козней, лишивших меня мужества.

— Играй, и я расколдую тебя.

— Я не могу играть, когда Финн страдает от твоего колдовства, — отвечал ему Дайре. — Для меня видеть его в путах хуже, чем быть в них самому.

— Играй, и я расколдую его.

Серый Муж ослабил путы, приказал принести мяса и вина, и, когда Дайре заиграл, ему показалось, что он никогда не слышал музыки прекраснее. Он позвал Гланлуадх и Айльне, и им тоже понравилось, как играл Дайре, а Гланлуадх обрадовалась, что Финн и Дайре немного приободрились.

В это время фении по всей земле искали Финна и Дайре. Оказавшись поблизости, они услышали сладкозвучную арфу Дайре и очень обрадовались, что нашли обоих мужей, а потом, нимало не медля, пошли штурмом на крепость Айльне, желая во что бы то ни стало освободить их.

Однако до Серого Мужа донеслись крики фениев, и он вновь заколдовал Финна и Дайре, отчего фении сначала услышали притихшую арфу, а потом словно грохот валов, и все до единого погрузились в непробудный сон, похожий на смерть.

Стараясь не шуметь, Серый Муж и Айльне вышли из крепости и, колдовством лишив воинов сил, перенесли их в темницу, где были Финн и Дайре, которые загоревали пуще прежнего. Серый Муж и Айльне покинули их.

Много дней прошло, прежде чем Гланлуадх не выдержала и спросила Серого Мужа:

— Если тебе понравилось, как играл Дайре, почему ты не позволишь ему сыграть еще раз?

— Дайре будет играть для тебя, но он захочет играть и для Финна с фениями.

Так и было.

— Я не могу играть, когда фении в беде, — сказал Дайре, — потому что если фении в беде, то я тоже в беде и не могу услаждать слух сладкими звуками, пока страдает хоть один фений.

Когда Серый Муж ослабил колдовские путы, Дайре взял в руки арфу и заиграл то нежно, то воинственно, а потом запел о беде, пришедшей к фениям. На это Серый Муж сказал, что вскоре ни одного фения не останется в живых, и арфа Дайре оплакала героев Ирландии. А потом Финн приказал Дайре играть весело, чтобы ободрить фениев, и Дайре играл, как он приказал ему.

Долго томились фении в темнице. Время от времени к ним приходил брат Айлне и то одному, то нескольким воинам отрубал головы, а остальные не могли шевельнуть ни рукой, ни ногой из-за его колдовства.

Когда же Серый Муж решил отрубить голову Конану Плешивому, Конан собрал все силы и отпрыгнул в сторону, лишившись кожи со спины. Но потом он подошел к Серому Мужу и жалобно проговорил:

— Остановись! Хватит с тебя на этот раз. Подожди убивать меня. Прежде исцели, а потом уж лишай жизни.

Говорил он так, потому что от Гланлуадх знал о целебной чаше Айлне. пожалел его Серый Муж, отнес к Айлне и приказал ей лечить фения.

— Нет, — ответила ему Айлне. — Нечего тянуть время. Лучше тебе сразу покончить со всеми фениями.

— Айлне Светлоликая, я не прошу тебя спасти меня от смерти, но не могу же я умереть без кожи на спине.

Айлне принесла овечью шкуру, и она приросла к спине Конана, словно была там всегда.

— Я не убью тебя, Конан, — сказал Серый Муж, — если ты навсегда останешься со мной.

— Бойся его! — вскричала Айлне. — Не жить тебе отныне в мире и покое. Предательство в его сердце, ведь он фений!

— Чего мне бояться? Я решил не медлить больше и положить всех фениев до единого.

С этими словами он принес Конана туда, где Айлне хранила целебную чашу и подал ее ему. В это время печально и сладко заиграл Дайре, и Серый Муж не утерпел. Нимало не медля, побежал он слушать его. Вскоре за ним последовал Конан, и Серый Муж спросил, куда он дел целебную чашу.

— Я оставил ее там, где она была, во всем ее могуществе, — ответил ему Конан

Серый Муж поспешил в сокровищницу, а Конан выгнал чашу и всем фениям, и Финну, и Осгару, и остальным, дал отпить из нее. Слабые и несчастные мужи вновь обрели силы и мужество.

Серый Муж быстро понял, что случилось, взялся за меч и бросился на Конана. Конан же призвал на помощь Осгара. И Осгар бился с Серым Мужем, пока не одолел его и не отправил в страну смерти.

Опечалилась и испугалась Айльне, и так велик был ее страх, что упала она замертво.

Возвеселились фении и, опустошив кладовые, задали великий пир в честь победы над Серым Мужем и Айльне, а утром они проснулись в чистом поле. Крепость исчезла, словно ее никогда не было.

Конан же навсегда остался с овечьей шкурой на спине, на которой каждый год отрастала шерсть, как это бывает со всеми овцами.

Гибель фениев

1. Ссора с сыновьями Морны

Однажды, когда фении отправились на охоту, Черный Гаррайд и Каойлте сидели рядом с Финном и говорили о битве, в которой сложил голову Кумхал, отец Финна.

И Финн попросил Гаррайда:

— Расскажи мне, как погиб мой отец, ведь ты был там.

— Расскажу, коли ты просишь, — сказал Гаррайд. — От моей руки и рук всех сыновей Морны пал твой отец.

— Не по-доброму дружат со мной сыновья Морны, — отозвался на это Финн.

— Если ты думаешь, что мы дружим с тобой не по-доброму, то не говори, будто любишь нас, а скажи правду о своей ненависти к сыновьям Морны.

— Если сыновья Морны принудят меня поднять на них руку, то я один справлюсь с ними без чьей-либо помощи, — пригрозил Финн.

— Своим искусством Кумхал взял над нами верх, а когда взял верх, то отправил в дальние королевства, одних — в Албан, других — в черный Лохланн, третьих в солнечную Грецию. Шестнадцать лет провели мы вдали от Ирландии и немало страдали в разлуке друг с другом. В первый же день, когда мы возвратились, — продолжал он, — мы убили шестнадцать сотен мужей, и ни одного из них, даю тебе слово, не оплакивало меньше ста мужей. Мы забирали себе их крепости и шли дальше, пока не встретились в Мунстере возле дома с красными стенами. Однако

столь велика была храбрость хозяина дома, твоего отца, что нам легче было отыскать его, чем убить. Но мы убили всех, кто был с ним, а потом ворвались в его дом, и каждый из нас нанес ему удар копьем. Я тоже там был, и мой удар был первый. Если хочешь, Финн, отомсти мне.

Вскоре Финн устроил для вождей пир в Алмхуине, и на него пришли два сына короля Альбана и другие сыновья других королей со всей земли.

Едва все расселись, как служившие на пиру воины взяли в руки роги для вина, сработанные искусными мастерами и украшенные драгоценными камнями, и налили в них вино для героев. Закружились головы у юношей, возвеселились духом мужи, подобрили жены, мудрее стали барды.

Поднялся со своего места глашатай и потряс железной цепью, чтобы умолкли шуты и слуги, потом потряс серебряной цепью, чтобы умолкли знатные мужи и вожди фениев, ученые мужи и барды фениев. Стих шум, и все стали слушать.

Поднялся со своего места Фергус Сладкогубый и спел Финну старинные песни его предков, за что Финн, Ойсин и сын Лугайда щедро вознаградили его. Потом он подошел к Голлу, сыну Морны, и спел ему о битвах и подвигах, о богатстве и о возлюбленных его предков, и радовались сыновья Морны, внимая ему.

Спросил Голл:

— Где моя вестница?

— Я здесь, король фениев, — сказала она.

— Принесла ты мне дань от Лохланна?

— Принесла, король.

Она встала и положила на пол перед Голлом слиток из чистого золота величиной с крупную свинью, который и могучий воин не смог бы поднять. Голл развернул его и отдал Фергусу, потому что всегда платил золотом, или серебром, или драгоценными камнями оstromу на слова барду, музыканту со сладкозвучной арфой, мудрецу из Ирландии или Альбана.

Спросил его Финн:

— С каких пор ты, Голл, берешь дань с мужей Лохланна, которую они всегда платили мне и которую собирают с них Сайаран, сын Латарне, и десять сотен мужей из его дома, хранящих мое право на дань и охоту?

Голл понял, что разгневался Финн, и сказал ему так:

— Давно, Финн, я собираю дань с мужей Лохланна, с тех времен, когда твой отец поссорился со мной и король Ирландии присоединился к нему, чтобы изгнать меня. Я отправился в Британию, завоевал страну и убил короля, но Кумхал изгнал меня и оттуда. И тогда я отправился в Фионнлохланн, завоевал его и убил короля и всех мужей его дома, но Кумхал и оттуда изгнал меня. Тогда я отправился в страну саксов, убил короля и мужей его дома, но Кумхал и оттуда изгнал меня. Я возвратился в Ирландию, бился с твоим отцом и победил его. С тех пор мужи Лохланна платят мне дань. Тебе же они платят за защиту, и ты не стал беднее из-за меня. И не гневайся на меня, потому что все, что у меня есть, я отдаю тебе и мужам Ирландии.

Однако Финн разгневался еще сильнее и сказал так:

— Ты поведал нам, как возвратился из Бейрхе, чтобы биться с моим отцом, и как убил его. Не занимать тебе смелости говорить так со мной.

— Клянусь твоей рукой, если ты будешь так же несправедлив ко мне, как был твой отец, то я и тебе отплатю тем же, чем отплатил ему.

— Нелегко тебе придется, потому что в моем доме сто мужей придется на одного твоего мужа.

— Столько же их было и у твоего отца, но все же я отомстил ему за свой позор. То же будет с тобой.

— Много же положил ты, Голл, мужей из дома Финна! — вскричал Кайрелл Белокожий, сын Финна.

А Конан Плешивый сказал так:

— Клянусь моим мечом, у Голла всегда найдется сто мужей, готовых геройски биться за него.

— И ты с ними, кривоязыкий Конан? — набросился на него Кайрелл.

— С ними, черный, немощный Кайрелл, и я докажу тебе, что Финн не прав!

Кайрелл вскочил и набросился с кулаками на Конана, но Конан перехватил его руку и сам ударил Кайрелла в зубы. И они принялись что было мочи колотить друг друга. Два сына Голла встали рядом с Конаном, Осгар пришел на помощь Кайреллу, и скоро все фении бились на стороне Финна или на стороне сыновей Морны.

Тогда поднялся со своего места Фергус Сладкогубый и поднялись другие барды, и они запели, успокаивая воинственный пыл фениев. Остановились фении, выпали у них из рук мечи, тотчас поднятые бардами,

которые не замедлили примирить вышедших на бой друг с другом ирландцев. Барды взяли с Финна и Голла клятву, что они будут хранить мир, пока верховный король Ирландии не разрешит их спор. На том в Алмхуине и порешили.

Однако ссора между Финном и Голлом разгорелась вновь, когда они стали делить свинью Мананнана.

В Дайре Тардха, что значит Дубрава Быков, в Коннахте сошлись в битве мужи Финна и сыновья Морны. Не выстояли в ней сыновья Морны, пятнадцать из их были убиты, и они постановили отныне и навеки биться против друзей Финна и друзей его воинов. Конан Плешивый подал им этот совет, потому что не терпел он мира и всегда ссорил героев, едва ему представлялся удобный случай.

Сыновья Морны держали свое слово.

В то время Финн любил одну светловолосую королеву по имени Берах Брек. Она слыла мудрой, и пригожей, и достойной самого храброго героя. И дом у нее был полная чаша, и никому не отказывала она в помощи. Кто бы ни приходил к ней в Самайн, мог оставаться до Белтайна, и никого не принуждали уходить или оставаться. Выросла же она у сыновей Морны, поэтому они явились к ней и велели ей отказать Финну, пообещав свою дружбу и защиту. Однако Берах Брек не испугалась и не захотела ради них отказывать милому Финну. Покинув сыновей Морны, она отправилась на свой корабль, но Арт, сын Морны, метнул в нее копье, и оно пронзило ей сердце. Умерла Берах Брек.

Голл же украл у Финна его любимую гончую по кличке Конбег и утопил ее в море. Волны вынесли мертвое тело собаки на берег, и фении похоронили ее у подножия зеленого пригорка. Оплакал ее Каойлте, вспомнил, как она искусно загоняла оленей и кабанов, как, загнав, убивала их, и посетовал, что негоже было топить ее в холодных зеленых волнах.

Тогда же девять жен из племени сидов пришли к девяти мужам Финна, и сыновья Морны, выследив, убили их.

Повстречав Голла, Каойлте бросил в него копье и сбил с него шлем, оцарапав ему голову. Однако Голл не поколебался в своей гордости, вновь надел шлем и взял в руки меч, крикнув своим братьям, что нет урона его чести.

Финн повсюду искал сыновей Морны, чтобы отомстить им. Одно время они убивали и грабили в Слив Эхтге, названном в честь дочери Нуады Сребрурукого, а Финн и фении искали их на западе в Слив

Кайрн, что в Коркомруаде. Не знал Финн, отправились они потом в Мунстер на юг или в Коннахт на север, поэтому он послал Аэдана и Кахала, сыновей короля Улада, и двести мужей с ними в прекрасный Коннахт, а сам продолжал переезжать с места на место, не желая упустить Голла и его братьев.

В конце концов три отряда фениев заметили следы на дороге в Коркомруаде и решили, что это следы воинства сыновей Морны. Они догнали их и убили всех до одного, а при свете дня обнаружили, что убили сыновей короля Улада, и трижды громко крикнули, и оплакали убитых по ошибке.

Каойлте и Ойсин поскакали в Рат Медбу и положили большой камень на могилу королевских сыновей, который называли Лиа-ан-Имракайл, что значит Камень Ошибки. А то место, куда Голл привел своих воинов, когда отделился от Финна, называли Друимскарта, что значит Гора Расставшихся Героев.

2. Смерть Голла

В конце концов встретились Голл и Кайрелл, сын Финна, сначала сказали друг другу много поносных слов, а потом бились в море недалеко от берега, и Голл убил Кайрелла. Разгневался и опечалился Финн, увидев, что лежит его могучий сын бездыханный, словно сломанная ветка.

Голл же скрылся в пещере, желая переждать там, пока утихнет ярость Финна.

Один Осгар знал, где Голл, потому что был с ним рядом во многих битвах, и он поскакал к нему. Голл же подумал, что идет враг, и бросил копье в Осгара, вдребезги разбившее его щит, но не ранившее его самого. Финн увидел щит, и Осгар рассказал, что произошло с ним, отчего Финн разъярился еще сильнее и послал своих мужей стеречь все дороги и тропинки, что вели к пещере, где прятался Голл, и убить Голла, если они увидят его.

Когда Голл узнал об этом, он не попытался бежать, но остался в пещере, где не было ни еды, ни воды и где он ослеп от песка.

Его жена пришла и встала на горе, с которой он мог слышать ее.

— Приди ко мне, — крикнула она. — Зачем слепнешь ты на бесплодных морских камнях? Зачем голодаешь, окруженный соленой водой?

Приходи и ложись рядом со мною. Я исцелю тебя моею лаской. Не забыть мне золото твоих волос. Зачем ты гибнешь, как травинка зимою? Зачем иссушаешь мне сердце?

Голл не мог выйти из пещеры, что бы она ни говорила ему, как бы ни молила его.

— Пусть будет как будет. Никогда не слушал я советы жен ни с востока, ни с запада. Не слушать мне их теперь. О сладкоголосая королева, зачем причитаешь надо мной? Заботься о своем золоте и серебре, о своих шелках и богатствах, заботься о семи гончих, что я дал тебе в Круадх Кейррге, пусть вырастут они сильными и гонят оленей без страха. Не проливай надо мной слезы, белорукая королева, вспомни о своем возлюбленном Аодхе, о сыне первой из первых жен на земле, который пришел к тебе из Испании и с которым бился я в Коркар-ан-Дейрг. Иди к нему. Негоже тебе оставаться одной.

Сказав так, Голл лег на камни и, когда минули двенадцать дней, умер. Его жена оплакала его, оплакала славного мужа, второго мужа среди всех фениев.

Когда Конан узнал о смерти своего брата Голла, он явился к Гаррайду и попросил его идти вместе с ним к Финну, чтобы отомстить за Голла.

— Я не пойду, — сказал ему Гаррайд, — потому что ничего у нас не получится.

— С тобой или без тебя, я все равно пойду и убью всех, кого встречу по дороге, во славу светловолосого Голла. Никто не уйдет от меня: ни Ойсин, великий сын Финна, ни Осгар, ни Каойлте, ни Дайре Слагатель Песен. Никого я не пощажу. Не желаю я почитать Финна, пусть даже убьют меня за это теперь, когда нет в живых храброго Голла. Нельзя нам медлить, пока жив Финн, пока не лежит он под могильным камнем.

Однако не пошел с ним Гаррайд, не поддался на его глупые речи.

Никто не знает, как закончил свои дни Конан. Правда, на горе Баррен, что возле Коркомруада, лежит могильный камень, и люди говорят, что под ним покоится Конан, потому что давным-давно на камне было написано старинными буквами: «Конан быстроногий, Конан босоногий». Однако в Мунстере говорят, что он похоронен на другой стороне горы Баррен, на их стороне.

3. Битва в Габхре

Мало-помалу прогневался верховный король Ирландии на Финна и фениев. Однажды, когда пришли к нему ирландцы, он приказал им припомнить все зло, что причинили им фении, все унижения и подати, которыми они их обложили.

— Пусть я умру, но больше так не будет. Ирландия должна быть свободна от фениев.

Его воины согласились с ним и решили без промедления идти войной на фениев, чтобы убить их всех до единого.

Они сказали так:

— Будем пировать и веселиться, когда освободим от них Алмхуин.

Замыслив поход против Финна, верховный король Ирландии призвал к себе на помощь всех ирландцев до единого, а потом пригласил в Тару на пир Осгара.

Бесстрашный Осгар отправился в Тару, взяв с собой триста воинов. По дороге он увидел жену из племени сидов, которая стирала в реке, отчего вода стала красной.

Осгар сказал ей так:

— Я вижу кровь на одеждах, которые ты стираешь. Ты их стираешь для мертвых?

И жена отвечала ему так:

— Скоро будут кружиться над тобой вороны на поле боя.

— От твоих слов не заплачет ни один мой воин. Скажи лучше, сколько врагов положим мы прежде, чем умрем?

— Девятьсот воинов падут от твоей руки, и еще ты смертельно ранишь верховного короля.

Осгар со своими мужами продолжил путь. Король ласково встретил его в Таре, пригласил за стол, и три дня и три ночи Осгар пировал и веселился.

На исходе третьего дня верховный король предложил Осгару поменяться копьями.

— Зачем? — спросил его Осгар. — Разве я и мое копье не защищаем тебя в битве? Ты бы не просил меня поменяться, будь тут Финн и фении.

— Просил бы, и любого другого тоже просил. А еще потребовал бы платить мне дань.

— Проси сколько хочешь золота и серебра, только не проси меня дать тебе копье.

Много они наговорили друг другу недобрых слов, и тогда верховный король сказал так:

— Семь раз заколдованное мое копье пронзит тебе сердце.

— Клянусь, — ответил ему Осгар, — девять раз заколдованное мое копье пронзит тебя между волосами надо лбом и бородой.

После этих его слов поднялись фении и покинули Тару. Когда же они остановились на берегу реки, то услышали печальную песню арфы. Разгневался Осгар, вынул меч и вместе с воинами отправился туда, где был в то время Финн. Там нашел их гонец верховного короля, который сообщил фениям, что король не желает больше платить им дань и порывает с ними отныне и навеки.

Финн, выслушав гонца, вызвал верховного короля на бой и кликнул к себе фениев. Все явились к нему без промедления, кроме тех, кто с сыновьями Морны пришел к верховному королю.

Сошлись два воинства в Габхре, куда верховный король Ирландии привел с собой двадцать воинов на каждого воина Финна.

Многих положил в тот день Осгар, пятью двадцатью сыновей Гаэла, пятью двадцатью воинов из Снежной Страны, семью двадцатью Мужей С Зелеными Мечами, которые никогда не отступали перед врагом, пятьсот воинов из Львиной Страны и пятьсот королевских сыновей. Позором покрыл себя верховный король Ирландии.

Рано поутру Осгар вышел быстрый и сильный на поле битвы, а потом он стал словно лист на ветру или подрубленная осина. Но едва он увидел неподалеку верховного короля, как прыгнул к нему, подобно могучей волне, набегающей на берег. Но король тоже заметил его, потряс копьем, и когда бросил его, упал Осгар на правое колено, опечалив фениев первой потерей.

Не сразу поддался Осгар слабости. Сначала он бросил свое девять раз заколдованное копье в верховного короля и, попав ему в висок, убил его. Увидели его воины, что убит король, сняли с него шлем и подняли его на шесте, чтобы все думали, будто он жив. Но не обманули они Осгара. Отыскал он неподалеку камень, бросил его в шлем, и раскололся шлем, а Осгар упал и умер.

В той битве пали семь сыновей Каойлте и сын короля Лохланна, который пришел на помощь фениям, а уж сколько фениев, того не считать.

Закончилась битва, и фении стали считать своих погибших товарищей. Каойлте, причитая, стоял над своими сыновьями, и остальные фении оплакивали своих родичей. Горько было смотреть, как все они лежат рядом, но еще горше было фениям оттого, что они предвидели близкий конец своего воинства.

Ойсин отыскал Осгара, который лежал на левом боку, не выпуская меч из правой руки, и много было вокруг него крови. Когда же Осгар протянул Ойсину руку и Ойсин схватил ее, то громко закричал Ойсин от горя, а Осгар сказал ему так:

— Я рад, отец, видеть тебя целым и невредимым.

Ничего не ответил ему Ойсин.

Подошел к ним Каойлте и, поглядев на Осгара, спросил:

— Как ты, мой милый?

— Хорошо, — ответил ему Осгар.

Каойлте осмотрел его рану и, когда увидел в спине наконечник копья, громко закричал. Силы покинули его.

— Ох, Осгар, ты уходишь от фениев, которым не видать теперь битв, зато придется платить дань королю Ирландии.

Подняли Ойсин и Каойлте раненого Осгара на своих щитах и отнесли его на зеленый пригорок. Сняли они с него окровавленные одежды и увидели, что все его тело в ранах и ссадинах и нет на нем ни одного живого места.

Остальные фении тоже поглядели на Осгара, и, хоть не было среди них никого, кто не оплакивал бы сына или брата, все они оплакали Осгара.

Ближе к полудню увидели фении приближавшегося к ним Финна, и они подняли на копье разорванный в клочья Солнечный Стяг. Громко приветствовали они Финна, но он не ответил им и прямо направился к тому месту, где лежал Осгар.

— Я умираю, Финн, — поздоровавшись, сказал ему Осгар.

И Финн ответил:

— Хуже было тебе, сынок, в Бейнн Эдайр, когда дикие гуси могли плавать на твоей груди, но я исцелил тебя моей рукой.

— Теперь не получится, потому что король Ирландии ранил меня семь раз заколдованным копьем.

— Почему не я погиб вместо тебя в солнечной Габхре? Почему не ты поедешь вместо меня на восток или на запад во главе фениев?

— Если бы ты пал в бою, то не услышал бы моих причитаний, потому что все думают, будто крученый рог, покрытый железом, у меня

вместо сердца. Больно мне теперь от воя собак, от причитаний старых воинов, от плача жен.

— Сын моего сына, половина от моей половины, горе мне, что лежишь ты юный и пригожий в ожидании смерти. Сердце мое бежит, как олень, и нет у меня сил глядеть на тебя и на фениев. Неудачи преследуют меня. Прощайте и битвы, и славное имя, и богатая дань. Ничего у меня не осталось.

Услышал это Осгар и закрыл глаза.

Отвернулся ото всех Финн. Потекли у него по щекам слезы. Только над Осгаром и Браном плакал он, никого не стыдясь.

Трижды громко крикнули воины над мертвым Осгаром, с которым никто не мог сравниться из фениев, кроме Финна и Ойсина.

Не счесть воинов, что полегли в Габхре, и всех их похоронили с почетом. И для сына Лугайда, который был выше всех и храбрее многих, выкопали очень широкую могилу, словно для короля. А вся вершина горы стала могилой Осгара, сына Ойсина, сына Финна.

С того дня не знал Финн ни радости, ни покоя.

Последние дни фениев

1. Смерть Брана

Однажды на охоте Бран погнался за оленихой, и они бежали навстречу Финну. Олениха закричала, увидев его:

— Если я войду в море, то не выйти мне обратно, если я поднимусь в небо, то и тогда не спасись мне от Брана.

Бран и дикого гуся мог поймать, такой он был быстрый.

— Беги у меня между ног, — разрешил ей Финн.

Олениха так и сделала. Едва Бран вознамерился тоже проскользнуть у Финна между ног, как Финн сдвинул ноги и убил его.

Опечалился Финн и заплакал, как плакал он над мертвым Осгаром.

Люди говорили, что олениха была матерью Финна и ради матери он убил Брана. Но матерью Финна была прекрасная Муирне, дочь Тадга, сына Нуады из племени сидов, и никто не слышал, чтобы она превращалась в олениху. Похоже, то была мать Ойсина.

Еще люди говорят, что Брана и Скеолана до сих пор можно видеть в лесу на горе Алмхуин.

2. Уход Ойсина

Однажды утром, когда на землю опустился туман, оставшиеся в живых фении, горюя о погибших без числа товарищах, пришли к Финну.

Они решили поохотиться возле Лох-Лейн. Кусты стояли в цвету и громко пели птицы, когда они подняли веселого, как летние листья, оленя.

Вскоре они увидели невдалеке прекрасную юную жену на белом коне. Одета она была в шелковое платье до земли, затканное золотыми звездами, и на голове у нее сверкала королевская корона. Глаза у жены были голубые и чистые, как роса на траве, волосы покрывали плечи золотыми кольцами, щеки адели, как розы, кожа казалась белее перьев лебедя, плывущего по волнам, а губы — слаще меда, смешанного с красным вином.

Упряжь тоже сверкала золотом, и седло было отделано красным золотом. Серебряная корона украшала черную голову коня, а подковы слепили глаза золотым блеском.

Жена подъехала к Финну и заговорила нежным голосом:

— Долгой была моя дорога к тебе, король фениев.

Финн спросил ее, кто она и откуда и зачем искала его, и она ответила ему так:

— Я — Ниав Золотоволосая, и нет славнее моего рода, потому что я — дочь короля Страны Юных.

— Королева, что привело тебя к нам? Муж ушел от тебя или другая беда приключилась?

— Муж не ушел от меня, — ответила ему Ниав, — потому что нет у меня мужа. Ах, король фениев, я отдала мою любовь твоему сыну Ойсину Крепкокурокому.

— Почему ты отдала свою любовь ему, а не какому-нибудь другому королю или королевскому сыну, которых несть числа на земле?

— Из-за его славного имени, а еще потому, что много слышала о его храбрости и красоте. Пусть много королей и королевских сыновей клялись мне в любви, я отдала свою любовь Ойсину.

Услышал слова девицы Ойсин и весь затрепетал от любви к ней. Взял он ее за руку и сказал ей так:

— Добро пожаловать, юная королева. Не я, а ты сияешь красотой, прекраснейшая из прекраснейших Ниав. Ты — моя звезда, и тебе я отдаю мою любовь.

— Я беру с тебя клятву героя, что ты согласен ехать со мной в Страну Юных, — сказала Ниав.

А потом она сказала так:

— Нет прекраснее страны под солнцем, деревья там всегда в листьях и цветах, и всегда на них зреют плоды.

Там вдоволь меда и вина, и всего, что только пожелаешь. Пусть идет время, ты не постареешь там и не узнаешь ни морщин, ни смерти.

Ты будешь пировать и веселиться, и слушать нежную музыку, и одеваться в золото и серебро и дорогие камни.

Ты будешь выбирать меч из ста своих мечей, поверь мне, и один плащ из ста своих плащей самого дорогого шелка, и одного коня из ста своих самых быстрых коней, и одну гончую из ста своих самых добрых гончих.

Ты наденешь на голову королевскую корону короля Страны Юных, которую он сам отдаст тебе. Она охранит тебя в ночи и на солнце, в битве и в пути.

Ты наденешь золотые доспехи, возьмешь в руки острый меч с золотой рукоятью, какого не видали глаза живущих на земле.

Сто доспехов и сто атласных рубах, сто коров и сто телят, сто овец с золотым руном, сто камней, каких нет больше нигде на земле.

Сто веселых девиц, сияющих, как солнце, с голосами нежнее, чем музыка птиц, и сто храбрых воинов, умелых в битве, ждут, когда ты придешь в Страну Юных.

Все у тебя будет, что я сказала, и еще больше того, и навечно будут у тебя красота, сила и власть, и я буду твоею женой.

Ниав умолкла, и Ойсин сказал ей так:

— О прекрасная золотоволосая королева, я отдаю тебе мою любовь и готов идти с тобой, куда ты пожелаешь.

Ойсин поцеловал своего отца Финна, попрощался с ним и остальными фениями и сел на коня позади Ниав.

Весело заржал конь, и в мгновение ока оказался на берегу моря. Тут он встряхнулся, три раза подал голос и одним махом перепрыгнул через три волны.

Финн и фении увидели Ойсина далеко в море и трижды громко крикнули в великой печали.

— Горе мне, меня покинул мой сын, — сказал вождь фениев. — Никогда больше я не увижу его.

3. Смерть великих героев

Ни разу больше Финн, Ойсин и остальные фении не собирались вместе, чтобы поохотиться, сыграть в шахматы, повеселиться, послушать музыку или отправиться на битву. Да и с каждым днем все меньше их оставалось в живых.

С печалью вспоминал прежние времена старый Каойлте, потерявший своих сыновей, и однажды, когда выпало много снега, он сказал так:

— *Настала холодная зима, завыл ветер, бежит по лесу могучий олень, замерзает по ночам гора Эхтге. Трубит-зовет олень. И олень из Слиав Карне не ложится на землю, он тоже слышит пенье волков.*

Я, Каойлте, и с рыжими волосами Диармайд, и пригожий легконогий Осгар, мы часто слушали пенье волков холодными ночами. Мудрый олень лежит в яме, словно забрался под землю, холодной ночью.

Стар я стал, и нас мало осталось в живых. Прежде в морозные утра я часто потрясал храбрым копьем и часто, завидев меня, немели воинства, что мерзнут сегодня в холодной земле.

А потом он отправился к сидам, чтобы они исцелили его старые раны, и никто не знает, возвратился он от сидов или нет. Говорят, будто он много разговаривал с Патриком в то же время, что и Ойсин, но это, верно, выдумки, иначе Ойсин не жаловался бы на одиночество.

Много ли, мало ли прошло времени, король Ирландии решил объехать всю свою страну с юга на север и с востока на запад, и случилось так, что он заблудился ночью в густом лесу и не мог отыскать верную тропу.

Тогда к нему и его воинам подошел очень высокий муж, весь сверкающий, как огонь, взял под уздцы его коня и вывел его на правильную дорогу. Король Ирландии спросил его, кто он и откуда.

И он сначала ответил ему так:

— Я — твоя свеча.

А потом сказал так:

— Я был с Финном.

Король понял, что ему на помощь пришел Каойлте, сын Ронана.

Один раз трижды девять фениев с запада явились в Тару. Не было у них прежней силы, прежней власти и прежней славы, поэтому никто

не обращал на них внимания и никто не заговаривал с ними. Опечалились фении, легли на склоне горы в Таре, прижались губами к земле и умерли.

Три дня, один месяц и один год после смерти последних фениев Ирландии стоял над Лох-Деарг густой туман.

О Финне же говорили, что он умер от руки рыбака, но это, наверное, неправда, потому что не могло быть такой смерти у великого Финна, сына Кумхала. Еще говорили, что он не умер, а живет себе где-то в укромном месте и умирать не собирается.

Однажды некий кузнец отыскал пещеру и, выковав ключ к двери, вошел внутрь. Перед ним было просторное жилище, в котором на полу лежали очень высокие и крепкие воины. Посередине лежал муж, который был больше остальных, и рядом с ним — знаменитый рог фениев, поэтому кузнец не усомнился, что видит Финна и фениев.

Кузнец взял в руки рог, с трудом поднял его, поднес ко рту и дунул изо всех сил, не ожидая таких мощных звуков, от которых затряслась и едва не обрушилась на него гора. Тогда он дунул еще раз, и все воины перевернулись на бок.

Ужас охватил кузнеца, выронил он рог, выбежал из пещеры, замкнул дверь и ключ бросил в озеро. Воины же кричали ему вслед:

— Зачем ты пробудил нас? Теперь нам хуже, чем было!

Во второй раз кузнец не смог отыскать дорогу к пещере.

Однако люди говорят, что наступит день, когда рог протрубит трижды и восстанут фении такими же сильными и храбрыми, какими они были в прошлые времена. И еще говорят, что Финн, сын Кумхала, время от времени появляется на земле в облике того или иного героя Ирландии.

Барды Ирландии и Альбана воспели великие подвиги фениев, и память о них жива в народе.

Однажды два пастуха стерегли овец в горах и, сидя у костра, рассказывали друг другу о подвигах фениев, как на двух горных вершинах по обеим сторонам долины появились две большие тени и одна сказала другой:

— Послушай-ка его! Я сражался в той битве в Габхре, а он знает о ней больше меня.

Ойсин и Патрик

1. Рассказ Ойсина

Долго жил Ойсин в Стране Юных, куда его увезла прекрасная Ниав, но потом все же возвратился в Ирландию. Одни говорят, что миновали сотни лет, другие, что тысячи, но, сколько бы лет ни миновало, для него они пролетели быстро.

Никто не знает, что случилось с ним в Стране Юных, потому что нашли его, когда он возвратился в Ирландию, лежащим на земле морщинистым стариком. Даже белый конь покинул его.

В те времена люди больше всех почитали святого Патрика, поэтому Ойсина принесли к нему в дом, и святой Патрик учил его и расспрашивал. Ойсину не понравилась новая Ирландия, он часто вспоминал старые времена и оплакивал фениев.

Патрик попросил его рассказать, что было с ним после того, как он покинул Финна и фениев и ускакал вместе с Ниав, и Ойсин сказал ему так:

— Я сел на коня позади златокудрой Ниав, и, когда мы повернулись лицом на запад и спиной к земле, перед нами раскинулось море и волны расступились, указывая нам путь. Много чудесного увидели мы: города, крепости, белые дома, сверкающие солнечные дома и дворцы. Безрогий олень бежал рядом с нами, и его гнала белая с красными ушами гончая. Скакала на коне по волнам юная девица с золотым яблоком в правой руке, а за ней на белом коне скакал юноша в алых одеждах, и у него был меч с позолоченной рукоятью в правой руке.

— Говори, милый Ойсин, — попросил Патрик, — потому что ты еще ничего не рассказал нам о той стране, куда ты и Ниав держали путь.

— Страной Юных, Победной Страной называют ее, и, о Патрик, это правда. Если на твоих небесах так же красиво, как там, я буду дружить с твоим Богом.

Мы повернулись спиной к крепости, и наш конь быстрее весеннего ветра помчался по горам. Вскоре потемнело небо, поднялся ветер, под морем словно разожгли огонь, и солнце скрылось с глаз.

Недолго смотрели мы на тучи и звезды, как буря утихла и просветлело небо. Перед нами была прекрасная цветущая земля. Посреди луга с нежной травой возвышалась большая крепость, сверкавшая всеми цветами радуги, а рядом стояли солнечные дома и дворцы из блестящего

камня, сложенные искусными мастерами. Нам навстречу вышли трижды пятьдесят веселых и пригожих воинов. Тогда я спросил Ниав, не это ли Страна Юных, и она ответила мне: «Ты прав, Ойсин, и я ни в чем не солгала тебе. Ты увидишь все, что я обещала тебе показать».

Тут нам навстречу вышли сто прекрасных девиц в шелковых одеждах, украшенных золотом, и приветливо поздоровались со мной. А следом за ними сверкающее воинство, во главе которого был сильный и красивый король в золотой королевской короне, в желтых шелковых одеждах и золотом плаще. Следом за королем вышла из крепости юная королева с пятьюдесятью девицами.

Когда все собрались на лугу, король взял меня за руку и сказал: «Сто тысяч приветствуют тебя, Ойсин, сын Финна. Я скажу тебе без утайки о нашей стране. Долго ты будешь жить здесь, не зная старости. О чем ты подумаешь, то немедленно исполнится. Верь мне, Ойсин, потому что я — король Страны Юных, а это моя прекрасная королева и наша золотоволосая дочь Ниав, которая искала тебя, чтобы ты стал ей мужем на веки вечные». Я поблагодарил его, поклонился королеве, и мы направились к королевскому дому. Нас встретили знатные мужи и жены, и десять дней и десять ночей мы пиروвали и веселились.

Так я взял в жены Ниав Золотоволосую и приехал в Страну Юных, хотя печально мне теперь вспоминать об этом, Патрик из Рима.

— Говори, Ойсин С Убивающим Мечом, — попросил Патрик. — Расскажи мне, почему ты покинул Страну Юных. Давно я хочу об этом узнать. И еще расскажи, есть ли у тебя дети и долго ли ты там жил.

— Трех прекрасных детей родила Ниав, — продолжал Ойсин, — двух сыновей и пригожую дочку. Ниав назвала сыновей Финном и Осгаром, а дочери я дал имя Цветок.

Долго я оставался в Стране Юных, не зная бега времени, пока не захотелось мне повидать Финна и фениев. Тогда я попросил короля и Ниав отпустить меня в Ирландию. «Я отпущу тебя, — сказала мне Ниав, — но ты задумал неладное, потому что, боюсь я, ты не вернешься ко мне». Я успокоил мою жену, напомнив ей, что она вполне может положиться на белого коня, который примчит меня обратно живым и здоровым. «Не забудь, Ойсин, — сказала она мне на прощание, — если хоть один раз ты спрыгнешь с него, если хоть один раз коснешься ногой земли, не видать тебе никогда Страну Юных. Ах, Ойсин, в третий раз я повторю тебе. Как только ты сойдешь с коня, сразу станешь слепым и морщинистым стариком, которому не по силам ни бегать, ни

прыгать, ни веселиться. Печалит меня, Ойсин, что ты хочешь повидать Ирландию, ведь в ней давно все переменялось и ты не встретишь ни Финна, ни фениев, потому что давно нет их в Ирландии, а есть там Небесный Отец и его святое воинство. Я целую тебя на прощание, милый Ойсин, потому что ты никогда не вернешься в Страну Юных».

Я все рассказал тебе, Патрик, и не солгал ни в одном слове. Клянусь, Патрик, будь я теперь таким, каким явился сюда, я бы перебил всех твоих людей и всем отрубил головы.

— Говори, Ойсин, — попросил Патрик, — и я привечу тебя не хуже Финна, потому что мне приятны звуки твоего голоса.

И Ойсин продолжал:

— Нечего мне рассказать тебе о моем путешествии в зеленую Ирландию, а оглядевшись тут, я не нашел следов Финна. Вскоре я увидел мужей и жен на конях, которые, подъехав поближе, пожелали мне доброго здоровья. С любопытством они глядели на меня, потому что я непохож на них и потому что выше и крепче их всех.

Я спросил, не слыхали ли они что-нибудь о Финне, и они сказали: «Нам говорили, что Финн жил в старинные времена и никто не мог сравниться с ним ни силой, ни храбростью, ни славой. О нем написано много книг сладкоголосыми поэтами Гаэла. И о его подвигах, и о подвигах фениев тоже, и нам не хватит жизни пересказать их все. Еще мы слыхали, что у Финна был красивый и доблестный сын, но к нему явилась юная девица и увезла его с собой в Страну Юных».

Когда я услышал от них, что Финна нет среди живых и ни одного фения тоже нет, опечалился я сердцем, загоревал и немедля повернулся лицом к Алмхуин, что в Лейнстере. А там ничего не осталось от великой крепости Финна и от его просторной залы, ничего я там не нашел, кроме крапивы.

Страданием исказилось лицо Ойсина, и он вскричал:

— Горе мне, Патрик! О горе мне! Горе! Недобрым было мое возвращение. Ничего не оставили мне Финн и фении на память о себе.

— Не сокрушайся так, Ойсин! Обрати свои слезы к Всемиловейшему Господу. Ничем не поможешь ты теперь Финну и фениям.

— Горе мне, — повторил Ойсин. — Навсегда обречен Финн на муки. Кто победил его после того, как сам он победил врагов без счета?

— Господь победил Финна, но не рукой воина. И фении обречены гореть в аду вместе с Финном.

— Ах, Патрик, покажи мне место, где теперь Финн и фении, и будь это ад или рай, я сокрушу его. Если же и Осгар, мой сын, храбрее которого не было воина на земле, тоже там, разве не одолел бы он любое воинство, будь оно в аду или в раю?

— Не будем спорить понапрасну, — сказал Патрик. — Лучше рассказывай дальше. Что случилось после того, как ты узнал о гибели фениев?

— Я расскажу тебе, Патрик, — ответил ему Ойсин. — Едва я повернул коня, чтобы ехать прочь, как увидел камень, в который фении опускали руки, и он был полон воды. Увидев его, я забыл обо всем на свете, соскочил с коня и в мгновение ока постарел на все те годы, что прожил в Стране Юных. Мой конь убежал от меня, бросив меня одного, слабого слепого старика, который ничего не понимает и которого никто не почитает.

Вот и весь сказ, Патрик, ни словом я не солгал тебе. Обо всем я рассказал, что случилось со мной после того, как я покинул Ирландию, а потом покинул Страну Юных.

2. Ойсин в доме Патрика

Ойсин жил в доме святого Патрика, однако не нравилось ему, как с ним обходились. Однажды он сказал Патрику:

— Твои люди говорят, что я слишком много ем, но, видит Бог, это неправда. Не могу я, Ойсин, сын Финна, быть под ярмом.

— Я уверен, что тебе дают довольно всего. Разве не съедаешь ты четверть быка, маслобойку масла и буханку хлеба каждый день? — спросил его Святой Патрик.

— Твоя четверть быка меньше четвертой части дрозда, — ответил ему Ойсин. — Ягода рябины больше маслобойки и лист плюща больше твоей буханки хлеба.

Святой Патрик обиделся на Ойсина за его слова и сказал, что все это неправда.

Разгневался тогда Ойсин, пошел туда, где были щенки, и приказал мальчику-слуге повесить на стену шкуру только что освежеванного вола, а потом бросать в нее одного щенка за другим. Все щенки падали чуть ли не замертво, зато последний вцепился в шкуру зубами и когтями.

— Этого оставь, а остальных утопи, — приказал мальчику Ойсин.

Еще он приказал мальчику отнести щенка в темное место и хорошо его кормить, но оберегать от вкуса крови и от дневного света. В конце года, испытав щенка, Ойсин назвал его Бран Ог, что значит Юный Бран.

Вскоре Ойсин приказал мальчику привести щенка и собираться в дорогу. Они отправились в путь, миновали Слив Набан, где колдуньи из племени сидов пряли нитки, и повернули на восток в Глеанн-на-Смойл. Ойсин поднял один из лежавших там камней и велел мальчику достать из ямы три вещи — великий рог фениев, железный мяч и острый меч. Взяв их в руки, он сказал так:

— Прощай день, когда я спрятал вас под камнем!

Он приказал мальчику хорошенько почистить их, а когда он это сделал, приказал дуть в рог. Мальчик повиновался, и Ойсин спросил его, не увидел ли он ничего необычного.

— Нет, — ответил ему мальчик.

— Дунь посильнее.

— Я дую изо всех сил и ничего не вижу.

Тогда Ойсин взял у него рог и сам дунул в него три раза.

— Что ты видишь?

— Я вижу три больших тучи. Они опускаются в долину. Первая туча — стая больших птиц. Вторая туча — стая птиц, которые больше первых. Третья туча — самые большие и черные птицы, какие только живут на земле.

— Что делает пес? — спросил мальчика Ойсин.

— У него глаза вылезают из орбит и шерсть стоит дыбом.

— Отпусти его.

Бран Ог бросился на самую большую птицу из всех, у которой тень была как огромная туча. Они бились, не щадя своих сил, и Бран Ог одолел птицу и напился ее крови. Обезумев, с открытой пастью и горящими огнем глазами он помчался обратно к Ойсину.

— Я боюсь, Ойсин, — сказал мальчик. — Он в ярости бежит к нам.

— Возьми железный мяч и брось в него, когда он будет близко.

— Я боюсь.

— Положи мяч мне в руку и, когда пес будет близко, поставь меня к нему лицом.

Мальчик все сделал, как сказал Ойсин, и когда Ойсин бросил мяч, то попал псу прямо в рот. Упал Бран Ог и забился в судорогах.

Ойсин и мальчик направились к мертвой птице, и Ойсин приказал мальчику разрубить ее мечом на четыре части. Внутри птицы мальчик

нашел большую ягоду рябины, какой ни разу в жизни не видел, и лист плюща величиной с буханку хлеба.

Ойсин вернулся к святому Патрику и показал ему четверть птицы, что была больше четверти вола, ягоду рябины, что была больше маслобойки, и лист плюща, что был больше буханки.

— Смотри, Патрик-звонарь, — сказал Ойсин, — нет неправды в моих словах, и никогда не было неправды в словах фениев. Мы жили с честными сердцами и сильными руками и не бросали слов на ветер.

— Нет неправды в твоих словах, — повторил святой Патрик.

Когда Ойсин совсем ослеп, каждый вечер он ставил одного из слуг себе на плечи и шел с ним проверить, не случилось ли беды со скотом. Но один раз слуги, не желая никуда идти, договорились сказать Ойсину, будто непогодится на дворе.

Первый сказал Ойсину так:

— Шумит сильно на дворе, льется вода с верхушек деревьев, даже моря из-за нее не слышно.

Второй сказал так:

— Гнутя деревья в лесу, и березы чернеют, и снег убивает птиц, такая на дворе непогода.

Третий сказал так:

— На восток повернули и белый снег, и черный дождь, холодно на дворе из-за злого снега.

Но была в доме служанка, которая сказала Ойсину так:

— Поднимайся, Ойсин, иди к белоголовым коровам. Холодный ветер вырывает из земли деревья с корнями.

Пошел Ойсин к коровам, неся на плечах слугу, который взял с собой кувшин с водой и ветку березы и вылил воду на лицо Ойсину, и Ойсин подумал, будто идет дождь. Однако, пока они шли к загону, где держали скот, Ойсин понял, что его обманули, и больше ни о чем никогда не спрашивал слуг.

3. Спор

Святой Патрик решил обратить Ойсина в христианскую веру и крестить его, однако это был нелегкий труд, потому что, если он что говорил, Ойсин не медлил с ответом. Не один раз они говорили и спорили, и вот как это было.

Патрик. Ойсин, долго ты спишь. Поднимайся и внимай псалму. Силы покинули тебя, хотя ты привык к битвам и сражениям.

Ойсин. Силы покинули меня, потому что нет больше воинства Финна. Не люблю я священников, их музыка не пленяет меня.

Патрик. Не было музыки прекраснее с сотворения мира. А ты, старый, седой и глупый, как сражаться ты думал в воинстве Финна?

Ойсин. Как сражался я, Патрик неумный, так и думал сражаться, и нечего тебе позорить меня, нечего мне стыдиться.

И слышал я музыку прекраснее твоей, как ни хвали ты своих священников. Слышал я песню черного дрозда в Лейтер Лаой, и глас рога фениев, и сладкозвучную песню дрозда в Долине Теней, и шум лады, пристающей к берегу. Лай собак приятнее мне, чем шум в твоих школах, Патрик.

Когда, играя на арфе, запевал карлик Финна, маленький Орешек, Орех моего сердца, засыпали все фении до единого.

Когда Финн спускал с поводка двенадцать своих гончих, когда бежали они на волю из Киуира, их лай был слаще для нас, чем звуки арфы и флейты.

Я расскажу тебе о Финне. Пятнадцать нас было, и мы победили короля саксов, совершившего много великих подвигов, и победили могучего короля Греции.

Девять раз мы сражались в Испании, и девятью двадцать раз в Ирландии, из Лохланна и из Восточной Земли посылали Финну дань золотом.

Горе мне! Пережил я Финна, и нет мне радости в играх и музыке. Почему не умер я вместе с фениями? Горше мне жить, чем не жить. Никогда не заключить нам мир, мне и служителю священных книг.

Был бы жив Финн, были бы живы фении, ушел бы я от священников, ушел от их колоколов. Я бы скакал за оленем в долине, я бы настиг его следом за гончими.

Проси, Патрик, своего Небесного Бога, о Финне и фениях, молись за великого мужа, нет и не было равных ему на земле.

Патрик. Не буду я просить Бога о Финне, об умном муже, против которого восстает мой гнев. Не нашел он ничего лучше, чем охотиться дни напролет в долинах.

Ойсин. Если б хоть раз побыл ты среди фениев, Патрик безрадостных священников и колоколов, забросил бы ты свои школы и забыл бы о своем Боге.

Патрик. Никто из живущих на западе и на востоке не разлучит меня с Божьим Сыном, а ты, Ойсин, бессильный бард, бойся возмездия за Божьих священников.

Ойсин. Любил Финн лай гончих в горах, когда они гнали волков из логовищ, победные крики своих гордых воинств любил Финн.

Патрик. Много чего любил Финн, но все забыли о нем с тех пор, как он умер. Нет больше ни Финна, ни гончих, и ты не вечен, Ойсин.

Ойсин. Гремит слава о Финне, с которым никто не сравнится из прежних и нынешних, из прежних и нынешних никто так не щедр, как великий Финн.

Патрик. Чем теперь поможет тебе щедрость Финна? Навсегда он в аду за предательство и самовластие.

Ойсин. Я не верю тебе, муж из Рима с белыми книгами, не может щедрый Финн, вождь фениев, быть в руках чертей и демонов.

Патрик. Навсегда в аду твой Финн, щедрый муж, не знавший счета золоту, не чтил он Господа и за то принимает муки в доме скорби.

Ойсин. Будь там сыновья Морны или сильнеешие из сильнейших сыновей Байскне, они бы спасли Финна или сами остались в том доме.

Патрик. Будь там пять королевств Ирландии, будь там семь отрядов героев-фениев, не спасти им Финна, не вызволить его, как бы ни были они сильны.

Ойсин. Были бы живы Фаолан и Голл, рыжеволосый Диармайд и храбрый Осгар, ни Бог, ни дьяволы не удержали бы Финна, вождя доблестных фениев, в своей власти.

Патрик. Ни Фаолан, ни Голл, ни все воинство фениев не вызволили бы Финна из дома скорби, где он обречен на вечные муки.

Ойсин. Что сделал Финн против Бога, за что он держит его в доме скорби? Чем плохи были его школы и его воинства? Что плохого в том, что он раздавал золото и охотился с гончими?

Патрик. Финн, вождь фениев, обречен на муки, потому что думал только о школах бардов да о своих гончих и не воздавал должное Господу Богу.

Ойсин. Ты говоришь, Патрик, распевающий псалмы, что не высвободили бы Финна фении, будь с ними даже пять королевств.

Я расскажу тебе о Финне. Пятнадцать нас было, когда одолели мы короля Британии, щедрого на пиры. Одолели мы его, потому что были мы сильными и копья наши били без промаха.

Мы одолели великого Магнуса, сына короля Лохланна, владевшего многими пятнистыми кораблями. Многие короли из дальних стран платили дань Финну.

Ах, Патрик, горе мне, если Финн, вождь фениев, томится в неволе, потому что его сердце не знает зависти и злобы, потому что его сердце жаждет побед.

Несправедливо поступает Господь, не раздавая людям еду и богатства. Никогда не отказывал Финн ни богатому, ни бедному, и за то томится он ныне в холодном аду.

Любил Финн слушать Друим Деарг, спать на берегу Эас Руадх, охотиться на оленя в долинах Ирландии.

Любил он пение дроздов в Лейтер Лан, шум волны Рудрайгхе, бившейся о берег, рев быка Маг Маойн, мычание теленка в Глеанн-да-Мхайл.

Любил шум охоты на Слив Крот, крики оленей на Слив Куа, вопли морских чаек возле Айоррус, хриплое карканье ворон на поле сражений.

Любил плеск волн, бившихся в борт ладьи, вой охотничьих собак в Друим Лис, голос Брана на Кнок-ан-Айр, грохот рек на Слив Мис.

Любил крик Осгара на охоте, лай собак, загоняющих зверя. Любил он все это, а еще любил внимать бардам, не могли наскучить ему музыка и песни.

Не мог наскучить ему треск щитов на поле сражений, хруст костей побежденных врагов, не знал он устали в битве.

Однажды мы охотились в западной стороне, хотели сравнить наших гончих.

Финн держал Брана, со мной был Скеолан, Диармайд, любимец жен, взял Феарана, а Осгар — удачливого Адхнуалла.

Конан Плешивый хвалился своим Кеарком, Каойлте, сын Ронана, — Даолом, сын Лугайда и Голл — Фуаймом и Фотраном.

В тот раз мы впервые вывели наших псов на охоту, а теперь, Патрик, я один живой изо всех.

Горе мне, Патрик, горе! Кому нужен слепой старик, забывший охоту? Не заменят твои службы моих прежних радостей!

Не загнать мне больше оленя на склоне Слив Луахр, не загнать зайца на склоне Слив Куилинн, не сразиться вместе с Финном против врагов, не послушать искусных бардов.

Не биться мне больше с мечом в руке, не делить добычу, не совершать подвиги, не любить, не охотиться. Как мне без этого жить?

Патрик. Глупый старик, забудь о прежних забавах. Не множь свои грехи. Подумай о муках, тебя ожидающих. Нет больше фениев, и тебя скоро не будет.

Ойсин. Не будет меня, но и тебя тоже не будет, Патрик с перевернутым сердцем. Если бы Конан, последний фений, не умер, недолго бы ты разговаривал.

Если бы я был таким, как в тот день, когда отдал десять сотен коров безголовой жене, что пришла в Долину Двух Волков, когда небесные птицы унесли кольцо, что я подарил ей, и она исчезла неведомо куда.

Патрик. Не мучайся, Ойсин, недолго она была с тобой, и для тебя лучше быть с живыми, чем с теми, которые умерли.

Ойсин. О медоречивый Патрик, горе тебе, почитающему священников и колокола. Не бедными были мы с Каойлте в прежние времена.

Музыкой, усыпавшей Финна, было кряканье уток на озере Трех Теснин, брань черного дрозда в Дойре-ан-Кайрн, рев вола в Долине Ягод.

Музыкой, усыпавшей Финна, был свист орла в Победной Долине, орла, сидевшего на дереве возле реки, ворчание вереска в Круахане, крик выдры в Друим-ре-Койр.

Музыкой, усыпавшей Финна, была песня черного дрозда в Дойре-ан-Кайрн, и слаще не слышал я песни.

Горе мне, что крестился я. Не дал мне твой Бог ни мяса, ни вина. Голодаю я и молюсь все время.

Патрик. Думаю, тебе от этого не хуже, старик. Получишь ты девятью двадцать хлебов, вдоволь вина и мяса. Пустой разговор затеял ты, Ойсин.

Ойсин. Пусть мой рот никогда не очистит себя перед священником, если я получу все это. Скорее завладею я домом Финна со всеми его богатствами.

Патрик. Он брал только то, что было на берегу реки или на лесном склоне крутой горы. Не верил он, и за это теперь в аду.

Ойсин. Неправильно ты говоришь. Не мясо и вино, а справедливость и дружба царили на наших пирах. Сладким было наше вино, и все его пили.

Плачу я по Диармайду и Голлу, и по Фергусу Сладкогубому, когда ты запрещаешь мне говорить о них, о новый Патрик из Рима.

Патрик. Говори о них, но прежде отдай должное Богу. Жизнь твоя на исходе, так выкинь из головы глупые мысли, старик.

Ойсин. Ах, Патрик, открой мне тайну, коли ты все знаешь. Пустят ли любимого пса со мной ко двору Всемиловитейшего Короля?

Патрик. Глупость твоя не знает предела, старик. Не пустят твоего пса ко двору Всемогущего Короля.

Ойсин. Если бы попал я ко двору Господа и со мной был мой пес, то не просил бы я для него лишней еды, а делился бы с ним своим куском.

Возьми любого героя из числа фениев Ирландии, все они были щедрее твоего Всемиловитейшего Господа и тебя, Патрик из Рима.

Патрик. Ах, Ойсин, привыкший к острым мечам, безумны твои речи. Господь щедрее всего воинства фениев.

Ойсин. Пусть нет у меня ныне силы и власти и жизнь моя прожита до конца, не ругай, Патрик, великих мужей из сыновей Байскне.

Был бы Конан со мной, часто бившийся с фениями, не сносить бы тебе головы, даже встань на твою защиту все твои священники.

Патрик. Не глупо ли, старик, все время вспоминать о фениях, когда близок твой конец и пора тебе молить о помощи Божьего Сына?

Ойсин. Я привык спать ночами на горе под открытым небом, но не привык я ложиться голодным, когда гуляют на склонах олени без счета.

Патрик. Сбился ты с пути, Ойсин, под конец жизни, запутался между прямой дорогой и кривой тропой. Сойди с кривой тропы, которая приведет тебя к вечным мукам, и Божьи ангелы воспоют над твоей головой.

Ойсин. Были бы со мной теперь Фергус и Диармайд, не спрашивали бы мы позволения у священников, сами бы выбирали себе дороги.

Патрик. Перестань, Ойсин, не хули священников, которые несут людям Божье слово. Если ты не забудешь свои поносные речи, ждут тебя великие муки за твои прегрешения.

Ойсин. Когда вождь фениев и я искали кабана в долине, то мне хуже было не увидеть его, чем всем твоим священникам потерять свои головы.

Патрик. Жаль мне видеть тебя таким безрассудным, потому что хуже это, чем твоя слепота. Был бы свет внутри тебя, обратился бы ты мечтами к небесам.

Ойсин. Что мне сидеть там без Каойлте, без Осгара, без моего отца?

Хотел бы видеть я бег оленя или барсуков между двух долин, чем все то, что обещает мне твой язык, не нужны мне небесные чудеса.

Патрик. Твои глупые мысли, старик, не принесут тебе счастья. Твои радости остались в прошлом. Прими мой совет, или не отпущу я тебя.

Ойсин. Будь сейчас со мной фении с копьями, мы бы сами решали, где нам быть, без твоих книг, твоих священников и твоих колоколов.

Патрик. Вы были, как дым костра, как река в долине, как ветер на вершине горы, все вы были такие прежде.

Ойсин. Были бы со мной мужи с крепкими мечами, как в Беарнада-Койлл, не посмотрел бы я на твоих кривоязыких болтунов.

Были бы со мной Сколб Скейне или Осгар, храбрые в сражениях, не голодал бы я вечером без мяса, когда колокол ударяет семь раз.

Патрик. Ойсин, коли лишился ты разума, слушай меня. Верю я, что забудешь ты своих фениев и обратишься душой к Властелину звезд.

Ойсин. Дивлюсь я на твои речи, священник, обошедший всю землю, никогда не отрекусь я от фениев, от моих щедрых братьев, не быть этому.

Патрик. Если бы видел ты подданных Господа, как пируют они на его пирах и всего у них больше, чем было у Финна и его знаменитых фениев.

Финн и фении принимают теперь великие муки. Обратись лучше к Божьему Сыну, почти его, не упусти своего рая.

Ойсин. Не верю я тебе, Патрик неправедный, Финн и фении там, где они хотят быть.

Патрик. Почти Божьего Сына, пока еще есть время, лучше один Бог, чем все фении Ирландии.

Ойсин. Смелы твои речи, неправедный Патрик. Будь со мной здесь Осгар, остался бы ты без языка.

Если бы Осгар, мой сын, и Господь стояли рядом на Горе Фениев и увидел бы я, что мой сын уступил ему, я бы сказал, что могучий муж — твой Господь.

Разве могут быть Бог и его священники лучше Финна, вождя фениев, щедрого мужа с правдивыми речами?

Если наверху или внизу есть какое-нибудь место лучше рая Господня, там теперь Финн и с ним все фении.

Ты сам говоришь, что щедрому мужу не место в аду страданий, но среди фениев не было не щедрых.

Спроси своего Господа, Патрик, помнит ли Он, чтобы были во времена фениев на востоке или на западе мужи храбрее их.

Фении никогда не говорили неправду, не привыкли мы к лживому слову. Правда и сильные руки спасали нас в битвах.

Не было тогда священников в храмах, хотя ты думаешь, будто нет ничего лучше, чем распевать псалмы, но крепко держали свое слово фении, и не было щедрее мужа, чем Финн.

Если бы были со мной мои фении, не ходил бы я с тобой в храм, но нет их со мной, и глухну я от колокольного звона.

Горе мне! Там, где бился я с врагами, где жил я и радовался жизни, теперь проповедует Патрик из Рима и бранятся его священники.

Горе мне! Ленивый угрюмый Конан, много обижал я тебя прежде. Почему не придешь ты ко мне теперь? Приходи, повесели себя, разбрани скупых священников.

Горе мне! Куда подевались сильные мужи, почему не приходят они мне на помощь? О Осгар, возьми в руки свой острый победный меч, приди к своему отцу, разруби мои путы.

Где могучий сын Лугайда? Горе мне! Где пригожий Диармайд? Горе мне! Каойлте, сын Ронана, вспомни о нашей дружбе! Приди ко мне!

Патрик. Замолчи, безмозглый старик! Мой Король сотворил небеса, Его волей цветут деревья, Его волей нам светят солнце и луна, зеленеют травой луга.

Ой с ин. Зачем моему королю сотворять луга и траву? Он побеждал врагов и защищал Ирландию, повсюду покрывая славой свое имя.

В любви, в играх, на охоте — везде он был первый. За шахматами и на пиру он был первый.

А где был твой Бог, Патрик, когда два мужа явились из-за моря и увезли с собой королеву Лохланна? Где Он был, когда пришел Деарг, сын короля Лохланна, у которого все щиты были золотые? Почему Небесный Король не защитил их от великана?

И Талк, сын Трена, погубивший многих фениев, пал не от руки Господа, а от руки Осгара у всех на виду.

Много побед одержали фении Ирландии, но не слышал я о подвигах Короля Святых, не слышал я, чтобы обагрил Он руки кровью врагов.

Позором покроеет себя Господь, если Финна не избавит от вечных мук, потому что Финн выручил бы его, если бы он томился в темнице.

Во имя твоей великой любви к Господу, Патрик, не забывай о великих героях, попроси за них, ныне неведомых, Небесного Короля.

Много должен мне твой Бог за то, что живу я в убожестве среди его священников без еды, без одежды, без музыки, без песен.

Много должен мне твой Бог за то, что не слышу я кличей рога, что не стерегу границы у моря, не люблю пригожих жен, за то, что страдаю я без еды. Моей последней волей я прощу Небесного Короля.

Сказал Ойсин:

— Печальна моя жизнь. Не мил мне твой голос. Не из любви к твоему Богу досыта наплачусь я, а наплачусь я досыта, потому что нет со мной Финна и фениев.

Об ирландцах и ирландских сказаниях

В России знакомство, прямо скажем, восторженное знакомство с кельтскими сказаниями началось чуть больше двухсот лет назад и довольно необычным образом.

...«Ты ль это?» — возопил герой,
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

Ну конечно, Александр Сергеевич Пушкин — «Кольна. Подражание Оссиану», примерно 1814 год. Первое же в русской поэзии стихотворение на сюжет Оссиана было написано Иваном Ивановичем Дмитриевым (1760—1837) в 1788 году, когда во время войны со Швецией поэт находился в Финляндии. Из последовавших за этим переложений «Поэм Оссиана» и откликов на них можно составить довольно толстый том прекрасных стихов В. В. Капниста, В. Л. Пушкина, Д. В. Веневитинова, С. Н. Глинки, А. И. Писарева, М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, Н. С. Гумилева и многих других, а ровно через сто лет после Пушкина другой поэт, Осип Эмильевич Мандельштам, словно подвел итог оссиановской традиции, сказав:

...Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
 Минуя внуков, к правнукам уйдет,
 И снова скальд чужую песню сложит
 И, как свою, ее произнесет.

Итак, кельтские сюжеты проникли в русскую литературу и навсегда очаровали ее. Но почему «необычное знакомство»? Потому что довольно скоро выяснилось, что «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765), то есть «галльские, иначе эрские или ирландские стихотворения», как бы принадлежащие барду III века Оссиану, или Ойсину, сыну Фингала, на самом деле принадлежат перу шотландского поэта Джеймса Макферсона (1736—1796), собирателя кельтских сказаний. Мистификация оказалась очень удачной не только для ее автора, но и для ирландских сказаний, которые, правда, приобрели несвойственное фольклору романтическое звучание, но зато стали известны всей читающей Европе.

Ирландцы, наследники кельтских, индоевропейских племен, издавна населяли остров Ирландия, где примерно в V веке распространилось христианство и появились монастыри, которые стали очагами книжной культуры и сыграли огромную роль в сохранении народных сказаний. Барды и священнослужители как будто заключили мирный договор, который послужил на пользу ирландской культуре. Скорее всего так и было, недаром величайшие ирландские святые — Патрик, посланец Церкви, Бригита, языческая богиня, и Колумб, бард из королевского рода¹.

Пережив набеги викингов в VIII—XI веках, потом нормандское завоевание, Ирландия сохранила свою богатую литературную традицию вплоть до середины XVI столетия, когда английский король Генрих VIII принял титул короля Ирландии и начал политическое и военное «умиротворение» не желавшей покоряться страны. Это продолжалось довольно долго, пока в сражении при Кинселе (1601) сопротивление Ирландии не было вроде бы окончательно сломлено, потому что окончательно оно не было сломлено никогда, о чем рассказывает едва ли не непрерывная череда ирландских восстаний против английской короны.

¹ Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. С. 15.

Одно из восстаний вспыхнуло в середине XVII столетия и продолжалось с 1641 по 1652 год, но Оливер Кромвель с чудовищной жестокостью подавил его и установил такие карательные законы, что, казалось, не только независимой Ирландии, но и Ирландии как ирландской земле больше не оправиться, ведь ее вожди и воины едва ли не толпами бежали в страны континентальной Европы. Тогда-то и появилось выражение «дикие гуси», которое прижилось в отношении покинувших родину ирландцев.

Оставшихся ирландцев выселяли с их исконных земель, ирландский язык был запрещен, и хотя, как ни странно, именно XVII веку, когда можно было лишь мечтать о возрождении, принадлежит «История Ирландии», написанная Джефри Китингом, к тому же времени относится и указ, предписывавший, по крайней мере в Мунстере, «...всех бардов и сочинителей... лишить состояния и всякого добра, заковать в колодки, покуда они не оставят свою пагубную жизнь и не обратятся к иному занятию»¹. Тогда-то и сложилась поговорка: «Что в ад, что в Коннахт». Но не только барды, хранители устной традиции, лишенные защиты когда-то могущественных ирландских вождей, были вынуждены бежать от всевластной английской короны, но и ирландские монахи, хранители письменной учености, искали прибежище в континентальной Европе, где в XVII веке появилось множество ирландских колледжей — в Саламанке, Антверпене, Париже, Бордо, Праге и др. В самой Ирландии в это время оставалось очень мало рукописных книг, — может быть, к счастью, — так как большая часть, как считалось, «пропавших» книг все же была сохранена и в конце концов вернулась на родину.

Книги шотландца Джеймса Макферсона сыграли неоценимую роль в истории кельтского фольклора, который до тех пор был достоянием бардов и монахов, если так можно выразиться, они стали границей между одной, подошедшей к концу эпохой и другой эпохой, которая только начиналась. После выхода в свет «Сочинений Оссиана» общекельтский фольклор подвергся определенному пересмотру и им всерьез занялись ученые, что очень важно, ибо носителей кельтских языков было очень мало. Но, кроме того, народные сказания, легенды и песни сослужили немалую службу в создании национальных литератур Нового времени, уже на английском языке, однако укорененных в собственном фольклоре и имеющих свои яркие особенности.

¹ Цит. по: Похищение быка из Куальнге. М., 1985. С. 385.

Влияние кельтско-ирландского фольклора на новую ирландскую литературу, появившуюся не в один день, происходило в два основных этапа, но это не значит, что, начавшись, оно прекращалось или, скажем, прекратилось к сегодняшнему дню.

Первый этап приходится на самый конец XVIII столетия, когда после недолгого затишья Ирландия вновь бурлила, готовясь к восстанию (1798 и 1801 годов), и студенты Дублинского университета, будущие участники и руководители восстания, проявляли повышенный интерес к сохранившейся ирландской музыке и песням. В это время в университете учился Томас Мур, которому было суждено стать первым ирландским национальным поэтом со всемирной славой. И дело тут далеко не только в ирландских исторических или социальных мотивах, пронизывавших все его творчество. Например, «Ирландские мелодии» (1808—1834) сразу обрели невиданную популярность в Ирландии и оказали влияние на романтическую поэзию других стран, где также стали появляться циклы национальных мелодий. История «Ирландских мелодий» такова. В 1796 году, когда Мур еще учился в университете, был издано собрание ирландских мелодий, в основе которых лежали записи, сделанные в 1792 году Дж. Макдоннелем во время традиционного фестиваля арфистов. На них-то Томас Мур и написал свои стихи, которые получили название «мелодий» и определили новый жанр лирической поэзии, большей частью основанной на исторических и легендарных национальных сюжетах, персонажах, литературных образах, тропах и обязательно положенной на национальную музыку. А так как Мур опирался на древние мелодии, которые когда-то сопровождали некие слова, то он не мог не подчинять свои стихи ритмам, отличавшимся от тех, что были приняты в английской поэзии романтического времени. Таким образом, Томас Мур сделал две важные вещи. Во-первых, он вновь привлек внимание к ирландским сказаниям и сказкам, к реальным и вымышленным героям как далекого, так и недавнего прошлого и, главное, сделал их непременно персонажами новой ирландской литературы. И, во-вторых, он с самого начала определил существенные музыкальные особенности новой национальной ирландской поэзии, которые перешли к ней из устной традиции.

Второй этап также пришелся на очень беспокойное время — конец XIX — начало XX века — в Ирландии, когда политические и социальные претензии к Англии привели к восстанию (Дублинское восстание 1916 года, среди казненных вождей которого были три поэта).

Но это время известно также движением Ирландского литературного (или культурного) возрождения, вдохновителем которого был ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс, нобелевский лауреат 1923 года, заявивший о себе поэмой «Странствия Ойсина», которая написана как диалог святого Патрика и барда Ойсина, вернувшегося из Страны Вечной Юности, и почти в точности повторяет одну из древних легенд.

*Св. Патрик. Ты стар. Ты слеп, согбен и лыс.
На сердце тяжесть. Мысли разбрелись.
Три века в мире ты блуждал
И лирой бесам угождал.*

*Ойсин. Все прежнее ушло с годами:
И копья стройными рядами,
И кудри на ветру, и громы,
И танцы, и надрыв струны,
И обнаженность в час ночной...
Но песни, пусть слова их невесомы,
Доныне странствуют, как диск луны...*

(Перевод А. Шараповой)

Сюжеты ирландских сказаний проникают не только в стихотворения и поэмы Йейтса, они также питают его драматургию, которая стала основой репертуара театра Аббатства — идейного центра Ирландского литературного возрождения. Кстати, в отличие от Томаса Мура, Йейтс в своих литературных исканиях не был одинок. Для Джеймса Стивенса, Джорджа Рассела, Джона Синга, великого Джеймса Джойса реалии ирландского фольклора были средствами самовыражения. Но это стало возможно только благодаря тому, что ирландские сказания и легенды не были лишь объектом сохранения и изучения для ученых мужей, но вошли в повседневную бурную жизнь страны и отдельного человека, как памятник на почтамте в Дублине трем казненным поэтам и вождям Дублинского восстания 1916 года, который изображает великого героя древности Кухулина, привязавшего себя к скале, чтобы умереть стоя.

Йейтс немало постарался, чтобы переложить ирландские древности для современного читателя, но, пожалуй, самая большая заслуга в популяризации сказаний принадлежит леди Августе Грегори, драматургу

и сподвижнице Йейтса в движении Ирландского литературного возрождения, которая много времени и сил посвятила пересказу мифов на английском языке и делала это с великолепной поэтической точностью.

Наследие ирландской мифологической традиции очень велико и разнообразно, однако оно не дает возможности составить реальную историческую картину жизни на острове Ирландия, о докельтском периоде которого нам, по сути, совсем ничего неизвестно. Еще до Потопа явившаяся сюда со своими спутниками Кессаир не оставила каких-то заметных следов своего пребывания на этой земле. И лишь Финтан из ее свиты пережил несколько чудесных превращений в разных животных и сохранил память о многих событиях. Потом на ирландскую землю пришел некий Партолон, и с его именем связывают не только искусство варить пиво, но и первое столкновение с фоморами, демоническими существами, немало досаждавшими ирландцам в будущем. Потом был Немед, сразившийся с фоморами и потерпевший поражение, когда спаслись лишь три брата Старн, Иарбонел и Фергус. Потом были фирболги («бешеные») — воины, с которыми связывают упрочение королевской власти и разделение Ирландии на пять королевств, и божественные племена богини Дану, которые принесли в Ирландию четыре сокровища — меч Нуады, котел Дагды, копьё Луга и камень Лиа Фаил. В сказаниях неотделимо сосуществуют псевдоистория и история, боги и герои, язычество и христианство, сказка и реальность, общечеловеческое и ирландское, рассказывая о значительных событиях в мифологизированной истории ирландского народа и об ирландском характере, каким он сложился в веках, а возможно, и в тысячелетиях.

Л. Володарская

Содержание

Валлийские сказания

Мабиногион	7
Часть I	7
Пуихл, король Даведа	7
Бранвен, дочь Хлира	24
Манавитан, сын Хлира	36
Мат, сын Матонви	47
Часть II	64
Сон Максена Вледига	64
Сказание о Хлите и Хлевелисе	69
Килхух и Олвен, или Турх Труит	73
Сон Хронабви	107
Часть III	117
Хозяйка источника	117
Передир, сын Эвраука	137
Герайнт, сын Эрбина	173
<i>О валлийцах и валлийских сказаниях</i>	<i>211</i>

Ирландские сказания

Боги	219
Завоевание Ирландии племенами богини Дану	219
Луг Длиннорукий	228

Гаэлы	260
Бессмертные	265
Кухулин из Муиртемне	281
1. Рождение Кухулина	281
2. Деяния юного Кухулина	285
3. Сватовство к Эмер	296
4. Пир Брикриу, или Словесная Битва прекрасных жен Улада	313
5. Борьба за первенство в Уладе	322
6. Единственная ревность Эмер	335
7. Единственный сын Айфе	348
8. Великий сход в Муиртемне	352
9. Смерть Кухулина	361
Фенин	373
Финн, сын Кумхала	373
Битва на Белом Берегу	391
Охота и колдовство	418
Диармайд	430
Кнок-ан-Айр	445
Гибель фениев	456
Последние дни фениев	465
Ойсин и Патрик	470
<i>Об ирландцах и ирландских сказаниях</i>	<i>484</i>